

СОДЕРЖАНИЕ:

От авторов.....	8
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (вводная глава)	8
Предмет теоретической психологии	8
История психологической науки и историзм теоретической психологии	11
Метафизика и психология.....	11
Категориальный строй психологии.....	13
Ключевые проблемы и объяснительные принципы психологии.....	18
От основ – к системе теоретической психологии.....	19
Часть первая. ПРОЛЕГОМЕНИ К ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ	19
Глава 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	20
Наука – особая форма знания	20
Теория и эмпирия.....	20
От предметного знания к деятельности.....	22

Научная деятельность в системе трех координат	26
Логика развития науки	30
Логика и психология научного творчества	35
Общение – координата науки как деятельности.....	38
Школы в науке	41
Причины распада научных школ	42
Возникновение новых школ.....	45
Школа как направление в науке	50
Личность ученого.....	51
Идеогенез	52
Категориальная апперцепция	54
Внутренняя мотивация	56
Оппонентный круг	60
Индивидуальный когнитивный стиль.....	63
Надсознательное	64
Глава 2. ИСТОРИЗМ ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	78
Эволюция теорий как предмет специального изучения	78
Проблема анализа психологических теорий	82
Предпосылки смены теорий научения.....	83
Два пути в науке о поведении.....	85
Бихевиоральные науки	90
Когнитивизм	91
Исторический вектор	94
Часть вторая. БАЗИСНЫЕ КАТЕГОРИИ ПСИХОЛОГИИ.....	98
Глава 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И КАТЕГОРИАЛЬНОЕ В СИСТЕМЕ НАУКИ	98
Теория и ее категориальная основа.....	98
Единство инвариантного и вариантного	100
Система категорий и ее отдельные блоки	101
Истоки кризиса психологии.....	104
Категории психологии и ее проблемы.....	104
Категории и конкретные научные понятия	106
Историзм категориального анализа	107
Глава 4. КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА	111
Сенсорное и умственное	112
Первичные и вторичные качества	113

Образ как подобие объекта	114
Образ и ассоциация.....	115
Проблема построения образа.....	116
Интенция как актуализация образа	117
Понятия как имена	117
Проблема образа в механистической картине мира.....	118
Влияние физиологии.....	120
Образ и действие	123
Интроспективная трактовка образа.....	124
Целостность образа.....	125
Умственный образ и слово	127
Образ и информация	131
Глава 5. КАТЕГОРИЯ ДЕЙСТВИЯ.....	136
Общее понятие о действии.....	137
Действие сознания и действие организма	139
Ассоциация как посредующее звено.....	140
Бессознательные психические действия	140
Мышца как орган познавательного действия	142
От сенсомоторного действия к интеллектуальному	144
Интериоризация действий.....	144
Установка.....	147
Глава 6. КАТЕГОРИЯ МОТИВА.....	150
Локализация мотива.....	150
Аффект и разум	151
Проблема воли.....	152
Природное и нравственное	153
Мотив в структуре личности	154
Мотив и поле поведения	155
Доминанта.....	157
Преодоление постулата о равновесии организма со средой	161
Глава 7. КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ	165
Многообразие типов отношений.....	165
Роль отношений в психологии	166
Отношение как базисная категория	168
Глава 8. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ.....	169

Переживание и развитие личности	172
Переживание и предмет психологии	175
Переживание как феномен культуры.....	175
Часть третья. МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ	180
Глава 9. КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ	180
Становление понятия "личность" в психологии.....	180
"Существование личности" как психологическая проблема.....	183
Л.С. Выготский о личности.....	190
"Диалогическая" модель понимания личности: достоинства и ограничения.....	195
Потребность "быть личностью"	198
Потребность в персонализации и мотивы поведения индивида.....	200
Личность в общении и деятельности	203
Менталитет личности	204
Теория личности с позиций категориального анализа психологии.....	207
Постулаты теории личности	209
Методологические основания теории личности.....	210
Онтологическая модель личности.....	213
Глава 10. КАТЕГОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	218
Активность как "субстанция" деятельности	218
Внутренняя организация активности.....	222
Внешняя организация активности.....	228
Единство внешней и внутренней организации активности.....	231
Самодвижение активности.....	233
Глава 11. КАТЕГОРИЯ ОБЩЕНИЯ	235
Общение как обмен информацией	236
Общение как межличностное взаимодействие	236
Общение как понимание людьми друг друга.....	238
"Значимый другой" в системе межличностных отношений.....	239
Теория ролевого поведения	243
Развитие экспериментальной социальной психологии.....	245
Принцип деятельностного опосредствования отношений людей в группе.....	248
Многоуровневая структура межличностных отношений	251
Теория и эмпирия в психологии межличностных отношений.....	254
Групповая сплоченность и совместимость	257
Сплоченность с позиций деятельностного подхода.....	260

Уровни групповой совместимости.....	262
Происхождение и психологические характеристики лидерства	264
Классические теории лидерства	265
Лидерство с позиции теории деятельностного опосредствования	268
Теория черт лидера в новом освещении.....	272
Лидерство в системе референтных отношений	275
Часть четвертая.	279
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ.....	279
Глава 12.ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА	279
Предмеханический детерминизм	279
Механический детерминизм	283
Биологический детерминизм	285
Психический детерминизм	287
Макросоциальный детерминизм	290
Микросоциальный детерминизм.....	296
Часть четвертая.	298
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ.....	298
Глава 12. ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА	298
Предмеханический детерминизм	299
Механический детерминизм	302
Психический детерминизм	307
Макросоциальный детерминизм	310
Микросоциальный детерминизм.....	316
Глава 13. ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ.....	318
Холизм.....	320
Элементаризм	320
Эклектизм	321
Редукционизм	321
Внешний методологизм.....	322
Зарождение системного понимания психики	322
Машина как образ системности	325
Система "организм – среда"	328
Зарождение принципа системности в психологии	330
Кольцевая регуляция работы системы организма.....	332
Психическая регуляция поведения	333

Системность в психоанализе	336
Модель неврозов в школе И.П. Павлова	336
Системность и целесообразность	338
Системность и проблема научения	340
Гештальтизм	342
Знаковая система.....	344
Развитие системы.....	346
Системность в исследованиях Ж. Пиаже	347
Системный подход к деятельности.....	349
Принцип системности и кибернетика.....	350
Глава 14. ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ.....	354
Развитие психики в филогенезе.....	356
Роль наследственности и среды в психическом развитии.....	364
Развитие психики и развитие личности. Проблема ведущей деятельности.....	367
Историзм в анализе проблемы ведущей деятельности	374
Социально-психологическая концепция развития личности	377
Модель развития личности в относительно стабильной среде	383
Вторая модель развития личности. Возрастная периодизация	386
Часть пятая. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ.....	392
Глава 15. ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	392
Монизм, дуализм и плюрализм	393
Душа как способ усвоения внешнего.....	394
Трансформация учения Аристотеля в томизм	395
Обращение к оптике	396
Механика и изменение понятий о душе и теле.....	398
Гипотеза психофизического взаимодействия	398
Новаторская версия Спинозы	399
Психофизический параллелизм.....	401
Единое начало физического, физиологического и психического.....	401
Успехи физики и доктрина параллелизма.....	402
Психофизика.....	403
Психофизический монизм.....	406
Физический раздражитель как сигнал	407
Ноосфера как особая оболочка планеты.....	408
Глава 16. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	411

Понятие о пневме.....	412
Учение о темпераментах	412
Мозг или сердце – орган души?	414
"Общее чувствилище"	415
Механизм ассоциаций	415
Значение проблем, открытых в период античности.....	417
Механицизм и новое объяснение отношений души и тела	420
Понятие о раздражимости.....	424
Учение о нервных вибрациях и бессознательная психика	425
Разделение рефлекса и принципа материальной обусловленности поведения.....	428
Возвращение к рефлексу как акту целостного поведения.....	429
"Анатомическое начало"	431
Переход к нейродинамике.....	433
Сигнальная функция.....	433
Глава 17. ПСИХОГНОСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	438
Контурь проблемы	438
Знание о психическом	440
Субъективное и объективное.....	440
Рефлексия о научном знании	441
КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА – ЯДРО	443
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (вместо заключения).....	443
Основные блоки категориального каркаса психологического познания	444
Литература	451

От авторов

В книге предлагается читателям (студентам старших курсов педвузов и психологических факультетов университетов, а также аспирантам кафедр психологии) целостное и систематизированное рассмотрение основ теоретической психологии как особой отрасли науки.

Учебное пособие продолжает и развивает проблематику, содержащуюся в предшествующих трудах авторов (Ярошевский М.Г. История психологии, 3-е изд., 1985; Ярошевский М.Г. Психология XX столетия, 2-е изд., 1974; Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды, 1984; Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии, 1995; Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии, в 2-х томах, 1996; Ярошевский М.Г. Историческая психология науки, 1996).

В книге рассматриваются: предмет теоретической психологии, психологическое познание как деятельность, историзм теоретического анализа, категориальный строй, объяснительные принципы и ключевые проблемы психологии. По своему существу "Основы теоретической психологии" – учебное пособие, предназначенное для завершения полного курса психологии в высших учебных заведениях.

Вводная глава "Теоретическая психология как область психологической науки" и главы 9, 11, 14 написаны А.В.Петровским; глава 10 – В.А.Петровским; главы 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 15, 16, 17 – М.Г.Ярошевским; заключительная глава "Категориальная система – ядро теоретической психологии" написана совместно А.В.Петровским, В.А.Петровским, М.Г.Ярошевским.

Авторы с благодарностью примут замечания и предложения, которые будут способствовать дальнейшей научной работе в области теоретической психологии.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

(вводная глава)

Предмет теоретической психологии

Предмет теоретической психологии – саморефлексия психологической науки, выявляющая и исследующая ее категориальный строй (протопсихические, базисные, метапсихологические, экстрапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности.

Термин "теоретическая психология" встречается в трудах многих авторов, однако он не был использован для оформления особой научной отрасли.

Элементы теоретической психологии, включенные в контекст как общей психологии, так и прикладных ее отраслей, представлены в трудах российских и зарубежных ученых.

Анализу подвергались многие аспекты, касающиеся природы и структуры психологического познания. Саморефлексия науки обострялась в кризисные периоды ее развития. Так, на одном из рубежей истории, а именно в конце XIX – начале XX столетия, разгорелись дискуссии по поводу того, на какой способ образования понятий должна ориентироваться психология – либо на то, что принято в науках о природе, либо на то, что относится к культуре. В дальнейшем с различных позиций обсуждались вопросы, касающиеся предметной области психологии, в отличие от других наук и специфических методов ее изучения. Неоднократно затрагивались такие темы, как соотношение теории и эмпирии, эффективность объяснительных принципов, используемых в спектре психологических проблем, значимость и приоритетность самих этих проблем и др. Наиболее весомый вклад в обогащение научных представлений о своеобразии самой психологической науки, ее состава и строения внесли российские исследователи советского периода П.П.Блонский, Л.С.Выготский, М.Я.Басов, С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов. Однако до сих пор не были выделены ее составляющие из содержания различных отраслей психологии, где они существовали с другим материалом (понятиями, методами изучения, историческими сведениями, практическими приложениями и т.п.). Так, С.Л.Рубинштейн в своем капитальном труде "Основы общей психологии" дает трактовку различных решений психофизической проблемы и рассматривает концепцию психофизиологического параллелизма, взаимодействия, единства. Но этот круг вопросов не выступает как предмет изучения особой отрасли, отличной от общей психологии, которая прежде всего обращена к анализу психических процессов и состояний. Теоретическая психология, таким образом, не выступила для него (как и для других ученых) в качестве особой интегральной научной дисциплины.

Особенностью формирования теоретической психологии в настоящее время является противоречие между уже сложившимися ее компонентами (категориями, принципами, проблемами) и ее непредставленностью как целостной области, как системы психологических категорий. Отмеченное противоречие авторы попытались устранить в этой книге. В то же время если бы она была названа "Теоретическая психология", то это предполагало бы завершенность становления обозначенной таким образом области. В действительности мы имеем дело с "открытостью" этой научной отрасли для включения в нее многих новых звеньев. В этой связи целесообразно говорить об "основах теоретической психологии", имея в виду дальнейшую разработку проблематики, обеспечивающую целостность научной области.

В контексте теоретической психологии возникает проблема соотношения эмпирического знания и его теоретического обобщения. При этом сам процесс психологического познания рассматривается как особого вида деятельность. Отсюда, в частности, возникает также проблема соотношения объективных методов исследования и данных самонаблюдения (интроспекции). Неоднократно возникал сложный в теоретическом отношении вопрос о том, что фактически дает интроспекция, могут ли результаты самонаблюдения рассматриваться наравне с тем, что удастся об-

рести объективными методами (Б.М.Теплов). Не получается ли так, что, заглядывая в себя, человек имеет дело не с анализом психических процессов и состояний, а только лишь с внешним миром, который в них отражен и представлен?

Важной стороной рассматриваемой отрасли психологии выступают ее прогностические возможности. Теоретическое знание является системой не только утверждений, но и предсказаний по поводу возникновения различных феноменов, переходов от одного утверждения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту.

Выделение теоретической психологии в особую сферу научного знания обусловлено тем, что психология способна собственными силами, опираясь на собственные достижения и руководствуясь собственными ценностями, постичь истоки своего становления, перспективы развития. Еще памятны те времена, когда "методология решала все", хотя процессы возникновения и применения методологии могли не иметь с психологией ничего общего. У многих до сих пор сохраняется вера в то, что предмет психологии и ее основные категории могут быть изначально взяты откуда-то извне – из области внепсихологического знания. Огромное число распространенных методологических разработок, посвященных проблемам деятельности, сознания, общения, личности, развития, написаны философами, но при этом адресованы именно психологам. Последним вменялось в обязанность особое видение своих задач – в духе вполне уместного в конце XIX века вопроса "Кому и как разрабатывать психологию?", то есть в поиске тех областей научного знания (философии, физиологии, теологии, социологии и т.д.), которые созидали бы психологическую науку. Конечно, поиск психологией в себе самой источников своего роста, "ветвлений", расцвета и появления ростков новых теорий был бы абсолютно немыслим вне обращения психологов к специальным философским, культурологическим, естественнонаучным и социологическим работам. Однако при всей значимости той поддержки, которую оказывают психологии непсихологические дисциплины, они не способны подменить собой труд самоопределения психологической мысли. Теоретическая психология отвечает на этот вызов: она формирует образ самой себя, вглядываясь в свое прошлое, настоящее и будущее.

Теоретическая психология не равна сумме психологических теорий. Подобно любому целому, она представляет собой нечто большее, чем собрание образующих ее частей. Различные теории и концепции в составе теоретической психологии ведут диалог друг с другом, отражаются друг в друге, открывают в себе то общее и особенное, что роднит или отдаляет их. Таким образом, перед нами – место "встречи" этих теорий.

До сих пор ни одна из общепсихологических теорий не могла заявить о себе в качестве теории, действительно общей по отношению к совокупному психологическому знанию и условиям его обретения. Теоретическая психология изначально ориентирована на построение подобной системы научного знания в будущем. В то время как материалом для развития специальных психологических теорий и концепций служат факты, получаемые эмпирически и обобщаемые в понятия (первая ступень психологического познания), материалом теоретической психологии являются сами эти теории и концепции (вторая ступень), возникающие в конкретных исторических условиях.

История психологической науки и историзм теоретической психологии

Неразрывно связанные области психологической науки – история психологии и теоретическая психология, – тем не менее, существенно различаются по предмету исследования. Задачи историка психологии состоят в прослеживании путей развития исследований и их теоретического оформления в связи с перипетиями гражданской истории и во взаимодействии со смежными областями знаний. Историк психологии следует от одного периода становления науки к другому, от характеристики взглядов одного видного ученого к анализу воззрений другого. В отличие от этого теоретическая психология использует принцип историзма для аналитического рассмотрения результата развития науки на каждом его (развития) этапе, вследствие чего становятся явными составляющие современного теоретического знания в наиболее значимых характеристиках и подходах. Исторический материал в этих целях привлекается для осуществления теоретического анализа.

Поэтому авторы сочли целесообразным обратиться прежде всего к деятельности российских психологов, чьи труды в силу идеологических препон оказались очень слабо представленными в мировой психологической науке. Вместе с тем предложенные для рассмотрения основы теоретической психологии можно было бы построить на материале, полученном путем анализа американской, французской, немецкой или какой-либо другой психологии. Правомерность подобного взгляда можно объяснить тем обстоятельством, что в российской психологии фактически оказались отраженными (при всех трудностях их ретрансляции сквозь "железный занавес") основные направления психологической мысли, представленные в мировой науке. При этом имеются в виду работы российских психологов И.М.Сеченова, И.П.Павлова, В.А.Вагнера, С.Л.Рубинштейна, Л.С.Выготского. Именно инвариантность теоретической психологии дает возможность рассматривать ее внутри ныне существующих и не утративших своей значимости научных школ и направлений. Поэтому для характеристики теоретической психологии нет основания использовать наименование "история психологии" и в такой же мере – "теория психологии", хотя и история, и теории психологии входят в ее состав.

Метафизика и психология

В 1971 году М.Г.Ярошевским было введено, в отличие от традиционного понятия об общепсихологических категориях, охватывающих всеобщие формы бытия и познания, понятие о "категориальном строе психологической науки"¹. Это нововведение не было результатом умозрительных построений. Занимаясь историей психологии, М.Г.Ярошевский обратился к анализу причин распада некоторых психологических школ и течений. При этом выяснилось, что их создатели оказались ориентированными на один относительно изолированный, заведомо приоритетный для исследователей психологический феномен (к примеру, бихевиоризм положил в основу своих взглядов поведение, действие; гештальтпсихология – образ и т.д.). Тем самым в ткани психологической реальности ими имплицитно была выделена якобы одна инвариантная "универсалия", ставшая основанием для конструирования соответствующей теории во всех ее ответвлениях. Это позволяло, с одной стороны,

¹ Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1971.

легче выстроить логику развития системы исследований, перехода от одних экспериментально проверенных утверждений к другим, уверенно прогнозируемым. С другой стороны, это сужало сферу применения исходных принципов, поскольку не опиралось на основания, явившиеся исходными для других школ и направлений. Введение категориального строя как базиса, на котором развиваются основные психологические понятия, имело принципиальное значение. Как и во всех науках, в психологии категории выступили наиболее общими и фундаментальными определениями, охватывающими наиболее существенные свойства и отношения изучаемых явлений. Применительно к бесчисленному множеству психологических понятий выделенные и описанные базисные категории были системообразующими, позволяющими строить категории более высокого порядка метапсихологические категории (по А.В.Петровскому). В то время как базисными категориями являются: "образ", "мотив", "действие", "отношение", рожденные, соответственно, в гештальтпсихологии, психоанализе, бихевиоризме, интеракционизме, к "метапсихологическим категориям" могут быть отнесены, соответственно, "сознание", "ценность", "деятельность", "общение" и др². Если базисные категории – своего рода "молекулы психологического знания, то метапсихологические категории можно сравнить с "организмами".

Выделение наряду с "базисными" метапсихологических категорий и соответствующих им онтологических моделей позволяет переходить к наиболее полному постижению и объяснению психологической реальности. На этом пути открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития).

Между тем этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева. С точки зрения В.Соловьева, метафизика – это прежде всего учение о сущностях и явлениях, закономерно сменяющих друг друга, совпадающих и не совпадающих друг с другом. С точки зрения В.Соловьева, противопоставление между сущностью и явлением не выдерживает критики – не только гносеологической, но и просто логической. Эти два понятия имеют для него значение соотносительное и формальное. Явление обнаруживает, проявляет свою сущность, и сущность обнаруживается, проявляется в своем явлении – а вместе с тем то, что есть сущность в известном отношении или на известной ступени познания, есть только явление в другом отношении или на другой ступени познания. Обращаясь к психологии, В.Соловьев подчеркивал (ниже используем типичную для него фразеологию): "...слово или действие есть явление или обнаружение моих скрытых состояний мысли, чувства и воли, которые непосредственно не даны постороннему наблюдателю и в этом смысле представляют для него некоторую "непознаваемую сущность"". Однако (по

² Может быть показана также возможность расширения категориального строя психологии за пределами базисного и метапсихологического уровней, что позволяет судить о предшествующих базисному уровню "протопсихологических категориях" и выстраивающихся над метапсихологическим уровнем "экстрапсихологических категориях". Эта постулируемая здесь возможность реализована в заключительном разделе книги, где конструируется общая категориальная система психологии, включающая в себя 4 уровня (24 психологические категории).

В.Соловьеву) она познается именно через свое внешнее явление; но и эта психологическая сущность, например определенный акт воли, есть только явление общего характера или душевного склада, который в свою очередь не есть окончательная сущность, а только проявление более глубокого – задушевного – существа (умопостигаемого характера – по И.Канту), на что непререкаемо указывают факты нравственных кризисов и перерождений. Таким образом, и во внешнем, и во внутреннем мире провести определенную и постоянную границу между сущностью и явлением, а следовательно, и между предметом метафизики и положительным в науке совершенно невозможно, и безусловное их противоположение есть явная ошибка.

Метафизические воззрения Владимира Соловьева имеют важнейшее значение для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии. В метапсихологических категориях проявляются сущностные характеристики базисных категорий. Вместе с тем сами метапсихологические категории могут выступать в качестве сущностных для других категорий более высокого порядка. В заключительном разделе книги они именуются экстрапсихологическими.

Метафизика – в понимании Владимира Соловьева – может стать предметом особого внимания при разработке системы теоретической психологии.

Категориальный строй психологии³

Посредством выявления категориального строя историзм психологического анализа дает историку психологии возможность перейти на позиции разработчика теоретической психологии.

Формулируя в качестве одного из принципов теоретической психологии принцип открытости категориального строя, исследователи получают возможность расширить базисные категории за счет психологического осмысления других понятий, фигурирующих в психологии, и, таким образом, могут быть построены новые диады: базисная категория – метапсихологическая категория. Так, например, к четырем базисным категориям, впервые введенным М.Г.Ярошевским при характеристике категориального строя психологии, в настоящей книге присоединяются еще две – "переживание" и "индивид". Метапсихологическое развитие этих категорий (на основе других, базисных) может быть найдено, соответственно, в таких категориях, как "чувство" и "Я".

Итак, в данный момент разработки проблем теоретической психологии может быть отмечена возможность восходящего движения конкретизации базисных психологических категорий в направлении метапсихологических категорий различной степени обобщенности и конкретности. Вырисовывается следующий ряд гипотетических соответствий между базисными и метапсихологическими категориями:

Образ	→	Сознание
Мотив	→	Ценность
Переживание	→	Чувство
Действие	→	Деятельность
Отношение	→	Общение
Индивид	→	Я

³ Совместно с В.А. Петровским.

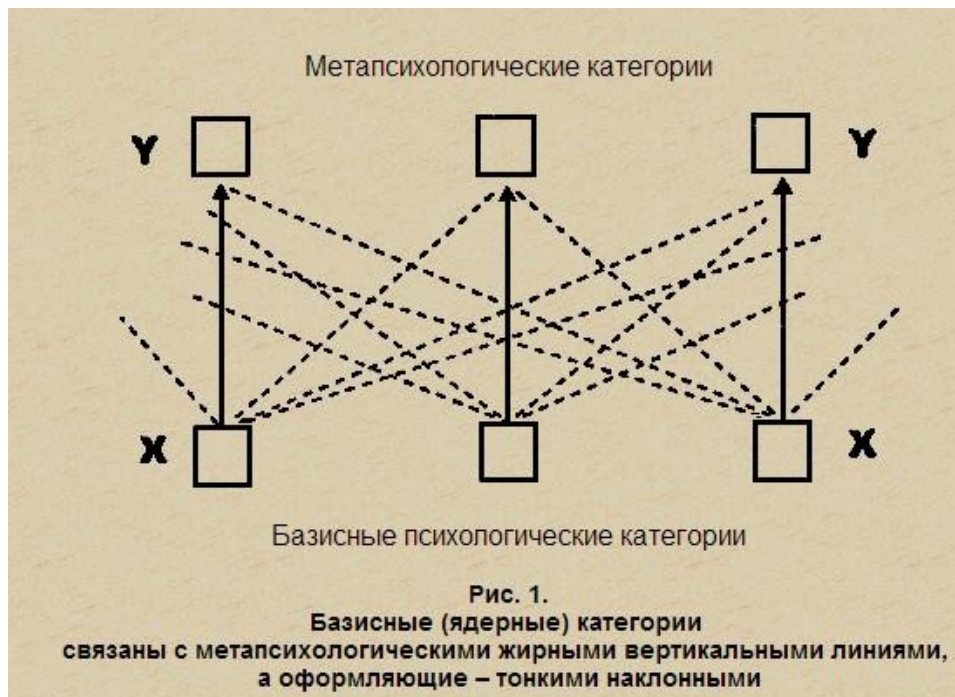
Определяемое ниже соотношение базисных и метапсихологических категорий может быть осмыслено следующим образом: в каждой метапсихологической категории раскрывается некоторая базисная психологическая категория через соотношение ее с другими базисными категориями (что позволяет выявить заключенное в ней "системное качество"). В то время как в каждой из базисных категорий каждая другая базисная категория существует скрыто, "свернуто", каждая метапсихологическая категория представляет собой "развертку" этих латентных образований. Взаимоотношения между базисными категориями психологии можно сравнить со взаимоотношениями лейбницианских монад: каждая отражает каждую. Если же попытаться метафорически выразить взаимоотношения между базисными и метапсихологическими категориями, то будет уместно вспомнить о голограмме: "часть голограммы (базисная категория) заключает в себе целое (метапсихологическая категория)". Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любой фрагмент этой "голограммы" под определенным углом зрения.

В логическом отношении каждая метапсихологическая категория представляет собой субъект-предикативную конструкцию, в которой положение субъекта занимает некоторая базисная категория (один из примеров: "образ" как базисная категория в метапсихологической категории – "сознание"), а в качестве предиката выступает соотношение этой базисной категории с другими базисными категориями ("мотивом", "действием", "отношением", "переживанием").

Так, метапсихологическая категория "сознание" рассматривается как развитие базисной психологической категории "образ", а, например, базисная категория "действие" обретает конкретную форму в метапсихологической категории "деятельность" и т.п. Базисную категорию в функции логического субъекта какой-либо метапсихологической категории будем называть ее "категориальным ядром", категории, посредством которых данная ядерная категория превращается в метапсихологическую, обозначим как "оформляющие" ("конкретизирующие"). Формальное соотношение между базисными и метапсихологическими категориями изобразим на рис. 1 (с метапсихологическими категориями "ядерные" категории связаны здесь вертикальными линиями, а "оформляющие" – наклонными)

Из приведенного рисунка видно, что в соответствии с принципом открытости категориальной системы теоретической психологии ряд базисных психологических категорий, как и ряд метапсихологических, открыт. Могут быть предложены три версии, поясняющие это.

1. Некоторые психологические категории (как базисные, так метапсихологические) еще не исследованы, не выявлены в качестве категорий теоретической психологии, хотя в частных психологических концепциях они фигурируют на правах "работающих" понятий.

2. Некоторые категории рождаются только сегодня; как и все, возникающее "здесь и теперь", они оказываются пока за пределами актуальной саморефлексии науки.

3. Некоторые из психологических категорий появятся, по всей вероятности, в частных психологических теориях со временем, с тем чтобы когда-нибудь войти в состав категорий теоретической психологии.

Предлагаемый способ восхождения к метапсихологическим категориям с опорой на категории базисного уровня далее кратко иллюстрируется на примере соотношения некоторых категорий, в той или иной степени уже определившихся в психологии.

Образ → Сознание. Действительно ли "сознание" является метапсихологическим эквивалентом базисной категории "образ"? В литературе последнего времени высказываются мнения, исключающие подобную версию. Утверждается, что сознание не есть, как полагал, например, А.Н. Леонтьев, "в своей непосредственности... открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния", и не есть "отношение к действительности", а есть "отношение в самой действительности", "совокупность отношений в системе других отношений", "не имеет индивидуального существования или индивидуального представительства". Другими словами, сознание якобы не есть образ – акцент переносится на категорию "отношение". Подобный взгляд, как нам представляется, вытекает из ограниченного представления о категории "образ". Упущена связь между понятием "образ" и имеющим многовековую традицию в истории философской и психологической мысли понятием "идея". Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного. И поэтому вполне резонно думать, что "идеи творят мир". Выявляя в образе то, что характеризует его со стороны его действенности (а значит, мотивов, отношений, переживаний индивида), мы определяем его как сознание. Итак, сознание есть целостный образ действительности (что в свою очередь означает область человеческого действия), реализующий мотивы и отношения индивида и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект. Итак, логическим ядром определения категории "сознания" здесь является базисная категория "образ", а оформляющими категориями – "действие", "мотив", "отношения", "переживание", "индивид".

Мотив → Ценность. "Проверка на прочность" идеи восхождения от абстрактных (базисных) к конкретным (метапсихологическим) категориям может быть проведена также на примере развития категории "мотив". В этом случае возникает сложный вопрос о том, какая метапсихологическая категория должна быть поставлена в соответствие этой базисной категории ("смысловое образование"? "значимость"? "ценностные ориентации"? "ценность"?). Однако при всей несомненности того, что все эти понятия находятся в перекличке друг с другом и при этом соотносятся с категорией "мотив", они не могут – по разным причинам – считаться метапсихологическим эквивалентом последней. Одно из решений этой проблемы – привлечение категории "ценность". Спрашивая, каковы ценности этого человека, мы задаемся вопросом о сокровенных мотивах его поведения, но сам по себе мотив еще не есть ценность. Например, можно испытывать влечение к чему-либо или к кому-либо и вместе с тем стыдиться этого чувства. Являются ли эти побуждения "ценностями"? Да, но только в том смысле, что это – "негативные ценности". Данное словосочетание должно быть признано производным от исходной – "позитивной" – интерпретации категории "ценность" (говорят о "материальных и духовных, предметных и субъектных, познавательных и нравственных ценностях" и т.д. и т.п.). Таким образом, ценность – это не просто мотив, а мотив, характеризующий определенным местом в системе самоотношений субъекта. Мотив, рассматриваемый как ценность, выступает в сознании индивида как сущностная характеристика его (индивида) существования в мире. Мы сталкиваемся с подобным пониманием ценности как в обыденном, так и в научном сознании ("ценность" в обычном словоупотреблении означает "явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отношении"; в философском плане подчеркивается нормативно-оценочный характер "ценности"). Ценностно то, что человек, по словам Гегеля, признает своим. Однако прежде, чем мотив выступит перед индивидом как ценность, должна быть произведена оценка, а порою и переоценка той роли, которую мотив играет или может играть в процессах самоосуществления индивида. Иначе говоря, для того, чтобы мотив был включен индивидом в образ себя и выступил, таким образом, как ценность, индивид должен осуществить определенное действие (ценностное самоопределение). Результатом этого действия является не только образ мотива, но и переживание паяного мотива индивидом в качестве важной и неотъемлемой "части" себя самого. Вместе с тем ценность есть то, что в глазах данного индивида ценимо и другими людьми, то есть обладает для них побудительной силой. Посредством ценностей индивид персонализируется (обретает свою идеальную представленность и продолженность в общении). Мотивы-ценности, являясь сокровенными, активно раскрываются в общении, служа тому, чтобы "приоткрыть" общающихся друг другу. Таким образом, категория "ценность" неотделима от базисной категории "отношения", рассматриваемой не только во внутреннем, но и по внешнему плану. Итак, ценность – это мотив, который в процессе самоопределения рассматривается и переживается индивидом как собственная неотчуждаемая "часть", что образует основу "самопредъявления" (персонализации) субъекта в общении.

Переживание → Чувство. Категория "переживание" (в широком смысле слова) может рассматриваться как ядерная в построении метапсихологической категории "чувство". С.Л. Рубинштейн в "Основах общей психологии" различал первичное и специфическое "переживание". В первом значении (его мы рассматриваем как определяющее для установления одной из базисных психологических категорий)

"переживание" рассматривается как сущностная характеристика психики, качество "принадлежности" индивиду того, что составляет "внутреннее содержание" его жизни; С.Л. Рубинштейн, говоря о первичности такого переживания, отличал его от переживаний "в специфическом, подчеркнутом смысле слова"; последние имеют событийный характер, выражая "неповторимость" и "значительность" чего-либо во внутренней жизни личности. Такие переживания, на наш взгляд, и составляют то, что может быть названо чувством. Специальный анализ текстов С.Л. Рубинштейна мог бы показать, что путь становления событийного переживания ("чувства") есть путь опосредования: образующее его первичное переживание выступает при этом в его обусловленности со стороны образа, мотива, действия, отношений индивида. Рассматривая, таким образом, "переживание" (в широком смысле) как базисную категорию психологии, категорию "чувство" – в логике восхождения можно рассматривать как метапсихологическую категорию.

Действие → Деятельность. Метапсихологическим эквивалентом базисной категории "действие" является категория "деятельность". В данной книге развивается взгляд, согласно которому деятельность представляет собой целостное внутренне дифференцированное (имеющее первоначально коллективно-распределительный характер) самоценное действие – такое действие, источник, цель, средство и результат осуществления которого заключаются в нем самом. Источником деятельности являются мотивы индивида, ее целью – образ возможного, в качестве прообраза того, что свершится, ее средствами – действия в направлении промежуточных целей и, наконец, ее результатом – переживание отношений, складывающихся у индивида с миром (в частности, отношений с другими людьми).

Отношение → Общение. Категория "отношения" является системообразующей (ядерной) для построения метапсихологической категории "общение". "Общаться" – значит относиться друг к другу, закрепляя сложившиеся или формируя новые отношения. Конституирующей характеристикой отношений является принятие на себя позиции другого субъекта ("проигрывание" его роли) и способность совместить в мыслях и чувствах собственное видение ситуации и точку зрения другого. Это возможно через совершение определенных действий. Цель этих действий – производство общего (чего-то "третьего" по отношению к общающимся). Среди этих действий выделяются: коммуникативные акты (обмен информацией), акты децентрации (постановка себя на место другого) и персонализации (достижение субъектной отраженности в другом). Субъектный уровень отраженности включает в себе целостный образ-переживание другого человека, создающий у его партнера дополнительные побуждения (мотивы).

Индивид → Я. В логике "восхождения от абстрактного к конкретному" категория "индивид" может рассматриваться в качестве базисной при построении метапсихологической категории "Я". Основу подобного взгляда образует идея самотождественности индивида как сущностной характеристики его "Я". При этом предполагается, что переживание и восприятие индивидом своей самотождественности образуют внутреннюю и неотъемлемую характеристику его "Я": индивид стремится поддерживать собственную целостность, оберегать "территорию "Я"", а, следовательно, реализует особое отношение к себе и другому, осуществляя определенные действия. Словом, "Я" есть тождество индивида с самим собой, данное ему в образе и переживании себя и образующее мотив его действий и отношений.

Ключевые проблемы и объяснительные принципы психологии

В содержание теоретической психологии наряду с категориальным строем входят ее основные объяснительные принципы: детерминизм, развитие, системность. Являясь общенаучными по своему значению, они позволяют понять природу и характер конкретных психологических феноменов и закономерностей.

Принцип детерминизма отражает в себе закономерную зависимость явлений от порождающих их факторов. Этот принцип в психологии позволяет выделить факторы, определяющие важнейшие характеристики психики человека, выявляя их зависимость от порождающих условий, коренящихся в его бытии. В соответствующей главе книги характеризуются различные виды и формы детерминации психологических феноменов, объясняющие их происхождение и особенности.

Принцип развития позволяет понять личность именно как развивающуюся, последовательно проходящую фазы, периоды, эпохи и эры становления его сущностных характеристик. При этом необходимо подчеркнуть органическую взаимосвязь и взаимозависимость объяснительных принципов, принятых теоретической психологией в качестве определяющих.

Принцип системности – это не декларация, не модное словоупотребление, как это имело место в российской психологии в 70-80-е годы. Системность предполагает наличие системообразующего принципа, который, к примеру, будучи применен в психологии развития личности, дает возможность понять особенности развивающейся личности на основе использования концепции деятельного опосредствования, выступающего как системообразующее начало. Таким образом, объяснительные принципы психологии пребывают в нерасторжимом единстве, без которого невозможно формирование методологии научного познания в психологии. Объяснительные принципы в психологии лежат в основе предложенной в заключительном разделе книги категориальной системы как ядра теоретической психологии.

Ключевые проблемы теоретической психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая, психосоциальная, психопрактическая) в такой же степени, как и категории, образуют открытый для возможного дальнейшего пополнения ряд. Возникающие фактически на каждом этапе исторического пути формирования психологического знания, они в наибольшей степени оказывались зависимыми от состояния смежных наук: философии (прежде всего гносеологии), герменевтики, физиологии, а также общественной практики. К примеру, психофизиологическая проблема в вариантах ее решения (психофизический параллелизм, взаимодействие, единство) несет на себе отпечаток философских дискуссий между сторонниками дуалистического и монистического мировоззрения, и успехов в разработке комплекса знаний в сфере психофизиологии. Подчеркивая ключевой характер этих проблем, мы отделяем их от бесчисленного числа частных вопросов и задач, решаемых в различных областях и отраслях психологии. Ключевые проблемы в этой связи могли бы по праву рассматриваться как "классические", неизменно возникавшие на протяжении двухтысячелетней истории психологии.

От основ – к системе теоретической психологии

Категориальный строй, объяснительные принципы и ключевые проблемы, выступая как опоры для построения основ теоретической психологии и тем самым конституируя ее как отрасль психологии, тем не менее, не исчерпывают ее содержания,

Можно назвать конкретные задачи, решение которых приводит к созданию системы теоретической психологии как полноправной научной отрасли. В поле зрения оказывается соотношение предмета и методов психологического исследования, критериальная оценка обоснованности психологических концепций, выявление места психологии в системе научного знания, причины возникновения, расцвета и распада психологических школ, соотношение научного психологического знания и эзотерических учений и многое другое.

В ряде случаев накоплен богатый материал для решения этих задач. Достаточно указать на работы в области психологии науки. Однако интеграция результатов теоретических изысканий, рассыпанных по различным монографиям, учебникам, руководствам, издаваемым в России и за рубежом, до сих пор не была осуществлена. В связи с этим в значительной степени не сложились теоретические основания для обращения отраслей, научных школ, различных течений психологии к самим себе, своим собственным основаниям.

По своей сущности теоретическая психология, противопоставленная практической психологии, тем не менее с ней органически связана. Она позволяет отделять то, что отвечает требованиям научной обоснованности от не имеющих отношение к науке спекуляций. В российской психологии последних лет все это представляется особенно важным.

Теоретическая психология должна формировать строгое отношение к содержанию всех отраслей психологии, определяя их место с учетом использования объяснительных принципов, представленности в них базисных, метапсихологических и других категорий, путей решения ключевых научных проблем. Для того чтобы перейти от изучения и рассмотрения основ теоретической психологии к построению ее системы, необходимо выявить системообразующий принцип. В недавнем прошлом этот вопрос решился бы с большей "легкостью". Подобным принципом была бы объявлена философия марксизма-ленинизма, хотя это и не продвинуло бы решение проблемы. Дело, очевидно, не в том, что в этой роли не мог выступить, например, исторический материализм, некогда господствующая идеология, а в том, что системообразующий принцип теоретической психологии вообще не может быть целиком и полностью извлечен из иных философских учений. Его необходимо отыскать в самой ткани психологического знания, в особенности ее самосознания и самоосуществления. Это, бесспорно, задача, которую призваны решить теоретики психологии.

Часть первая. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Глава 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Наука – особая форма знания

Одним из главных направлений работы человеческого духа является производство знания, обладающего особой ценностью и силой, а именно научного. К его объектам относятся также и психические формы жизни. Представления о них стали складываться с тех пор, как человек, чтобы выжить, ориентировался в поведении на других людей, соотнося с ними свое собственное.

С развитием культуры житейский психологический опыт своеобразно преломлялся в творениях мифологии (религии) и искусства. На очень высоком уровне организации общества, наряду с этими творениями, возникает отличный от них способ мыслительной реконструкции зримой действительности. Им и явилась наука. Ее преимущества, изменившие облик планеты, заданы ее интеллектуальным аппаратом, сложнейшая "оптика" которого, определяющая особое видение мира, в том числе психического, веками создавалась и шлифовалась многими поколениями искателей истины о природе вещей.

Теория и эмпирия

Научное знание принято делить на теоретическое и эмпирическое. Слово "теория" – греческого происхождения, означает систематически изложенное обобщение, позволяющее объяснять и предсказывать явления. Обобщение соотносится с данными опыта, или (опять же по-гречески) эмпирии, то есть наблюдений и экспериментов, требующих прямого контакта с изучаемыми объектами.

Зримое благодаря теории "умственными глазами" способно дать верную картину действительности, тогда как эмпирические свидетельства органов чувств – иллюзорную.

Об этом говорит вечно поучительный пример вращения Земли вокруг Солнца. В своем известном стихотворении "Движение", описывая спор отрицавшего движение софиста Зенона с киником Диогеном, А.С. Пушкин занял сторону первого.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Зенон в своей известной апории "Стадия" поставил проблему о противоречиях между данными непосредственного наблюдения (самоочевидным фактом движения) и возникающей теоретической трудностью (прежде чем пройти стадию – меру длины, – требуется пройти ее половину, но прежде этого – половину половины и т.д.), то есть невозможно коснуться бесконечного количества точек пространства в конечное время.

Опровергая эту апорию молча (не желая даже рассуждать) простым движением, Диоген игнорировал Зенонов парадокс при его логическом решении, Пушкин же, выступив на стороне Зенона, подчеркнул великое преимущество теории напоминанием об "упрямом Галилее", благодаря которому за видимой картиной мира открылась реальная, истинная.

В то же время эта истинная картина, противоречащая тому, что говорит чувственный опыт, была создана, исходя из его показаний, поскольку использовались наблюдения перемещений солнца по небосводу.

Здесь выступает еще один решающий признак научного знания его опосредованность. Оно строится посредством присущих науке интеллектуальных операций, структур и методов. Это целиком относится и к научным представлениям о психике. На первый взгляд, ни о чем субъект не имеет столь достоверных сведений, как о фактах своей душевной жизни. (Ведь "чужая душа – потемки".) При чем такого мнения придерживались и некоторые ученые, считавшие, что психологию отличает от других дисциплин субъективный метод, или интроспекция, особое "внутреннее зрение", позволяющее человеку выделить элементы, из которых образуется структура сознания. Однако прогресс психологии показал, что, когда эта наука имеет дело с явлениями сознания, достоверное знание о них достигается благодаря объективному методу.

Именно он дает возможность косвенным, опосредованным путем преобразовать испытываемые индивидом состояния из субъективных феноменов в факты науки.

Сами по себе свидетельства самонаблюдения, или, иначе говоря, самоотчеты личности о своих ощущениях, переживаниях и т.п., это "сырой" материал, который только благодаря его обработке аппаратом науки становится ее эмпирией. Этим научный факт отличается от житейского.

Сила теоретической абстракции и обобщений рационально осмысленной эмпирии открывает закономерную причинную связь явлений.

Для наук о физическом мире это всем очевидно. Опора на изученные ими законы этого мира позволяет предвосхищать грядущие явления, например нерукотворные солнечные затмения и эффекты контролируемых людьми ядерных взрывов.

Конечно, психологии по своим теоретическим достижениям и практике изменения жизни далеко до физики. Психологические явления неизмеримо превосходят физические по сложности и трудности познания. Великий физик Эйнштейн, знакомясь с опытами великого психолога Пиаже, заметил, что изучение физических проблем – это детская игра сравнительно с загадками детской игры.

Тем не менее и о детской игре как особой форме человеческого поведения, отличной от игр животных (в свою очередь любопытного феномена), психология знает отныне немало. Изучая ее, она открыла ряд факторов и механизмов, касающихся закономерностей интеллектуального и нравственного развития личности, мотивов ее ролевых реакций, динамики социального восприятия и др.

Простое, всем понятное слово "игра" – это крошечная вершина гигантского айсберга душевной жизни, сопряженной с глубинными социальными процессами, историей культуры, "излучениями" таинственной человеческой природы.

Возникли различные теории игры, объясняющие посредством методов научного наблюдения и эксперимента ее многообразные проявления. От теории и эмпирии протянулись нити к практике, прежде всего педагогической (но не только к ней).

От предметного знания к деятельности

Наука – это и знание, и деятельность по его производству. Знание оценивается в его отношении к объекту. Деятельность – по вкладу в запас знаний.

Здесь перед нами три переменные: реальность, ее образ и механизм его порождения. Реальность – это объект, который посредством деятельности (по исследовательской программе) превращается в предмет знания. Предмет запечатлевается в научных текстах. Соответственно и язык этих текстов предметный.

В психологии он передает доступными ему средствами (используя свой исторически сложившийся "словарь") информацию о психической реальности. Она существует сама по себе независимо от степени и характера ее реконструкции в научных теориях и фактах. Однако только благодаря этим теориям и фактам, переданным на предметном языке, она выдает свои тайны. Человеческий ум разгадывает их не только в силу присущей ему исследовательской мотивации (любопытности), но и исходя из прямых запросов социальной практики. Эта практика в ее различных формах (будь то обучение, воспитание, лечение, организация труда и др.) проявляет интерес к науке лишь постольку, поскольку она способна сообщить отличные от житейского опыта сведения о психической организации человека, законах ее развития и изменения, методах диагностики индивидуальных различий между людьми и т.д.

Такие сведения могут быть восприняты практиками от ученых лишь в том случае, если переданы на предметном языке. Ведь именно его термины указывают на реалии психической жизни, с которыми имеет дело практика.

Но устремленная к этим реалиям наука передает, как мы уже отмечали, накапливаемое знание о них в своих особых теоретико-экспериментальных формах. Дистанция от них до жаждущей их использовать практики может быть очень велика.

Так, в прошлом веке пионеры экспериментального анализа психических явлений Э. Вебер и Г. Фехнер, изучая безотносительно к каким бы то ни было вопросам практики отношения между фактами сознания (ощущениями) и внешними стимулами, ввели в научную психологию формулу, согласно которой интенсивность ощущения прямо пропорциональна логарифму силы раздражителя.

Формула была выведена в лабораторных опытах, запечатлев общую закономерность, но, конечно, никто в те времена не мог предвидеть значимость этих выводов для практики.

Прошло несколько десятилетий, закон Вебера - Фехнера излагался во всех учебниках. Его воспринимали как некую чисто теоретическую константу, доказавшую, что таблица логарифмов приложима к деятельности человеческой души.

В современной же ситуации установленное этим законом отношение между психическим и физическим стало понятием широко используемым там, где нужно точно определить, какова чувствительность сенсорной системы (органа чувств), ее способность различать сигналы. Ведь от этого может зависеть не только эффективность действий организма, но само его существование.

Другой основоположник современной психологии Г. Гельмгольц своими открытиями механизма построения зрительного образа создал теоретико-экспериментальный ствол многих ответвлений практической работы, в частности, в области медицины. Ко многим сферам практики (прежде всего связанной с развитием детского мышления) проторились пути от концепций Выготского, Пиаже и других исследователей интеллектуальных структур.

Авторы этих концепций экстрагировали предметное содержание психологических знаний, изучая человека, его поведение и сознание. Но и в тех случаях, когда объектом служила психика иных живых существ (работы Э. Торндайка, И.П. Павлова, В. Келера и других), знанию, полученному в опытах над ними, предшествовали теоретические схемы, испытание которых на верность психической реальности обогатило предмет психологической науки. Оно касалось факторов модификации поведения, приобретения организмом новых форм активности.

На обогащенном предметном "поле" науки быстро возшли ростки для практики (конструирование программ обучения и др.).

Во всех этих случаях, идет ли речь о теории, эксперименте или практике, наука выступает в ее предметном измерении, проекцией которого служит предметный язык. Именно его терминами описываются расхождения между исследователями, ценность их вклада и т.п. И это естественно, поскольку, соотнесясь с реальностью, они обсуждают вопросы о том, обоснована ли теория, точна ли формула, достоверен ли факт.

Существенные расхождения, например, были между Сеченовым и Вундтом, Торндайком и Келером, Выготским и Пиаже, но во всех ситуациях их мысль направлялась на определенное предметное содержание.

Нельзя объяснить, почему они расходились, не зная предварительно, по поводу чего они расходились (хотя, как мы увидим, этого недостаточно, чтобы объяснить смысл противостояний между лидерами различных школ и направлений), иначе говоря, какой фрагмент психической реальности они из объекта изучения превратили в предмет психологии.

Вундт, например, направил экспериментальную работу на вычленение исходных "элементов сознания", понимаемых им как нечто непосредственно испытываемое. Сеченов же относил к предметному содержанию психологии не "элементы сознания", а "элементы мысли", под которыми понимались сочетания различных структур, где психические образы сопряжены с двигательной активностью организма.

Торндайк описывал поведение как слепой отбор реакций, случайно оказавшихся удачными, тогда как Келер демонстрировал зависимость адаптивного поведения от понимания организмом смысловой структуры ситуации. Пиаже изучал эгоцентрическую (не адресованную другим людям) речь ребенка, видя в ней отражение "мечты и логики сновидения", а Выготский экспериментально доказал, что эта речь способна выполнять функцию организации действий ребенка соответственно "логике действительности".

Каждый из исследователей превращал определенный пласт явлений в предмет научного знания, включающего как описание фактов, так и их объяснение. И одно и другое (и эмпирическое описание, и его теоретическое объяснение) представляют предметное "поле". Именно к нему относятся такие, например, явления, как двигательная активность глаза, оббегающего контуры предметов, сопоставляющего их между собой и тем самым производящего операцию сравнения (И.М. Сеченов), беспорядочные движения кошек и низших видов обезьян в экспериментальном (проблемном) ящике, из которого животным удастся выбраться только после множества неудачных попыток (Э. Торндайк), осмысленные, целенаправленные реакции высших видов обезьян, способных выполнять сложные экспериментальные задания, например, построить пирамиду, чтобы достать высоко висящую приманку (В. Келер), устные рассуждения детей наедине с собой (Ж. Пиаже), увеличение у ребенка количества таких рассуждений, когда он испытывает трудности в своей деятельности (Л.С. Выготский). Эти феномены нельзя рассматривать как "фотографирование" посредством аппарата науки отдельных эпизодов неисчерпаемого многообразия психической реальности. Они явились своего рода моделями, на которых объяснялись механизмы человеческого сознания и поведения – его регуляции, мотивации, научения и др.

Предметный характер носят также, и, стало быть, выражаются в терминах предметного языка, теории, интерпретирующие указанные феномены (сеченовская рефлексорная теория психического, торндайковская теория "проб, ошибок и случайного успеха", келеровская теория "инсайта", пиажевская теория детского эгоцентризма, преодолеваемого в процессе социализации сознания, теория мышления и речи Выготского). Эти теории отдалены от деятельности, приведшей к их построению, поскольку они призваны объяснять не эту деятельность, а независимую от нее связь явлений, реальное, фактическое положение вещей.

Научный вывод, факт, гипотеза соотносятся с объективными ситуациями, существующими независимо от познавательных усилий человека, его интеллектуальной экипировки, способов его деятельности – теоретической и экспериментальной. Между тем объективные и достоверные результаты достигаются субъектами, деятельность которых полна пристрастий и субъективных предпочтений. Так, эксперимент, в котором справедливо видят могучее орудие постижения природы вещей, может строиться исходя из гипотез, имеющих преходящую ценность. Известно, например, что внедрение эксперимента в психологию сыграло решающую роль в ее преобразовании по образу точных наук. Между тем ни одна из гипотез, вдохновлявших создателей экспериментальной психологии – Вебера, Фехнера, Вундта, – не выдержала испытания временем. Из взаимодействия ненадежных компонентов рождаются надежные результаты типа закона Вебера - Фехнера – первого настоящего психологического закона, который получил математическое выражение.

Фехнер исходил из того, что материальное и духовное представляют "темную" и "светлую" стороны мироздания (включая космос), между которыми должно быть строгое математическое соотношение.

Вебер ошибочно считал, что различная чувствительность различных участков кожной поверхности объясняется ее разделенностью на "круги", каждый из которых снабжен одним нервным окончанием. Вундт выдвигал целую вереницу оказавшихся ложными гипотез – начиная от предположения о "первичных элементах" сознания и кончая учением об апперцепции как локализованной в лобных долях особой психической силе, изнутри управляющей как внутренним, так и внешним поведением.

За знанием, которое воссоздает объект адекватно критериям научности, скрыта особая форма деятельности субъекта (индивидуального и коллективного).

Обращаясь к ней, мы оказываемся лицом к лицу с другой реальностью. Не с психической жизнью, постигаемой средствами науки, а с жизнью самой науки, имеющей свои собственные особые "измерения" и законы, для понимания и объяснения которых следует перейти с предметного языка (в указанном смысле) на другой язык.

Поскольку теперь перед нами наука выступает не как особая форма знания, но как особая система деятельности, назовем этот язык (в отличие от предметного) деятельностьюным.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой системы, отметим, что термин "деятельность" употребляется в различных идейно-философских контекстах. Поэтому с ним могут соединяться самые различные воззрения – от феноменологических и экзистенциалистских до бихевиористских и информационных "моделей человека". Особую осторожность, вступая в область психологии, следует проявлять в отношении термина "деятельность". Здесь принято говорить и о деятельности как орудийном взаимодействии организма со средой, и об аналитико-синтетической деятельности мысли, и о деятельности памяти, и о деятельности "малой группы" и т. д.,

В научной деятельности, поскольку она реализуется конкретными индивидами, различающимися по мотивации, когнитивному стилю, особенностям характера и т.д., конечно, имеется психический компонент. Но глубоким заблуждением было бы редуцировать ее к этому компоненту, объяснить ее в терминах, которыми оперирует, говоря о деятельности, психология.

Она рассуждает о ней, как явствует из сказанного, на предметном языке. Здесь же необходим поворот в другое измерение.

Поясним простой аналогией с процессом восприятия. Благодаря действиям глаза и руки конструируется образ внешнего предмета. Он описывается в адекватных ему понятиях о форме, величине, цвете, положении в пространстве и т.п. Но из этих данных, касающихся внешнего предмета, невозможно извлечь сведений об устройстве и работе органов чувств, давших информацию о нем. Хотя, конечно, без соотнесенности с этой информацией невозможно объяснить анатомию и физиологию этих органов,

К "анатомии" и "физиологии" аппарата, конструирующего знание о предметном мире (включая такой предмет, как психика), и следует обратиться, переходя от науки как предметного знания к науке как деятельности.

Научная деятельность в системе трех координат

Всякая деятельность субъектна. Вместе с тем она всегда регулируется сложной системой социально-когнитивных запросов, эталонов, норм, идеалов. Здесь возникает одна из главных коллизий научного творчества. С одной стороны, только благодаря интеллектуально-мотивационной энергии человека науки добывается еще неведомая информация о Природе, еще не вошедшая в одну из оболочек этой Природы (ноосферу). "Научная мысль сама по себе не существует. Она создается человеческой живой личностью, есть ее проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию. Ими созданные невесомые ценности – научная мысль и научное открытие – в дальнейшем меняют ход процессов биосферы, окружающей нас природы"⁴.

С другой стороны, полет творческой мысли возможен только в социальной атмосфере и под действием объективной динамики идей, которая не зависит от индивидуальной воли и личного таланта. Поэтому теоретико-психологический анализ науки как деятельности (в отличие от обсуждения теорий и эмпирических результатов, в которых "погашено" все, что их породило) всегда имеет дело с интеграцией трех переменных: социальной, когнитивной и личностно-психологической. Каждая из них порознь издавна стала предметом обсуждения в различных попытках описать и объяснить своеобразие научного труда. Соответственно, различные аспекты этого труда интерпретировались независимо друг от друга в понятиях таких дисциплин, как социология, логика и психология.

Однако будучи включены в особую систему, каковой является наука, эти понятия приобретают другое содержание.

Историк М. Грмек выступил со "Словом в защиту освобождения научных открытий от мифов". Среди этих мифов он выделил три:

1. Миф о строго логической природе научного рассуждения. Этот миф воплощен в представлении, сводящем научное исследование к практическому приложению правил и категорий классической логики, тогда как в действительности оно невозможно без творческого элемента, неуловимого этими правилами.
2. Миф о строго иррациональном происхождении открытия. Он утвердился в психологии в различных "объяснениях" открытия интуицией или гением исследователя.
3. Миф о социологических факторах открытия. В данном случае имеется в виду так называемый экстернализм – концепция, которая игнорирует собственные закономерности развития науки и пытается установить прямую связь между

⁴ Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Дубна, 1977, с. 143.

общественной ситуацией творчества ученого и результатами его исследований⁵.

Эти мифы имеют общий источник: "диссоциацию" единой триады, образуемой тремя координатами приобретения знания, о которых уже было сказано выше.

Чтобы преодолеть диссоциацию, необходимо воссоздать адекватную реальности целостную и объемную картину развития науки как деятельности. Это в свою очередь требует такого преобразования традиционных представлений о различных аспектах научного творчества, которое позволит продвинуться в направлении искомого синтеза.

Тщетны надежды на то, что удастся объяснить, как строится в творческой лаборатории ученого новое знание, если решать эту задачу, объединяя три издавна заданных традицией направления.

Ведь каждое из них "прорывало" собственную колею, шлифуя свой аппарат понятий и методов. Притом на совершенно иных объектах, чем деятельность человека науки. Здесь изначально нужен другой подход.

Социальное измерение

Социальная атмосфера, в которой творит ученый, имеет несколько слоев. Высший из них – это взаимосвязи науки и общества в различные исторические эпохи. Но и сама наука, как известно, представляет собой особую подсистему в социокультурном развитии человечества. Своеобразие этой подсистемы, в границах которой действуют люди науки, в свою очередь, стало предметом социологического изучения. Одним из лидеров этого направления выступил американский социолог Роберт Мертон, выделивший систему норм, спланирующих тех, кто занят исследовательским трудом, в особое сообщество, отличное от других человеческих установлений. (Система была названа этосом науки.)

Объектом анализа оказался социологический "срез" науки. Однако, тем самым, в новом свете выступила также и иерархия ценностных ориентаций каждой конкретной личности и, соответственно, мотивов ее действий, переживаний и других психологических детерминант творчества. Отношения между индивидом и обществом, посылающим свои экономические, политические, идеологические и другие запросы науке, выступили в качестве опосредованных особой социальной структурой – "республикой ученых", которой правят собственные, присущие только ей нормы. Одна из них требует производить знание, непременно получившее бы признание в качестве отличного от известного запаса представлений об объекте, то есть меченное знаком новизны. Над ученым неизменно тяготеет "запрет на повтор".

Таково социальное предназначение его дела. Общественный интерес сосредоточен на результате, в котором "погашено" все, что его породило. Однако при высокой новизне этого результата интерес способна вызвать личность творца и многое

⁵ Grmek M.D. A Plea for Freeing the Scientific Discoveries from Mith. In: On Scientific Discovery. Ed by M.D.Grmek, Robert S.Cohen and J.Cimino. London, 1977.

с ней сопряженное, хотя бы оно и не имело прямого отношения к его вкладу в фонд знаний.

Об этом свидетельствует популярность биографических портретов людей науки и даже их автобиографических записок, куда занесены многие сведения об условиях и своеобразии научной деятельности и ее психологических "отсветов".

Среди них выделяются мотивы, придающие исследовательскому поиску особую энергию и сосредоточенность на решаемой задаче, во имя которой "забываешь весь мир", а также такие психические состояния, как вдохновение, озарение, "вспышка гения".

Открытие нового в природе вещей переживается личностью как ценность, превосходящая любые другие. Отсюда и притязание на авторство.⁶

Признание того, что научная истина была открыта его собственным умом и что память об авторстве должна дойти до других, Фалес поставил выше любых материальных благ. Уже в этом древнейшем эпизоде проявилась одна из коренных особенностей психологии человека науки. Она относится к тем аспектам поведения личности, которые обозначаются термином "мотивация". В данном случае речь идет об исследовательском поведении.

Познание никому прежде неведомого оказывается для ученого высшей ценностью и наградой, дающей наибольшее удовлетворение. Но тут же выясняется, что это не только личное переживание успеха. Для него значимо, чтобы о достигнутом им результате был оповещен социальный мир, признав его приоритет, иначе говоря, – превосходство над другими, но не в экономике, политике, спорте, так сказать, делах земных, а в особой сфере, в сфере интеллекта, духовных ценностей.

Велико преимущество этих ценностей в приобщении к тому, что сохраняется безотносительно к индивидуальному существованию, от которого открытая истина не зависит.

Тем самым личная мысль, ее познавшая, также метится знаком вечности. В этом эпизоде проявляется своеобразие психологии ученого. Споры о приоритете пронизывают всю историю науки.

Индивидуально-личностное и социально-духовное в психологии ученого навечно сопряжены. Так было в далекой древности. Так обстоит дело и в современной науке. Споры о приоритете имеют различные аспекты. Но "случай Фалеса" открывает то лицо науки, над которым не властно время.

⁶ Быть может, первый уникальный прецедент связан с научным открытием, которое легенда приписывает одному из древнегреческих мудрецов Фалесу, предсказавшему солнечное затмение. Тирану, пожелавшему вознаградить его за открытие, Фалес ответил: "Для меня было бы достаточной наградой, если бы ты не стал приписывать себе, когда станешь передавать другим то, чему от меня научился, а сказал бы, что автором этого открытия являюсь скорее я, чем кто-либо другой".

Своеобразие этого "случая" в том, что он высвечивает в мотивах творчества человека науки особый глубинный слой. В нем запечатлено притязание на личное бессмертие, достигаемое благодаря отмеченному его собственным именем вкладу в мир нетленных истин.

Этот древний эпизод иллюстрирует изначальную социальность личностного "параметра" науки как системы деятельности. Он затрагивает вопрос о восприятии научного открытия в плане отношения к нему общественной среды – макросоциума.

Но исторический опыт свидетельствует, что социальность науки как деятельности выступает не только при обращении к вопросу о восприятии знания, но и к вопросу о его производстве. Если вновь обратиться к древним временам, то фактор коллективности производства знаний уже тогда получил концентрированное выражение в деятельности исследовательских групп, которые принято называть школами.

Многие психологические проблемы, как мы увидим, открывались и разрабатывались именно в этих школах, ставших центрами не только обучения, но и творчества. Научное творчество и общение нераздельны, менялся от одной эпохи к другой лишь тип их интеграции. Однако во всех случаях общение выступало неотъемлемой координатой науки как формы деятельности.

Сократ не оставил не одной строчки, но он создал "мыслильню", школу совместного думания, культивируя искусство майевтики ("повивального искусства") как процесс рождения в диалоге отчетливого и ясного знания.

Мы не устаем удивляться богатству идей Аристотеля, забывая, что им собрано и обобщено созданное многими исследователями, работавшими по его программам. Иные формы связи познания и общения утвердились в средневековье, когда доминировали публичные диспуты, шедшие по жесткому ритуалу (его отголоски звучат в процедурах защиты диссертаций). Им на смену пришел непринужденный дружеский диалог между людьми науки в эпоху Возрождения.

В новое время с революцией в естествознании возникают и первые неформальные объединения ученых, созданные в противовес официальной университетской науке. Наконец, в XIX веке возникает лаборатория как центр исследований и очаг научной школы.

"Сейсмографы" истории науки Новейшего времени фиксируют "взрывы" научного творчества в небольших, крепко спаянных группах ученых. Энергией этих групп были рождены такие радикально изменившие общий строй научного мышления направления, как квантовая механика, молекулярная биология, кибернетика.

Ряд поворотных пунктов в прогрессе психологии определила деятельность научных школ, лидерами которых являлись В. Вундт, И.П. Павлов, З. Фрейд, К. Левин, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и др. Между самими лидерами и их последователями шли дискуссии, служившие катализаторами научного творчества, изменявшими облик психологической науки. Они исполняли особую функцию в судьбах науки как формы деятельности, представляя ее коммуникативное "измерение".

Это, как и личностное "измерение", неотчленимо от предмета общения – тех проблем, гипотез, теоретических схем и открытий, по поводу которых оно возникает и разгорается.

Предмет науки, как уже отмечалось, строится посредством специальных интеллектуальных действий и операций. Они, как и нормы общения, формируются исторически в тигле исследовательской практики и подобно всем другим социальным нормам заданы объективно, индивидуальный субъект "присваивает" их, погружаясь в эту практику. Все многообразие предметного содержания науки в процессе деятельности определенным образом структурируется соответственно правилам, которые являются инвариантными, общезначимыми по отношению к этому содержанию.

Эти правила принято считать обязательными для образования понятий, перехода от одной мысли к другой, извлечения обобщающего вывода.

Наука, изучающая эти правила, формы и средства мысли, необходимые для ее эффективной работы, получила имя логики. Соответственно и тот параметр исследовательского труда, в котором представлено рациональное знание, следовало бы назвать логическим (в отличие от личностно-психологического и социального).

Однако логика обнимает любые способы формализации порождений умственной активности, на какие бы объекты она ни была направлена и какими бы способами их ни конструировала. Применительно же к науке как деятельности ее логико-познавательный аспект имеет свои особые характеристики. Они обусловлены природой ее предмета, для построения которого необходимы свои категории и объяснительные принципы.

Учитывая их исторический характер, обращаясь к науке с целью ее анализа в качестве системы деятельности, назовем третью координату этой системы – наряду с социальной и личностной – предметно-логической.

Логика развития науки

Термин "логика", как известно, многозначен. Но как бы ни расходились воззрения на логические основания познания, под ними неизменно имеются в виду всеобщие формы мышления в отличие от его содержательных характеристик.

Как писал Л.С. Выготский, "имеется известный органический рост логической структуры знания. Внешние факторы толкают психологию по пути ее развития и не могут не отменить в ней ее вековую работу, ни перескочить на век вперед".

Говоря об "органическом росте", Выготский, конечно, имел в виду не биологический, а исторический тип развития, однако подобный биологическому в том смысле, что развитие совершается объективно, по собственным законам, когда "изменить последовательность этапов нельзя".

Предметно-исторический подход к интеллектуальным структурам представляет собой направление логического анализа, которое должно быть отграничено от дру-

гих направлений также и терминологически. Условимся называть его логикой развития науки, понимая под ней (как и в других логиках) и свойства познания сами по себе, и их теоретическую реконструкцию, подобно тому, как под термином "грамматика" подразумевается и строй языка, и учение о нем.

Основные блоки исследовательского аппарата психологии меняли свой состав и строй с каждым переходом научной мысли на новую ступень. В этих переходах и выступает логика развития познания как закономерная смена его фаз. Оказавшись в русле одной из них, исследовательский ум движется по присущему ей категориальному контуру с неотвратимостью, подобной выполнению предписаний грамматики или логики. Это можно оценить как еще один голос в пользу присвоения рассматриваемым здесь особенностям научного поиска имени логики. На каждой стадии единственно рациональными (логичными) признаются выводы, соответствующие принятой детерминационной схеме. Для многих поколений до Декарта рациональными считались только те рассуждения о живом теле, в которых полагалось, что оно является одушевленным, а для многих поколений после Декарта – лишь те рассуждения об умственных операциях, в которых они выводились из свойств сознания как незримого внутреннего агента (хотя бы и локализованного в мозге).

Для тех, кто понимает под логикой только всеобщие характеристики мышления, имеющие силу для любых времен и предметов, сказанное даст повод предположить, что здесь к компетенции логики опрометчиво отнесено содержание мышления, которое, в отличие от его форм, действительно меняется, притом не только в масштабах эпох, но и на наших глазах. Это вынуждает напомнить, что речь идет об особой логике, именно о логике развития науки, которая не может быть иной, как предметно-исторической, а стало быть, во-первых, содержательной, во-вторых, имеющей дело со сменяющимися друг друга интеллектуальными "формациями". Такой подход не означает смешения формальных аспектов с содержательными, но вынуждает с новых позиций трактовать проблему форм и структур научного мышления. Они должны быть извлечены из содержания в качестве его инвариантов.

Ни одно из частных (содержательных) положений Декарта, касающихся деятельности мозга, не только не выдержало испытания временем, но даже не было принято натуралистами его эпохи (ни представление о "животных духах" как частицах огнеподобного вещества, носящегося по "нервным трубкам" и раздувающего мышцы, ни представление о шишковидной железе как пункте, где "контачат" телесная и бестелесная субстанции, ни другие соображения). Но основная детерминистская идея о машинообразности работы мозга стала на столетия компасом для исследователей нервной системы. Считать ли эту идею формой или содержанием научного мышления? Она формальна в смысле инварианта, в смысле "ядерного" компонента множества исследовательских программ, наполнявших ее разнообразным содержанием от Декарта до Павлова. Она содержательна, поскольку относится к конкретному фрагменту действительности, который для формально-логического изучения мышления никакого интереса не представляет. Эта идея есть содержательная форма.

Логика развития науки имеет внутренние формы, то есть динамические структуры, инвариантные по отношению к непрерывно меняющемуся содержанию знания. Эти

формы являются организаторами и регуляторами работы мысли. Они определяют зону и направление исследовательского поиска в неисчерпаемой для познания действительности, в том числе и в безбрежном море психических явлений. Они концентрируют поиск на определенных фрагментах этого мира, позволяя их осмыслить посредством интеллектуального инструмента, созданного многовековым опытом общения с реальностью.

В смене этих форм, в их закономерном преобразовании и выражена логика научного познания – изначально историческая по своей природе. При изучении этой логики, как и при любом ином исследовании реальных процессов, мы должны иметь дело с фактами. Но очевидно, что здесь перед нами факты совершенно иного порядка, чем открываемые наблюдением за предметно-осмысленной реальностью, в частности психической. Это реальность обнажаемая, когда исследование объектов само становится объектом исследования. Это "мышление о мышлении", рефлексия о процессах, посредством которых только и становится возможным знание о процессах как данности, не зависимой ни от какой рефлексии.

Знание о способах построения знания, его источниках и границах издревле занимало философский ум, выработавший систему представлений о теоретическом и эмпирическом уровнях постижения действительности, о логике и интуиции, гипотезе и приемах ее проверки (верификация, фальсификация), особом языке (словарь и синтаксис) науки и т.д.

Конечно, этот изучаемый философией уровень организации мыслительной активности, кажущийся сравнительно с физическими, биологическими и тому подобными реалиями менее "осязаемым", ничуть не уступает им по степени реальности. Стало быть, и в отношении его столь же правомерен вопрос о фактах (в данном случае фактами являются теория, гипотеза, метод, термин научного языка и пр.), как и в отношении фактов так называемых позитивных областей знания. Однако не оказываемся ли мы тогда перед опасностью удалиться в "дурную бесконечность", и после построения теоретических представлений по поводу природы научного познания мы должны заняться теорией, касающейся самих этих представлений, а эту новую "сверхтеорию" в свою очередь превратить в предмет рефлексивного анализа еще более высокого уровня и т.д. Чтобы избежать этого, мы не видим иной возможности, как погрузиться в глубины исследовательской практики, в процессы, совершающиеся в мире истории, где и происходит зарождение и преобразование фактов и теорий, гипотез и открытий.

Состоявшиеся исторические реалии (в виде сменявших друг друга научных событий) являются той фактурой, которая, будучи независимой от конструктивных способностей ума, одна только может служить проверочным средством этих способностей, эффективности и надежности выстроенных благодаря им теоретических конструктов. Наивно было бы полагать, что само по себе обращение к историческому процессу может быть беспредпосылочным, что существуют факты истории, которые говорят "сами за себя", безотносительно к теоретической ориентации субъекта познания. Любой конкретный факт возводится в степень научного факта в строгом смысле слова (а не только остается на уровне исходного материала для него) лишь после того, как становится ответом на предварительно заданный (теоретический) вопрос. Любые наблюдения за историческим процессом (стало быть,

и за эволюцией научной мысли), подобно наблюдениям за процессами и феноменами остальной действительности, непременно регулируются в различной степени осознаваемой концептуальной схемой. От нее зависят уровень и объемность реконструкции исторической реальности, возможность ее различных интерпретаций.

Имеется ли в таком случае опорный пункт, отправляясь от которого, теоретическое изучение состоявшихся теорий приобрело бы достоверность? Этот пункт следует искать не вне исторического процесса, а в нем самом.

Прежде чем к нему обратиться, следует выявить вопросы, которые в действительности регулировали исследовательский труд.

Применительно к психологическому познанию мы прежде всего сталкиваемся с усилиями объяснить, каково место психических (душевных) явлений в материальном мире, как они соотносятся с процессами в организме, каким образом посредством них приобретается знание об окружающих вещах, от чего зависит позиция человека среди других людей и т.д. Эти вопросы постоянно задавались не только из одной общечеловеческой любознательности, но под повседневным диктатом практики – социальной, медицинской, педагогической. Прослеживая историю этих вопросов и бесчисленные попытки ответов на них, мы можем извлечь из всего многообразия вариантов нечто стабильно инвариантное. Это и дает основание "типологизировать" вопросы, свести их к нескольким вечным, таким, например, как психофизическая проблема (каково место психического в материальном мире), психофизиологическая проблема (как соотносятся между собой соматические – нервные, гуморальные – процессы и процессы на уровне бессознательной и сознательной психики), психогностическая (от греч. "гнозис" – познание), требующая объяснить характер и механизм зависимостей восприятий, представлений, интеллектуальных образов от воспроизводимых в этих психических продуктах реальных свойств и отношений вещей.

Чтобы рационально интерпретировать указанные соотношения и зависимости, необходимо использовать определенные объяснительные принципы. Среди них выделяется стержень научного мышления – принцип детерминизма, то есть зависимости любого явления от производящих его факторов. Детерминизм не идентичен причинности, но включает ее в качестве основной идеи. Он приобретал различные формы, проходил, подобно другим принципам, ряд стадий в своем развитии, однако неизменно сохранял приоритетную позицию среди всех регуляторов научного познания.

К другим регуляторам относятся принципы системности и развития. Объяснение явления, исходя из свойств целостной, органичной системы, одним из компонентов которой оно служит, характеризует подход, обозначаемый как системный. При объяснении явления, исходя из закономерно претерпеваемых им трансформаций, опорой служит принцип развития. Применение названных принципов к проблемам позволяет накапливать их содержательные решения под заданными этими принципами углами зрения. Так, если остановиться на психофизиологической проблеме, то ее решения зависели от того, как понимался характер причинных отношений между душой и телом, организмом и сознанием. Менялся взгляд на организм как систему – претерпевали преобразования и представления о психических

функциях этой системы. Внедрялась идея развития, и вывод о психике как продукте эволюции животного мира становился общепринятым.

Такая же картина наблюдается и в изменениях, которые испытала разработка психогностической проблемы. Представление о детерминационной зависимости воздействий внешних импульсов на воспринимающие их устройства определяло трактовку механизма порождения психических продуктов и их познавательной ценности. Взгляд на эти продукты как элементы или целостности был обусловлен тем, мыслились ли они системно. Поскольку среди этих продуктов имелись феномены различной степени сложности (например, ощущения или интеллектуальные конструкты), внедрение принципа развития направляло на объяснение происхождения одних из других.

Аналогична роль объяснительных принципов и в других проблемных ситуациях, например, когда исследуется, каким образом психические процессы (ощущения, мысли, эмоции, влечения) регулируют поведение индивида во внешнем мире и какое влияние в свою очередь оказывает само это поведение на их динамику. Зависимость психики от социальных закономерностей создает еще одну проблему – психосоциальную (в свою очередь распадающуюся на вопросы, связанные с поведением индивида в малых группах и по отношению к ближайшей социальной среде, и на вопросы, касающиеся взаимодействия личности с исторически развивающимся миром культуры).

Конечно, и применительно к этим темам успешность их разработки зависит от состава тех объяснительных принципов, которыми оперирует исследователь, – детерминизма, системности, развития. В плане построения реального действия существенно разнятся, например, подходы, представляющие это действие по типу механической детерминации (по типу рефлекса как автоматического сцепления центростремительной и центробежной полудуг), считающие его изолированной единицей, игнорирующей уровни его построения, и подходы, согласно которым психическая регуляция действия строится на обратных связях, предполагает рассмотрение его в качестве компонента целостной структуры и считает его перестраивающимся от одной стадии к другой.

Естественно, что не менее важно и то, каких объяснительных принципов мы придерживаемся и в психосоциальной проблеме: считаем ли детерминацию психосоциальных отношений человека качественно отличной от социального поведения животных, рассматриваем ли индивида в целостной социальной общности или считаем эту общность производной от интересов и мотиваций индивида, учитываем ли динамику и системную организацию этих общностей в плане их поуровневого развития, а не только системного взаимодействия.

В процессе решения проблем на основе объяснительных принципов добывается знание о психической реальности, соответствующее критериям научности. Оно приобретает различные формы: фактов, гипотез, теорий, эмпирических обобщений, моделей и др. Этот уровень знания обозначим как теоретико-эмпирический. Рефлексия относительно этого уровня является постоянным занятием исследователя, проверяющего гипотезы и факты путем варьирования экспериментов, сопоставления одних данных с другими, построения теоретических и математических моделей, дискуссий и других форм коммуникаций.

Изучая, например, процессы памяти (условия успешного запоминания), механизмы выработки навыка, поведение оператора в стрессовых ситуациях, ребенка – в игровых и тому подобных, психолог не задумывается о схемах логики развития науки, хотя в действительности они незримо правят его мыслью. Да и странно, если бы было иначе, если бы он взамен того, чтобы задавать конкретные вопросы, касающиеся наблюдаемых явлений, стал размышлять о том, что происходит с его интеллектуальным аппаратом при восприятии и анализе этих явлений. В этом случае, конечно, их исследование немедленно бы расстроилось из-за переключения внимания на совершенно иной предмет, чем тот, с которым сопряжены его профессиональные интересы и задачи.

Тем не менее за движением его мысли, поглощенной конкретной, специальной задачей, стоит работа особого интеллектуального аппарата, в преобразованиях структур⁷ которого представлена логика развития психологии.

Логика и психология научного творчества

Научное знание, как и любое иное, добывается посредством работы мысли. Но и сама эта работа благодаря исканиям древних философов стала предметом знания.

Тогда-то и были открыты и изучены всеобщие логические формы мышления как не зависящие от содержания сущности. Аристотель создал силлогистику – теорию, выясняющую условия, при которых из ряда высказываний с необходимостью следует новое.

Поскольку производство нового рационального знания является главной целью науки, то издавна возникла надежда на создание логики, способной снабдить любого здравомыслящего человека интеллектуальной "машиной", облегчающей труд по получению новых результатов. Эта надежда воодушевляла великих философов эпохи научной революции XVII столетия Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Лейбница. Их роднило стремление трактовать логику как компас, выводящий на путь открытий и изобретений. Для Бэкона таковой являлась индукция. Ее апологетом в XIX столетии стал Джон Стюарт Милль, книга которого "Логика" пользовалась в ту пору большой популярностью среди натуралистов. Ценность схем индуктивной логики видели в их способности предсказывать результат новых опытов на основе обобщения прежних. Индукция (от лат. *inductio* наведение) считалась мощным инструментом победно шествовавших естественных наук, получивших именно по этой причине название индуктивных. Вскоре, однако, вера в индукцию стала гаснуть. Те, кто произвел революционные сдвиги в естествознании, работали не по наставлениям Бэкона и Милля, рекомендовавшим собирать частные данные опыта с тем, чтобы они навели на обобщающую закономерность.

После теории относительности и квантовой механики мнение о том, что индукция служит орудием открытий, окончательно отвергается. Решающую роль теперь отводят гипотетико-дедуктивному методу, согласно которому ученый выдвигает гипотезу (неважно, откуда она черпается) и выводит из нее положения, доступные

⁷ Эти структуры призваны выявить в потоке исторических событий особое направление исследований, ставящее своей целью категориальный анализ развития психологического познания (см. ниже).

контролю в эксперименте. Из этого было сделано заключение в отношении задач логики: она должна заниматься проверкой теорий с точки зрения их непротиворечивости, а также того, подтверждает ли опыт их предсказания.

Некогда философы работали над тем, чтобы в противовес средневековой схоластике, применявшей аппарат логики для обоснования религиозных догматов, превратить этот аппарат в систему предписаний, как открывать законы природы. Когда стало очевидно, что подобный план невыполним, что возникновение новаторских идей и, стало быть, прогресс науки обеспечивают какие-то другие способности мышления, укрепилась версия, согласно которой эти способности не имеют отношения к логике. Задачу последней стали усматривать не в том, чтобы обеспечить производство нового знания, а в том, чтобы определить критерии научности для уже приобретенного. Логика открытия была отвергнута. На смену ей пришла логика обоснования, занятия которой стали главными для направления, известного как "логический позитивизм". Линию этого направления продолжил видный современный философ К. Поппер.

Одна из его главных книг называется "Логика научного открытия". Название может ввести в заблуждение, если читатель ожидает увидеть в этой книге правила для ума, ищущего новое знание. Сам автор указывает, что не существует такой вещи, как логический метод получения новых идей или как логическая реконструкция этого процесса, что каждое открытие содержит "иррациональный элемент" или "творческую интуицию". Изобретение теории подобно рождению музыкальной темы. В обоих случаях логический анализ ничего объяснить не может. Применительно к теории его можно использовать лишь с целью ее проверки – подтверждения или опровержения. Но диагноз ставится в отношении готовой, уже выстроенной теоретической конструкции, о происхождении которой логика судить не берется. Это дело другой дисциплины – эмпирической психологии.

Размышляя о развитии сознания в мире, в космосе, во Вселенной, В.И. Вернадский относил это понятие к категории тех же естественных сил, как жизнь и все другие силы, действующие на планете. Он рассчитывал, что путем обращения к историческим реликтам в виде научных открытий, сделанных независимо разными людьми в различных исторических условиях, удастся проверить, действительно ли интимная и личностная работа мысли конкретных индивидов совершается по независимым от этой индивидуальной мысли объективным законам, которые, как и любые законы науки, отличает повторяемость, регулярность. Вопрос о независимых открытиях был поставлен через несколько десятилетий после Вернадского в социологии науки. В работе Огборна и Томаса "Являются ли открытия неизбежными: заметка о социальной эволюции" приводится около ста пятидесяти важных научных идей, выдвинутых независимо друг от друга различными исследователями. Другой социолог – Роберт Мертон, подсчитав двести шестьдесят четыре таких случая, отметил, что представление Огборна и Томаса о так называемых "независимых открытиях" неоригинально, что сходная точка зрения задолго до них выдвигалась рядом авторов, список которых он приводит, поэтому их вывод о повторяемости инноваций относится к разряду "независимых открытий". В приводимом Мертоном списке нет Вернадского, приложившего немало усилий, чтобы, сопоставив научные результаты, добытые независимо друг от друга учеными различных эпох и культур, обосновать свой тезис о законах развития науки, действующих,

подобно другим естественным законам, независимо от активности отдельных умов. Так, на каждом шагу историк встречается с новаторскими идеями и изобретениями, которые были забыты, но впоследствии вновь созданы ничего не знавшими о них умами в разных странах и культурах, что исключает какую бы то ни было возможность заимствования. Изучение подобного рода явлений заставляет нас "глубоко проникать в изучение психологии научного искания, – писал Вернадский. – Оно открывает нам как бы лабораторию научного мышления. Оказывается, что не случайно делается то или иное открытие, так, а не иначе строится какой-нибудь прибор или машина. Каждый прибор и каждое обобщение являются закономерным созданием человеческого разума". Если независимость рождения одних и тех же научных идей в различных, не связанных между собой регионах и сообществах считалась Вернадским неоспоримым аргументом в пользу его тезиса о том, что работа мысли совершается по объективным законам, которые производят свои эффекты с регулярностью, присущей геологическим и биологическим процессам, то факты, неоспоримо говорящие о преждевременных открытиях (о лицах, как говорил Вернадский, сделавших открытия до их настоящего признания наукой), вводят в анализ природы научной мысли вслед за логическим (касающимся законов познания) два других параметра: личностный и социальный. Личностный – поскольку "преждевременность открытия" говорила о том, что оно являлось прозрением отдельной личности, прежде чем было ассимилировано сообществом. Социальный – поскольку только в результате такой ассимиляции оно становится "фактором" эволюции ноосферы.

Исследовательский поиск относится к разряду явлений, обозначаемых в психологии как "поведение, направленное на решение проблемы". Одни психологи полагали, что решение достигается путем "проб, ошибок и случайного успеха", другие – мгновенной перестройкой "поля восприятия" (так называемый инсайт), третьи неожиданной догадкой в виде "ага-переживания" (нашедший решение восклицает: "Ага!"), четвертые – скрытой работой подсознания (особенно во сне), пятые – "боковым зрением" (способностью заметить важную реалию, ускользающую от тех, кто сосредоточен на предмете, обычно находящемся в центре всеобщего внимания) и т.д.⁸.

Большую популярность приобретало представление об интуиции как особом акте, излучаемом из недр психики субъекта. В пользу этого воззрения говорили самоотчеты ученых, содержащие свидетельства о неожиданных разрывах в рутинной связи идей, об озарениях, дарящих новое видение предмета (начиная от знаменитого восклицания "Эврика!" Архимеда). Указывают ли, однако, подобные психологические данные на генезис и организацию процесса открытия?

Логический подход обладает важными преимуществами, коренящимися во всеобщности его постулатов и выводов, в их открытости для рационального изучения и проверки. Психология же, не имея по поводу протекания умственного процесса, ведущего к открытию, надежных опорных пунктов, застряла на представлениях об

⁸ В популярной литературе описываются различные эпизоды, с которыми предание связывает открытия. Эти эпизоды один американский автор объяснил под формулой "три В". Имеются в виду начальные буквы английских слов: "bath" (ванна, из которой выскочил Архимед), "bus" (омнибус, на ступеньке которого Пуанкаре неожиданно пришло в голову решение трудной математической задачи) и "bed" (постель, где физиологу Леви приснился опыт, доказывающий химическую передачу нервного импульса).

интуиции, или "озарении". Объяснительная сила этих представлений ничтожна, поскольку никакой перспективы для причинного объяснения открытия, а тем самым и фактов возникновения нового знания они не намечают.

Если принять рисуемую психологией картину событий, которые происходят в "поле" сознания или "тайниках" подсознания перед тем, как ученый оповестит мир о своей гипотезе или концепции, то возникает парадокс. Эта гипотеза или концепция может быть принята только при ее соответствии канонам логики, то есть лишь в том случае, если она выдержит испытание перед лицом строгих рациональных аргументов. Но "изготовленной" она оказывается средствами, не имеющими отношения к логике: интуитивными "прозрениями", "инсайтами", "ага-переживаниями" и т.п. Иначе говоря, рациональное возникает как результат действия внерациональных сил.

Главное дело науки – открытие детерминант и законов. Но выходит, что ее люди вершат свое дело, не подчиняясь доступным рациональному постижению законам. Такой вывод следует из анализа рассмотренной нами ситуации, касающейся соотношения логики и психологии, неудовлетворенность которой нарастает в силу не только общих философских соображений, но и острой потребности в том, чтобы сделать более эффективным научный труд, ставший массовой профессией.

Необходимо вскрыть глубинные предметно-логические структуры научного мышления и способы их преобразования, ускользающие от формальной логики, которая не является ни предметной, ни исторической. Вместе с тем природа научного открытия не обнажит своих тайн, если ограничиться его логическим аспектом, оставляя без внимания два других – социальный и психологический, которые в свою очередь должны быть переосмыслены в качестве интегральных компонентов целостной системы.

Общение – координата науки как деятельности

Переход к объяснению науки как деятельности требует взглянуть на нее не только с точки зрения предметно-логического характера ее когнитивных структур. Дело в том, что они действуют в мышлении лишь тогда, когда "обслуживают" проблемные ситуации, возникающие в научном сообществе. Зарождение и смена идей как процесс, в динамике которого прослеживается собственная историологическая закономерность, совершается не в сфере "чистой" мысли, а в социально-историческом "поле". Его силовые линии определяют творчество каждого исследователя, каким бы самобытным он ни являлся. Хорошо известно, что и сами ученые, во всяком случае, многие из них, связывали собственные достижения с успехами других. Такой гений, как Ньютон, называл себя карликом, видевшим дальше других потому, что он стоял на плечах гигантов, в частности – и прежде всего – Декарта.

Декарт мог бы в свою очередь сослаться на Галилея, Галилей на Кеплера и Коперника и т.д. Но подобные ссылки не раскрывают социальной сущности научной деятельности. В них лишь подчеркивается момент преемственности в кумуляции знания благодаря творчеству отдельных гениев. Они являют собой как бы отдельные вершины, выступают как отдельные избранные личности высшего ранга (обычно

предполагается, что им присущ особый психологический профиль), призванные передавать друг другу историческую эстафету. Их выделяемость из общей социально-интеллектуальной среды, в которой они сложились и вне которой не смогли бы приобрести репутацию гения, объясняется при подобном воззрении исключительно присущими им индивидуально-личностными качествами. Ложна при таком понимании не сама по себе мысль о том, что способности к научному творчеству распределены по индивидам неравномерно. Ложно иное – представление о способностях, как о чем-то не имеющем иных оснований, кроме замкнутой в себе психической сферы личности. В качестве субъекта научной деятельности личность приобретает характеристики, побуждающие ранжировать ее как выделяющуюся из общего массива лиц, занятых наукой, благодаря тому, что в ней с наибольшей эффективностью скрещивается и концентрируется то, что рассеяно во всем сообществе ученых. Откуда быть грозе, спрашивал А.А. Потебня, если в атмосфере не было бы электрических зарядов?

Говоря о социальной обусловленности жизни науки, следует различать несколько аспектов. Особенности общественного развития в конкретную эпоху преломляются сквозь призму деятельности научного сообщества (особого социума), имеющего свои нормы и эталоны. В нем когнитивное неотделимо от коммуникативного, познание – от общения. Когда речь идет не только о сходном осмыслении терминов (без чего обмен идей невозможен), но об их преобразовании (ибо именно оно совершается в научном исследовании как форме творчества), общение выполняет особую функцию. Оно становится креативным.

Общение ученых не исчерпывается простым обменом информацией. Иллюстрируя важные преимущества обмена идеями по сравнению с обменом товарами, Бернард Шоу писал: "Если у вас яблоко и у меня яблоко и мы обмениваемся ими, то остаемся при своих – у каждого по яблоку. Но если у каждого из нас по одной идее и мы передаем их друг другу, то ситуация меняется, каждый сразу же становится богаче, а именно – обладателем двух идей".

Эта наглядная картина преимуществ интеллектуального общения не учитывает главной ценности общения в науке как творческом процессе, в котором возникает "третье яблоко", когда при столкновении идей происходит "вспышка гения". Процесс познания предполагает трансформацию значений.

Если общение выступает в качестве неперменного фактора познания, то информация, возникшая в научном общении, не может интерпретироваться только как продукт усилий индивидуального ума. Она порождается пересечением линий мысли, идущих из многих источников.

Говоря о производстве знания, мы до сих пор основной акцент делали на его категориальных регуляторах. Такая абстракция позволила выделить его предметно-логический (в отличие от формально-логического) аспект. Мы вели изложение безотносительно к взаимодействию, пересечению, дивергенции и синтезу категориальных ориентаций различных исследователей.

Реальное же движение научного познания выступает в форме диалогов, порой весьма напряженных, простирающихся во времени и пространстве. Ведь исследователь задает вопросы не только природе, но также другим ее испытателям, ища

в их ответах⁹ информацию (приемлемую или неприемлемую), без которой не может возникнуть его собственное решение. Здесь необходимо подчеркнуть важный момент. Не следует, как это обычно делается, ограничиваться указанием на то, что значение термина (или высказывания) само по себе "немо" и сообщает нечто существенное только в целостном контексте всей теории. Такой вывод лишь частично верен, ибо неявно предполагает, что теория представляет собой нечто относительно замкнутое. Конечно, термин "ощущение", к примеру, лишен исторической достоверности, вне контекста конкретной теории, смена постулатов которой меняет и его значение.

В теории В. Вундта, скажем, ощущение означало элемент сознания, в теории И.М. Сеченова оно понималось как чувствование сигнал, в функциональной школе как сенсорная функция, в современной когнитивной психологии как момент перцептивного цикла и т.д. и т.п.

Различное видение и объяснение одного и того же психического феномена определялось "сеткой" тех понятий, из которых "сплетались" различные теории. Можно ли, однако, ограничиться внутри теоретическими связями понятия, чтобы раскрыть его содержание? Дело в том, что теория работает не иначе, как сталкиваясь с другими, "выясняя отношения с ними". (Так, функциональная психология опровергала установки вундтовской школы, Сеченов дискутировал с интроспекционизмом и т.п.) Поэтому ее значимые компоненты неотвратимо несут печать этих взаимодействий.

Язык, имея собственную структуру, живет, пока он применяется, пока он вовлечен в конкретные речевые ситуации, в круговорот высказываний, природа которых диалогична.

Динамика и смысл высказываний не могут быть "опознаны" по структуре языка, его синтаксису и словарю. Нечто подобное мы наблюдаем и в отношении языка науки. Недостаточно воссоздать его предметно-логический словарь и синтаксис (укорененные в категориях), чтобы рассмотреть науку как деятельность. Следует соотносить эти структуры с "коммуникативными сетями", актами общения как стимуляторами преобразования знания, рождения новых проблем и идей¹⁰.

Если И.П. Павлов отказался от субъективно-психологического объяснения реакций животного, перейдя к объективно-психологическому (о чем он оповестил в 1903 году Международный конгресс в Мадриде), то произошло это в ответ на запросы логики развития науки, где эта тенденция наметилась по всему исследовательскому фронту. Но совершился такой поворот, как свидетельствовал сам ученый, после "нелегкой умственной борьбы". И шла эта борьба, как достоверно известно, не только с самим собой, но и в ожесточенных спорах с ближайшими сотрудниками.

⁹ Конечно, эти ответы формулируются не для него, но, вслушиваясь в них, он оказывается участником диалога, когда, опираясь на извлеченный из текстов ответ (который он не мог бы получить, если бы не обращался к этим текстам с собственным вопросом), не удовлетворяется им, а вступает в спор, приводит контраргументацию, продвигаясь тем самым в познании предмета.

¹⁰ Выдающимся теоретиком и исследователем диалогической природы познания (открытой Сократом) был М.М.Бахтин, продуктивные идеи которого все еще недостаточно ассимилированы в психологии, привыкшей представлять сознание "безголосым".

Если В. Джемс, патриарх американской психологии, прославившийся книгой, где излагалось учение о сознании, выступил в 1905 году на Международном психологическом конгрессе в Риме с докладом "Существует ли сознание?", то сомнения, которые он тогда выразил, были плодом дискуссий – предвестников появления бихевиоризма, объявившего сознание своего рода пережитком времен алхимии и схоластики.

Свой классический труд "Мышление и речь" Л.С. Выготский предваряет указанием, что книга представляет собой результат почти десятилетней работы автора и его сотрудников, что многое, считавшееся вначале правильным, оказалось прямым заблуждением.

Выготский подчеркивает, что он подверг критике Ж. Пиаже и В. Штерна. Но он критиковал и самого себя, замыслы своей группы (в ней выделялся покончивший с собой в двадцатилетнем возрасте Л.С. Сахаров, имя которого сохранилось в модифицированной им методике Н. Аха). Впоследствии Выготский признал, в чем заключался просчет: "...в старых работах мы игнорировали то, что знаку присуще значение".¹¹

Переход от знака к значению совершился в диалогах, изменивших исследовательскую программу Выготского, а тем самым и облик его школы.

Школы в науке

Коллективность исследовательского труда приобретает различные формы. Одной из них является научная школа. Понятие о ней неоднозначно, и под ее именем фигурируют различные типологические формы. Среди них выделяются: а) школа научно-образовательная; б) школа – исследовательский коллектив; в) школа как направление в определенной области знаний. Наука в качестве деятельности – это "производство" не только идей, но и людей. Без этого не было бы эстафеты знаний, передачи традиций, а тем самым и новаторства. Ведь каждый новый прорыв в непознанное возможен не иначе как благодаря предшествующему (даже если последний опровергается).

Наряду с личным вкладом ученого социокультурная значимость его творчества оценивается и по критерию создания им школы. Так, говоря о роли И.М. Сеченова, его ближайший ученик М.Н. Шатерников отмечал в качестве главной заслуги ученого то, что он "с выдающимся успехом сумел привлечь молодежь к самостоятельной разработке научных вопросов и тем положил начало русской физиологической школе"¹².

Здесь подчеркивается деятельность Сеченова как учителя, сформировавшего у тех, кому посчастливилось пройти его школу (на лекциях и в лаборатории), способность самостоятельно разрабатывать свои проекты, отличные от сеченовских. Но отец русской физиологии и объективной психологии создал не только научно-образовательную школу. В один из периодов своей работы – и можно точно указать

¹¹ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1982, с. 158.

¹² См.: Шатерников М.Н. Биографический очерк И.М.Сеченова // Сеченов И.М. Избр. труды. М., 1935, с. 15.

те несколько лет, когда это происходило, – он руководил группой учеников, образовавших школу как исследовательский коллектив.

Такого типа школа представляет особый интерес в плане анализа процесса научного творчества. Ибо именно в этих обстоятельствах обнажается решающее значение исследовательской программы в управлении этим процессом. Программа является величайшим творением личности ученого, ибо в ней прозревается результат, который, в случае ее успешного исполнения, явится миру в образе открытия, дающего повод вписать имя автора в летопись научных достижений.

Разработка программы предполагает осознание ее творцом проблемной ситуации, созданной (не только для него, но для всего научного сообщества) логикой развития науки и наличием орудий, оперируя которыми, можно было бы найти решение.

Программа, относящаяся к нейрофизиологии, зародилась у Сеченова в связи с психологической задачей, касающейся механизма волевого акта. Открытие им в головном мозгу "центров, задерживающих рефлекс", принесло ему все европейскую славу, стало его личным достижением (оно было совершено в Париже, в лаборатории Клода Бернара, который не придавал сеченовскому результату серьезного значения).

Но, вернувшись в Петербург, Сеченов стал трактовать свое открытие как компонент более общей программы по исследованию отношений между нервными центрами. Соответственно, он мог теперь раздать своим ученикам различные фрагменты этой программы. Она стала объединяющим началом работы собравшейся вокруг него группы молодых исследователей. Через несколько лет, опираясь на эту программу, произвести новое знание более не удавалось и школа как исследовательский коллектив распалась. Вчерашние ученики пошли каждый своим путем.

Вместе с тем Сеченов стал учителем для следующих поколений исследователей нейрорегуляции поведения и в этом смысле лидером школы как направления в науке.

За появлением и исчезновением научных школ как исследовательских коллективов скрыта судьба их программ. Каждый из этих коллективов – это малая социальная общность, отличающаяся "лица необщим выраженьем". Различия между ними определяются программами. В каждой преломляются запросы предметной логики в той форме, в какой они "запеленгованы" интеллектуальной чувствительностью ее творца. Эти запросы, как отмечалось, динамичны, историчны.

Так, в годы становления психологии в качестве самостоятельной науки велик был авторитет школы Вундта. Ее программа получила имя структуралистской (главная проблема виделась в выявлении путем эксперимента элементов, из которых строится сознание). Но вскоре из школы вышли молодые психологи, предложившие новые исследовательские программы.

Причины распада научных школ

Подобно организму, школа не только зарождается, но и распадается. Очевидно, что факторы, ответственные за ее расцвет, определяют также и ее деградацию, и

исчезновение. Здесь действуют одни и те же законы. Для их анализа распад школы представляет не менее значимый феномен, чем ее возникновение и развитие. Логика развития науки детерминирует движение исследовательской мысли в конкретной проблемной ситуации, "перекодируемой" лидером школы в программу деятельности. Но эта же логика, посредством других программ, более адекватных ее переменчивым запросам, ведет к моральному износу этой программы, ее деактуализации, а тем самым и к утрате школой своего былого влияния.

Каждую школу нужно рассматривать в динамике, учитывая сдвиги, происходящие в научном сообществе в целом. В 70-х годах XIX века, когда лаборатория Вундта и его "Основы физиологической психологии" являлись центром кристаллизации новой области знания, расстановка научных сил была иная, чем в следующем десятилетии. Несоответствие между категориальным развитием психологического познания и теоретической программой Вундта становилось все более резким, несмотря на усилия, которые прилагал Вундт, чтобы включить в свою и без того эклектичную систему методы и подходы, выработанные психологами совершенно иной ориентации. Если первоначально в самосознании представителей новой дисциплины (а тем самым и в глазах остальных) между школой Вундта и новой неспекулятивной, опытной психологией стоял знак равенства, то уже в 80-х годах прошлого столетия работники лейпцигской лаборатории начали восприниматься как представители одной из школ, научный авторитет которой стремительно падал.

Приобретение психологией права на самостоятельность подготавливалось интранаучными процессами: становлением ее собственного исследовательского аппарата – категориального, методического, теоретического, появлением носителя этого аппарата – научного сообщества и конкретных лиц, которым сообщество придало лидерские функции. Но интранаучное неисчислимыми нитями связано с экстранаучным.

В аналитических целях допустимо на некоторый момент абстрагироваться от этих связей. В реальности же движение научной мысли, какой бы "чистой" она самой себе не казалась, зависит от социальных потребностей, придающих этому движению энергию и направленность.

Запросы практики (педагогической, медицинской, организации труда и отбора кадров) стимулировали расцвет психологии. Забрести перспектива приобретения экспериментального знания о человеке и тем самым решения жизненно важных вопросов средствами точной науки.

Но теоретическая программа Вундта была в этом отношении малообещающей. Прибывавшая в его лабораторию молодежь жаждала реального знания. Ей же предлагался интроспективный анализ "непосредственного опыта". Перебросить от него мост к практике человекопознания и человекоизменения было невозможно.

Вундт трактовал эксперимент в психологии только как вспомогательное средство, которое позволяет путем варьирования внешних воздействий и регистрации объективно наблюдаемых реакций выяснить поэлементное строение сознания. Стало быть, психологический эксперимент в понимании Вундта не есть экспериментирование над человеческой психикой, под которой понималось только то, что начинается и кончается в сознании, отождествленном с самосознанием. Отсюда – второе

ограничение: эксперимент в психологии невозможен без самонаблюдения. И наконец, третье: эксперимент, по Вундту, применим только к элементарным процессам сознания, но не к высшим (мышление, воля). Последние предлагалось изучать не лабораторными, а культурно-историческими методами, путем анализа продуктов деятельности.

Считая указанные каноны незыблемыми, Вундт запрещал любой иной подход и культивировал соответствующие взгляды в своей школе. Между тем объективная логика разработки психологических проблем шла в ином направлении, разрушая барьеры, которые пытался воздвигнуть Вундт. В 1885 году появилось классическое исследование Г. Эббингауза "О памяти", значение которого (безотносительно к тому, осознавал это сам автор или нет) состояло не только в том, что впервые в кругу доступных психологическому эксперименту объектов появилась память и были установлены ее важнейшие закономерности¹³.

Не менее крупные события благодаря исследованиям Эббингауза произошли на категориальном уровне. Материалом, который использовался при заучивании, являлись не образы (восприятие, представление), а сенсомоторные реакции, из которых образное содержание (значение слова) было изъято.

Конечно, в реальной человеческой деятельности действие, лишенное семантического (образного) содержания, утрачивает реальный смысл, превращается в стимул – реактивное отношение. Но в плане логики развития психологических категорий десемантизация сенсомоторных актов (к тому же речевых!), на которую решился Эббингауз, оказалась воистину эпохальным событием. Была доказана путем точного эксперимента и вычисления возможность исследования закономерных связей психических актов (хотя бы и усеченных) без обращения к "непосредственному опыту", процессам внутри сознания, самонаблюдению.

Экспериментальная схема Эббингауза была несовместима с вундтовскими канонами, но она работала и приносила важные результаты, притом применительно к области научения (то есть приобретения новых действий). Практическая важность освоения экспериментальной психологией этой области была очевидна.

За ударом, нанесенным по концепции Вундта Эббингаузом, последовали другие. Они сыпались с разных сторон: со стороны изучения явлений гипноза и внушения, поведения животных, индивидуальных различий и т.д. Вундтовская программа трещала по швам.

Психология продвигалась не по вундтовскому курсу, а в совершенно иных направлениях. Школа Вундта оказалась в изоляции и деградировала. Как ее расцвет, так и ее распад были обусловлены своеобразным взаимодействием тех же факторов, которые ее породили: предметно-логических, социально-научных и личностных.

Сыграв на заре экспериментальной психологии (в 70-80-х годах) важную роль в консолидации и формировании самосознания этого направления, вундтовская

¹³ С целью решения этой задачи Эббингауз изобрел так называемые бессмысленные слоги, что, по мнению Титченера, явилось самым выдающимся открытием в психологии со времен Аристотеля.

школа, исследовательская программа которой была исчерпана, теперь не только устарела, но и стала помехой дальнейшему прогрессу.

Возникновение новых школ

С деактуализацией в предметно-логическом плане программы Вундта наступил и закат его школы. Опустел питомник, где некогда осваивали экспериментальные методы Кеттел и Бехтерев, Анри и Спирмен, Крепелин и Мюнстенберг и другие ведущие психологи нового поколения. Многие ученики, утратив веру в идеалы лаборатории, разочаровались и в таланте ее руководителя. Компилятор, которому не принадлежит ни один существенный вклад, кроме, быть может, доктрины апперцепции, – так отозвался о Вундте Стенли Холл – первый американец, обучавшийся в Лейпциге. "Это было трагедией Вундта, что он привлек так много учеников, но удержал немногих", – констатировал известный психолог науки Мюллер-Фрайенфельс.¹⁴

Соответственно запросам социальной практики особо острая потребность испытывалась в том, чтобы преобразовать психологическую категорию действия, перейти от членения сознания на элементы к раскрытию функций, выполняемых психическими актами в решении значимых для субъекта задач.

Эта потребность ощущалась психологами различных направлений. Она и обусловила возникновение новых исследовательских программ, а тем самым и новых школ – исследовательских коллективов.

В начале XX века в различных университетах мира действовали десятки лабораторий экспериментальной психологии. Только в Соединенных Штатах их было свыше сорока. Их тематика нам знакома: анализ ощущений, психофизика, психометрия, ассоциативный эксперимент. Работа велась с большим рвением. Но существенно новых фактов и идей не рождалось.

Джемс обращал внимание на то, что результаты огромного количества опытов не соответствуют затраченным усилиям. И вот на этом однообразном фоне сверкнуло несколько публикаций в журнале "Архив общей психологии", которые, как оказалось впоследствии, воздействовали на прогресс в изучении психики в большей степени, чем фолианты Вундта и Титченера. Публикации, о которых идет речь, принадлежали экспериментаторам, практиковавшимся у профессора Освальда Кюльпе в Вюрцбурге (Бавария).

После обучения у Вундта Кюльпе стал его ассистентом (приват-доцентом) – вторым ассистентом после разочаровавшегося в своем патроне Кеттела. Сначала Кюльпе приобрел известность как автор "Очерка психологии" (1893), где излагались идеи, близкие к вундтовским. И если судить по этой книге (единственной его книге по психологии), в идейно-научном плане ничего существенно нового в Вюрцбург, куда он переехал в 1894 году, Кюльпе не принес.

¹⁴ Muller-Freienfels R. Die Psychologie der Wissenschaft. Berlin, 1935, S. 100.

Почему же в таком случае его лаборатория вскоре резко выделилась среди множества других, а проведенные в ней несколькими молодыми людьми опыты оказались для первого десятилетия нашего века самым значительным событием в экспериментальном исследовании человеческой психики?

Чтобы ответить на этот вопрос, у нас нет другой альтернативы, кроме как обратиться к логике развития психологического познания и соотнести с ней то, что произошло в вюрцбургской лаборатории.

В наборе ее экспериментальных схем поначалу как будто ничего примечательного не было. Определялись пороги чувствительности, измерялось время реакции, проводился ставший после Гальтона и Эббингауза тривиальным ассоциативный эксперимент. Все это фиксировалось с помощью приборов. В протоколы заносились показания самонаблюдения испытуемых. Одни и те же рутинные операции, которые можно было бы тогда наблюдать в любой стране, в любом университете, где практиковались занятия по экспериментальной психологии.

Все началось с небольшого на первый взгляд изменения инструкции испытуемого (в его роли обычно выступали попеременно сами экспериментаторы). От него требовалось не только, например, сказать, какой из поочередно взвешиваемых предметов тяжелее (в психофизических опытах), или отреагировать на одно слово другим (в ассоциативном эксперименте), но также сообщить, какие именно процессы протекали в его сознании, перед тем как он выносил суждение о весе предмета или произносил требуемое слово. Испытуемых просили зафиксировать не результат, а процесс, описать, какие события происходят в их сознании при решении какой-либо экспериментальной задачи.

Различные варианты экспериментов показывали, что в подготовительный период, когда испытуемый получает инструкцию, у него возникает установка – направленность на решение задачи. В интервале между восприятием раздражителя (например, слова, на которое нужно ответить другим) эта установка регулирует ход процесса, но не осознается. Что касается функции чувственных образов в этом процессе, то они либо вообще не замечаются, либо, если возникают, не имеют существенного значения.

Изучение мышления стало приобретать психологические контуры. Прежде считалось, что законы мышления – это законы логики, выполняемые в индивидуальном сознании по законам ассоциаций. Поскольку же ассоциативный принцип являлся всеобщим, специфически психологическая сторона мышления вообще не различалась. Теперь же становилось очевидным, что эта сторона имеет собственные свойства и закономерности, отличные как от логических, так и от ассоциативных.

Особое строение процесса мышления относилось за счет того, что ассоциации в этом случае подчиняются детерминирующим тенденциям, источником которых служит принятая испытуемым задача.¹⁵

¹⁵ Или цель действия в волевом акте. Предполагалось, что мыслительный и волевой акты строятся по общему принципу. Реагирование в ответ на раздражитель нажатием на ключ (волевой акт) не отличается от реагирования словом (мыслительный акт).

В итоге вюрцбургская школа вводила в психологическое мышление новые переменные.

1. Установка, возникающая при принятии задачи.
2. Задача (цель), от которой исходят детерминирующие тенденции.
3. Процесс как смена поисковых операций, иногда приобретающих аффективную напряженность.
4. Несенсорные компоненты в составе сознания (умственные, а не чувственные образы).

Эта схема противостояла ставшей к тому времени традиционной, согласно которой детерминантой процесса служит внешний раздражитель, а сам процесс – "плетение" ассоциативных сеток, узелками которых являются чувственные образы (первичные – ощущения, вторичные – представления).

Складывалась новая картина сознания. Ее создали не усилия "чистой" теоретической мысли, отрешенной от лабораторного опыта, от экспериментального изучения психических явлений.

Молодые энтузиасты, объединившиеся вокруг вчерашнего верного ученика Вундта – Кюльпе, в своей повседневной работе по добыванию и анализу конкретных, проверяемых экспериментом фактов убеждались в неправоте Вундта, считающегося "отцом экспериментальной психологии". Они стали его оппонентами. Он не оставался в долгу и совместно с лидерами других верных его заветам школ инкриминировал им измену принципам научного исследования.

Вюрцбургцы в возникшем оппонентном кругу держались достойно, а один из них, Карл Марбе, автор первой важной экспериментальной работы школы, выдвинувший понятие об "установке сознания" (1901), в дальнейшем вообще отверг саму процедуру интроспективного анализа сознания. Эта школа обогатила психологию множеством новых фактов. Но как уже неоднократно говорилось, "чистых" фактов в природе науки не существует. И для объяснения судьбы вюрцбургской школы, ее расцвета и заказа следует обратиться к понятиям об исследовательской программе, теоретические контуры которой предопределяли эмпирию, привлекавшую внимание психологического сообщества. Программа в отличие от других проектировала изучение высших психических функций, прежними лабораториями не изучавшихся. Понятие о функции было противопоставлено понятию о структуре сознания, элементами которой считались сенсорные феномены (ощущения, восприятия, представления). В категориальном плане они представляли категорию образа, но чувственного.

Установив, что в сознании имеется несенсорное содержание, вюрцбургская школа вовлекла в репертуар психологии умственный образ. Но не только в этом заключались ее инновации. Умственный образ выполнял работу по решению умственной задачи. От нее исходила заданная установкой "детерминирующая тенденция" (термин Н. Аха). Описание процесса решения вводило в научный оборот другую кате-

горию, а именно категорию действия. Тем самым ткань исследовательской программы образовывали "нити" иной категориальной сетки, чем программа структурализма, – будь то в вундтовском, титченерском или любом другом варианте.

Сдвиги в категориальном строе психологии, обусловившие успехи вюрцбургской школы, произошли не в силу имманентного развития теоретической мысли или удачных экспериментальных находок увлекшихся психологией студентов Вюрцбургского университета. Их умами правили запросы логики развития науки, столь же независимые от их сознания, как и изучаемая психическая реальность. Об этих запросах говорили события, происходившие по всему исследовательскому фронту естествознания, где, сменяя механический детерминизм, утверждался биологический. Работавшие в психологических лабораториях исследователи, по-прежнему понимая под предметом психологии явление субъекту в его сознании, именно такое понимание излагали в своих текстах.

Но творческая активность их мысли, неотвратимо означающая выход за пределы стереотипов сознания в сферу надсознательного, вела к новым представлениям. Это преломилось в том, что они говорили об установке, детерминирующей тенденции, исходящей от задачи (цели), умственном акте (действии, функции) и т.д. Тем самым вводились новые детерминанты, формировавшие новый когнитивный стиль, в своеобразии которого сказался процесс перехода от одного способа детерминистского объяснения к другому. Вюрцбургская школа была "дитя" переходного периода. Поэтому она неизбежно должна была сойти с исторической арены. Она не смогла с помощью своих теоретико-экспериментальных ресурсов покончить с интроспективной концепцией сознания (в качестве определяющей предметную область психологии). Она по-прежнему представляла сознание, как если бы оно было самостоятельным живым индивидом. Поэтому и целесообразность, присущая умственному действию (как и всем психическим проявлениям), оставалась за гранью причинного объяснения в отличие от эволюционно-биологической трактовки психики как орудия адаптации организма к среде.

Итак, программа вюрцбургской школы была исчерпана. Но как говорит исторический опыт, крушение школ, теорий и программы не проходит бесследно для категориального состава науки. В частности, новые поколения исследователей психики ассимилировали созданное вюрцбургцами применительно к категории образа и действия.

Умственный образ (в отличие от сенсорного) и умственное действие стали неотъемлемыми компонентами аппарата научно-психологической мысли. Если же от этого категориального плана перейти на уровень дальнейшего развития научного сообщества, то уроки, преподанные этой школой, оказались полезны для тех, кто ее непосредственно прошел, участвуя в совместных опытах и спорах. Неформальное научное общение (отличающее продуктивные школы) благотворительно для рождения талантов.

Достаточно напомнить, что из этой школы вышли такие будущие классики психологии, как Нарцисс Ах, Карл Бюлер, Макс Вертгеймер.

На фигуре последнего остановимся несколько детальнее. Защитив диссертацию, он стал лидером новой психологической школы, приобретшей широкую известность под именем гештальтпсихологии. Исследовательскую программу этой школы обычно считают направленной против структурализма Вундта-Титченера с его концепцией сознания как сооружения из "кирпичей" (образов) и "цемента" (ассоциаций).

Если ограничиться теоретическими нападками гештальтпсихологов на своих противников, то придется с этим согласиться. Однако на глубинном категориальном уровне обнаруживаются иные факторы консолидации молодых психологов в одну из крупнейших психологических школ. Ведь задолго до появления этой школы функционалисты (как американские, начиная с Джемса, так и европейские, начиная с Brentano) отвергли концепцию "кирпичей и цемента".

Не в борьбе со структурной школой, уступившей место функциональной (одним из ее вариантов и являлась вюрцбургская), а в борьбе с функциональной, в лоне которой они первоначально воспитывались, создавали гештальтпсихологи свою исследовательскую программу.

У функционалистов сознание выступало в виде самостоятельного, целесообразно действующего агента. Это поддерживало индетерминистскую телеологическую традицию, несовместимую со стандартами научности знания. Гештальтисты же искали пути изучения сознания как самоорганизующейся системы (гештальта) по типу преобразований электромагнитного поля (согласно новой неклассической физике). Это и определило категориальный подтекст исследовательской программы их школы, которая поэтому явилась продуктом распада не структурализма, а функционализма. Выйти к новым рубежам можно было, только пройдя предшествующий уровень предметно-логического развития познания. Подобно тому как Кюльпе и его ученики должны были пережить, почувствовать, переосмыслить программу Вундта, прежде чем сконструировать собственную, Вертгеймер и его соратники должны были непосредственно испытать в своей исследовательской практике программу Кюльпе (и других функционалистов), чтобы приступить к созданию новой программы, ставшей центром консолидации гештальтистской школы. Ядро этой школы образовал триумvirат в составе Вертгеймера, Коффки и Келера. Они сконцентрировались в Берлинском университете, где кафедру психологии возглавлял функционалист Штумпф – ученик Brentano. Но хотя они и учились у Штумпфа (вышли из его научно-образовательной школы), их собственная школа – исследовательский коллектив – имела совершенно новую программу.

Как и вюрцбургская школа, берлинская школа гештальтистов была небольшой по количеству входивших в ее состав исследователей: всего лишь несколько человек из составлявших в тот исторический период научное сообщество психологов. Но именно потому, что небольшая группа оказалась способной произвести большой эффект, она заслуживает пристального анализа.

Уже отмечалось, что причины высокой эффективности результатов деятельности подобных групп следует искать в свойствах их исследовательских программ, в характере соответствия программ логике развития научного знания о психике. Таким образом, переход от структурной школы к функциональной, а от нее в свою очередь к гештальтистской совершился закономерно.

Функциональная школа закономерно сменила структуралистскую, а гештальтистская – функциональную в границах определенной методологической традиции, которая может быть обозначена как "психология сознания".

Гештальтизм внес существенный вклад в общий строй психологического познания, внедрив в него принцип системности и открыв важные закономерности, касающиеся природы образа и его роли в динамике различных психических процессов.

Все рассматриваемые школы исходили из постулата, согласно которому предметной областью психологии служит индивидуальное сознание (его явления, процессы, функции, гештальты).

Все школы стремились утвердить в изучении этой субъективной области объективные научные стандарты, при этом прослеживается влияние на программы школ стандартов, принятых науками о природе, будь то классическая физика (структурализм), эволюционная биология (функционализм) или "физика поля" (гештальтизм).

До сих пор понятие о школе обозначало два вида социально-научных объединений, а именно: а) научную школу образовательного типа (наиболее яркий пример – школа Вундта. В ней к профессии психолога приобщалось множество будущих исследователей самой различной ориентации), б) школу – исследовательский коллектив. Теперь к ним, после сказанного, можно присоединить третий тип школы в том смысле, что вхождение в научное сообщество предполагало усвоение определенной традиции (в плане понимания предметной области науки, методов ее изучения, принятых в ней ценностей и норм, отношений к другим дисциплинам и др.).

Школа как направление в науке

Традиция, восходящая к Вундту, которого принято называть "отцом экспериментальной психологии", запечатлела Декартов взгляд на сознание, которое мыслилось подобно субстанции Спинозы как "causa sui" (причина самого себя). Исходя из намеченной выше классификации трех типов школ, те психологи, которые продвигались в русле данной традиции, могут рассматриваться в качестве исследователей, представлявших общую школу (если понимать под этим термином направление в науке). Направление, о котором говорится, принято называть интроспекционизмом, поскольку психология в отличие от других дисциплин мыслилась основанной на изошренном и особым образом организованном самонаблюдении субъекта – интроспекции. Но оно не являлось, как мы знаем, единственным в мировой научной мысли.

В России (в силу особенностей ее социокультурного развития) возникло другое направление, также зачатое в чреве картезианства, но приведшее благодаря своим естественным "генам" к открытию рефлексивной природы поведения. Его контуры наметил Сеченов (кстати сказать, одногодка Вундта). Он стал родоначальником расцветшей в XX столетии объективной психологии. Причины, по которым Вундт создал в психологии школу – исследовательский коллектив, кроются, как мы знаем, в разработке программы. Именно программа, исполняемая под властью ее генератора, служит, как отмечалось, единственным "инструментом" консолидации школы данного типа.

У Сеченова применительно к психологии такой программы не было. В его научной карьере только в один из периодов (в 60-е годы) ему довелось образовывать школу как исследовательский коллектив. Сложилась же она на основе чисто физиологической программы по изучению открытого им в головном мозгу "центрального торможения". Но его идеи о том, как разрабатывать психологию, намечали перспективы преобразования всего категориального строя этой науки. На уровне изучения поведения они вдохновили Павлова на создание самой крупной в истории науки, притом международной, школы – исследовательского коллектива.

После Павлова, под влиянием его концептуальных установок, имевших прочное методическое оснащение, в различных странах мира возникла разветвленная сеть лабораторий. Она приобрела характер направления в психологической науке.

Личность ученого

Нами были рассмотрены две координаты науки как системы деятельности – когнитивная (воплощенная в логике ее развития) и коммуникативная (воплощенная в динамике общения).

Они неотделимы от третьей координаты – личностной. Творческая мысль ученого движется в пределах "познавательных сетей" и "сетей общения". Но она является самостоятельной величиной, без активности которой развитие научного знания было бы чудом, а общение невозможно.

Исходным постулатом теоретической психологии служат принципы анализа науки как системы, каждый из феноменов которой дан в трех координатах: исторической, социетальной и личностной. Соответственно, чтобы постичь психологию человека науки, нужна принципиальная переориентация, ведущая к понятиям, адекватным ее системной многомерности. Здесь обнажается слабость традиционного подхода к психологическому аспекту деятельности ученого, когда о нем говорят на привычном языке понятий о воображении, вдохновении, мотивации, свойствах личности и др.

Конечно, эти слова указывают на реальные факты психической жизни тех, кто занят наукой. Но значение этих слов исторически сковано ограниченным набором признаков, фиксирующих в психике ее общечеловеческое строение и содержание. Соответственно, попытки исследовать личность ученого, оперируя сеткой этих понятий, заведомо затрудняют выход за пределы этого содержания. Речь должна идти не о том, чтобы перечеркнуть запечатленное в традиционных психологических терминах, но о совсем другой стратегии. О такой, которая, сохранив в исторически апробированных терминах информацию о психической реальности, преобразовала бы их смысловую ткань. Вектор преобразования нам уже известен. Он направлен к роли, исполняемой личностью в драме научного творчества, которая, подчеркнем еще раз, отнюдь не является чисто психологической. Из этого явствует, что понятия, признанные репрезентовать психический облик "обитателей" мира науки, смогут эффективно работать только тогда, когда их психологическая сердцевина пронизана нитями, нераздельно соединяющими ее с предметным и коммуникативным в триадической системе.

Кратко остановимся на нескольких вариантах понятий, способных, на наш взгляд, пройти испытание на выполнение системной функции.

Идеогенез

Прежде всего следует остановиться на понятии, названном нами идеогенезом. Под ним следует понимать зарождение и развитие тех идей у конкретного исследователя, которые приводят к результатам, заносимым его имя по приговору истории в список хранимых памятью науки персоналий. С первых же своих шагов этот исследователь продвигается по вехам, до него намеченным другими. Его теоретические раздумья соотносятся с тем, что ими испытано, притом, порой, в различные времена. Он способен выстрадать собственные новые решения, не иначе как усвоив уроки, преподанные былыми искателями научных истин. При переходах же от одного урока к другому может меняться не только содержание мышления, но и его стиль, его категориальные ориентации. И тогда в идеогенезе выступает "малая логика" развития индивида в его "лица необщем выраженьи". У "большой" логики научного познания, как известно, имеются свои внутренние формы, преобразуемые в его историческом "безличностном" движении. Мы можем предпринимать попытки их воссоздания, абстрагируясь от психической организации субъектов, во взрывах творческой активности которых эти формы созидались.

Но ведь в реальности вне подобной психической организации, пронизанной идеогенезом, никакое построение и изменение научного знания невозможно.

Представления о "машинообразности" поведения (или деятельности мозга) у Декарта, Павлова и Винера существенно разнились. Каждое из них запечатлело одну из сменявших друг друга фаз всемирно-исторической логики развития научного познания. Метафора "машина" обозначала интеграцию двух глобальных объяснительных принципов этого познания: детерминизма и системности.

Соответственно, в этой смене суждений о "машинообразности" звучит голос логики перехода от одних форм причинно-системного объяснения жизненных (в том числе психических) явлений к другим. Сама по себе логика перехода носила закономерный характер и, стало быть, подчиняла себе отдельные умы безотносительно к прозрачности рефлексии о ней. Но означает ли это, что названные выше имена исследователей, с которыми ассоциируется поочередно каждая из стадий логики науки, не более чем плацебо или простые знаки различия эпох? Подобное мнение (к которому склоняется в своей интерпретации историко-психологического процесса известный американский ученый Э.Боринг¹⁶) столь же односторонне, как и давние попытки Томаса Карлейля и его последователей объяснить генезис идей "вспышками гения"¹⁷.

Понятие об идеогенезе адекватно принципу трехаспектности. Оно призвано реконструировать динамику становления теоретических идей в исследованиях конкретных проблем, которыми поглощена личность. Тем самым оно характеризует один из аспектов этой деятельности, а именно личностно-психологический. В то же

¹⁶ Boring E. Eponim as Placebo. In.: XVII International Congress of Psychology. Proceedings. Amsterdam, 1964, pp. 9-23.

¹⁷ Carlyle Th. On Heroes, Hero Worship and the Heroic in History. London, 1840.

время динамика, о которой идет речь, обусловлена объективными формами эволюции знания. К этому следует присоединить воздействие на нее макро- и микро-социальных факторов.

Ведь "рисунок" идеогенеза создается включенностью индивида в научное сообщество и в тот малый социум (научную школу), где возвращаются первые идеи, дальнейшая жизнь которых зависит от превратностей судьбы творческой личности.

Большой интерес в плане познания природы научного творчества представляет вопрос о соотношении между индивидуальным путем исследователя и общей историей коллективного разума науки, испытываемыми этим разумом трансформациями, переходами от одних структур к другим.

В биологии изучение корреляций между развитием зародыша отдельной особи и вида привело к биогенетическому закону.

Единичный организм повторяет в определенных – сжатых и преобразованных – вариантах главнейшие этапы развития гигантского "шлейфа" предковых форм. По аналогии с этим законом можно смоделировать отношение стадий индивидуального развития творческого ума к основным периодам эволюции воззрений на разрабатываемую этим умом предметную область.

Подобная аналогия правомерна, если за ее основание принимается не содержание (состав) знания, а его морфология. В процессе развития науки изменяются способы построения ее предметного содержания. Оно интегрируется посредством определенных принципов. К ним относится, в частности, принцип детерминизма как главный жизненный нерв научного мышления. В его эволюции сменилось несколько стадий. Индивидуальный ум, в свою очередь, изменяется не только с содержательной стороны, но и морфологически, структурно. Это делает заманчивым сопоставление двух рядов: филогенетического и онтогенетического. Воспроизводится ли и в каких масштабах и компонентах первый во втором?

Приступив к проверке нашей гипотезы о своеобразной "рекапитуляции", возможной в эволюции творчества отдельного ученого, мы вычленили в трудах Сеченова "лестницу" сменявших друг друга в ходе филогенеза форм детерминистского объяснения явлений.¹⁸

Применительно к нашей проблеме, в центре которой – взаимоотношение соматических и психологических факторов в детерминации поведения организма, смена стадий в XIX веке проходила по десятилетиям: 30-е годы – утверждение механодетерминизма под знаком "анатомического" начала; 40-е – сменивший его другой вариант механодетерминизма (господство "молекулярного начала"); 50-е – зарождение биодетерминизма, колыбелью которого стали учения Бернара и Дарвина; 60-е годы – ростки биопсихического детерминизма в исследованиях Гельмгольца и других нейрофизиологов. Отправляясь от этого уровня, Сеченов пришел к иссле-

¹⁸ Подробнее об этом см.: Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.

довательской программе, открывшей перспективы изучения психической регуляции поведения с позиций новой, более высокой формы его детерминистского анализа.

Рассматривая динамику творчества Сеченова в контексте всемирно-исторического движения психологического познания, можно уверенно утверждать, что его интеллектуальный онтогенез воспроизводил в известном отношении (в кратких и преобразованных формах) филогенез научной мысли. Если перед нами не единичный случай, а закон, то его можно было бы – по аналогии с биогенетическим – назвать идеогенетическим.

Категориальная апперцепция

В свое время Лейбницем, а затем Кантом было введено понятие об апперцепции (от лат. *ad* – к, *perceptio* – восприятие) для обозначения воздействия прежнего интеллектуального синтеза на вновь познаваемое содержание. По Канту, трансцендентальная апперцепция (от лат. *transcendentis* – выходящий за пределы) – это формы и категории, которые служат предпосылками опыта, делают его возможным.¹⁹ Он имел в виду общие формы и категории рассудка (субстанция, причинность и многое другое), но эти общие формы для него означали единство любого мыслящего субъекта, определяющее синтетическое единство его опыта. Применительно же к данному контексту я выдвигаю тезис о функциях не любого субъекта, а субъекта научного познания, единство мышления которого об исследуемом предмете обеспечивают специальные научные (а не только философские) категории. Они, говоря языком Канта, априорны (от лат. *a priori* – из предшествующего) в смысле предваряющих опытное изучение объекта данным ученым, но их априорность для него обеспечена историческим опытом.

Категориальный строй аппарата науки правит мыслью ее людей объективно и изменяется независимо от индивидуальной судьбы. Но он играет роль апперцепции и их психологическом восприятии проблем и перспектив разработки, влияя на динамику теоретических воззрений, на переосмысливание эмпирически данного, на поиски новых решений.

Радикальные различия в категориальной апперцепции привели к конфронтации Павлова с американскими бихевиористами по поводу условных рефлексов.²⁰ У Выготского основные параметры его категориальной апперцепции определил постулат об изначальной зависимости сознания от культуры (ее знаковых систем), выступающих в роли "скульптора" психических функций в социальной ситуации развития.²¹

Понятие об этой ситуации оттесняло главную формулу науки о поведении: "организм – среда" (биологический детерминизм), заменяя ее другой: "личность – общество – культура".

¹⁹ См.: Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т. 3. М., 1964, с. 338.

²⁰ См.: Павлов И.П. Ответ физиолога психологам. – Павлов И.П. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, 2-е изд. Т. 3. Кн. 2. М.-Л., 1951.

²¹ Подробнее об этом см.: Ярошевский М.Г. Л. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.

Конкретно-научное изучение поведения преломлялось отныне сквозь категориальную апперцепцию, диктовавшую мыслить систему отношений индивида с миром сквозь "кристаллическую решетку" социокультурных детерминант.

С открытием механизма условных рефлексов И.П. Павлову, чтобы успешно двигаться в новом направлении, требовалось изменить прежний способ видения и интерпретации исследуемой реальности, изучать ее сквозь "кристалл" преобразованных категориальных схем. Основой служила причинно-системная матрица биологического детерминизма (с ее категориями эволюции, адаптации, гомеостаза и др.). Опираясь на эти инварианты, Павлов не ограничивается ими, но вводит дополнительные, призванные причинно объяснить динамику индивидуального поведения: сигнал, подкрепление, временная связь и др. Они и образовали ту интеллектуальную апперцепцию, сквозь "излучение" которой ему был отныне зрим каждый лабораторный феномен. Они позволили проникнуть в общий строй поведения, неизведанные тайны которого захватывали мысль Павлова до конца его дней.

Категориальная апперцепция у А.А. Ухтомского формировалась как эффект тех инноваций, которые были внесены в основные объяснительные принципы и категории, образующие костяк науки о поведении.

Здесь выделяется обогащение детерминизма, который, сохраняясь как инварианта научного познания, приобрел новые характеристики. Важнейшая из них – саморегуляция, под которой разумелось не спонтанное изменение поведения, безразличное к воздействиям внешней среды, но присущая организму активность, направленная на трансформацию этой среды.

"Доминанта, – по определению автора категории, – это временно господствующий рефлекс".²² Но какова природа поведенческого акта, обозначенного древним термином? Активность, регулируемая интегральным образом мира, построение проектов действительности – эти признаки остаются неразличимыми, пока организм трактуется как существо, приводимое в действие только под влиянием внешних толчков, мотивируемое только гомеостатической потребностью (например, пищевой), реагирующее только на одиночные раздражители и ориентирующееся по времени только в пределах данного мгновения. На первый взгляд модель, отвергнутая Ухтомским, походила на павловскую. Но он воспринимает учение И.П. Павлова другими глазами. "Наиболее важная и радостная мысль в учении дорогого И.П. Павлова заключается в том, что работа рефлекторного аппарата не есть топтание на месте, но постоянное преобразование с устремлением во времени вперед".²³ Наряду с категорией рефлекса в апперцепцию Ухтомского входили в общем ансамбле и другие категории: торможение (которое трактовалось как активный "скульптор действия", отсекающий все раздражители, препятствующие его построению), интегральный образ (в противовес "ощущению" [кавычки Ухтомского. – М.Я.] как "последнему элементу опыта"²⁴), предвкушение и проектирование среды и др.

²² Ухтомский А.А. Собр. соч. Т. 1. Л., 1950, с. 317.

²³ Там же, с. 258.

²⁴ Там же, с. 194.

Здесь важнейшей инновацией явилось введение понятия об истории системы, при этом трактуемой в плане развития, обусловленного экспансией организма по отношению к среде.

Среди категорий, введенных Ухтомским в аппарат науки о поведении, особое место заняли категории человеческого лица (личности), которыми характеризовалось своеобразие доминант, отличающих поведение человека (а тем самым и его среду и его мотивацию) от других живых существ.

Внутренняя мотивация

Поскольку весь смысл деятельности ученого заключен в производстве нового знания, внимание привлекает прежде всего ее познавательный аспект. Дискуссии идут о логике развития мышления, роли интуиции, эвристик как интеллектуальных приемов и стратегии решения новых задач и т.п. Между тем голос практики требует обратиться к мотивационным факторам научного творчества.

За этими факторами издавна признают приоритет сами творцы науки. "Не особые интеллектуальные способности отличают исследователя от других людей... – подчеркивал Рамон-и-Кахаль, – а его мотивация, которая объединяет два страсти: любовь к истине и жажду славы; именно они придают обычному рассудку то высокое напряжение, которое ведет к открытию". Стало быть, мотивация, а не интеллектуальная одаренность выступает как решающая личностная переменная.

В психологии принято различать два вида мотивации – внешнюю и внутреннюю. Применительно к занятиям наукой в отношении тех ученых, энергию которых поглощают ими самими выношенные идеи, принято говорить как о внутренне мотивированных. В случае же, если эта энергия подчинена иным целям и ценностям, кроме добывания научной истины, о них говорят, как о движимых внешними мотивами.

Очевидно, что жажда славы относится ко второй категории мотивов. Что же касается таких мотивов, как любовь к истине, преданность собственной идее и т.п., то здесь с позиций исторической психологии науки следует предостеречь от безоговорочной отнесенности этих побудительных факторов к разряду внутренних мотивов. Сам субъект не является конечной причиной тех идей, которые начинают поглощать его мотивационную энергию. Появление этих идей обусловлено внешними по отношению к личности объективными обстоятельствами, заданными проблемной ситуацией, прочерченной логикой эволюции познания. Улавливая значимость этой ситуации и прогнозируя возможность справиться с ней, субъект бросает свои мотивационные ресурсы на реализацию зародившейся у него исследовательской программы.

Мотивационная сфера жизни человека науки, как и любого другого, имеет иерархизованную структуру со сложной динамикой перехода от "внешнего" к "внутреннему". Сами термины, быть может, неудачны, поскольку всякий мотив исходит от личности, в отличие от стимула, который может быть и внешним по отношению к ее устремлениям. Тем не менее, как подчеркивал один из первых исследователей научного творчества А. Пуанкаре, ученому приходится непрерывно производить

выбор в широком спектре обступающих его со всех сторон идей и возможных решений. Пуанкаре объяснил этот выбор словом "интуиция". Это слово правомерно в том смысле, что указывает на своеобразие мыслительных процессов вне зоны формализуемого и осознаваемого. Но мотивация выбора направления, принятие или отклонение гипотезы, образование барьера на пути к открытию и т.п. требуют такого же объективного подхода, как и другие факторы исследовательского труда ученых, то есть с позиций пересечения в динамике этого труда его когнитивной, социальной и психологических осей.

Внутренней мотивацией следует считать тот цикл побуждений субъекта, который создается объективной, независимой от этого субъекта логикой развития науки, переведенной на язык его собственной исследовательской программы. В то же время, прослеживая мотивационную "биографию" ученого, следует принимать во внимание важную роль для его будущего выбора внешних обстоятельств.

Как-то в руки молодого Ухтомского попала книга о молодом враче, решившем для пользы науки произвести над собой последний опыт – сделать себе харакири и детально описать свои ощущения. Когда соседи, заподозрив неладное, выломали дверь и ворвались в комнату, врач, указывая на свои записки, попросил передать их в научное учреждение. "Яркое художественное описание страданий сочеталось со светлым сознанием того, что своими страданиями можно приоткрыть завесу над тайной смерти. Все это ошеломило меня. Книга о враче-подвижнике сыграла значительную роль в определении моих интересов к физиологии", – вспоминал Ухтомский.

Мало кому известно, что И.П. Павлов, став военным медиком, был (как и Сеченов) первоначально мотивирован на изучение психологии. Из его писем к невесте узнаем, что у него "были мечтания" заняться объективным изучением психологии молодых людей. С этой целью он завел "несколько знакомств с гимназистами, начинающими студентами. Буду вести за их развитием протоколы и таким образом воспроизведу себе "критический период" с его опасностями и ошибками не на основе отрывочных воспоминаний, окрашенных временем, а объективно, как делают в физиологии".²⁵

Это писалось в годы, когда на Западе об объективном методе изучения развития личности, да еще с целью открытия критических периодов в этом развитии, никто не помышлял. Вскоре Павлов отказался от своих "мечтаний". В объективной логике научного познания, а тем самым и для внутренней мотивации, способной подвинуть на реализацию замысла, предпосылки еще не созрели. Но "внешний мотив", связанный с замыслом приложения объективного метода (как в физиологии) к поведению, трансформировался через два десятилетия в программу особой "экспериментальной психологии" (именно под этим названием Павлов представил первоначально перед мировой научной общественностью свое учение о высшей нервной деятельности).

Сам ученый часто не осознает мотивов, определивших его выбор. Что побудило, например, И.П. Павлова, прославившегося изучением главных пищеварительных

²⁵ Павлов И.П. Письма к невесте // Москва. №10. 1952, с. 155.

желез, которое принесло ему Нобелевскую премию, оставить эту области физиологии и заняться проблемой поведения? Он сам связывал этот переход с испытанным в юности влиянием сеченовских "Рефлексов головного мозга". Осознавал ли он, однако, мотивационную силу сеченовских идей на рубеже XX столетия в те годы, когда в его научных интересах и занятиях совершился крутой перелом, то есть когда он приступал к разработке учения об условных рефлексах? Есть основания ответить на этот вопрос отрицательно.

Так, выступая в 1907 году в Обществе русских врачей на заседании, посвященном памяти Сеченова, Павлов указал в числе заслуг последнего открытие центрального торможения и инертности нервного процесса, но даже не упомянул о распространении принципа рефлекса на головной мозг и его психические функции.²⁶ А ведь к тому времени уже сложилась и широко применялась основная схема Павлова. Итак, исследование условных рефлексов шло полным ходом, а у Павлова и мысли не было о том, что Сеченов дал толчок этому новому направлению. Идеи "Рефлексов головного мозга" мотивировали деятельность Павлова, произвели коренной сдвиг в его интересах, обусловили его переход в совершенно новую область, но он сам в течение многих лет этого не осознавал.

В области творчества, так же как и в других сферах человеческой жизни, мотивы имеют свою объективную динамику, которая несравненно сложнее того, что отражается в самоотчете субъекта.

Наука имеет свою собственную логику развития, вне которой не могут быть объяснены не только интеллектуальные преобразования, совершающиеся в голове ученого, но и сдвиги в мотивах его деятельности. Между зарождением идеи и приобретением ею мотивационной силы (то есть превращение ее в побудительное начало исследования) могут лежать десятилетия. Так было, в частности, и с восприятием Павловым сеченовской рефлекторной концепции.

Какова бы ни была мотивация, побуждающая (иногда с огромной страстью) защищать излюбленные, но бесперспективные идеи, она в конечном счете оказывается внешней, ибо бесперспективность означает неспособность мысли продвигаться в предметном содержании, добывать новые знания, ассимилируемые системой науки. Но тогда становится очевидным, что энергия, затрачиваемая на поддержку уже не способной работать мысли, должна черпаться не из общения с предметом, а из других источников – стремления сохранить свою позицию, авторитет и т.п. А это, конечно, – мотивация внешняя. Внутренняя мотивация зарождается в контексте взаимодействия между запросами логики развития науки и готовностью субъекта их реализовать.

Динамика познавательных интересов индивида может не совпадать с интересами других лиц, имеющих собственную программу деятельности, с их точки зрения наиболее продуктивную или даже единственно научную. Это несовпадение опять же создает конфликтную ситуацию. История подтверждает правоту высказывания Джемса о судьбе некоторых научных идей: сначала их считают бессмысленными, затем, может быть, правильными, но несущественными и, наконец, настолько важ-

²⁶ См.: Павлов И.П. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, 2-е изд. Т. 6. М.-Л., 1959, с. 265-267.

ными, что вчерашние противники этих идей утверждают, будто они сами их изобрели. Достаточно хорошо известно, что многие идеи при своем зарождении воспринимались как нелепые и антинаучные. Адекватную оценку они получали лишь впоследствии. Причины невосприимчивости ученых к открытиям и идеям своих коллег требуют специального анализа. Иногда, чтобы адекватно оценивать новую идею, нужно преодолеть сложившиеся стереотипы. Это требует интеллектуального напряжения, означающего не только логическую, но и мотивационную перестройку. Существует, вероятно (пока неизученное), и определенное "время реакции" для восприятия нового представления. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с психологическими, а не логическими факторами. Ведь противникам новой идеи нельзя отказать в следовании логическим нормам, в строгости аргументации.

Ряд лет мотивационная, удивительная по напряженности, энергия Павлова была сосредоточена на экспериментальном изучении отдельных физиологических систем (кровообращение, пищеварение). К началу XX века она переместилась на новое проблемное поле, вероятнее всего из-за падения эвристического потенциала прежних исследовательских программ. Они не сулили новых столь же значительных успехов, как прежние, и, продолжая экспериментально изучать работу пищеварительных желез, он выбирает новое направление.

К функции одной из "малых" желез – слюнной – Павлов подошел с позиций, которые вывели его далеко за пределы предназначения данного органа в работе пищеварительного аппарата в огромный мир законов, регулирующих взаимодействие живых существ со средой. Гениальность павловского выбора на первых порах оставалась неприметной. Но сдвиг, произошедший крутой поворот в мотивационной направленности его научных исканий был обусловлен не его выдающимися личными качествами самими по себе. Внутренний мотив, будучи неотчуждаемым от субъекта, создается внешней по отношению к указанным качествам, объективной логикой развития научного познания. Именно ее запросы улавливают с различной степенью проницательности отдельные умы, в силу чего энергетизируется мотивационный потенциал их творчества. Павлов, как отмечалось, пришел в науку в эпоху триумфа биологического детерминизма, принципы которого впитал вместе со всем племенем натуралистов его эпохи. Отвергнув прежние механистические воззрения, они исследовали животный мир, опираясь на новую причинно-системную матрицу. Однако ни одно из новых направлений, изменив коренным образом научное знание о живой природе, о ее законах, эволюции, еще не утвердило своих принципов применительно к сфере отношений с окружающей средой отдельной особи как целого. Это создавало проблемную ситуацию, вовлекшую в свою неразгаданную структуру исследователей различной ориентации (Дж. Романес, И.М. Сеченов, Ж. Леб, К. Ллойд-Морган, Э. Торндайк и др.). В недрах логики науки, ставившей эту исследовательскую задачу перед ученой мыслью эпохи, зрели предпосылки к ее решению, и, тем самым, у субъектов творчества формировалась внутренняя мотивация.

В понимании обстоятельств, обусловивших формирование интересов ученого, выбор им определенного направления, принятие или отклонение гипотезы, образование "психологического барьера", препятствующего адекватной оценке точки зрения другого исследователя, и т.п., мы не продвинемся ни на шаг до тех пор, пока

не перейдем от чистого логического анализа в область мотивации, которая требует такого же объективного подхода, как и другие факторы деятельности ученого.

Почему Гёте годами вел непримиримую борьбу с теорией цветного зрения Ньютона? Почему Сеченов почти всю свою энергию экспериментатора отдал не нервным центрам, а химизму дыхания? Почему Павлов и Бехтерев, оба исходившие из принципа рефлекторной регуляции поведения, не признавали достижений друг друга и враждовали между собой? Почему нет такой научной теории, которая не вызывала бы противодействия со стороны ученых, обладающих не меньшей приверженностью научным идеалам и не меньшей "силой" логического мышления, чем ее автор?

Невозможно ответить на эти и подобные им вопросы, не приняв во внимание своеобразие внутренней мотивации и характер ее взаимоотношений с мотивацией внешней.

Таким образом, и эвристичность понятия о внутренней мотивации задана тем, что, будучи психологической по своей категориальной "плоти", она не сводится к версии, согласно которой в противовес внешней мотивации внутренняя мотивация исходит от служащего для нее конечной причиной энергетического "залпа" субъекта и только от него. В действительности же она в условиях научной деятельности создается у индивида объективной проблемной ситуацией (исторический аспект) и соотношением интеллектуальных сил в научном сообществе (социокультурный аспект). Только тогда третий аспект в этой системе отношений – психологический – обретает перспективу актуализировать свою уникальность и личностность.

Оппонентный круг

Понятие об оппонентном круге введено мною²⁷ с целью анализа коммуникаций ученого под углом зрения зависимости динамики его творчества от конфронтационных отношений с коллегами. Из этимологии термина "оппонент" явствует, что имеет в виду "тот, кто возражает", кто выступает в качестве оспаривающего чье-либо мнение. Речь пойдет о взаимоотношениях ученых, возражающих, опровергающих или оспаривающих чьи-либо представления, гипотезы, выводы. У каждого исследователя имеется "свой" круг таких фигур. Очевидно, что оппонентный круг имеет различную конфигурацию. Его может инициировать ученый, когда бросает вызов коллегам. Но его создают и сами коллеги, не приемлющие идеи других, воспринимающие их как угрозу своим воззрениям (а тем самым и своей социальной позиции в науке) и потому отстаивающие их в форме оппонирования.

Поскольку конфронтация и оппонирование происходят в зоне, которую контролирует научное сообщество, вершащее суд над своими членами, ученый вынужден не только учитывать мнение и позицию оппонентов с целью уяснить для самого себя степень надежности своих оказавшихся под огнем критики данных, но и отвечать этим оппонентам. Его отношение к их возражениям не исчерпывается согласием или несогласием. Полемика, хотя бы и скрытая, становится катализатором работы мысли. В связи с этим напомним о замечаниях М.М. Бахтина по поводу

²⁷ См.: Ярошевский М.Г. Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. №10. 1983, с. 49-62.

того, что авторская речь строится с учетом "чужого слова" и без него была бы другой. Стало быть, в ходе познания мысль ученого регулируется общением не только с объектами, но и с другими исследователями, высказывающими по поводу этих объектов суждения, отличные от его собственных. Соответственно, текст, по которому история науки воссоздает движение знания, следует рассматривать как эффект не только интеллектуальной (когнитивной) активности автора этого текста, но и его коммуникативной активности. При изучении творчества главный акцент принято ставить на первом направлении активности, прежде всего понятийном (и категориальном) аппарате, который применил ученый, строя свою теорию и получая новое эмпирическое знание. Вопрос же о том, какую роль при этом сыграло его столкновение с другими субъектами – членами научного сообщества, чьи представления были им оспорены, затрагивается лишь в случае открытых дискуссий. Между тем, подобно тому, как за каждым продуктом научного труда стоят незримые процессы в творческой лаборатории ученого, к которым обычно относят построение гипотез, деятельность воображения, силу абстракции и т.п., и производстве этого продукта незримо участвуют оппоненты, с которыми он ведет скрытую полемику. Очевидно, что скрытая полемика приобретает наибольший накал в тех случаях, когда выдвигается идея, претендующая на радикальное изменение устоявшегося свода знаний. И это неудивительно. Сообщество должно обладать своего рода "защитным механизмом", препятствующим "всеядности", немедленной ассимиляции любого мнения. Отсюда и то естественное сопротивление сообщества, которое приходится преодолевать каждому, кто притязает на признание за его вкладом в науку новаторского характера.

Признавая социальность научного творчества, следует иметь в виду, что наряду с макросоциальным аспектом (охватывающим как социальные нормы и принципы организации мира науки, так и сложный комплекс отношений между этим миром и обществом) имеется микросоциальный. Он представлен, в частности, в оппонентном кругу. Но в нем, как и в других микросоциальных феноменах, изначально выражено также и личностное начало творчества. На уровне возникновения нового знания – идет ли речь об открытии, гипотезе, факте, теории или исследовательском направлении, в русле которого работают различные группы и школы, – мы оказываемся лицом к лицу с творческой индивидуальностью ученого.

Понятие об условном рефлексе родилось в оппонентном кругу и на протяжении всей его исторической жизни противостояло в научном сообществе потоку идей, образующих новые оппонентные круги. Изначально разработка этого понятия имела в творческих устремлениях Павлова два критических вектора. Один был направлен против воззрений, претендующих на объяснение поведения действием особых психических агентов ("биография" которых с точки зрения принципа детерминизма представлялась сомнительной).

Другой вектор был направлен против нигилистического отношения к чуждым традиционной физиологии, но телесным по природе, факторам объяснения жизненных актов. Павлов искал выход из тупика, образованного этими подходами, создавшими альтернативу: либо психология сознания, либо физиология организма. Третьего не дано. Павлов покончил с этой альтернативой, сформировав понятие об условном рефлексе. Совершилось же это революционное событие в оппонентном

кругу, где Павлов оказался, по собственному признанию, в ситуации "нелегкой умственной борьбы". Перспективный оппонентный круг возник как очаг научных инноваций после знакомства Павлова с трудами Фрейда (породив новое направление в павловской школе, темой которого стало изучение экспериментальных неврозов). После полемики Павлова с представителями гештальттеории понятие о динамическом стереотипе и версия экспериментов по "рефлексу на отношение" явно стали "гостями" его лабораторий, выйдя из этого оппонентного круга.

Особо следует выделить оппонентный круг, в котором шло столкновение Павлова со многими представителями бихевиористского движения. Последнее восходило к возвращенным на русской почве идеям условно-рефлекторной регуляции поведения. Под этим имелось в виду взаимодействие организма со средой, опосредованное передаваемой нейроаппаратами сигнально-знаковой информацией об ее свойствах.

Различие в русском и американском путях разработки науки о поведении создало при столкновении лидеров этих путей оппонентный круг, в котором Павлов подверг критическому анализу попытки разрабатывать эту науку, игнорируя зависимость организации действий от нейродинамических структур и сигнально-знаковых отношений с объектами среды.

В оппонентном кругу Павлова мы встречаем, как это ни парадоксально, исследователей, отстаивавших модель рефлекса, на первый взгляд идентичную его собственной. В этом случае легко заподозрить, что причиной оппонирования служили притязания, носящие по сути личностный характер, лишенный научного смысла, поскольку утрачивалось главное предназначение оппонентного круга: продвинуть знание об объекте на более адекватный реальности уровень. Таковы, в частности, притязания на приоритет. И сам Павлов не был лишен этих притязаний. Однако, как может быть показано на взаимоотношениях между Павловым и Бехтеревым, хотя оба стояли на позициях рефлекторной теории, созданный ими (и их школами) оппонентный круг возник в силу логико-научных различий в позициях этих двух исследователей.

Выготского можно было бы назвать гениальным оппонентом. Он владел удивительным умением критически разбивать каждую теоретическую конструкцию, обнажая как силу, так и слабость ее прорывов в непознанное.

Под этим углом зрения, сложившимся у него в юности и во время учения на юридическом факультете, он воспринимал в различные периоды своего творчества концепции, которые возникали тогда на переднем крае исследований (как в естественных, так и в гуманитарных науках). Он полемизировал с Потебней об интеллектуальном предназначении басни, с Павловым о дуализме его учения (вопреки его притязаниям на создание картины "неполовинчатого" организма), с Фрейдом (подчеркивая, что, подобно Гегелю, тот, "хромая, шел к правде"), с Келером, Штерном, Бюлером, Пиаже, Дильтеем, Левином – по существу, со всеми, кто определял научный ландшафт психологии той эпохи. И в каждом случае полемика Выготского с теми, кому он оппонировал, служила для него опорой в выборе и переосмыслении проблем, с целью поиска и разработки собственных вариантов решений.

Чтобы создать оппонентный круг, ученый должен быть определенным образом мотивирован. Ведь участие в полемике, критический анализ теоретических воззрений, признанных неприемлемыми, защита и развитие в противовес им собственной позиции – все это требует сочетания интеллектуальной работы и порой непомерных затрат мотивационной энергии.

В ситуации оппонентного круга перед нами вновь выступает пронизанность личностно-психологического ядра научной деятельности "излучениями", исходящими от двух других его переменных когнитивной (без которой оппонирование было бы беспредметным) и коммуникативной.

Индивидуальный когнитивный стиль

Логика науки движет мыслью ученых посредством "сетей общения", открытых или скрытых (не вписанных в тексты публикаций) диалогов, как на теоретическом уровне, так и на тесно связанном с ним эмпирическом.

Из этого не следует, что отдельный ум представляет собой лишенный самостоятельного значения субстрат, где сплетаются когнитивные "сети" (категории логики науки) с коммуникативными (оппонентные круги и др.). Столь же неотъемлемой детерминантой результатов, обретших объективную (стало быть, независимую от неповторимой жизни человека науки) ценность, является личностное начало творчества. По словам Эйнштейна, "содержание той или иной науки можно понять и оценить, не вдаваясь в процесс индивидуального развития тех, кто ее создал. Однако при таком одностороннем представлении отдельные шаги иногда кажутся случайными. Понять, почему эти шаги стали возможными вообще, можно лишь после того, как проследишь духовное развитие тех индивидов, которые проделали решающую работу"²⁸.

В когнитивном стиле интегрируются, с одной стороны, историологическое начало творчества, безразличное к уникальности личности, с другой – присущие этой личности способы выбора и обдумывания проблем, поисков решений и их презентации научному сообществу.

Так, например, для А.А. Ухтомского, как и для других строителей науки о поведении, основной метафорой служит термин "механизм". Однако от технического механизма та система, под знаком которой трактовалось поведение, отличается множеством степеней свободы и способностью к саморазвитию. Такой потенциал был заложен уже в преобладании множества афферентных, идущих от рецепторных аппаратов путей над весьма ограниченным количеством рабочих, исполнительных органов. Доминанта создается благодаря выбору одной ступени свободы. Но Ухтомский неизменно мыслил ее активность не только как выбор из множества наличных афферентаций, но и как сопряженную с построением новых интегральных образов, как проектирующую действительность, которой еще нет. ("Проект опыта, идущего навстречу ему".) Тем самым он, анализируя своеобразие биологических объектов, наделял их особой формой активности, впоследствии названной

²⁸ Naturwissenschaft, 1922, S. 48.

Н.А. Бернштейном детерминацией, "потребным будущим", модель которого предвещает актуальное действие.

Монический взгляд на человека и его место в природе сочетался в мышлении Ухтомского с принципиальным антиредукционизмом. По его убеждению, к каким бы глубоким сдвигам в познании мироздания ни вела новая физика (идеи которой он вносил в биологию), ни одна человеческая проблема ее теориями не объяснима. Живая система характеризуется негэнтропийностью: чем больше она работает, тем больше тратит на себя энергии из среды. Самый могучий деятель – человеческий организм. Он способен дать "такой рабочий результат, такие последствия, которые на долгое время заставят вспоминать эту индивидуальность".

С переходом в "мир людей" поведение, организуемое доминантой, становится качественно новым. Здесь каждый индивид самоценен, уникален. Личностное начало входит в творимую людьми оболочку планеты, названную Вернадским (посещавшим в 20-х годах лекции Ухтомского) ноосферой. Но Вернадский определял ее по параметру интеллекта (отсюда и сам термин). Для Ухтомского же планетарное явление – это не только мысль, но и великое многообразие лиц, преобразующих мир энергией своих доминант и создающих в нем особую "персоносферу". Здесь опять-таки сказалась одна из особенностей его когнитивного стиля – антиредукционизм. Существенную роль играла поглощенность Ухтомского двумя далеко стоящими друг от друга, но в его творчестве неизменно сопряженными сферами, а именно сферой физико-технических представлений о мире и сферой нравственно-религиозных (христианских) ценностей. Еще в молодости он усвоил принципы теории относительности. Идея цельности "пространства – времени" побуждала под таким же углом зрения осмыслить процессы в физиологическом субстрате, объяснение которых априорно сковывалось локализацией трех координат.

Преодолевая подобную схему, он выдвинул приобретающую известность также и за пределами физиологии (в частности, у одного из слушателей его лекции знаменитого литературоведа М.М.Бахтина) концепцию "хронотопа" как единства пространственно-временной организации процессов поведения (охватывающих в нераздельности интроцентральную нейродинамику и образ среды активности организма). Внутренне мотивационной духовно-нравственной позицией Ухтомского была и его концепция "доминанты на лицо (то есть личность) другого" в сочетании с понятием о другом человеке как "заслуженном собеседнике". Понятие "собеседования" означало не простой обмен речевыми знаками, но общение, имеющее личностный подтекст.

Надсознательное

Развитие современного знания о науке и ее людях требует преодолеть расщепленность двух планов анализа – логического и психологического. Проблема, с которой здесь сталкивается теория, обостряется запросами практики. Если попытки интенсифицировать исследовательский труд все еще направляются преимущественно тем, что подсказывают житейская интуиция, личный опыт и здравый смысл (поскольку голос науки в этих вопросах звучит пока слабо), то главную причину этого следует искать в неразработанности теории внутренней логико-психологической организации деятельности ученых, ее детерминант и механизмов.

Серьезным препятствием на пути построения такой теории является традиционная разобщенность двух направлений в исследовании процессов и продуктов научного творчества – логического и психологического. Со стороны логики принципиальная несовместимость этих направлений была в Новейшее время провозглашена Рейхенбахом, утверждавшим, что логика интересуется только "контекст обоснования", тогда как "контекст открытия" не подлежит логическому анализу²⁹, Поппером, настаивавшим на том, что вопрос о зарождении идей не имеет отношения к логике как таковой³⁰, и многими другими. Реальное, доступное эмпирическому контролю (а тем самым и практическому воздействию) движение мысли относится с этой точки зрения к области психологии. Что касается самих психологов, то они, принимая проводимое логиками разграничение сфер исследования, полагают, что обращение к актам творчества ("контексту открытия", процессам рождения замысла, постижения новой истины и т.д.) с необходимостью выводит за пределы сознания к явлениям, обозначаемым терминами "интуиция" и "подсознательное" (или "бессознательное").

Попытки трактовать подсознательное как причинный фактор научного творчества отражают все то же расщепление логического и психологического, но теперь уже со стороны психологии, а не логики. Их имплицитной посылкой является представление о том, что сознание, работающее по логическим схемам, бессильно перед задачами, требующими творческих решений. Поскольку, однако, никакие другие схемы не могут лечь в основу сознательной регуляции процессов мышления, напрашивается вывод о том, что при истинно творческом поиске где-то за порогом сознания, в "глубинах" психики должны производиться особые операции, отличные от логических.

Ничего членораздельного о природе и закономерном ходе этих особых "подпороговых" интеллектуальных операций мы от психологов до сих пор не слышали. И если принять указанную концепцию, остается совершенно загадочным, каким образом происходит общение между субъектом творчества и миром исторически развивающейся науки. Чтобы работать в этом мире, индивид должен усвоить его язык (пусть путем перевода на собственный "внутренний диалект") и, в свою очередь, сказать свое новое слово на этом же языке. Но нельзя перебросить мост между надындивидуальными формами объективно и закономерно развивающегося знания, без представленности которых в жизни каждой отдельной личности творчество невозможно, и "тайниками" подсознательного, предположив, что эти формы не имеют к ним никакого отношения, если невозможно произвести перевод с предметно-логического языка на личностно-психологический. Человек науки оказывается в этом случае расщепленным, причастным к "двум мирам"³¹.

В роли же движущего начала творческой деятельности ученого (и тем самым ее плодов, то есть научных гипотез, теорий, открытий и т.д.) выступает темная психическая сила, действующая в "контексте открытия".

²⁹ Reichenbach H. The Rise of Scientific Philosophy, 1954.

³⁰ Popper K. The Logic of Scientific Discovery, 1963.

³¹ А по известной концепции К.Поппера даже к "трем мирам" – проблемно-научному, психическому и физическому.

До тех пор пока логическое изучение науки будет ограничено описанием ее всеобщих чисто формальных структур, а психологическое изучение творчества не выйдет за пределы столь же всеобщих, сколь и бессодержательных "механизмов" интуиции и подсознательного, дуализм непреодолим.

Контуры предметно-исторической ориентации намечаются ныне в исследованиях логического строя научного познания (работы Т.Куна, И.Лакатоса и др.). Это создает предпосылки для преодоления аисторизма в объяснении факторов научного творчества. Но только предпосылки. Можно исходить из того, что изменчивость присуща не только содержанию научного мышления, но и его строю, его формам (парадигмам, программам, паттернам), и вместе с тем представлять структуру психической жизни самого субъекта, осваивающего и творящего эти формы, в качестве абстрактно-извечной.³²

Переориентация психологии столь же необходима, как и переориентация традиционного способа логического анализа научного познания. Лишь интеграция двух преобразованных направлений позволит объяснить, каким образом логика развития науки определяет поведение конкретной личности, в какой форме она, эта логика, будучи независимой от сознания и воли отдельных лиц, покоряет их сознание и волю, становится их жизненным импульсом и отправлением.

Для обозначения того, как объективное научно-логическое, инкорпорируясь в психических процессах и свойствах человека, творится благодаря им, имеет смысл ввести новое модельное представление о строении творческой личности, а именно – вычленив в регуляции ее поведения особую форму творческой интеллектуально-мотивационной активности, которую условно назовем "надсознательное". В нем нет ничего мистического, выводящего психические процессы за пределы материального субстрата, в котором они совершаются. Подсознательное, сознательное, надсознательное – это различные уровни духовной жизни целостной человеческой личности, изначально исторической по своей природе, реализующей в материальном и духовном производстве свои сущностные силы посредством иерархии психофизиологических систем.

Поведение человека по своему основному вектору является сознательным. Осознание целей и мотивов, мыслей и чувств – необходимая предпосылка адекватного отношения к социальному и природному миру. Имеется, однако, обширная область неосознаваемой психической жизни. Осознавая, например, объект действия, мы не осознаем автоматизированных внешних и внутренних операций, посредством которых это действие производится. От нас могут ускользнуть его истинные мотивы и т.п. За известными метафорическими представлениями о сознании, как "светящейся точке", "вершине айсберга" и т.п., а о бессознательном, как океане или огромной подводной глыбе, скрыта идея детерминационной зависимости того, что возникает в "поле" сознания от предшествующего хода психических процессов,

³² Так, согласно Т.Куну, кризису в науке и следующей за ним научной революции (смене одной парадигмы другой) предшествует осознание "аномалий" в составе научных знаний, причем это осознание "встроено в природу перцептивного процесса самого по себе" (Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions, 1962) и реализуется тем же механизмом, который действует при быстром восприятии неадекватных изображений (игральных карт) в тахистоскопе. Тем самым появление в составе научных знаний новаторских идей, несовместимых с исторически сложившейся парадигмой, объясняется универсальными особенностями процесса чувственного восприятия.

следов пережитого, от запаса и характера хранимых мозгом энграмм (Семон). Детерминация прошлым – таков во всех случаях основной смысл обращения к понятию о подсознательном.

Но применительно к процессам творчества, созидания отдельным индивидом того, что никогда еще не содержалось в его прежнем опыте, а нарождается соответственно объективным закономерностям развития науки, принцип детерминации прошлым (выраженный в понятии о подсознательном) оказывается недостаточным. Понятие о надсознательном призвано объяснить детерминацию творческого процесса "потребным будущим" науки.

Когда осознаваемое ученым в виде непредвидимо возникшей идеи соотносится с подсознательным как ее источником, возможны только два способа объяснения. Либо предполагается, что новая идея – эффект "инкубации" шедшего своим ходом процесса, недоступного для "внутреннего восприятия" субъекта, но это квазиобъяснение³³, либо в ней видят символ переживаний, травм, комплексов, нереализованных влечений – эффект действия сексуальных, агрессивных, защитных механизмов. Это популярное в западной психологии объяснение творчества, восходящее к Фрейду и его последователям (Юнг и др.), антиисторично по своей сути. Оно превращает мир культуры в порождение безличностно-психических сил.

Что же касается понятия о надсознательном, то оно позволяет, как мы полагаем, интерпретировать структуру творческой личности с позиций историзма. В отличие от обычной деятельности сознания надсознательное представляет такую форму активности субъекта, при которой он в ответ на потребность исторической логики в разработке предмета знания создает различные, никогда прежде не существовавшие проекты воспроизведения этого предмета.

Какие перспективы открывает понятие о надсознательном перед исследователем творчества ученого?

Оно побуждает рассматривать замыслы этого ученого, направление его поисков, его незавершенные проекты, варианты трудов, динамику мотивов, ошибки и неожиданные находки как отклик на запросы логики развития науки, как ее символику и симптоматику. Эта логика (экстрагируемая из объективных исторических источников) дает ключ к декодированию следов работы индивидуальной мысли.

Вспоминая забытое имя, мы перебираем возможные варианты, испытывая чувство сходства или несходства с искомым. Своеобразие этого чувства в том, что хотя мы и не можем воспроизвести (то есть представить в сознании) нужное слово, оно сразу же узнается. Оно незримо присутствует, регулируя поиск. Говорят, что оно существует за порогами сознания. И такое мнение не вызывает возражений, поскольку слово уже записано в нервных клетках мозга. Но как быть в случае творчества – в случае создания новой идеи (нового слова), если она никогда еще не могла быть записана ни в чьем мозгу? И тем не менее, мысль ученого находит новое решение, переживаемое, прямо-таки "узнаваемое" (выступающее уже на уровне

³³ Представление об "инкубации" встречается во многих теориях творческого процесса. Оно отражает одну из его реальных сторон, а именно подготовленность открытия предшествующей "автоматической" работой ума. Главная трудность, однако, заключается в том, чтобы дать причинную трактовку этой работы. В противном случае подсознательное выступает в роли агента, который способен все объяснить, но сам не нуждается в объяснении.

сознания) как единственно верное (хотя, быть может, другие, да и сам он в дальнейшем, сочтут это заблуждением). Очевидно, что регуляция поиска в этом случае идет по иному типу, чем при восстановлении забытого в памяти. Приведенный пример иллюстрирует различие между подсознательным и надсознательным. И в одном и в другом случае это сигналы, поступающие в сознание, но детерминация их различна.

Например, феномены, представляющие в творческой активности Выготского ее надсознательный уровень, выступают на многих отрезках его жизненного пути. В трактовке речевого рефлекса как элемента организации поведения на уровне человека содержалось потенциально несколько важных идей: как рефлекс он организатор поведения, как речевой – общения (коммуникации), как представляющий систему языка – знак, который может служить сигналом и своего рода оператором (орудием) и носителем знания (то есть интеллектуального содержания). Эти потенциальные (объективно представленные в природе языка) факторы предвосхищались (на уровне надсознания) Выготским, переходя на уровень расчлененных понятий при решении им исследовательских задач в области психологии.

Обращение к знаковым системам как посредникам между внешним предметным воздействием на организм и его ответными действиями содержало перспективу, не сразу реализованную Выготским, но потенциально (надсознательно) готовившую его схему "инструментальной психологии", разделения психических функций на два разряда: строящихся по типу "стимул – реакция" и по другому типу "стимул – знак – реакция". Несколько лет Л.С. Выготский занимался (используя методику Аха-Сахарова) вопросом о том, как у детей формируются понятия. Но оперирование условными знаками неизбежно придавало этим "понятиям" искусственный характер.

Поскольку же естественное развитие сознания совершается посредством такого знака, как слово, имеющее свою внутреннюю (интеллектуальную) форму в виде значения, в творчестве Выготского зрела идея перехода к изучению эволюции значения слова и благодаря этому – стадий мышления. Воплощение этой идеи и принесло ему мировую (весьма запоздалую) славу.³⁴

Опасность расщепления человека на сферы, причастные разным мирам, Павлов изначально объяснял ограниченностью средств, которыми располагает научная мысль. Он никогда не считал, что его открытия условных рефлексов дают исчерпывающее знание о жизненных явлениях, включая в их число психические. Павлов претендовал, начиная свое дело, на детерминистское объяснение хотя и фундаментального, но лишь одного из разряда этих явлений. Создание же целого из объективного и субъективного он на первых порах относил к обязанностям философа, "который олицетворяет в себе величайшее человеческое стремление к синтезу, хотя бы в настоящее время и фантастическому"³⁵.

Однако последнее слово Павлова было другим. Картину, дающую, говоря павловскими словами, "целое из объективного и субъективного", представил не философ,

³⁴ См.: Ярошевский М.Г. Л.Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.

³⁵ Павлов И.П. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, 2-е изд. Т. 3. Кн. 1. М.-Л., 1951, с. 39.

а он сам. "Временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих, А вместе с тем оно же и психическое – то, что психологи называют ассоциацией. Какое бы было основание различать, отделять друг от друга то, что физиолог называет временной связью, а психолог ассоциацией? Здесь имеется полное слияние, полное поглощение одного другим, отождествление"³⁶. "...Кто отделил бы в безусловных сложнейших рефлексах (инстинктах) физиологическое соматическое от психического, т.е. от переживаний могучих эмоций голода, полового влечения, гнева и т.д."³⁷

Но если полностью отождествимо то, что традиция относит к области физиологии, с тем, что принято считать психическим, если нельзя отделить одно от другого, то для чего один и тот же научный предмет мыслить в категориях, изначально полагающих тело и душу разными сущностями? Чтобы постигнуть этот предмет, нужны другие понятия и методы, другое имя³⁸.

Интересно проследить соотношение между динамикой исследовательского поиска, носящего надсознательный характер, и работой теоретического сознания в творчестве И.П. Павлова. Противоречие заключалось уже в самом обозначении, которое он подобрал для своей теории, назвав ее учением о высшей нервной деятельности, а в скобках добавив слово "поведение". Нервная деятельность – будь она низшая или высшая – это функция одного из органов, различных "блоков" организма. Что же касается поведения, то оно охватывает всю систему взаимоотношений между целостным организмом и внешней средой. Конечно, эта система регулируется головным мозгом, но к происходящим внутри него процессам не сводится, ибо неотъемлемыми компонентами этой же системы служат регуляторы, вполне законно мыслимые в категориях психологии, а не физиологии. Исторически сложилось так, что теоретические проекции категориального аппарата каждой из наук оказались "вещами несовместимыми". Психологическая теория, в которую с присущей ему страстной убежденностью верил Павлов, идентифицировала психику с интроспективно данными, говоря его языком, "муками сознания". Никакой перспективы справиться с этими "муками", опираясь на учение об условных рефлексах, не было. Чтобы отстоять строго объективный и детерминистский облик этого учения, Павлов, как известно, начал даже одно время брать со своих сотрудников штраф, если они, ненароком проговорившись, прибегнут к психологическим понятиям. Но время шло, и знания Павлова подхватили не физиологи, а психологи, с особым энтузиазмом американские, возведя под этим знаменем мощную психологическую теорию, определившую в США облик психологии³⁹ в XX столетии. Конечно, это было бы невозможно, если бы предпосылки не содержались в самом учении, которое Павлов считал "замешанным" на "чистой" психологии. Здесь еще раз следует напоминать: нужно отличать то, что представлено в самосознании ученого (его теоретической рефлексии), от категориального смысла его идей. Но ведь этот смысл дан не за пределами его головы. Он живет и развивается в ней в форме надсознательной творческой активности. Именно в этой надсознательной форме

³⁶ Там же, с. 325.

³⁷ Там же, с. 335.

³⁸ Условный рефлекс Павлов осмысливал как междисциплинарное понятие, обозначающее "такое элементарное психическое явление, которое целиком с полным правом могло бы считаться вместе с тем и чисто физиологическим явлением".

³⁹ Не только американские, но и русские авторы видели в учении Павлова об условных рефлексах ветвь психологии. В частности, Л.С.Выготский в своем трактате "Исторический смысл психологического кризиса" относит павловскую концепцию к разряду психологических систем. (См.: Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1982, с. 293 и посл.)

Павлов открыл реальность, несводимую ни к физиологическим, ни к психологическим понятиям. Имя этой реальности – поведение⁴⁰.

В кратком, но, как всегда у И.П. Павлова, насыщенном емкой мыслью письме в адрес Ленинградского общества физиологов он в нескольких строчках представил "отчет" о своем главном научном деле. "Да, я рад, что вместе с Иваном Михайловичем⁴¹ и полком моих дорогих сотрудников мы приобрели для могучей власти физиологического исследования вместо половинчатого весь нераздельно организм. И это – целиком наша русская неоспоримая заслуга в мировой науке, в общей человеческой мысли".⁴²

Что означают слова "половинчатый организм"? Ничего, кроме векового разделения его не телесное и духовное (психическое). Взамен этого как неоспоримая заслуга русской научной мысли утверждался образ "всего нераздельно организма". Поисками целостности телесно-духовного начала жизни веками томились лучшие умы. Павлов считал, что эта цель им достигнута за счет "могучей власти физиологического исследования". Как же в таком случае быть с "муками сознания", "с научным охватом сознания", мысль о котором терзала его со времен юности?

Ведь сознание является чуждым для физиологии предметом. Неужели Павлов уверовал вслед за одной сибирской купчихой, прочитавшей в прошлом веке Сеченова, что "души нет, а есть только рефлексы"? Но все, что мы знаем о Павлове, говорит о том, что редукционизм ему был абсолютно чужд.

Соответственно своим научным убеждением он непреклонно считал, что разработанная им теория дает картину нейродинамики головного мозга как важнейшего физиологического органа. Но на уровне надсознательного, как уже сказано, складывались контуры новых знаний о форме жизнедеятельности, отличной и от феноменов сознания, и от любимого им "баланса нервных процессов". Это было знание об особой целостности, в качестве которой выступала система, образуемая взаимодействием организма с внешней средой.

Следует только подчеркнуть, что такое взаимодействие не является одноплановым. Оно реализуется уже в самых элементарных физико-химических основах жизни. Павловым же были открыты закономерности, присущие более высоким сигнально-регуляционным, условно-рефлекторным формам.

Поэтому если павловские пробы нейрофизиологического объяснения этих закономерностей безнадежно устарели, то скрытый за этим теоретико-сознательным уровнем его творчества надсознательный уровень вводил в научное объяснение организма такие детерминанты (отличные от психологических), которые стали фундаментом построения новых исследовательских программ и теоретических конструкторов, обусловив жизненную силу павловских идей, их способность и далее стимулировать прорывы в непознанное. Реальным историческим свидетельством

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. Москва-Воронеж, 1996.

⁴¹ Хотя он не был знаком с Сеченовым, однако всегда называл его только по имени-отчеству.

⁴² Павлов И.П. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, 2-е изд. Т. 1. М.-Л., 1951.

этого может служить все развитие психологии в США в XX столетии. Здесь, в особой, отличной от русской жизни социальной "ткани", его идеи приобрели новый узор в американском бихевиоризме.

Бихевиористы отнесли науку о поведении по ту сторону как физиологии, так и психологии сознания. Впоследствии логика научного познания вынуждала их отступить от веры своих первых радикальных лидеров и вводить в объяснение механизмов поведения как физиологические реалии, так и открытия, касающиеся роли психического образа (когнитивные карты).

Процесс творчества издавна дает повод для представлений о решающей роли неосознанных психических факторов в его регуляции. Имеется, однако, широкий спектр расхождений в вопросе о "фактуре" и динамике неосознаваемых процессов, порождающих творческий продукт. Творческая активность личности многопланова. Осознание личностью своих целей и мотивов – необходимая предпосылка ее адекватного отношения к миру и созидания новых культурных ценностей.

Этот осознаваемый план активности находится в сложном динамическом соотношении с двумя другими – неосознаваемыми, но являющимися неотъемлемыми – компонентами работы целостного психического аппарата, генерирующего творческий продукт.

К подсознательному пласту научного творчества мы относим в данном контексте накопленный ученым индивидуальный опыт, служащий неременной предпосылкой скачка его мысли, ее перехода в новое качество. Этот опыт, записанный в нервных клетках, актуализируется соответственно запросам новой проблемной ситуации, требующей творческого решения. Естественно, что такое решение не может быть – по определению – добыто из наличных неосознаваемых (подсознательных) массивов информации. Его еще следует построить. Поэтому подсознательное служит необходимым, но недостаточным условием получения нового научного результата.

Обычно при анализе биографии ученого в поисках объяснения обстоятельств, приведших его к открытию (новой идее, теории, гипотезе и др.) и позволивших ему оказаться впереди других потенциальных претендентов на это открытие, обращаются к его прошлому – испытанным им в различные периоды влияниям, окружению, прочитанным книгам и др. Предполагается (и не без оснований) что, совокупность этих обстоятельств, определила его выбор безотносительно к тому, как это им самим осознавалось.

Затронув, в частности, генезис психоанализа Фрейда, можно в качестве примера привести изыскания биографами влияний, определявших состав его учения, причем даже таких, которые сам он отвергал, считая это учение совершенно оригинальным и гордясь своей привычкой "сперва анализировать вещи сами по себе, прежде чем искать информацию о них в книгах".

Давно уже тривиальным стал вывод о влиянии на Фрейда Шопенгауэра. Фрейд же утверждал: "Доктрина о вытеснении пришла ко мне независимо от какого бы то ни было источника. Мне неизвестно ни одно внешнее впечатление, которое могло бы мне ее внушить, и в течение длительного времени мне представлялось, что она

является целиком моей, пока Отто Ранк не показал мне места в книге Шопенгауэра "Мир как воля и представление", где этот философ пытается объяснить болезнь".⁴³

Можно не сомневаться в искренности Фрейда. Но учитывая, что задолго до того, как писались приведенные строки, он усердно занимался философией, притом именно в годы, когда учение Шопенгауэра приобрело широкую популярность, можно предположить, что Фрейд с этим учением все-таки был знаком до того, как выдвинул свою гипотезу о вытеснении, и что факт знакомства оказался вытесненным в область подсознательного в силу амбиций создателя психоанализа. Если в отношении Шопенгауэра прямых свидетельств о влиянии нет, то иная ситуация складывается в отношении влияния на Фрейда античных мыслителей – прежде всего Платона.

Историки обращают внимание на удивительное сходство между некоторыми мифами Платона и определенными положениями Фрейда, претендующими на то, что они якобы извлечены из эмпирии. Указывают на платоновскую трактовку сновидений как исполнения желаний, на его учения об Эросе как могущественной побудительной силе, на понятие о реминисценции (воспоминании), а миф Платона о вознице, пытающемся править колесницей, в которую впряжены дикий, необузданный черный конь и белый, устремленный к возвышенным целям.

Разделение Фрейдом психических сил на "Оно", "Я" и "Сверх-Я", а также идея извечного конфликта этих сил могут рассматриваться как схема, восходящая к Платону. Знал ли Фрейд о платоновских мифах?

Имя Платона отсутствует в первом издании "Толкования сновидений" (1900) и появляется впервые в четвертом (1914), но историки установили, что Фрейд, учившийся у "перипатетика XIX века" Брентано, был хорошо знаком с философией античности. Правда, в беседах со своим биографом Джонсом Фрейд утверждал, что его знакомство с Платоном было "весьма фрагментарным".

Но за много-много лет до этих бесед в одном из писем, относящихся к периоду работы над "Толкованием сновидений", Фрейд признавал, что, читая "Историю греческой цивилизации" Буркхардта, он обнаружил "неожиданные параллели" со своими мыслями⁴⁴. Эти параллели впоследствии им не осознавались, влияя, однако, на ход его идей. Итак, нечто, некогда воспринятое субъектом творчества и подсудно оказывающее на него влияние, образует область подсознательного.

От этих явлений, служащих давним предметом анализа, перейдем к другому компоненту в регуляции творческих процессов, названному нами "надсознательным". На этом уровне происходит неподдающаяся сознательно волевому контролю работа творческой мысли в новом режиме. Здесь эта мысль, будучи детерминирована запросами логики развития науки, зависит не только от прошлого (осевшего в подсознательном), но и от будущего. Она как бы рецепирует "позывные будущего науки" и строит интеллектуальные продукты, которые являются откликами различ-

⁴³ Freud S. Collected Papers, 1. London, 1950, p. 297.

⁴⁴ Bonaparte M., Freud A., Kris E. (Eds). The Origins of Psychoanalysis. N.Y., 1954, p. 275.

ной степени адекватности на этот зов. Какими, однако, средствами мы располагаем, чтобы реконструировать работу творческой мысли на надсознательном уровне?

Если в отношении подсознательной детерминации творческого процесса (в плане выяснения влияний, вошедших в новый интеллектуальный синтез) вопрос решается относительно просто, а именно путем использования методов сравнительно-исторического анализа, то для проникновения в своеобразие надсознательной регуляции научного творчества необходимы другие приемы,

Принципиальное отличие надсознательной активности от других форм психической регуляции в том, что в ней интегрируются личностное и предметно-логическое, притом такое предметно-логическое, которое еще не отстоялось в науке, а формируется в данный исторический период. Очевидно, что в качестве присущего системе науки, имеющей свой строй и закономерности развития, оно не может описываться в тех же терминах, в каких сам субъект творчества формулирует свои проблемы, гипотезы, проекты, идеи. Эти идеи и проблемы следует перевести на другой язык, позволяющий соотнести события, которые представлены на уровне сознания творческой личности, с независимой от этой личности объективной логикой движения познания. Мы предложили описать эту логику в терминах категориального строя науки, подразумевая под категориями наиболее общие, далее неразложимые понятия, организующие работу мысли над конкретными доступными эмпирическому контролю предметами и проблемами. Выявив основные блоки научно-категориального аппарата и принципы его преобразования, мы получаем некоторую независимую от всего многообразия и неповторимости индивидуальных поисков обобщенную схему, способную служить ориентировочной основой для расшифровки подлинного предметно-логического смысла этих поисков.

Располагая подобной схемой, мы можем накладывать ее на полученные отдельным исследователем результаты, трактуя их как символику и симптоматику процессов, совершающихся в мышлении этого исследователя на уровне надсознательного. Сосредоточиваясь на предметном (теоретическом и эмпирическом) значении своих идей, ученый не осознает их категориальный смысл. Но этот смысл присутствует незримо в его концепциях и открытиях, в голове этого ученого. Не осознаваясь им, он регулирует его исследовательский поиск. Можно сказать, что эта регуляция осуществляется бессознательно. Однако, руководствуясь предложенным выше разделением бессознательного на два разряда, мы вправе сказать, что категориальная регуляция совершается надсознательно.

От этих рассуждений общего характера перейдем к рассмотрению психоанализа Фрейда и попытаемся рассмотреть его истоки, исходя не из влияний (Шопенгауэра, Платона или других), многие из которых определяли формирование психоаналитической доктрины на уровне подсознательного, а из контекста категориального развития психологического познания.

В этом плане особый интерес представляет период, непосредственно предшествующий появлению первой программы психоаналитических исследований, изложенной в "Толковании сновидений".

Как известно, этой работе предшествовала другая, написанная Фрейдом в соавторстве с Брейером, – "Очерки об истерии". Обращаясь к этой книге, современный читатель воспринимает текст сквозь призму последующих наслоений всего того, что писали и продолжают писать о Фрейде. Поэтому легко может сложиться впечатление, будто в ней уже представлена система основных понятий психоанализа. Тем более что от этой книги принято вести историю психоаналитического течения.

Следует, однако, отметить, что к учению о бессознательной психике, в создании которого Фрейд видел свою главную заслугу, он тогда еще не пришел.

В этом же 1895 году Фрейд садится лихорадочно писать свой "Проект научной психологии", в котором присутствовал редуccionистский, механистический взгляд на психику. "Цель психологии, – писал он, – представить психические процессы в количественно определенных состояниях специфических материальных частиц". Это свидетельствует о том, что над Фрейдом все еще довлела дилемма: либо "чистая" физиология, либо обращение к сознанию как источнику стремлений, целей и т.д., притом довлела в середине 90-х годов, когда передовая психофизиология уже выработала новую альтернативу древней концепции сознания, с которой в те времена считалось нераздельно сопряженным научное изучение психических актов.

Оглядываясь на общую ситуацию в период, предшествовавший появлению психоанализа, можно выделить три направления: экспериментальную психологию, где лидирующими фигурами выступали исследователи, занятые анализом сознания с помощью специальных приборов и, отождествлявшие сознание и психику. Основными школами здесь являлись структурализм, восходящий к Вундту, и функционализм, восходящий к Брентано. Что касается понятия о бессознательном, которое психологи - эксперименталисты отвергали, то оно давно уже (со времен Лейбница) существовало в философском лексиконе. Попытки Гербарта перевести его на конкретно-научный, математически точный язык успехом не увенчались, и это понятие стало поводом для философских спекуляций Шопенгауэра и Гартмана. Наконец, имелось еще одно направление, заслуживающее особого внимания.

Дилемма, возникавшая тогда перед каждым мыслящим врачом-неврологом, была того же типа, что и дилемма, с которой сталкивались натуралисты при изучении мозга, органов чувств, мышечных реакций. Естественнаучное объяснение означало в эту эпоху только одно: выведение психических явлений из устройства тела и совершающихся в нем физиологических (физико-химических по природе) процессов. Психические явления темны, неопределенны, запутаны. Пытаясь отыскать их причину в строении нервных клеток (нейрогистология, с изучения которой Фрейд начинал свою карьеру, быстро развивалась в рассматриваемый период), врач остается на твердой почве. Обращаясь к психическому как таковому, он попадает в зыбкую область, где нет опорных точек, которые можно было бы проверить микроскопом и скальпелем. Но именно естественнаучный опыт вынуждал признать за психическим самостоятельное значение таких исследователей, как Пфлюгер, Гельмгольц, Дарвин, Сеченов, в строго научном складе мышления которых никто не сомневался. Какую позицию занять натуралисту и врачу при столкновении с фактами, не укладывавшимися в привычные анатомо-физиологические представления? Традиция могла предложить единственную альтернативу: вернуться к понятию о сознании. Но в эпоху, когда указанное понятие не приобрело серьезного

научного содержания, это означало вновь оказаться в бесплодной области субъективной психологии.

Для Гельмгольца вопрос звучал так: если образ невыводим из устройства сетчатки, а старое представление о сознании как конструкторе образа не может быть принято, чем заменить это представление? Для Сеченова вопрос имел схожий смысл, но применительно к действию, а не чувственному образу: если целесообразное действие невыводимо из простой связи нервов, а старое представление о сознании и воле как регуляторах действия не может быть принято, чем заменить это представление?

Аналогичный вопрос, но уже в отношении другой психической реальности – мотива – возникал у неврологов, поставленных перед необходимостью понять побуждения своих пациентов. Воспитывавшийся у Шарко, который не признавал другой детерминации, кроме органической, Пьер Жане отступает от символа веры своего учителя и выдвигает понятие о психической энергии.

Логика развития позитивного, экспериментально контролируемого знания о различных аспектах психической реальности привела к тому, что возникла новая альтернатива анатомо-физиологическому объяснению этой реальности, отличная от субъективно-идеалистической концепции сознания.

Эта альтернатива, выделяя понятия о психике и сознании, вела к учению о бессознательной психике. Складываясь в недрах естествознания (прежде всего физиологии), оно явилось подлинным открытием психической реальности. На него указывали такие термины, как "бессознательные умозаключения" (Гельмгольц), "бессознательные ощущения или чувствования" (Сеченов), "бессознательная церебрация" (Лейкок, Карпентер) и др. По звучанию они походили на понятия о бессознательном, восходящие к Лейбницу, воспринятые Гербартом и приобретшие глубоко реакционный иррационалистический смысл у философов Шопенгауэра и Гартмана. Но только по звучанию. В действительности бессознательное у Гельмгольца, Сеченова и других натуралистов принципиально отличалось от своих философских псевдодвойников позитивным естественнонаучным содержанием.

В учении Гельмгольца о "бессознательных умозаключениях" содержалась плодотворная идея о существовании фундаментального пласта психических процессов, законы протекания которых скрыты от интроспекции и могут быть установлены только опосредованно, путем объективного анализа. Так, например, умозаключение о величине предмета выводимо из связи между величиной изображения на сетчатке и степенью напряжения мышц, производящих приспособление глаза к расстояниям. Операция "делания выводов" осуществляется не умом, как бестелесной сущностью, но является продуктом сопоставления (по типу, подобному формулам логики) целостных сенсорно-двигательных актов ("Если... то...").

Многие авторы справедливо подчеркивают, что понятие о бессознательном имеет длительную дофрейдовскую историю. Но эту историю заполняют обычно только философские учения, что может лишь укрепить убеждение в том, что бессознательное впервые стало предметом конкретно-научного исследования у Фрейда.

Между тем психологические категории образа и действия, складываясь в качестве научных до Фрейда, вовсе не имели своим неотъемлемым признаком представленность в сознании.

Следует также иметь в виду, что возникшие в ту эпоху две главные школы экспериментальной психологии, структуралистская и функционалистская, считая своим предметом феномены и акты сознания, в действительности создать науку о сознании, как уже отмечалось, не смогли. Поэтому если уверовать, что понятие о бессознательной психике имело до Фрейда только философский статус, то, учитывая беспомощность структурализма и функционализма перед проблемой сознания, их неспособность построить науку о нем, нетрудно склониться к выводу, будто до Фрейда психологии как науки вообще не существовало.

Вернемся к периоду между 1895 (когда писался "Проект научной психологии") и 1900 годами (когда Фрейдом было сформулировано его учение о бессознательной психике). Что именно определило перелом в его мышлении? Биографы объясняют это различными личными обстоятельствами жизни Фрейда. Разрывом с Брейером. Тяжелой депрессией и невротическим состоянием, от которого, как он полагал, его спас упорный, каждодневный анализ собственных переживаний, комплексов, сновидений. Смерть отца⁴⁵. В этих объяснениях отчетливо выступает субъективизм и антиисторизм, изначально присущие психоаналитическим интерпретациям творчества. Постулируется, будто источник любых идей, концепций, переходов от одних представлений к другим может быть только один – внутриличностные пертурбации и конфликты.

Подобно появившимся через десятилетие бихевиористам и гештальтистам, Фрейд выступил против традиционной психологии с ее интроспективным анализом сознания. Основной проблемой, вокруг которой центрировался психоанализ, являлась проблема мотивации. Подобно тому, как образ (главный предмет гештальтистов) и действие (главный предмет бихевиористов) суть реалии, выполняющие жизненные функции в системе отношений индивида и мира, а не внутри замкнутого в самом себе рефлектирующего сознания, точно так же одной из основных психологических реалий является мотив. Интроспективная психология отождествляла образ с феноменами сознания, действие – с операциями "внутри ума", а мотив, соответственно, представила как акты воли, желания, хотения, исходящие от субъекта.

Этой концепции издавна противостояло естественнонаучное воззрение, стремившееся свести образ к отпечатку внешних раздражителей, действие – к рефлексам, мотивацию – к биологическим импульсам.

Психология рождалась, преодолевая расщепление жизнедеятельности, перебрасывая мосты между сознанием и организмом, вырабатывая собственные категории. В психоанализе отразилась потребность в понимании объективной динамики мотивов как психологической категории (не идентичной ни их интроспективной представленности, ни их физиологическому субстрату). Переход Фрейда от строго

⁴⁵ По мнению главного биографа Фрейда Э.Джонса, это обстоятельство позволило Фрейду освободиться от комплекса, создаваемого ролью отца в бессознательной жизни личности. "Евангелие" психоанализа – "Толкование сновидений" – было написано через два года после кончины отца Фрейда. См.: Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.

физиологических объяснений периода "Проекта" к строго психологической интерпретации поведения в "Толковании сновидений" запечатлел на микроуровне творчества отдельного исследователя события, происходившие в макромасштабах развития психологического познания. Поэтому попытки объяснить этот переход обстоятельствами сугубо личного характера несостоятельны.

Таким образом, генезис психоанализа Фрейда объясняется запросами логики развития науки. Но эти объективные запросы должны были преломиться в мышлении конкретного индивида, чтобы обрести доступное сознанию теоретическое выражение. Переход с категориального уровня на теоретический и есть переход мысли от надсознательных форм регуляции к сознательным. Этот переход был подготовлен предшествующим опытом Фрейда как врача-невролога и теми идейными влияниями, о которых уже шла речь.

Философская доктрина психоанализа деформировала его конкретно-научные факты, методы и модели. В результате ложным, деформированным оказался и ответ на запросы развития науки.

Конечно, ошибочно противопоставлять надсознательное сознательному, относить их к обособленным, лишенным внутренней связи порядкам явлений. Речь идет о другом – о необходимости выявить в сложном творческом процессе различные уровни его организации и детерминации.

Подобно человеческой психике в целом, надсознательное как один из ее уровней носит активно-отражательный характер. Но отражение субъектом реальности на этом уровне своеобразно. Оно совершается посредством научно-категориального аппарата, концентрирующего в своих блоках исторический опыт исследования определенной предметной области и намечающего угол и зону видения основных проблем, к которым устремляется отдельный ум. Надсознательное указывает не на "глубины", а на "вершины" деятельности мысли, на тот ее "кипящий" слой, где личность создает то, что до этой деятельности не существовало.

Глубоким заблуждением было бы мыслить надсознательное как внеположное сознанию. Напротив, оно включено в его внутреннюю ткань и неотторжимо от нее. Надсознательное не есть надличное. В нем личность реализует себя с наибольшей полнотой, и только благодаря ему она обеспечивает – с исчезновением индивидуального сознания – свое творческое бессмертие. Понятие о надсознательном позволяет преодолеть как интуитивизм, так и учение о том, что динамика научного творчества безостаточно определена отношениями, которые регулируются индивидуальным сознанием.

Реальная ценность научного вклада и его проекция в теоретическом сознании отдельного ученого и даже целого поколения ученых могут не совпадать. Поэтому необходимо различать теоретические представления, с одной стороны, и их категориальную подоснову – с другой.

Для обозначения тех уровней деятельности ученого, которые выступают в его сознании в расчлененных продуктах, мы воспользовались термином "теория". Для уровня, который, конституируя ход исследовательской мысли, хотя и отражается в

теориях, гипотезах, моделях, но не осознается в качестве самостоятельной исторически развивающейся системы наиболее общих (содержательных) форм научного знания, мы использовали термин "категория". И "теория" и "категория", объективируясь, запечатлеваясь в продуктах научной деятельности, ведут независимую от творящих их индивидов историческую жизнь. И та и другая представлены в "психической среде" конкретного ученого. Однако их представленность разная. Категориальный строй и работа, которая ведется в его "режиме" (в отличие от строя теоретических представлений), не выступают для индивидуального сознания в виде самостоятельного предмета изучения, обсуждения, анализа и критики.

Между тем развитие категорий – это важнейший плод научного труда. Можно было бы сказать, что это развитие в силу отмеченных выше обстоятельств совершается бессознательно. Однако с термином "бессознательное" история философско-психологической мысли соединила множество ассоциаций, мешающих отграничить то, что было испытано индивидом, но в данный момент им не осознается, от того, что им создается, соответственно, объективными требованиями логики науки. Явления второго порядка мы предпочитаем называть не бессознательными или подсознательными, а надсознательными, поскольку скрытый от умственного взора субъекта мир категориального развития научных ценностей представляет не подспудные "глубины", а "вершины" человеческой психики.

Исследуя направление творческого поиска, неверно было бы ограничиться взаимодействием двух факторов: личностного и предметно-логического, как мы это делали до сих пор в аналитических целях. Третьим неотъемлемым фактором является социальный, действующий на двух взаимосвязанных уровнях: общесоциальном и социально-научном (в смысле конкретно-исторических особенностей жизни и деятельности научного сообщества, соотношения идейных сил внутри его, межличностных отношений и др.). На обоих уровнях социальное выступает не как фон, на котором разыгрывается "драма идей", но как действенное начало этой драмы. Надсознательное движение научной мысли меньше всего напоминает общение индивида "один на один" с "госпожой" логикой науки. В каждом новом проекте незримо присутствует в качестве союзников и противников, возможных оппонентов и критиков множество конкретных исследователей. Поэтому надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным в том смысле, что вторым и старшим "Я" для творческой личности, работающей в его режиме, является научное сообщество, выступающее в функции особого, надличностного субъекта, незримо вершащего своей контроль и суд.

Глава 2. ИСТОРИЗМ ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Эволюция теорий как предмет специального изучения

Мнения историков о том, кто изобрел слово "психология", расходятся. Одни считают его автором соратника Лютера Филиппа Меланхтона, другие – философа Гоклениуса, который применил слово "психология" в 1590 году для того, чтобы можно было обозначить им книги ряда авторов. Это слово получило всеобщее признание после работ немецкого философа Христиана Вольфа, книги которого назывались "Рациональная психология" (1732) и "Эмпирическая психология" (1734).

Учитель же Вольфа Лейбниц пользовался еще термином "пневматология". До XIX века это слово не употреблялось ни в английской, ни во французской литературе.

Об использовании слова "психолог" (с ударением на последнем слоге) в русском языке говорит реплика Мефистофеля в пушкинской "Сцене из Фауста": "Я психолог... о вот наука!.." Но в те времена психологии как отдельной науки не было. Психолог означал знатока человеческих страстей и характеров.

В XVI веке, когда возникло слово "психология", под душой и логосом понималось нечто иное, чем в период античности. Если бы, например, спросили у Аристотеля (у которого мы впервые находим не только разработанную систему психологических понятий, но и первый очерк истории психологии), к чему относится знание о душе, то его ответ существенно отличался бы от позднейших, ибо такое знание, с его точки зрения, имеет объектом любые биологические явления, включая жизнь растений, а также те процессы в человеческом теле, которые мы сейчас считаем сугубо соматическими (вегетативными, растительными).

Еще удивительнее был бы ответ предшественников Аристотеля. Они понимали под душой движущее начало всех вещей, а не только организмов. Так, например, по мнению древнегреческого мудреца Фалеса, магнит притягивает другие тела потому, что одушевлен. Это учение о всеобщей одушевленности материи – гилозоизм – может показаться примитивным с точки зрения последующих успехов в познании природы, однако оно было крупным шагом вперед на пути от анимистического (мифологического) мышления к научному.

Гилозоизм воспринимал природу как единое материальное целое, наделенное жизнью, понятой как способность ощущать, запоминать и действовать. Принцип монизма, выраженный в этом воззрении, делал его привлекательным для передовых мыслителей значительно более поздних эпох (Телезио, Дидро, Геккеля и др.).

Анимизм же (от лат. *anima* – душа) каждую конкретную вещь наделял сверхъестественным двойником – душой. Перед взором анимистически мыслящего человека мир выступал как скопление произвольно действующих душ. Элементы анимизма представлены, как отмечал Г.В. Плеханов, в любой религии. Анимистические донаучные взгляды на душу веками влияли на понимание человеческих мыслей, чувств, поступков. Эти рудименты дают о себе знать и в значительно более поздние времена в представлениях об обитающем в мозгу "внутреннем человеке" (скрывающемся под терминами "душа", "сознание", "Я"), который воспринимает впечатления, размышляет, принимает решения и приводит в действие мышцы.

Апелляция к бестелесным силам, правящим телесной организацией человека (нераздельно сопряженной с природой и культурой), в научном смысле бесперспективна.

Это можно пояснить следующим сравнением. Когда в прошлом веке был изобретен локомотив, группе немецких крестьян, как вспоминает один философ, объяснили его механизм, сущность работы. Выслушав его внимательно, они заявили: "И все же в нем сидит лошадь". Раз в нем сидит лошадь, значит – все ясно. Сама лошадь в объяснении не нуждается. Точно так же обстояло дело и с теми учениями, которые относили действия человека за счет души. Если душа управляет мыслями и

поступками – то все ясно. Сама душа в объяснении не нуждается. Прогресс же научного знания заключался в поиске и открытии реальных причин, доступных проверке опытом и логическим анализом. Научное знание – это знание причин явлений, факторов (детерминант), которые эти явления порождают, что относится ко всем наукам, в том числе и психологии. Господствовавшая в средние века религиозная идеология придала понятию о душе определенное мировоззренческое содержание (душа рассматривалась как бесплотная, нетленная сущность, переживающая бренное тело, служащая средством общения со сверхъестественными силами, испытывающая воздаяние за земные поступки и т.д.).

Именно это отнюдь не языческое содержание имплицитно было заложено в древнегреческом по своей этимологии слове "психология", когда оно впервые стало прилагаться к совокупности сведений о душевных явлениях. Нет ничего более ошибочного, как делать на этом основании вывод, будто человечество не знало тогда иных взглядов на психику и сознание, кроме религиозно-идеалистических. Царившая в университетах схоластическая философия (ее и представляли те, кто создал термин "психология") действительно подчинялась диктату церкви. Однако даже в пределах этой философии возникали, отражая запросы новой социальной практики, передовые идеи.

В борьбе с церковно-богословской концепцией души утверждалось самосознание рвавшейся из феодальных пут личности. Отношением к этой концепции определялся общий характер любого учения.

В эпоху Возрождения, когда студенты какого-нибудь университета хотели с первой лекции оценить профессора, они кричали ему: "Говорите нам о душе!" Наиболее важное в те времена могли рассказать о душе не профессора, кругозор которых был ограничен сочинениями античных авторов и комментариями к ним, а люди, представления которых не излагались ни в лекциях, ни в книгах, объединенных Гоклениусом под общим названием "Психология". Это были врачи типа Вивеса или Фракасторо, художники и инженеры типа Леонардо да Винчи, а позднее – Декарт, Спиноза, Гоббс и многие другие мыслители и натуралисты, не преподававшие в университетах и не претендовавшие на то, чтобы разрабатывать психологию. Длительное время по своему официальному статусу психология считалась философской (и богословской) дисциплиной. Иногда она фигурировала под другими именами. Ее называли ментальной философией (от лат. *mental* – психический), душесловием, пневматологией. Но было бы ошибочно представлять ее по книгам с этими заглавиями и искать ее корни в одной только философии. Концентрация психологических знаний происходила на многих участках интеллектуальной работы человечества. Поэтому путь психологии (когда она около полтора столетия назад обрела статус самостоятельной экспериментальной дисциплины) не совпадает с эволюцией философских учений о душе (так называемая метафизическая психология) или о душевных явлениях (так называемая эмпирическая психология).

Означает ли это, что в интересах научного прогресса, радикально изменившего объяснение явлений, некогда названных словом "душа", следует отказаться от термина "психология", хранящего память об этом древнем слове-понятии?

Ответ на данный вопрос дал Л.С. Выготский. "Мы понимаем исторически, – писал он, – что психология как наука должна была начаться с идеи души. Мы также мало

видим в этом просто невежество и ошибку, как не считаем рабство результатом плохого характера. Мы знаем, что наука как путь к истине непременно включает в себя в качестве необходимых моментов заблуждения, ошибки, предрассудки. Существенно для науки не то, что они есть, а то, что, будучи ошибками, они все же ведут к правде, что они преодолеваются. Поэтому мы принимаем имя нашей науки со всеми отложившимися в нем следами вековых заблуждений, как живое указание на их преодоление, как боевые рубцы от ран, как живое свидетельство истины, возникающей в невероятно сложной борьбе с ложью".⁴⁶

С каждым из этих античных терминов сочеталось различное предметное содержание, не говоря уже о конфронтации противоположных взглядов на него. Однако при всех расхождениях, сколь острыми бы они ни были, сохранялись общие точки, где пересекались различные линии мысли. Именно в этих точках вспыхивали искры знания как сигналы для следующего шага в поисках истины. Не будь этих общих точек, люди науки говорили бы каждый на своем языке, непонятном для других исследователей этого предметного поля, будь то их современники, либо те, кто пришел после них.

Эти точки, ориентируясь на которые мы способны вернуть к жизни мысль былых искателей истины, назовем категориями и принципами психологического познания. Информацию о богатствах психологии хранят не только сменявшие друг друга философские системы, но и история естественных наук (в особенности биологии), медицины, педагогики, социологии,

Объективная природа психики такова, что, находясь в извечной зависимости от своих биологических оснований, она приобретает на уровне человека социальную сущность.

Поэтому ее причинное объяснение необходимо предполагает выявление ее обусловленности природными и общественно-историческими факторами. Исследуются же эти факторы не самой психологией, а соответствующими "сестринскими" науками, от успехов которых она неизменно зависит. Но и они, в свою очередь, зависят от нее, поскольку изучаемые ею явления и закономерности вопреки эпифеноменализму⁴⁷ играют важную роль в биологической и социальной жизни. Невозможно адекватно отобразить становление психологических проблем, гипотез, концепций, абстрагируясь от развития знаний о природе и обществе, а также игнорируя обширные области практики, связанные с воздействием на человека.

Наука как открытая система изначально исторична. Ее историзм очевиден, когда обращаются к порождаемому ей предметному знанию, то есть знанию о различных сторонах психической жизни, ее феноменах, процессах, функциях.

В летописи науки одна запись сменяется другой. В них речь идет о фактах и теориях, установленных и проверенных на адекватность реальности посредством исследовательского аппарата. Но историчен ли сам этот аппарат?

⁴⁶ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1982, с. 429.

⁴⁷ Эпифеноменализм – учение о том, что психические акты не имеют самостоятельной ценности и не являются причинными факторами поведения.

Проблема анализа психологических теорий

Прежде всего следует уточнить, что же следует понимать под этим аппаратом. Как сказано, он не может быть выстроен из общих логических операций, будь то формальной логики, во всем богатстве ее разновидностей, либо так называемой диалектической логики. Одно время в нашей литературе излагались проектные разработки методологии психологии на основе особого аналитического метода. Поскольку с представлением о нем в истории науки соединялись самые причудливые предписания, в кругу советских исследователей этот метод попытались истолковать по-марксистски в следующем смысле:

"Весь "Капитал" написан этим методом: Маркс анализирует "клеточку" буржуазного общества – форму товарной стоимости – и показывает, что развитое тело легче изучить, чем клеточку. В клеточке он прочитывает структуры всего строя и всех экономических формаций... Кто разгадал бы клеточку психологии – механизм одной реакции, нашел бы ключ ко всей психологии". Это суждение высказано в 1927 году Л.С. Выготским в трактате "Исторический смысл психологического кризиса".⁴⁸ С тех пор и он сам, и многие другие были заняты поисками "клеточки" психического, по которой можно было бы проанализировать весь его строй. Успеха в этом направлении достичь не удалось. Психическую же систему лучше было бы сопоставить, если брать метафоры из биологии, с целостным "многоклеточным" организмом, органы которого, выполняя различные функции, не разделены. Сказанное относится и к категориальному аппарату научного познания, где взаимодействуют свои рабочие блоки, информацию о которых призвана добывать теоретическая психология.

Первые же ее шаги позволили прийти к выводу об историческом характере этих блоков.

Сами по себе методики, являясь инструментами, без которых никакое знание не может быть произведено, не определяют его теоретическую значимость. Так, например, хорошо известная методика выработки условных рефлексов, широко используемая и в физиологии, и в психологии, позволяет открыть факты, за которыми просвечивают совершенно различные теоретические посылки и интерпретации. Ведь сам по себе факт образования условного рефлекса (при виде пищи выделяется слюна) еще ничего не говорит ни о тех процессах, которые при этом происходят в мозгу, ни о роли этого рефлекса в психической организации поведения. Только сквозь призму определенных теоретических воззрений на нервную деятельность, психику и поведение этот факт, имеющий при всей его видимой простоте, фундаментальное значение, входит в корпус научных знаний. Конечно, это относится не только к условному рефлексу, но ко всему многообразию конституирующих этот корпус фактов, вокруг которых вращается психологическая мысль, будь то аффект, развитие речи, гипноз или восприятие собственного "Я".

По поводу любых психологических фактов, большинство которых приковывало пытливую мысль с древнейших времен, возникало великое многообразие мнений, в них непременно содержались попытки объяснить эти факты, найти их причины. А это уже элементы теоретического знания. Между тем сами объяснения причин

⁴⁸ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1, с. 407.

психических явлений появлялись и исчезали на историческом горизонте в силу определенных обстоятельств. Изучение их составляет ключевую задачу теоретико-психологического анализа. Имея дело с преобразованием и сменой теоретических представлений о психике, он неотвратимо пронизан историзмом.

Если воспользоваться приведенным выше примером, касающимся условного рефлекса, то разве не очевидно, что сам по себе исходный простейший факт был настолько общеизвестен, что человек, незнакомый с историей и теорией науки, будет удивлен, узнав о том, сколько энергии вложили на протяжении столетий великие умы в его изучение.

Предпосылки смены теорий научения

Теоретическую схему причинного объяснения этого факта наметил еще в XVII веке один из создателей современного естествознания Рене Декарт. Он писал: "Когда собака видит куропатку, она, естественно, бросается к ней, а когда слышит ружейный выстрел, звук его, естественно, побуждает ее убегать. Но, тем не менее, легавых собак обыкновенно приучают к тому, чтобы вид куропатки заставлял их остановиться, а звук выстрела, который они слышат при стрельбе в куропатку, заставлял их подбегать к ней. Это полезно знать для того, чтобы научиться управлять своими страстями, ибо так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это еще лучше можно сделать у людей и что люди даже со слабой душой могли бы приобрести исключительно неограниченную власть над всеми своими страстями, если бы приложили достаточно старания, чтобы их дисциплинировать и руководить ими".⁴⁹

Эти соображения примечательны тем, что предвосхищали причинное объяснение условно-рефлекторного принципа регуляции поведения. Считая поведение животных строго машинообразным, Декарт вместе с тем ставит вопрос о возможности изменения (говоря современным языком, в результате выработки навыка) той связи между внешним раздражителем (вид куропатки, звук выстрела) и ответным поведением, которая заложена в самой конструкции телесной машины. Благодаря этому раздражители начинают вызывать противоположные двигательные реакции. Такой принцип, согласно Декарту, с еще большим успехом может быть применен к людям – существам, обладающим сознанием и волей.

Используя его, люди смогут приобрести неограниченную власть над своими страстями (под последними Декарт разумел не только эмоциональные, но и любые испытываемые душой состояния).

В течение трех столетий сходные в своем основании представления высказывались и другими исследователями, притом многие из них не знали о Декартовом замысле. Однако эти представления носили сугубо умозрительный характер. Лишь в конце XIX века в работах русских исследователей В.М.Бехтерева и И.П.Павлова указанная теоретическая модель приобрела могущественное экспериментальное оснащение, став ядром одного из главных направлений современной науки о психике и поведении.

⁴⁹ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950, с. 623.

В середине прошлого века в развитии науки о жизни произошли революционные события. Наиболее крупные из них были связаны с триумфом эволюционного учения Ч.Дарвина, успехами физико-химической школы, изгнавшей витализм из биологии, и разработкой К.Бернаром учения о механизмах саморегуляции внутренней среды организма. К этому следует присоединить успехи физиологии органов чувств.

Здесь экспериментальные и математические методы внедрялось в исследование явлений, которые было принято выводить из действий души как непространственной сущности. Коренным образом изменялся категориальный строй биологического мышления по всем его параметрам. Новое понимание детерминизма, системности, развития преобразовало объяснение всех жизненных функций и придало мощный импульс зарождению новых программ их исследования, обогативших биологию множеством открытий.

Вместе с тем в системе знаний об организме обнажились белые пятна, незримые для "оптики" категориального аппарата прежней эпохи. Это создавало внутреннюю мотивацию для естествоиспытателей, вдохновленных перспективой освоения неизведанных "материков" на развернувшейся перед ними карте живой природы. Исторически сложилось так, что наименее освоенным новой системно-детерминистской мыслью оказался отдельный организм как целостность, противостоящая среде и взаимодействующая с ней.

Дарвин открыл законы трансформации великого древа жизни. На эти законы указывало название его главной книги: "Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь" (1859).

Стало быть, объектом объяснения являлся вид или порода. Конечно, индивид или экземпляр породы также ставился под эти законы, Однако механизмы его собственного поведения являлись другой темой, на постижение которой Дарвин не претендовал. К непреходящим заслугам Бернара следует отнести проникновение в закономерности саморегуляции постоянства внутренней среды организма, ее самосохранения вопреки угрожающим ее стабильности влияниям. Подобное постоянство, поддерживаемое автоматически и потому не нуждающееся в постоянном контроле со стороны сознания, является, как подчеркивал Бернар, условием свободной жизни.

Объясняя саморегуляцию внутренней среды, Бернар, таким образом, не претендовал на объяснение детерминант поведения организма вереве внешней. Иначе говоря, также, как и в случае с Дарвином, целостный организм оставался объектом, закономерности жизнедеятельности которого не получали причинного объяснения. Он выступал либо в контексте эволюционной теории как экземпляр вида, либо в контексте учения о стабильности внутренней среды (в дальнейшем обозначенного термином "гомеостаз"). Правда, имелось еще одно направление, которое в отличие от Дарвина и Бернара претендовало на детерминистское объяснение всего организма безостаточно. Оно было представлено направлением, которое, исходя из того, что живое тело вовлечено во всеобщий круговорот энергии, трактовало его как физико-химическую среду, где царит "молекулярное начало". Различие между средой внешней и внутренней вообще не проводилось. Но тогда и проблема взаимоотношений между организмом и его окружением утрачивала смысл.

Два пути в науке о поведении

Такова была ситуация в мировой науке, где глубинные преобразования по всему фронту знаний о жизни оставляли незатронутой одну из важнейших ее сфер, а именно сферу отношений отдельного целостного действующего организма со средой, в недрах которой он существует, с которой он взаимодействует. Завоевание этой сферы стало историческим достоянием российской науки. Если Германия дала миру учение о физико-химических основах жизни, Англия – о законах эволюции, Франция – о гомеостазе, то Россия о поведении. Категория поведения сформировалась в духовной атмосфере этой страны и придала самобытность пути, на котором русской мыслью были прочерчены идеи, обогатившие мировую науку. Эта категория, в свою очередь, была подготовлена прежними свершениями. Английская мысль внесла идею адаптации к среде внешней как задаче, непрерывно решаемой организмом, французская мысль идею саморегуляции процессов в этом организме, немецкая – принцип естественного хода жизни, свободного от внеприродных витальных сил.

Как известно, в конце XIX века рухнула Ньютонова механическая модель мира, считавшаяся вечной. Но за несколько десятилетий до этого рухнула создававшаяся на тех же механических началах модель организма.

Испарилась вера в непогрешимость прежнего образца точного знания и прежнего стиля причинного объяснения связи вещей. Занялась эра нового детерминизма – биологического. Стали стремительно меняться прежние представления о живой природе, о функциях организма, в том числе психических. Только-только становившаяся на ноги в качестве самостоятельной науки психология начинает отсекаться от своих прежних догматов и программ. Ее исходная программа сводилась к выделению "нитей", из которых соткано сознание. Теперь же основным становится вопрос не о том, как оно устроено, а как оно работает, какую функцию выполняет в приспособлении организма к среде. Прежнее направление исследований (ему присвоили имя структурализма) уступает место функциональному. Психическая функция мыслилась по типу биологической. Отныне уже не "материя" сознания в ее "чистой культуре" непосредственного опыта субъекта считалась предметом психологии, а психические процессы в качестве "инструментов", посредством которых организм "орудует" в среде успешнее, чем без них. Но и для этой научной школы, подобно предшествующим, целесообразно действующим агентом оказывалось сознание. Психология считалась наукой о сознании, его процессах, актах, феноменах. На этом основании проводилась демаркационная линия между ней и всеми остальными науками. Конечно, никто не представлял сознание "витающим" вне организма, вне головного мозга. Немало перьев было исписано, чтобы объяснить, как они коррелируют между собой. Но трактовались они как две самостоятельные сущности, каждая из которых описывается в своих понятиях и живет по своим законам. Между тем с триумфом биологического детерминизма утвердился системный подход к объяснению отношений между организмом и средой. Его выразила, в частности, идея "двойной активности" обоих компонентов этой системы. Организм, чтобы выжить, вынужден соотносить свои действия с условиями существования. Но и эти условия в свою очередь диктуют организму способ действий и тем самым изменяют (детерминируют) его жизнь.

Функциональная психология могла учитывать это взаимодействие в пределах своего категориального аппарата, то есть тех познавательных, аффективных и других процессов или актов, которые считались компонентами сознания. Но она ничего не могла объяснить в отношении действий телесной системы, понятия о которой относились по "ту сторону" сознания. Взаимодействовал же со средой и приспособлялся к ней организм в целом. Наука об организме оперировала сеткой своих категорий. Они запечатлели опыт освоения физиологической наукой различных функций живого тела, но не способов взаимодействия живого тела как целого со средой, с которой он изначально и до конца дней неразлучен. Выходило, что ни психология сознания, ни физиология организма с освоением новой реальности, открытой благодаря биологическому детерминизму (система "организм-среда"), справиться не могут. Логика развития науки столкнулась с реальностью, для познания которой требовались новые средства, способные преобразовать категориальный аппарат.

История человеческой мысли вековечно представлена в коллизии двух начал: телесного и духовного. Спускаясь с философско-религиозных высот, наука переводила эту коллизию на различные диалекты своего рабочего языка, говоря о душе и теле, сознании и мозге, соматическом и психическом и т.п. Но к концу прошлого столетия "прорезалась", поглощая все большую энергию мысли, новая, третья константа. Она радикально меняла картину организма, ибо вводила в систему его корреляций со средой особые реалии, не сводимые ни к телесным, ни к психическим. И тогда прежняя, казавшаяся незыблемой диада "душа (психика, сознание) и тело (мозг, нейродинамика)" была поколеблена.

На горизонте научного видения появилась триада: организм – поведение – сознание. Каждый из ее компонентов обрел волей истории познания свой собственный понятийный строй.

У истоков науки о поведении стоял сам великий Дарвин. Он предпринял попытку применить свое учение об изменении жизненных явлений в общем эволюционном ряду к телесному выражению состояний, считавшихся душевными.

Его соображения об этом были изложены в труде "Выражение эмоций у животных и человека" (1872), который был задуман как вторая часть его великого труда "Происхождение человека" (1870), изменившего представление о месте человека во Вселенной. Эмоции (чувства) веками считались сферой внутренних состояний субъекта, его переживаний. Но этой интимной сферы Дарвин вообще не касался. Он тщательно описывал внешние, объективно наблюдаемые реакции, объяснял их в духе биологического детерминизма, то есть как порождаемые борьбой за существование в интересах выживания организма. Что касается человека, то, как полагал Дарвин, от этих, некогда жизненно важных движений сохранились рудименты. Так, оскал зубов, взъерошенная шерсть и т.п. – все это служило некогда средством воздействия на врага в физической схватке или с целью устрашения. У современного человека следы этих некогда полезных действий сохраняются, например, во вставших дыбом волосах или оскаленных резцах.

Употребляя термин "эмоция", Дарвин не отделял ее от телесного движения, имеющего биологический смысл. И тем не менее, эта дарвиновская работа имела пионерское значение и в истории науки о поведении заняла достойное место.

Учение Дарвина стимулировало сравнение процессов животной жизни на различных витках эволюции. Многие натуралисты восприняли у его создателя установку на метод объективного наблюдения внешних проявлений этой жизни и стремление понять их биологическое предназначение.

Русский путь в науке о поведении освещала звезда антропологизма – философии человека как высшей ценности.

Антропологизм в его понимании людьми передовой русской науки изначально и неизменно впитал идею доминирования нравственного начала. Наука о поведении уходила корнями в новую биологию и возникла в лоне присущего ей детерминизма. Но в жаждущей обновления и преобразования российской действительности постулат об индивиде, движимом одним стремлением – как можно эффективнее приспособиться к наличным условиям, чтобы добиться личного благополучия, – был несовместим с потребностями народа и зовом истории. Социокультурные традиции России отвергали индивидуализм, противопоставляя ему в различных вариантах общинное начало. Коллизию создавала необходимость соединить верность этому началу с правами и свободами личности. Борьба за них во имя интересов (если опять-таки принимать сеченовское слово) "обездоленного русского мужика" требовала от сознающих свою нравственную ответственность "новых людей" самоотверженности и жертвенности. Это и обусловило своеобразие позиций русских приверженцев антропологизма. Шел поиск перспектив сочетания естественнонаучного воззрения на человека как существо, не разъятое на душу и тело, с его приверженностью неведомым наукам о природе (в том числе биологии) нравственным ценностям.

Американские психологи восприняли идеи русских исследователей поведения как образец точного естественнонаучного знания. Но их пути существенно разнились. Преобразовать человека как целостное существо с тем, чтобы его тварная организация была движима высшими духовными ценностями, – такова была русская сверхценная идея.

Как великое историческое задание она направляла умы натуралистов на служение рвущемуся из рабства народу. Она подвигла эти умы на создание в стране, считавшейся отсталой и дикой, новаторских программ. Целостное воззрение на человека разбивалось о противостояние науки об организме и науки о сознании; складывалась тупиковая ситуация. Выходом из нее стало создание науки о поведении.

Была открыта особая форма активности организма, осваивающего среду. Русская мысль, открывшая проблему поведения и создавшая категориальную схему его разработки, не подменяла ею ни физиологию, ни психологию. Она искала пути интеграции категорий, запечатлевших ее открытия, с исторически сложившимися категориями, в которых даны предметы этих дисциплин.

Иной оказалась (под воздействием философии позитивизма) стратегия исследователей поведения в США. Здесь редукция поведения к отношению "стимул – реакция" привела к представлению о том, что это отношение, являясь стержнем и единственным эквивалентом строго научной психологии, должно быть избавлено как от менталистской (обращенной к сознанию субъекта), так и от физиологической "примеси". Психология бихевиористского склада, последним лидером которой стал

Б. Скиннер, превратилась в науку о "пустом организме". Но это уже был другой путь.

Под влиянием созданных в России идей о поведении психологи в США радикально изменили свою теоретическую ориентацию. Они отреклись от прежних воззрений на психологию как науку о сознании (Дж. Уотсон и др.).

Предметом этой науки были провозглашены независимые от сознания стимул-реактивные отношения между организмом и средой, к которой он адаптируется. В качестве экспериментальных устройств взамен прежних созданных физиологами аппаратов использовались различные типы лабиринтов и так называемых "проблемных ящиков" (Э. Торндайк). Опыты ставились преимущественно над крысами. Запускаемые в лабиринты животные научались находить из них выход.

Тема научения, приобретения навыков путем проб и ошибок стала центральной для этой школы, собравшей огромный экспериментальный материал о факторах, которые обуславливают модификацию поведения, выработку его новых форм. Изменялось воззрение на законы, правящие поведением живых существ, в том числе человека, который предстал как "большая белая крыса", ищущая свой путь в "лабиринте жизни", где вероятность успеха не predetermined и царит Его Величество случай.

Этот американский путь в изучении поведения отличался от русского, на котором не отвергались ни сознание, ни внутренний мир человека, ни духовные ценности и идеалы, определяющие в царстве человека смысл его жизни. Завершая свою ставшую знаменитой программную речь на Международном медицинском конгрессе в Мадриде, где впервые оповещалось об открытии условных рефлексов, И.П. Павлов сказал: "Полученные объективные данные, руководствуясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем самым сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более, – его сознание, муки его сознания".⁵⁰ Отношение сознания и других высших форм человеческого бытия к условно-рефлекторному поведению понималось, исходя из принципа дополнительности.

Что касается дальнейшего развития представлений об условных рефлексах, на которых отныне базировалось научное знание о поведении, то принципиально иную направленность оно приобрело в бихевиоризме, для которого основополагающими стали открытия русских ученых, касающиеся научения, механизмом которого служат условные рефлексы. Что же касается сознания, то оно было изгнано из психологии как пережиток времен схоластики.

Трактовка поведения в этом контексте претерпела важные изменения. Поведение свелось к строго причинной связи внешнего стимула с внешней реакцией. Бихевиористская формула "стимул-реакция" диктовала исследователю фиксировать только то, что происходит на "входе" организма при воздействии раздражителя и на его "выходе" при ответной двигательной реакции. Происходящее между этими двумя переменными игнорировалось, поскольку оно прямому, непосредственному

⁵⁰ Павлов И.П. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 1. М.-Л., 1951, с. 39.

наблюдению недоступно, поэтому не может быть отнесено к разряду достоверных фактов науки⁵¹. Один из критиков бихевиористов справедливо отметил, что они имеют дело с "пустым организмом". Вскоре в бихевиористском лагере начался разлад. Появились психологи новой ориентации, стремившиеся включить в объяснение поведения (с позиций строгой, точной науки) понятия, которые бы охватывали процессы и факторы, действующие между стимулом и реакцией и служащие причиной самой непосредственно наблюдаемой реакции.

Возник бихевиоризм новой формации – необихевиоризм. Популярность приобрело понятие о "промежуточных переменных", незримых при внешнем, объективном изучении, но тем не менее требующих анализа, исходя изданных специальных экспериментов. Эти переменные (детерминанты) были названы промежуточными по отношению к независимым переменным (раздражителям) и зависимым переменным (реакциям), выступив в роли заменителей того, что веками называлось душой, сознанием, психикой. Понятие о "промежуточных переменных" ввел необихевиорист Э. Толмен, но самой популярной и мощной в необихевиоризме стала школа Кларка Халла. В 1927 году после публикации на английском языке книги И.П. Павлова "Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных" (она вышла под названием "Условный рефлекс" с предисловием У. Кеннона – великого американского физиолога, близкого друга И.П. Павлова) Халл воспринял ее как изложение прошедшей строжайшую экспериментальную проверку системы идей, которая при ее формализации (обобщения в математических формулах) может быть возведена во всеобщую теорию любых видов поведения как животных, так и человека. Благодаря этой теории, надеялся Халл, удастся покончить с патологической ситуацией в психологическом сообществе, которое раздирается противоборством школ в силу того, что лишено единого логически стройного теоретического основания для своих конкретных исследований в различных отраслях и направлениях.

"Промежуточные переменные" Халл обозначил термином "Теоретические конструи", трактуя (в духе павловской теории) целостное поведение как комплексный продукт механизмов научения и мотивации. При этом особая роль отводилась подкреплению, которое сводилось к редукции потребности.

Опираясь на эти представления, Халл разработал теорию, состоящую из 17 постулатов и производных от них 133 теорем, надеясь, что тем самым любые эмпирические данные о мире поведения (будь то у животных или у людей) удастся теоретически объяснить с такой же строгостью и точностью, с какой это было совершено в свое время для физического мира Исааком Ньютоном. Вряд ли случайно свою обобщающую книгу Халл назвал "Принципы поведения".⁵² Название напоминало о знаменитых ньютоновских "Принципах".

Поскольку предполагалось, что теоремы, в которых Халл обобщил достижения школы И.П. Павлова, имеют обязательную силу применительно к любым способам взаимодействия живых существ со своей средой, приобрела популярность версия

⁵¹ Эта установка была задана влиятельной на Западе философией позитивизма, сводящей содержание науки к непосредственному опыту субъекта (чтобы избежать бесплодного умозрения).

⁵² Hull C. Principles of Behavior. N.Y., 1943.

о перспективах строго причинного (детерминистского) объяснения не только индивидуального, но также и социального поведения. В условиях, когда на рубеже 30-х годов американская экономика вступила в полосу кризиса и начинавшейся "великой депрессии", версия о возможности управления поведением людей, опираясь на средства точной науки, порождала надежду на то, что, используя эти средства, удастся если не полностью справиться с решением грозных социальных проблем, то, во всяком случае, содействовать их эффективному решению. Таковы были мотивы, по которым знаменитый Фонд Рокфеллера решил оказать финансовую поддержку Халловской программе. Как уже сказано, ее главной категорией являлось понятие о научении, о приобретении новых форм реакций, а идейным стержнем служил принцип "обусловливания", порожденный учением И.П. Павлова.

Это учение, объясняя модификацию поведения, внесло непреходящий вклад в категорию действия, которая, однако, подобно другим категориям, многопланова. Достаточно напомнить о специфике внутреннего психического действия, состав и операции которого при решении умственных задач качественно отличны от реализуемых внешним телесным субстратом механизмов научения. Да и эти механизмы отнюдь не ложатся безостаточно в "ложе" условно-рефлекторной схемы, вопреки попыткам превратить его в прокрустово.

В психологическую категорию действия входит признак реального движения. Ведь и первый росток этой категории пробился в научно-психологическое мышление в образе опосредованной высшими нервными центрами реакции мышцы на раздражитель (рефлекса). На новых теоретических поворотах зародились схемы, отображающие своеобразие построений движения, необъяснимое его условно-рефлекторной регуляцией.

В России в полемике с И.П. Павловым утвердилась новаторская теоретическая модель Н.А. Бернштейна. Будучи "маргинальной" (поскольку разрабатывалась методами и в терминах физиологии), она придала новую грань психологической категории действия. Изучая работу двигательного аппарата, Бернштейн обнаружил в уровне его организации неотвратимость сенсорных коррекций (в силу кольцевой связи центра с периферией), инициативность организма, способного строить образ желаемого будущего, направленность целостного живого движения на активное преодоление среды, диктуемое собственной программой этого организма. Теоретическая картина поведения в изображении ее двигательных контуров приобрела штрихи, обогатившие категорию действия (см. ниже).

Так обстояло дело в России, а в США направление, созданное Халлом, приобрело после распада его школы новую ориентацию. Возник план выстроить на тех же бихевиористских началах единую систему знаний как об индивидуе, так и обществе.

Бихевиоральные науки

На этот раз программу объединения в единую систему знаний о поведении (в качестве отличных от изучаемых науками о физическом мире и о биологических процессах) щедро субсидировал другой знаменитый научный фонд – Фонд Форда. В одном из американских университетов (в Станфорде, штат Калифорния) возникает

в 50-х годах крупный исследовательский центр, основная часть программы которого заключалась в разработке новой ветви наук, отличной от физических и биологических, но использующей принятую в этих науках объективную и детерминистскую методологию в целях описания, анализа, объяснения и предсказания поведения людей под действием различных социальных факторов. Эта ветвь получила название бихевиоральных наук. Ее финансовая поддержка велась с целью решения практических задач, связанных с расовыми проблемами, безработицей, избирательными кампаниями и др.

Методологический же смысл этого направления определялся установкой на такое преобразование теории поведения, которое позволило бы, не утратив доставшийся от прежнего бихевиоризма идеал объективности (в смысле внешней наблюдаемости, описания зависимости реакций от стимулов, специальной техники экспериментирования и др.), выдержать верность ему при изучении причин поведения отдельных индивидов либо их групп в социальной среде.

Решающее преимущество перехода на почву "бихевиоральной" науки виделось в том, что изучение поведения избавлялось от общепринятого деления на психическое и социальное, взамен которого знание об этом поведении унифицировалось в новую целостность, избавляющую от традиционной дихотомии. Естественно, что этот подход изменял ту теоретическую схему поведения, которая зародилась и развилась в недрах биологического строя мышления. Идея о превращении ее в интеграл психологического и социального (в противовес привычному разделению знаний об индивидуальном поведении и знания об обществе) стала стержнем бихевиоральных наук.

КОГНИТИВИЗМ

Что касается бихевиоральных наук, то им не удалось разделаться с вариантами замены представлений о внутренней, психической жизни субъекта различными "промежуточными переменными" и "теоретическими конструктами". Дело в том, что научно-технический прогресс породил особые устройства, способные воспринимать, хранить и перерабатывать в закодированной форме информацию о всем многообразии действительности. Появились машины, выполняющие именно ту "внутреннюю работу", в научном изучении которой бихевиоризм отказал человеку с присущими ему сознанием, восприятием, запоминанием (бихевиоризм подменил его внешним поведением типа навыка), мышлением (бихевиоризм подменил его поведением типа реакций в проблемном ящике) и другими познавательными (когнитивными) процессами.

Новые информационные машины (компьютеры) очаровали тех психологов, которые увидели в их "продукции" совсем иное, чем "промежуточные переменные" не-обихевиоризма. Эти новые "переменные" восстанавливали в правах познавательные процессы прежней "субъективной" психологии, в качестве аналога которых отныне могли восприниматься процессы хранения и переработки информации в компьютерных системах. Энтузиасты этого информационного подхода заговорили о "когнитивной революции" – притом заговорили с азартом, отличавшим некогда притязания былого бихевиоризма на революционный перепорот в психологии.

Действительно, для научного сообщества в США пионерское направление, утвердившееся под именем когнитивизма, означало существенное изменение прежнего стиля исследований факторов организации и регуляции поведения.

Популярность приобрела так называемая "компьютерная метафора", уподоблявшая познавательную (когнитивную) систему человека оперированию дискретными элементами информации – символами. И поскольку в компьютерах подобное оперирование подлежит точному строго объективному исчислению и анализу, обладающей представлялась перспектива внедрения в психологию познания тех стандартов точности, которые присущи наукам, где царят число и мера. Информационный подход сближал психологию с исследованиями в области "искусственного интеллекта" (принятия машиной решений, считавшихся прежде уникальным делом человеческого ума), а также с нейронауками (где в свою очередь появились приверженцы взгляда на мозг как устройство, которое действует по образу и подобию компьютера).

Все эти события, придавшие импульс разработке новых исследовательских программ, изменили в США идейный облик изучения психических феноменов.

Сосредоточенность на когнитивных процессах издревле была присуща любым попыткам осмыслить природу психики. В этом плане когнитивистский подход определил направленность ее научного анализа до всякого когнитивизма. Как в России, так и в Западной Европе сложились психологические школы, существенно обогатившие категориальный аппарат науки благодаря сосредоточенности на категории психического образа, его становлении, развитии, а также роли регулятора жизнедеятельности.

Именно образ – чувственный и умственный – служит средоточием когнитивной активности субъекта, репрезентирует в сфере его психики сферу объективного знания (в том числе явленного под именем "информация"). Обе взаимодействующие сферы – это реалии, каждая из которых существует на собственных началах. Отъединять их друг от друга столь же неправомерно, как отождествлять.

Различие между знанием и образом (вводящее в психологию в качестве одной из ключевых психологическую проблему) приобрело особый смысл благодаря появлению компьютеров. Закодировав знание, они тем самым разграничили термины, в которых оно описывается, и термины, обозначающие психическую реальность образа. Такая демаркация и побудила тех, кто выступил под эгидой когнитивизма, считать себя творцами новой парадигмы, сменившей прежнюю, бихевиористскую, изгнавшую из моделей поведения как образ, так и – соответственно – репрезентируемое им знание. Но когнитивные факторы, созидające сознание субъекта, не являются фикцией старой схоластической философии, как это некогда утверждал первый лидер бихевиоризма Дж. Уотсон.

Напротив, сознание, говоря словами И.П. Павлова, представляет собой первую реальность, с которой сталкивается человеческий ум. И, будучи реальностью, оно стало предметом изучения в большом цикле психологических концепций, стремившихся воссоздать строение и функции сознания, связь его образных компонентов с другими составляющими внутреннего мира субъекта и его вовлеченностью во

множество социокультурных систем отношений. Связь психического образа с репрезентируемым им и данным во внутренней форме знания объектом опосредована сигнально-знаковыми отношениями. Поэтому свойства, присущие информационным процессам, оказались в зоне исследовательских интересов задолго до появления производящих эти процессы машин (компьютеров).

Понятие о сигнале, возникшее в технике докибернетической эпохи, Сеченов внедрил в психологию, соединив его с понятием о чувствовании, которое в качестве сигнала несет информацию о внешней среде (начиная от ее пространственно-временных координат, постигаемых мышечным чувством). Стало быть, чувствование является элементом знания. Сходным элементом выступили такие сигналы, как детерминанты условных рефлексов, которые И.П. Павлов, описывая первую сигнальную систему, определил в качестве коррелятов ощущения и восприятия, то есть чувственных продуктов, когнитивная сущность которых самоочевидна. Применительно к человеческому уровню психической активности Сеченов взамен сигналов поставил символы, заключенные в материи языков, Павлов присоединил к первым сигналам вторые сигналы как носители обобщенных образов понятий, Выготский, начав с исследования знаков, всеветно прославился изучением эволюции значений словесных знаков в онтогенезе.

Значение, имеющее свое независимое от индивидуального сознания бытие, несет знание, которое укореняется в индивидуальном сознании в виде особой реалии, приобретающей категориальную ипостась психического образа.

Притязания когнитивизма на революционный переворот в психологии, который будто бы впервые превратит ее в точную объективную науку о внутренних "ментальных" процессах, устраненных из нее бихевиоризмом, оказались столь же эфемерными, как и прежние декларации бихевиоризма.

Замысел, касающийся целостности картины поведения, интегрирующей на основе информационного подхода работу познавательной системы человека, компьютера и головного мозга, также реализовать не удалось.

Уроки, преподанные появлением и развитием неокогнитивизма (именно так по справедливости следовало бы назвать модное американское направление, поскольку задолго до него закономерности течения когнитивных процессов изучались во многих русских и западноевропейских психологических школах), вновь говорят о валидности принципа историзма в теоретико-психологическом анализе.

С одной стороны, когнитивизм был симптомом прогресса: возросли богатства психологического познания как в плане проблем, ждавших обращения к ним, так и в плане его методических перспектив. С другой стороны, его понятия могли успешно наращивать свой эвристический потенциал в пределах категориального строя психологической науки, творимого ее историей.

Перед нами прошла серия возникавших на научном горизонте в течение трех столетий различных теоретических воззрений на факторы, от которых зависит приобретение живыми существами новых действий, механизм которых не был изначально от природы встроен в их организм. В дальнейшем эти действия вошли в

разряд тех форм общения организма со средой, которые объединил термин "поведение".

Теории опирались на наглядные факты наблюдений за поведением животных, а затем и экспериментов над ним. Конечно, не в смене живых объектов (будь то куропатка у Декарта, лягушка у Сеченова, собака у Павлова, крыса у бихевиористов), а в смене теоретических принципов моделирования механизма их реакций прописана судьба научных идей. Речь шла о причинном объяснении факторов, под действием которых происходит изменение "амуниции" организма, впоследствии названное научением. Во всех случаях теории соотносили свои постулаты и понятия с реальным поведением и утверждались в научном сообществе, когда им удавалось его убедить в том, что они более достоверно трактуют показания опыта.

Возникает, однако, вопрос о причинах, порождающих сами эти теории и их эмпирическую "ткань".

Рождение и гибель теорий должны быть осмыслены теоретически. Для этого необходимо выйти за пределы теории, заговорить о ней не на языке изучаемого ею предмета (например, механизма условного рефлекса или отношения "стимул-реакция"), а на совершенно другом языке, имеющем особое содержание, отличное от предметного.

Другой язык, о котором идет речь (назовем его условно категориальным), призван изложить данную теорию в терминах, проливающих свет на характер освоения проблемного поля науки посредством объяснительных принципов и категориального аппарата мысли. Нельзя диагностировать роль конкретных ученых (школ, направлений) в развитии познания, замкнувшись в кругу ими созданного. Истинная цена их наследства определяется не иначе как по отношению к прошлому (степень новизны) и по отношению к будущему (способность их идей снабдить своей энергией грядущие прорывы в дебри непознанного).

Уже это говорит, что любой оценочный образ научных результатов строится в системе исторических координат. Весомость этих результатов неравновелика. Она определяется объективным ходом эволюции познания и наиболее значима на его поворотных пунктах. Об изменении предметного содержания науки мы узнаем с различной степенью достоверности из ее архива. В нем находим свидетельства о "делах и днях" ее людей, об их открытиях и заблуждениях, взрывах творчества и проблемах. Об этом оповещает летопись истории науки.

Исторический вектор

Когда эта летопись читается, исходя из задач теоретико-психологического анализа, внимание привлекают записи, позволяющие воссоздать смену внутренних форм, по контуру которых структурируется великое множество конкретных событий науки (как теоретических, так и эмпирических). Именно поэтому из потока этих событий анализ извлекает те, что сопряжены с рождением и развитием этих форм, а также их переходами от одних к другим.

Теоретико-психологический анализ выделяет в "республике ученых" ее ключевые фигуры, имена которых обретают знаковый характер по отношению к инфраструктуре психологического познания. Таковы в пунктирно меченной нами линии эволюции категории действия имена Декарта, Сеченова, Бехтерева, Павлова, Торндайка, Уотсона, Толмена, Халла, Бернштейна и др.

Каждый из них был человеком своей эпохи с ее социальными коллизиями, преломившимися также в направленности и содержании их теоретических воззрений.

Эти воззрения в свою очередь изменялись, отражая как процессы, происходившие в обществе, так и динамику творческих исканий личности. Но для теоретико-психологического анализа доминирующим во всем многообразии факторов, влияющих на ситуацию в научном сообществе, является тот исторический вектор, который представлен в категориальной логике познания.

Так, если вновь вернуться к Декарту, который умозрительно представил то, что в дальнейшем обрело прочную эмпирическую "плоть", революционный характер его схемы определялся тем, что было опровергнуто веками господствовавшее убеждение, согласно которому живое тело может двигаться и изменять характер своих движений в силу того, что управляется душой. (Память об этом сохранил язык, в словаре которого живое тело называется, в отличие от неживого, одушевленным, то есть зависящим от души.)

Декартова схема устранила душу из поведения живых существ, заменив ее машинообразным телесным устройством. Это открыло новую эпоху в познании жизнедеятельности.

Вопрос о том, какова миссия Декарта в истории научных представлений о психике и ее нейромеханизмах, служит предметом непрекращающихся дискуссий с тех пор, как Гексли в 1874 году указал, что "ряд положений, составляющих основу и сущность современной физиологии нервной системы, был полностью выражен и проиллюстрирован в трудах Декарта".⁵³

В список этих положений Гексли включил следующие: органом ощущений, эмоций и мыслей является мозг, мышечная реакция порождается процессами в примыкающем к мышце нерве; ощущение обусловлено изменениями в нерве, связывающем орган чувства с мозгом; движения в сенсорных нервах отражаются на моторных, и это возможно без участия воли (рефлекторный акт); вызванные посредством сенсорного нерва движения в веществе мозга создают готовность вновь производить такое же движение.

После выступления Гексли приоритет Декарта в разработке кардинальных психофизиологических проблем становится общепризнанным.

Принцип "животного автоматизма" становится для естествоиспытателей путеводной нитью. Вместе с тем указанный принцип из-за недостатка конкретно-научных знаний был выражен атакой морфофизиологической схеме, которая содержала не-

⁵³ Huxley T.H. On the hypothesis that animal are automata and it's history. Fortnightly Review, 1874, p. 566.

мало умозрительного, а то и просто фантастического. Девизом нового естествознания было требование опытного изучения физических причин явлений. Вполне понятно поэтому, что и Декартова схема принималась постольку, поскольку сулила стать руководством к экспериментальному исследованию нервно-мышечных функций.

Оценить же значимость открытия, как уже сказано, возможно, лишь сопоставив его с предшествующим уровнем знаний и с влиянием на творчество новых поколений искателей истины. Не случайно И.П. Павлов распорядился поставить бюст Декарта у входа в один из своих институтов. Он чтит историческую традицию, но и американские бихевиористы ее чтят, устроив Павлову бурную овацию, когда в 1929 году он выступил с докладом в США на IX Международном психологическом конгрессе. Между воззрениями Декарта, Павлова, бихевиористов имелись принципиальные различия, но имелась также "времен связующая нить".

Среди неотъемлемых предписаний кодекса науки значится "запрет на повтор", ибо она является деятельностью по производству новых знаний, стало быть, по замене одних другими. Поэтому любой теоретико-психологический анализ продуктивен только тогда, когда неотступно верен принципу историзма. Как говорил И. Лакатос, "теория науки без истории пуста". Комментируя этот афоризм, следует еще раз обратить внимание на то, что здесь речь идет о теории науки, а не о теории предмета, изучаемого наукой. (В нашем случае таким предметом выступает психическая реальность и ее многообразные феномены.)

В потоке истории мысли менялись конкретные представления о психике. Но это нераздельно сопрягалось с изменением теоретического каркаса этих представлений. "Стропилами" этого каркаса служат объяснительные принципы, категориальные устои, проблемные "сети", созданные зависимостью психики от природных и социокультурных факторов. Этот каркас столь же исторически преобразуем, как и его предметное содержание.

Каркас, о котором идет речь, может быть "просвечен" затем имиджем, в котором явилась миру конкретная научная теория, но только с помощью специального "аппарата", скрытого за концептуально-эмпирической конструкцией этой теории. Изучение этого "аппарата" и его преобразований (представляющих, как мы знаем, совершенно иную реальность, чем предметная реальность, "схваченная" в понятиях, из которых строится теория) требует перехода мысли в особое теоретико-проблемное пространство, в особое временное измерение, а именно историческое. Здесь перед нами, если воспользоваться знаменитым термином Ухтомского, столь успешно перенесенным Бахтиным из науки об организме в науку о культуре, иной хронотоп.

Иначе говоря, иное объяснение системы отношений как внутри организма, так и между организмом и средой и в аспекте их пространственных связей, и в аспекте неотъемлемых от них изменений (скорости, ритма и др.) по времени. Но пространство и время выступали на уровне философской рефлексии со времен Аристотеля как те категории, без которых разрушается любая мысль о любом предмете бытия. Применительно же к занимающей нас проблеме теоретических оснований постро-

ения теоретического знания о психике рефлексия, как уже неоднократно отмечалось, из глобально философской преобразуется в особую форму "развертки" когнитивных механизмов построения знания о психической реальности.

Мы рассмотрели этот вопрос на одной из моделей, образ которой со времен великой научной революции XVII века до наших дней проходит через всю историю знания о психической реальности, родственного как биологии, так и психологии. В кругу психологических категорий это знание центрируется вокруг одной из них, а именно категории действия. Как и все другие психологические категории, она строится (безотносительно к тому, как ее теоретически эксплуатируют исследователи психики) в сложной сетке других категорий и объяснительных принципов. Притом, как мы могли убедиться, эта сетка насквозь исторична. История же являет нам образец неразделенности инвариантного и вариантного. Я привел известное высказывание Гексли о том, что основу и сущность современного ему (то есть в 70-х годах прошлого века) учения о нервной системе полностью выражают и иллюстрируют труды Декарта.

Здесь важно отметить, что Томас Гексли – известный во всем мире самый страстный проповедник учения Дарвина – относил все теоретические достоинства новейших воззрений на нервно-психическую деятельность за счет Декарта, тогда как уже в эти годы в науке о живом происходил истинный взрыв творчества, произведенный учением Дарвина.

Декартова модель "организма-машины" объясняла ряд свойств живого тела: системность (машина – это устройство, имеющее структуру, которая предполагает согласованное взаимодействие образующих ее компонентов, необходимых и достаточных для успешного функционирования), целостность (ответная реакция на раздражитель производится всей "машиной тела"), целесообразность (в машине она предусмотрена конструктором, в "живой машине" выражена в деятельности на благо целого). Однако такие решающие признаки поведения организма, как его активность, изменчивость с целью адаптации к новым обстоятельствам, его развитие, – чужды миру механических систем (автоматов) и, соответственно, теоретическим моделям организации поведения, которые строились в науке по принципам устройства этого мира. С Дарвином же утверждалось радикально новое понимание объяснительных принципов, проблем, категориального аппарата психологической науки. На смену механическому детерминизму пришел, как отмечалось, биологический. Система "организм" уступила место системе "организм-среда". Прежнее понимание развития как изменения сменилось объяснением развития адаптацией к среде, борьбой за выживание, влиянием наследственности, утверждением роли случая, вероятностного подхода и т.д. Новым светом озарились и психофизическая проблема (взамен трактовки физического агента как раздражителя зародилось представление о сигнале), и психофизиологическая проблема (в плане объяснения эволюции нервной системы, служащей органом психики, и перехода от "атомов" сознания к их работе в жизнеобеспечении организма в качестве его психических функций).

Теперь с иных позиций рассматривалась и психогностическая проблема, поскольку познавательная ценность образа определялась по его способности решать задачу

на выживание (отсюда и успех философии прагматизма). Психосоциальная проблема также приобрела новые оттенки и перспективы разработки, поскольку учение Дарвина имело дело не с индивидом, а с видом. К тому же воззрение на вид при ориентированности на общество, обусловленное законами эволюции, придало импульс появлению представлений о различии человеческих рас по уровню психического развития (Г. Спенсер).

Глубинные сдвиги совершались и в тех категориях, посредством которых осмысливалась и исследовалась психическая реальность (образ, действие, мотив и др.). Всех этих изменений в аналитических целях я коснусь порознь. В подлинной же работе аппарата научно-психологического мышления они совершались как внутренние, соотнесенные в единую сетку. Мы имели возможность убедиться в исторической природе этой сетки, незримо правящей исследовательским трудом тех, кто обратился, используя средства науки, к тайнам психической жизни. В их умах складываются различные понятийные конструкты, добытые посредством изобретенных ими конкретных методик. О своих результатах они оповещали в текстах, интерпретирующих связи и закономерности изученных ими психических феноменов. Но чтобы реконструировать те скрытые от их взора, хотя и правящие их умами, сетки, нужна специальная исторически ориентированная исследовательская деятельность. Она и есть предмет теоретической психологии, имеющей свою сферу познания.

Часть вторая. БАЗИСНЫЕ КАТЕГОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Глава 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И КАТЕГОРИАЛЬНОЕ В СИСТЕМЕ НАУКИ

Теория и ее категориальная основа

На протяжении веков сменяли друг друга представления о явлениях, которые ныне, при всех наших теоретических разногласиях, мы неколебимо отличаем от других явлений бытия и готовы назвать психическими. Каковы же неявные, по существу, интуитивно принимаемые основания уверенности в этом? Решение возможно лишь при одном условии: если будут разграничены теоретические и категориальные аспекты в работе научной мысли. За теоретической рефлексией скрыта деятельность категориального аппарата науки. Эта рефлексия порождает различные варианты анализа и объяснения исследуемых явлений. Один вариант сменяет другой. Между ними постоянно происходят столкновения различной степени продуктивности. Порой они образуют в сообществе центры притяжения различных научных сил. Мода на одни концепции сменяется другими. Теории возвышаются и гибнут. Очевидно, что при всех этих контраверзах сохраняется безразличная к ним, живущая на собственных основаниях и собственной жизнью психическая реальность, подобно тому, как законы природы продолжают действовать безотносительно к степени и характеру их познания.

Исторический опыт учит, что сохраняется не только отображаемая в различных сменяющих друг друга теоретических конструкциях реальность психических явлений. От века к веку складывается инфраструктура всех этих теоретических конструкций, скрытая за ними, направляющая исследовательский поиск отдельных деятелей и их групп, но вовсе не разрушающаяся, когда они сходят с исторической сцены, уступая место другим, способным к новым исканиям и построению своих гипотез, теорий, фактов. Ведь эти другие могут продвигаться в дебри непознанного только потому, что в свою очередь, как и их предшественники, опираются на ту же инфраструктуру. Ее образуют объяснительные принципы и категории, обозначенные нами как категориальный аппарат научного познания. Обращение к нему и открывает "тайну" предмета психологии, который, как и сама объективная психическая форма жизни, сохраняется при смене и конфронтации любых теоретических проекций этого предмета, претендующих на объяснение своеобразия этой формы, закономерности ее развития.

Коротко обозначая сказанное, можно провизорно констатировать, что предмет психологии дан в системе ее категорий. Естественно, что это утверждение немедленно требует разъяснений, касающихся категориального аппарата психологии.

Подобно языку, наука имеет свой тончайше устроенный аппарат, свой "органон", в формах которого постигается содержание исследуемой действительности.

Система этих форм, не извне прилагаемых к содержанию, а изнутри его организующих, образует категориальный аппарат. Согласно философской традиции, под категориями имеются в виду наиболее общие, предельные понятия (такие, например, как "количество", "качество", "форма", "содержание" и т.п.). Они действительны для любых проявлений умственной активности, к каким бы объектам она ни устремлялась.

Когда же объектом этой активности становится отдельный фрагмент бытия (в нашем случае психическая реальность), аппарат философских категорий, продолжая определять движение исследовательской мысли, недостаточен, чтобы освоить данный конкретный фрагмент, превратить его в предмет научного знания. Этот предмет выстраивается благодаря функционированию системы специально-научных категорий. Именно она, развиваясь исторически, позволяет осмыслить изучаемое явление не только глобально (в категориях количества и качества, возможности и действительности и т.п.), но также в его специфических характеристиках, отличающих определенную область знания от всех остальных.

В теоретическом "знаниевом" плане эта область представлена в совокупности взаимосвязанных понятий, закрепленных в терминах, признаки которых указывают на признанное наукой существенным для данного разряда явлений (например, в психологии выделяются признаки, по которым мышление отграничивается от восприятия, эмоциональные процессы – от волевых, ценностные ориентации личности – от ее способностей и т.д.). В словаре терминов и в многообразии их сочетаний перед нами простирается освоенное наукой "знаниевое" поле – в его основных разграничительных линиях, компонентах и связях между ними.

Термины могут приобретать различную степень обобщенности и указывать как на обширные группы явлений (например, "память"), так и на специальные феномены

(например, "узнавание"). Во всех этих случаях мы остаемся в пределах науки как знания, какой бы степени обобщенности ни достигали наши понятия и теоретические схемы. Поэтому недостаточно указать на то, что категориям присуща наивысшая степень обобщенности, чтобы перейти к анализу науки как деятельности. Категории являются предельными понятиями, не выводимыми из других и не сводимыми к другим. Из этого, однако, не следует, что отношение категорий к другим понятиям сходно с отношением между общими и частными понятиями, каким оно выступает благодаря формально-логической процедуре включения в класс. В этом случае категории выступали бы только в качестве предельно общих разрядов знания, тогда как их предназначение – быть организаторами производства знания.

Развитие науки – это изменение и состава знания, и его форм, от которых он неотчленим. Они и образуют систему категорий – "сетку". Ее невозможно отслоить от аппарата научного познания. В преобразованиях, которые он испытывает в процессе роста знания, наиболее устойчивыми являются именно эти "сетки". Они определяют зону и направленность видения эмпирически данного и образуют каркас программ по его исследованию с целью теоретического освоения.

Сколь нераздельны бы ни были "знаниевый" и деятельностный планы науки, они неслиянны.

В категориях представлен деятельностный план. Они – рабочие принципы мысли, ее содержательные формы, организующие процесс исследования.

Единство инвариантного и вариантного

В категориях представлено единство инвариантного и вариантного в динамике познания. Они содержательны (поскольку в них сконцентрировано содержательное, предметное знание об определенных фрагментах познанного мира, в нашем случае психосферы) и в то же время формальны в смысле относительной независимости от непрерывно изменяющегося состава знаний. Очевидно, что чем более длительный, более насыщенный содержанием исторический период становится объектом познания, тем явственнее выступает устойчивое, типичное, закономерное для процесса в целом, а не только для его преходящих фаз и ступеней.

Подобно языковым формам категории науки актуализируются и живут, пока применяются с целью получить ответ на вопрос (типа описания – "что это такое?", объяснения – "почему?", "каким образом?", "для чего?", предсказания). Употребляя язык с его открытыми или скрытыми вопросно-ответными формами, его носители-творцы, подыскивая нужный "речевой оборот", никогда не задумываются над задачей преобразования этих форм, хотя (объективно, неосознанно) непрерывно решают именно такую задачу. Никогда ни один исследователь не ставит перед собой цель – разработать или развить такую-то категорию (например, психического образа или психического действия). Перед ним возникают только специальные научные проблемы: выяснить, например, какова зависимость восприятий человека от характера раздражителей или отсутствия раздражителей в условиях сенсорной депривации, от нервного субстрата (например, правого или левого полушария), от стресса, установки и т.д.

Решая эти задачи, исследователь оперирует категорией образа. Полученный им результат в свою очередь может произвести в этой категории сдвиг. Изучение, например, зависимости зрительной перцепции от мышечных ощущений произвело сдвиг и категории образа, раскрыв факторы (детерминанты), определяющие "проецированность" образа вовне, объяснив механизм, под действием которого субъект локализует восприятие не в нервном устройстве, где оно возникает, а во внешнем предметном мире. Изучение роли установки показало зависимость образа от психической преднастройки. Изучение различий в функциях правого и левого полушарий позволило конкретизировать в общей картине познания внешних объектов характер отношений между сенсорным образом и умственным.

В сознании исследователя решаемая им проблема выступает в качестве локальной, конкретной, непосредственно предметной, апостериорной, требующей эмпирического изучения. Он имеет дело с объектами, доступными экспериментальному воздействию и наблюдению. Он фиксирует реакции нервного субстрата, сенсорные, двигательные или вербальные реакции своих испытуемых и т.д. Из этой эмпирической "руды" он извлекает материал для решения активирующей его ум исследовательской задачи. Но этот ум способен действовать только потому, что вооружен категориальным аппаратом, который в отличие от решаемой специальной, частной проблемы не локален, а глобален, не апостериорен, а априорен. Он априорен не в кантовском смысле как изначально присущая интеллекту форма. Об его априорности можно говорить лишь в том смысле, что для отдельных умов он выступает в качестве структуры, которая из их личного опыта неизвлекаема, хотя без нее этот опыт невозможен. Но, как мы уже знаем, за этой структурой стоит исторический опыт многих предшествующих поколений исследователей, весь филогенез научного познания.

"Орудийный" характер категории не может быть раскрыт, если рассматривать ее изолированно, "в себе", безотносительно к системе других категорий, принципов и проблем. Невозможно мыслить психическую реальность, оперируя одной категорией (например, образа или действия).

Система категорий и ее отдельные блоки

Реальность дана познающему уму только сквозь целостный "хрусталик" категориального аппарата. Поскольку, однако, этот "хрусталик" представляет собой развивающийся орган, от характера его "преломляющих сред" зависит восприятие мира психических явлений и ориентация в нем. Хотя ни один из компонентов категориального аппарата не способен функционировать независимо от других, в деятельности отдельного конкретного исследователя может возникнуть (в силу своеобразия онтогенеза творчества ученого и специфики разрабатываемой проблемы) обостренная чувствительность к определенным аспектам психической реальности. Сосредоточенность на этих аспектах ведет к тому, что с наибольшей энергией актуализируется один из компонентов (блоков) категориального аппарата. Это влечет за собой в случае успешного продвижения в предмете более интенсивное развитие именно данного блока, приобретающего в результате новое содержание.

Уровень функционирования других блоков может при этом оставаться прежним. Но из того, что он не претерпевает существенных изменений, отнюдь не следует,

будто другие категории, сопряженные со ставшей в структуре данной концепции сверхценной, отпадают и не имеют сколь-нибудь существенного значения для ее своеобразия и дальнейшего развития.

Обращаясь к психологии того периода, когда научно-категориальный аппарат уже сформировался, можно заметить, что структурирование различных блоков этого аппарата происходило весьма неравномерно. Так, категория мотива получила гипертрофированное развитие в учении Фрейда. Вокруг нее центрировались все основные теоретические конструкции этого учения, отбирались эмпирические феномены (касающиеся неосознаваемой аффективной сферы личности, психического развития, процессов творчества и пр.).

Означает ли это, что в категориальном "профиле" мышления Фрейда и его последователей не было представлено ничего, кроме категории мотивации? Отнюдь нет. Мыслить психическое посредством одной категории, как уже отмечалось, в принципе невозможно так же, как, например, мыслить, если взять уровень философских категорий, категорию движения отрешенно от категорий пространства и времени. Конечно, в целях философского анализа рефлексирующий ум вправе выбрать в качестве отдельной от других проблему времени или проблему пространства и подвергнуть ее специальному, углубленному разбору. Но в реальной работе исследователя пространственно-временных объектов эти объекты постигаются не иначе как посредством всей системы категорий в качестве особой органичной целостности.

Интегральность этой системы присуща не только философским, но и конкретно-научным категориям. И в этом случае мысль оперирует целостным категориальным аппаратом, выпадение любого из блоков которого делает невозможным его функционирование – иначе говоря, научное исследование. Другой вопрос, каково качество различных блоков, насколько адекватно в них преломляется и посредством них изучается реальность. Из того, например, факта, что в теории Фрейда на первый план выступили мотивационные детерминанты поведения как неосознаваемые регуляторы психодинамики, отнюдь не следует, будто в изображенной в этой теории картине психической реальности в целом не было никаких иных категориальных характеристик. В этой картине были представлены и не могли не быть представлены другие категориальные регулятивы психологического познания. Она предполагала поэтому определенную категориальную интерпретацию не только мотива, но также и образа (чувственного и умственного), процесса общения между людьми (категория отношения), движений и речевых актов (категория действия). Дело только в том, что если применительно к категории мотива (а затем личности) фрейдизм выдвинул новые проблемы и подходы, то образ, общение, действие в качестве интегральных компонентов категориального аппарата психологии обогатились в процессе развития этого направления существенно новым содержанием лишь в той степени, в какой они зависят от категории мотивации, развитие которой составило важное достижение психоанализа.

В добихевиористских концепциях (кроме сеченовской) телесное действие считалось внепсихологическим феноменом. Все изучаемое психологией локализовалось в пределах сознания субъекта. Соответственно, в тех случаях, когда в иссле-

дованиях давала о себе знать категория действия, ее роль исчерпывалась внутренней активностью субъекта. Выход за эти пределы коренным образом изменил общее воззрение на психику и ее познание.

Проявлением этого стала новая ситуация в психологии, оцененная как кризисная. Кризис усматривался в распаде психологии на школы, каждая из которых отстаивала свою трактовку предмета и методов этой науки. Так обстояло дело на теоретическом горизонте, где конфронтация школ (прежде всего психологии сознания и психологии поведения) достигла крайнего накала. Но за теоретическим всегда стоит категориальное. Появление новых концептуальных схем было симптомом не краха науки, а ее прогресса, обогащения ее категориального аппарата. Среди различных объяснений кризиса выделяется предложенное Л.С. Выготским, написавшим специальный трактат об историческом смысле кризиса. Этот смысл он усматривает в том, что "созрела потребность в общей психологии"⁵⁴, тогда как различные отрасли (зоопсихология – сюда он относил учение об условных рефlekсах, патопсихология – Фрейд, изучение формы – гештальтпсихология, изучение индивидуальных различий – Штерн) возводят отдельные частные факты в ранг понятий, охватывающих всю сферу психического. В объяснении Выготского вызывают возражения по крайней мере два пункта. По его мнению, теоретические конструкции, возведенные различными отраслями психологии, "родились из частных открытий"⁵⁵. Например, понятие условного рефlekса – из "психического слюноотделения" у собаки, понятие бессознательного – из клиники сексуальных неврозов и т.п. Затем этим открытиям было придано значение глобальных объяснительных принципов. Между тем принимаемое за частное открытие вовсе не являлось – вопреки Выготскому – "чистым" эмпирическим фактом, отправляясь от которого была выстроена концепция, распространенная на всю область психического (и даже на весь мир). Принимаемое за факт в действительности представляло собой результат категориального синтеза (предполагающего определенное понимание принципов детерминизма, системности, развития, исходя из которых преобразовалась имеющая длительную историю категория рефlekса). По мнению Выготского, условный рефlekс, сексуальность и другие феномены универсализуются в силу назревшей потребности в создании общей психологии, потребности, которую пока что никто удовлетворить не может. Решение Выготского (если судить по его незаконченной рукописи) сводится к тому, что взамен этих понятий, предлагаемых отдельными отраслями, следует утвердить другое, более общее, на роль которого он предлагал понятие о реакции. В нем ему виделся ключ ко всей области психологии, позволяющий ответить на вопрос: "Что же наиболее общего у всех явлений, изучаемых психологией, что делает психологическими фактами самые разнообразные явления – от выделения слюны у собаки и до наслаждения трагедией, что есть общего в бреде сумасшедшего и строжайших выкладках математика?"⁵⁶

В конце своего рано оборвавшегося творческого пути Выготский нашел новую "клеточку", обозначенную им термином "переживание". Но мне представляется ошибочным сведение всего многомерного категориального аппарата психологии к единственной "клеточке", образующей ткань психической жизни.

⁵⁴ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1, с. 296.

⁵⁵ Там же, с. 306.

⁵⁶ Там же, с. 298.

Истоки кризиса психологии

В одной из работ⁵⁷ было показано, что кризис в психологии в начале XX столетия разразился потому, что в различных школах и научных направлениях неудовлетворенность теоретической ситуацией (созданной прежним уровнем разработки категориального аппарата) привела к сосредоточению анализа на одном из его блоков. Так, гештальтизм отличала преимущественная разработка категории образа, бихевиоризм же – категории действия. Это (как и в случае с фрейдизмом) вовсе не говорило о том, что в своих исследованиях сознания (гештальтизм) или поведения (бихевиористское направление) они ограничивались одной категорией. Это так же было бы невозможно, как если бы, сосредоточившись на движении объекта, кто-либо попытался исключить из своего восприятия пространство, время, форму и другие неотъемлемые атрибуты общей картины движения, образуемой соответствующим категориальным аппаратом.

Равным образом и гештальтисты, изучая свои феномены, воспринимали их сквозь призму целостного категориального аппарата со всеми его блоками. Но лишь один блок (психический образ) был ими тщательно разработан, тогда как другие (действие, личность, отношение, мотив⁵⁸) в их теоретическом мышлении, хотя и функционировали, однако в системе тех признаков, которые были "засечены" до них и независимо от них.

Сказанное относится и к бихевиористам. Они обогатили категорию действия, утвердив его в составе психологии в качестве внешней реальности (тогда как во всех прежних концепциях эта категория фигурировала только как внутренний психический акт). Но в редуцированной форме в классической бихевиористской схеме были представлены и образ (его низвели до роли стимула), и мотив (его низвели до подкрепления реакции), и отношение, когда стало изучаться взаимодействие живых существ (не говоря уже о социальном бихевиоризме Д. Мида).

Не обогатив другие звенья категориального аппарата, редуцировав их, бихевиористы в то же время произвели настоящую революцию в психологии благодаря вкладу в категорию действия,

Категории психологии и ее проблемы

Переход из "знаниевого" плана анализа науки в деятельностный требует рассматривать категории не только с точки зрения их предметного содержания, но и с позиции их "обслуживания" проблемных ситуаций.

Как известно, исследовательской мысли присуща вопросно-ответная форма. Не видя за "таблицей категорий" проблем, мы бессильны понять ее смысл и содержание. В этом случае таблица выглядит как помещенный в конце учебника список решений неизвестных нам задач.

⁵⁷ Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии, 2-е изд. М., 1974.

⁵⁸ Особым ответвлением в гештальтпсихологии стала школа Левина, облик и авторитет которой обусловили разработку категории мотива.

Содержание категории раскрывается лишь тогда, когда известны вопросы, в попытках решений которых она возникает, и в ней "отстаивается" все то, что обеспечивает продуктивную мысль. При взгляде на развитие психологии можно было бы сказать, что перед взором исследователя науки выступают большие, глобальные проблемы: такие, как психофизиологическая (прежде ее было принято называть проблемой души и тела), то есть касающаяся отношений между двумя уровнями жизненных функций – чисто соматических и собственно психических, или другая не менее сложная проблема отношений психики к отображаемым внешним объектам. Ее можно было бы назвать психогностической (от греч. "гнозис" – познание). Вопрос о познавательной ценности тех психологических продуктов, которые порождаются мозгом, об их способности передавать достоверную информацию о мире – одна из кардинальных загадок, которые с древнейших времен изучались в контексте логико-философского анализа. С развитием психологии рассмотрение этих вопросов перешло в конкретно-научный, эмпирический план.

Проблема соответствия умственных продуктов их независимым от деятельности сознания объектам, равно как ценность сенсорного материала, служащего источником более сложных интеллектуальных форм, неизменно остается важнейшей для научной психологии, для ее конкретных разработок (а не только для философской рефлексии). Другая крупная проблема возникает в связи с необходимостью постичь отношение психики человека к ее социальным детерминантам (психосоциальная проблема).

Эти большие проблемы преобразуются в практике исследовательского труда в более частные и специальные, касающиеся конкретных форм детерминации отдельных разрядов психических явлений. Если использовать для иллюстрации зависимости движения конкретно-научной мысли от пересечения проблемных полей учение Сеченова о центральном торможении, то оно выступает обусловленным своеобразием таких категориальных проблем, как психофизиологическая, психогностическая, психосоциальная. В ракурсе психофизиологической проблемы оно предполагало открытие нейросубстрата тормозных влияний. Для психогностической проблемы оно имело значение механизма, объясняющего превращение реального внешнего действия в свернутое внутреннее, приобретающее характер мысли (последняя же, конечно, непременно предполагает познавательное отношение к своему объекту). В контексте психосоциальной проблемы открытие тормозных центров выступило как условие формирования волевой личности, решающим признаком поведения которой является неотвратимое следование нравственным нормам, социальным по своей сущности. Так глобальные проблемы психологии преобразовались в локальные, решаемые посредством блока категорий (в приведенном примере: действие – образ – мотив). Этот блок переходит из виртуального состояния в актуальное только тогда, когда субъект творчества оказывается в проблемной ситуации, с которой он способен справиться не иначе как посредством категориального аппарата. Здесь наблюдается нечто подобное формам языка (его инвариантным грамматическим структурам), которые актуализируются только в ситуациях высказываний. Проходя через необозримое множество подобных ситуаций, язык становится историческим феноменом. Его формы изменяются, перестраиваются, обогащаются.

Равным образом в процессе решения проблем происходят сдвиги в категориях психологического познания. Мы видим, что категории являются своего рода "инструментами", орудиями, позволяющими обрабатывать психологические объекты, извлекать из них новое содержание. В процессе обработки они сами трансформируются под давлением необходимости отразить свойства этих объектов под другим углом зрения, чем в прежний момент движения мысли.

Категории и конкретные научные понятия

Будучи представлены в теоретико-эмпирическом составе науки, категории не существуют независимо от него и не выступают в качестве объекта рефлексии учебного, поглощенного решением конкретной предметной задачи (разработкой концепции, охватывающей определенный круг явлений, ее экспериментальной проверкой, фиксацией результатов наблюдений и т.п.). Решая эту задачу, ученый формулирует ее на теоретическом языке.

Когда, например, Гартли говорил об ассоциации, Гербарт – о динамике представлений, Гельмгольц – о бессознательных умозаклечениях, Бен – о пробах и ошибках, Вундт – об апперцепции, Brentano – об интенциональном акте сознания, Джемс – об идеомоторном акте, Уотсон – о стимуле – реакции и т.д., то за всеми приведенными терминами стояли различные комплексы теоретических представлений. Но при всех расхождениях между исследователями за этими комплексами "работала" категория психического действия, отображающая один из неотъемлемых компонентов психической реальности. Уровень и степень адекватности отображения этой реальности были различны. Но это уже другой вопрос. Нас же здесь интересует инвариантное в составе знания, накопление некоторых неформализуемых признаков, которые при огромном разнообразии концепций входят в структуру коллективного научного разума. Если бы этой инварианты, добытой усилиями научного сообщества на протяжении многих поколений, не сложилось, мы оказались бы в царстве анархии. Один исследователь не мог бы понять другого. Не существовало бы точки, где их мысли соприкоснулись. Наука перестала бы быть "всеобщим трудом", как ее охарактеризовал К.Маркс. Нечего было бы передавать по эстафете. Достижения каждого пропадали бы с ним бесследно. Но исторический опыт говорит о другом.

При разногласии теорий, которая, быть может, нигде не принимала столь упорный характер, как в психологии, в этой науке возникали продуктивные диалоги, в столкновении точек зрения появлялись новые идеи, накапливалось позитивное знание, менялось общее представление о психической организации человека.

Это было бы невозможно, если бы автор одной теории не понимал другого, не мог бы, встав на его точку зрения, перевести его суждения, высказанные на языке чуждой ему теории, на собственный язык. Выходит, что, хотя они и говорили на разных языках, хотя и придерживались различной интерпретации фактов, в их интеллектуальном устройстве имелись некоторые общие устойчивые точки. Ими и являлись компоненты категориального аппарата. Этот аппарат, подобно строю языка, анонимен. Мы называем поименно авторов теорий. Можно, например, перечислить – от Декарта до Павлова – авторов теорий рефлекса. Но к категории рефлекса не может быть "припечатано" ни одно имя, сколь велико бы оно ни было. Ибо нельзя

идентифицировать категорию рефлекса с теми теоретическими моделями, в которые она из века в век воплощалась.

Историзм категориального анализа

Инвариантность категориального аппарата обуславливает его действительность для всего длительного периода освоения предметной области психологии, как применительно к прошлому, так и к современности. Это позволяет современному психологу понять внутреннее родство своей мысли с мыслью прежних и грядущих эпох. И вместе с тем предостерегает от соблазна сделать его современные представления эталоном оценки всего, что было и что будет. Каждая психологическая категория, подобно другим развивающимся формам, содержит в свернутом, "снятом" виде все ценное, найденное в "муках творчества" теми, кто в былые эпохи отважился на поиск истин о психическом мире.

Естественно, что и сегодня психологические категории находятся в движении, преобразуясь с каждым новым прорывом в этот мир.

Революционные преобразования в науке совершаются не по типу "катастроф", в которых гибнут все прежние достижения, качественно различные уровни научного прогресса. Между эмпедокло-демокритовским взглядом на чувственные образы как эманацию материальных частиц, учением средневекового арабского естествоиспытателя Ибн аль-Хайсама, согласно которому ощущение возникает по законам движения светового луча (оптические эффекты света в глазу упорядочиваются благодаря способности суждения), ассоциативной трактовкой чувственного образа как продукта "психической химии", сеченовской концепцией бессознательных умозаключений – между всеми сменявшими друг друга научными представлениями и современными взглядами на механизмы переработки сенсорной информации есть не только существенные различия, но и глубокое родство. Оно прослеживается на категориальном уровне, где за внешней пестротой всевозможных теоретических построений выступают стадии разработки одной и той же категории.

То, что на категориальном языке обозначается как образ⁵⁹, в различных психологических концепциях выступает под именами: "ощущение, восприятие, значение, представления, идеи, информация" и др. То, что в категориальном плане трактуется как "мотивация", охватывает феномены, которые выражаются через понятия "стремление", "влечение", "волевой импульс", "потребность", "инстинкт", "аффект"

⁵⁹ Научная психология не имеет возможности строить свой собственный язык иначе, как используя термины из других смысловых контекстов, которые приобретают поэтому однозначно-психологическое содержание лишь в результате аккумуляции признаков, накапливаемых благодаря успехам конкретного исследования собственно психологических закономерностей. Это же относится и к термину "образ".

Существует мнение, будто образ является не психологической, а философской категорией. Аналогичное мнение высказывается и в отношении категории личности, которая квалифицируется в качестве социально-исторической. Конечно, всякому термину присущ момент условности, конвенциональности. Однако признание за термином психологического (или любого иного статуса) должно базироваться не на умозрительных, а на реально-научных основаниях, вытекать из действительных успехов позитивного изучения психической реальности. Чем значительнее эти успехи, тем резче демаркационная линия между конкретно-научным (в частности, психологическим) и любым иным значением терминов. Термины "образ", "действие", "чувство", "личность" и др. возникли и употребляются и во внепсихологических контекстах. Научно-психологическими они стали с тех пор, как благодаря построению соответствующих конкретно-научных гипотез и концептуальных схем, разработке и применению соответствующих экспериментальных, математических методов определенные сферы психической деятельности из объекта стали предметом научного знания.

и др. С каждым из этих терминов соединяется как инвариантное (категориальное), так и вариативное содержание, что в равной мере относится и к конкретной психологической теории, гипотезе, методической установке, возникшей в определенную историческую эпоху.

Категория действия, например, претерпела сложный цикл преобразований. В теоретическом плане это получило отражение в таких понятиях, как интенциональный акт сознания (Брентано и функциональная психология), отношение "стимул – реакция" (бихевиоризм), условный рефлекс (И.П. Павлов), компонент сенсомоторных структур (Пиаже), инструментальный, семиотически опосредованный акт (Л.С. Выготский). Не менее сложную цепь изменений претерпела категория образа (под ним понимались: элемент сознания, гештальт, способ обработки информационных процессов, динамическая модель внешнего источника).

Изменение категориального строя науки происходит закономерно, независимо от стиля мышления отдельных исследователей. Вместе с тем логика развития науки может породить отдельные школы и программы, центром которых становится разработка одного из блоков целостной системы категорий.

Для того чтобы вычленить инвариантное и вариативное, нужен, как уже отмечалось, специальный категориальный анализ, подразумевающий особые методы и язык, на который должно быть переведено содержание той или иной теории с целью выявить ее функцию в общей логике развития науки.

Категориальный подход, то есть анализ развития познания с точки зрения становления его основных форм, позволяет определить своеобразие изучаемой области явлений, ее отличие от других, то есть раскрыть развивающийся предмет психологии и пути его разработки.

"Ядерную" триаду категорий психологии составляют *образ, действие и мотив*.

Образ – это воспроизведение внешнего объекта (под объектом следует разуметь не единичную вещь, а любое многообразие ситуаций, картин феноменов действительности в "ткани" психической организации), причем подобное воспроизведение может быть сколь угодно трансформированным сравнительно с тем, что почерпнуто в опыте непосредственных контактов с этой действительностью, иначе говоря, "оторванным" от нее, фантастическим, представляемым в совершенно ничего общего с ней не имеющих вариантах, но, тем не менее, родственным по своему категориальному статусу с отображаемым при реальных контактах с действительностью. Образ может выступать как в сенсорной, так и в лишенной чувственности форме. Во втором случае перед нами – умственный образ. Образ составляет внутреннее нераздельное единство с другими категориями – действием и мотивом.

Действие – это исходящий от его производителя (субъекта-организма) акт, который изменяет соответственно определенному плану сложившуюся ситуацию.

Мотив представляет собой побуждение к действию, придающее ему направленность, энергетическую напряженность.

Это фундаментальные блоки аппарата познания психической реальности. Они представлены в любом поиске исследовательским умом информации о ней как особой сфере бытия, иначе говоря, психосфере, если воспользоваться термином Н.Н. Ланге. В нераздельности с другой оболочкой нашей планеты – биосферой возникает и развивается та область жизни, которую принято называть психической или душевной. Знание о ней с древнейших времен оседало в языке, мифологии, религии, искусстве, житейской мудрости, прежде чем приняло форму философско-научных представлений. Отличие этой формы от других – в установке на ее рациональное объяснение. Главным же объяснительным принципом науки является принцип детерминизма. Ибо научное знание – это знание причин явлений, их закономерной зависимости от порождающих их условий, соответственно и адекватных критериям рациональности. Сведения о психике стали сгущаться в понятия, преобразующие категориальный смысл, с укреплением и развитием детерминистского образа мысли. Эта мысль, как уже отмечено, прошла ряд стадий в своей эволюции. На каждой стадии изменялось и содержание категорий. Так, с утверждением механодетерминизма образ понимался как одна из "страстей души", то есть ее страдательное состояние, испытываемое в результате воздействия внешнего раздражителя на "машину тела".

Но с этих позиций детерминистски можно было объяснить только ощущение, чувственное впечатление. Что же касается умственных образов (понятий), то они в пределах этого уровня знаний могли пониматься только индетерминистски. На этом же уровне к "страстям души" относились и простейшие эмоции. Они считались эффектом процессов внутри организма в отличие от высших чувств (которые также понимались индетерминистски). Единственно возможным способом причинной трактовки действия оказался взгляд на него как на рефлекс. Произвольные же действия в эру господства механицизма относились за счет воли как бестелесного агента. Можно выражать сколь угодно резко неудовлетворенность этими объяснительными схемами, как и этим уровнем развития категориального аппарата психологии. Но нельзя забывать, что они были величайшим завоеванием, без которого не было бы новой эпохи, изменившей характер психологических категорий. Эта эпоха биологического детерминизма изменила весь категориальный строй психологического мышления.

Образ выступил не только как результат внешних влияний, но также как средство, которое "вылавливает" в среде сведения, пригодные для успешного выживания системы.

Действие приобрело характер лабильного и служащего этим же целям. Столь же радикально изменяется и категория мотива. И он рассматривается в контексте активного обслуживания нужд системы, притом не только индивида, но и вида в целом (отсюда учение об инстинктах, об аффектах у человека как рудиментах некогда полезных реакций и т.д.).

Эти интеллектуальные формы, отличавшие новую эпоху от предшествующей, объективно и неотвратно подчиняли себе развитие мысли отдельных деятелей и научных групп. Объяснять их притязания личными ошибками или злой волей так же нельзя (если воспользоваться сравнением Выготского), как французскую революцию – испорченностью королей. Тем более что наряду с концепциями, которые

не выдержали испытания временем и были отвергнуты как ошибочные, новый период в развитии категориального аппарата подготовил обособление психологии в самостоятельную науку. Если на прежнем уровне образующие этот аппарат категории указывали на производность обозначаемых ими реалий от процессов в физическом мире и биологической среде, то продвижение к новым рубежам означало отныне приобретение этими реалиями (образом, действием, мотивом) самостоятельного причинного значения. Прежде эта причинность могла мыслиться только в качестве исходящей от некоего бестелесного начала, издавна обозначаемого как душа или аналогичная ей, противостоящая внешней природе и телесному организму сущность. С открытием причинной роли психических реалий (отображенной в категориальном сдвиге, о котором идет речь) они оказались органично включенными в единую цепь явлений мироздания. И как следствие происходящих в нем процессов, и как их причина. При этом важным преобразованием категориального аппарата психологической науки стала вовлеченность в него еще двух категорий.

Если указанная выше триада запечатлела своеобразие психической организации всех живых существ, то с переходом к человеку в категориальном аппарате нарождаются еще две категории: отношение и личность. Категория отношения указывала на своеобразие той особой формы психической жизни, которая возникает в тигле социальных отношений между людьми.

Благодаря же переживанию личностное в человеке отграничивается от организменного (поскольку каждый организм также уникален) и индивидуального (поскольку в "сетке" социальных отношений в поведении каждого из субъектов существуют различия, которые принято описывать как индивидуальные).

Каждое из направлений обогащало категориальный аппарат психологии. И тем самым изменяло видение психической реальности сравнительно с тем, какой она понималась на прежних уровнях знаний. Вместе с тем каждое теоретическое направление смогло внести неведомые прежде штрихи в картину психической жизни только потому, что имело категориальную инфраструктуру, созданную прежними поколениями исследователей (то есть сменявшие друг друга от одного витка в истории познания к другому представления об образе, действии, мотиве, отношении, личности – под какими бы именами они в различные периоды ни запечатлелись).

Сойдя с исторической сцены, те школы и концепции, которые определяли ранее теоретический "пейзаж" психологии, оставили следы проделанного ими исследовательского труда в системе категорий. Тем самым были созданы предпосылки для поисков научной мыслью новых теоретических конструктов, обеспечивающих жизнь категориального "древа". Его соками питаются новые ветки научного знания, в плодах которых испытывают нужду люди практики.

Категориальный аппарат – развивающийся орган. В его общем развитии выделяются стадии, или периоды. Сменяя друг друга, они образуют своего рода категориальную шкалу. Поскольку шкала фиксирует инвариантное во всем многообразии теорий, она дает основание локализовать любую из них в независимой от этого многообразия системе координат. Если, например, в качестве диагностического признака принимается принцип детерминизма, то, зная основные уровни его развития, мы относим конкретную концепцию к одному из этих уровней и тем самым

выясняем ее продвинутость сравнительно с другими способами объяснения психических явлений.

Глава 4. КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА

Категория психического образа изначально выступала в качестве основы представлений о душе и сознании. Сознание – это прежде всего знание субъекта об окружающем мире и самом себе. Знание сообщает нечто о предмете, внешнем по отношению к тому, кто владеет этим знанием. Иначе говоря, за знанием скрыта никогда не разлучаемая связь субъекта с объектом. В этом воплощено отношение, на размышлении о котором сосредоточен один из разделов философии гносеология (от греч. "гнозис" – познание, знание). Иногда она называется также эпистемологией (от греч. "эпистеме" – знание и "логос" – учение) или теорией познания. Это философское направление имеет дело с кругом проблем, касающихся условий достоверности и истинности знания, его структур и способов преобразований и т.д.

Психологическое исследование во все века, сообразуясь с этим гносеологическим (познавательным) отношением между субъектом и объектом, испытывало влияние различных философских подходов и решений. Но психология обращается к данной проблеме с собственными конкретно-научными запросами, вырабатывая категорию образа в качестве особой реалии бытия, стало быть, имеющей не только гносеологический, но и онтологический аспект. (Под онтологией философия понимает учение о сущем, о бытии.)

Категория образа, созданная исследовательской мыслью, является формой и инструментом ее работы (как и другие категории). Но в ней представлена реальность, которая существует независимо от мысли о реальности и степени ее освоения человеческим умом. Это реальность психической жизни самой по себе, безотносительно к тому, открылась она уму или нет. Поэтому психический образ, будучи категорией науки, "работает" независимо от нее не в меньшей степени, чем любые другие процессы бытия, будь то нервные, биологические, физические. Его (психического образа) бытийность, его причинное воздействие на телесное поведение живых существ существуют объективно с тех пор, как психический образ возник в той оболочке планеты, которая называется биосферой.

В свое время Н.Н. Ланге ввел оставшийся незамеченным термин "психосфера", который охватывает всю совокупность психических форм жизни, не совпадающих с биологическим (живым) веществом, хотя и неотделимых от него. Отношение психосферы к биосфере вполне представимо по типу отношения самой биосферы к неорганическому, косному веществу. Это вещество составляло оболочку Земли до возникновения на ней жизни.

Появление жизни изменило прежнюю косную геохимическую оболочку нашей планеты, создав биосферу. Но с тех пор как в недрах живого вещества начали пробиваться "вспышки" психической активности, они стали менять облик биосферы. По мнению некоторых палеонтологов, с появлением человека начинается новая геологическая эра, которую В.И.Вернадский согласился называть психозойской, считая мысль планетным явлением и началом становления ноосферы.

Роль психики в преобразовании планеты, в создании ее новых оболочек – это, конечно, объективный процесс. Но для научного постижения его хода, закономерного воздействия психики на процессы планетного масштаба необходим аппарат понятий и категорий.

Этот аппарат осваивал на протяжении веков – этап за этапом психическую реальность, отличая ее от физической и биологической. И поскольку самоочевидным аспектом этой реальности является знание об окружающем мире, данное в форме ощущений, восприятий, представлений, мыслей, то отчленение этого знания от самих вещей и от телесных органов, посредством которых оно дается человеку, было первым решающим шагом на пути его проникновения в психическую реальность.

Эффектом отчленения явилась категория образа, ставшая одной из инвариант исследовательского аппарата психологии. Чтобы зародилась такая инварианта, потребовалась работа многих умов во многих поколениях. Как и во всех других случаях, инвариантное не дано в форме "чистой" мысли. Оно сохраняется как некий "корень", или "радикал", во множестве теоретических представлений под разными именами, имеющими различные обертоны.

Уже отмечено, что образ как одна из психических реалий несводим ни к физическим, ни к физиологическим процессам. Но открытие этого обстоятельства стало возможным только благодаря соотнесению с ними.

Так обстояло дело в древности, таковым же оно остается и на всех последующих витках эволюции научной мысли, если только она не впадает в грех редукционизма, либо отождествляя психические образы с представленными в них объектами (махизм, неореализм), либо же сводя собственное уникальное бытие образов к нервным процессам, частотно-импульсному коду и т.д.

Рассмотрим этот вопрос в ретроспективе исторического развития психологического познания.

Сенсорное и умственное

Первые шаги определило разграничение двух существенно различных разрядов психических образов – сенсорного и умственного (чувственного и мыслимого).

Античная мысль выработала два принципа, лежащие и в основе современных представлений о природе чувственного образа, – принцип причинного воздействия внешнего стимула на воспринимающий орган и принцип зависимости сенсорного эффекта от устройства этого органа.

Демокрит исходил из гипотезы об "истечениях", о возникновении ощущений в результате проникновения в органы чувств материальных частиц, испускаемых внешними телами. Атомам – неделимым мельчайшим частицам, проносящимся по вечным и неизменным законам, совершенно чужды такие качества, как цвет и тепло, вкус и запах. "(Лишь) в общем мнении, – учил Демокрит, – существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет,

в действительности же (существуют только) атомы и пустота". Какая сила ума требовалась, чтобы за бесконечным многообразием чувственных явлений увидеть их существенную материально-причинную основу!

Расчленяя в общем составе человеческого знания то, что представляет реальность, и то, что существует только "во мнении" (и тем самым положив начало доктрине о двух категориях качеств – первичных, присущих самим вещам, и вторичных, возникающих при действии вещей на органы чувств), Демокрит вовсе не считал, будто качествам, существующим "во мнении", ничто не соответствует в действительности. За их различием стоят различия в объективных свойствах атомов.

Первичные и вторичные качества

Разделение качеств вещей на первичные и вторичные показывает, сколь тугим узлом связаны между собой с древнейших времен онтологические (относящиеся к бытию), гносеологические (относящиеся к познанию) и психологические (относящиеся к механизмам познания и их продуктам) решения.

Из физической картины мира устранялись определенные чувственные качества, и тогда неизбежно изменялся их онтологический статус. Они признавались теперь присущими не сфере реальных предметов, но сфере взаимодействия этих предметов с органами ощущений. Тем самым расчленялась и гносеологическая ценность различных разрядов знания – умственный образ ставился выше чувственного.

В психологическом плане этому соответствовало разграничение двух механизмов (или органов) приобретения знания – органов чувств и органа мышления.

Следует обратить внимание на то, что Демокритово решение психогностической проблемы не исчерпывается членением чувственных качеств на первичные и вторичные.

Среди самих чувственных продуктов он выделяет две категории: а) цвета, звуки, запахи, которые, возникая под воздействием определенных свойств мира атомов, ничего в нем не копируют; б) целостные образы вещей ("эйдолы"), в отличие от цветов воспроизводящие структуру объектов, от которых они отделяются. Эти "эйдолы" – тонкие оболочки, или "пленки", проникающие в организм через чувственные поры. "Никому не приходит ни одно ощущение или мысль без попадающего в него образа", – гласит один из фрагментов Демокрита. Образы, о которых идет речь, с одной стороны, возникают по такому же типу, как ощущения, с другой – подобно мышлению, относятся к области достоверного знания, а не "мнения".

Если учение Демокрита об ощущениях как эффектах атомных воздействий было первой причинной концепцией возникновения отдельных сенсорных качеств, то его представление об оболочках ("эйдолы"), непрерывно отделяющихся от вещей и тем самым "заносящих" в органы чувств структурные подобию этих вещей, было первой причинной концепцией восприятия как целостного чувственного образа. Эта концепция пользовалась большой популярностью у естествоиспытателей

вплоть до начала XIX века, когда успехи физиологии (разработка принципа специфичности сенсорных нервов) потребовали по-другому объяснить механизм "уподобления" органов чувств параметрам внешнего объекта.

Если рассмотренные теории ощущений исходили из принципа "подобное познается подобным", то другая группа теорий отвергла этот постулат, считая, что сладкое, горькое и другие чувственные свойства вещей нельзя познать с помощью их самих. Всякое ощущение сопряжено со страданием, учил Анаксагор. Сам по себе контакт внешнего объекта с органом недостаточен, чтобы возникло чувственное впечатление. Нужно противодействие органа, наличие в нем контрастных элементов. "Мы видим, – утверждал Анаксагор, – благодаря отражению предметов в зрачке, причем отражение падает не на одноцветное, на противоположное по цвету".

Образ как подобие объекта

Аристотель разрешил антиномию подобного – противоположного, над которой бились предшествующие мыслители, с новых общебиологических позиций. Уже у истоков жизни, где течение неорганических процессов начинает подчиняться законам живого, сперва противоположное действует на противоположное (например, пока пища не переварена), но затем (когда пища переварена) "подобное питается подобным". Этот общебиологический принцип Аристотель распространяет на ощущающую способность, которая трактуется как уподобление органа чувств внешнему объекту. Ощущающая способность воспринимает форму предмета. "Ощущение есть то, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых (предметов) без (их) материи, подобно тому, как воск принимает оттиск печати без железа и без золота". Предмет ощущения лежит вне его, и весь смысл сенсорной функции состоит в "ассимиляции" этого предмета, в приобщении к нему. "Но ведь камень в душе не находится, а (только) форма его".

Первичен предмет, вторично его ощущение, сравниваемое Аристотелем с оттиском, отпечатком, "факсимиле", оставленным внешним источником. Но этот отпечаток возникает только благодаря деятельности "сенсорной" ("животной") души". Деятельность, агентом которой является организм, превращает физическое воздействие в чувственный образ.

В предшествующих рациональных объяснениях ощущений и восприятий проникновение в орган "истечений", "оболочек" или других материальных процессов считалось достаточным условием возникновения сенсорного эффекта. Аристотель признал это условие необходимым, но недостаточным. Помимо него неизменным фактором является процесс, исходящий не от вещи, а от организма. Тем самым был совершен капитальный шаг. Если прежде в фокусе внимания было ощущение – образ, то теперь к нему присоединилось ощущение – действие. Первое исходит от внешнего предмета, второе – от действующего организма. Чтобы возникло ощущение, нужен синтез обоих моментов. То, что в дальнейшем превратилось в расчлененные, разветвленные и сложные по строению категории образа и действия, выступает у Аристотеля как целостная характеристика психического, начиная от элементарного сенсорного акта.

Аристотель преодолевает ограниченность схемы Демокрита. Он ищет реальное основание для представляемых "вторичных" образов вещей внутри организма. Впервые продукты познавательной деятельности осознавались как такие феномены, которые, передавая знание о внешнем, в то же время производятся самим субъектом, интерпретированным как деятельность индивидуального одушевленного тела, а не бесплотной, противостоящей телу души.

Область представлений (по аристотелевской терминологии "фантазии") была открыта как объект научного исследования Аристотелем. Если до него в познавательном процессе различались две формы – ощущение и мышление, то Аристотель показал, что этими формами не исчерпывается работа познавательного механизма, в котором важная роль принадлежит связывающему их звену – представлениям.

Образ и ассоциация

Аристотель не только выделил представление объектов как специфический план познавательной активности (особый, чувственный образ). Он разработал гипотезу о том, что представления соединяются по определенным правилам, названным через много веков законами ассоциации (связи представлений по смежности, сходству и контрасту). Тем самым он стал зачинателем одной из самых могучих психологических теорий – ассоциативной. Нельзя забывать о важном нововведении, связанном с зарождением понятия об ассоциации.

Самоочевидные факты возникновения образов без видимого внешнего воздействия (например, при воспоминании) внушали мысль об их самопроизвольном зарождении.

Разработка представления об ассоциации позволяла выводить эти казавшиеся спонтанными образы из тех же материальных причин, которыми объяснялись ощущения и другие процессы, зависящие от прямого контакта организма с вещами. На этой основе явления репродукции, воспроизведения, воспоминания, приобретшие у Платона мистический смысл, получали естественное объяснение.

С появлением в теории познавательных форм нового их разряда, охватываемого общим понятием "фантазия" (в современном понимании к нему относится вся область представлений – не только представлений воображения, но и памяти), существенно расширялись возможности анализа психических процессов и взаимодействий между ними, изучения диалектики перехода от ощущения к мысли.

Касаясь соотношения между воображением (фантазией) и мышлением, Аристотель отмечает, что без воображения невозможно никакое составление суждения и вместе с тем ясно, что воображение не есть ни мысль, ни составление суждения. Воображение – материал мысли, а не она сама. Почему? Как совместить это отрицание того, что воображение входит в состав "разумной души", с категорическим выводом о том, что душа никогда не мыслит без образов?

Прежде всего обращает на себя внимание трактовка воображения как такого состояния, которое зависит от нас самих, когда мы хотим его вызвать. Стало быть, воображению присущи признаки субъективности и произвольности. Оно связано с

реальностью по своему происхождению от вещей (через ощущения), но для сопоставления его с самими вещами нужна дополнительная умственная деятельность.

Какими средствами располагал Аристотель для изображения и анализа этой деятельности?

Осмысливая в общих категориях потенциального и осуществленного специфически человеческий уровень душевной активности, Аристотель разграничивает разум страдательный, испытывающий действие умопостигаемых предметов, и разум деятельный, уподобляющийся им. Мыслительная работа, таким образом, определялась по своей объектной сфере. Но в этом пункте детерминистские возможности аристотелевской концепции исчерпывались. Если при уподоблении ощущающего органа ощущаемому объекту последний не терял независимого бытия (ведь не отождествлялись же камень и его отпечаток), то неперенным условием уподобления мысли своему предмету становилась их идентификация. За пределами взаимодействия одушевленного тела с внешним миром ум обретал собственные надприродные объекты – вечные категории и истины, постигаемые в деятельном состоянии ("деятельным разумом").

Иерархия форм познавательной деятельности завершалась "верховным разумом", который мыслит самое божественное и самое ценное и не подвергается изменению. Это чистая форма и вместе с тем цель всеобщего развития. Так возник догмат о "божественном разуме", извне входящем в психофизиологическую организацию человека. Этот догмат сложился на почве определенных идейно-гносеологических обстоятельств, среди которых одно из самых важных – невозможность объяснить возникновение абстрактных понятий и категорий теми же естественнонаучными принципами, опираясь на которые, удалось раскрыть детерминацию чувственных восприятий и представлений.

Проблема построения образа

В арабоязычной науке новый подход к психоностической проблеме, к вопросу о соотношении сенсорного и интеллектуального в познании внешних предметов принадлежал Ибн аль-Хайсаму. Изучая законы отражения и преломления света, он подошел к органу зрения как к оптическому прибору.

В античных представлениях о зрительной функции можно выделить две основные концепции. Зрительные ощущения и восприятия объяснялись либо "истечениями" от предметов, либо "истечениями" из глаза. Имелись и компромиссные теории, предполагавшие, что в зрительном акте сочетаются оба вида "истечений". Мнение о том, что для зрительного восприятия необходимо распространение из глаза по направлению к предмету некоторого вещественного начала (огня, пневмы), сложилось в силу невозможности понять, исходя из одного только воздействия извне, каким образом глаз постигает не результат этого воздействия, а его источник – внешний предмет.

Ибн аль-Хайсам преодолел эти трудности тем, что за основу зрительного восприятия принял построение в глазу по законам оптики образа внешнего объекта. То,

что в дальнейшем стали называть проекцией этого образа, то есть его отнесенностью к внешнему объекту, Ибн аль-Хайсам считал результатом дополнительной умственной деятельности более высокого порядка.

В каждом зрительном акте он различал, с одной стороны, непосредственный эффект запечатления внешнего воздействия, с другой присоединяющуюся к этому эффекту работу ума, благодаря которой устанавливается сходство и различие видимых объектов. "Способность (зрительного) различения, – писал он, – порождается суждением". Ибн аль-Хайсам полагал, что такая переработка происходит бессознательно. Он явился тем самым отдаленным предшественником учения об участии "бессознательных умозаключений" (к которым в дальнейшем обратился Гельмгольц) в процессе непосредственного зрительного восприятия. Тем самым разделялись непосредственный эффект воздействия световых лучей на глаз и дополнительные психические процессы, благодаря которым возникает зрительное восприятие формы предмета, его объема и т.д.

В средневековой Европе, воспринявшей и переработавшей в соответствии с царившей в ней идеологической атмосферой наследие как античного, так и арабоязычного мира, философская мысль выработала два понятия, глубоко отразившихся на категориальном аппарате психологического познания. Это понятия об интенции – в томистской философии (учение Фомы Аквинского) – и о знаке – в философии номинализма (крупнейший представитель этого направления – Вильям Оккам).

Интенция как актуализация образа

Выхолостив из сильного своей связью с эмпирией аристотелевского учения его позитивное содержание, Фома вместе с тем отобрал один из его принципов, получивший своеобразное истолкование в понятии об интенции. У Аристотеля, как мы отмечали, актуализация способности (деятельность) предполагает соответствующий ей объект. В случае растительной души этим объектом является усваиваемое вещество, в случае животной души ощущение (как форма объекта, воздействующего на орган чувств), разумной – понятие (как интеллектуальная форма). Это аристотелевское положение и преобразуется Фомой в учение об интенциональных (направленных) актах души. В интенции как внутреннем, умственном действии всегда "сосуществует" содержание – предмет, на который она направлена. (Под предметом понимается чувственный или умственный образ.)

Сознание – не "сцена" или "пространство", наполняемое "элементами". Оно активно и изначально предметно. Поэтому понятие об интенции не исчезло вместе с томизмом, но перешло в новую эмпирическую психологию, сыграв существенную роль в становлении функционального направления, выступившего против вундтовской школы.

Понятия как имена

Главным противником томистской концепции души выступил номинализм. Обычно позиция сторонников этого направления определяется в связи с популярными в

схоластики диспутами о природе общих – родовых и видовых – понятий (универсалий). Номинализм отвергал восходящее к Платону учение реализма, согласно которому универсалии (общие понятие любого порядка) суть реалии, существующие независимо от индивидуальных явлений и до них. Наряду с множеством конкретных шарообразных, конусообразных и т.п. вещей, доказывали реалисты, имеются общие понятие шара или конуса как архетипы, обладающие тем же онтологическим статусом, что и сами конкретные вещи. Отвергая этот взгляд, номиналисты отказывали общим понятиям в независимом от индивидуальных явлений бытии. Эти понятия, учили они, относятся к области названий, имен (лат. *nominialis*; отсюда и термин "номинализм"), а не реалий.

Понятие об ощущении (восприятии) издавна имело своей предпосылкой убеждение в том, что возникающий в сознании чувственный образ воспроизводит качества самих вещей. Предполагалось, что переживаемые цвета, запахи, звуки совпадают с реальными. Этот взгляд первоначально был свойственен как материалистам, так и идеалистам, хотя они и расходились радикально в трактовке источника такого совпадения. Поздние номиналисты требовали заменить отношение образа отношением знака, и это было в свое время прогрессивным стремлением, ибо объективные материальные основания образа действительно не совпадают с тем, что дано сознанию непосредственно, а действие вещи на орган чувств отнюдь не сводится к простой передаче свойств этой вещи мозгу. Здесь вступают в игру несравненно более сложные отношения и механизмы, лежащие за пределами того, что дано чувственному созерцанию как таковому.

Как только началось очищение картины природы от субъективизма, от отождествления реальности самой по себе с ее субъективным образом, немедленно возникла проблема корреляции между действительностью, какой ее изображает геометризованная механика, не знающая никаких чувственных качеств, и образами, порождаемыми органами чувств.

Проблема образа в механистической картине мира

Эпоха научной революции XVII столетия утвердила великую мысль об единстве природы. Но это единство утверждалось ценой ее сведения к пространственному перемещению качественно однородных частиц. Реальными в телах признавались только их пространственная форма, величина, перемещение. Лишь эти свойства считались имеющими причинное значение, тогда как все другие относились к ряду "вторичных" качеств – чисто субъективных продуктов, основанием которых служат не вещи сами по себе, а результаты их воздействия на нервную систему. Тем самым качественная определенность внешнего реального мира оказывалась иллюзией, созданной органами чувств.

Книга природы, как учил Галилей, написана геометрическими фигурами – квадратами, треугольниками. Представление о "вторичных" качествах имело прямое отношение не только к теории познания, но и к учению о причинной обусловленности жизнедеятельности. Химерические вторичные качества как остаточный продукт работы телесной машины не могли претендовать на роль реальных детерминант поведения. Коэффициент их полезного действия в поведении оказывался нулевым.

Поскольку же эти качества – первые элементы знания, данные в форме чувственных образов, то телесное поведение и эти образы превращались в два независимых ряда уже у истоков взаимосвязи организма с природой.

Им противопоставлялись другие образы – умственные, которые в духе рационализма XVII века выступали в виде идей (согласно Декарту, "мыслей"), ясное и отчетливое созерцание которых дает истинное знание природы.

Различение первичных и вторичных качеств, принятое Галилеем, Декартом и другими, приобрело в Европе большую популярность благодаря локковскому "Опыту о человеческом разуме", где оно описывалось следующим образом: первичные качества (плотность, протяженность, форма, движение) – это такие, которые совершенно не отделимы ни от какой частицы материи, вторичные же (цвет, звук, вкус) на деле не находятся в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения своими первичными качествами.

Трактовка большой группы воспринимаемых качеств как вторичных имела своей предпосылкой механистический взгляд на взаимодействие вещей с органами чувств. В конечном эффекте взаимодействия не остается ничего от особенностей источника.

Преодолевая механистический взгляд на взаимодействие, полагая, что в каждой монаде (духовной сущности) воспроизводится с различной степенью отчетливости и адекватности жизнь всей Вселенной, Лейбниц стремился найти иное, чем господствовавшее не только в его век, но и позднее, решение проблемы первичных и вторичных качеств. И опять-таки отправным пунктом для него служила физико-математическая интерпретация психической деятельности.

Лейбниц отказывался признавать, что вторичные качества "произвольны и не имеют отношения к своим причинам или естественной связи с ними... Я скорее сказал бы, что здесь имеется известное сходство – не полное и, так сказать, *in terminis*, а в выражении (*expressive*) или в отношении порядка – вроде сходства между эллипсом и даже параболой или гиперболой и кругом, проекцией которого на плоскости они являются, так как есть некоторое естественное и точное отношение между проецируемой фигурой и ее проекцией, поскольку каждая точка одной соответствует определенному отношению каждой точки другой".⁶⁰

Стало быть, согласно Лейбницу, отрицание объективности чувственных качеств вовсе не является единственной альтернативой схоластической теории "специй". Здесь возможны и другие решения, в частности применение принципа взаимно-однозначного соответствия (изоморфизма). Лейбниц, насколько нам известно, впервые использовал в психологическом объяснении идею изоморфизма, открывшую перед современной психологией новые перспективы детерминистического анализа.

⁶⁰ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме, с. 117.

Влияние физиологии

До XIX века изучение сенсорных явлений, среди которых ведущее место занимала зрительная перцепция, велось преимущественно математиками и физиками, установившими, исходя из законов оптики, ряд физических показателей в деятельности глаза и открывшими некоторые важные для будущей физиологии зрительных ощущений и восприятий феномены (аккомодацию, смешение цветов и др.).

В первые десятилетия XIX века начинается интенсивное изучение функций глаза как физиологической системы.

Это было крупное достижение естественнонаучной мысли. Предметом опытного изучения и эксперимента стал один из наиболее сложных органов живого тела. Вместе с тем в силу особой природы этого органа как устройства, дающего сенсорные (познавательные) продукты, необходимо должны были возникнуть коллизии, связанные с ограниченностью прежних объяснительных понятий.

Как продукт длительного эволюционного развития, органическое тело с его рецепторными аппаратами закрепило в своем устройстве особую живую историю способов общения с окружающим миром. Поэтому, скажем, аналогия между глазом и камерой-обскурой, будучи в определенном отношении плодотворной объяснительной моделью, обеспечившей первые крупные успехи в области детерминистического познания механизма зрения, в то же время помогла раскрыть только один аспект этого механизма, оставив во мраке другие его аспекты, выражающие то, что отличает процесс зрительного чувственного отражения от отражения в оптических приборах. И неудивительно, что для наиболее значительных в 20-х годах прошлого века работ по физиологическому исследованию зрительной чувствительности, принадлежащих Я. Пуркинье и И. Мюллеру, характерно обостренное внимание к так называемым субъективным зрительным феноменам, многие из которых давно были известны под именем "обманы зрения", "случайные цвета" и т.д.

Для тех, кто хотел понять зрение как жизненный акт, особый интерес представляли моменты, не выводимые из физических закономерностей. Оптика бессильна разъяснить происхождение указанных феноменов. Но и к умозрительной психологии обращаться за их естественнонаучным объяснением было бесполезно.

Пуркинье, обсуждая вопрос, какой науке изучать чисто субъективные зрительные явления – психологии или физиологии, считал, что ими могла бы заняться эмпирическая психология, если бы для этого не требовалось более точного определения материальных и динамических отношений внутри индивидуального организма. Он поэтому и предлагал отнести эти явления к описательному учению о природе. Мюллер также указывал на необходимость подвергнуть иллюзии физиологическому анализу и искать их причину в условиях функционирования органа чувств.

Различие в исходных мировоззренческих позициях направило, однако, Мюллера и Пуркинье по разным путям.

Физиологического объяснения иллюзий Мюллер добивается ценой отрицания различий между ощущениями, правильно отражающими внешний мир, и чисто субъек-

ективными сенсорными продуктами. И одни и другие он трактует как результат актуализации заложенной в органе чувств "специфической энергии". Реальность тем самым превращалась в мираж, созданный нервно-психической организацией. Он называет зрительные фантомы основными зрительными истинами, считая, что физиологу важно сосредоточиться только на одной зависимости – зависимости субъективного факта от физиологического субстрата безотносительно к тому, с чем коррелирует этот факт во внешнем мире.

Если чувственное качество имманентно присуще органу, то сама проблема отграничения ощущений, адекватных предмету, от неадекватных (иллюзорных) оказывается иллюзорной. Ведь она имеет смысл, пока признается, что между ощущениями и определенными реальными признаками вещей существует отношение подобия. По Мюллеру же, у ощущений нет другого коррелята, кроме свойства нервной ткани, при актуализации которого специфические особенности внешнего воздействия не имеют значения.

У нас не может возникнуть посредством внешнего влияния ни один модус ощущений, который не мог бы проявиться и без него, утверждал Мюллер. Он не отрицал, что причиной ощущений является воздействие извне на соответствующий телесный орган, но он отрицал, что полученная в результате информация воспроизводит по своему качеству что-либо иное, кроме свойств нервной ткани.

Придав представлению о "специфической энергии" смысл универсального закона, Мюллер стал зачинателем направления, которое впоследствии Л.Фейербах назвал физиологическим идеализмом.

В предшествующую эпоху определяющую роль в физиологии играло материалистическое воззрение на ход жизненных и психических процессов. Нервная деятельность мыслилась по образцу механического движения, ее носителем считались мельчайшие тельца, обозначающиеся терминами "животные духи", "нервные флюиды" и т.д.). По механическому же образцу мыслилась и познавательная деятельность. Обе схемы разрушались развитием естествознания, в недрах которого зарождались новые представления о свойствах нервной системы (концепция "нервной силы") и о характере ее участия в процессе познания. Окончательно было сокрушено представление о том, что процесс чувственного познания состоит в передаче по нервам нетелесных копий объекта. Прежнее мнение о вещественном составе этих копий давно уже пало. Но неотвратимая потребность понять, каким путем в образе может быть воспроизведен объект, вынуждала думать о нетелесных копиях.

Подчеркнем в данной связи, что необходимо различать гносеологический и конкретно-научный подходы к образу. Первый касается трактовки его сущности в плане отношения субъекта к объекту, оценки познаваемого с точки зрения достоверности чувственного знания. Второй касается конкретного психофизиологического механизма, посредством которого это знание приобретает.

Древняя концепция образов (по которой были нанесены сокрушительные удары сперва номиналистами, а затем "в XVII веке причинной теорией ощущений"), верная по своей гносеологической направленности, была заблуждением с точки зрения естественнонаучной. Ложные выводы происходили от смешения двух аспектов.

Отбросив ошибочные воззрения на механизм построения чувственного образа, естествоиспытатели отбросили вместе с ними и единственно верную гносеологию, ради которой из-за ограниченности конкретно-научных знаний предшествующие мыслители, начиная от Демокрита, вынуждены были придерживаться идеи о перемещении образа по воспринимающим нервам в мозговой центр.

В период ломки прежних объяснительных принципов зародился "физиологический идеализм". Концепцию "нервной силы" Мюллер преобразует в учение о "пяти специфических энергиях органов чувств", а из специфического характера функционирования нервной ткани делает ложные гносеологические выводы, отрицающие отражательную природу образа.

Под влиянием Канта Мюллер и его школа защищали мнение о прирожденности чувственного образа пространства. (Эта концепция была названа нативизмом.) Однако прогресс психофизиологии имел другой вектор. Ссылка на прирожденность снимала с повестки дня вопрос о формировании сенсорного образа под влиянием опыта, то есть контактов организма с внешней средой, представленной в этом образе. (Нативизму были противопоставлены эмпиризм как учение о возникновении ощущений из опыта контактов чувствующих нервных "приборов" с воздействующими на них внешними стимулами и генетизм, видящий в образе продукт развития.)

Следует иметь в виду, что переход от физико-математического анализа зрительной рецепции к психофизиологическому столкнулся с проблемами, потребовавшими новых объяснительных принципов.

Уже простейший факт различия между сетчаточным и видимым образом предмета говорил, что наряду с оптическими закономерностями должны быть какие-то другие причины, в силу которых перевернутый под действием этих закономерностей образ на сетчатке все же дает возможность воспринять действительную позицию предмета. Не находя объяснений в категориях физики, исследователи деятельности глаза полагали, что вмешательство сознания производит операцию "переворачивания" образа, возвращая его в положение, соответствующее реальным пространственным отношениям. Иначе говоря, на сцене вновь появлялся загадочный психологический "гомункулюс" – причинное объяснение подменялось указанием на неопределенные психологические факторы.

Ч. Белл поставил на место последних деятельность глазных мышц. Он приходит к выводу, что видение – это операция, в которой представление ("идея") о положении объекта соотносится с мышечными реакциями.

Опираясь на клинические факты, Белл настаивал на существенном вкладе мышечной работы в построение сенсорного образа. В различных модальностях ощущений, прежде всего кожных и зрительных, мышечная чувствительность (и, стало быть, двигательная активность) является, согласно Беллу, непременным участником приобретения сенсорной информации. В дальнейшем Белл выдвигает положение о том, что и слуховые восприятия тесно связаны с упражнением соответствующих мышц.

Белл выступил против установки на то, чтобы искать основу ощущений исключительно в микроанатомической структуре рецептора. В докладе "О необходимости чувства мышечного действия для полного использования органов чувств" он настаивал на том, что способность ощущений зависит не только от количества нервных окончаний. По Беллу, эта способность является результатом соединения чувствительности и движения.

Исследование органов чувств побуждало рассматривать сенсорные образы (ощущение, восприятие) как производное не только рецептора, но и эффектора.

Образ и действие

Психический образ и психическое действие сомкнулись в целостный продукт. Предметность образа и активность его построения объяснялись не интенцией сознания (как у Brentano), а реальным взаимодействием организма с объектами внешнего мира.

Такой вывод получил прочное экспериментальное обоснование в работах Гельмгольца и его последователя на этом пути Сеченова. Гельмгольц сделал принципиально важный шаг к новому объяснению образа, предложив гипотезу, согласно которой работа зрительной системы при построении пространственного образа происходит по аналогу логической схемы.

Под влиянием главной методологической книги той эпохи "Логики" Джона Стюарта Милля Гельмгольц назвал эту схему "бессознательным умозаключением". Бегающий по предметам глаз, сравнивающий их, анализирующий и т.д., производит операции, в принципе сходные с тем, что делает мысль, следуя формуле: "если... то...". Из этого следовало, что построение умственного (не имеющего чувственной ткани) образа происходит по типу действий, которым организм первоначально обучается в школе прямых контактов с окружающими предметами.

Прежде чем стать абстрактными актами сознания, эти действия испытываются в сенсомоторном опыте, причем не осознаваемом субъектом. Иначе говоря, осознавать внешний мир в форме образов субъект способен только потому, что не осознает своей интеллектуальной работы, скрытой за видимой картиной мира.

Сеченов доказал рефлекторный характер этой работы. Чувственно-двигательную активность глаза он представил как модель "согласования движения с чувствованием" в поведении целостного организма.

В двигательном аппарате, взамен привычного взгляда на него как на сокращение мышц и ничего более, он увидел особое психическое действие, которое направляется чувствованием, то есть психическим образом среды, к которой оно прилагается. Тем самым был обнажен могучий пласт объективно данной работающему организму психической реальности, служащий фундаментом процессов и феноменов сознания, какими они явлены способному к самонаблюдению субъекту.

Интроепективная трактовка образа

Между тем исторически назревшая потребность отграничить предмет психологии от предметов других дисциплин получила отражение в тех научных программах, которые приняли за ее уникальную область феномены или акты сознания, какими они открыты только субъекту, способному их созерцать, а также представить о них свой самоотчет. На этой предпосылке базировалась новая дисциплина.

Расщепить "материю" сознания на "атомы" в виде простейших психических образов, из которых она строится, – таков был исходный план Вундта, автора первой версии экспериментальной психологии. Brentano отверг схему и план Вундта, сохранив верность постулату о том, что у психологии нет никакой иной области исследования, кроме сознания. Но последнее состоит из внутренних актов субъекта, одним из которых является сосуществующий в этом акте предмет. Не восприятие, а воспринимание, не представление, а представительство – вот что должно занимать психологию во внутреннем опыте. Иначе говоря, – акты сознания, его действия или функции, а не элементы.

В этой концепции своеобразно преломилось уже состоявшееся в психофизиологии открытие сопряженности образа с действием, притом также и умственным действием (сравните концепцию "бессознательных умозаключений" Гельмгольца, соединенную Сеченовым со взглядом на мышцу как орган предметного мышления). Но психофизиологи объясняли эту сопряженность сенсомоторным механизмом, скрытым от сознания. Brentano же и его многочисленные последователи утверждали ее в пределах сознания, впрочем, отличая свое понимание сознания от "непосредственного опыта" в том толковании, которое придала ему вундтовская школа.

Структурной интерпретации психического образа была противопоставлена функциональная. Но истинная функция образа обнажается не иначе как при обращении к реальному предметному действию, которое строится исходя из диктуемого психическим образом "диагноза" о состоянии внешней среды. В теории же Brentano вся психическая активность замыкалась в кругу внутреннего мира субъекта.

Вместе с тем, отвергая вундтовскую версию о структуре сознания как чувственной ткани, нити которой призван разъять эксперимент, Brentano считал необходимым подвергнуть опытному изучению, вслед за сенсорикой, процессы мышления.

Как уже говорилось, первым наметил такую перспективу ближайший ученик Вундта О. Кюльпе. По его плану группа молодых психологов из Вюрцбургского университета, сплоченная новой исследовательской программой, занялась экспериментальным анализом того, как субъект выполняет задания, требующие работы мысли. Методика исследования включала изошренное самонаблюдение (интроепекцию), призванное проследить шаг за шагом, что же происходит в сознании в процессе решения. Оказалось, что чувственная ткань (образы) не играют сколько-нибудь значимой роли. Испытуемые фиксировали некие состояния, которые можно было просто назвать мыслями как таковыми, лишенными сенсорной "примеси".

К сходным выводам и независимо от "кюльпевцев" пришли другие психологи – француз А.Вине, американец Р. Вуднортс.

Свободные от сенсорных компонентов мысли напоминали сверхчувственные идеи Платона. Сознание, в котором самая изощренная и натренированная интроспекция была бессильна узреть нечто чувственно "осязаемое", становилось призрачной "материей". Действительный смысл этих исканий запечатлело их столкновение с особой психической реальностью, а именно – умственным образом предмета. Конечно, не единичного.

Следует в этой связи подчеркнуть, что во всех случаях, когда говорится об образе, необходимо соединить этот термин с картиной предметного мира, из которой отдельный штрих (в виде изолированного объекта) может быть выделен только в целях научно ориентированной абстракции. (Например, в условиях лабораторного эксперимента.)

Целостность образа

Умственные образы издавна обозначались непсихологическими терминами – такими, как понятие (в логике), значение слова (в филологии) и т.д. В качестве компонента психической реальности они стали выделяться благодаря тому, что в системе психологического мышления утвердился вывод об их несводимости к чувственным образам, об их особой представленности в сознании, их неидентичности тому, как осознается его – сознания – сенсорная ткань. Тем не менее, умственные образы являются важнейшим компонентом всего строя психической жизни и тем самым системы научно-психологического знания, а не только логической или филологической системы. Что же касается их особого, несводимого к другим представительства в этом строе, то именно оно определило их роль в дальнейшем развитии психологической категории образа. На сей раз – умственного образа, который совместно с чувственным создает один из целостных блоков категориального аппарата психологической науки.

Важный вклад в его разработку внесла гештальттеория. Она формировалась в противовес обоим направлениям психологии сознания – как структурализму, так и функционализму. Структурализм ориентировался, следуя стратегии физики или химии, на поиск элементов – "атомов" психики, функционализм – на изучение функций, подобных биологическим.

Образ мысли гештальтистов складывается под впечатлением новых направлений за пределами психологии. Не идеалы механики и не эволюционная биология, а революционные события в физике вдохновили их на изобретение своего плана реформы психологии.

Открытие рентгеновских лучей и радиоактивности, открытие Планком (у которого учился один из лидеров гештальтизма В.Келер) кванта действия, теория относительности и нараставший удельный вес категории физического поля повлияли на умы группы психологов, девизом которых стал термин "гештальт" (особая организованная целостность). Его прообразом служило физическое понятие о поле.

Смысл любой теоретической конструкции выявляет не только то, что она утверждает, но и то, что она отвергает. Гештальтизм отверг "атомизм" структурной школы, ее версию о первоэлементах сознания. Функционализм же был отвергнут гештальттеорией по причине трактовки им психических функций как действий или

процессов, совершаемых "Я" ради заранее поставленной цели. Вместе с тем, отвергнув теории сознания, гештальтизм выступил также против бихевиористской теории поведения, которая требовала изгнать из психологии само понятие о сознании как загадочном агенте, изнутри правящем телесными реакциями организма.

Просчеты этих направлений были предопределены тем категориальным аппаратом, посредством которого они "высвечивали" психическую реальность, и прежде всего слабостью категории образа. У структуралистов она сводилась к элементам, для воссоединения которых они апеллировали либо к ассоциациям, либо к загадочной внутренней силе – апперцепции. У функционалистов ощущения, восприятия, представления объяснялись не столько причинными факторами (в виде внешних влияний на органы чувств), сколько целями, заданными сознанием субъекта. Это придавало функционалистским концепциям телеологический характер. Но разве научное знание вправе приписывать объективным процессам (например, излучению) направленность на цель?

Что же касается бихевиоризма, то он под гипнозом древней версии о сознании перерекнул само понятие о сознании как регуляторе поведения.

В понятии гештальта светила перспектива вывести психологическую науку на новый путь. Гештальт – это целостность, которая определяет происходящее с ее компонентами. Первичны целостные восприятия, а не отдельные ощущения, свойства которых этими целостностями и определяются.

Гештальт изменяется по собственным, имманентным ему законам, не нуждаясь в направляющей его извне цели. Гештальт организует поведение организма, которое без него оборачивается серией слепых реакций, случайных проб и ошибок. Во всех случаях за термином "гештальт" стояла категория психического образа. В ее обогащении – главная историческая миссия, достойно исполненная гештальтизмом.

Стремясь покончить с довлевшей над психологией верой в то, что ее суверенность можно отстоять только в противовес более "твердым" наукам (физике, химии, биологии), гештальтисты придали глобальный характер воплощенному в гештальте принципу системной организации. "Гештальтированы" все объекты. Субстрат психики – система мозга в такой же степени, как и коррелирующая с ней система сознания. Отношение же между веществом мозга и психическим миром следует мыслить не по типу механического взаимодействия между ними, но по типу изоморфизма (соответствия одной структуры другой подобно тому, как топографическая карта соответствует в основных элементах отображенной на ней местности).

Не порождаясь материальными структурами, а лишь соответствуя им, психические образы выступали как причина самих себя. Гештальтизм изменял стиль психологического мышления, утверждал в нем системную ориентацию, что позволило существенно обогатить эмпирическую основу представлений о сознании и его образном строе. Особым ответвлением этой научной школы стали работы К.Левина и его учеников, центрированные на проблеме мотивации поведения, о чем будет сказано в связи с рассмотрением категории мотива.

Резонанс гештальтистских идеи зазвучал в других исследовательских направлениях, в частности в необихевиоризме Толмена, предложившего считать регулятором поведения крыс в лабиринте "когнитивную карту", что внесло в классический бихевиоризм категорию психического образа.

Возможно, что введение И.П. Павловым в учение о высшей нервной деятельности понятия о динамическом стереотипе также отразило потребность в преодолении "атомизма", который гештальтисты инкриминировали этому учению.

Категория образа (стоявшая за неологизмом "гештальт") охватывала все уровни когнитивной организации психики – как сенсорный (чувственно-образный), так и интеллектуальный. Само понятие об интеллекте было изменено после классических опытов Келера над человекообразными обезьянами, справлявшимися с новыми задачами, для решения которых недостаточно было прежних навыков (условных рефлексов). Келер объяснил наблюдаемое поведение, оперируя представлением о сенсорном поле и его реорганизации в случае решения.

Другой лидер гештальтизма М. Вертгеймер перешел от животного интеллекта к человеческому. Притом интеллекту высшего, какой только может быть, уровня, поскольку одним из его испытуемых был А.Эйнштейн.

В работах, посвященных этой высшей форме мышления (Вергеймер назвал его продуктивным), в качестве объяснительных принципов использовались все те же понятия "реорганизация", "центрировка", "группирование", которые считались всеобщими для способов построения и преобразования гештальта. Но именно такой подход обнажал слабость гештальтистской схемы, считавшейся пригодной для всех случаев жизни, в том числе и жизни психической, обретающей различные формы на различных уровнях развития.

Отсутствие историзма и ориентация на те феномены, которые действительно для ситуаций "здесь и теперь", препятствовали разработке категории психического образа в его лонгитюдной динамике, в различных генетических срезах. Между тем прошлое и будущее психического образа органично представлено в его "работе" в качестве детерминанты актуального поведения.

Это слабое звено гештальтизма сказалось в игнорировании того, что в "ткани" образа имеются различные уровни организации. Категориальное знание о них запечатлено в разграничении чувственного и умственного образов. Умственный образ отличается в качестве психической реальности своей когнитивно-коммуникативной природой. Он возникает в человеческом социуме, решая задачи, инспирированные деятельностью по освоению предметного мира.

Умственный образ и слово

Значение живет собственной жизнью в независимой от отдельных субъектов "матрице" языка. Но становясь их "собственностью", оно оборачивается психическим образом особого порядка. Этот – теперь уже умственный – образ столь не неотчуждаем от ткани сознания, как и чувственный. Здесь он работает нераздельно с другими компонентами этой ткани. И лишь в интересах категориального анализа его внутренняя интимная сочетанность с ними выносятся за скобки с тем, чтобы

поставить диагноз, касающийся его собственной природы. Но именно эта же цель вынуждает, раскрывая скобки, обернуться на контекст, где просвечивает его изначальная включенность в систему взаимосвязей с действием, мотивом, отношением, переживанием.

Вместе с тем его психическая "плоть" кровно сомкнута с языком. Умственный образ рождается на переходе от природы к культуре в чреве этой культуры. Среди производящих его факторов решающая роль принадлежит знаковым системам. Важнейшая из них – язык. Его компоненты слова (как знаки – носители значений) служат орудиями преобразований чувственных образов в умственные, определяя их психическую ипостась.

Общий постулат о зависимости мысли (как эквивалента умственного образа, но не только его) от слова веками принимался множеством философско-психологических теорий. С возникновением психологии в качестве самостоятельной науки вопрос о роли языка как "органа, формирующего мысль" (формула В. Гумбольдта), стимулировал несколько направлений поисков решений, открытых для конкретно-эмпирического изучения этой роли. Сначала в Германии у группы приверженцев психологии Гербарта (Штейталь, Лацарус), а затем в России, где сложилось новаторское направление, созданное А.А. Потебней. В богатстве оставленных этим великим филологом идей выделяю две, особо значимые, по моему мнению, для психологии: понятие об апперцепции, связанной со словом, и о внутренней форме слова.

Термин "апперцепция" со времен Лейбница широко применялся в философско-психологической лексике в смысле зависимости воспринимаемого (перцепции) объекта от бывшего опыта индивида (памяти), его направленности на этот объект (внимания) и других присоединяемых к восприятию психических влияний. Во всех случаях как сами эти влияния, так и воспринимаемый под их действием образ представлялись феноменами бессловесного сознания. У Потебни в качестве могущественного фактора апперцепции выступило слово как элемент народной мысли.

Тем самым орган этой мысли – язык выступил в роли главной призмы видения мира, каким он явлен индивиду с момента овладения речью. Очевидно, что тем самым сразу же утверждалась изначальная социальность сознания. "Внутренняя жизнь, – писал Потебня, – имеет для человека непосредственную цену, но осознается и уясняется только исподволь и посредственно", что означало соединение социальности с историзмом. Он видел в языке не сотворенный, а непрерывно творимый народом орган. Из этого следовало, что индивидуальное сознание контролируется (благодаря апперцепции в слове) определенным уровнем развития опыта народа, его ментальностью. Отсюда и бескомпромиссная критика Потебней, опиравшаяся на факты исторического развития языка, априоризма, прежде всего столь популярной в его времени версии о врожденности категорий пространства и времени.

В дальнейшем ученики и последователи потебнианской трактовки внутренней формы слова (в частности, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, ранний Л.С. Выготский и др.) полагали, что под этой формой (в отличие от внешней, грамматической) следует понимать образный этимон слова (его этимологическое значение, например

"щит" в слове "защита"). Этот этимон забывается, стирается, и тогда взамен триады (звук – внутренняя форма – значение, которое идентично понятию) остается диада (звук – обозначенный объект). Тем самым внутренняя форма выступала в качестве элемента изобразительного ряда, соединяя языковой знак с прямым восприятием его денотата.

На первых порах в работах Потебни внутренняя форма представлялась прототипом чувственного образа. Однако в дальнейшем она выступила как особый образ (который мы вправе назвать умственным, поскольку он сохранял инвариантность безотносительно к чувственной "иллюстративности" различаемого знаком значения). Народность в смысле представленности в значении слова умственного склада народа ("единого философа, единого мыслителя") и историзм – таковы признаки, которыми Потебня обогатил трактовку психологической категории образа.

Новую главу в историю концепций, объясняющих родство отношений между языком и мыслью, вписали школа Пиаже – на Западе и школа Выготского – в России. Обе школы прославились укорененными в эмпирии теоретическими концепциями развития психики в онтогенезе на материале речевого общения между детьми. С различных позиций они доказали стадильность преобразований умственного образа в сложной динамике переходов от уровня, на котором доминирует сенсорная основа интеллектуальной активности, к логическим операциям, посредством которых состав и строй этой активности определяют понятия.

Оба психолога, как сказано, операционализировали свои теоретические гипотезы на материале решения ребенком интеллектуальных задач. В научном сообществе и за его пределами широкую известность им принесли результаты, воссоздающие своеобразие поведения и общения ребенка. Однако для них самих их исследования, подарившие психологии эти результаты, имели особый мотивационный смысл, уводивший далеко за пределы детской психологии к темам, родственными теоретической психологии. Научный механизм, от устройства и работы которого зависят успех и неуспех, возможности и границы познания, был очень давним объектом философской рефлексии. Но это направление поиска являлось умозрительным. Выготскому же и Пиаже требовалась опора на реалии, открытые для эмпирического и даже экспериментального анализа. Иначе говоря, они испытывали потребность в рефлексии о научном познании, обеспеченной средствами не умозрительной философии, а самой науки. Что касается Выготского, то его интеллектуальная биография побудила выделить применительно к кризису психологии проблему языка науки. Обращу внимание на то, что именно его выдающийся трактат об этом кризисе, где детально освещались природа и роль слова в научно-теоретическом познании, предшествовал ставшей в дальнейшем знаменитой книге "Мышление и речь". Сохранились свидетельства, что книга Потебни "Мысль и язык" была первой среди познакомивших Выготского с психологией. Не своего ли великого предшественника он имел в виду, детально развивая тезис о том, "что слово как солнце в капле малой воды, целиком отражает процессы и тенденции в развитии науки" и "отсюда мы получаем более высокое представление о характере научного знания"?

Прежде чем сделать своим объектом мышление и речь ребенка, Выготский рассмотрел плоды умственной деятельности людей в ее высшем выражении, каковым является построение посредством слова научного понятия.

Выясненное на макроуровне ведет к объяснению развития понятий у детей. В ребенке он увидел маленького исследователя, использующего, подобно взрослому, слова как орудие освоения мира и построения его внутреннего образа. Сходным, хотя и ведущим в другом направлении, был проект Пиаже. "На протяжении 60 лет (1920-1980) он изучал психологию развития ребенка не для того, чтобы снабдить родителей схемами руководства его образованием или контроля за ним, а чтобы овладеть механизмом построения знания"⁶¹.

Основной постулат заключался в версии, согласно которой механизм перехода детей от наивных знаний о феноменах природы к высшему уровню их объяснения – это тот механизм, который обеспечивает научный прогресс. За исходное принималось понятие о схемах, организм же либо накладывает схемы, которыми он располагает, на объекты (ассимиляция), либо приспособливает к ним свои схемы (аккомодация).

Развитие усматривалось в реорганизации этих схем. О ней исследователь судил по детским высказываниям, тысячи и тысячи которых он собрал посредством метода клинической беседы. В дальнейшем Пиаже сосредоточился на анализе довербальных схем, в которых представлен уровень сенсомоторного интеллекта. Тончайший исследователь, ориентированный на натуралистический стиль мышления, Пиаже не мог не вовлечь в круг своих интересов наряду со схемами интеллекта детскую речь. Общение междудетьми, их диалоги и в особенности споры между собой выделялись как фактор децентрации (преодоления эгоцентризма как прикованности индивида к собственной познавательной позиции и неспособности понять того, что ей противоречит или с ней несовместимо). Именно этот фактор, предполагающий речевое общение, побуждает субъекта изменить свои представления, обеспечивая тем самым когнитивное (и нравственное) развитие.

Однако феномен общения сводился к социализации личности. Роль его смысловых (семантических) параметров, преобразование которых определяет уровни интеллектуального развития, из "повестки дня" изучения этого развития выпадало. Поэтому рассматриваемые в категориальном контексте понятия об общении, сотрудничестве, социализации исчерпывались категорией отношения. Применительно же к категории образа его психическое развитие (обеспечиваемое включенностью субъекта в систему языка) в новаторской теоретической концепции Пиаже во внимание не принималось.

Но именно язык как исторически изменчивый орган своими общенародными структурами изначально обеспечивает активное формирование индивидуального сознания. Тем самым и ключевая проблема стадий развития этого сознания, в которой никому в психологии не удалось столь продуктивно продвинуться, как Пиаже и Выготскому, неотвратимо побудит того, кто отважится выйти на путь, который они

⁶¹ M. De Mey. The Cognitive Paradigm. L., 1982, p. 228.

стали прокладывать, подойти к умственному образу как к неотчуждаемой от субъекта психической реальности, создаваемой в коллизиях оперирования системой языка.

"Сердцем" коллизий, как доказал М.М. Бахтин, выступает диалог. Образ мысли, строящей умственный образ, изначально диалогичен не в общении как обмене знаками, а благодаря задаваемой языком семантике. Поэтому и проблема стадий умственного развития требует адекватных внутренней форме слова разработок.

Любое высказывание возникает и строится с учетом познавательной позиции других, которая зримо или незримо воздействует на его смысловую ткань.

В традиции, заданной русской мыслью, принцип диалогизма обогатился важными признаками в работах Потебни, Выготского, Бахтина, Ухтомского. Эти признаки: а) народность, требующая выйти к системе смыслов и ценностей, присущих не обществу "вообще", а данному народу с его неповторимой судьбой; б) культура как отличная от природы по началам и законам своего бытия духовная сфера; в) историзм, для которого служащий средством общения язык не застывшая знаковая структура, но непрерывно творимый народом орган; г) личность. Ухтомский предложил обозначить общение словом "собеседование" с тем, чтобы выделить в качестве его решающего признака "доминанту на лицо другого". Это означало нечто принципиально иное, чем децентрация, благодаря которой индивид адаптируется к социальному окружению (Пиаже). Имелось в виду раскрытие в процессе общения – и только благодаря ему – уникальности одним из его участников другой личности, ее неповторимого духовного облика, ее единственности во всем великом многообразии человеческих лиц.

Тем самым идеями русских мыслителей были намечены особые контуры разработки категории умственного образа как важнейшего компонента психической жизни, изначально соотнесенного не только с воспроизводимыми в нем внешними объектами (как это обычно акцентировалось в контексте теории отражения).

Образ и информация

В середине XX столетия развитие категории образа (как и других психологических категорий) испытало влияние тех общих сдвигов в мировой цивилизации, которые связаны с мощным научно-техническим направлением, созданным кибернетикой и разработкой информационных систем. Структурной единицей информации является сигнал. Будучи воплощен в физическом "теле" своего носителя, он в то же время может служить моделью объекта – источника.

В кибернетике сигнальные отношения были отчленены и от энергетических, физико-химических превращений, и от феноменов сознания. Подобно первым, они существуют объективно, подобно вторым – воспроизводят внешний источник, являются его моделью. Тем самым непостижимый, с точки зрения всех, кто считал чувственный (или умственный) образ лишь бесплотной сущностью, вопрос о том, как эта сущность может приводить в действие телесный механизм и непрерывно им управлять, получал новое решение. Притом решение не умозрительное, а наглядно демонстрируемое на электронных вычислительных машинах. Не энергия

выступала в качестве фактора управления и не феномены сознания субъекта, а информация.

Нераздельность управления и информации побудила Н.Винера трактовать теорию управления "в человеческой, животной или механической технике"⁶² как часть теории информации.

Будучи математической дисциплиной, теория информации абстрагируется от содержания сообщений и их значения для субъекта. Она определяет количество, и только количество, информации, содержащейся в сигнале. Теория информации сложилась в связи с запросами техники связи. Благодаря же своему формализованному аппарату, позволяющему измерять, сколько альтернативных сообщений (в битах информации) способен передать в единицу времени любой канал связи в любой информационной системе, она была принята на вооружение не только инженерами, но и психологами. Этого не произошло бы, если бы традиционные психологические объекты не содержали информационного аспекта, новые перспективы количественного анализа которого и открыла теория информации.

Схема опытов по определению времени реакции, например, предусматривала, что субъект, прежде чем произвести реакцию (двигательную или речевую), опознает, различает, выбирает раздражитель.

С усложнением задачи возрастает время реакции. Сходным образом в опытах по определению объема внимания выяснялось, сколько объектов (букв, рисунков, фигур) может "схватить" испытуемый в единицу времени, в опытах по изучению процессов памяти – какова длина списка слов (или слогов), запечатлеваемых без повторения, и т.д. Во всех подобных случаях психологи, не пользуясь термином "информация", по существу исследовали информационные процессы. Это не значит, что проникновение теории информации в психологию оказалось всего лишь терминологическим новшеством. Если прежде (при изучении времени реакции, объема внимания, памяти и т.д.) измерялось количество раздражителей (вспышек света, изображений, букв и др.), то теперь измерению подлежало количество информации, содержащейся в сигнале. Когда испытуемый видит, например, букву "а", то она для него не один объект (как представлялось раньше), а сигнал, в котором заключено определенное количество информации. Пытаясь определить это количество, психологи столкнулись с огромными трудностями. И тем не менее решающий шаг в сторону пересмотра традиционного взгляда на раздражитель был совершен.

Использование теоретико-информационных понятий и формул не следует отождествлять, как мы дальше отметим, с информационным подходом в целом. Количество информации – не единственная ее характеристика. Вместе с тем влияние теории информации на психологические исследования не ограничивалось попытками внедрения новых измерительных процедур. Значительно более существенными, хотя и неприметными, явились категориальные сдвиги. Они затрагивали прежде всего категорию образа, обогащенную благодаря информационной трактовке новым содержанием. С теорией информации укрепились представления о

⁶² Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 30.

том, что образ строится в объективной системе отношений между источником информации и ее носителем, иначе говоря, независимо от самонаблюдения субъекта.

Поскольку информационные процессы носят вероятностный характер и служат фактором управления, переход к информационной трактовке образа побудил включить в его характеристику в качестве неизменных два момента:

а) его роль в регуляции двигательных актов;

б) его прогностическую функцию, предполагающую отнесенность не только к прошлому (образы памяти) и настоящему (образы восприятия), но и к будущему.

Очевидно, что обе функции, как управления действием, так и вероятностного прогноза, реализуются "автоматически", независимо от способности индивида к самоотчету об образном содержании своего сознания.

С точки зрения теории информации невозможно рассматривать образ как "элемент", "феномен", "структуру" или "процесс" сознания, если представлять последнее и в виде внутреннего пространства, обозреваемого субъектом. Теория информации тем самым сделала еще более острой необходимость объективного подхода к внутренним психическим явлениям, подхода, который как интроспекционисты, так и "классические" бихевиористы считали недостижимым в принципе. Потребность в том, чтобы исследовать внутренние психические явления с такой же степенью объективности, с какой анализируются внешние телесные реакции, зародилась в психологии задолго до кибернетики и теории информации. Мы знаем также о суррогатах, посредством которых стремились удовлетворить эту потребность необихевиористы, попытавшиеся заполнить "пробел" между объективно наблюдаемыми стимулами и реакциями умозрительными "гипотетическими конструктами" ("промежуточными переменными").

Развитие кибернетики показало, что получить на "выходе" системы эффекты, сходные с эффектами интеллектуальных операций живого человеческого мозга, можно лишь тогда, когда в "пространстве", где необихевиористы локализовали "промежуточные переменные", развертываются реальные информационные процессы. С введением этих процессов регуляция исполнительных эффектов ставилась в зависимость от представленности в системе организма определенных параметров тех объектов и ситуаций, в приспособлении к которым состоит весь смысл поведения.

Два важнейших вывода содержала кибернетическая концепция, два вывода, которые окончательно разрушили уже достаточно расшатанную бихевиористскую схему:

а) детерминантой поведенческого акта является не раздражитель сам по себе, а представленный в сигнале объект – источник информации, его характеристики воспроизводятся по определенным законам в динамике внутренних ("центральных") состояний носителя информации – определенной материальной системы;

б) для реализации поведенческого акта система должна обладать программой, а также аппаратами вероятностного прогнозирования и непрерывного сличения (компарации) наличного состояния с запрограммированным (в случае рассогласования система, получив об этом сигнал, включает устройства, производящие коррекцию).

Приведенные положения были выработаны при проектировании технических систем, способных производить целесообразные действия, сходные с теми, для которых управляющим органом служит головной мозг.

Кибернетика оказалась объективной научной теорией управления поведением, притом теорией, совершившей настоящий переворот в производстве. Но достигла она этой цели только потому, что придала электронным машинам свойства, в которых бихевиоризм отказывал человеку. Свойство машины обладать информацией о внешнем источнике напоминало о категории образа – той категории, в которой бихевиоризм видел главную преграду на пути превращения психологии в истинную науку. Кибернетические понятия о программе, вероятностном прогнозе, сличении, коррекции и т.д. также строились на предположении о том, что поведение управляется информационными процессами – центральными, "внутренними" по отношению к тому, что происходит на "входе" и "выходе" системы.

Напомним, что все "центральное", недоступное прямому наблюдению, бихевиоризм отверг как выходящее за пределы научного опыта. Какова природа "центральных процессов"? Кибернетика не претендовала на ее раскрытие. Для нее достаточно было интерпретировать их как процессы накопления и переработки информации. Но информация, будучи по определенному, указанному выше признаку общей характеристикой множества различных форм сигнальных отношений между ее источником и носителем, может рассматриваться применительно к живой системе как с физиологической, так и с психологической точек зрения. В первом случае – она нервный сигнал, во втором – сигнал-образ. Специфическое для образа и представляет психическую реальность в отличие от физиологической. Изучение категории образа имеет в психологии, как мы знаем, давние традиции. Кибернетика не разрушила эти традиции, а побудила к их переосмыслению.

Одну из первых обобщающих схем, идущих в этом направлении, предложили американские психологи Дж. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам в работе "Планы и структура поведения" (1960). Ее "основной целью было обнаружить, имеется ли какая-нибудь связь между кибернетическими идеями и психологией".⁶³

Эта связь утверждалась посредством формулы "Т-О-Т-Е" (тест-операция-тест-результат), поставленной на место "классического" представления о рефлексной дуге как автоматическом замыкании двух полудуг – афферентной и эфферентной – и бихевиористского двойника этого представления, известного как отношение "стимул-реакция". Архитектура простейшей единицы поведения трактовалась теперь в виде кольца с обратной связью. Выглядело это так: при воздействии раздражителя на систему она не сразу отвечает на него реакцией, а сперва сличает это идущее извне воздействие с состоянием самой системы и оценивает произве-

⁶³ Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965, с. 15.

денную пробу (тест). Стало быть, организм чувствителен не к раздражителю самому по себе, а к тесту, пробе, оценке. Если оценка показала несоответствие между стимулом и состоянием системы (то есть несоответствие между воздействующей извне энергией и некоторыми критериями, установленными в самом организме), в систему поступает "сигнал рассогласования". Благодаря такой обратной связи система производит действие (операцию) и вновь сравнивает и оценивает состояние организма и состояние, которое опробуется, то есть опять в игру вступает петля обратной связи. Так, тест и операция сменяют друг друга до тех пор, пока не достигается удовлетворительный результат.

Схема Т-О-Т-Е отражала кибернетические представления, опиравшиеся на опыт конструирования технических устройств (так называемых сервомеханизмов), способных к саморегуляции, к изменению своей работы в зависимости от полученных результатов, к исправлению на ходу допущенных ошибок. По сравнению с линейной схемой "стимул-реакция" действительно вводился ряд важных моментов, о которых говорили такие термины, как "сличение", "оценка", "сигнал рассогласования", "обратная связь".

Миллер и его коллеги поставили вопрос о том, что понятие образа, отвергнутое бихевиоризмом, должно быть возвращено в психологию в качестве одного из ключевых. Они видели, что образ есть нечто принципиально иное, чем кодовое преобразование информации в машинах. Компьютер, с которым они общались, мог быть использован для анализа программирования решения задачи, поисковых шагов, коррекций, обратной связи и других моментов, относящихся к структуре действия. Но бесполезно было исследовать с его помощью структуру образа. В итоге понятие об образе, как бы высоко его ни ставили (Миллер и другие писали слово "образ" не иначе как с большой буквы), оставалось на уровне докибернетического знания о нем, а точнее – на уровне субъективной, интроспективной психологии. "Мы внезапно пришли к мысли, – пишут эти авторы, – что мы являемся субъективными бихевиористами. Когда мы кончили смеяться, мы начали серьезно обсуждать, не является ли это точным обозначением нашей позиции. Во всяком случае, уже само название выражало шокирующую непоследовательность наших взглядов".⁶⁴ Автоматы, выполняющие сложнейшие логико-математические операции и тем самым, казалось бы, позволяющие воспроизводить в своих материальных элементах тончайшие нюансы духовной жизни, должны были открыть эру полного освобождения исследований поведения от "субъективной примеси". Но вопреки этому обращение к кибернетической схеме вынудило присоединить к термину "бихевиоризм", означавшему "психология без субъективного", определение "субъективный".

Такого поворота психологи, воспитывавшиеся на бихевиоризме, не ожидали. Но он неотвратимо должен был последовать, ведь бессубъектных образов не существует. Нельзя признать роль образа и игнорировать при этом субъекта, от которого он неотчуждаем. И здесь наметились два пути: либо возвращение к субъективной психологии с ее учением об образе как уникальной ни из чего не выводимой "единице" сознания, либо поиск возможностей новой причинной интерпретации образа.

⁶⁴ Там же, с. 233.

Благодаря механизму декодирования сигналы-коды трансформируются в сигналы-образы. И тогда источник информации воспроизводится по тем признакам, которые выступают в восприятии как целостность предмета, его константность и т.п.

Образ – это такая же реальность, как и направляемая им двигательная активность. Но, чтобы понять зависимость мышечной работы от образа, необходимо сам образ мыслить по типу информационного процесса, воспроизводящего (отражающего) особенности тех внешних объектов, к которым прилаживаются двигательные эффекты. Образная регуляция внешнего поведения отличается от кодовой. Информация, которую несет сигнал-код, качественно иная, чем информация, передаваемая сигналом-образом.⁶⁵

Поскольку характер двигательного акта зависит от управляющей им информации, действие, регулируемое образом, обладает рядом принципиальных преимуществ в отношении надежности, помехоустойчивости, адаптивности, гибкости сравнительно с действием, регулируемым кодом.

Окинув взором общую картину сдвигов, совершившихся в психологии под воздействием кибернетики, можно выделить ряд моментов, существенных для понимания нашей главной темы – вопроса о закономерностях развития психологической науки.

Прежде всего следует отметить, что кибернетика в качестве системы, охватившей более общий круг явлений, чем изучаемые психологией, позволила вычленить и сделать объектом специального анализа информационный и регуляторный аспекты поведения. Достижения кибернетики открыли новые перспективы изучения таких категорий, как образ и действие. Математическое и техническое моделирование множества явлений, охватываемых этими категориями, обогатило не только кибернетику, но и психологию.

Указанные аспекты поведения, представленные в таких понятиях, как сигнал, обратная связь, программирование, компарация, коррекция и др., присущи психической реальности как таковой. Поэтому психологическое исследование неизбежно наталкивалось на них уже в докибернетические времена. Кибернетические схемы оказались не извне привнесенными в психологию, а соответствующими ее внутреннему развитию.

Множество теоретико-экспериментальных направлений обогащало категорию психического образа. Но, как неоднократно подчеркивалось, эта категория не работает вне системы других. За явленным сознанию предметным образом скрыты предметное действие, мотив, к нему побуждающий, отношение субъекта к другим людям, а также личностная значимость и переживаемость информации, свернутой в образе – чувственном и умственном.

Глава 5. КАТЕГОРИЯ ДЕЙСТВИЯ

⁶⁵ См.: Веккер Л.М. Восприятие и основы его моделирования. Л., 1964.

Общее понятие о действии

Любая трактовка психической организации живых существ предполагает включенность в структуру этой организации особого компонента, обозначаемого термином "действие". Уже Аристотель, которому, как отмечалось, принадлежит первая целостная теория психики как особой формы жизнедеятельности, трактовал эту форму в качестве сенсомоторной, стало быть, соединяющей ощущение с ответным мышечным действием организма. (Правда, центральным органом, служащим связующим звеном между чувственным образом и локомоцией (перемещением в пространстве), считалось сердце.)

Аристотель же впервые выделил такой важнейший признак действия, как его предметность. Прежде чем объяснить действие, подчеркивал он, нужно сперва разобраться в его объекте. В случае чувственного восприятия этим объектом является внешнее материальное тело, образ которого "подобно печати на воске" фиксируется органом ощущений. Однако поворотным как для Аристотеля, так и для всех последующих философов стал переход от ощущения к мышлению.

Вопрос об объекте умственного действия не мог быть решен аналогично тому, как объяснялось действие с объектом, непосредственно данным органу чувств. В результате было принято исследовательское направление, на которое ориентировалась философско-психологическая мысль на протяжении многих веков. Как объект, так и действие с этим объектом переносились в качественно иную плоскость, чем присущая сенсомоторному уровню, на котором и "автор" действия, и само это действие, и объект, с которым оно сопряжено, являются доступными объективному изучению реалиями. На смену им пришло представление и об особой психической способности действовать, и об идеальном сверхчувственном предмете, постигаемом благодаря этой уникальной, несопоставимой с другими психическими функциями способности.

Если источником и носителем сенсомоторного действия являлся организм, то применительно к умственному действию принципом его реализации оказывался лишенный материального субстрата разум ("нус"), который содержит в себе идеи – образцы всякого творения. Это стало основанием множества доктрин об особой интеллектуальной активности или созерцании как высшей ступени постижения истинного бытия вещей (в свою очередь умопостигаемых).

С этим соотносилось (предложенное опять-таки Аристотелем) разделение теоретического и практического разума. "Теоретический ум не мыслит ничего относящегося к действию", – подчеркивал Аристотель. Если в психологическом плане разделение двух "разумов" (ориентированного на созерцание идей и на практическое овладение ситуациями) содержало рациональный момент, то в философском плане противопоставление теоретической и практической активности расщепляло категорию действия в самом ее зародыше, разнося ее по различным разрядам бытия.

В последующие века телесные изменения поведения организма, "запуск" его в деятельное состояние относили либо на счет исходящей от субъекта силы воли, либо

на счет аффектов как эмоциональных потрясений. Очевидно, что ни один, ни другой способ объяснения не могли обогатить научное знание о действии. Ссылка на силу воли как перводвигатель отрезала путь к детерминистскому объяснению действия, к анализу способов его построения, имеющих объективную динамику. Обращение к аффектам, эмоциям учитывало энергетический ресурс действия, но было бессильно пролить свет на открытую Аристотелем предметность действия.

Новая эпоха в трактовке проблемы связана с нововведениями Декарта. Открытие им рефлекторной природы поведения повлекло за собой каузальную трехзвенную модель действия как целесообразной реакции организма на внешний раздражитель, позволяющей организму сохранить целостность. При всем несовершенстве представлений о конкретных деталях этой рефлекторной модели она утвердила зависимость действия организма от объективных, самостоятельных по отношению к сознанию факторов – физических и физиологических, тем самым причинно обосновывая регуляцию поведения, которую все предшествующие концепции считали производной от произвольно действующих психических сил.

Декарт все эти силы как бы вынес за скобки своей схемы рефлекторной реакции (ставшей прообразом различного вида произвольных движений) и локализовал их в иной, бытующий по ту сторону "машины тела", непротяженной субстанции. При всей эклектичности этого воззрения оно на три столетия стало центром, вокруг которого шли дискуссии о детерминации и регуляции действия как посредствующего звена между субъектом и объектом, организмом и средой, личностью и системой ценностей, сознанием и предметным миром,

С возникновением психологии как самостоятельной науки сразу же определились два радикально различных направления в трактовке действия как одного из непреходящих компонентов психической жизнедеятельности человека. В теориях, считавших предметом психологии сознание субъекта, действие рассматривалось как проявление его имманентной активности, источник которой заложен в нем самом и первичен по отношению к другим, внутриспсихическим явлениям. Этот взгляд объединял позиции лидеров двух главных направлений того периода – Вундта и Brentano. Вместе с тем концепция Brentano вносила существенно важный для разработки категории действия момент, а именно идею его направленности на сосуществующий в психологическом акте предмет, без которого сам этот акт нереализуем. Здесь Brentano по существу возвращался к постулату, о котором уже шла речь и который впервые был утвержден Аристотелем, "что сам Brentano не отрицал", а именно – к идее предметности действия. Но само действие, как и его предмет, оказалось замкнутым в пределах внутреннего восприятия особого психического ряда. Наряду с этим направлением, которое отстаивало уникальность психического действия сравнительно с телесным, складывалось другое, определившее статус категории действия как телесно-психической. Это предполагало коренной пересмотр представлений и о теле, и о психике. Понятие о теле как физико-химической "машине" уступает место его пониманию как гибкого, способного к развитию и научению устройства. Понятие о психике не идентифицируется более с сознанием, данным во внутреннем опыте субъекта. Эти глубинные сдвиги позволили разработать категорию действия в качестве детерминанты процесса решения биологически значимых для организма задач, в который вовлечена мышечная система.

Первые решающие шаги в этом направлении принадлежали Гельмгольцу, Дарвину и Сеченову. Их вклад в формирование категории действия остается непреходящим. Вместе с тем в их трудах действие выступает как биологическая детерминанта, как фактор организации поведения у всех живых существ. В дальнейшем эта категория обогащается благодаря включению ее в социальный контекст.

Действие сознания и действие организма

До середины прошлого столетия на всех конкретно-психологических концепциях лежала печать дуализма. Наиболее отчетливо это видится при обращении к категории действия. Реальное целостное действие при попытках его теоретически осмыслить расщеплялось на два лишенных внутренней связи разряда. Телесному, материальному действию, доступному объективному наблюдению, противопоставлялось внутреннее, внетелесное действие, которое совершается в пределах сознания и потому доступ но только для его носителя – субъекта. С этим соединялось представление о произвольности и непроизвольности действий, причем непроизвольность трактовалась как навязываемая субъекту реактивность в противовес исходящей от субъекта активности, которая получает свое высшее и истинное выражение в произвольных действиях сознания, способных спонтанно регулировать не только внутрипсихические процессы (например, памяти или мышления), но и работу организма.

Эта дуалистическая схема, первые наброски которой принадлежали еще Августину, прочно утвердилась в Новое время благодаря триумфу механистического естествознания, обосновывавшего возможность строго причинного объяснения всего, что происходит с живым телом как своего рода машиной.

Уже говорилось выше о том воистину революционном сдвиге во всем строе представлений о жизнедеятельности организма, который произвело открытие Декартом рефлекторной природы поведения. Однако этот сдвиг, придавший мощный импульс всей последующей разработке знаний о поведении, имел своей оборотной стороной укрепление позиции тех, кто стремился локализовать источник психической активности во внепространственной и внетелесной, согласно их убеждению, сфере сознания.

Начало XIX века ознаменовалось крупными успехами нейрофизиологии, вторгшейся со своими экспериментальными методами в деятельность нервной системы. Однако это ничуть не поколебало августино-декартовский дуализм. Сама центральная нервная система была рассечена (притом не умозрительно, в плане теоретических представлений, а реально, с помощью анатомических инструментов) на два раздела – спинной мозг и головной мозг, работающие на различных началах.

Спинной мозг выступил в пиле автомата, который выстроен из рефлекторных дуг. Что же касается головного мозга, то за ним сохранялась роль безразличного "сидящего" произвольно действующих внутренних психических сил или процессов. Попытка "привязать" к большим полушариям (и даже коре больших полушарий) психические функции была предпринята френологией. Однако после блистатель-

ных экспериментов Флуранса она была скомпрометирована. Как и в случае с открытием рефлекторной дуги (закон Белла-Мажанди), успехами экспериментальной науки воспользовались противники естественнонаучного объяснения жизненных функций. Они требовали, как писал один из них, русский философ П.Д.Юркевич, "остаться на пути, намеченном Декартом". А это был путь дуализма телесного и духовного, произвольного и непроизвольного, реактивного и активного.

Вместе с тем в атмосфере, созданной стремительными успехами естественных наук, трудно было отстаивать версию об особой, ничем не обусловленной активности субъекта, который превратился в некое подобие спинозовской субстанции, являющейся причиной самой себя (*causa sui*). Ведь и Декарт, и Спиноза видели эту опасность сосредоточения всех психических действий "по ту сторону" реальных, земных связей человека с природой. Твердо отстаивая приоритет разума, они (а также Лейбниц) искали промежуточное звено между царством мысли и функционирующим по общим законам мироздания организмом. Вскоре Локк дал этому звену имя, с тех пор прославившее его в психологии. Он назвал его ассоциацией.

Ассоциация как посредующее звено

Обращение к ассоциации как закономерно возникающей связи психических элементов, которая, однажды сложившись, затем актуализируется "механически" (появление одного звена "цепочки" влечет за собой последующие), позволило придать изучению и объяснению того, что происходит в сознании, подобие независимости психических процессов от произвольно действующего субъекта. Тем не менее именно субъекту предоставлялось "последнее слово", и он оставался (в образе бестелесной сущности) источником и конечной причиной психической жизни.

Дальнейшее движение научно-психологической мысли шло в направлении все углубляющейся ориентации на то, чтобы придать функционированию ассоциативного механизма независимость от актов сознания. Под различными углами зрения нарождалось понятие о бессознательной психике, об особых психических действиях, подчиненных законам ассоциации, однако не представленных в сознании, как это утверждалось на протяжении многих десятилетий.

Бессознательные психические действия

В итоге к середине XIX века сформировались три типа объяснения действий:

- а) самостоятельные, регулируемые представленным в сознании внутренним образом и направляемые волевым усилием;
- б) возникшие в силу ассоциативного сцепления из компонентов, заданных предшествующим опытом;
- в) непроизвольные реакции организма, возникающие вне контроля сознания и обусловленные не прежним опытом, а устройством нервной системы (к ним в первую очередь относятся рефлексы, которые интерпретировались как физиологическая, а не психологическая категория).

Особый интерес с точки зрения последующей разработки категории действия представлял второй тип, который определил общий облик нарождавшейся психологии как отдельной науки, справедливо названной ассоциативной. Следует, однако, обратить внимание на то, что первоначально это направление исходило из неотделимости понятия об ассоциации от понятия об осознании. Наиболее отчетливо это прослеживается по работам английских авторов, отказавшихся от попыток одного из родоначальников ассоцианизма Д.Гартли представить ассоциацию в качестве психического механизма, имеющего телесную основу.

Конечно, отсутствие реальных опытных сведений о физиологическом механизме ассоциаций придавало схеме Гартли фантастический характер. Тем не менее, истинным прозрением, подтвержденным успехами психофизиологии через полтора столетия, являлась версия Гартли о том, что ассоциации возникают только при условии перехода сенсорного образа (посредством вибраций мозгового вещества) в сферу деятельности мышц. Кстати, тем самым великий английский врач открыл роль незаметных микродвижений мышечного аппарата в процессах восприятия, памяти и даже мышления (в последнем случае, как он полагал, в ассоциативную цепь включается слово, за которым скрыта вибрация органов речи).

Весь этот процесс Гартли считал совершающимся объективно, иначе говоря, независимо от сознания. Но другие представители ассоциативной психологии замкнули ассоциации в пределах сознания, превратив их во внутриспсихические действия. Это сочеталось с отказом от включения ассоциаций в структуру реального действия и с тем, что они становились чисто механическим процессом соединения впечатлений и их следов.

Таковой являлась весьма популярная в первой половине прошлого века психическая доктрина Джеймса Милля, который, используя механические и силовые образы физического мира, представил по аналогии с ними и мир психических явлений, который отождествлялся с тем, что непосредственно дано сознанию. Последнее рисовалось построенным из идей, образующих комплексы, которые движутся по собственным орбитам.

Законам ассоциации приписывалось чисто феноменальное значение. Они становились правилом появления в сознании сменяющих друг друга в определенной последовательности феноменов, причем правилом, которое не имело никакого основания, кроме свойств самого сознания.

Важная, имевшая серьезные последствия для будущего психологии попытка выйти за пределы сознания субъекта была предпринята Гербартом. За непознаваемой (именно так он считал) душой субъекта Гербарт оставлял только одну функцию – функцию порождения представлений. Однажды появившись, они начинают вытеснять друг друга из сознания, образуя так называемую апперцептивную массу.

Напомним, что понятие об апперцепции ввел Лейбниц. Он обратился к этому понятию, чтобы выделить в неисчислимой массе неосознаваемых представлений (перцепций) именно те, которые благодаря вниманию и памяти начинают осознаваться. С тех пор апперцепция стала синонимом особой внутренней активности, "вмешательство" которой определяет характер представленности субъекту тех или иных содержаний сознания.

Согласно Гербарту, "апперцептивная масса" – это запас представлений, сложившихся в индивидуальном опыте субъекта. Они силой удерживают в сознании данный психический элемент. Облекая свое учение о "статике и динамике представлений" в строгие математические формулы, Гербарт надеялся открыть закономерности, которым подчинена внутренняя психическая активность. Он исходил из того, что представления сами по себе являются силовыми величинами. Спонтанная активность тем самым устранялась из сознания в целом, но переходила в каждый из его элементов, образуя за порогом сознания насыщенную внутренней энергией область бессознательной психики. Гербарт полагал, будто благодаря этому удастся внедрить в психологию "нечто похожее на изыскания естественных наук". Измерению подлежат, по его проекту, такие признаки представлений, как их интенсивность, тормозящий эффект, который они оказывают друг на друга, стремление к самосохранению и т.д. Все это происходит на уровне неосознаваемой субъектом психической динамики.

Картина скрытой за порогом сознания бурной психической активности оказала влияние на последующую психологию, в частности, по мнению многих историков, на Фрейда. Во всяком случае, перенос объяснения внутренних процессов с уровня сознания как области, открытой самонаблюдению субъекта, на область неосознаваемой психики, где и разыгрываются основные действия этого субъекта, отражал новый поворот в их объяснении. Движущим началом этого поворота стали процессы, происходящие под эгидой не психологии, а физиологии, прежде всего физиологии органов чувств.

Мышца как орган познавательного действия

Ее первые успехи определялись установлением прямой зависимости сенсорных элементов сознания от нервного субстрата. Открытие "специфической энергии" нервной ткани Гельмгольц один из основоположников психофизиологии органов чувств – считал не уступающим по своей значимости для науки закону Ньютона. Но наряду с установлением факта производности ощущений от устройства органа, его структурных характеристик в исследованиях по физиологии рецепторов выявилась еще одна зависимость, долгое время остававшаяся в тени, но в дальнейшем радикально изменившая трактовку категории действия.

Это было связано с установкой на экспериментальный анализ не только начального звена в процессе взаимодействия организма с внешним раздражителем, но и завершающего звена этого процесса, а именно – мышечной реакции. Именно этот эффект побудил исследователей выйти за пределы актов и элементов сознания к реальному действию организма в окружающем его пространстве. Вопреки приобретенному большому популярности воззрению Канта об априорности (до-опытного и вне-опытного характера) восприятия пространства в психофизиологии возникают концепции, согласно которым это восприятие вырабатывается постепенно благодаря связи между продуктами деятельности органов чувств (сенсорными образами) и двигательными реакциями. Сетчатая оболочка глаза сама по себе неспособна ощущать пространственную смежность и отдельность точек в воспринимаемом образе. Эту способность она приобретает благодаря тому, что при освещении различных пунктов меняется характер движения глазных мышц ("двигательных

придатков" органа чувств). В результате каждый пункт сетчатки все прочнее ассоциируется с определенным мышечным сигналом. Двигательная "развертка" создает схему для построения посредством "воспитанной мышцей" сетчатки пространственного образа объекта.

Эти исследования, проведенные физиологами – учеными, ориентировавшимися на принципы и методы естественных наук, существенно влияли на преобразование общего стиля психологического мышления, обогащая его категориальный аппарат и прежде всего категорию действия. Преодолевалось, как мы видели, расщепление понятия о действии на внутреннее (исходящее от субъекта, трактуемого в качестве последней причинной инстанции) и внешнее (производное в силу своей пассивности от физических воздействий). Действие во все большей степени приобретало характер целостного сенсомоторного акта.

При этом следует особое внимание обратить на два момента.

Прежде всего, деятельность мышцы могла войти в этот целостный акт только потому, что она приобретала значение не чисто моторной, мышечной реакции, но и выполняющей познавательную работу. Это имело, естественно, свои предпосылки в самом устройстве органа, наделенного "сенсорами" – чувствительными нервами, которые способны различать сигналы, информирующие об эффекте действия. Из этого в свою очередь следовал важнейший для понимания динамики целостного сенсомоторного акта вывод о своеобразии его регуляции, которая впоследствии была обозначена термином "обратная связь". Именно в сфере изучения психомоторных действий зародилось это понятие, ставшее фундаментальным в теориях саморегуляции поведения. Механизм саморегуляции работал в режиме, предполагающем, что активность психофизиологической структуры действия реализуется объективно, безотносительно к импульсам, "излучаемым" актами сознания. Тем самым снималось расщепление различных типов действия на три разряда: а) чисто сознательные, б) бессознательные (непроизвольные) и в) чисто рефлекторные, не имеющие отношения к психике, поскольку исчерпывающе объяснимы "связью нервов".

Все эти преобразования в категории действия были обусловлены не умозрительными соображениями о соотношении между психикой и сознанием (как, например, в учении Гербарта), а исследовательской практикой, побуждающей при изучении такого объекта, как органы чувств и органы движений, коренным образом изменять прежние воззрения на характер отношений между этими органами, фиксировать их внутреннюю взаимозависимость и утверждать благодаря этому во внутреннем составе знания о психике принципиально новую интерпретацию такого ее неотъемлемого компонента, как психическое действие.

Как мы видели, важнейшей предпосылкой всех этих преобразований стало открытие того, что мышца, рассматривавшаяся прежде как энергетическая машина, выступала отныне и как особый орган чувств. Неосознаваемость или крайне слабая осознаваемость сенсорных сигналов, сообщаемых этим органом, побудила физиологов говорить о "неосознаваемых ощущениях", или, как образно выражался Сеченов, о "темном мышечном чувстве". Но какая бы терминология ни использовалась, признание мышцы органом не только локомоции, но и сенсорной активности раз-

рушало все прежние дуалистические модели действия, преобразуя их из физиологических, с одной стороны, и порождаемых имманентной, произвольной активностью сознания с другой, в психологические структуры, имеющие объективный (независимый от интенций субъекта) и в то же время не сводимый к физиологическим реакциям статус в общей системе знаний о регуляции поведения.

От сенсомоторного действия к интеллектуальному

В то же время в исследованиях функций органов чувств зародилась идея трактовки сенсомоторного действия как компонента более сложной структуры. Построение ее достигается посредством серии операций, "алгоритмы" которых отнюдь не подобны простым сочетаниям элементов, изображаемым учением об ассоциациях. Эти операции, как уже отмечалось, Гельмгольц назвал "бессознательными умозаключениями".

Среди многих опытов Гельмгольца в этом направлении можно указать на использование им различного рода призм, искажающих визуальный образ в естественных условиях видения. Несмотря на то, что преломление лучей дает искаженное восприятие объекта, испытуемые очень скоро научились видеть сквозь призму правильно. Это достигалось благодаря опыту, состоявшему в многократной проверке действительного положения объекта, его формы, величины и т.д. посредством движения глаз, рук, всего тела. Обобщая относящиеся к этой области факты, Гельмгольц и выдвинул свою гипотезу о "бессознательных умозаклучениях", которые производит не абстрактный ум, а глазодвигательный аппарат. Так, умозаклучение о величине предмета строится путем варьирования действий, устанавливающих связь между величиной изображения на сетчатке и степенью напряжения мышц, производящих приспособление глаза к расстояниям. На этом же базируется константность (постоянство) восприятия, достигаемая благодаря все той же импликации как форме бессознательного вывода ("если... то..."). Если величина образа на сетчатке такая-то, а напряжение мышц подает данный сигнал (о характере их сокращения), то, несмотря на изменчивость величины образа, который возникает по законам оптики, мы воспринимаем константность предмета.

Гипотеза Гельмгольца о бессознательных умозаклучениях разрушала казавшуюся прежде непреодолимой пропасть между действием телесным (мышечным движением) и действием умственным, которое веками было принято относить за счет активности души или сознания. Гипотезу Гельмгольца воспринял и прочно утвердил в русской психологии Сеченов. Он развил ее в свою концепцию "предметного мышления", согласно которой умственные операции сравнения, анализа, синтеза, умозаклучения имеют в качестве своей телесной инфраструктуры реальные действия оперирующего с внешними объектами организма.

Интерииоризация действий

Сеченову же принадлежала и другая идея – искать пути объяснения внутренних психических действий в сфере действий реальных, производимых в процессе адаптации живой системы к пространственно-временным координатам внешней среды.

В своей работе "Рефлексы головного мозга" Сеченов определил мысль как заторможенный рефлекс, как "две трети рефлекса". Такое определение могло дать повод для предположения, что царство мысли начинается там, где кончается непосредственное реальное взаимодействие человека с его предметным, внешним окружением. Отсюда следовало, что мысль в отличие от чувственного впечатления не имеет отношения к двигательному компоненту, а тем самым и к контактам организма с независимым от него объектом.

Но Сеченов совершенно иначе решал эту проблему. Он отстаивал формулу о целостном, нераздельном психическом акте, сохраняющем свою трехчленную целостность при незримости двигательного завершения. Так обстоит дело, например, при "зрительном мышлении" (основанном на такой фундаментальной операции, как сравнение, реализуемой посредством двигательной механики, когда глаза "перебегают" с одного предмета на другой). В этом случае, как писал Сеченов, "умственные образы предметов как бы накладываются друг на друга". Если воспринимается один предмет, акт сравнения тоже непременно совершается – наличный предмет сравнивается с уже имеющейся в сознании меркой.

В какой же форме представлена эта мерка? Репродуцируется весь прежний целостный процесс восприятия, стало быть, и двигательное звено этого процесса. Иначе говоря, прежние внешние действия преобразуются во внутренние. Реальное сравнение, произведенное посредством этих внешних действий, становится "умственной меркой" для всех последующих операций, которые означают обеспечиваемое мышечной работой соизмерение образов. Внутренние умственные операции (сравнение, анализ, синтез) – это операции, бывшие некогда внешними.

Таков механизм, получивший имя интериоризации (перехода реальных интеллектуальных актов из внешних, включающих мышечное звено, во внутренние).

Понятие об интериоризации стало опорным для объяснения генезиса внутреннего плана психической активности субъекта. Этот план, который в силу иллюзий саморефлексии, изначально данной и бестелесной, первоначально выступил в образе проекции внешних действий и отношений, которые интерпретировали различно. Отсюда и различие ответов на вопрос о механизме и "составе" процесса и эффекта интериоризации.

В частности, у Выготского представление о преобразовании "внешнего во внутреннее" (то есть об интериоризации) приобрело новый смысл, отличный от всех предшествовавших попыток понять, на каких началах из внешнего поведения возникает и выстраивается внутренний мир сознания. Отличие состояло в том, что интериоризация мыслилась не только как переход телесного действия из внешней среды его совершения во внутреннюю, нервно-психическую "среду" (Сеченов) и не только как проекция объективных межлюдских отношений в субъективный внутриличностный план (Жане, Болдуин, Мид и др.). И то и другое предполагалось концепцией Выготского, которая, однако, этим не ограничивалась. Телесное по своей фактуре и социальное по направленности действие приобретает в этой концепции новый атрибут. Через знаки оно соотносится со всей человеческой историей, точнее, с миром, каким он открывается людям в ходе этой истории. Иначе говоря, принцип интериоризации у Выготского ознаменовал идею зарождения индивидуального сознания со всеми его уникальными признаками не из задач адаптации организма к

среде и не из процесса общения как такового, но из усвоения человеком (посредством адаптивных действия и общения) системы общественных продуктов, орудий и ценностей.

Отсюда мысль Выготского о том, что посредством знаков как "общественных органов" из низших (натуральных) психических функций развиваются высшие. Восприятие, внимание, память, мышление, характерные для психической регуляции поведения животных, радикально перестраиваются. Знак, ориентируя человека во внешней среде, одновременно оказывается для него инструментом ориентации в самом себе. Психические процессы из произвольных становятся произвольными. Индивид научается произвольно запоминать и быть внимательным, сознательно регулировать свои (ставшие теперь уже внутренними) умственные действия. Это, конечно, не остается без последствий и для внешнего поведения, приобретшего новые могучие внутренние регуляторы. Трактовка психических функций как актов вводила в научный оборот категорию действия. На сей раз – умственного, хотя и отличного от внешнего, от него производного. Версия об опосредованности этого действия знаком как исполненным объективного смысла орудием культуры утверждала (по выражению Выготского) "вершинное" понимание сознания в противовес "поверхностному" воззрению на него как одномерную плоскость и "глубинной" психологии фрейдизма.

Работы Выготского стали отправным пунктом исследований А.Н. Леонтьева о развитии сложных форм памяти, А.Р. Лурия и А.В. Запорожца о построении произвольных движений и речевых актов.

В дальнейшем, отправляясь от идей Выготского, А.Н. Леонтьев разрабатывает учение об особенностях формирования умственных действий. На передний план выдвигается процесс интериоризации. "Интериоризация действий, то есть постепенное преобразование внешних действий в действия внутренние, умственные, есть процесс, который необходимо совершается в онтогенетическом развитии человека. Его необходимость определяется тем, что центральным содержанием развития ребенка является присвоение им достижений исторического развития человечества".⁶⁶ Гипотеза о поэтапном формировании умственных действий путем интериоризации действий внешних легла в основу экспериментальных работ П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина и других отечественных исследователей в области педагогической психологии. Были выявлены возможности интенсификации умственной деятельности и наметились пути реализации идеи Выготского о том, что обучение должно нести за собой развитие.

Существенный вклад в теоретический анализ проблемы сознания и деятельности внес С.Л.Рубинштейн. Опираясь на известную формулу "Капитала" Маркса о том, что, изменяя внешнюю природу, человек в то же время изменяет свою собственную природу⁶⁷, С.Л.Рубинштейн развивал общее положение о единстве сознания и деятельности, о формировании всех психических процессов и свойств человека в его деятельности.

⁶⁶ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965, с. 379.

⁶⁷ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 188.

Установка

В сообществе отечественных психологов, обогативших разработку психологической категории действия, выделялась также школа Д.Н. Узнадзе. Ее программу выражало понятие об установке. Это понятие уже давно вошло в психологический язык, употреблялось во многих значениях, общность которых, однако, оставалась неясной. Тем не менее этот термин вновь и вновь появлялся в психологической литературе в самых различных контекстах. Обращает на себя внимание, что понятие об установке возникло в ходе экспериментальной работы. Впрочем, как мы сейчас увидим, введение нового термина говорило не только о том, что обнаружен феномен, для обозначения которого в наличном научном лексиконе нет соответствующих слов. Хотя речь шла об описании и характеристике конкретного явления, дело не ограничивалось присоединением знания о нем к общей сумме эмпирических сведений. Последствия открытия феномена установки были значительно более важными. Затрагивалась вся система теоретических психологических представлений. Не только вводился в оборот новый факт, но, чтобы осмыслить его, требовалось отказаться от некоторых принципиальных воззрений на общий строй психической деятельности.

К представлению об установке привели первые же крупные достижения экспериментальной психологии, связанные с изучением времени реакции и порогов чувствительности.

В исследованиях времени реакции измерялась, как известно, скорость психических процессов. Предполагалось, что простая реакция (возможно, более быстрый двигательный ответ на единичный сигнал) есть для каждого индивида величина постоянная. Однако еще в конце прошлого века немецкий психолог Л. Ланге открыл, что эта величина зависит от направленности испытуемого либо на восприятие стимула, либо на предстоящее движение (во втором случае время реакции короче). Это заставляло пересмотреть исходную схему, включив в нее в качестве дополнительного фактора предшествующее состояние индивида, его готовность выполнить экспериментальное задание. В те же годы идея о влиянии на результат психофизических опытов (то есть опытов по определению порогов чувствительности) готовности к реакции была высказана Г.Э. Мюллером. Обнаружилось, что при многократном сравнении двух неравных по весу предметов у испытуемых возникает иллюзия, состоящая в том, что тела одинакового веса начинают восприниматься как неравные. Мюллер охарактеризовал этот феномен как эффект "моторной установки".

Новые шаги экспериментальной психологии ознаменовали переход от элементарных сенсомоторных процессов к мышлению и памяти. Изучая память по методике "бессмысленных слов" Эббингауза, один исследователь столкнулся с испытуемым, который, десятки раз читая список, состоявший всего лишь из 8 слогов, никак не мог его выучить. Потеряв надежду на успешный результат, экспериментатор остановил испытуемого и спросил его, может ли он, в конце концов, воспроизвести этот ряд слогов наизусть. Тогда-то и оказалось, что испытуемый, плохо знавший немецкий язык, просто не понял инструкцию, то есть не знал, что от него требовалось выучить предъявленный набор слов. Но как только она ему стала ясна, заучить

список не составило труда. Посмотрим на этот факт глазами психолога-экспериментатора той поры. Предполагалось, что заучивание бессмысленных слогов есть процесс установления связей (ассоциаций) между элементами сознания. Длина списка, количество повторений, время, прошедшее после заучивания, – таковы, казалось, переменные, которыми исчерпывающе определяется итоговый результат. Опыт же (хотя и случайный)⁶⁸ свидетельствовал, что психическая механика зависит от понимания. Чего? Конечно же, не от понимания заучиваемого материала, который умышленно подбирался так, чтобы не вызывать никаких смысловых ассоциаций. Требовалось понимание инструкции, то есть того, что нужно делать с этими словами. Понимание, о котором идет речь, предшествует действию, "устанавливает" индивида на определенный ряд операций.

В эти же годы к пониманию важной роли установки пришли психологи, изучавшие процессы мышления. Это были представители Вюрцбургской школы. Они воспользовались для объяснения своих экспериментальных фактов введенным Мюллером термином "установка", но с целью обозначить явления другого порядка. Возьмем самый простой пример. Если предъявить человеку комбинацию цифр, то реакция на нее определяется инструкцией – что нужно сделать: сложить или вычесть, умножить или разделить. Во множестве опытов обнаруживалась важная роль установки. Представление о ней не только вступало в конфликт со многими традиционными постулатами, но и было одним из первых в ряду "снарядов", разрушивших их до основания. Оказывалось, что связь между стимулом и реакцией (сенсорным сигналом и мышечным движением, различными бессмысленными словами, вопросом и ответом на него) зависит от состояния индивида в период, предшествующий соединению стимула с реакцией, от готовности испытуемого применить тот или иной способ действия. Следовательно, элементы сознания (и поведения) не соединяются сами собой, в силу внутренне присущих им свойств. На характер их связи влияет фактор, который нельзя извлечь из них самих. Но именно этот фактор придает психическому процессу упорядоченность и целенаправленность. Понятие об установке, быть может, как никакое другое, поставило под вопрос представление о сознании как "внутренней сцене", на которой теснятся психические "атомы", созерцаемые субъектом. Опыт показал, что действительное своеобразие умственного процесса определяется тем, что происходит в подготовительный период реакции, то есть до того, как осознается раздражитель, в ответ на который она производится.

Оставаясь неосознанной при совершении действия, установка тем не менее незримо его регулирует. Здесь первые исследователи установки натолкнулись на непреодолимые трудности. Ведь они считали, что единственный предмет психологии – сознание, ее единственный законный метод – внутреннее наблюдение (интроспекция). Все, что находится за пределами сознания, относилось к физиологии. Но установка явно выступала как истинно психологический фактор. Пришлось прибегать к "обходным маневрам". Мюллер, например, полагал, что субстратом установки является мышечное чувство. У испытуемого, который многократно взвешивает два не одинаковых по тяжести предмета, мышечная система настраивается соответствующим образом и поэтому, когда в руках оказываются равнотяжелые предметы, возникает иллюзия. Но как быть с установкой в области памяти, мышления, воли? Где локализовать ее в этих случаях? Не решаясь отступить от веры

⁶⁸ Как известно, подобные "случайные" опыты могут приводить к важным теоретическим результатам.

в то, что сознание есть единственный носитель психических явлений, стали говорить об "установках сознания". Выявленная экспериментально-психологическим исследованием роль установки в организации и регуляции психологии актов не смогла быть, таким образом, адекватно осмыслена из-за шор интроспекционизма. Чтобы преодолеть барьер субъективной психологии, требовалась новая методологическая перспектива. Нужно было взять за исходное не замкнутое в себе сознание с его элементами и отдельными функциями, а человека как целостное существо, активно взаимодействующее с реальностью.

При наличии потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте, согласно концепции Узнадзе, возникает специфическое состояние, которое можно охарактеризовать как склонность, как направленность, как готовность его к совершению акта, могущего удовлетворить эту потребность, как установку его к совершенно определенной деятельности⁶⁹.

Разработка научных методов, адекватных природе установки, обусловила достижения школы Узнадзе, высокую экспериментальную культуру ее работ.

Какой же момент психической реальности отражало разработанное Узнадзе понятие об установке? Мотивационный аспект? Нет. Установка возникает на основе потребности (например, на основе потребности решить задачу, скажем, определить, каково соотношение двух шаров: меньше – больше), но сама ею не является. Образный аспект? Нет. При восприятии⁷⁰ объектов установка лишь обнаруживается.

Принятая нами трактовка категориальной структуры психологического знания побуждает отнести понятие об установке к категории действия⁷¹. Субстратом, автором действия, согласно Узнадзе, является целостный субъект. Действие – это не реакция организма, а акция личности. Соответственно, категория действия выступила в качестве изначально связанной с категорией личности. В понятии об установке представлены такие важнейшие признаки человеческого действия, как направленность, упорядоченность (внутренняя связанность, сопротивляемость помехам, структурная устойчивость), организация во времени⁷². Обращаясь к этим признакам, нетрудно понять, почему установка в интерпретации Узнадзе является бессознательной (или, лучше сказать, неосознанной) и иной быть не может. Ведь актуально осознаваемыми у человека являются только объекты (данные в образах – чувственных и умственных), а не тот способ действовать по отношению к ним, к которому индивид готов уже до осознания этих объектов и благодаря которому становится возможным само сознание.

⁶⁹ См.: Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, с. 170.

⁷⁰ Это восприятие может быть как адекватным своему предмету, так и иллюзорным, когда, например, два равных шара после установочных опытов воспринимаются как неравные.

⁷¹ Подчеркнем еще раз, что действие не должно быть отождествлено с реакцией, мышечным движением, операцией и другими изменениями поведения, представляющими лишь различные фрагменты живого действия, производимого индивидом.

⁷² Предполагаемая понятием об установке идея организации действия во времени соединяла в характеристике поведения в качестве нераздельных два момента: зависимость от предшествующего состояния субъекта и прогностическую ориентацию.

Глава 6. КАТЕГОРИЯ МОТИВА

Прежде чем войти в разряд психологических категорий и закрепиться в языке науки, представление о мотиве неизменно и повсеместно появлялось (под различными именами) во всех случаях, когда возникал вопрос о причинах человеческого поведения.

Мотив (от лат. moveo – двигаю) – это то, что движет живым существом, ради чего оно тратит свою жизненную энергию.

Мотив не может быть адекватно объяснен сам по себе, вне неразлучных связей и изначальной включенности в систему тех детерминант – образа, отношения, действия, которые конституируют общий строй психической жизни. Его "служба" в этой жизни представлена тем, чтобы придать поведению импульс и направленность к цели, поддерживая энергетическое подкрепление поведения на всем пути стремления к ней.

Будучи непременным "запалом" любых действий и их "горючим материалом", мотив издавна выступал на уровне житейской мудрости в различных представлениях о чувствах (например, удовольствия или неудовольствия), побуждениях, влечениях, стремлениях, желаниях, страстях, силе воли и т.д. Переходя от житейской мудрости к научным объяснениям, следует начать со взглядов на мотив в эпохи, когда изучение психологических вопросов считалось занятием для философов.

Локализация мотива

В период античности была проведена различительная линия не только между чувственным познанием и мышлением, но также между этими разрядами явлений и побуждениями человека. Это отразилось на представлении о различных "частях" (у Аристотеля функциях) души. Как отмечалось, они изображались разделенными даже анатомически. Пифагор, Демокрит, Платон помещали разум в голове, мужество – в груди, чувственное вождение – в печени. У Платона это разграничение приобрело этический характер. Он считал разумную душу (она осела в голове, как наиболее близкая к небесам, к нетленному царству идей) высшим достоянием человека. Низкая – "алчущая" – часть души уводит к низменным целям, препятствует благородным мотивам. На разум возлагалась задача "обуздания" этих рвущих человека в разные стороны побуждений. В образной форме Платон описал проблему конфликта мотивов в известном мифе о колеснице, в которую впряжены два коня противоположных цветов – черный и белый; каждый тянет в свою сторону.

Историк Р. Уотсон видит иронию истории в том, что главный вклад в психологию Платона-философа, который превыше всего ставил разум, свелся к акцентированию иррационального в человеке.

Аристотель среди функций души выделил стремление "к чему-либо" или "от чего-либо". За этим стояло утраченное последующей психологией и возродившееся в новейший период положение о том, что мотив всегда имеет предметную направленность, поскольку предмет, к которому стремится организм, может стать целью, лишь будучи представлен в форме образа.

Стремление неотделимо от ощущения. Оно сигнализирует о том, достигнута ли цель, вызывая у субъекта чувства удовольствия или неудовольствия. Тем самым объективно присущее организму стремление (имеющее смысл мотива, который побуждает организм действовать) соотносилось с субъективно испытываемыми чувствами. Впоследствии вопрос о связи мотивационных факторов с эмоциональными станет важнейшим для многих теорий.

У Аристотеля сама по себе эмоция (удовольствие или неудовольствие) – не мотив поведения, а сигнал достижения цели стремления. Наряду со стремлением важным мотивационным началом Аристотель считал аффекты.

Если стремления относились к организму, то понятие об аффектах соединяло психологию с этикой, с отношением человека к другим людям. Считалось, что в случаях, когда аффективная реакция является либо избыточной, либо недостаточной, человек поступает дурно. "Всякий в состоянии гневаться, и это легко, также и выдавать деньги и тратить их, но не всякий умеет и нелегко делать это по отношению к тому, кому следует и насколько и ради чего и как следует". Крайности безнравственны. Но между ними имеется "золотая середина". Оптимальным состоянием, если речь идет о деньгах, является щедрость, негативными же полюсами – либо расточительство, либо скупость.

Платон возлагал обуздание побуждений на силу разума. Согласно же Аристотелю, человек способен выработать правильные аффекты благодаря своему личному опыту, систематическому обучению.

Воспитание чувств совершается в поступках. "Справедливым человек становится, творя дела справедливые, а умеренным – поступая с умеренностью, а без подобной деятельности пусть никому и в голову не приходит стать хорошим человеком".

Тем самым мотив наделялся нравственным знаком, определяющим смысл реального действия – поступка. Сам же поступок приобрел роль творческого начала характера (личности).

Аффект и разум

Отношение между разумом и аффектом заняло значительное место в психологических воззрениях философских школ в эллинистический период. Школа стоиков, в частности, отвергла разделение Платоном души на рациональную и иррациональную. Все психические процессы считались разумными. Страсти, желания, аффекты относились на счет неправильной деятельности мышления, в результате которой они становятся болезненными состояниями души. Избавить от них способен разум, в котором виделось главное терапевтическое средство (своего рода "логотерапия").

Наконец, в эпоху крушения античной цивилизации в учении Августина в качестве основной мотивирующей силы действий души выступает, взамен мышления и аффектов (эмоций), особая, чуждая всему материальному, сила воли, которая распоряжается как своими орудиями мозгом, органами чувств и движений. Отпечатки вещей в этих органах сами по себе никакого знания не содержат. Воля, выражен-

ная во внимании, превращает эти отпечатки в чувственные образы. Все другие психические процессы возникают и изменяются благодаря чисто духовной волевой активности. Она же поворачивает душу к самой себе, становясь источником осознания личностью своего внутреннего опыта.

Проблема воли

К Августину восходит волюнтаризм, воспринятый в последующие века рядом учений о мотивационном приоритете воли в психической организации человека. Со времен Августина вопрос о соотношении произвольного и непроизвольного в реакциях и поступках индивида служил темой многих философских дискуссий и школ. Понятие о произвольности ассоциировалось с теми процессами в организме, которые регулируются осознаваемой целью и духовными актами субъекта как последней причинной инстанции,

Психологические соображения соотносились с глобальной философско-религиозной проблемой свободы воли. Первый крутой поворот к новым объяснениям произошел с открытием Декартом рефлекторной природы поведения в его учении о страстях. Как отмечалось, применительно к человеку это учение прокламировало бескомпромиссный дуализм. Материальное тело предстало в образе автомата, запускаемого в ход внешними импульсами, промежуточным эффектом действия которых становятся восприятия и элементарные чувства, а конечным эффектом – "раздувание" мышц. Но наряду с этим организм приводится в действие "излучениями" другой, бестелесной субстанции, откуда исходят акты сознания и воли, а также высшие интеллектуальные чувства.

Декартов дуализм царил над умами в течение трех столетий. Его отражением стала в конце концов версия о необходимости "двух психологий" – объяснительной, которая усматривает причины изучаемых явлений в телесной механике, и описательной (или понимающей), интуитивно проникающей в душевную жизнь с целью постичь ее уникальность, ее озаренность богатством культурных ценностей.

Однако уже в Декартовы времена была предпринята величественная попытка объяснить с геометрической строгостью, руководствуясь не интуицией, алогическим анализом, мотивы поведения человека как телесно-духовного существа. Эта попытка принадлежала оппоненту Декарта Спинозе. Он отверг убеждение в том, что воля это самостоятельная причинная сущность. "Воля и разум, – утверждал Спиноза, – одно и то же".

Иллюзия свободы воли – результат незнания истинных причин. Этими причинами являются аффекты. Под ними имелись в виду не Декартовы "страсти" (то есть страдательные состояния) души, которые, возникая в организме, могут быть только результатом того, что он испытывает; служить же мотивом его действий, влиять на них они бессильны. Аффекты, согласно Спинозе, – это особые телесно-психические состояния. Их великое множество. Аффекты ненависти, гнева, зависти и т.д., рассматриваемые сами по себе, вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи.

Спиноза, обращаясь к аффектам, усматривал задачу философии в том, чтобы, неотступно следуя принципу причинности, объяснить предназначение аффектов

как движущих сил человеческого бытия, Спиноза предложил строго объективное изучение аффектов взамен сбора сведений о том, как они переживаются испытывающим их субъектом. Рассматривая их в объективной системе отношений, он сводил богатство аффектов к трем основным, имя которым: влечение, печаль и радость. Он наделил аффекты действительным влиянием на организм (тело), считая, что печаль уменьшает способность тела к действию, тогда как радость увеличивает ее.

Важнейшие нововведения Спинозы: подход к аффектам с позиций, отвергающих дуализм телесного и духовного, придание им реальной причинной роли в жизнедеятельности – побудили в XX веке Л.С.Выготского задуматься над перспективой создания теории, способной применить идеи Спинозы к современной психоневрологии. Последняя нуждалась в преобразовании, поскольку все еще продвигалась в русле дуализма Декарта. Свой замысел Выготский не реализовал. Но поучительно его обращение к Спинозе, который обнажил – на уровне философской рефлексии – уязвимость дуализма в объяснении мотивов, правящих человеком.

Природное и нравственное

Столкновение естественных инстинктов с нравственным зарядом "рефлексов головного мозга" ставило вслед за проблемой жизненной истории мотивов проблему их конфликта. Обе проблемы решались с надеждой на определяющую роль воспитания. Ведь категория рефлекса после Сеченова из анатомической схемы становилась не только нейродинамической, но способной создавать новые формы поведения благодаря двум обстоятельствам: как пластичности нейросубстрата, так и преобразованию мотивации.

Новое понятие о рефлексе стало предпосылкой рождения и развития русской рефлексологии. В ее объяснительные установки наряду с признаком пластичности (чуждым модели "рефлекторной дуги") вошло также представление о мотивационном обеспечении нового, прижизненного рефлекса.

"Дуга" имела свой биологический смысл. Она выполняла защитную функцию, обороняя организм от угрожающих ему агентов. Новый рефлекс, схема которого была "прописана" Сеченовым, позволял организму выйти на простор жизненных встреч со средой, применительно к которой у него не было заготовленных формул поведения. Чтобы действовать в этой среде, требовалась мотивационная энергия.

В школах Павлова и Бехтерева эта энергия, как и в случае рефлекторной дуги, предполагалась скрытой в "мудрости тела", то есть считалась призванной решать биологическую задачу на выживание. У Сеченова воспитание рефлекса подчинялось социально-нравственной задаче формирования страстной и волевой личности, которая "не может не делать добро". Таков был гражданский мотив его концепции мотивации, вдохновленный надеждой на появление на русской земле людей, свободных от рабства и барства.

Высокая гражданственность была присуща как Павлову, так и Бехтереву. Но в своих лабораториях они не могли экспериментировать иначе, как в русле программ, для которых сложились предпосылки в логике развития науки. Поэтому у обоих ученых схема выработки новых рефлексов строилась на идее биологической

значимости мотива, обозначаемого термином "подкрепление" (термин Павлова). Мотив соответствовал потребности организма в самосохранении, в удовлетворении его биологических потребностей. Если некогда безразличный внешний раздражитель побуждал действовать, то не иначе как сигнал к будущему подкреплению. "Условная" мотивация черпала энергию в "безусловной", заложенной в организме самой его природой.

Учения Бернара (о витальной активности организма, направленной на удержание стабильности его внутренней среды) и Дарвина (об активности, направленной на адаптацию к среде внешней) служили предпосылкой новых воззрений на объективный (независимый от сознательной цели) характер мотивов поведения.

От Бернара протянулись идейные нити ко всем теориям (начиная от Павлова и до различных ветвей бихевиористского направления), которые объясняют мотивацию потребностями живого тела в том, чтобы противодействовать всему, что угрожает его целостности, нормальному обмену веществ и т.д.

От Дарвина было воспринято доказательство того, что целесообразность поведения объяснима без обращения к цели как феномену сознания субъекта. Отсюда был прямой шаг к признанию мотива величиной, действующей безотносительно к знанию личности о том, что же ею движет, к чему она стремится, ради чего поступает именно так, а не иначе.

Здесь заложены корни психоанализа Фрейда. Дарвиновские выводы об инстинкте и об объективном характере побуждений, заложенных в глубинах жизни, Фрейд перенес с биологического языка на психологический, развил свою теорию мотивации. Он перенес ее в новую плоскость, соотнес с проблемами строения и развития психики человека. И тогда складывалась совершенно иная ситуация, чем в направлениях, где мотивирующее начало поведения виделось под углом зрения его биологической природы.

Применительно к человеку невозможно было устранить вопрос о роли сознания. Всесилие этой роли, увековеченное всеми прежними теориями и подтверждаемое общечеловеческим опытом, ставилось под сомнение. Тем не менее, обойти ее было невозможно. И первый же фрейдовский вывод запечатлела версия о конфликте между голосом сознания и мощью скрытых от него глубинных бессознательных влечений.

Мотив в структуре личности

Воспитанный в молодости на идеях строжайшего детерминизма, Фрейд настаивал на том, что любые психические феномены, даже кажущиеся нелепыми или иррациональными, случайными или бессмысленными, жестко обусловлены игрой подспудных психических сил (сексуальных либо агрессивных влечений). Спасаясь от них, человеческое существо ставит этим слепым психическим стихиям "запруды" в виде различных защитных механизмов, важнейший из них – механизм вытеснения. Вытесненное влечение, сталкиваясь с цензурой сознания, ищет различные обходные пути и разряжается в формах, внешне нейтральных, порой даже бессмысленных, но имеющих свой символический план. Их разгадкой и занялся психоанализ,

толкую сновидения, изучая различные оговорки и ошибки памяти, необычные ассоциации (связи) мыслей.

Почему же сознание, в котором после Дарвина и Спенсера стали признавать орудие адаптации к среде, средство возможно более эффективного приспособления к угрожающим организму внешним силам, выступило как инструмент нейтрализации внутренних сил? Потому что Фрейд вводил в свою конструкцию противостоящий всему инстинктивно-биологическому в человеке социальный фактор. Социальные нормы, запреты, санкции также обладают мотивационной силой. Они вынуждают личность неосознанно хитрить, обманывать себя и других по поводу своих истинных побуждений.

Анализ сложной мотивационной структуры личности привел Фрейда к трехкомпонентной модели ее устройства как динамичного и изначально конфликтного. Конфликтность выступила в столкновении бессознательных влечений с силой "Я", вооруженного своими орудиями самозащиты, и давлением сверх-"Я" (инстанции, представляющий социум как враждебное индивиду начало).

Наряду с Фрейдом существенно обогатил категорию мотива Курт Левин. Он был близок гештальттеории с ее увлеченностью революционными событиями в физике, где утвердилось понятие о поле. Но гештальтисты сосредоточили свои усилия на разработке категории образа, тогда как Левин обратился к динамике мотивов в индивидуальном, а затем и коллективном поведении.

Мотив и поле поведения

Понятие о поле Левин, переводя его на психологический язык, обозначил термином "жизненное пространство". Оно мыслилось как целостность, где нераздельны индивид и значимое для него, притягивающее и отталкивающее его окружение.

Как и Фрейд, Левин внес важный вклад в разрушение традиционных взглядов на мотив как побуждение, конечным источником которого служит субъект, преследующий цель, данную в осознаваемом им внутреннем образе. Как и Фрейд, Левин стал на путь разработки принципа психической причинности. Данная объективно, подобно биологической и социальной причинности, она отлична от них. В то же время именно в силу своей объективности она выступала в такой трактовке, которая позволяла преодолеть версию о "замкнутом психическом ряде", где одно явление сознания субъекта (волевой импульс, образ цели, чувственный порыв, акт апперцепции) производит другое.

Продвигаться в русле объективного, адекватного нормам любой науки объяснения психики как особой реальности, несводимой к другим формам бытия, – таково было веление времени. Одним из откликов на его запросы стала левиновская концепция мотивации. Согласно этой концепции, движущим фактором поведения (независимо оттого, осознается он или нет) служит мотивационная напряженность жизненного пространства, имеющего свои законы преобразования, отличные от законов, по которым возникают ассоциации, связи стимулов с реакциями и т.д.

Поиски объективной динамики мотивов как неперенной детерминанты поведения сближали Левина с Фрейдом. Но во многом они расходились. Фрейд был сосредоточен на истории личности. Мотивацию он сводил к нескольким глобальным влечениям, объекты которых фиксируются в детстве. Исходя из этого предполагалось, что наличная мотивация человека детерминирована его давними "комплексами", "фиксациями", "замещениями". Отсюда и направленность психоанализа – "раскапывать" далекое прошлое личности.

В отличие от Фрейда Левин учил, что объяснить поведение можно только из тех отношений, которые складываются у личности с ее непосредственной, конкретной средой в данный микроинтервал времени. Прошлый опыт может влиять на субъекта только в том случае, если сохраняется актуальность этого опыта "здесь и теперь". Отсюда и аисторизм левиновской модели. Этой модели он надеялся придать математическую точность, внедрив в психологию идеи топологии (раздела геометрии, изучающего преобразования различных областей пространства) и векторный анализ.

Вместо слов и чисел Левин применил язык графических символов. Именно ими изображались "жизненное пространство" и его районы, цели, барьеры на пути к ним. Направление психологической силы (к какому-либо району или прочь от него) обозначалось стрелкой, а величина этой силы – длиной вектора. Психологические силы возникают внутри "поля" в динамике целого.

Левин полагал, что нет принципиальных различий между органической потребностью, "например потребностью в пище", и мотивацией, присущей деятельности человека. Имеется общая мотивационная динамика. Поэтому такие известные проявления органической потребности, как голод, насыщение, пресыщение, Левин использовал для экспериментального изучения мотивов, движущих испытуемым при исполнении заданий, не имеющих биологического плана (при чтении стихов, рисовании). И в этих случаях наблюдалось насыщение и пресыщение, которые Левин отнес за счет падения уровня напряжения в мотивационной системе данного действия. В то же время он выделил особый класс мотивов, которые, будучи сходны по своей динамике с биологическими, решительно отличаются от них тем, что возникают только у человека в виде намерений. Он назвал их квазипотребностями.

Оценивая концепцию Левина, Л.С. Выготский усматривал ее значимость в преодолении дуалистического подхода к аффективной жизни. Аффект в данном контексте означал динамический, активный, энергетический аспект эмоции; подход же к нему оценивался Выготским как единственный способ понимания аффекта, допускающий действительно научное детерминистское и истинно каузальное объяснение всей системы психических процессов.

Чтобы понять столь высокую оценку левиновской трактовки мотивации, надо иметь в виду, что она давалась в противовес дуализму Декарта, который как бы незримо присутствует на каждой странице психологических сочинений об эмоциях. Монизм и детерминизм таковы, по мнению Выготского, преимущества Левина перед всеми, кто со времен Декарта продолжал идти по стопам этого великого французского мыслителя.

Монизм Левина заключался в том, что всю мотивационную сферу безостаточно (от простейших побуждений до высших квазипотребностей и волевых действий) он описывал в качестве подчиненной одним и тем же динамическим законам. Детерминизм Левина заключался в том, что любое побуждение (мотив) мыслилось возникающим в "системе напряжений", создаваемой силами поля. В этой системе сам мотив выступал в качестве силы, которая действует объективно, в границах "жизненного пространства", а не в замкнутом "пространстве" сознания субъекта.

Заслуга Левина – в укреплении представления о мотиве как особой психической реалии (не сводимой ни к биологическим детерминантам вроде инстинкта или "подкрепления", ни к социальным детерминантам вроде "сверх-Я" у Фрейда, ни к самостийной силе воли). Тем самым укреплялось понятие о психической причинности, одной из составляющих которой выступал мотив. Это в свою очередь укрепляло собственный категориальный аппарат психологии, неотъемлемым рабочим компонентом которого является категория мотива.

Однако, сопоставляя теоретическую схему Левина, прошедшую мощную экспериментальную проверку в его школе, с приведенным выше взглядом Выготского на аффект (этот термин у Выготского, вслед за Спинозой, был синонимом мотива), нетрудно заметить, что монизм, в котором усматривалось главное достижение Левина, не совпадал с монизмом, который грешил Выготскому, определявшему аффект как "целостную психофизиологическую реакцию".

Никакой корреляции с психофизиологией левиновская концепция не знала. Утверждая своеобразие и нередуцируемость психического детерминизма (и в этом было знамение прогресса), она устраняла из динамики мотивации ее физиологическую и, тем самым, реальную телесную "ткань". Между тем в самой физиологии зарождалось движение, устремленное к объяснению поведения целостного организма как телесно-психической, телесно-духовной системы.

Дуализм разъедал не только психологию. В эпоху ее самоутверждения под знаком науки о сознании, изучающей непосредственный опыт субъекта, это обстоятельство лишь укрепляло уверенность физиологов в том, что им нечего делать с этим опытом.

Тем не менее логика движения знания (а в России и социальные запросы) вела к решениям, сближавшим разъятые философией, но нераздельно представленные в жизнедеятельности организма телесные и психические явления. Их сближение требовало пересмотреть первичные способы их объяснения, как и программы исследования. Поиск шел в русле созданной Сеченовым традиции. Ее радикально углубило учение Павлова о высшей нервной деятельности. Оно изменяло взгляд на адаптивное поведение целостного организма, раскрыв специфику его сигнальной регуляции. Но принципиальная схема Павлова редуцировала выработку новых реакций к их мотивационному обеспечению биологическими потребностями.

Доминанта

Иной путь избрал А.А. Ухтомский. Созданное им учение о доминанте интегрировало физиологическую картину динамического взаимодействия нервных центров с

представлениями о мотивационной направленности поведения целостного организма. Есть все основания полагать, что доминанта (как и условный рефлекс) является столь же физиологическим, сколь психологическим понятием. Категориальный анализ не оставляет сомнений в том, что в этом понятии, рассматриваемом под психологическим углом зрения, представлена категория мотива.

В физиологическом плане в центре учения о доминанте – согласно Ухтомскому – идея конфликта нескольких отдельных потоков возбуждения, протекающих в общем субстрате. Когда один из потоков оказывается доминирующим, он овладевает "выходом" системы. Все остальные импульсы, воздействующие на организм, не вызывают положенных им "по штату" сенсомоторных реакций, но лишь подкрепляют эту текущую рефлексорную установку, с одной стороны, и с еще большей силой тормозят все остальные рефлексорные дуги – с другой.

Что касается психологического содержания концепции доминанты, то оно кристаллизовалось постепенно. Сперва оно выступало как процесс внимания. Ухтомский пишет, что когда он увидел в первый раз явления стойкого торможения кортикальных иннерваций локомоторного аппарата в момент подготовки другого цепного рефлекса, то невольно сказал сам себе, что здесь он имеет дело с элементарным процессом внимания. "Мне показалось, – продолжает он, – что в физиологической лаборатории мы сможем вскоре уловить природу и организацию, по крайней мере, двигательного автоматизма так называемого "рефлексорного внимания", которое постулируется психологами в качестве основы для волевого внимания".⁷³

Ухтомский имел в виду работы русского психолога Н.Н. Ланге, на которого он и ссылается, говоря о моторных элементах внимания. "Правда, в физиологических лабораториях боялись употреблять психологические термины, и это имеет основания. Но психологический термин "внимание" не содержит в себе, по-видимому, ничего двусмысленного или мало определенного".⁷⁴

Вспоминая, чем он руководствовался, вводя термин "доминанта", Ухтомский писал: "Я рискнул в свое время предложить вниманию исследователей понятие о доминанте потому, что самому мне она объясняла многое в загадочной изменчивости рефлексорного поведения людей и животных при неуловимо мало изменяющейся среде и обратно: повторение одного и того же образа действий при совершенно новых текущих условиях".⁷⁵

Стало быть, новый термин вводился с целью продвинуться в проблеме детерминации поведения, которое, оставаясь по своей сущности рефлексорным, оказывается "загадочно изменчивым" в стабильной среде и не менее загадочно инертным в резко изменяющихся условиях. Доминанта – это детерминанта жизнедеятельности, маховое колесо нашей машины, помогающее сцепить и организовать опыт в единое целое. Она – по Ухтомскому – и двигатель поведения, и его вектор.

Термин "вектор" предложил Курт Левин, трактовавший психологические силы как величины, которые могут быть представлены математически в виде векторов.

⁷³ Ухтомский А.А. Собр. соч. Т. 1. М., 1950, с. 125.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, с. 317.

Ухтомский же до Левина и безотносительно к нему говорил о доминанте как определенном векторе поведения.

В ту эпоху при объяснении побудительных сил поведения большой популярностью пользовалось дарвиновское понятие об инстинкте. Это понятие распространил на поведение человека У. Макдугалл, который построил на нем свою концепцию мотивации, изложенную в его "Введении в социальную психологию" (1908).

Неопределенность понятия об инстинкте, превратившегося в принцип, способный все объяснить, вызвала в психологии бурную дискуссию, к которой Ухтомский не остался безразличен. Он выступил против того, чтобы опереться на инстинкты как на незыблемую почву, а также против того, чтобы отнести доминанту к категории инстинктов. С шестеркой инстинктов в руках, писал он, мы не сможем разобраться в конкретных поступках. Количество инстинктов стремительно возрастало, и в начале 20-х годов в психологической литературе их можно было найти несколько тысяч. Неприемлем для Ухтомского был сам принцип предопределенности поведения прирожденными побуждениями.

Ухтомский стоял за то, чтобы поставить – вслед за Павловым знак равенства между инстинктом и рефлексом с целью перенести упор с прирожденного на приобретаемое. Но, по Павлову, условные рефлекс черпают свой мотивационный потенциал в безусловных. Мысль же Ухтомского была устремлена к раскрытию того, как возникают не только новые условные связи между сигналами и эффекторными ответами, но и принципиально новые формы мотивации. С этой позиции Ухтомский выступал против представлений о том, что основной мотивационной тенденцией организма является сохранение им своей стабильности в противовес возмущающим воздействиям среды (учение о гомеостазе).

Распространение общего принципа гомеостатических регуляций на поведение во внешней среде неизбежно вело к неадекватным представлениям о движущих началах поведения. Они оказывались подчиненными принципу "защиты" организма от влияний этой среды, противодействия им с целью регрессии к исходному состоянию. Очень четко это выразил Фрейд, полагавший, что нервная система представляет собой аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до него раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня. Приписав нервной системе этот императив, Фрейд выстраивал, исходя из него, свою теорию влечений.

Сведение всех побуждений к инстинктам, гомеостатическим регуляциям, принципу наименьшего действия, безусловным рефлексам и т.д. снимает проблему развития мотивации, образования и наращивания в филогенезе и онтогенезе новых побудительных сил, генераторов новых импульсов.

По Ухтомскому, нарастающая мощность доминанты как мотива не может иметь другого источника, кроме устремленности организма к внешнему миру. "В условиях

нормального взаимоотношения со средой организм связан с ней интимнейшим образом: чем больше он работает, тем больше он тащит на себе энергии из среды, забирает и вовлекает ее в свои процессы".⁷⁶

Принцип тотальной мотивационной обеспеченности любого психического проявления предполагает, что в жизни личности отношение познавательного продукта (представления, понятия) к объекту неотделимо от отношения этого продукта к субъекту как источнику доминантных (мотивационных) импульсов. За абстракцией, казалось бы, такой спокойной и бесстрастной функцией ума, всегда кроется определенная направленность поведения, мысли и деятельности, писал Ухтомский.

От доминанты зависит общий колорит, в котором рисуются нам мир и люди. При этом доминанта, влияя на характер восприятия мира, в свою очередь имеет тенденцию отбирать в нем преимущественно такое познавательное содержание, которое способствовало бы ее поддержанию. "Человеческая индивидуальность... склонна впадать в весьма опасный круг: по своему поведению и своим доминантам строить себе абстрактную теорию, чтобы оправдать и подкрепить ею свои же доминанты и свое поведение".⁷⁷

С переходом к человеку наряду с реальностью преобразуемой природы возникает принципиально новая форма – реальность человеческих лиц (личностей). И здесь, согласно Ухтомскому, в психологическом опыте, организуемом доминантой, совершается великая революция. Обычно, говоря об изменении психики на "фазе человека", главный упор делают на интеллектуальных структурах – мышлении и речи ("вторых сигналах"). Ухтомский выдвигает на передний план возникновение новых доминант (мотивационных установок), порождаемых новой действительностью, а именно личностно-человеческой. Считая, что природа человека делается и возделывается, Ухтомский имел в виду не только обогащение организма новой информацией и не только построение новых способов (приемов) действий, но прежде всего созидание новых мотивационных структур.

Что же касается основной тенденции в развитии мотивов, то ею является экспансия в смысле овладения средой во все расширяющихся пространственно-временных масштабах ("хронотопе"), а не редукция как стремление к "защите" от среды, уравновешенности с ней, разрядке внутреннего напряжения.

Бездействуя на образное (в широком смысле слова) познавательное содержание психической жизни, отбирая и интегрируя его, доминанта, будучи независимым от рефлексии поведенческим актом, "вылавливает" в этом содержании те компоненты, которые способствуют укреплению уверенности субъекта в ее преимуществах перед другими доминантами⁷⁸.

Существенно новым в трактовке мотивационной активности было понятие об "оперативном покое". Эта форма активности усматривалась не только в двигательных реакциях на среду (сколь бы стремительны и неугомонны они ни были), но и в особом, с предельной концентрацией энергии, сосредоточенном созерцании среды,

⁷⁶ Там же, с. 306.

⁷⁷ Там же, с. 310.

⁷⁸ Этот феномен стал предметом специальной психологической разработки в концепции Фрейда о "рационализации" и концепции Л. Фестингера о когнитивном диссонансе.

которое требует значительно большей нервно-психической напряженности, чем мышечные операции, и обеспечивает недостижимую посредством этих операций тонкость и точность рецепции.

Такой вывод иллюстрировало сравнение поведения щуки, застывшей в своем "бдительном покое", и "рыбьей мелочи", неспособной к этому. Истинно человеческая мотивация имеет социальную природу и наиболее ярко выражается в "доминанте налицо другого". Всматриваясь в другого, индивид видит в нем не собственный двойник, а неповторимую личность – единственную во Вселенной. Благодаря этой доминанте человек не просто осознает другого как личность, но и сам становится личностью.

Эта особая мотивационная установка требовала нового подхода к проблеме социально-личностной перцепции, то есть восприятия человека человеком. Чтобы постичь мотивацию поведения другого человека, нужно сперва преобразовать собственную. Возделывание именно такой доминанты Ухтомский считал важнейшей задачей воспитания и самовоспитания. "Доминанта на лицо другого", говорил он, одна из самых трудных, на первый взгляд, пожалуй, и недостижимых в чистом виде доминант, которые нам придется воспитать в себе.

Ключевым в изучении мотивационной сферы неизменно выступает вопрос о ее иерархическом строении, о различных уровнях ее организации. Главные достижения в познании биологического уровня запечатлены в учении о гомеостатических регуляциях поведения, благодаря которым сохраняется целостность организма в противовес постоянно угрожающим ему внешним и внутренним факторам.

Активность, устремленная на поддержание гомеостаза, действительно является могучей побудительной жизненной силой. Веками царило убеждение в том, что живое тело наделено инстинктом самосохранения. Успехи биологии обнажили реальные причинные факторы, скрытые за этим убеждением. Апелляция к инстинкту как особому первоначалу (которое, объясняя мотивационную энергию, само в объяснении не нуждается) была отклонена после того, как в лабораторном эксперименте выявились детали телесного устройства, посредством которого организм удерживает в относительно равновесном состоянии свои основные константы (то есть самосохраняемость).

Понятие о доминанте, разработанное Ухтомским, не было приковано к этому фундаментальному уровню биологической мотивации и потому открывало путь к исследованиям побуждений, присущих человеческому бытию в мире. Своеобразие биографии Ухтомского (он окончил духовную академию, прежде чем стал физиологом) направляло его мысль на поиски тех обстоятельств мотивационной напряженности поведения индивида, которые обусловлены его поглощенностью общением с другими людьми и высшими духовными ценностями.

Преодоление постулата о равновесии организма со средой

Вместе с тем и тогда, когда над биологическим уровнем мотивационного обеспечения человеческих действий возвышается социальный, эти действия могут оставаться в пределах решения задач на приспособление (например, в случае конформистского поведения, когда нивелируются глубинные личностные мотивы во имя

удержания равновесного состояния с ближайшим окружением). Применение новых электрофизиологических и биохимических методик изучения мозга расшатывало представление об организме как инертной системе, выводимой из равновесного состояния только под влиянием внешних толчков. Мозг обнаруживал электрическую активность и тогда, когда его не бомбардировали раздражители среды.

Все более очевидной становилась не только зависимость мозга от рецепции (восприятия извне поступающих сигналов), но и рецепции от мозга. Внешняя стимуляция (афферентное возбуждение) накладывается на уже существующее возбуждение в центральной нервной системе.

Исследования (в частности, опыты по "сенсорной изоляции" американского психолога Хебба) показали, что изоляция человека от чувственных раздражителей становится препятствием для умственной работы. Это свидетельствовало о том, что органы чувств не только информируют о среде, но и поддерживают мозг в деятельном состоянии. В условиях "сенсорного голода" (когда органы зрительных, слуховых, осязательных ощущений у испытуемого изолируются от внешних сигналов) у человека начинаются галлюцинации. Следовательно, мозг сам продуцирует следы прежних впечатлений. Эти факты невозможно совместить с представлением о мозге как передаточной станции между стимулом и реакцией, с гипотезой о том, что жизнедеятельность подчинена одной цели – устранению раздражителей.

Против гомеостаза как единственного объяснительного принципа поведения свидетельствовали и некоторые биологические концепции, как, например, выдвинутое канадским ученым Г. Селье учение о стрессе. В условиях большого напряжения (нервного, мышечного, чрезмерного охлаждения или перегревания и т.д.) гомеостатические механизмы гладко работать не могут. Организм отвечает на травмирующие раздражители (стрессоры) совокупностью особых адапционно-защитных реакций. Сперва возникает состояние тревоги ("аларм-реакция"), при котором адаптация к угрожающим раздражителям еще не достигнута. Затем происходит мобилизация сил и наступает стадия сопротивления. Она сменяется стадией истощения, когда достигнутая было адаптация утрачивается. "...Природа человека такова, что он реагирует не только на реальную физическую опасность, но также и на угрозу и на некоторые символы опасности, испытанной им в прошлом. Это происходит для того, чтобы создать определенную "готовность" человека"⁷⁹.

Подобно понятию об установке, понятие о психологическом стрессе включило готовность индивида реагировать на значимый раздражитель. Вместе с тем это эмоциональная, аффективная готовность, связанная с мобилизацией всех физиологических ресурсов организма для того, чтобы устоять перед грозным испытанием.

Психология постоянно находится под влиянием общебиологических представлений и опирается на них.

Неудовлетворенность принципом гомеостаза усиливали успехи нейрофизиологии, генетической, сравнительной психологии. Созревает идея о том, что потребность в исследовании окружающего мира, в приобретении новой информации о нем столь же глубоко укоренена в самой природе организма, как и его направленность

⁷⁹ Эмоциональный стресс. Л., 1970, с. 19.

на сохранение основных физиологических констант. Наблюдения за животными показали, что уже у них широко распространена "исследовательская" мотивация, имеющая важный биологический смысл. Стремление обследовать окружающее пространство как сферу возможного поведения, стремление изучить свойства объектов, соотношение между ними, пути к ним и т.д. – все это влечет за собой такие выгоды для индивида и вида, которые не менее существенны в плане выживания, чем "оборона" и "защита" от среды.

И подобно тому, как гомеостаз реализуется благодаря включению ряда физиологических механизмов (например, при падении уровня углекислоты и повышении уровня кислорода в крови дыхание становится реже благодаря возбуждению соответствующих рецепторов), негемеостатическое "исследовательское" поведение обусловлено некоторыми свойствами высших нервных центров – прежде всего активирующей системы (локализованной в мозговом стволе). Изучение этой системы нейрофизиологическими методами показало, что раздражители выполняют две функции – сигнальную (информационную) и активирующую (энергетическую).

Когда один и тот же раздражитель начинает повторяться, он быстро утрачивает вторую – активирующую функцию⁸⁰. Утрата им способности вызывать возбуждение означает падение уровня активности соответствующих мозговых аппаратов. Такая ситуация устроила бы организм, если бы его единственная задача состояла в поддержании гомеостатической стабильности. Но факты говорят о другом.

Организм нуждается в том, чтобы сохранять возбуждение своей активизирующей системы, хотя и не на чрезмерном, но на достаточно высоком для успешного приспособления к среде уровне. А это возможно лишь при утолении "сенсорного голода", то есть потребности в новых внешних раздражителях, когда старые, привычные перестают "насыщать".

Конечно, принцип гомеостазиса тем самым вовсе не утрачивает значение, но оказывается недостаточным, чтобы объяснить мотивацию поведения. Если поместить лабораторное животное (например, крысу) в привычную обстановку (например, в лабиринт), но с проходом в незнакомый отсек, то животное предпочтет движение в новом, незнакомом направлении спокойному пребыванию в привычных условиях. Правда, это движение носит несколько своеобразный, амбивалентный (двойственный) характер. С одной стороны, "исследовательская" мотивация влечет к непознанному, к раздражителям, активирующим поведение, с другой – новые раздражители являются потенциально опасными. Любой неожиданный сигнал сразу же приостанавливает движение, порождает стремление возвратиться в привычные условия. В этой картине амбивалентного поведения перед нами наглядно предстает противоборство двух основных мотивационных сил – гомеостатической и "исследовательской". Здесь принцип единства организма и среды раскрывается в своих мотивационных характеристиках: мотивация, направленная на сохранение организма как системы, нераздельно связана с мотивацией, обеспечивающей изучение среды.

⁸⁰ Это явление было известно в психофизиологии органов чувств под названием "негативная адаптация", то есть падение чувствительности органа в результате длительного воздействия раздражителя. Но такая адаптация ("привыкание") не соотносилась с деятельностью активирующей системы и не осмысливалась в контексте проблемы и категории мотивации.

Чем выше мы поднимаемся по эволюционной шкале, тем значительней удельный вес второй формы мотивации⁸¹. У ближайших к человеку животных, в особенности у шимпанзе, деятельность по решению проблем (то есть деятельность, носящая уже интеллектуальный характер) сама по себе становится привлекательной безотносительно к гомеостатическим нуждам. Так, в опытах отечественных психологов Г.З. Рогинского и Н.Н. Ладыгиной-Коте, американского психолога Харлоу обезьяны часами занимались решением простых механических задач. Их поведение не подкреплялось ничем, кроме самого решения. Это было единственное вознаграждение.

Если в отношении активности животных принцип гомеостазиса не может претендовать на ту роль, которая придавалась ему в предшествующий период развития психологии, то что же тогда говорить об активности человека? Выдвигаются требования пересмотреть традиционную концепцию мотивации, ограничивающую ее истоки биологическими нуждами организма. Хронологически они относятся к середине нашего столетия, и у нас есть основания полагать, что сдвиги в трактовке мотивации, будучи обусловлены конкретно-научными достижениями нейрофизиологии, сравнительной, экспериментальной, клинической психологии, не случайно падают на этот период. Они связаны с коренными изменениями в содержании, структуре и масштабах научно-технической деятельности, существенно повысившими требования к возможностям человеческой личности, ее активности и самостоятельности, придавшими большую актуальность проблемам психологии творчества⁸².

Примером могут служить исследования так называемого "мотива достижения", проведенные американским психологом Д. Маклеландом. В основе этих исследований лежит стремление преодолеть традиционную концепцию мотивации, ориентирующуюся на биологические нужды организма. Они направлены на поиск объективных количественных показателей силы мотивации как важнейшего фактора, обеспечивающего высокий уровень достижений в человеческой деятельности. Мотивацию было принято измерять временем, истекшим с момента удовлетворения потребности. Чем длительнее, например, период лишения пищи, тем сильнее мотивационный потенциал потребности. Поскольку потребность представляет собой внутреннее состояние, нет другого способа ее определить, кроме как по ее следам в поведении или сознании. Фрейд полагал, например, что она отражается в действиях (иногда кажущихся нелепыми) и образах (так, в сновидениях и грезах изживаются неисполненные желания). При этом, по Фрейду, энергия либидо циркулирует в замкнутой системе организма, разряжаясь согласно "принципу удовольствия". Именно поэтому воображаемое достижение целевого объекта считалось эквивалентным реальному овладению им. Главное – восстановление энергетического равновесия внутри организма, а за счет чего это происходит – фантастических образов, патологических симптомов, бессмысленных двигательных актов, – существенного значения не имеет. Опыты Маклеланда вскрыли реалистическую

⁸¹ Поскольку эмоции относятся к мотивационной сфере жизнедеятельности, их сложность (а стало быть, и подверженность организма эмоциональным расстройствам) также возрастает соответственно перемещению вверх по эволюционной шкале.

⁸² Как пишет один из известных американских специалистов по психологии мышления Дж. Гилфорд, "ни один феномен или предмет, в отношении которого психология несет единственную в своем роде ответственность, не игнорировался столь долго и не стал изучаться столь оживленно, как творчество" (Guilford J. P. Some Theoretical Views on Creativity. "Contemporary Approaches to Psychology". Princeton, 1967, p. 419).

установку сознания, его направленность на воспроизведение действий, способных удовлетворить потребность. Чем сильнее был мотив, тем чаще испытуемые представляли различные способы успешного достижения цели. От целей, связанных с органической потребностью, Маклеланд перешел к более высоким, отражающим ценностную ориентацию личности. При этом он обнаружил большие различия между испытуемыми в отношении силы возникшего у них мотива достижения. Но где истоки этой силы? Маклеланд искал их в условиях семейного воспитания, которое в свою очередь было поставлено им в зависимость от религиозных убеждений родителей. Переход от биологических объяснений к социальным был симптоматичен.

Категория мотива, как и другие звенья категориального аппарата психологии, вбирает признаки, "детектируемые" научной мыслью в общении с исследуемой реальностью. Этой реальностью в нашем случае выступает система особых, предметно-ориентированных энергетико-динамических отношений субъекта с действительностью, заданная взаимодействием природных и социокультурных начал в его психической организации.

Глава 7. КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ

Многообразие типов отношений

Термин "отношение" охватывает бесчисленное множество самых различных признаков и свойств объектов в их взаимозависимости друг от друга, в их взаиморасположенности и взаимосвязи. В силу своей всеобщности этот термин приобретает предметно-содержательный характер только в случае его интерпретации применительно к какой-либо определенной системе: формальной (в логике и математике), материальной, социальной, духовной и др. Что касается психологической мысли, то она на различных уровнях и с различной степенью определенности охватывает в своих понятиях многообразные типы отношений между ее собственными явлениями и другими явлениями бытия, будь то в форме причинно-следственных связей, системных зависимостей частей от целого и т.п. Какой бы психологической категории не коснуться, постигаемые посредством нее реалии никогда не выступают в виде изолированных сущностей, но неотвратимо вынуждают углубиться в мир отношений, неисчерпаемость которого становится все более зримой с прогрессом познания.

Повсеместно и во все времена человек, подобно любым другим объектам, взаимосвязан с окружающей действительностью. Соответственно и научное изучение человека соотносывается в своих понятиях и методах с этим обстоятельством. Ведь сама психика нечто иное, как субъектно-объектное отношение, но в таком случае, учитывая "повсюдность" этого отношения, правомерен вопрос: допустимо ли придавать этому столь глобальному понятию особый категориальный смысл? Ведь рабочие функции, которые способна исполнить категория в мышлении, предполагают ее отличие от других категорий, нередуцируемость к ним. Напомним, что именно этим категориальный анализ отличается от установки на поиск "клеточки",

из свойств которой могло бы быть выведено все то, что происходит с психическим "организмом".

Подобно тому как несводимы друг к другу, хотя и нераздельны, категории формы и содержания, количества и качества и др., в частной, конкретной науке – психологии – образ и действие, мотив и переживание сгущают в своем категориальном составе и строе несводимые к другим признаки. Они присущи только психике, отличая ее по различным параметрам от всех других аспектов бытия живых существ. По поводу же термина "отношение" (учтя отмеченную выше его универсальность) такого на первый взгляд не скажешь, поэтому приходится задуматься об основаниях, побуждающих возводить его в ранг особой категории, отличной от других.

Здесь следует коснуться вопроса о языке науки. Конечно, его слова должны быть терминологизированы. Между тем, прежде чем приобрести терминологизированность, они, пребывая в различных контекстах, проходят извилистый путь. Напомним, например, об уже хорошо знакомых терминах "образ" или "действие", употребленных в качестве знаков различных психологических категорий. Очевидна их полисемантичность. Но очевидно также, что избраны именно они, а не другие для обозначения соответствующих категорий по причине своей обеспеченной языком "генеалогии".

Термин "отношение" может быть принят при условии выделения в предмете психологической науки особого содержания, для отображения и изучения которого его следует признать, во-первых, более адекватным этому содержанию, чем какой-либо иной, и, во-вторых, несущим категориальную нагрузку.

Роль отношений в психологии

В русском научно-психологическом языке этот термин появился после работ А.Ф. Лазурского, который, вычленив в человеке эндопсихику как внутреннюю сторону психического и экзопсихику как его внешнюю сторону, представил последнюю в виде системы отношений субъекта к действительности.

Отправляясь от замысла Лазурского, термин "отношение" отстаивал в качестве важнейшего для понимания личности в норме и патологии В.Н. Мясищев. Он писал: "Исходя из того, что понятие отношения несводимо к другим и неразложимо на другие, надо признать, что оно представляет самостоятельный класс психологических понятий"⁸³.

Несводимость и неразложимость понятия суть признаки обретения таким понятием категориального статуса. Однако это сталкивает с необходимостью разъяснить, на изучение и объяснение каких именно признаков психического мира личности, непрозрачных для наличного категориального аппарата науки, оно претендует. И здесь с сожалением замечаешь, что изначальная "размытость" в привычном для многих понимании термина "отношение" путает карты; она препятствует его продуктивному применению, то есть соединению с ним объяснительных схем, позволяющих осветить психические феномены, мимо которых "проскользает" научная мысль, оперирующая другими категориями. Взамен этого под всеохватывающее

⁸³ Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва-Воронеж, 1995, с. 352.

понятие отношения подводятся психические свойства и процессы, системно-детерминистский анализ которых требует иных научных средств (категорий). Печальным результатом этого является соблазнительный, но по сути своей уводящий от позитивного решения психологических проблем редукционизм.

Так, например, когда увлеченный "теорией отношений" В.Н. Мясищев определял личность как "ансамбль отношений", он утрачивал перспективу изучить своеобразную и неисполнимую этим "ансамблем" "симфонию" развития личности. Ведь за метакатегорией личности стоит мощный комплекс знаний о человеке, собранных в различных исследовательских поисках в особую целостность, игнорировать интегральный характер которой опасно. Этот комплекс существенно оскудел бы, если изъять из него все, кроме представлений о свойствах и структуре личности, объединенных под термином "отношение". Еще хуже обстоит дело с позицией последователей этой линии, утверждающих, что, раскрывая сущность понятия "отношение" в психологии, В.Н. Мясищев видел психологический смысл отношения в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающей его действительности, что формирование отношений в структуре личности человека происходит в результате отражения им на сознательном уровне сущности тех социальных объективно существующих отношений общества в условиях его макро- и микробытия, в котором он живет.

Очевидно, что соединение с понятием "отношение" таких признаков, как "отражение", "сознательный уровень", "сущность социальных отношений общества" не только не делает психический смысл этого понятия (и тем самым концепцию, которая выступает под его девизом) более содержательным, но вообще ставит под сомнение его объяснительную ценность.

Ведь признаки, которыми в данном случае наделяется "отношение", можно найти во всем многообразии проявлений психической жизни, да и то не повсеместно (так, скажем, "сознательный уровень" вовсе не является неременным условием отношения субъекта к его "макро- и микробытию", нечасто это отношение выражает "сущность социальных отношений общества" и т.д.).

Означает ли это, что понятие отношения вообще является избыточным, беспечно занесенным в научно-психологический лексикон? Нет, за ним стоит психическая реальность, и В.Н.Мясищев имел все основания считать, вслед за А.Ф. Лазурским, что это понятие охватывает особый класс неразложимых явлений и несводимых к другим. Тем самым оно обладает содержанием, побуждающим признать за ним категориальное достоинство. Задача заключается в том, чтобы диагностировать систему признаков, гарантирующих нередуцируемость этого содержания к психическим явлениям, данным в объяснительных схемах других категорий.

Конечно, как и в других теоретико-психологических ситуациях, оно не изолировано от этих схем. Отношение как особая характеристика психической связи индивида с действительностью представлено повсеместно – идет ли речь об образе этой действительности, о мотиве, побуждающем личность совершать или не совершать какое-либо действие, и т.п. Во всех этих самых разнообразных обстоятельствах реально, независимо от уровня осознанности, изначально представлена одна из инвариант психической организации человека, на которую и указывает термин "отно-

шение". Но означаемое им отличается от других инвариантных признаков, присущих психической регуляции поведения. Между тем теория отношений (В.Н.Мясищев и др.) склонна считать производными от системы отношений и характерные свойства личности, и мотивы ее поступков, и ее потребности, интересы, склонности, жизненную позицию и многое другое, в конечном счете "растворяемое" во всепоглощающем представлении об этой "универсалии".

Отношение как базисная категория

Выделяя в указанном представлении наиболее значимые для категориального анализа признаки, отметим среди них 1) первую очередь такой, как доминирование в категории отношения значимой для субъекта направленности на объект, в качестве которого могут выступать не только материальные вещи, но также и феномены культуры, духовные ценности, другие люди, сам субъект. Отношение, однако, не следует идентифицировать с мотивом, эмоцией, потребностью и другими проявлениями индивидуально-личностного плана психической жизни. Так, отношение индивида к какому-либо политическому событию (например, выборам) принято фиксировать в различных видах рейтингов. Однако разве не очевидно, что показатели рейтинга еще не позволяют судить о мотивах реального поведения или эмоциональном состоянии того лица, отношение которого к событию в данном рейтинге запечатлено. Аналогично обстоит дело с отношением индивида к природе, столь значимое в нынешней экологической ситуации, к государству, религии, собственной персоне и др. Здесь перед нами именно отношения, выступающие в особой психической форме, отличной от мотива, действия, переживания личности и других психических детерминант, запечатлеваемых в других блоках категориального аппарата.

Категории отношения присущи такие признаки, как заданная субъектом векторизованность психического акта, избирательность, установка на оценку (позитивную, негативную, выражающую безразличие), предрасположенность и готовность к определенному образу действия и др.

Во всех случаях перед нами базисная психологическая категория, имеющая свой статус. Попытки стянуть к ней богатство других категорий (в частности, например, свести личность, как уже сказано, к "ансамблю отношений") столь же бесперспективны, как универсализация категории образа в гештальттеории или категории действия в бихевиоризме.

В свое время теория отношений под давлением такой "павловизации", которая навязывалась психологии, надеялась обрести прочность и авторитет в формулах И.П.Павлова. Как писал В.Н.Мясищев, "И.П.Павлову принадлежит формула: психические отношения и есть "временные связи", то есть условно-рефлекторные временные, приобретенные связи представляют, по Павлову, психические отношения. И.П.Павлов не давал определения и характеристики отношений человека, поэтому, говоря о Павлове, мы укажем здесь лишь на два момента:

1. Психические отношения как условные временные связи черпают свою силу из безусловных.

2. У человека все отношения перешли во 2-ю сигнальную систему"⁸⁴.

Категория "временной связи", которую Павлов идентифицировал с психическим отношением, утрачивала тем самым свою объективность (в смысле ее независимости от субъекта, который в действительности является "автором" и "собственным" отношения) и экспериментально контролируемую строгость. Но и для отмеченных признаков психического отношения (предрасположенность, установка на оценку и др.) идентификация с временной связью никаких реальных поведенческих механизмов не проектировала.

В качестве внутренней формы психологического познания категория отношения в случае ее редукции к физиологическим связям утрачивает эффективность.

Глава 8. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Рубеж XIX и XX столетий ознаменован в развитии философско-психологической мысли резкой конфронтацией двух способов познания бытия, включая духовное бытие человека. Триумфальное шествие наук о природе столкнулось с нараставшим противодействием со стороны приверженцев идей, возвращенных на почву научного изучения культуры и социальной истории.

В философии неокантианство, как известно, исповедовало несовместимость способа образования общих понятий, принятого науками о природе, с исследованиями феноменов культуры, ценностей человеческой жизни в ее неповторимости и историчности.

Эта общая для немецкой философии тех времен ориентация своеобразно преломилась в ответе на вопрос о том, кому и как разрабатывать психологию, который предложил философ Дильтей, воспитанный не столько на Канте, сколько на Гегеле.

Германия тогда была главным центром построения психологии по образу и подобию естественных наук. В психологию с пафосом внедрялись методы этих наук, прежде всего экспериментальный и количественный анализ. Поместить в лабораторию не лягушку или собаку, а человека с его считавшейся бессмертной душой – это действительно было для своего времени революционным событием.

Отныне считалось, что самостоятельность психологии как науки гарантирована тем, что у нее имеется уникальный, никакой другой наукой не изучаемый предмет – сознание.

Обратим в связи с этим внимание на два обстоятельства, важные для понимания ситуации в тогдашней психологии. В самом термине "сознание" скрыта идея определяющей роли знания (истинного или иллюзорного – это другой вопрос). Заметим далее, что предметом психологии считалось сознание отдельного человека – индивида. Именно в экспериментальном анализе интроспективного самоотчета опре-

⁸⁴ См.: там же, с. 344.

делялись "нити", из которых оно соткано. Между тем это противоречило самой конструкции слова "сознание", поскольку приставленный к корню "знание" префикс "со" указывал на то, что предполагается совместное с другими знание.

Главные успехи экспериментальной психологии в пору ее становления определило изучение ощущений, восприятий, представлений и связей между ними (ассоциаций). Новая наука могла отныне гордиться открытием прошедших испытание опытом многих закономерностей, которым подчинена работа сознания. На рубеже XIX и XX веков эта гордость стала восприниматься как сомнительная. По молодой психологии, считавшей своим предметом сознание, было нанесено несколько мощных ударов, подорвавших ее притязания на научность. Отметим три основных направления этих ударов. Сознанию как сфере, где начинаются и кончаются психические процессы, было противопоставлено поведение. Понятие о нем, родившееся в России, вывело научную мысль на простор открытого общения целостного организма со средой, в которой он энергично действует, чтобы выжить. Он различает свойства этой среды в форме сигналов (а не образов), источником же энергии его действий служит потребность организма во внешних объектах (а не импульсы, придаваемые организму сознанием субъекта).

Этот новаторский подход был воспринят американскими психологами, избравшими путь трактовки поведения как системы стимул-реактивных отношений организма со средой. Субъективную психологию сознания оттесняла агрессивная объективная психология поведения, утвердившаяся в США под именем бихевиоризма.

Второй сильнейший удар по традиционным взглядам на сознание нанес психоанализ Фрейда, обнажив неисчислимые потаенные каналы, по которым неосознаваемые психические силы предопределяют явленное субъекту в образах других людей и в том, каким он представляется самому себе. При этом отношение сознания к бессознательной психике мыслилось неизбежно конфликтным.

Третий удар по казавшейся неоспоримой в своих постулатах эмпирической психологии сознания нанесло направление, для которого ключевым термином в противовес "сознанию" послужило не "поведение", не "бессознательное влечение", а "жизнь". Это направление стремилось возвратить в психологию изгнанное из ее научных пределов представление о душе с запечатленным в нем признаком нерушимой целостности и органической (в противовес механической) связи психических явлений, образующих особый жизненный мир, отличный от изучаемого биологией с ее физико-химическими понятиями и естественнонаучными методами. Одним из первых теоретиков новой "психологии жизни" выступил Дильтей. Не отвергая важность естественных наук для индустриального развития своей страны, он считал опору на них недостаточной для ее социального развития.

"Знание сил, доминирующих в обществе, имеет витальную ценность для нашей цивилизации, — писал он. — Поэтому знание наук об обществе возрастает сравнительно с естествознанием"⁸⁵.

Сперва он надеялся на то, что обосновать научными средствами социально важную сущность человеческой личности способна психология. Школа Вундта, куда

⁸⁵ Цит. по: Smith R. The Fontana History of the Human Sciences. London, 1967, p. 863.

приезжали со всего мира обучаться новой экспериментальной психологии (в том числе из России В.М.Бехтерев, Н.Н. Ланге и др.)⁸⁶, сулила создание точной науки о человеке и его сознании. Но Дильтей, культуролог и историк, изменяет спую позицию. Принятое в экспериментальной психологии за общие закономерности сознания бессильно – согласно его новым воззрениям – объяснить "то, что мы актуально переживаем". По Дильтею, психолог призван не объяснять наблюдаемые факты в общих понятиях, а интерпретировать ценности, намерения и чувства людей как исторических личностей. Тогда-то психология и сможет стать надежной опорой постигающих сущность человека "духовных" наук в их отличии от естественных.

Феноменам сознания (какими их представляла интроспективно-экспериментальная психология) были противопоставлены переживания, требующие особых принципов изучения. Каузальному объяснению противопоставлялись описание и герменевтический подход. Своей концепцией Дильтей открыл полосу дискуссий о "двух психологиях" – объяснительной, для которой главное – опора на принципы и методы наук о природе, и "понимающей" с ее установкой на непосредственное постижение целостных переживаний субъекта, на интуитивное проникновение в его внутреннюю жизнь как высшую реальность. Поток человеческой жизни, согласно Дильтею, историчен и требует для своего истолкования вчувствоваться в культуру, духом которой он пронизан. Тем самым прочерчивались контуры новой категории, способной запечатлеть уникальность этой жизни. В том, что предмет психологии несводим к элементам сознания и их внешним связям, Дильтей не заблуждался. Однако, полагая, будто, используя общенаучные средства, ум бессилен перед полнотой человеческой психики, Дильтей выводил переживание "по ту сторону" объективных жизненных встреч реального организма с предметным миром, преобразуемым с приходом человека в мир, исполненный смыслов и значений.

К концепции "двух психологий", вызвавшей интерес и споры на Западе (первым от имени экспериментальной психологии Дильтею ответил знаменитый немецкий исследователь памяти Г. Эббингауз), российские психологи постреволюционного периода вначале оставались равнодушны. Их идейно-теоретическая мысль вращалась вокруг проблемы "поведение и сознание". Что касается поведения, то к нему их взоры обратили труды И.П.Павлова и В.М.Бехтерева. Но в отличие оттого, что происходило в США, где под эгидой условного рефлекса заговорили о "бихевиористской революции", в Советской России сложилась иная ситуация. Идеология марксизма (популярная в условиях энтузиазма начала 20-х годов, порожденного верой в то, что при содействии науки будет выращен человек нового социального мира⁸⁷) спасла от редуccionистских увлечений.

Волей этой идеологии требовалось включить в условно-рефлекторный механизм качественно новый регулятор, каковым является сознание, служебная роль которого в том, чтобы отражать бытие.

⁸⁶ Даже Л.Н.Толстой, высоко оценивая Вундта, ставил его рядом с Дарвином и Сеченовым.

⁸⁷ Л.С.Выготский в те годы даже отважился сказать: "сверхчеловек". Но меня при подготовке к изданию соответствующего тома его собрания сочинений официальный цензурный орган вынудил вычеркнуть из рукописного текста Выготского этот "нищенский оборот" и заменить его на "новый человек" (см.: Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1, с. 436).

Вокруг проблемы сознания, его функций, его взаимоотношений с деятельностью вращалась молодая психология, названная по государственно-политическому критерию советской. Само же сознание советские психологи стремились ("от греха подальше") мыслить в когнитивистских терминах, расставляя акценты таким образом, чтобы не отступать от ленинской формулы сознания как отражения внешнего, объективного мира.

Однако некоторые исследователи, сохраняя верность этим формулам, наталкивались в практике общения с психической реальностью с феноменами, побуждавшими к важным теоретическим инновациям. В кругу общепринятых категорий появляется термин "переживание". Во всегда нераздельном субъектно-объектном отношении в ситуации переживания субъектный полюс доминирует. Его "личность", будучи выражена в эмоциональной напряженности, ни в коем случае ею не исчерпывается.

Переживание и развитие личности

К проблеме переживания первым в советской психологии обратился Выготский. Он же, столкнувшись с Дильтеевой дихотомией, стал первым в нашей литературе не только ее критиком, но и тем, кто вышел на путь ее преодоления в конкретно-научных исследованиях психики. Прежде чем обратиться к феномену переживания в практике общения с детскими душами, он проделал огромную философскую и историологическую работу.

Юрист и филолог по образованию, великий исследователь психологии искусства, он был верен принципам гуманитарного знания, способу мышления, принятому в науках о культуре. Но в поисках новой психологии он изначально отвергал представление о несовместимости этого знания с естественнонаучным. С юношеских лет он стал приверженцем монистической картины мироздания и места в нем человека. На всю жизнь своим главным учителем он выбрал Спинозу. Изложенную в "Этике" Спинозы трактовку страстей человеческих Выготский воспринял как образец их целостного познания, предполагающего сочетанность того, что Дильтей почитал несовместимым: понимание их ценности и смысла, с одной стороны, и строго детерминистского объяснения – с другой. Этот подход противостоял дуализму Декарта, определившему на триста лет расщепленность картины человека, одна из разодранных половин которой виделась отражающей законы физической природы, другая – причастной внетелесным силам. Критике Декарта Выготский посвятил свой главный историко-философский трактат, написанный незадолго до кончины и оставшийся незавершенным. В нем он соотносил психологическую мысль XVII века с новейшими учениями об эмоциях, уделив особое внимание острой критике несостоятельности Дильтеевой дихотомии, ибо, согласно Выготскому, "проблема причинного объяснения есть основная проблема возможности психологии как науки"⁸⁸.

Критика побуждала к поиску позитивных решений, и в нем зародилось новое направление.

⁸⁸ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 6. М., 1984, с. 244.

Психологическая мысль советского периода продвигалась к новым рубежам с тем, чтобы выйти из кризисной ситуации в мировой науке, на которую указывали коллизии вокруг категории сознания, с одной стороны, поведения – с другой (см. выше).

Но, как уже сказано, симптомом неблагополучия служила обнажавшаяся в силу неосвоенности средствами научной психологии еще одна критическая точка, на которую указывала Дильтеева дихотомия. Дильтей соединил с ней термин "жизнь", который был перенесен из биологического и уникально духовный, культурно-исторический контекст.

В течение нескольких лет интеллектуальную энергию Выготского, как и всего сообщества советских психологов, поглощала задача преобразования понятий и о сознании, и о поведении. На исходе же своих исканий, после длительной полемики с Дильтеем, после удивительного по филигранности разбора Декартовых "страстей души" и защиты тезиса "назад к Спинозе", Выготский выделил в системе величин психологического познания в качестве их "общего знаменателя" категорию переживания. Она рождалась в особой исследовательской ситуации. Редкая по напряженности теоретическая рефлексия сочеталась с повседневным опытом работы в клинике изучения развития личности в онтогенезе. В прежние времена, размышляя о "клеточке" как первоэлементе психической организации человека, Выготский склонялся к популярной тогда версии, наделяющей этой ролью корниловскую "реакцию"⁸⁹.

Последующие его шаги привели от понятия о реакции к понятию о знаке как психологическом орудии. Через несколько лет для него главной единицей становится значение слова, и новизну своих исследований мышления и речи он видит в открытии основных ступеней развития значений в детском возрасте⁹⁰.

Однако здесь еще не его последнее слово о поисках "единицы" психики человека. "В последнее время, – отмечает он, – пытались высказаться, что за единицу, скажем, надо взять значение. Но я имею намерение, если это подтвердится в ходе дальнейших исследований и наблюдений, предложить единицу для изучения этого единства личности и среды. Эту единицу мы находим и том, что в психопатологии и психологии получило имя переживания... Переживание вводится как единица сознания, где все основные свойства сознания даны как таковые, в то время как во внимании, в мышлении не дано связи сознания"⁹¹.

В другом тексте Выготского читаем: "Действительной динамической единицей сознания, то есть полной единицей, из которой складывается сознание, будет переживание"⁹². Стало быть, переживание, во-первых, наиболее полная (сравнительно с другими) величина в структуре сознания, во-вторых, это динамическая, то есть движущая поведением, величина и, наконец, в-третьих, в ней представлена личность в социальной ситуации развития. Выготский апробировал это понятие в

⁸⁹ Там же. Т. 1, с. 407.

⁹⁰ Там же. Т. 2. М., 1982, с. 8.

⁹¹ Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск, 1996, с. 216.

⁹² Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 4. М., 1983, с. 383.

своем анализе онтогенеза, стремясь, используя его, теоретически осмыслить "изменение личности как целого"⁹³. В этом изменении выделяются "поворотные" переживания. В первых детских речевых реакциях выражено "аффективно-волютивное содержание"⁹⁴. В нем и коренится "завязь" того особого отношения личности к своему миру, на которое указывает термин "переживание". За ним скрыты конфликты и кризисы развития. Внутренняя жизнь ребенка, подчеркивал Выготский, "связана с болезненными и мучительными переживаниями, с внутренними конфликтами"⁹⁵. Перед нами "психология в терминах драмы" – драмы внутренней, незримой для внешнего наблюдателя, перед глазами которого проходят лишь отдельные симптомы в виде капризов, упрямства, негативизма и других проявлений "трудновоспитуемости", с которыми сталкиваются взрослые.

Описывая один возраст за другим, Выготский пытался определить в каждом из них своеобразие испытываемых индивидом исполненных драматизма ситуаций. Так, например, младенчество – это возраст господства "нерасчлененных переживаний, представляющих как бы сплав влечения, аффекта и ощущения"⁹⁶. Но тогда источник переживаний заключен в противоречии "между максимальной социальностью ребенка и минимальными возможностями общения"⁹⁷. На ранних ступенях ребенок еще не знает своего "Я". Крупным шагом, открывающим новую главу в становлении ребенка, является перестройка, связанная с осмысленной ориентировкой в собственных переживаниях. Возникает "обобщение переживаний или аффективное обобщение, логика чувств"⁹⁸.

До этого в центре исследований Выготского была логика мысли. Он открыл закономерную эволюцию у детей умственных конструкторов в единстве со значением слов. Следующим шагом в поисках факторов перехода от одной возрастной психологической "формации" к другой на передний план в анализе Выготским онтогенеза "личностного возраста" (в отличие от календарного и умственного) выступило переживание. Будучи всегдашним оппонентом Дильтея, Выготский, принимая термин "переживание", соединяете ним радикально другое содержание, чем заложенное в культурно-исторической концепции "двух психологий", отвергавшей, применительно к истории человеческой личности, принцип причинности и объективный метод.

"В переживании, – указывал Выготский, – дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, с другой – особенность моей личности"⁹⁹. Сила же среды "приобретает направляющее значение благодаря переживанию ребенка. Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживаний ребенка, то есть к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка".

Стало быть, возрастное развитие, согласно Выготскому, может быть представлено как история переживаний формирующейся личности.

⁹³ Там же, с. 338.

⁹⁴ Там же, с. 335.

⁹⁵ Там же, с. 250.

⁹⁶ Там же, с. 277.

⁹⁷ Там же, с. 282.

⁹⁸ Там же, с. 379.

⁹⁹ Там же, с. 383.

Другой важный момент – это включение переживания в контекст идеи об единстве аффекта и интеллекта, причем акцент ставится на сопряженности переживания с конфликтными ситуациями, через которые проходит история индивида. И наконец, переживания выступают как индикаторы различных эпох этой истории.

Переживание и предмет психологии

Роль первоэлемента предметной области психологии отвел переживанию другой отечественный лидер изучения теории психологии С.Л. Рубинштейн. Переживание и знание – таковы, согласно его взгляду, два полюса этой области. "Два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание... Переживание это первично, прежде всего – психический факт как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни. Переживанием в более узком, специфическом смысле слова оно становится по мере того, как индивид становится личностью и его переживания приобретают личностный характер"¹⁰⁰.

Итак, в переживании представлено субъектное начало сознания, столь же первичное, как и знание, в котором воплощено его объектное начало. Именно признак первичности придает понятию о переживании категориальный смысл, ибо не из каких других реалий оно не может быть выведено. Рубинштейн выделяет два типа (или уровня) переживаний. Исходный уровень охватывает все непосредственно испытываемые субъектом психические состояния в качестве данных ему, как никому другому. Слепой не познает красочности мира. Это можно только пережить. Но человеку присущи и другие переживания, а именно те, которые становятся событиями его внутренней жизни. Так, Декарт до конца дней своих помнил чувство, охватившее его, когда он, лежа в постели, представил основные контуры своей концепции. В дальнейший анализ категории переживания Рубинштейн не углублялся. Более того, он поставил переживание в решающую зависимость от знания. Последнее же, как отмечалось, дано субъекту в другой, отличной от переживания категории образа как единственного известного нам психологического коррелята познавательного отношения субъекта к миру.

Переживание как феномен культуры

Новый, эвристически перспективный подход к переживанию открыли работы Б.М.Теплова. Запечатлев результаты эмпирического изучения специальной проблемы музыкальных способностей, они осветили природу переживаний в глобальном масштабе интимного общения личности с миром духовной культуры. Исходным для Теплова послужило понятие о способностях. Оно имело древнюю генеалогию и в конце концов после сокрушительной критики (в особенности в начале XIX столетия – Гербартом) было из психологии изгнано – как псевдообъяснительное, подменявшее знание причин ссылкой на некие силы или свойства, изначально присущие душе.

¹⁰⁰ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946, с. 6.

Теплов, принимая этот термин, использовал его в совершенно новой категориальной тональности, оперируя им в качестве указывающего на психологические особенности личности (его интересовали в первую очередь различия в этих особенностях между индивидами).

В духе времени Теплов определяет способности как условия успешной деятельности. Соответственно, центром его исследований выступила диагностика таких индивидуальных свойств, которые необходимы для занятий музыкой, главным образом для восприятия музыкальных произведений.

Естественно, что исходным в этом случае стал анализ сенсорных процессов (ощущений и восприятий), однако изучаемый им предмет потребовал выйти за пределы традиционного подхода к этим процессам.

Как и в других сенсорных процессах, здесь первичным причинным фактором служит воздействие внешнего раздражителя, а следствием – слуховой образ. Но, применительно к музыке, этот раздражитель радикально отличается от других физических стимулов, а эффектом его воздействия служит не его привычный сенсорный образ, а качественно иная психическая реалья. Теплов предпочитает называть ее не ощущением или восприятием (как это традиционно принято в психологии), а чувством. Он обозначает ее такими терминами, как "чувство ритма", "чувство гармонии" и др. В этом, казалось бы, не столь уж существенном изменении терминологии наметился решающий категориальный сдвиг. За понятием о чувстве тянулась особая историческая традиция, расчленявшая фундаментальную для всей психологии формулу о субъектно-объектных отношениях в пользу доминирования первого члена этого отношения. Чувство неизменно относилось к полюсу субъекта, содержало признак непосредственной испытываемости этим субъектом некоторого содержания.

Применительно к ощущению наука неизменно исходила из признания за ним функции различения посредством нервного аппарата (рецептора, анализатора) адекватных ему объективных, физических стимулов. Говорить здесь о способности можно было, по сути, метафорически как о присущем нервной ткани филогенетически сформировавшемся свойстве. Иное дело-чувство. Его конституирующим признаком служит данность субъекту в качестве события его жизни. Спектр чувств чрезвычайно широк, как и масштабность их значимости для личности, их сила, длительность и другие параметры. Но та часть спектра, которую выделил Теплов, решительно отличалась и по ее "поглощаемости" субъектом, и по направленности на внешнюю по отношению к этому субъекту реальность. Этой реальностью являлись звуки не физической природы, а культуры, упорядоченные по одной ей присущим "алгоритмам". В чувствах тембра, ритма, гармонии и им подобных воссоздаются искусно и искусственно созданные звучания, различаемые психофизиологическим аппаратом человека во имя совершенно иных задач, чем различение звуковых сигналов среды его обитания и выживания.

Соответственно, изучение сенсорных процессов, придавшее психологии достоинство точной науки, требует изменить традиционное понимание психофизиологиче-

ских функций, которое неспособно разграничить чувствительность и музыкальность. Согласно определению Теплова, "основной признак музыкальности – переживание музыки как выражения некоторого содержания"¹⁰¹.

Тем самым изначально обнажается категориальное различие между чисто сенсорными и музыкальными формами общения человека с действительностью. Сенсорика рождает образы, музыка – переживания. Неотъемлемый признак переживания – эмоциональная напряженность. Теплов подчеркивал, что "музыкальное переживание по самому существу своему – эмоциональное переживание и иначе, как эмоциональным путем, нельзя понять музыку"¹⁰².

Почему же в таком случае следует отделять эмоциональное переживание музыки от издавна фигурирующего в психологическом лексиконе термина "эмоция" (подобно тому, как ощущение и восприятие физических звуков является качественно иным, чем восприятие звуков музыкальных творений). Здесь ключ к ответу скрыт в двух словах: "понимание" и "содержание".

Что касается понимания, то никто никогда не сомневался в причастности этого феномена к интеллектуальной активности человека. Как бы ее ни трактовали, во всех случаях подразумевалась ассимиляция субъектом обладающих смыслом реалий. Применительно к переживанию эмоциональная составляющая, без которой его нет, выступала в качестве нераздельно сопряженной со смысловой, с пониманием содержания воспринимаемого произведения. Это и придавало эмоции, о которой идет речь в контексте категории переживания, качественно новую характеристику, отличающую ее от богатства других эмоциональных состояний.

Неизбежно возникают аллюзии с попытками Выготского возвести понятие переживания на роль "клеточки" всей психодинамики развития личности "с младых ногтей". Импульсом к этим попыткам было его стремление сомкнуть интеллект и аффект (эмоцию) в целостную единицу.

Итак, не сама по себе эмоция, а особое образование в виде эмоционально испытываемого понимания смыслов и ценностей культуры образует, согласно Теплову, ядро переживания.

Тепловский экспериментальный анализ различных музыкальных способностей, обозначаемых термином "чувство" – чувство ритма, ладовое чувство и т.п., предполагал нераздельность с содержанием. "Музыка есть выражение некоторого содержания, в наиболее простом и непосредственном смысле – эмоционального содержания, ритм одно из выразительных средств музыки. Следовательно, музыкальный ритм всегда является выражением некоторого музыкального содержания"¹⁰³.

Теплов настаивает на непременной представленности содержания в звуковыразительной организации музыкальных произведений, не только следуя своим теоретическим воззрениям на характер их переживания. В поле его зрения неизменно находились педагогическая практика, и он не устал указывать на то, что нельзя

¹⁰¹ Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961, с. 51 .

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, с. 210.

воспитывать у детей музыкально-ритмическое чувство, абстрагируясь от выразительности музыки.

"Ритм, – писал он, – есть формальная категория; она касается формы протекания процессов во времени. Но форма всегда есть форма некоторого содержания. Форма не может быть самостоятельной сущностью, она не может рассматриваться как нечто независимое от содержания, как нечто только присоединяемое к любому содержанию"¹⁰⁴.

Какое же содержание имелось в виду?

Ответ на этот вопрос, хотя и предварительный, был высказан Тепловым в его соображениях о музыкальных представлениях. Именно они и выполняют ту функцию содержания, без которого нет эмоционального переживания. Представления справедливо оцениваются как "обобщенные образы"¹⁰⁵ хотя очевидно, что здесь имеется в виду особый тип обобщения, радикально отличный от того, с которым имеет дело мысль, оперирующая понятиями.

Что же представляет собой смысловое начало музыкальных творений?

Теплов разъясняет этот принципиально важный вопрос, обсуждая творчество композитора. Ведь рожденные в процессах этого творчества переживания кристаллизуются в компоненты объективированной музыкальной формы, восприятие которой вызывает родственные переживания у слушателей. Здесь с наибольшей яркостью выступает культурно-историческая заданность смысла музыкального "текста". Композитор конструирует его совместно с той аудиторией (социальной общностью), к которой принадлежит и у которой переработанные по законам организации музыкальной формы смысловые конструкты способны вызвать эстетические реакции (их можно трактовать как сопереживания). Детально описывая внутренний мир Николая Андреевича Римского-Корсакова, Теплой выделяет два чувства, пронизывающие этот мир: чувство природы и чувство народности. "Народ и природа были как бы двумя главными центрами, вокруг которых концентрировались думы и чувства Римского-Корсакова"¹⁰⁶. Излучение, идущее из этих центров, своеобразно преломилось сквозь "магический кристалл" переживаний художника, придавшего им общезначимый общенародный смысл посредством системы музыкальных знаков. Поскольку же музыка является одной из сфер культуры, имеющей, подобно другим сферам, свою историю, нераздельно сопряженную с историей народной жизни, субъектная (данная в форме переживаний) сторона восприятия музыкальных творений не может быть иной, кроме как культурно-исторической. Отсюда и единственно адекватный природе переживания способ его научного изучения и осмысления.

Соответственно, присущие великому музыканту описываемые в традиционных понятиях психологии свойства (богатое воображение, цветной слух и др.) трактуются

¹⁰⁴ Там же, с. 215.

¹⁰⁵ Там же, с. 182.

¹⁰⁶ Там же, с. 50.

не в качестве непосредственных компонентов способности создавать музыкальные произведения, а как "обеспечивающие" запечатленные в надындивидуальных эстетических ценностях особые чувства природы и народности.

В нашей стране опыт психологической науки подорвал Дильтееву дихотомию. Мы могли убедиться в этом, коснувшись двух направлений изучения такой уникальной психической реальности, как переживание. Общую стратегию научно-психологического исследования Выготский применил к анализу истории переживаний у ребенка; Теплов – к специфике переживаний, творимых музыкой. В обоих случаях применялись общенаучные методы. Огромные пласты объективно изучаемой эмпирической фактуры развития ребенка, развития музыкальных способностей осмысливались в понятиях, способ образования которых был задан историей познания любых реальностей бытия. В то же время переживание рассматривалось в качестве обусловленной историко-культурными факторами функции личности как телесно-духовной целостности, образуемой нераздельностью с ее социальной средой.

В противовес версии о том, что сфера переживаний личности в ее органичной причастности миру истории, культуры, духовной жизни может быть освоена не иначе как посредством особого интуитивного постижения, описания, вчувствования, сопереживания, русские психологи в 20-30-е годы вышли на общенаучный путь ее исследования. Они отвергли и версию о "двух психологиях" – естественнонаучной и культурно-научной – и заключенную в ней установку на то, чтобы возвести переживание в неподвластный причинному объяснению и объективному методу эксквизитный личностный феномен.

Так, первый проект преобразования психологии Л.С. Выготский строил на замысле ее слияния в единую науку, выстроенную на понятии о речевом рефлексе. В качестве такового это понятие включало в себя как реальное, подобное любому рефлексу, телесное действие, так и два семиотических компонента – знак и значение.

Оба эти компонента не могли не осознаваться Выготским. Но ни один, ни другой не стали на первых порах основанием построения конкретных исследовательских программ. Абрис первой из программ наметился, когда от речевого рефлекса как действия организма был отсечен содержащийся в нем знак, ставший опорой концепции, названной инструментальной психологией. Что же касается неотделимого от этого знака значения, то оно могло существовать в творческом сознании Выготского только на надсознательном уровне и, по его собственному признанию, оно в научно-теоретических исследованиях в течение ряда лет им игнорировалось. Лишь впоследствии, когда его программа, центрированная на знаке, оказалась исчерпанной, категория значения из сферы надсознательного вышла на уровень теоретического сознания. У Выготского зародилась программа изучения эволюции значения в онтогенезе. (Заметим, что психологической ипостасью значения служит реальность, обозначаемая категорией образа, тогда как знак в психологическом плане обслуживал у Выготского изучение реальности, отображаемой категорией действия.) Логика развития мысли Выготского (раскрываемая категориальным анализом) на этом не оборвалась.

Последним в научно-психологическом глоссарии Выготского появился термин "переживание". Он объявляет его главной "клеточкой" в структуре сознания. И это было не возвращением к одной из упущенных альтернатив, а конечным пунктом, к

которому его привела логика психологического познания. Сначала он сосредоточился на так и оставшемся незаконченным трактате "Учение об эмоциях". Он обратился к нему, надеясь справиться с задачей, которую сформулировал в работе "Мышление и речь", – преодолеть интеллектуализм в трактовке интеллектуальных процессов, утвердить единство "мышления и аффекта". Но в пределах этой формулы решение вопросов, с которыми столкнуло изучение личности ребенка, не уместилось. Ибо переживание не удавалось идентифицировать с аффектом или каким-либо другим эмоциональным состоянием. Оно имело собственный категориальный статус. Выготский и утвердил его в своей концепции о динамике переживаний в переходах ребенка от одного возрастного кризиса к другому. За этой теоретической схемой стоял сдвиг в категориальных основаниях исследований развития личности.

Часть третья. МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Глава 9. КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ¹⁰⁷

Становление понятия "личность" в психологии

Личность – важнейшая среди метапсихологических категорий. В ней оказываются интегрированы, к ней стянуты все базовые категории: индивид, образ, действие, мотив, отношение, переживание.

Человек, как это очевидно, не конгломерат разрозненных признаков, психических элементов. В практике общения люди усматривают друг в друге более или менее целостный образ, который позволяет отличать одного субъекта от другого по его не только внешнему, но и внутреннему облику.

Как говорилось выше, проблема личности и сущности ее психологических характеристик приобрела в России остроту и актуальность в 60-80-е годы XX века и породила оживленные дискуссии.

Уже к середине 70-х годов был преодолен "коллекционерский" подход к личности, превращавший ее в некую емкость, принимающую в себя черты темперамента, характера, преобладающие потребности и интересы, способности, склонности, когда личность выступала как набор качеств, свойств, характеристик, особенностей. В условиях такого подхода задача психолога сводилась к каталогизации всех этих признаков и выявлению индивидуальной неповторимости их сочетаний для каждого отдельного человека.

Представление о личности как коллекции индивидуальных черт оказывалось удивительно неэвристичным уже хотя бы потому, что стирало грань между понятиями "личность" и "индивид", дробило личность на составляющие, рядоположенные друг другу, и лишало понятие "личность" его категориального содержания, той высшей

¹⁰⁷ В четырехуровневой категориальной системе, рассмотренной в заключительной главе книги, личность включена в более высокий (экстрапсихологический) уровень.

степени обобщенности, без которой не может быть построена ни одна психологическая концепция.

При подобной "коллекционерской" ориентации быстро выявились затруднения, связанные с переходом от общепсихологического понимания личности к рассмотрению проблем ее формирования в возрастной и педагогической психологии, ее реабилитации – в медицинской психологии и патопсихологии, наконец, к изучению ее в системе межличностных отношений в социальной психологии. Все это поставило в повестку дня вопрос о необходимости структурирования многочисленных личностных качеств (число которых, как было уже тогда подсчитано, равнялось полутора тысячам, а то и больше). С середины 60-х годов предпринимаются попытки выяснить общую структуру личности. Бесспорно, это было шагом вперед по сравнению с преобладавшими в прошлом перечислительными трактовками.

Однако очень скоро обнаружилось, что общая структура личности интерпретируется главным образом как некая контаминация биологически и социально обусловленных ее особенностей. Проблема соотношения биологического и социального с этого момента приобретает едва ли не центральное положение в психологии личности. Полемика по проблемам личности (1969) во многом проходила под знаком понимания ее как биосоциального существа и структурного подхода к ней. И хотя понимание структуры личности вызывало споры, все больше утверждалось мнение, что в личности должны быть выделены "исключительно социально обусловленная подструктура" и "биологически обусловленная подструктура". Правда, иногда указывалось на наличие еще двух подструктур – опыта и индивидуальных особенностей форм отражения, но отнесение их к сфере социального или биологического не уточнялось, а глухо отмечался их промежуточный характер.

Такое структурирование было бы понятно, если бы речь шла о человеке как индивидуальности. Биосоциальная природа человека и его индивидуальности спора вызывать не может. Но личность – субъект и продукт общественного развития, превратившего биологическую особь в творца исторического процесса, – явно не могла сохранять биологическую подструктуру, рядоположенную подструктуре социальной. Нельзя было ставить знак равенства между понятиями "личность" и "человек", "личность" и "индивид".

Разумеется, сома индивида, его эндокринная система, преимущества и дефекты его физической организации влияют на течение его психических процессов, формирование психических особенностей. Но из этого не следует, что "четверть" или "треть" его личности – как особая подструктура – должна быть отдана в ведение биологии. Биологическое, входя в личность человека, становится социальным, переходит в социальное. Например, мозговая патология порождает в человеке, в структуре его индивидуальности, биологически обусловленные психологические черты, но личностными чертами, конкретными особенностями личности они становятся или не становятся в силу социальной детерминации. Оставался ли этот индивид как личность просто умственно неполноценным или он становился почитаемым "юродивым", "блаженным", то есть своего рода исторической личностью, к пророчествам которого в давние времена прислушивались люди, зависело от ис-

торической среды, в которой его индивидуально-психологические черты сформировались и проявились. Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально-обусловленные ее элементы.

К концу 70-х годов ориентация на структурный подход к проблеме личности сменяется тенденцией применения системного подхода. Можно ли здесь говорить о каком-либо новом этапе развития психологической теории? Этот вопрос уместен, если учесть, что не так просто уловить разницу в использовании понятий "структурный подход" и "системный подход". Не случайно часто пишут через дефис: "системно-структурный подход". И все-таки есть определенные основания для выделения нового этапа теоретического развития. Дело в конечном счете не в фактическом сближении (а может быть, и неразличимости) понятий "структура" и "система", а в том, что на самом деле мыслят в каждом из этих понятий в конкретно-психологических исследованиях.

Методологическая и экспериментальная работа, протекавшая в рамках структурного подхода, сосредоточила внимание психологов на классическом вопросе, как относится часть к целому и целое к части – целостная структура личности к различным ее подструктурам, и наоборот. И все в основном вращалось вокруг этого. Главное, очевидно, в том, что "структуралистские" декларации не были в свое время обоснованы и поддержаны предварительной методологической проработкой; философский анализ понятия "структура личности" не предшествовал анализу психологическому. И это не могло не сказаться на результатах.

Иная ситуация характеризует применение системного подхода к разработке психологической теории личности. За его "подключением" к психологии стоит длительная и эффективная работа специалистов-"системников". Это именно та обязательная методологическая проработка, без которой нельзя всерьез приниматься за решение конкретных психологических проблем. Необходимо было усвоить общие принципы системного анализа, после чего можно было переносить его в психологию личности. Однако нельзя сказать, что так уж легко и просто осуществить такой процесс. Например, принципы системного анализа, обязательные для построения теории личности, требуют выделения системообразующего признака личности, но тот системообразующий признак должен быть обнаружен не в общих системных представлениях, а в самой ткани психологической реальности.

Признание несомненного единства, но не тождества понятий "личность" и "индивид" (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев и другие) порождало ряд вопросов и среди них вопрос о том, что представляет собой это особое системное качество индивида, которое обозначается термином "личность" и оказывается несводимым к биологическим предпосылкам, включенным в природу его носителя – индивида.

А.Н. Леонтьев писал: "Личность ≠ индивид: это особое качество, которое приобретает индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается... Иначе говоря, личность есть системное и поэтому "сверхчувственное" качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами". И там же: "С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся иссле-

дования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это – исследование его места, позиции в системе, которая есть система общественных связей, общений, которые открываются ему; это исследование того, что, ради чего и как использует человек врожденное ему и приобретенное им..."¹⁰⁸

Предложенному А.Н. Леонтьевым пониманию соотношения индивида и личности, заключающемуся в "новом психологическом измерении", ином, чем измерение, в котором ведутся исследования психических процессов, свойств и состояний человека (другими словами, за пределами традиционного "индивидуально- или дифференциально-психологического" раздела общей психологии), во многом отвечает концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений. С этой точки зрения личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти связи вполне реальны, но по природе своей "сверхчувственны"; они заключены в конкретных свойствах индивида, но к ним несводимы; они даны исследователю в проявлениях личности каждого члена группы, но вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, определяющие особую позицию каждого в системе межличностных связей, шире – в системе отношений в социуме.

"Существование личности" как психологическая проблема¹⁰⁹

Формула "Личность ≠ индивид" побуждает исследователей к постановке парадоксального вопроса: "Существует ли личность?" В этом виде он представлен в теории самопричинности личности, развиваемой В.А.Петровским.

Определяющей характеристикой личности в данной теории является субъектность – полагающая себя причинность индивида в его взаимоотношениях с миром. "Быть личностью" – значит быть субъектом себя самого, своего существования в мире, носителем идеи "Я" как причины себя (идеи "causa sui"). Исходным пунктом развертки теории является сомнение в самой возможности для индивида быть субъектом себя, то есть целостным, целеустремленным, развивающимся существом, что, в свою очередь, равносильно сомнению в подлинности самого феномена "личностности". Источник этого сомнения – в трудности примирить идею субъектности человека с традицией телеологического истолкования активности ("постулат сообразности"), а также альтернативной схемой – внецелевой интерпретации источников и механизмов активности ("принцип неадаптивности").

Суть "постулата сообразности" заключается в том, что индивиду приписывают будто бы изначально свойственное ему стремление к "внутренней цели", полагая при этом, что она "как закон" определяет все проявления его активности. Активность, согласно постулату сообразности, должна быть понята как в глубине своей соответствующая – "сообразная" – изначальным устремлениям, в которых якобы заранее предвосхищено некоторое будущее состояние индивида; предполагается, что такая "внутренняя цель" устремлений может не осознаваться, но она обяза-

¹⁰⁸ Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв. Т. 1. М., 1983, с. 385.

¹⁰⁹ Данный параграф и следующий ("Л.С.Выготский о личности") написаны при участии В.А.Петровского.

тельно есть. Отклонение от этого, всеми подразумеваемого соответствия расценивается как признак несовершенства (болезнь, незрелость, некомпетентность и т.п.). Если под адаптивностью (в широком смысле) понимать своего рода нацеленность индивида на реализацию этой "внутренней цели" (Цели с большой буквы), то речь здесь, таким образом, идет о тотальной адаптивной направленности психических процессов и поведенческих актов, стремлении элиминировать все, что не относится к Цели (поэтому термины "сообразность" и "адаптивность" в указанном смысле – синонимы). "Постулат сообразности" как общий принцип интерпретации активности присущ коллективному бессознательному исследователей, принимающих на веру существование гипотетической Цели; но эта, прямо не формулируемая, телеологическая предпосылка манифестирует себя в гомеостатических, гедонистических, прагматических и других концепциях и версиях происходящего – в зависимости от того, как истолкована постулируемая "изначальная Цель" ("равновесие", "наслаждение", "извлечение преимуществ" и др.).

Анализ показывает, что "постулат сообразности" несовместим с представлениями о личности как целокупном субъекте активности: его свобода выступает здесь как иллюзия самосознания, целеполагание сводится к заданности, целостность – к единообразию, развитие – к самодетерминации в рамках предсуществующего ("преформизм"). Кроме того, обнаруживается самопротиворечивость гомеостатической, гедонистической, прагматической разновидностей постулата сообразности; они как бы свидетельствуют "против себя", снимают себя изнутри: "гомеостатический" человек, стремясь к душевному равновесию, расплачивается за него уязвимостью; "гедонистический" человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями; "прагматический" человек, о котором иногда говорят, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело (Э. Берн), упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже.

Итак, вырисовывается дилемма: либо телеологическая парадигма, представленная различными вариантами "нацеленности" индивида на конечную Цель, и тогда человек бессубъектен, то есть не выступает как причина себя, либо идея субъектности, и тогда постулату сообразности должен быть противопоставлен альтернативный принцип истолкования активности. Таков принцип неадаптивности – расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами. Индивид здесь выступает как "трансцендирующее существо". Однако при этом неадаптивность как выход за границы предустановленного может иметь произвольный и непредотвратимый характер.

Следовательно, если отказаться от принципа неадаптивности, то сейчас же выясняется, что идея субъектности девальвируется: свобода человека подменяется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы; целеустремленность обесмысливается, выглядит самообманом; целостность утрачивается; развитие лишается вектора.

Возможный путь восстановления в правах представлений о субъектности индивида заключается в принятии идеи самотрансценденции. Суть самотрансценден-

ции состоит в предпочтении индивидом действий, результат которых непредре-шен. Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного переживается им как вызов, отвечая на который, он производит (полагает) себя как субъект. Стремясь предреши́ть непредре́шенное, свою зависимость от обстоятельств он превращает в зависимость обстоятельств от себя как деятеля. Поступая на свой страх и риск, он выявляет особое, скрытое под спудом других его черт качество – "быть субъек-том" себя самого, или, иначе, – причиной себя.

На основе метода "виртуальной субъектности" (В.А. Петровский, 1975, 1993) очер-чен класс явлений активной неадаптивности – в витальных проявлениях индивида ("бескорыстный риск"), духовно-практической деятельности ("презумпция суще-ствования решения"), деятельности общения ("испытание близости доверием"), деятельности самосознания ("парадокс Эдипа" – нежелание, чтобы тебя "вычис-лили"; устремленность к измененным состояниям сознания) и др. Описан гипоте-тический механизм продуцирования активно-неадаптивных действий: имитация условий, породивших неординарный опыт (в том числе и негативный опыт, что про-тиворечит "закону эффе́кта" Торндайка). Выделены такие разновидности воспро-изводства условий неординарного опыта, как "эвристическое моделирование" (что в моих действиях привело к успеху?), "фрустрационное" (что в моих действиях вы-звало неуспех?) и "моделирование границ" (в каких пределах успех для меня веро-ятнее неуспеха?). Парадокс состоит в том, что в ряде случаев для того, чтобы из-бежать неуспеха в будущем, необходимо подвергнуть себя риску неуспеха в насто-ящем "пройтись по кромке", а это чревато травмой. Требуется дополнительное по-буждение к действию, в функции которого и выступает мотив самоиспытания ин-дивида как субъекта активности.

В теории самопричинности личности принципиально различаются моменты ста-новления (активная неадаптивность) и существования индивида как субъекта; "су-ществовать" – значит воспроизводиться, то есть обретать качество своей отражен-ности в мире (качество "инобытия").

Метафорически проблема формулируется так: если принять, что, отстаивая свою субъектность, человек преодолевает границы себя как деятеля в своих жизненных, предметных или социальных отношениях с миром, а также отношениях, сложив-шихся с "самим собой", то спрашивается: "выходя", в какие миры он "входит", то есть где обретает свою отраженность?

Формулировка того же вопроса, только в другом контексте анализа, была предло-жена отечественным философом Э.В. Ильенковым. Вопрос этот звучал эпатиру-юще просто: "Где (в каком пространстве) существует личность?"

В теории самопричинности личности совмещаются четыре ответа на этот вопрос: Жизнь, Культура, Другой человек, Я сам – вот те "пространства", где существует личность. Речь, повторяем, идет о существовании личности как единомножия субъ-ектов жизнедеятельности, предметной (культурупорождающей) деятельности, де-ятельности общения и, наконец, деятельности самосознания. Иначе говоря, пред-полагается, что человек каждой из своих субъектных ипостасей, трансцендируя, вступает в каждую из четырех этих сфер, обретая таким образом в них свое при-сутствие (человек есть "присутствие", писал М. Хайдеггер).

Наиболее полно такая трактовка личности реализована в исследованиях "отраженной субъектности" (персонализированности) индивида в жизненном мире других людей. Именно в этой сфере с особой рельефностью выступает феномен нетождественности "индивидуального" и "личностного" в человеке.

Обобщением сказанного о личности в теории самопричинности может служить следующее наиболее общее понимание личности. Личность есть особая – идеальная – форма бытия человека, придающая ему свойство субъективности, то есть способности быть причиной себя, воспроизводить свое бытие в мире.

Принципиально возможны два ракурса анализа источника и форм обнаружения субъектности человека: синхронический (феноменология "здесь-и-теперь-бытия" личности) и диахронический (анализ того, как складывается и постепенно выявляется в эволюционно-историческом ряду субъектное качество человека). В этой связи есть смысл сравнить единые по своим базисным ориентирам теорию личности как самопричинного существа и теорию личности, складывающуюся в рамках историко-эволюционного подхода А.Г. Асмолова. Логико-теоретическая аргументация и опорные феномены первой отражают скорее синхронический аспект существования личности – полагая себя как субъект и запечатлеваясь в своей субъектности, человеческий индивид присутствует в том "психологическом пространстве", которое он может освоить физически или мысленно. Он действует в той "части" истории, которая столь же является историей человечества, сколь и его собственной личной историей. Путь, который он прошел сам и который будет пройден им вместе с другими, а в конечном счете (за гранью физического его бытия) посредством других, субъективируется им как имманентная часть его самого, что и "схвачено" в формуле "causa sui".

Иной аспект особо выделен и разработан в рамках историко-эволюционного подхода к пониманию личности. Метафорически центральная проблема формулируется здесь в виде вопроса: если личность есть, то "зачем" она есть? Метафоричность вопроса состоит, очевидно, в том, что автор анализируемого подхода, конечно, далек от какой-либо телеологизации Истории, и в частности взаимоотношений, "складывающихся" между Личностью и Историей. Наоборот, ему претит какая-либо рационализация происходящего. Речь идет лишь о том, чтобы понять, почему феномен личности сохранился, а точнее, постоянно воспроизводится в истории, какую роль "нерациональное" (скажем еще более определенно – "иррациональное") играет в процессе становления человека человеком. В личности как системном качестве индивида А.Г. Асмоловым выделяется социотипическое (его характеризует преемственность) и индивидуально-своеобразное, выражаемое термином "индивидуальность". В центре внимания при этом оказываются: филогенетические предпосылки и следствия вариативности индивидов, становление образцов "необщего действия" (точнее, становление "необщности" как образца, ценности), механизмы становления, функционирования (установки) и блокирования стереотипов, застопоривающих прогресс, своего рода типизация нетипичных индивидуумов (они-то и способны внести вклад в движение истории), построение и практическая реализация новых моделей образования, центрированных на индивидуальности человека. В рамках этого особого – диахронического – подхода к психологическому постижению личностного в человеке личность, таким образом, рассматривается как субъект превращения эволюции в историю.

Итак, личность как форма существования субъектности индивида представлена феноменами не только его "здесь-и-теперь-бытия", но и его движения в истории. В новом ракурсе они подтверждают взгляд на личность как самопричинное существо, сущность которого состоит в определении собственных границ и выходе за их пределы, а существование – в многомерной отраженности индивида в мире.

Как же вычленить собственно личностные характеристики индивида в сфере его взаимоотношений с другими людьми, если считать, что они не совпадают с индивидуально-типологическими особенностями человека и не растворяются без остатка в межиндивидных связях?

В силу единства, но не тождества личности и индивида личность как особое "системное качество" индивида раскрывается не в одном "пространстве", или "психологическом измерении", но в трех пространствах. Могут быть, соответственно, заданы три аспекта рассмотрения личности, три ее репрезентации.

Первый аспект, первое измерение – личность трактуется как свойство, погруженное в пространство индивидуальной жизни субъекта. Личность прежде всего выступает в аспекте ее индивидуальности, в ее отличиях от других. В этом же измерении обнаруживаются социально-культурные варианты понимания личности, где подчеркивается социальная детерминация особенностей ее поведения и сознания. Здесь же и понимание личности как субъекта активности. В этих интерпретациях содержатся различные способы понимания единичного и всеобщего в индивидуальности. Взятый в своих индивидуальных различиях, индивид выступает в своей не тождественности всеобщему и через свое не слияние с ним выявляет себя как личность. Вместе с тем в идее присвоения индивидом элементов культуры, предметного бытия общественного целого, личность утверждает свою общность с социальным целым. В идее активности индивид как личность оказывается как бы поверх барьеров своей природной или ситуативной ограниченности.

Второе измерение – способ понимания личности, где сферой ее определения и существования становится "пространство межиндивидных связей". Не сам по себе индивид, способный к деятельности и общению, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида (а фактически общность, группа), рассматриваются в качестве носителей личности каждого из них. Из этого следует, что личность как бы обретает свое особое бытие, отличающееся от телесного бытия индивида: "Философ-материалист, понимающий "телесность" личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в "ансамбле") предметных, вещественно-осуществляемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку "структуры личности" в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности"¹¹⁰.

Примечательно, что, переводя рассмотрение личности в это интериндивидное пространство, мы обретаем возможность ответить на вопрос о том, что представляют

¹¹⁰ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность? М., 1979, с. 216.

собой многие хорошо исследованные социальной психологией феномены (самоопределение личности и т.д.). Что это: собственно групповые или личностные явления? По-видимому, в интериндивидуальном измерении ложная альтернатива (личностное или групповое?) оказывается преодоленной. Личностное выступает через групповое, групповое – через личностное. Вопрос, таким образом, снимается.

Наконец, третье измерение. Необходимость обратиться к нему продиктована некоторыми реальными ограничениями, которые приходится иметь в виду. Спрашивается: а что происходит с личностью индивида за пределами интериндивидуального пространства? Продолжает ли личность как системное качество индивидов, пребывающих в ситуации взаимодействия, "существовать" и за границами общей для них ситуации, "по ту сторону" актуального общения? Второй вопрос. До сих пор бытие личности предполагалось существующим, то есть развертывающимся и фиксирующимся главным образом в предметно-вещной или функционально-инструментальной, объектной стороне связей между индивидами. Но, может быть, существуют собственно субъектные формы фиксации бытия данного индивида в других людях? И последний вопрос. Интерсубъектные представления о личности исходят из имплицитного допущения тождества социальной активности и ее конечных эффектов. Но это не всегда так. Индивид способен вызвать значимые для другого индивида изменения, однако от собственных побуждений первого лица прямо не зависящие, возникающие как бы помимо, а иногда даже вопреки его воле. "Так кто ж ты, наконец? – Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо" (И. Гёте. Фауст). Нет необходимости говорить об очевидных противоположных случаях бесплодной активности. Поэтому не следует ли эффекты воздействия выделить в особую категорию психологических явлений, хотя и связанных, но не отождествляемых с проявлениями социальной активности индивидов?

Третье измерение личности индивида и будет ответом на все эти вопросы.

Итак, по-видимому, существует еще одно пространство, в котором развертывается личность как системное качество индивида. Личность при этом не только выносится за рамки самого индивидуального субъекта, но и перемещается за пределы его актуальных связей с другими индивидами, за пределы наличной совместной деятельности с ними. Здесь как бы вновь происходит погружение личностного в пространство бытия индивида, но на этот раз – в "другого" ("других"). В этом случае в центре внимания психолога оказываются вклады в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством деятельности. Индивид выступает как субъект этих активно осуществляемых преобразований так или иначе связанных с ним людей. Таким образом, мы уже видим личность под новым углом зрения: важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усмотреть в наборе имманентных качеств индивида, предлагается искать не только в нем самом, но и в других людях.

Следовательно, прокладывается новый путь интерпретации личности: она выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его "инобытие" в них (и, между прочим, и себе как "другом"), как его персонализация. Сущность этой идеальной представленности, этих "вкладов" – в тех реальных смысловых преобразованиях, действительных изменениях интеллектуальной и аффективно-потребностной сферы личности другого человека, которые производят деятельность

индивида и его участие в совместной деятельности. "Инобытие" индивида в других людях – это не статический отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода продолжении себя в другом. Здесь схватывается важнейшая особенность личности (если она действительно личность) – обрести вторую, имеющую свою динамику, жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения.

Феномен персонализации открывает возможность пояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность "полностью" не умирает. Вспомним слова А.С. Пушкина: "Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит". Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный и других людях, он продолжается, порождая у них переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида и его материальным исчезновением. В словах "он живет в нас и после смерти" нет ни мистики, ни чистой метафоричности – это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев.

Разумеется, личность может быть характеризуема только в единстве всех трех предложенных аспектов рассмотрения: как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как представителе социального целого. Одна и та же черта личности выступает по-разному в каждом из "пространств", но это та же самая черта.

Определяющей характеристикой личности служит ее активность, которая в интраиндивидуальном плане выступает в явлениях выхода за рамки ситуативных требований и ролевых предписаний (реактивности), то есть в феноменах "надситуативной", "надролевой" активности; в интериндивидуальном плане – в поступках, социальных актах; в метаиндивидуальном плане – в деяниях, то есть в реальных вкладах в других людей. Понятие "деяние" используется здесь в смысле, близком к гегелевской трактовке: "Деяние – это, собственно говоря, произведенное изменение и произведенное определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было и сознании, то, следовательно, что воля признает своим"¹¹¹.

Следуя логике данного подхода, можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах, и в частности в самом себе как "другом", что формирует в других идеальную его представленность – его "личностность", то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности. Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, имеющей возможность взвесить эти личностные вклады достаточно точно. Напомним, что, изменяя других, личность тем самым изменяет себя и что ее вклады в других есть изменение и преобразование ее

¹¹¹ Гегель Г. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971, с. 10.

собственных личностных характеристик ("Через других мы становимся самими собой", – писал Л.С. Выготский).

Если подлинную личность метафорически можно трактовать как источник некоей мощной радиации, преобразующей связанных с этой личностью в условиях действительностного опосредствования людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становится причиной различных мутаций и т.д.), то индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину, гипотетической частице, которая пронизывает любую, сколь угодно плотную, среду, не производя в ней никаких – ни полезных, ни вредных – изменений. "Безличность" – это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, от которого "не жарко и не холодно", чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни и тем самым лишает его самого личности.

Может возникнуть вопрос: если личность и индивид нетождественны, то, считая теоретически возможным наличие индивида, не осуществившего себя как личность, допустимо ли предположить существование личности без индивида? Допустимо, но это будет квазиличность. Если даже предположить, что не было Иисуса Христа как конкретного индивида, его личность, сконструированная евангельскими текстами, оказывала огромное влияние на социальную жизнь и христианскую культуру в течение двух тысячелетий, структурируя личности и судьбы людей, их взгляды, чувства и убеждения. Преобразующее влияние здесь оказывается не менее действенным, чем влияние иной абсолютно достоверной исторической личности.

Разумеется, индивид без личности, как и квазиличность без индивида, – явление исключительное, но обращение к такой гипотетической ситуации как мысленному эксперименту достаточно показательно для понимания проблемы единства и нетождественности личности и индивида. Вместе с тем рассмотренная здесь идея трех измерений в описании личности не может быть, как мы считаем, сведена к проблеме соотношения индивида и личности. Она открывает возможность ответить на многие другие, давно – еще в 20-30-е годы – поставленные вопросы психологии личности.

Л.С. Выготский о личности

Рассматривая состояние психологической науки, Л.С. Выготский отмечал, что для нее до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии – проблема личности и ее развития. И далее: "Только решительный выход за методологические пределы традиционной детской психологии может привести нас к исследованию развития того самого высшего психического синтеза, который с полным основанием должен быть назван личностью ребенка"¹¹².

¹¹² Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 3. М., 1983, с. 41.

Обратившись к трудам Выготского, можно выделить по меньшей мере четыре идеи, исключительно конструктивные и образующие в целом определенные предпосылки для становления психологической концепции личности, оформление которой заботит нас сегодня.

Первая идея – идея активности индивида, с особенной силой выступившая не только в теоретических конструкциях Выготского, но и в разработанном им инструментальном методе исследования развития высших психических функций. В позднейших интерпретациях и конкретных приложениях инструментального метода подчеркивалось прежде всего значение орудия для формирования высших психических функций и фактически не уделялось должного внимания принципу свободного обращения индивида к орудию (использование знака или отказ от него, форма обращения со знаком и т.д.). Между тем, в отличие от некоторых современных методов формирования психических функций (алгоритмизация обучения, поэтапное формирование умственных действий), в экспериментальных исследованиях Выготского обращение к орудию и способ действия с ним не предписывались и тем более не являлись сколько-нибудь принудительными. Орудие рассматривалось Выготским как возможная точка приложения сил индивида, а сам индивид выступал как носитель активности. В инициативе индивида, обращающегося или не обращающегося к орудию, и самом способе использования орудия сказывалась и отчетливо выступала перед исследователем непосредственно ненормированная социумом активность.

Сама суть разработанного им инструментального метода – по крайней мере в плане возрастного подхода – как раз и состояла в том, чтобы установить активную роль субъекта, ребенка, обращающегося к орудию. В частности, предполагалось выяснить возрастные границы обращения ребенка к внешнему средству, как, впрочем, и возрастные рубежи отмирания потребности по внешним средствам, организующих деятельность. Переход извне вовнутрь изначально трактовался Выготским как обусловленный активностью субъекта. Одной из важнейших теоретических предпосылок инструментального метода явился именно принцип активности индивида – "активное вмешательство человека в ситуацию", его "активная роль, его поведение, состоящее во введении новых стимулов"¹¹³.

"Человека забыли", – пишет Выготский, критикуя механическую схему "стимул-реакция". Таким образом, Выготский наметил своего рода возврат человека в психологию, вплотную подводя ее к проблеме личности как активного индивида.

Вторая идея, возникающая на путях преодоления натуралистического подхода к психологическим (феноменам, – мысль Выготского об основной особенности психических свойств человека: их опосредствованном характере. Функцию опосредствования, как известно, обеспечивают знаки, с помощью которых происходит овладение поведением, его социальная детерминация. Применение знаков, то есть переход к опосредствующей деятельности, в корне перестраивает психику, усиливая и расширяя систему психической активности. Именно эта идея оказалась особенно плодотворной для разработки наиболее развитых отраслей психологи-

¹¹³ Там же, с. 75.

ческой науки, прежде всего детской и педагогической психологии. Принцип опосредствования оказался здесь ведущим, активно противостоящим бихевиористским схемам.

Как было показано выше, теоретический принцип, столь продуктивный для областей психологии, составлявших предмет особого интереса Выготского, был распространен на область социальной психологии, в частности на изучение групп и отношений между людьми, на психологию личности в группах. Эта позиция определила в 70-е годы поиск, направленный на адекватное теоретическое решение проблемы межличностных отношений.

Третья идея – положение об интериоризации социальных отношений. При рассмотрении генезиса высших психических функций ребенка эта идея выступила в трудах Выготского прежде всего с "безличной", орудийной стороны. Он отмечает, что знак, находящийся вне организма, как и орудие, отделен от личности и служит, по существу, общественным органом или социальным средством. Однако в рамках тех же представлений существовала возможность разрабатывать наряду и в связи с вопросом об интериоризации орудийных моментов проблему интериоризации собственно субъектных (активных, интенциональных) моментов, представленных в социальных отношениях.

Акты интериоризации, как отмечал Выготский, совершаются главным образом в процессах общения. Общение рассматривается им как процесс, основанный на разумном понимании и намеренной передаче мыслей и переживаний с помощью известной системы средств. Последнее означает, что социальные отношения, оставаясь орудийно опосредствованными, суть отношения конкретных индивидов и несут, следовательно, отпечаток их индивидуальности. Выготский пишет о "передаче переживаний". Допустимо предположение, что в этих процессах происходит как бы перенос индивидуальных характеристик общающихся и формирование идеальной представленности их в чужом "Я". Не в том ли состоит специфика обучения в отличие от воспитания, что первое связано преимущественно с орудийно безличным характером передачи и усвоения социального опыта, а второе с трансляцией прежде всего субъектных качеств индивидов. И тогда (в иных терминах) первое – трансляция "значений", второе – "личностных смыслов" и переживаний. И то и другое, впрочем, выступает в единстве, распадающемся лишь в условиях теоретического анализа или дидактического изложения.

Представляется, если следовать самой логике развертки идей активности, опосредствованности и интериоризации социальных отношений, что личность (в данном случае, разумеется, для нас, а не для Выготского) выступает в качестве своеобразного синтеза собственных качеств данного индивида и интериоризированных субъектно-интенциональных качеств других индивидов. К этому выводу мы неизбежно приходим, если брать понятие интериоризации в полном объеме, а не только утилитарно практическом. Личность тогда оказывается невозможной без интериоризированных в данного индивида других индивидов, формирующих свое "представительство" в первом, ибо, как было уже отмечено, "через других мы становимся самими собой" (Выготский). Личность индивида должна быть раскрыта также и со стороны бытия данного индивида в других индивидах и для других индивидов. И тогда оказывается, что конкретно охарактеризовать личность – значит

ответить не только на вопрос о том, кто из других людей и каким образом представлен (интериоризирован) по мне, но и как я сам и в ком именно состою и качестве "другого", как бы изнутри определяя чье-либо сознание и поведение.

Здесь, следовательно, открывается и новая проблема: каким образом индивид обуславливает свое "присутствие" в других индивидах. Выясняя, что представляет собой данный индивид "для других" и "в других", как и то, что они представляют "для него" и "в нем", мы в первую очередь сталкиваемся с эффектом "зеркала", когда некто как бы отражается в восприятии, суждении и оценках окружающих его индивидов. Эта линия исследования представлена во множестве психологических работ по социальной перцепции (Г.М. Андреевой и др.).

Другой путь, практически лишь намеченный, ориентирует исследователя на анализ феноменов и механизмов реальной представленности данного индивида как субъекта активности в жизнедеятельности других людей. На этом пути "для других" бытие индивида выступает как относительно автономное ("отщепленное", "независимое") от него самого. По существу, перед нами проблема "идеального бытия" индивида.

И наконец, четвертая идея, только пунктирно намеченная Выготским: становление личности заключается в переходах между состояниями "в-себе", "для-других", "для-себя-бытия". Эта идея была им проиллюстрирована на примере всего развития высших психических функций: "Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других. Это и есть процесс становления личности"¹¹⁴.

С этим положением Выготского нельзя не согласиться, но нужно задать вопрос: а что именно личность "предъявляет для других?" Действие? Поступок? Или, может быть, что-то еще?

В ранней работе "Педагогическая психология" Выготский весьма близко подошел к рассмотрению этой проблемы. Надо сказать, что наиболее интересные страницы этой книги касаются эстетического восприятия и переживания, художественного воспитания ребенка. Л.С. Выготский уделяет особое внимание изучению волновавшей его проблемы "морального последействия искусства", в котором действие перетекает в его результат, не предусмотренный намеренно. "Моральное последействие искусства, несомненно, существует и обнаруживается не в чем другом, как в некоторой внутренней проясненности душевного мира, в некотором изживании интимных конфликтов и, следовательно, в освобождении некоторых скованных и отесненных сил, в частности сил морального поведения"¹¹⁵.

Что же превращает "моральное последействие искусства" в своеобразное деяние? Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Выготский приводит ряд примеров из художественной литературы. Так, он вспоминает рассказ А.П.Чехова "Дома", где повествуется о неудачной попытке отца путем сухих нравоучений объяснить семилетнему мальчику предосудительность курения. И только рассказав наивную сказочку о старом короле и его маленьком сыне, который от курения заболел и умер,

¹¹⁴ Там же, с. 144.

¹¹⁵ Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1926, с. 257.

отец достигает эффекта, для него самого неожиданного, – сын упавшим голосом говорит, что курить больше не будет. Сказка обеспечила "моральное последствие искусства". "Самое действие сказки возбудило и прояснило в психике ребенка такие новые силы, дало ему возможность почувствовать и боязнь и заинтересованность отца в его здоровье с такой новой силой, что моральное последствие ее, подталкиваемое предварительной настойчивостью отца, неожиданно сказалось в том эффекте, которого тщетно добивался отец раньше"¹¹⁶.

К такого рода примерам Выготский обращается не раз. Складывается впечатление, что его вообще интересовали эффекты несовпадения намерений субъекта и произведенного результата, иными словами, его занимала проблема личностных, смысловых преобразований другого человека как аспект соотнесения "в-себе", "для-других" и "для-себя-бытия" индивида. Он пытается интерпретировать психические акты в свете представлений об "активности эстетического переживания", выдвигая гипотезу о существовании особой деятельности, составляющей природу эстетического переживания. "Мы еще не можем сказать точно, – пишет Л.С. Выготский, – в чем она заключается, так как психологический анализ не сказал еще последнего слова о ее составе, но уже и сейчас мы знаем, что здесь идет сложнейшая конструктивная деятельность, осуществляемая слушателем или зрителем и заключающаяся в том, что из предъявляемых внешних впечатлений воспринимающий сам строит и создает эстетический объект, к которому уже и относятся все его последующие реакции"¹¹⁷.

Эту деятельность Выготский обозначает как "вторичный творческий синтез".

В этой связи личность как система обнаруживает себя дважды: в первый раз – в актах социально ориентированной активности, в действиях и поступках, второй раз – в завершающих поступок актах "вторичного творческого синтеза", основанного на встречной активности другого лица.

Взгляды Выготского вплотную подводят к пониманию личности как особой формы организации взаимной активности данного индивида и других индивидов, где реальное бытие индивида органически связано с идеальным бытием других индивидов в нем (аспект индивидуальности) и где в то же время индивид идеально представлен в реальном бытии других людей (аспект персонализации).

Идеи Выготского, складывающиеся главным образом в психологии познавательных процессов и в возрастной и педагогической психологии, успешно экстраполированы в область психологии личности и оказываются там существенно важными для разработки ряда теоретических принципов. Так, можно предположить, что на определенном этапе общественного развития личностное как системное качество индивида начинает выступать в виде особой социальной ценности, своеобразного образца для освоения и реализации в индивидуальной деятельности людей.

¹¹⁶ Там же, с. 258.

¹¹⁷ Там же, с. 252.

"Диалогическая" модель понимания личности: достоинства и ограничения

В последнее время явно обозначилась тенденция трактовать сознание личности в качестве "диалогической" системы и, более того, саму личность как, по существу, диалог (точнее – полилог) всевозможных "Я" (тех, что присущи самому индивиду, а также его реальным или воображаемым партнерам). Провозглашаемая "диалогичность" природы личности побуждает исследователей к утверждению, что личностное, "человеческое в человеке", постижимо главным образом диалогически и что любой другой метод познания в данном случае был бы неадекватен предмету. Определяющий вклад в разработку этой идеи внес М.М. Бахтин.

Для многих современных психологов обращение к трудам выдающегося советского литературоведа М.М. Бахтина и к его идеям о диалогическом строении самосознания личности, ссылки на его авторитет стали своего рода признаком "хорошего тона". В этом, разумеется, нет ничего дурного, но некоторые издержки этого вполне понятного и разделяемого нами увлечения заслуживают, на наш взгляд, обсуждения.

В своей книге "Проблемы поэтики Достоевского" Бахтин осуществляет тончайший и точнейший анализ творчества Ф.М. Достоевского и убедительно показывает, что художественной доминантой построения образа героя для Достоевского служит "самосознание". Герой Достоевского "смотрится как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления в них своего образа; он знает и свое объективное определение, нейтральное как к чужому сознанию, так и к его собственному самосознанию, учитывает точку зрения "третьего". Однако он "знает, что последнее слово за ним". Все герои "Преступления и наказания" уже на второй день действия романа "отразились в сознании Раскольникова, вошли в его сплошь диалогизированный монолог, вошли со своими "пращами", со своими позициями в жизни, и он вступил с ними в напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений. Он уже с самого начала все знает, все учитывает и предвосхищает. Он уже вступил в диалогическое соприкосновение со всей окружающей жизнью"¹¹⁸. У нас нет сомнений в глубине и достоверности анализа творчества Достоевского, проведенного М.М. Бахтиным (хотя мы и не чувствуем себя вправе давать оценки в сторонней для нас области – истории литературы и литературоведении).

Но возникает вопрос: в какую систему психологии как науки вписываются литературно-критические построения Бахтина?

М.М. Бахтин фиксирует парадоксальный факт (хотя и пытается его слегка завуалировать): величайший писатель-психолог, каким был Достоевский, занимал откровенно антипсихологическую позицию, понимая и принимая убеждение своих героев о "недопустимости чужого проникновения в глубины личности". "По художественной мысли Достоевского, – пишет Бахтин, никак не отрицая эту мысль и не выражая даже отдаленно сомнения в ее истинности, – подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Подлинная жизнь

¹¹⁸ Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982, с. 250-260.

личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя. Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится уничтожающей и умертвляющей его ложью, если касается его "святая святых", то есть человека в человеке"¹¹⁹. Мысль Достоевского передана предельно точно, но трудно найти другое столь сильно и лаконично выраженное обвинительное заключение, предъявленное детерминистической психологии, которая в своей экспериментальной практике, минуя интроспекцию, пытается получить (подсмотреть, подсказать, определить) эту заочную правду о личности другого человека, исследуя как раз то ее "вещное бытие", которое Бахтин, в качестве толкователя текстов Достоевского, объявляет "уничтожающей и умертвляющей ложью". Если обратиться к истории русской психологии на рубеже нынешнего и предшествующего столетия, то идея о непроницаемости чужой души (личности, человека в человеке) для постижения, иначе как путем углубленного самонаблюдения, переносится из одного философско-психологического сочинения в другое, начиная с С. Аскольдова, упомянутого Бахтиным рядом с Ф.М. Достоевским, и кончая А.И. Введенским.

Понимая шокирующий характер антипсихологизма Достоевского, Бахтин подчеркивает, что писатель "относился отрицательно" "к современной ему психологии", критиковал "постоянно и резко" механистическую психологию, "осмеивал ее и в романах"¹²⁰. Все это так и есть. И действительно, другой психологии, кроме "современной ему", Достоевский не знал и не мог знать. Но дело в том, что М.М.Бахтин обходит молчанием тот факт, что Достоевский ведет критику "механистической психологии" с позиций значительно менее совершенной – даже для того времени – интроспективной психологии, утверждает ее правоту.

Оправдан ли такой подход? Любому школьнику известно различие между словами "необходимое" и "достаточное"... Об этом различии важно помнить как тогда, когда перед глазами текст Бахтина, так и тогда, когда изучаешь тексты его последователей. Нельзя не согласиться с Бахтиным в том, что без обращения к голосу самой личности никакое знание о ней не может считаться "завершенным": даже знание о том, что есть человек в "объективном свете" (вспомним сказанное об "объективном определении", нейтральном как к чужому сознанию, так и к собственному самосознанию), ни в коей мере не достаточно для понимания человека. Достоевский выявил этот факт (устаами своих героев), а Бахтин, анализируя текст Достоевского, нашел для этого факта должную теоретическую форму. Акцент был поставлен твердо – подлинное в человеке определяется его собственным голосом, противостоящим каким бы то ни было "овнешняющим" и "овеществляющим" заявлениям науки, ибо только "своим голосом" жизнь личности "ответно и свободно раскрывает себя". Но можно ли – и в этом вопрос! – "с голоса" самой личности постичь ее в главном, минуя ступень объективного знания; и так ли уж "нейтрально" это объективное знание в глазах "третьего", что личность, как было сказано об этом знании, лишь "учитывает" его (а, например, не превращает в свой предмет), определяясь в своей подлинной жизни? Иными словами, можно ли ограничиться одним только этим акцентом, пытаясь понять "личностное" в человеке, полагая подобный акцент по сути достаточным (о не только необходимым) условием понимания личности?

¹¹⁹ Там же, с. 256.

¹²⁰ Там же, с. 257.

Создается впечатление, что идущие за Бахтиным исследователи отмалчиваются, предпочитая не обсуждать вплотную этот вопрос. Над ними как бы нависает тень отца-основателя диалогического подхода к личности. Будто личность и есть диалог сознаний, исключительно диалог сознаний, а эмпирическое, основанное на объективных техниках исследование личности способно лишь унижить личность и, больше того, скомпрометировать самого исследователя. Между тем даже тогда, когда в поле нашего зрения глубинный аспект самосознания личности: звучащий "внутри" самой личности и к ней самой обращенный голос "Я", – даже в этом особом случае анализ способен открыть то, что самой личности не явлено как феномен. А именно присутствие в человеке отраженной субъектности значимого другого ("эффект претворенного "Я""). Собственное "Я" человека здесь неотделимо от "Я" другого; голоса настолько сливаются, настолько звучат в унисон, что в самой изощренной интроспекции они не могут быть различимы; требуются специальные средства различения голосов; так, например, посредством призмы можно "разложить" свет на неразличимые иным образом составляющие.¹²¹

Поддерживаемая или, во всяком случае, не опровергаемая Бахтиным идея Достоевского направлена отнюдь не против одной лишь механистической психологии, а против всякого "овнешняющего заочного определения" души и личности человека, другими словами, против любой объективной психологии, против любых попыток проникнуть в "святая святых" личности через ее "вещное бытие" (мы бы сказали – через различные формы ее "опредмечивания"). Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что даже герои Достоевского, не говоря уж о реальных людях, постигая психологию другого человека, никак не минуют его "вещное бытие" и, только принимая во внимание его реалии, могут осуществить "диалогическое проникновение" в глубины личности, увидеть "диалогическую" структуру его самосознания. Обращаясь к критике Достоевским "судебно-следственной психологии, которая в лучшем случае "палка о двух концах", то есть с одинаковой вероятностью допускает принятие взаимно исключающих решений, в худшем же случае – принижаящая человека ложь", М.М. Бахтин пишет: "В "Преступлении и наказании" замечательный следователь Порфирий Петрович – он-то и назвал психологию "палкой о двух концах" – руководствуется не ею, то есть не судебно-следственной психологией, а особой диалогической интуицией, которая и позволяет ему проникнуть в незавершенную и нерешенную душу Раскольникова"¹²². Возникает вопрос, что дала бы действительно замечательному следователю Порфирию Петровичу "диалогическая интуиция", если бы он не располагал такими реалиями "вещного бытия" Раскольникова, как "человека в человеке", какой была статья Родиона Романовича, в которой излагалась идейная программа права на преступление. Именно непреложный факт необходимости обращаться к "овеществленным душам" людей, которую Достоевский на словах отрицает, а на деле использует, и позволяет ему развернуть богатейшие возможности "диалогической" интуиции и проникновения в эти "незавершенные и нерешенные" души. И в конечном счете "диалогическая интуиция" Порфирия Петровича оказывается не чем иным, как эксплицированной рефлексией следователя-психолога, который для построения своего неопровержимого обвинительного заключения ("Как кто убил? ...да вы убили, Родион Романыч!

¹²¹ См.: Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии, №1, 1985; его же. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996, с. 506.

¹²² Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузыря, с. 257.

Вы и убили-с!..") осуществляет блистательную, всестороннюю обработку имеющейся у него информации по всем законам объективной судебно-следственной психологии, которая углубляет и проясняет "диалогическое проникновение", "диалогическую интуицию".

Совершенно необходимо различать позицию писателя как демиурга личности, в сознании которого разворачивается "диалогизированный внутренний монолог" литературных героев, данных ему непосредственно как чувственные образы, созданные его творческим воображением, звучит "спор двух голосов", возникший и разрешаемый в пределах его внутреннего "Я", и позицию психолога как исследователя личности, опосредствованно познающего "человека в человеке", проникающего в суть "внутреннего диалога" реальной личности путем обращения к его "овнешняющему заочному определению", к его "вещному бытию". Во втором случае "диалогическое проникновение" не более как фраза, рудимент интроспективной психологии, а утверждение, что самосознание личности имеет "диалогический характер", достаточно тривиально для психолога, если принять во внимание многократно описанные и экспериментально изученные рефлексивные столкновения разнообразных "Я-образов" во внутреннем пространстве личности.

Свободное перемещение категорий из одной отрасли знания в другую – в данном случае из поэтики в психологию – чревато серьезными методологическими недоразумениями, даже если источником переноса является такой замечательный исследователь, каким был М.М. Бахтин.

В кратком предисловии к публикации текста Бахтина было сказано: "Глубоко гуманистичен в показе Бахтина протест Достоевского против "овнешняющего" и "завершающего" определения личности". Гуманизм Достоевского бесспорен, но можно ли обойтись без комментария психолога, когда речь идет о проблеме детерминизма в психологии личности?

Потребность "быть личностью"

Запечатлевая, продолжая себя в других членах общества, человек упрочивает свое существование. Обеспечивая посредством активного участия в деятельности свое "инобытие" в других людях, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации. Субъективно последняя может выступать в мотивации достижения, притязаний на внимание, славу, дружбу, уважение, положение лидера и может быть или не быть рефлексирована, осознана. Потребность индивида быть личностью становится условием формирования у других людей способности видеть в нем личность, жизненно необходимую для поддержания единства, общности, преемственности, передачи способов и результатов деятельности и, что особенно важно, установления доверия друг к другу, без чего трудно надеяться на успех общего дела.

Таким образом, выделяя себя как индивидуальность, добиваясь дифференциальной оценки себя как личности, человек полагает себя в общности как необходимое условие ее существования, поскольку он производит всеобщий результат, что позволяет сохранять эту общность как целое. Общественная необходимость персона-

лизации очевидна. В противном случае исчезает и становится невыносимой доверительная, интимная связь между людьми, связь между поколениями, где воспитуемый впитывает в себя не только знания, которые ему передаются, но и личность передающего. На определенном этапе жизни общества эта необходимость выступает в виде ценностно закреплённых форм социальной потребности.

Процесс, благотворный для общества в целом, не менее благотворен для каждого индивида. Прибегая к метафоре, можно сказать, что в обществе изначально складывается своеобразная система "социального страхования" индивида. Осуществляя посредством деятельности позитивные вклады в других людей, щедро делаясь с ними своим бытием, индивид обеспечивает себе внимание, заботу, любовь, уважение. Не следует понимать это узко прагматически. Продолжая свое бытие в других людях, человек не обязательно предвкушает будущие дивиденды; он действует, имея в виду конкретные цели деятельности, ее предметное содержание, а вовсе не то, чем для других индивидов оборачиваются его деяния (хотя не исключена и осознанная потребность в персонализации).

Итак, гипотетическая "социогенная потребность" быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях, жить в них, что предполагает поиск деятельностных средств продолжения себя в другом человеке. Подобно тому, как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически (продолжить род, произвести потомство), личность индивида стремится продолжить себя, обеспечив идеальную представленность, свое "инобытие" в других людях. Это позволит понять сущность общения, которое невозможно свести только к обмену информацией, к актам коммуникации; оно представляет собой процесс, где человек делится своим бытием с другими людьми, запечатлевает, продолжает себя в них и благодаря этому выступает для них как личность.

Потребность "быть личностью", потребность в персонализации обеспечивает активность включения индивида и систему социальных связей, в практику и вместе с тем оказывается детерминированной этими социальными связями. Стремясь включить свое "Я" в сознание, чувства и волю других посредством активного участия в совместной деятельности, приобщая их к своим интересам и желаниям, человек, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность персонализации. Однако удовлетворение потребности, как известно, порождает новую потребность более высокого порядка. Этот процесс не является конечным. Он продолжается либо в расширении объектов персонализации, в появлении новых и новых индивидов, в которых запечатлевается данный субъект, либо в углублении самого процесса, то есть в усилении его присутствия в жизни и деятельности других людей.

Реализуя потребность "быть личностью" и перенося себя в другого, индивид осуществляет эту "транспортировку" отнюдь не в безвоздушной среде "общения душ", а в конкретной деятельности, производимой в конкретных социальных общностях. Экспериментальные исследования подтвердили гипотезу, что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в группе высшего уровня развития, где персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех.

В группах корпоративного типа, напротив, каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации других. Этот психологический факт фиксирует концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений.

Потребность в персонализации и мотивы поведения индивида

В том случае, когда потребность индивида осуществить себя в качестве личности дана имплицитно как скрытая мотивация его поступков и деяний (а чаще всего так происходит), она выступает в качестве существенной характеристики, представленной в многочисленных и хорошо изученных в психологии явлениях – мотивации достижения, притязаниях, аффилиации, склонности к риску, эмпатии и т.д. Для многих исследователей личности типичны попытки или выводить эти феномены друг из друга, или сводить один к другому, или находить их основания то в прагматической нацеленности человеческой мотивации, то в имманентном стремлении к "самореализации" и "самоактуализации".

Идея потребности индивида в персонализации, как можно надеяться, позволит понять, реинтерпретировать эти феномены, увидеть за конкретными психологическими явлениями их внутреннюю сущность.

Можно рассмотреть возможность подобной реинтерпретации применительно к каталогу мотивов, предложенному оксфордским профессором психологии М. Аргайлом, – не потому, что этот перечень как-то особенно интересен или оригинален, а как раз наоборот: вследствие его типичности для большинства традиционных концепций личности.

М.Аргайл выделяет семь мотиваций поведения личности: 1) несоциальные потребности, которые могут продуцировать социальное взаимодействие (биологическая нужда в пище и воде, порождающая потребность в деньгах); 2) стремление к зависимости (потребность в протекции, помощи и руководстве, особенно со стороны лиц, находящихся в позиции власти и авторитета); 3) тенденция аффилиации (стремление войти в соприкосновение с другими, добиться определенной степени интимности); 4) тенденция доминирования, лидирования, стремление брать на себя решение, влиять на группу; 5) сексуальные потребности; 6) тенденция к агрессии; 7) потребность в самооценке, связанная со стремлением получить одобрение со стороны окружающих.

Классификация Аргайла не отличается логической строгостью (неясно, что берется за ее основание, исчерпываются ли мотивы этим перечнем и т.д.). Представляет интерес другая сторона его построений. Что образует основу всех этих мотиваций? О "несоциальных потребностях" нечего и говорить: их происхождение для автора очевидно. Но остальные? "Секс, агрессия и аффилиация также имеют инстинктивную основу", – замечает Аргайл и ссылается на данные Х.Харлоу (1962), показавшего, что обезьяны, которые воспитывались без контакта с матерями, впоследствии обнаруживали слабый интерес к противоположному полу. Мотивация зависимости также иллюстрируется известными опытами Харлоу с детенышами обезьян и, следовательно, также интерпретируется как инстинктивная. Не изменяется позиция у автора и при трактовке доминирования – утверждается "инстинк-

тивное происхождение доминирующего поведения". И только последняя мотивация – самооценки, поддержания образа собственного "Я" – как будто считается свободной от биологических корней и параллелей.

Могут ли получить иную интерпретацию шесть перечисленных выше социальных мотиваций (если вынести за скобки первую из них как собственно несоциальную), причем такую интерпретацию, которая не сводила бы их на биологические основы, к инстинктивному поведению и вместе с тем не ограничивалась бы простым указанием на социальное происхождение и характер, а давала бы содержательную трактовку? Если принять, что потребность индивида "быть личностью" является фундаментальной социогенной (то есть заведомо не инстинктивной) потребностью, то каждая из перечисленных выше социальных мотиваций может быть понята как ее дериват.

Тогда аффилиация может быть понята как мотив, направленный на снятие барьеров на пути персонализации индивида. Агрессия – как и доминирование – в качестве стремления быть персонализированным в "других" вне зависимости от моральной оценки способа, которым это достигается, буквально "навязать" себя другим. Сексуальная потребность – как амбивалентное стремление продолжить себя в другом дважды: как индивида (потребность в продолжении рода, в чувственном наслаждении) и как личность (обрести "инобытие" в любимом существе, причем таким образом, чтобы вызвать у него ответную потребность в персонализации). Что касается самооценки, то она может быть понята как потребность выяснить успешность или неуспешность персонализации. Однако оценивается индивидом не факт идеальной представленности в других людях (это входит в задачи и возможности психологического исследования), а наличие, характер, эффективность тех средств персонализации, которые он обретает в деятельности и общении и через которые он утверждает себя как субъекта деятельности и общения. Особое место, видимо, должна занять мотивация зависимости. Однако существует или не существует эта потребность как фундаментальная "социальная мотивация", утверждать нельзя, так как не исключено, что это всего лишь необоснованная экстраполяция одной из инстинктивных форм поведения животных на поведение человека.

Отношение между потребностью и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Это отношения между сущностью и явлениями. Представленная в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они выступают как форма кажущейся спонтанности индивида. Если в потребности деятельность человека зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому открывающаяся в поведении личности многоликая система мотивов богаче признаками, эластичнее, подвижнее, чем потребность в персонализации, составляющая сущность личности.

Если принять обосновываемую здесь гипотезу о мотивации как деривате потребности в персонализации, то в фундамент мотивов человеческих поступков и действий может быть заложен даже не один, а по меньшей мере два краеугольных камня.

Впрочем, первый из них – витальные потребности человека, обеспечивающие сохранение его как индивида и продолжение рода, – никогда оттуда не изымался. В

жизни витальные потребности (голод, жажда, половая потребность, потребность в одежде, жилище, отдыхе) связаны с множеством разнообразных мотивов поведения, в которых средства удовлетворения могут выступать в превращенной форме (например, мотивация обогащения).

Второе основание человеческой мотивации – потребность "быть личностью". Мы видим две основные формы человеческой активности, мотивированные подобным образом. Об одной было сказано уже много: это собственно потребность продолжить себя в другом. Есть и вторая форма активности.

Персонализация осуществляется в деятельности. Для того чтобы в позитивном плане быть идеально представленным в другом человеке, первому по меньшей мере нужно уметь нечто сделать или что-то сказать, значимое для второго. Чтобы осуществить акт трансляции, надо, во всяком случае, иметь что транслировать. Средствами персонализации, по-видимому, служат мысли, знания, художественные образы, произведенный человеком предмет, решенные задачи и т.д. Но раньше, чем стать средствами персонализации, они должны были уже быть у человека, он должен был их приобрести, выдумать, произвести, сконструировать, открыть, решить. Все это он осуществил. Во имя чего? Какая здесь действовала мотивация? Не следует ли предположить, что и здесь действует та же потребность в персонализации, только она фиксируется на предметном ее содержании, на приобретении средств для предстоящей трансляции себя "другому", а этот "другой" остается пока в тени, не высвечивается обыденным сознанием как подлинный объект персонализации.

Возьмем простой случай. Художник трудится над полотном. Для чего? Что служит мотивом? Возможность выгодно продать картину? Вероятно, и она. Но неужели все сводится к витальному? А что же еще? Мотивация творчества как предметного действия выступает в качестве производной от его потребности "быть личностью", то есть потребности осуществить полноценный действенный вклад в других людей, впечатлить их, произвести в них существенные смысловые и мотивационные преобразования. Тогда перед нами еще один дериват потребности в персонализации.

Не слишком ли прямолинейна антитеза: либо материальный расчет, либо стремление поделиться бытием с другими? Нет ли чего-нибудь третьего? Стремление к самовыражению, самоактуализации? Наслаждение от процесса творчества? Что касается последнего довода, то его надо, что называется, "отмести с порога". Любой случай удовлетворения любой достаточно напряженной потребности сопровождается эмоциональной разрядкой, аффективным тоном, более или менее выраженным чувством наслаждения. Так что указание на аспекты эмоциональности в проявлении социальной мотивации ничего не добавляет к существующим объяснениям. Другое дело – стремление к самовыражению, самоактуализации. Это мотив, лежащий на поверхности, а за ним скрывается глубинный социальный мотив, в соответствии с которым человек не столько выражает себя в предмете творчества, сколько стремится через предмет искусства перенести себя, свое мироощущение, видение мира в других людей, и именно они (шире – социум) – конечная цель его творчества. Материальная связь между людьми, которая воплощена в общественные отношения, безличные по самому своему существу, порождает личностные идеальные отношения, где другие люди выступают как цель деятельности

для творца, а идеальная представленность в них, воплощенная в передаваемом им богатстве эстетического восприятия мира, – как единственное оправдание мук творчества, поиска совершенства, усилий, затраченных на накопление этих бесценных ценностей.

Деятельность – основной путь, единственный эффективный способ быть личностью; человек своей деятельностью продолжает себя в других людях. Произведенный предмет (построенное здание, поэтическая строка, посаженное дерево, мастерски выточенная деталь и т.д.) – это, с одной стороны, предмет деятельности, а с другой средство, с помощью которого человек утверждает себя в общественной жизни, потому что этот предмет произведен для других людей. Этим предметом опосредствуются отношения между людьми, создается общение как производство общего (В.А.Петровский).

Личность в общении и деятельности

В психологии и последние годы дискутировалась проблема соотношения процессов общения и деятельности. Одни утверждают, что общение – это деятельность или, по меньшей мере, частный случай деятельности, другие исходят из того, что это два самостоятельных и равноправных процесса. Нет оснований соглашаться ни с одной, ни с другой точкой зрения, не потому, что кто-либо здесь не прав, а потому, что на самом деле противоречие отсутствует.

Действительно, вопрос о том, является ли общение частью (стороной) процесса деятельности или, наоборот, деятельность – стороной общения, применительно к традиционному пониманию общения как акта коммуникации явно не имеет однозначного решения. Совершенно очевидно, что если мы понимаем взаимоотношения людей как опосредствованный субъект-объект-субъектный процесс, то отношения двух или более людей опосредствуются предметом деятельности, и здесь деятельность выступает как сторона коммуникационного акта. Если понимать их как субъект-субъект-объектный процесс (а именно так понимаются деятельность-ные отношения), то отношение субъекта к объекту, содержанию, цели деятельности опосредствуется взаимоотношением с участником деятельности и тогда общение – это сторона, часть деятельности.

Принципиальная обратимость субъект-объект-субъектных и субъект-субъект-объектных отношений полностью снимает поставленную проблему. Попытки же выяснить приоритет в истории человечества либо общения, либо деятельности были бы подобны классической проблеме яйца и курицы.

Но вопрос о соотношении общения и деятельности может быть углублен в контексте предлагаемой концепции.

Для того чтобы производить, человек должен объединиться с другими людьми (установить с ними контакт, добиться взаимопонимания, получить должную информацию, сообщить им ответную). Здесь общение, как уже было сказано, выступает как часть, сторона деятельности, как важнейший ее информативный аспект, как коммуникация. Но, создав предмет в процессе деятельности, включившей в себя общение как коммуникацию, человек этим не ограничивается. Он транслирует через созданный им предмет себя, свои особенности, свою индивидуальность другим

людям, для которых он создал этот предмет. Среди них могут быть и те, кто участвовал в создании этого предмета. Среди них может быть и сам этот человек. Через созданный предмет человек трансцендирует в социальное целое, обретая в нем свою идеальную представленность, продолжая себя в других людях и в себе как в "другом".

Это уже общение второго рода (в отличие от коммуникации, имеющей вспомогательный, "обслуживающий" характер), то есть общение как персонализация. Здесь деятельность выступает как сторона, часть, необходимая предпосылка общения. Общение в деятельности производит общее между людьми, которое выступает дважды: в условиях коммуникации – своей информационной стороной и в условиях персонализации – личностной. В этом отношении русский язык, в отличие от других, в более выгодном положении: в нем могут быть использованы два понятия – коммуникация и общение¹²³.

Итак, еще раз подтверждается давняя истина: многие споры происходят из-за того, что один и тот же предмет называют разными словами, или, как это получилось с понятием "общение", из-за того, что одно и то же слово используют для обозначения разных предметов.

Таким образом, потребность "быть личностью" возникает на основе социально генерированной возможности осуществления соответствующих действий – способности "быть личностью". Эта способность, можно полагать, есть не что иное, как индивидуально-психологические особенности человека, которые позволяют ему осуществлять социально значимые деяния, обеспечивающие его адекватную персонализацию в других людях. Таким образом, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает социально генерированная, собственно человеческая способность "быть личностью", обнаруживающаяся с помощью метода отраженной субъектности.

Менталитет личности

Строение личности многопланово. В нем выделяются различные уровни активности. В психологии наиболее содержательно изучено сознание в его соотношении с бессознательным. При этом следует иметь в виду, что разнообразие форм и проявлений бессознательного исключительно велико. В некоторых случаях можно говорить не только о бессознательном, но и надсознательном¹²⁴ в поведении и деятельности человека. Созидание духовных ценностей творческой личностью (ху-

¹²³ В английском языке – только communication.

¹²⁴ Понятие о надсознательном уровне психической активности личности введено М.Г. Ярошевским. Различие между этими двумя уровнями (подсознательным и надсознательным) может быть пояснено простым примером. В процессе припоминания какого-либо события субъект воспроизводит усвоенную им прежде информацию. В этом случае она сохраняется на подсознательном уровне. Решая же творческую задачу, личность создает новую информацию, которой прежде не существовало ни в его индивидуальном, ни в социальном опыте. Она осознается уже после того, как добыта (притом не всегда самим субъектом в ее истинном значении). В этом случае работа мысли совершается на надсознательном уровне. К.С. Станиславский, а затем П.В. Симонов говорили о сверхсознании, но в несколько ином смысле.

дожником или ученым), совершаясь реально, не всегда становится предметом рефлексии и фактически оказывается соединением сознания и бессознательного. Другой важнейшей формой интеграции этих уровней служит менталитет.

Понятие "менталитет" применяется для выделения особых явлений в сфере сознания, которые в той или иной общественной среде характеризуют ее отличия от других общностей. Если "вычесть" из общественного сознания то, что составляет общечеловеческое начало, в "остатке" мы найдем менталитет данного общества. Любовь к родным людям, боль при их утрате, гневное осуждение тех, кто стал причиной их гибели, являются общечеловеческим свойством и не оказываются чем-то специфическим для одних и отсутствующим у других общностей. Однако нравственное оправдание кровной мести (вендетта – от итал. "мщение") – это, бесспорно, черта менталитета, утверждаемая народной традицией, отвечающая ожиданиям окружающих. Если бы сознание каждого отдельного человека автоматически управлялось менталитетом общности, то, вероятно, эта общность через некоторое время подверглась бы полному самоуничтожению. Очевидно, общечеловеческое начало пересиливает косность традиций, закрепленных в менталитете, следовательно, менталитет общности и сознание индивида, члена этого общества, образуют единство, но не тождество.

Итак, менталитет – это совокупность принятых и в основном одобряемых определенным обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей. В сознании отдельного его члена менталитет общества представлен в степени, которая зависит от его активной или пассивной позиции в общественной жизни. Являясь – наряду с наукой, искусством, мифологией, религией – одной из форм общественного сознания, менталитет не закреплен в материализованных продуктах, а, если можно так сказать, растворен в атмосфере общества, имеет наднациональный характер. Войдя в структуру индивидуального сознания, он с большим трудом оказывается доступен рефлексии. Обыденное сознание проходит мимо феноменов менталитета, не замечая их, подобно тому, как незаметен воздух, пока он при перепадах атмосферного давления не приходит в движение. Почему?

Есть основания считать, что здесь действует механизм установки. Причем человек не осознает свою зависимость от установки, сложившейся помимо его воли и действующей на бессознательном уровне. Именно потому менталитет не дает возможности субъекту осуществить рефлекссию. Носитель его пребывает в убеждении, что он сам сформировал свои убеждения и взгляды. В этом обстоятельстве заключаются огромные трудности перестройки сознания человека в изменяющемся мире.

Если обратиться к истории общественного сознания в нашей стране, то можно было бы выделить основные составляющие менталитета "советского человека", складывавшиеся на протяжении семидесяти лет после 1917 года, и хотя и подвергшиеся изменениям в последние годы, но далеко еще не исчезнувшие. Они могут получить условные наименования, метафорический характер которых способствует прояснению их сущности и смысла.

Блокадное сознание... Политика, которой придерживалось государство с первых лет своего существования, формировала в сознании советских людей постоянное ощу-

щение опасности, связанной с угрозой нападения внешнего врага. В роли потенциального агрессора в разное время выступали разные страны: Англия, Германия, Соединенные Штаты Америки, Финляндия, Япония, Китай. В некоторых случаях для этих опасений были, разумеется, основания; об этом, к примеру, свидетельствует нападение гитлеровского "третьего рейха" на СССР в 1941 году. Но даже если реальной угрозы не было, пропагандистские органы раздували страх перед неизбежной войной, навязанной потенциальным агрессором. Едва ли не до начала 90-х годов в менталитете советского человека сохранялось напряженное ожидание "неспровоцированного нападения" на страну, которая делает, как утверждалось, все возможное в неустанной "борьбе за мир". Страх перед ядерной войной в сознании конкретного человека обеспечивал готовность выдержать и оправдать любые тяготы и лишения во имя спасения детей и себя от надвигающейся угрозы "ядерного уничтожения" (расхожая формула в обыденном сознании: "Лишь бы войны не было"). В настоящее время заметны изменения менталитета. Налицо отход от "блокадного сознания". Все большее число людей осознает, что ожидать неспровоцированного ядерного удара (во всяком случае, со стороны Запада) нет оснований и что реальная миротворческая позиция России признается в качестве гаранта, обеспечивающего ненападение ядерных держав друг на друга. Образ внешнего врага все больше и больше тускнеет, "испаряется" из сознания людей.

"Семейная стриптизация"... Уникальной особенностью советского общества являлось обнажение интимного мира семейных взаимоотношений, то, что можно условно назвать "семейной стриптизацией". Поскольку семья рассматривалась как ячейка общества, а советское общество идентифицировалось с государством, то в менталитете советского человека считалось неоспоримым естественным правом государства и его партийного руководства управлять и командовать семьей, как любой государственной структурой. Многие советские люди не видели ничего противоестественного в фактах вмешательства официальных инстанций в интимную сферу их жизни. Вероятно, только в социалистическом обществе в случае измены мужа жена считала для себя возможным обратиться в официальные органы с просьбой, а то и требованием вернуть супруга в лоно семьи. При этом считалось вполне допустимым использование стенной печати, заводского радио, разборы на партсобраниях и т.д. Надо полагать, атавизмом семейной стриптизации являются родительские собрания в школах, где классный руководитель публично позорит одних родителей за проступки и недостатки их детей, усиливая унижение похвалами по поводу других учеников, чьи отцы и матери присутствуют здесь же.

По мере становления правового цивилизованного общества мера открытости или закрытости мира семьи, за исключением очевидных криминальных обстоятельств, будет определяться самой семьей, что приведет к существенным сдвигам в сознании ее членов.

Ханжеская десексуализация... Сложившаяся к началу 30-х годов в официальной идеологии концепция "советского нового человека", главной целью которого в каждый момент его жизни остается якобы построение светлого коммунистического будущего, усиливала пуританский характер общественного сознания. Мир интимных чувств человека, уводящий его в сторону от служения общественному идеалу, был изначально враждебен идеологии тоталитарного общества. В наибольшей степени

это относилось к сфере сексуальных отношений. Идеологическое табу на протяжении десятков лет накладывалось на все, что было связано с отношениями полов, и в особенности на упоминания о собственно физиологической стороне этих отношений. Изображения и показ обнаженного человеческого тела, за исключением известных классических образцов, подвергались придирчивой цензуре. Педагогическое табу в отношении любых вопросов, относящихся к половой жизни, оставалось законом для школы, даже если это касалось старшеклассников, находящихся на пороге брачного возраста. На этом основании строилась "бесполая педагогика". Ханжеская десексуализация в качестве компонента менталитета "советского человека", как запомнилось многим, была прорекламирована на одном из первых телемостов "СССР – США", когда одна из советских участниц заявила, что в Советском Союзе "секса нет".

Однако после того как в период перестройки были сняты идеологические запреты, в сознании людей – если не всех, то многих – стала проявляться другая крайность как реакция на бывшее табуирование: терпимое отношение, а то и активное оправдание порнографии, примирительное отношение к проституции. В настоящее время баланс между ханжескими запретами и сексуальной вседозволенностью в сознании людей еще не установился. Это порождает многие трудности, которые не всегда успешно разрешают педагоги, врачи-сексологи и родители.

Следует, однако, помнить, что менталитет "советского человека" не отрицает существования и других представлений. Если речь идет о России, то всем известны такие качества россиянина, как гостеприимство и хлебосольство, отсутствие национального чванства, наличие обостренной потребности в защите Родины, которая сыграла решающую роль в годы Великой Отечественной войны, и многие другие. Здесь черты менталитета совпадают с приметами национального характера. Можно, конечно, сказать, что это качества скорее общечеловеческие и поэтому выпадают из категории менталитета. Действительно, не исключено, что будут названы народы, имеющие такой же или подобный набор черт, но это не говорит еще об их общечеловеческом характере. Есть основания полагать, что для россиянина, например, нехарактерно то, что обобщенно именуется "немецким счетом" (каждый платит только за себя).

"Советский менталитет" – это форма общественного сознания тоталитарного государства, внедренная в структуру личности его подданных, но менталитет народа всегда в чем-то совпадал, а в чем-то не совпадал с инвариантами мышления и поведения, навязанными и санкционированными сверху.

Теория личности с позиций категориального анализа психологии

При анализе категориального строя психологической науки, как следует из изложенного выше, выделяется шесть базисных категорий, каждая из которых характеризует одну из сторон предмета психологии: индивид, образ, действие, мотив, психосоциальное отношение, переживание. Категориальный анализ позволяет увидеть за эмпирико-теоретическими построениями любой психологической системы или частной концепции контуры их категориального аппарата, существование которого может оставаться скрытым для создателей и сторонников этих концепций и систем. Осмысление категориального аппарата науки является одним из условий

формирования релевантной методологии исследования. Нет основания полагать, что в истории науки все эти категории строго одновременно стали предметом рефлексии, а также методологически и теоретически организованного изучения. Освоение указанных категорий осуществлялось в определенной последовательности, порождая в поступательном движении научного знания разветвленную систему понятий, концепций, эмпирических исследований и добытых фактов, формируя конкретное содержание отраслей психологии.

Начиная с середины 20-х до середины 60-х годов XX века психология осваивает в теоретическом и эмпирическом планах категории образа, действия и мотивации. Другими словами, в работах многих психологов – Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева – получают рассмотрение "психофизиологическая" и "психико-гносеологическая" проблемы. Это стимулировало психофизиологические исследования и способствовало углубленному изучению познавательных процессов, их развития и мотивации.

Вместе с тем "психосоциальное отношение" и триада "организм индивид – личность" до начала 70-х годов фактически не выходят на авансцену психологической науки. Это не значит, что они уже тогда не присутствовали имплицитно в категориальном аппарате науки (подобно тому как в настоящее время не выпадают из категориального строя "действие", "образ", "мотивация"). Происходит если не смена, то трансформация парадигмы психологии, выводящая на первый план категории, которые не получали до сих пор должной теоретической проработки российских психологов.

Причины этой трансформации обусловлены многими обстоятельствами. Прежде всего должен быть назван усиливающийся за последние двадцать лет общий интерес к проблеме человека, человеческих взаимоотношений, что выразилось в интенсивном развитии социологии и социальной психологии, которые в предшествующие годы, по существу, не находили себе места в структуре науки и не располагали возможностями для развития. На I съезде Общества психологов в 1959 году фактически не было докладов по социальной психологии и состоялось всего несколько сообщений по психологии личности, точнее – по проблеме индивидуальных различий, тогда как на VI съезде в 1993 году едва ли не половина симпозиумов была посвящена различным аспектам социальной психологии и психологии личности.

Понимание социальной сущности человека, включенности индивида в исторически возникающую и исторически изменяющуюся систему общественных отношений органически входит в трактовку категорий "психосоциальное отношение" и "организм – индивид – личность", образуя их методологическое основание, определяя общие подходы к построению программ научного исследования в области интенсивно развивающейся социальной психологии и психологии личности.

Все сказанное позволяет использовать категории "организм – индивид-личность" для построения общепсихологической теории личности. В этой связи особо важное значение приобретают следующие положения, которые приводятся здесь путем прямого цитирования.

Постулаты теории личности

Первый. "Природные, органические стороны и черты выступают в структуре личности как социально обусловленные ее элементы... Биологическое существует в личности в превращенной форме как социальное" (А.В. Петровский).

Второй. "Движение деятельности, процесс ее развертывания необходимо ведет к снятию ограничений, первоначально присущих ситуации... в качестве объекта преодоления могут выступать также и потенциальные ограничения деятельности, в данном случае понимаемые как сужение возможностей субъекта в сфере целеполагания. Ограничения эти побуждают специальную деятельность, направленную на их преодоление. Этим и определяется собственно активность личности" (В.А. Петровский).

Третий. "Личность \neq индивид: это особое качество, которое приобретается индивидом в обществе... личность есть системное и поэтому "сверхчувственное" качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными качествами" (А.Н. Леонтьев).

Четвертый. "Философ-материалист, понимающий "телесность" личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в ансамбле) предметных, вещественно-осязаемых, отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами... будет искать разгадку "структуры личности" в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, – во внутреннем пространстве личности" (Э.В. Ильенков).

Пятый. "...Личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, которые опосредствуются содержанием, ценностями, смыслом совместной деятельности для каждого из ее участников. Эти межличностные связи практически нерасторжимы, они вполне реальны, но по природе своей "сверхчувственны". Они заключены в конкретных индивидуальных свойствах, но к ним несводимы, они даны исследователю в проявлениях личности каждого из членов группы, но они вместе с тем образуют особое качество самой групповой деятельности, которое опосредствует эти личностные проявления, то есть смысловые образования личности, связанную систему личностных смыслов, определяющих особую позицию каждого в системе межиндивидуальных связей, шире – в системе общественных отношений" (А.В. Петровский).

Шестой. "Личность индивида выступает в трех аспектах ее психологического понимания: интраиндивидуальной, интериндивидуальной и метаиндивидуальной атрибуции... Лишь в единстве отмеченных аспектов личность раскрывается со стороны своего строения, своей структуры. Она выступает как обнаруживающаяся и опосредствуемая социальной деятельностью идеальная представленность индивида в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом – как представителе социального целого" (В.А. Петровский).

Седьмой. "...Постулат максимизации, то есть стремления индивида к максимальной персонализации с вытекающими из него теоретическими гипотезами:

1) любое переживание, воспринимаемое индивидом как имеющее ценность в плане обозначения его индивидуальности, актуализирует потребность в персонализации и определяет поиск значимого другого, в котором индивид мог бы обрести идеальную представленность;

2) в любой ситуации общения индивид стремится определить и реализовать те стороны своей индивидуальности, которые в данном конкретном случае доступны персонализации. Невозможность ее осуществления ведет к поиску новых возможностей в себе самом или предметной деятельности;

3) из двух или более партнеров по общению субъект при прочих равных условиях предпочитает того, кто обеспечивает максимально адекватную персонализацию.

Аналогично – предпочтение будет отдано тому, кто может обеспечить максимально долговечную персонализацию... Третьей переменной является интенсивность потребности в персонализации" (А.В. Петровский, В.А. Петровский).

Восьмой. "Источником развития и утверждения личности выступает возникающее в системе межиндивидуальных отношений (в группах того или иного уровня развития)... противоречие между потребностью личности в персонализации и объективной заинтересованностью данной общности, референтной для индивида, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям функционирования и развития этой общности... личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза (и "социогенеза" – А.В.), характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована" (А.В. Петровский).

Методологические основания теории личности

Таким образом, определены исходные принципиальные позиции для построения общепсихологической теории личности. Уточним, что имеется в виду, когда она обозначается как "общепсихологическая". Речь в данном случае идет не столько о ее общей методологической и онтологической схеме (при всей ее важности), сколько о том, что данный теоретический конструкт представлен в присущих ему характеристиках и связях, которые выявляются во всех отраслях психологии: не только в так называемой общей психологии, но и в социальной, возрастной, педагогической, юридической, психологии управления, патопсихологии и других, выступая в присущей научной теории программирующей роли по отношению к соответствующей практической сфере (образованию, производству, медицине, правопорядку).

Как и всякая научная теория, теория личности должна отвечать общему методологическому требованию – дать целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности (личности человека), предложить целостную (при ее внутренней дифференцированности) систему знаний, которая содержала бы в себе методы не только объяснения, но и предсказания, возникновения определенных феноменов в определенных условиях и которую характеризовала бы логическая зависимость одних ее сторон от других, принципи-

альная возможность выведения ее содержания из некоторой совокупности исходных утверждений. Выше в восьми тезисах, выполняющих функцию своего рода пролегоменов (предварительных суждений, вводящих в изучение предмета) к предстоящему теоретическому построению, показана совокупность утверждений (постулатов, допущений, законов и т.д.), образующих исходный базис общепсихологической теории личности. Тем самым оказывается возможным построить теоретическую модель существенных связей, выступающих в определенной психологической реальности – личности человека. Возникновение теории личности не может быть оторвано от ее эмпирической основы, охватывающей множество накопленных в общей, социальной, детской психологии, патопсихологии, психотерапии фактов, добытых экспериментально, но пока еще разрозненных и не обобщенных.

Здесь описана в самом общем виде теоретическая абстракция, обеспечивающая последующее восхождение к конкретному. Только так (на пути от абстрактного к конкретному) можно развивать ее в систему взаимосвязанных концепций, содержание которых включает утверждения с их эмпирическими доказательствами, и построить конкретные теоретические конструкции, отправляющиеся от совокупности вводимых общетеоретических принципов. Если же эти концепции (а это, разумеется, отнюдь не все существующие теоретические построения, имеющие хождение в среде психологов как за рубежом, так и в России, а только те, которые отвечают указанным общим принципам) уже включены в научный оборот, то остается найти им место в общей теоретической схеме и тем самым обеспечить логическую зависимость одних элементов теории от других.

Что же представляет собой теория личности, ее наиболее общая модель? Она, по существу, должна совпадать с определением личности, описывающим ее в системе наиболее существенных связей и зависимостей и отвечающим основным общенаучным методологическим принципам: детерминизма, системности, развития. Тогда теоретическая модель личности должна быть представлена как определяемое активной включенностью в общественные отношения системное качество их субъекта (индивида), имеющее трехзвенную структуру (интра-, интер- и метаиндивидную его репрезентации), развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредствованную.

Рассмотрим, в чем здесь проявляет себя следование общенаучным методологическим принципам.

Принцип детерминизма применительно к психологической теории личности ориентирован не только на идею причинности как совокупности обстоятельств, предшествующих во времени следствию, но и на другие его формы (М.Г. Ярошевский): на системный детерминизм, обнаруживающийся в зависимости отдельных компонентов системы от свойств целого, а также на целевой детерминизм, в соответствии с которым цель определяет процесс достижения результата. Представление об активности личности, ее направленности, которое утвердилось в психологии начиная со второй половины 30-х годов XX века, создает методологические предпосылки для реализации принципа детерминизма на уровне категории "психосоциального отношения". В психологии были выдвинуты трактовка детерминизма как действия "внешних причин через внутренние условия" (С.Л. Рубинштейн) и трактовка детерминизма как действия "внутреннего через внешнее" (А.Н. Леонтьев).

Детерминистический тезис о том, что, изменяя в деятельности реальный мир, субъект изменяется сам, что и объясняет личностные трансформации индивида, оказалось возможным распространить и на область межличностных связей, в которых наиболее полно выявляет себя категория психосоциального отношения. Так же, как индивид в предметной деятельности изменяет окружающий мир и посредством этого изменения изменяет себя, становится личностью, социальная группа в своей совместной социально значимой деятельности конструирует и изменяет систему межличностных отношений и межличностного взаимодействия, становится коллективом. Феномены межличностных отношений отчетливо это обнаруживают. Так, самоопределение в отношении задач групповой деятельности складывается как результат активной деятельности по претворению в жизнь поставленных перед ней целей, то есть межличностные отношения преобразуются деятельностью, которая направлена вовне на присвоение социально значимого предмета, а не на сами эти межличностные отношения.

С позиции детерминизма развитие личности как системного качества индивида обусловлено социально, хотя сам индивид обладает биологическими предпосылками для своего развития.

Принцип развития в психологической теории личности реализуется в понимании процесса превращения биологических структур индивида в социально обусловленные структуры его личности. Таким образом строится представление о социогенезе личности как результирующей взаимодействующих в ней двух противоборствующих тенденций – к сохранению и к изменению развивающихся социальных систем. Развитие личности в онтогенезе определяется наличием и преодолением противоречия между потребностью индивида в персонализации и способностью посредством соответствующей деятельности быть персонализированным в социальной ситуации развития.

Принцип системности (или системный подход) в составе методологической модели теории личности позволяет представить ее в качестве целостности, в которой выявляются разнокачественные и разноуровневые связи, как синтез структурно-функциональных и филогенетических представлений. Этим преодолевается тот подход к личности, который обозначен как "коллекционерский".

Этот принцип не мог быть обнаружен в общих системных представлениях, хотя и не мог быть без них сформулирован. Его следовало открыть в ткани самой психологической реальности. Для этой цели потребовалось: во-первых, преодолеть "птолемеевское" понимание человека в пользу его "коперниканской" трактовки как части социального целого, системы общественных связей; во-вторых, преодолеть гипноз "постулата непосредственности". Это оказалось возможным сделать в условиях системного анализа категорий "психосоциальное отношение" и "организм – индивид – личность", осуществленного при соприкосновении психологической теории коллектива (стратометрическая концепция) и психологической теории личности. Они должны были пересечься и действительно пересеклись в центральном для той и другой теории пункте – в выявлении системообразующего принципа, которым оказался принцип деятельностного опосредствования.

Системообразующий принцип – это тот общий объяснительный принцип, с помощью которого очерчивается и структурируется теория. Методологическая сущность этого принципа при построении теории личности состоит в том, что отношение одного человека к другому, равно как и отношение развития личности к его результату, мыслится через обращение к третьему объекту – предметной деятельности, которая в наиболее развитой своей форме имеет совместный характер, является следствием объединения людей в труде и общении. При этом, оказываясь исходно опосредствованными содержанием и организацией совместной деятельности, межличностные отношения и качества развивающейся личности в свою очередь воздействуют на ее процесс и результаты: субъект-объект-субъектные связи выступают в единстве с субъект-субъект-объектными как две стороны одной системы.

Онтологическая модель личности

Принцип деятельностного опосредствования межличностных отношений личности и ее развития является общим системным принципом построения общепсихологической теории личности, в котором находят реализацию общенаучные методологические принципы детерминизма, развития и системности.

От конкретной методологии как системы принципов и способов построения теории личности целесообразно перейти к описанию ее онтологической модели, выделив основные категории анализа объекта теории и показав принципы их соотношения, понятийный аппарат.

Единицами анализа для теории личности могут служить понятия индивид, личность, индивидуальность, активность, деятельность, общение, группа, коллектив, сознание, развитие (биогенез организма, биосоциогенез индивида, онтогенез личности, социогенез личности в историко-эволюционном процессе).

Для построения онтологической модели постулируемой общепсихологической теории с необходимостью должны быть указаны принципы соотношения основных категорий анализа, используемых для описания и понимания личности как психологической реальности. Наиболее общим принципом соотношения категорий, входящих в понятийный аппарат теории личности, является признание единства, но не тождества образующих его понятийных пар как единиц категориального (здесь – микрокатегориального) анализа ее общей конструкции. Так, понятие "индивид", образуя единство с понятием "личность", не может рассматриваться как ему тождественное. Сам факт признания единства, но не тождества этих понятий, а, следовательно, и стоящих за ними объектов аналитического рассмотрения психологической реальности, порождает задачу не только понять их соотношение как свойства (личности) и носителя этого свойства (индивида), но и поставить ряд принципиальных методологических проблем их взаимоотношений, постулируя, к примеру, идею потребности и способности индивида "быть личностью". Онтологическая расчлененность оборачивается специальной методологической проблемой.

Принцип единства, но не тождества основных категорий анализа относится не только к понятиям индивид и личность, но и к другим составляющим онтологиче-

ской модели теории личности: личность – индивидуальность, активность – деятельность, группа – коллектив, биогенез – биосоциогенез, онтогенез – социогенез, развитие личности – развитие сознания.

От методологических и онтологических подходов создания теории следует перейти к выявлению возможностей, заложенных в ее исходных посылах (постулатах), путем восхождения от абстрактного к конкретному и развить систему взаимосвязанных теоретических конструкций (концепций, "теорий среднего уровня"), объединенных и обусловленных рассмотренными методологическими и онтологическими основаниями. Только таким образом можно в рамках выделенных выше исходных тезисов и методологических принципов охватить многообразие эмпирических данных и конкретных методов и методик, относящихся к исследуемому предмету – психологии личности, обобщить совокупность утверждений с их доказательствами.

Следует выделить три аспекта рассмотрения конкретной феноменологии личности, три своего рода онтологические модальности: ее генезис, динамику содержания, структуру, а следовательно, построить (или освоить) концепции, которые, исходя из принципа деятельностного опосредствования, оказались бы в состоянии выяснить закономерности психологии личности, проявляющиеся в этих ее аспектах (модальностях), охватить соответствующий эмпирический материал, вобрав в себя открывающуюся в нем феноменологию, найти и применить валидные методы его получения, на принципиальных основаниях осуществить соотнесение с другими социально-психологическими и персонологическими теориями. Вместе с тем необходимо и возможно, раскрыв логическую зависимость конструируемых концепций друг от друга, представить их в виде единой теоретической системы при всей ее внутренней дифференцированности.

При рассмотрении генезиса личности выделяются три методологически обоснованные задачи:

- 1) рассмотреть развитие индивида как результат взаимодействия генотипа и социальной среды и тем самым создание предпосылок для становления личности (условно обозначим этот процесс как "биосоциогенез");
- 2) исследовать развитие личности человека вследствие деятельностно-опосредствованных взаимоотношений с референтными для нее группами как в условиях относительно стабильных общностей, так и в обстоятельствах включения в различные референтные группы, иерархически расположенные на ступенях онтогенеза, или изменения позиции личности по отношению к этим группам;
- 3) изучить особенности социогенеза личности и межличностных отношений, обусловленные включенностью и трудовую деятельность в рамках конкретной социально-экономической формации.

Соответственно этим задачам рассматриваются три взаимосвязанные концепции, отвечающие принципам общепсихологической теории личности.

Первая, которая условно может быть обозначена как психогенетическая концепция индивидуальности (научная школа Б.М. Теплова), при исследовании происхожде-

ния индивидуальных психологических особенностей человека выясняет роль генотипа и среды в их формировании, используя главным образом близнецовый метод. Утверждается, что в онтогенезе происходит смена механизмов, которыми реализуются психические функции индивида, а также смена элементарных форм, господствующих на ранних его этапах, социальными формами, опосредствованными общением и деятельностью ребенка. При этом проверяется продуктивная гипотеза, согласно которой со сменой механизмов перестраивается отношение индивидуально-психологических особенностей к генотипу: с возрастанием значения специфически человеческих, социальных по своему происхождению факторов сокращается доля генетической изменчивости в развитии индивидуальных по своему происхождению факторов, в развитии индивидуально-психологических особенностей человека. Являющаяся прямым продолжением нейрофизиологической концепции факторов индивидуально-психологических различий, рассматриваемая концепция по всем позициям должна быть соотнесена с теориями, отводящими наследственности роль фатального фактора, и вообще – с различными модификациями теории двух факторов.

Своего рода продолжением рассмотрения этого круга идей, если иметь в виду усиление роли системообразующего фактора – деятельностного опосредствования, в формировании личности индивида является концепция развивающейся личности (А.В.Петровский). В ее основе лежит идея трех фаз становления личности в социальной среде (микро- или макросреде) – адаптации, индивидуализации и интеграции, возникновение и протекание которых связаны с наличием социогенной потребности индивида в персонализации и с деятельностно опосредствованными возможностями удовлетворять ее в референтных группах. На основе данной концепции предложена возрастная периодизация развития личности, не совпадающая с существовавшими ранее концепциями психического развития человека.

Третья задача – понимание социогенеза – находит свое воплощение в историко-эволюционном подходе к пониманию личности (А.Г. Асмолов), который в свою очередь базируется на принципе деятельностного опосредствования. Отвечая на вопрос, посредством каких механизмов осуществляется вклад личности в социокультурную историю, предлагаемый подход выделяет в качестве системообразующего основания, обеспечивающего развитие личности и способствующего его конкретно-исторической специфике в той или иной культуре, опосредствующий фактор – совместную предметную деятельность. Таким образом, все три рассмотренные теоретические конструкции связаны между собой и отвечают общему методологическому принципу – деятельностному опосредствованию. То же самое можно сказать и о других характеризующих ниже концепциях.

При рассмотрении динамики содержания личности могут быть вновь выделены три проблемы, которые задает методология общепсихологической теории личности:

- 1) что представляет собой содержание личностных характеристик индивида?
- 2) стабильно ли это содержание и что обеспечивает его стабильность?
- 3) за счет какого фактора может произойти и происходит нарушение этой стабильности, динамика содержания личности?

Здесь, в свою очередь, могут быть выделены – одни в большей, другие в меньшей степени продвинутые – концепции, логические связи между которыми легко прослеживаются.

Первая среди них – концепция смысловых образований личности, сформулированная группой учеников А.Н.Леонтьева. Ее центральное звено образует понятие личностного смысла как индивидуализированного отражения действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность ("значение для меня"), запечатленность в объекте потребностей человека. Личностные смыслы интегрируются в виде связной системы "смысловых образований личности", куда входят мотивы, побуждающие человека к деятельности, реализуемое деятельностью отношение человека к действительности, приобретшей для него ценность (ценностные ориентации), "Я-образ", или "Я-концепции", человека – система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе как "к другому". Центральная характеристика личностных смыслов – их зависимость от места человека в системе "социальной ситуации развития", то есть от его социальной позиции. И здесь принцип деятельностного опосредствования оказывается системообразующим, объяснительным и конструктивным. Для того чтобы исследовать и трансформировать смысловые образования, необходимо выйти за рамки этих образований и изменить систему деятельностей, их порождающих.

Две следующие проблемы (стабильность и ее нарушение) получили отражение в концепциях, обращенных к "малой динамике" содержания личности, а именно процессов порождения и трансформации смысловых образований личности в движении деятельности, в которую включен индивид.

Проблема стабильности рассматривается в диспозиционно-установочных концепциях (этим условным обозначением мы пытаемся охватить теоретические конструкции, которые характеризуют механизмы, используемые личностью для стабилизации движения деятельности). За ней стоят идеи и представления учеников и продолжателей Д.Н. Узнадзе (Ш.А. Надирашвили и др.), диспозиционная концепция личности В.Я. Ядова и др. Используя принцип деятельностного подхода, А.Г. Асмолов разрабатывает гипотезу о иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности, обращаясь к "малой динамике смысловых образований". При этом функции и феноменология установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют (уровень смысловых, целевых и операционных установок). Установки различных уровней, стабилизируя движение деятельности, реализуемой личностью, позволяют в изменившихся условиях сохранять ее направленность. В случае методологической и теоретической интеграции различных представлений о сущности установки диспозиционно-установочная концепция может рассматриваться как часть общепсихологической теории личности, основывающейся на принципе деятельностного опосредствования.

В единстве с представлением об установке как механизме стабилизации деятельности находится концепция надситуативной активности В.А. Петровского, обосновывающая нарушение стабильности. В соответствии с нею в движении деятельно-

сти происходят переходы от состояния временной стабильности (в силу сложившихся устойчивых смысловых и целевых установок личности) к взламывающей эту стабильность надситуативной активности субъекта деятельности, выводящей личность на новые уровни решения ее жизненных задач, которые, в свою очередь, возможны в условиях относительной стабильности ее диспозиций.

При рассмотрении структуры личности возникают три проблемы: необходимо характеризовать во взаимосвязи интер-, интра- и метаиндивидуальную репрезентации личности.

Соответственно могут быть представлены три концепции: концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений, концепция интраиндивидуальной репрезентации личности и концепция персонализации.

Концепция деятельностного опосредствования межличностных отношений, обращенная к интериндивидуальной репрезентации личности, рассматривает межличностные отношения в любой достаточно развитой группе как опосредствованные содержанием и ценностями деятельности. Обращение к принципу опосредствования позволяет понять характер групповой интеграции, увидеть многоуровневый (стратометрический) характер межличностных отношений, характеризовать группы высокого уровня развития, где индивид получает наиболее благоприятные возможности для удовлетворения своей потребности быть полноценной личностью и для развития соответствующих способностей. В связи с тем, что взаимоотношения в группе выступают как носители личности ее членов, преодолевается ложная альтернатива понимания межличностных отношений как проявлений либо личности, либо группы: личностное выступает как групповое, групповое как личностное. Существенным развитием концепции деятельностного опосредствования межличностных отношений является концепция социальной перцепции (Г.М. Андреева).

Метаиндивидуальная репрезентация личности открыта и отражена в концепции персонализации, описывающей деятельностно опосредствованный процесс, в результате которого субъект получает индивидуальную представленность в жизнедеятельности других людей и может выступить в общественной жизни как личность (В.А. Петровский). Потребность в персонализации выступает как глубинная и не всегда осознанная основа неутилитарных форм общения между людьми (альтруизма, аффилиации, стремления к самоопределению). Определяющей чертой способности индивида к персонализации является возможность производить деяния, то есть значимые изменения общественного бытия, за которые он ответственен перед обществом (к ним относится прежде всего перестройка мотивационно-смысловых образований, личностных смыслов других людей).

Шаги к решению проблемы интраиндивидуальной репрезентации личности осуществил В.С. Мерлин, сформулировав в посмертно изданной книге концепцию интегральной индивидуальности, в которой деятельность выступает как опосредующее звено в связи разноуровневых свойств индивидуальности. В.С. Мерлин отмечал единство стратометрической концепции, концепции персонализации (в терминах В.С. Мерлина – представления о "метаиндивидуальности") и издавна складывавшихся в дифференциальной психологии взглядов на сущность "интраиндивидуальности" человека, за которыми стоят труды Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына и са-

мого В.С.Мерлина. Интегральная индивидуальность рассматривалась им как саморегулируемая и саморазвивающаяся многоуровневая система. В развитие идей В.С. Мерлина Е.А. Климовым разрабатывается концепция индивидуального стиля деятельности личности, которая, как подчеркивал В.С. Мерлин, опосредствует связь метаиндивидуальных и интраиндивидуальных свойств, что детерминируется характеристикой не только индивидуальности, но и коллектива, то есть интериндивидуальной.

Наличие внутренней связи между концепциями, которые относятся к выделенным "онтологическим модальностям", было прослежено выше и является очевидным, но столь же очевидны "интермодальные" связи. Представление о потребности и способности личности к персонализации обуславливает понимание механизмов, определяющих переходы в развитии личности от одной фазы к другой; возможности развития личности зависят от уровня развития группы; идея надситуативной активности отзывается в социогенетических представлениях об избыточных неадаптивных моментах, обеспечивающих саморазвитие личности в историко-культурных процессах; основные положения психогенетической концепции порождают некоторые подходы, характерные для концепции интегральной индивидуальности и т.д.

Таким образом, вся концептуальная модель общепсихологической теории личности оказывается определенного рода системой интра- и интермодальных связей, составляющих ее структуру.

Располагая богатым фондом конкретных методов, как уже находящихся в научном обороте, так и создаваемых (метод "отраженной субъектности", методики выявления самоопределения личности, внутригрупповой идентификации, модифицированная методика "личностных конструкторов", референтометрия и т.д.), с помощью которых могут быть выявлены важнейшие личностные параметры, психология стоит перед задачей такой их переработки, которая позволила бы построить соответствующие системы психологической диагностики.

Глава 10. КАТЕГОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹²⁵

Активность как "субстанция" деятельности

Всеобщей характеристикой жизни является активность – деятельное состояние живых существ как условие их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении. Оно содержит в себе источник своего собственного движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения. Речь при этом может идти о восстановлении энергии, структуры свойств, функций живого существа, его места в мире – вообще говоря, о воспроизведении любых измерений его жизни, если только они рассматриваются как существенные для него и неотъемлемые. Имея в виду это особое качество – способность к самодвижению, в ходе ко-

¹²⁵ Автор главы В.А.Петровский.

торого живое существо воспроизводит себя, – говорят, что оно есть субъект активности. "Быть субъектом" значит воспроизводить себя, быть причиной существования в мире.

Анализируя социокультурную ситуацию становления, а точнее, "остановления" научной мысли в нашей стране в 30-70-е годы XX века, мы констатируем, что активность не получила своего достаточного освещения, находясь в тени других категорий. (Движение категории "активность" в истории психологии, соотношение ее с другими категориями подробно освещены в кандидатской диссертации автора и в его книге.) Динамика ее статуса может быть метафорически описана в терминах защитных механизмов, с той лишь разницей, что в данном случае речь идет не об индивидуальном, а об общественном сознании (сознании научных сообществ).

Вытеснение. Активность (как общепсихологическая категория) и активность личности (понятие частное) вплоть до самого последнего времени не освещались ни в общенаучных, ни в философских, ни в специальных психологических энциклопедиях и словарях. Книга Н.А.Бернштейна (Очерки по физиологии активности. М., 1966), оказавшая существенное влияние на развитие психологии, могла послужить примером, однако этого не произошло. Первые словарные публикации на эту тему (Краткий психологический словарь, 1985) подготовлены нами.

Ограничение. Бытует не вполне справедливая шутка, что психология 60-70-х годов представлена в основном работами из области уха, горла, носа и зрачка; однако нельзя не признать, что определенный крен в область познавательных процессов в эти годы имел место. Возникавшие в "коллективном бессознательном" импульсы исследовать активную человеческую природу находили выходы в области психологии восприятия, хотя и здесь должны были быть надежно защищены от возможных упреков в витализме. Эта линия разработок, чрезвычайно плодотворная для психологии, способствовала выживанию в ней категории активности.

Рационализация. Методологически богатая категория предметной деятельности также давала убежище для разработки категории активности – иногда за счет обращения к таким, казалось бы, самораспадающимся, внутреннепарадоксальным понятиям, как, например, уподобительная (!) активность.

Действие этих защитных механизмов (а их список мог бы быть, безусловно, расширен за счет таких, как изоляция, отрицание и т.п.) предотвращало исчезновение, а точнее – торжественное выдворение из отечественной психологии целого класса явлений активности. И таким образом, категория "активность" продолжала существовать в психологии подспудно – иногда в виде фигур умолчания, а иногда в симбиозе с другими категориями.

В историко-психологических исследованиях, освещающих взгляды Л.С. Выготского, обычно подчеркивается, что активность выступала для него как обусловленная использованием "психологических орудий". В целях нашего анализа укажем, что в работах Л.С. Выготского и его сотрудников активность раскрывается также и со стороны становления ее как знаковой, орудийной. С особенной рельефностью этот план представлений об активности выявляется при анализе черт, присущих

"инструментальному методу", развитому в работах Л.С. Выготского и его сотрудников. Как известно, экспериментальный метод предполагал создание ситуации свободного выбора относительно возможности обращения к "стимулу-средству" при решении поставленной перед испытуемым задачи. Необходимость использования в деятельности "стимула-средства" не навязывалась испытуемому извне. Действие со "стимулом-средством" являлось результатом свободного решения испытуемого. В зависимости от уровня развития субъекта внешние "стимулы-средства" выступали существенно по-разному. Они могли как соответствовать, так и не соответствовать возможностям их использования; их применение могло выступать как во внешней, так и во внутренней форме. "Психологическое орудие" означало не столько принудительно воздействующее на субъекта начало, сколько точку приложения сил самого индивида, которые оформляются знаковым образом (как бы "вбирают" в себя знак). Индивид тем самым рассматривался, по существу, как активный.

Ни один исследователь проблемы активности не может пройти мимо теории установки Д.Н. Узнадзе. Ядро научных исследований и основной акцент в понятийном осмыслении "установки" приходится на указание зависимости характера активности субъекта от имеющейся у него установки, то есть готовности человека воспринимать мир определенным образом, действовать в том или ином направлении. Активность при этом выступает как направляемая установкой и существующая благодаря установке, как устойчивая к возмущающим воздействиям среды. Вместе с тем объективно в психологической интерпретации феномена установки содержится и другой план, определяющийся необходимостью ответа на вопрос о происхождении ("порождении") установки. Этот аспект проблемы разработан значительно меньше, чем первый.

Основатель теории установки Д.Н. Узнадзе, подчеркивая зависимость направленности поведения от установки, призывал к изучению генезиса последней и этим — к изучению активности как первичной. Этот призыв не ослаблен, а, наоборот, усилен временем. Трудность, однако, заключается в недостаточности простого постулирования активности как исходного условия для развития психики. Поэтому некоторые современные исследователи в области теории деятельности (А.Г. Асмолов), видя в установке механизм стабилизации деятельности, подчеркивают, что установка является моментом, внутренне включенным в саму деятельность, и именно в этом качестве трактуют установку как порождаемую деятельностью. Это положение представляется нам особенно важным для понимания связи активности и установки. При исследовании предметной деятельности субъекта открывается возможность специального разграничения двух слоев движения, представленных в деятельности: один из них структурирован наличными установками, другой первоначально представляет собой совокупность предметно-неоформленных моментов движения, которые как бы заполняют "просвет" между актуально действующими установками и выходящими за их рамки предметными условиями деятельности. Именно этот, обладающий особой пластичностью слой движения (активность) как бы отливается в форму новых установок субъекта.

Быть может, сейчас более, чем когда-либо, раскрывают свой конструктивный смысл для разработки проблемы активности теоретические взгляды С.Л. Рубинштейна. Ему принадлежит заслуга четкой постановки проблемы соотношения

"внешнего" и "внутреннего", что сыграло важную роль в формировании психологической мысли. Выдвинутый С.Л. Рубинштейном принцип, согласно которому внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял как представлениям о фатальной предопределенности активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой. Сданным принципом тесно связаны представления о направленности личности (понятие, которое вошло в обиход научной психологии после опубликования "Основ общей психологии" С.Л. Рубинштейна в 1940 году), идея пассивно-активного характера потребности человека. Еще ближе к обсуждаемой проблеме стоит положение, рассмотренное в последних работах С.Л. Рубинштейна, о выходе личности за рамки ситуации, который мыслился в форме разрешения субъектом проблемной ситуации.

Особый подход к проблеме соотношения "внешнего" и "внутреннего" утверждается в работах А.Н. Леонтьева. В книге "Деятельность. Сознание. Личность" предложена, по существу, формула активности: "Внутреннее (субъект) воздействует через внешнее и этим само себя изменяет". Потребовалось введение категории деятельности в психологию и вычленение в деятельности особых ее единиц, чтобы подготовить почву для постановки вопроса о тех внутренних моментах движения деятельности, которые характеризуют постоянно происходящие переходы и трансформации единиц деятельности и сознания.

Деятельность, сознание, отражение, установка, значимость, отношения и т.п. – все это категории и понятия, вобравшие в себя идею активности. Позволим себе высказать мнение, что сама их привлекательность для психологов и, следовательно, жизнеспособность была вызвана этим союзом. Но в нем активность как бы утратила часть собственной энергии жизни. Ушло таинство особого рода причинности – присущее ей одной, активности, положение "между" детерминированностью со стороны событий прошлого (стимул) и – образов потребного будущего (цель).

Отрицая стимул-реактивную схему интерпретации поведения и сознания, мы привычно обращаемся к телеологическим схемам, возможность которых сохраняется даже в таких концептуальных альтернативах, как "пристрастность психического отражения", "первичная установка" и др. Преодоление парадигмы детерминации. Прошлым составило целую эпоху становления психологической мысли в мире.

В 70-е годы, на "старте" разработки проблемы активности в нашей стране, интерес исследователей к категории активности был обусловлен помимо собственно научных "импульсов" неприятием некоторых тенденций в общественной жизни, заключавших в себе аргументы против: "полного единомыслия" в сфере идеологии; представлений о возможности вывести цели бытия каждого отдельного человека из "правильно осмысленных" целей общественной жизни; постоянно декларируемой гармонии личных и общественных интересов и т.д.

Протест заключал в себе особую эстетику отрицания: личность как "специально человеческое образование... не может быть выведена из приспособительной деятельности", "созидание одно не знает границ..." (А.Н. Леонтьев); "психика – не административное учреждение" (В.П. Зинченко); жизнь человеческой культуры и человека в ней как "диалогика" (В.С. Библер); "не человек принадлежит телу, а тело

человеку" (Г.С. Батищев); "индивидом – рождаются, личностью становятся, индивидуальность – отстаивают" (А.Г. Асмолов). Формировался особый взгляд на человека, как преодолевающего барьеры своей природной или социальной ограниченности существа.

Пафос отрицания Прошлого, по существу, совпадал здесь с пафосом провозглашения Будущего (в виде предмета стремлений) детерминантой происходящего. Но нельзя обойти вопрос о природе самих этих стремлений: что они по сути и откуда берутся? Один из возможных путей исследования здесь заключается в том, чтобы адекватно осмыслить своеобразие того типа причинности, который скрывается за феноменом активности человека. Речь идет об актуальной причинности, о детерминирующем значении момента в отличие от других форм детерминации, будь то детерминация со стороны прошлого (обычные причинно-следственные отношения: действующая причинность) или со стороны возможного будущего (в виде целевой причинности). Корректную форму описания такого типа причинности мы встречаем у И. Канта в его представлениях о взаимодействии (или общении) субстанций. С этой точки зрения активность системы есть детерминированность тенденций ее изменения теми инновациями, которые возникают в ней актуально (здесь и теперь) – это детерминизм именно со стороны настоящего, а не прошлого (в виде следов предшествующих событий) или будущего (в виде модификации этих тенденций событиями, с которыми еще предстоит столкнуться).

Активность как деятельное состояние субъекта детерминирована внутренне, со стороны его отношений к миру, и реализуется вовне, в процессах поведения.

Имея в виду человека как субъекта активности, рассмотрим внутренние и внешние характеристики ее строения.

Внутренняя организация активности

Говоря об активности человека, исследователи обычно подразумевают возможность ответа на следующие основные вопросы.

Если кто-то проявляет активность, то в чьих интересах и ради чего? Активность – в каком направлении? Каким образом, посредством каких психологических механизмов реализуется активность? Первый вопрос – о мотивационной основе активности, Второй – о ее целевой основе. Третий – об инструментальной основе активности,

Мотивационная основа активности. Как уже было отмечено, живое существо, будучи активным, воспроизводит свои жизненные отношения с миром. Это в свою очередь означает, что оно заключает в себе внутренний образ этих отношений, а они – если иметь в виду человеческого индивида – весьма многообразны: откликаться на нужды других людей, веруя, чувствовать в себе присутствие Бога, ощущать себя частью Природы и др. Все это – многообразные формы субъектности человека, как говорят, разные "границы" его "Я", поэтому вполне правомерно считать "Я" человека множественным.

Во-первых, субъект активности представляет собой "индивидуальное Я" человека. То, что человек совершает, коренится, как полагает он сам, в его собственных интересах и нуждах: "Я поступаю так, потому что именно Я хочу этого", "Я делаю это для себя самого" и т.п. Сказанное, конечно, не означает, что человек действует при этом непременно эгоистически, так как эти действия могут не противоречить и даже соответствовать интересам других людей.

Может возникнуть вопрос: всегда ли, когда человек говорит "Я", он имеет в виду свои личные интересы, ожидания, нужды? Положительный ответ как бы подразумевается. Однако, если осуществить более тщательный анализ, может выясниться, что подлинным субъектом его активности выступает не он сам, а нечто в нем самом, что на поверку оказывается интересами и ожиданиями другого человека, который выступает истинным субъектом его активности. К примеру, абитуриент, поступающий в вуз, возможно, объясняет окружающим и себе самому, что его выбор сугубо самостоятелен и не зависит от каких-либо сторонних влияний. Проходит время – наступает разочарование. Он вынужден признать, что выбор профессии был продиктован родителями или друзьями. При этом указания других людей не были осознаны им в качестве "директив". За этим признанием – критическая работа сознания, направленная на отделение "голоса" других людей от его собственного.

Во-вторых, субъект активности – это "Я другого во мне", когда "присутствие" другого ощутимо и может переживаться как своего рода вторжение в свой внутренний мир. Такой пример с абитуриентом, поступающим в вуз, мы только что рассмотрели. Вместе с тем возможны ситуации, когда интересы другого вполне совместимы с собственными интересами человека. "Я другого во мне", следовательно, не означает непременно жертвенности, самоотречения. Последнее отмечается лишь тогда, когда интересы другого ставятся выше собственных.

В-третьих, субъект активности таков, что он не отождествим ни с кем из людей конкретно – наиндивидуален. Но в то же время он имеет отношение к каждому, выражая собой то, что должно быть свойственно всем людям – "человеческое в человеке": совесть, разум, добро, честь, красоту, свободу. Когда активность человека продиктована этими ценностями, говорят, что ее субъектом является "всеобщее Я" в человеке. "Индивидуальное Я" здесь слито с "Я другого (других)".

Для пояснения обратимся к одному парадоксу из истории философской мысли – так называемой "теории разумного эгоизма". В соответствии с ней даже самые, казалось бы, бескорыстные и благородные поступки могут быть объяснены эгоистическими побуждениями человека. Так, любовь и забота матери о ее ребенке объясняется эгоистическим стремлением заслужить уважение к себе как к матери, надеждой на ответное чувство или заботу о ней в будущем и т.п. В чем ограниченность этого подхода с точки зрения введенного различия между "индивидуальным Я", "всеобщим Я" и "Я другого во мне"?

В тот момент, когда мать действует в пользу своего ребенка, даже претерпевая лишения, она не осознает различия между своими интересами и интересами ребенка; она действует от имени "всеобщего Я", в котором выражено ее единство с ребенком. Однако, как только она сама или кто-то другой начинают анализировать

совершенный поступок, источник поведения невольно усматривается исключительно в ее "индивидуальном Я", которому противопоставляется при этом "Я другого". Реальные основания ее поведения отражаются в сознании искаженно, рассуждение разрывает единство, присущее первоисточнику активности. Теория разумного эгоизма оказывается ограниченной в результате неумения различать дорефлексивные основания активности человека и ее мотивировки, выраженные в последующей рефлексии.

В-четвертых, субъект активности безличен и отождествляется с природным телом индивида ("не Я"): он погружается при этом в стихию природного. В психологических концепциях это активное начало обозначают термином "Оно" (З.Фрейд) и рассматривают как средоточие сил любви (инстинкт продолжения рода) и смерти (инстинкт разрушения, агрессии). "Не Я", однако, при таком взгляде не исчерпывается сугубо биологическими побуждениями: творчество, альтруизм и даже религиозные устремления иногда рассматривают как проявления чисто природного начала.

Понимание мотивационных основ активности не исчерпывается, однако, лишь обращенностью к различным интерпретациям субъектности человека как деятеля в четырех его ипостасях: "индивидуальное Я", "Я другого во мне", "всеобщее Я", "не Я". Необходим анализ потребностей, которые удовлетворяет субъект, действуя в мире.

Потребности. Переходя от вопроса о том, в чьих интересах разворачивается активность человека, к вопросу – ради чего она выполняется, обращаются к категории "потребность". Потребность – это состояние живого существа, выражающее его зависимость от конкретных условий существования и выступающее источником его активности. Например, состояние нужды, нехватки, отсутствия чего-либо значимого для существования индивида выступает как интерес, устремленность, энергия действия. Момент зависимости, представленный в потребности, фиксируют термином "потребностное состояние" (А.Н. Леонтьев), имея в виду, что индивид выступает скорее как пассивное, "страдающее" существо. Активный же момент потребности заключен в устремлениях индивида (оборотная сторона состояния зависимости). Таково движение перехода потребностного состояния в потребное для индивида состояние; имея в виду этот необходимый для его существования переход и говорят о мотивах активности, которые мы уже разбирали выше.

К человеческим потребностям относятся его читальные нужды и устремления (от *vita* – жизнь): необходимость в пище, воде, во сне, телесных контактах, чувстве безопасности, продолжении рода и т.п.; социальные интересы: необходимость принадлежать группе других людей, вступать в эмоциональные контакты, обладать определенным статусом, лидировать или подчиняться и т.п.; и, наконец, экзистенциальные побуждения: "быть субъектом собственной жизни", творить, чувствовать самоидентичность, подлинность своего бытия, развитие и т.п.

Целевая основа активности. Процесс удовлетворения потребностей субъекта предполагает достижение им тех или иных целей. В русском языке слово "цель" фигурирует в двух основных значениях:

- 1) мишень;

2) то, к чему стремятся, что намечено достигнуть, предел, намерение, которое должно быть осуществлено. Именно во втором значении слово "цель" употребляется в психологии.

Цель деятельности есть предвосхищение ее результата, образ возможного как прообраз действительного. Важно различать цели и мотивы активности человека. В мотивах, так же как и в целях, предвосхищено возможное будущее. Но оно соотносится с самим субъектом; в мотивах как бы записано, чем является активность для субъекта, что должно произойти с ним самим. Цели активности ориентированы вовне, в них предвосхищен результат, который должен существовать объективно – будь то художественное полотно, выточенная деталь, доказанная теорема, организационное решение или что-то подобное. Цели, воплощаясь в продуктах активности, не теряют при этом своей принадлежности к миру субъекта: они субъективны по форме, но объективны по своему содержанию. В то время как в мотивах идеально представлен сам субъект, в целях активности представлен ее объект, а именно: что должно быть произведено, чтобы мотивы активности были реализованы. В отличие от мотивов, цели человеческой активности всегда сознаваемы. Цель есть предвосхищаемый в сознании результат, доступный пониманию самого субъекта, а также – других людей. Мотивы же – это достояние прежде всего самого субъекта, они могут быть представлены уникальными и глубинными его переживаниями, далеко не всегда находящими отклик и понимание у кого-либо еще.

Следует различать конечную цель и промежуточные цели. Достижение конечной цели равнозначно удовлетворению потребности. Иногда осуществление этой цели совершается в идеальном плане, а не практически. Это бывает, когда, например, человек включен в коллективную деятельность. Выполняя какую-то часть общего дела, он при этом мысленно прослеживает весь процесс до конца, вплоть до завершающего результата. Даже в том случае, когда некоторые звенья этого процесса ускользают от внимания, все равно в поле зрения оказывается результат общего дела, или по крайней мере та его часть, на которую человек претендует заранее.

К промежуточным относятся цели, намечаемые человеком в качестве условия достижения цели конечной. Так, доказательство леммы в математике составляет, несомненно, цель действия; но это еще не конечная, а промежуточная цель; конечную цель образует доказательство теоремы, ради которой лемма доказывалась. Еще примеры: художник, делая эскизы будущей картины, преследует промежуточную цель; парашютист, готовясь к прыжку, тщательно укладывает парашют, входе чего преследует ряд промежуточных целей, в то время как его конечная цель это сам прыжок и т.п.

Рассматривая сложные виды деятельности, можно заметить, что достижение конечной цели опосредствуется многими промежуточными, причем в первую очередь выдвигаются конечные цели, а в последнюю очередь – те, которые должны быть достигнуты в первую очередь. Искусство построения деятельности и определяется во многом способностью человека в мысли идти от конечных к первоочередным целям, а в действии – в противоположном направлении: от первоочередных, через цепь промежуточных, к конечным.

Процесс постановки цели обозначается как целеобразование. Особую психологическую проблему образует рождение новой цели, начинающей ряд промежуточных. Такие цели назовем "надситуативными", возвышающимися над исходными требованиями ситуации. Предлагая испытуемому ряд однотипных задач, можно видеть, как некоторые участники эксперимента, вместо того чтобы найти общий принцип решения, каждый раз снова решают задачу, образуя новую цель. Выдвижение новой цели, однако, еще не означает, что формируется новая мотивация деятельности. Речь идет лишь о расширении или углублении целевой перспективы активности при сохранении общей ее направленности.

Ни мотивация деятельности, ни ее цели не могли бы быть воплощены в ее результате, если бы человек не использовал определенные инструменты преобразования ситуации, в которой протекает деятельность.

Инструментальная основа активности. Процесс осуществления деятельности предполагает использование человеком определенных средств в виде всевозможных приспособлений, инструментов, орудий. Циркуль, кисть, компьютер, слово, сказанное врачом пациенту или учителем ученику, – все это примеры в широком смысле инструментов активности. Органы человеческого тела также относятся к категории таких средств: в конечном счете, все операции, осуществляемые вовне, связаны с двигательной активностью самого индивида.

Едва ли можно переоценить важность процесса овладения средствами осуществления деятельности. В некоторых психологических концепциях развитие "инструментария" отношения человека к миру отождествляется с процессами социализации – превращением индивида как природного существа в существо социальное. Как бы ни относиться к подобному взгляду, очевидно, что развитие личности немыслимо вне овладения человеком социально выработанными средствами осуществления деятельности.

При использовании тех или иных инструментов человек продуманно или автоматически опирается на имеющиеся у него представления о том, как действовать с ними, как применять их. Каждое из таких представлений может рассматриваться как внутренняя образующая действий, совершаемых во внешнем плане. Совокупность таких внутренних образующих характеризует то, что может быть названо инструментальной основой деятельности. Другим именем для обозначения инструментальной основы деятельности является часто используемое в последнее время слово "компетентность"; а это понятие в свою очередь в большинстве работ педагогической ориентации раскрывается как "знания", "умения", "навыки".

Знания и этом ряду не сводятся просто к сведениям о мире, они выступают здесь в своем функциональном аспекте, как предназначенные для чего-то, служащие чему-то. Тот же, по существу, смысл придается термину "функциональная грамотность", что означает способность людей ориентироваться в системе социальных отношений, действовать согласно обстоятельствам во всевозможных жизненных ситуациях. Знания как часть инструментальной основы активности тесно взаимосвязаны с навыками.

Навыки – это освоенные до степени автоматизма способы употребления определенных средств деятельности: внешних орудий или органов собственного тела как

проводников активности. Навыки, проявляясь в действии, характеризуют его как бы изнутри, в виде последовательно извлеченных из памяти индивида определенных "команд", указывающих, что и в каком порядке должно быть сделано для того, чтобы цель действия была достигнута. Чередование этих управляющих воздействий – "команд" протекает вне поля активного внимания; человек действует, как говорят, "машинально". Такие автоматизированные элементы действований встречаются в любой сфере деятельности, ставшей для человека привычной. При всем различии между ними, по признаку автоматизированности к навыкам могут быть отнесены шаблонно воспроизводимые операции в трудовой, учебной, бытовой, спортивной, художественной деятельности. Но автоматизации подвергается при этом не вся деятельность, а лишь отдельные ее элементы, некоторые способы употребления средств деятельности. Так, автоматизируется соблюдение орфографических правил, способы написания и соединения букв в слове, но сам процесс письма остается целенаправленным, преднамеренным действием.

На основе знаний и навыков складывается фонд умений человека. К умениям относится освоенная человеком система приемов сознательного построения результативного действия. "Знать" что-либо еще не значит "уметь": необходимо владеть способами превращения информации о каком-либо предмете в управляющие воздействия – "команды". В отличие от навыков, каждый из которых образован серией автоматически следующих друг за другом "команд", обусловленных знаниями человека, умения проявляются в осознанном использовании человеком определенных "команд". В результате этих "команд" нередко извлекаются весьма сложные навыки, комбинация которых ведет к достижению цели. В отличие от навыков, которые проявляются в уже знакомых человеку ситуациях, умениям соответствует более широкий класс ситуаций. Например, человек может проявлять свои умения в новых обстоятельствах деятельности. Адекватность умений обстоятельствам, еще не встречавшимся в опыте, основана на осознанности применения человеком своих знаний и опыта действований. Но из сказанного следует, что грань между тем, что находится в поле умений, и тем, чего не умеет субъект, размыта. Каждое новое действие, ставя человека перед необходимостью приобретения нового опыта, объективно расширяет круг человеческих умений; опробование своих возможностей вновь расширяет их круг и т.д. Сферу того, что в точности умеет субъект и чего не умеет, очертить невозможно. В том случае, когда человек сам пытается это сделать, то есть определить грань между доступным и недоступным ему в деятельности, его активность приобретает характер безграничного самосовершенствования. Так рождается Мастер.

Все внутренние образующие активности – ее мотивационная, целевая, инструментальная основы – представляют собой более или менее связанное целое. В сочетании с внешними проявлениями активности и ответными воздействиями среды они образуют систему. Так, процессы целеобразования определяются мотивами, а также инструментальными условиями осуществления деятельности. Но верно и обратное. Мотивация зависит от целей и средств их достижения. Справедливость сказанного подтверждается опытом людей, испытывающих, но не осознающих свою потребность в чем-либо, иначе говоря, не видящих той цели, достижение которой равнозначно для них удовлетворению этой потребности. В этом случае мотив выступает в форме влечения. Появление цели превращает влечение в желание, в переживание: "Я хочу этого!", и оно существенно отличается отвлечения уже

тем, что не смешивается с другими переживаниями в данной ситуации, ощущается как импульс к действию и т.п. Наличие средств деятельности придает желанию статус осуществимости: "Я волен сделать это!" В некоторых видах деятельности, например, побуждаемых мотивом достижения, доступность средств достижения, парадоксальным образом снижает ее привлекательность, а в других видах деятельности (например, предпринимательство) гарантированность достижения делает его привлекательным. Очевидно также, что цели, которые избираются человеком, существенно зависят от того, располагает ли человек соответствующими средствами достижения и каковы эти средства. Многообразие связей между мотивационной, целевой и инструментальной "образующими" активности тщательно исследуются в экспериментальной психологии.

Внешняя организация активности

Мы уже говорили, что деятельность человека представляет собой единство внутренних и внешних проявлений его активности. Последнее обычно называют поведением.

Поведение можно сравнить с пантомимой, смысл которой требует расшифровки. Понять поведение – это значит мысленно восстановить картину внутренней динамики (помыслов, чувств, побуждений, представлений о мире, подходов и т.п.), которая скрывается за фасадом поведения и проявляется в нем. Но это становится возможным только тогда, когда наряду с собственной динамикой субъекта рассматривается и динамика его окружения, ибо не только внутри, но и вне субъекта содержатся истоки и ориентиры его поведения. Поведение человека неоднородно. В соответствии с внутренней организацией активности в поведении (ее внешней организации) можно выделить три основных "слоя". Один из них связан с мотивом активности, другой – с ее целями, третий – с инструментальной основой активности.

Целостный смысловой акт поведения. Суть данного аспекта поведения может быть выражена посредством таких слов, как "дело", "действие", "действие", "деятельность". Так, например, в "Толковом словаре" Владимира Даля "действие" определяется как "проявление силы, деятельности". "Сила", о которой идет здесь речь, может быть понята как "мотив", представленный в поведении. Своеобразно место, занимаемое словом "действие" в ряду слов "дело" и "действие". О деле спрашивают: "В чем оно состоит?", "Что собой представляет?". В отличие от него действие акцентирует не столько предметную, сколько процессуальную характеристику поведения; о действовании спрашивают: "Как оно протекает?", "В какое время осуществляется?". В слове "действие" как бы уравниваются предметный и процессуальный моменты. Так, говоря "совершается или творится действие", люди имеют в виду, что в разные моменты времени осуществляется что-то одно, сохраняющее себя во времени (дело), и вместе с тем нечто такое, что раскрывается, разворачивается во времени ("действие"). Имея в виду "действие", задаются вопросом "в чем его смысл?", что выражает идею целостного акта поведения, соотносимого с мотивами самого действующего. Слово это, однако, почти вышло из употребления и вряд ли может быть возрождено включением его в научный язык. Поэтому для обозначения смыслового акта поведения лучше использовать термин "деятельность".

Выделить в поведении то, что соответствует интересам действующего лица, – значит расшифровать поведение как деятельность. Порой это непростая задача. Так, при исследовании уровня притязаний личности было выявлено, что некоторые люди устойчиво предпочитают выбор слишком простых задач, а некоторые – слишком трудных. За видимостью различий в поведении испытуемых вырисовывается глубинная общность побуждений участников испытания: как те, так и другие одинаково стремятся избежать неудачи. Чтобы понять этот парадокс, достаточно поставить такой вопрос: "Так ли уж огорчителен для новичка проигрыш чемпиону?" В основе выбора сверх трудных задач – не мотив достижения, а стремление избежать неудачи.

Особенности деятельности человека определяются не только ее мотивами, но также и окружением индивида. Так, стремление человека превосходить общепринятые образцы в разных обстоятельствах и "временах" его жизни обнаруживает себя по-разному: это может быть успех в учебе, стремление занять почетное место в кругу сверстников, добиться определенных достижений в науке, материального благополучия и т.п. Смысл деятельности – изменение отношений, существующих между субъектом и возможностями удовлетворения его потребности, предоставленными ситуацией. Подлинный ответ на вопрос: "В чем смысл данной деятельности для субъекта?" – можно получить лишь в рамках анализа "драмы" его отношений с миром проблем, разрешаемых человеком в ходе всей его жизни.

Деятельность – наиболее крупная единица анализа внешних проявлений активности – целостный мотивированный акт поведения. Результатом деятельности является динамика переживаний, выражающих отношение между субъектом потребности и ее объектом.

Деятельность, совершаемая человеком, становится объектом переживаний других людей, получает этическую оценку: оценивается как бескорыстная или своекорыстная, добросовестная или недобросовестная, оправданная или неоправданная – словом, выступает в ранге поступков.

Деятельность человека реализуется и его действиях.

Предметное действие (в дальнейшем – действие). Этим термином описываются процессы поведения, соответствующие целям, которые ставит субъект. Действия осознанны, ибо осознанна их цель. Осознан и объект, на который направлено действие. Объекты действия это не "вещи", в собственном смысле этого слова, как фрагменты чувственно данной, непосредственно воспринимаемой реальности. Объекты действия – это "вещи" как носители значений, в которых кристаллизован совокупный человеческий опыт (А.Н.Леонтьев). Белый лист, испещренный черточками, завитушками, точками, как объект действия есть нечто большее, чем этот лист, эти черточки и завитушки. Это – письмо, которое пишется другу. Перед человеком, безусловно, "вещь", которая создается действием. Но в то же время – это особая вещь, не тождественная листу бумаги со следами чернил на нем. В сущности, то же письмо может быть написано карандашом или фломастером, напечатано на пишущей машине, принтере, передано факсом; вместо писчей бумаги может быть использован телеграфный бланк; сказанное в письме может быть выра-

жено и другим образом, с помощью иных слов. Объектом действия является в данном случае запись в значении личного послания. Материалы и инструменты действия играют здесь подчиненную роль.

Итак, действие есть целевой акт поведения, происходящий в поле значений субъекта. Результатом действия является преобразование или познание жизненной ситуации. В этой связи говорят о предметно-преобразовательных и предметно-познавательных актах. В первом случае человек изменяет ситуацию согласно имеющимся у него представлениям о том, какой она должна быть. Во втором случае предметная ситуация должна оставаться как бы нетронутой, активность познающего субъекта имеет характер уподобления предмету. В обоих случаях благодаря действию достигается более тесная, более совершенная связь человека с миром, преодолевается разобщенность между субъективной картиной мира (цели человека или его представления о том, что есть) и реальностью.

Говоря о том, что объектом действия является вещь как носитель значений, подчеркивают возможность единого понимания людьми эффектов производимого действия. В случае затрудненности такого "прочтения" действие производит впечатление абсурдного, то есть в глазах окружающих перестает быть собственно действием, превращается, например, в бессмысленное вождение пером по бумаге. В психологических текстах, посвященных проблеме деятельности, цитируют, например, такой замечательный эпизод, рассказанный Конрадом Лоренцом. Известный этолог однажды водил "на прогулку" выводок утят, замещая собой их мать. Для этого ему приходилось передвигаться на корточках и, мало того, непрерывно кричать. "Когда я вдруг взглянул вверх, – пишет К.Лоренц, – то увидел над оградой сада ряд мертвенно-бледных лиц. Группа туристов стояла за забором и со страхом тарасила глаза в мою сторону. И неудивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмерки, вдоль луга, то и дело оглядывался через плечо и крикал, а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой". Реакция недоумения на лицах зрителей может быть понята как свидетельство невозможности установить значение действия; невозможность придать или установить общепонятное в действии ведет к тому, что в глазах людей оно утрачивает признаки действия, предстает в виде случайной, бессмысленной или причудливой комбинации движений и их материальных следов.

Действие в составе активности является более дробной единицей ее анализа, чем деятельность; однако и оно может быть представлено в виде сочетания более мелких фрагментов поведения – операций.

Операции. Когда поведение рассматривается в его взаимосвязи с инструментальной основой деятельности, оно выступает как последовательность операций. Построение взаимодействий между средствами, отвечающими цели субъекта, относится к области операций. Они соотнобразуются с материалом и инструментами действий, причем одно и то же действие может осуществляться с помощью совершенно непохожих друг на друга операций. Так, например, изображая один и тот же предмет, но выполняя действие пером, кистью, мелом, иглой (офорт), используют разные движения. Еще более выразительно различие в операциях, осуществляемых при игре на разных музыкальных инструментах: фортепиано, гитаре, трубе,

флейте. Исполнение одного и того же музыкального произведения (уровень действия) реализуется посредством совершенно несходных движений (уровень операций).

Операции могут быть автоматизированы. Слово "автоматизация" выступает здесь в двух смыслах. Во-первых, это превращение операциональной части поведения в шаблонное, устранение волевого контроля над протеканием действия. Во-вторых, возможность передачи этих процедур компьютеру. Имея в виду оба этих момента, на вопрос: "Осознаваемы ли операции?" – можно ответить положительно. Однако необходимо пояснить, что реализация операций находится на периферии сознания, вне поля внимания. Примечательно, что в случае затруднений операции выступают на передний план сознания, а ориентиры, призванные управлять их течением, превращаются в промежуточные цели.

Итак, деятельность, действия, операции, проявляя вовне мотивационные, целевые, инструментальные отношения индивида, образуют гибкую динамичную систему, соотносимую с различными областями действительности: деятельность выступает как преобразование отношений между потребностями субъекта и возможностями их удовлетворения; действия – как воссоздание и созидание новых предметов человеческой культуры; операции – как использование средств материального и духовного освоения мира.

В обыденном сознании людей фиксируется в основном факт зависимости внешних проявлений активности от ее внутренних образующих. Существенным вкладом в разработку проблемы активности человека явилось обнаружение обратной зависимости: "внутреннего" от "внешнего". В поле зрения психологов оказался ряд фактов, существенно расширяющих традиционные представления о детерминации активности человека.

Единство внешней и внутренней организации активности

Феномен опредмечивания потребностей. Потребностные состояния не только людей, но и животных могут быть конкретизированы в широком диапазоне объектов. Так, пищевая потребность животных может быть зафиксирована на определенном виде пищи настолько жестко, что замена вида питания ведет к отказу от еды, истощению организма и гибели. Более того, даже способ приема пищи, став привычным, может воспрепятствовать питанию. К.Лоренцу принадлежит следующее замечательное наблюдение за птенцами сорокопугами. "Когда кто-нибудь есть в комнате, птенцы склонны продолжать выпрашивание пищи, даже если они достигли того возраста, когда способны питаться самостоятельно. И вот однажды я уехал на мотоцикле на четыре дня, и в течение этих четырех дней молодые сорокопугы были в моей комнате предоставлены самим себе. Они отлично кормились самостоятельно и к моменту моего возвращения были совершенно здоровыми, гладкими и жирными. У меня в то время была важная работа, и я сидел все время за своим письменным столом, а сорокопугы находились в своей клетке и непрерывно кланчили у меня пищу. Тогда я сказал им: "Постыдитесь! Вы уже в течение этих четырех дней доказали мне, что можете самостоятельно питаться, и я не собираюсь вас больше кормить". Во вторую половину дня я обратил внимание на то, что сорокопугы стали какими-то жалкими и не съели ни одного кусочка.

Дело в том, что реакция выпрашивания пищи все еще не давала им питаться самостоятельно и они бы умерли с голоду, потому что я сидел в комнате, в то время как они продолжали бы прекрасно расти и развиваться, если бы я отсутствовал"¹²⁶.

Имея в виду человека, следует признать, что не только способы потребления, но и сами предметы потребности производятся обществом. "До появления шоколада, — отмечал в этой связи А.Н. Леонтьев, — не было никакой "шоколадной" потребности". Имея в виду акт "встречи" субъекта с потенциальным объектом его потребности, говорят об опредмечивании потребности. Фиксация потребности на объекте может быть как источником роста и развития личности, так и причиной болезненных отклонений. Не вызывает сомнения, что нет никакой врожденной потребности в табаке, алкоголе, наркотиках. Подобные потребности фиксируются в индивидуальном опыте, однако их "предметы" задаются общественным производством. Примеры опредмечивания потребностей могут быть взяты также из сферы межличностных отношений. Здесь также предмет потребности может выступать источником как развития личности (когда, например, им является значимый другой человек, способный к ответному чувству), так и невротических отклонений (что бывает при неудовлетворенной любви, неотреагированной обиде и т.п.). В последнем случае иногда говорят о невротической "фиксации" на объекте.

Феномен опробования цели действием. Часто считают цель предшественницей действия. Менее очевидна противоположная зависимость, Между тем ее легко представить, проделав следующий мысленный эксперимент. Положим, человек впервые совершает прыжок в условиях изменения силы тяжести — "прыжок на Луне". Требуется заранее указать место, где он окажется после прыжка. Вопрос состоит в следующем: можно ли без предварительных попыток задать цель действия, то есть в данном случае положение в пространстве, которое намерен достичь субъект? На первый взгляд — да, ибо в момент действия (прыжок) он будет исходить из определенного намерения очутиться в намеченном месте. Но "поставленная" таким образом "цель", очевидно, нереалистична, такова лишь "ориентировочная" цель действия; подлинная цель может быть поставлена лишь тогда, когда человек приобрел определенный опыт действия. Необходимо опробование цели действием (А.Н. Леонтьев). Здесь, как и в случае "опредмечивания потребностей", внутренний процесс целеобразования опосредствуется "выходами" человека в план внешнего функционирования, опирается на опыт действия вовне.

Феномен функциональной фиксированности. При исследовании мышления людей было показано, что многократное использование какого-либо объекта как инструмента решения тех или иных проблем ведет к психологическому закреплению за ним соответствующей функции — "функциональной фиксированности". В так называемых задачах "на сообразительность" условия содержат ловушку: предметы ассоциируются с типичными способами их использования, а для решения требуется найти их новое функциональное значение, новую роль. Простая задача иллюстрирует сказанное. "Вы находитесь на крыше высотного здания. У Вас в руках барометр и хронометр. Определите высоту здания". Решение: "Бросьте вниз барометр и засекайте время". Барометр в этой задаче должен выступить в неспецифической функции — просто как падающая вещь, к которой приложима формула расчета высоты по ускорению свободного падения и времени. Как и в предшествующих двух

¹²⁶ Развитие ребенка / Под ред. А.В.Запорожца, Л.А.Венгера. М., 1968, с. 130.

случаях ("опредмечивание потребности", "опробование цели действием"), явление функциональной фиксированности выражает зависимость внутренних факторов активности от ее внешних проявлений, в данном случае: роль практического опыта в построении инструментальной основы активности.

Как можно было убедиться, внешние и внутренние образующие активности взаимопроникают, "внутреннее" не только проявляется во "внешнем", но и формируется в нем. Активность как деятельное состояние человека есть целостность, связывающая воедино процессы, протекающие во внутреннем плане (становление мотивов, целей, схем действований) и в плане поведения (деятельность, действия, операции).

Своеобразие этой динамической системы в том, что она сама пребывает в движении, объединяя в себе множество динамических проявлений, обнаруживает свою собственную динамику, или, иначе говоря, обладает свойством самодвижения.

Самодвижение активности

Собственная динамика активности человека проявляется в двух основных формах.

Одной из них являются взаимопереходы между такими образующими активности, как деятельность, действия и операции. Имеется в виду, что между мотивами, целями, ориентирами построения человеком своих взаимоотношений с миром существуют отношения взаимопреимственности. Примером может служить превращение мотивов деятельности в ее цели. Так, книга, купленная для подготовки к экзаменам, может побудить интерес сама по себе: происходит то, что принято обозначать как "сдвиг мотива на цель". Встречаются и противоположные превращения. То, что еще недавно мотивировало активность, теряет непосредственную привлекательность, занимает положение промежуточной цели: "Было дружбой – стало службой", – писала М. Цветаева об утрате любви... И цели деятельности, подобно мотивам, подвержены превращениям в единицы более мелкие и конкретные при автоматизации действия, а ориентиры при выполнении шаблонных операций в свою очередь могут возвыситься свой ранг до положения промежуточных целей деятельности, если последняя сталкивается с затруднениями.

Другой формой проявления собственной динамики активности человека является "надситуативная активность" (В.А. Петровский). Феномен надситуативной активности заключается в том, что человек свободно и ответственно ставит перед собой цели, избыточные по отношению к исходным требованиям ситуации. Примером "надситуативной активности" могут послужить факты из экспериментов В.И. Аснина. В комнате две девочки – одна школьного, другая дошкольного возраста. Старшей девочке предлагают справиться с очень простой задачей: достать предмет, лежащий посреди стола на таком расстоянии от краев, отгороженных невысоким барьером, что дотянуться до него непосредственно рукой нельзя; для этого достаточно воспользоваться здесь же лежащей палочкой. Девочка ходит вокруг стола, совершает то одну, то другую пробу, а задача все не решается... Девочка меньшего возраста сначала молча наблюдает, а потом начинает подавать совет за советом: "подпрыгнуть" (подсказка явно неудачная), "воспользоваться палочкой" (то единственное, что может спасти положение), наконец, сама берет палочку

и пытается достать предмет. Однако старшая немедленно отбирает у нее это "орудие", объясняя, что достать палочкой нетрудно, что "так" всякий сможет. В этот момент в комнате появляется экспериментатор, которому испытуемая заявляет, что достать со стола предмет она не может. Интересно, что девочка игнорирует палочку, но даже если использует ее как инструмент достижения цели, то избегает условного вознаграждения (например, как бы случайно забывает предмет-награду на столе). Поиск неординарного решения в этом примере выступает как проявление надситуативной активности – действия над порогом требований ситуации.

Среди проявлений надситуативной активности особое место занимает феномен активной неадаптивности. Его можно проиллюстрировать на примере явления "бескорыстного риска" (В.А. Петровский).

Перед испытуемым была поставлена задача действовать точно и безошибочно, самостоятельно выбирая цель и стремясь, не промахнувшись, попасть в нее. Цель разрешено выбирать где угодно в пределах заданного в эксперименте пространства, в котором существует опасная зона. Случайное попадание в нее, однако, чревато наказанием. Выяснилось, что некоторые испытуемые, хотя их никто и ничто к этому, казалось бы, не побуждает, стремятся работать в непосредственной близости к опасной зоне, рискуя неблагоприятными последствиями любого случайного промаха. Другие же в этой ситуации не позволяют себе подобного риска, выбирая цели, значительно удаленные от зоны опасности. Многократные повторения и варьирование эксперимента позволили сделать вывод о выраженности у первой группы склонности к бескорыстному риску.

В последующих экспериментах было установлено, что люди, способные к "риску ради риска", гораздо чаще встречаются среди монтажников-высотников, спортсменов-мотоциклистов, монтеров высоковольтных линий и др. по сравнению с представителями других профессий.

Экспериментально доказано также, что лица, обнаруживающие способность к ситуативному риску, склонны рисковать "ради риска". Однако испытуемые, не продемонстрировавшие при исследовании бескорыстный риск, как правило, не рискуют в ситуации, когда ожидаемый выигрыш не больше ожидаемой неудачи. Склонность к бескорыстному риску, которую можно обнаружить в психологическом эксперименте, то есть в результате множественных испытаний, позволяет, таким образом, прогнозировать волевые действия людей в ситуации действительной опасности.

Обстоятельства жизни человека таковы, что только в редких случаях можно гарантировать точное соответствие между целями, которые человек преследует, и достигаемыми результатами. Строго говоря, гарантии такого рода суть иллюзии, за которые приходится платить. Основатель экспериментальной психологии В.Вундт в качестве общего закона психической жизни сформулировал закон "гетерогонии целей", согласно которому человек всегда достигает чего-то иного, чем то, что входило в его первоначальные намерения. Дорого расплатился один из персонажей романа М. Булгакова – Берлиоз за свою уверенность в том, что его планы осуществятся, когда другой персонаж – Воланд усомнился в прогнозах первого... Если от литературных примеров перейти к специальным исследованиям, то выяснится, что эффект непредсказуемости последствий действия характеризуется не только избыточностью, но и противоположностью результатов активности исходным ее

мотивам. Иначе говоря, результаты активности человека неизбежно неадаптивны. "Есть болезнь, от которой умирают все, это – жизнь" – такова бесспорная, хотя и печальная истина. Не только в сфере своих витальных (жизнь) контактов с миром, но и в познании, созидании, общении, самопознании человек неизбежно выходит за границы предустановленного, порождает последствия, озадачивающие его несовпадением с первоначальными побуждениями. Отсюда и принцип "недеяния", принятый в ряде восточных учений. Иной подход заключается в том, что человек вполне сознательно ("ответственно и свободно") ставит перед собой цели с непредрежденным исходом; более того, постановка такой цели мотивирована самой возможностью промаха. В этом случае, как ни парадоксально, человек ощущает себя подлинным субъектом происходящего, хотя успех достижения цели не гарантирован. Такова суть "активной неадаптивности", один из примеров которой был приведен выше.

Глава 11. КАТЕГОРИЯ ОБЩЕНИЯ

Как и все метапсихологические категории, "общение" выступает в качестве междисциплинарного предмета познания, к которому обращены многие другие науки: лингвистика (и в особенности психолингвистика), информатика, герменевтика, педагогика и др. Это в значительной степени объясняет многоплановый характер категории общения.

Взаимодействие человека с окружающим его миром осуществляется в системе объективных отношений, которые складываются между людьми в их общественной жизни.

Объективные отношения и связи (отношения зависимости, подчинения, сотрудничества, взаимопомощи и др.) неизбежно и закономерно возникают в любой реальной группе. Отражением этих объективных взаимоотношений между членами группы являются субъективные межличностные отношения, которые изучает социальная психология,

Основной путь исследования межличностного взаимодействия и взаимоотношений – это углубленное изучение различных социальных фактов.

Всякое производство предполагает объединение людей. Но никакая человеческая общность не может осуществлять полноценную совместную деятельность, если не будет установлен контакт между людьми, в нее включенными, и не будет достигнуто между ними должное взаимопонимание.

Итак, общение – это многоплановый процесс развития контактов между людьми, порождаемый мотивами совместной деятельности.

Общение включает в себя обмен информацией между участниками совместной деятельности (коммуникативная сторона общения).

Вторая сторона общения – взаимодействие общающихся – обмен не только словами, но и действиями.

Наконец, третья сторона общения предполагает восприятие общающимися друг друга.

Таким образом, в едином процессе общения можно условно выделить три стороны: коммуникативную (передача информации), интерактивную (взаимодействие) и, наконец, перцептивную (взаимовосприятие).

Общение как обмен информацией

Понимание общения как производство общего, объединяющего людей в процессе их взаимодействия и совместной деятельности, предполагает, что этим общим прежде всего является язык как средство общения. Язык обеспечивает коммуникацию между общающимися, потому что его понимает как тот, кто сообщает информацию, кодируя ее в значениях слов, отобранных для этой цели, так и тот, кто принимает эту информацию, декодируя ее, то есть расшифровывая эти значения и изменяя на основе этой информации свое поведение.

Человек, адресующий информацию другому человеку (коммуникатор), и тот, кто ее принимает (реципиент), для осуществления целей общения и совместной деятельности должны пользоваться одной и той же системой кодификации и декодификации значений, то есть говорить на "одном языке". Если коммуникатор и реципиент используют различные системы кодификации, то они не могут добиться взаимопонимания и успеха в совместной деятельности.

Обмен информацией становится возможен, если значения, закрепленные за используемыми знаками (словами, жестами, иероглифами и т.д.), известны участвующим в общении лицам.

Значение – это содержательная сторона знака как элемента, опосредствующего познание окружающей действительности. Подобно тому, как орудие опосредствует трудовую деятельность людей, знаки опосредствуют их познавательную деятельность и общение.

Система словесных знаков образует язык как средство существования, усвоения и передачи общественно-исторического опыта.

Общение как межличностное взаимодействие

Вступая в общение, то есть обращаясь к кому-либо с вопросом, просьбой, приказанием, объясняя или описывая что-то, люди ставят перед собой цель оказать воздействие на другого человека.

Цели общения отражают потребности совместной деятельности людей. Это не исключает случаев пустой болтовни, так называемого фатического общения (от лат. *fatuus* – глупый), бессодержательного использования коммуникативных средств с единственной целью поддержания самого процесса общения.

Общение имеет или, во всяком случае, предполагает некоторый результат – изменение поведения и деятельности других людей. Такое общение выступает как межличностное взаимодействие, то есть совокупность связей и взаимовлияний людей,

складывающихся в процессе их совместной деятельности. Межличностное взаимодействие представляет собой последовательность развернутых во времени реакций людей на действия друг друга.

Совместная деятельность и общение протекают в условиях социального контроля, осуществляемого на основе социальных норм принятых в обществе образцов поведения, регламентирующих взаимодействие и взаимоотношения людей.

Общество вырабатывает в качестве социальных норм специфическую систему образцов поведения, им принятых, одобряемых, культивируемых и ожидаемых от каждого, находящегося в соответствующей ситуации. Их нарушение включает механизмы социального контроля, обеспечивающего коррекцию поведения, отклоняющегося от нормы.

Диапазон социальных норм чрезвычайно широк – от образцов поведения, отвечающего требованиям трудовой дисциплины, воинского долга и патриотизма, до правил вежливости.

Социальный контроль в процессах взаимодействия осуществляется в соответствии с репертуаром ролей, "используемых" общающимися людьми. Под ролью понимается нормативно одобряемый образец поведения, ожидаемый окружающими от каждого, кто занимает данную социальную позицию (по должности, возрастным или половым характеристикам, положению в семье и т.д.).

Один и тот же человек, как правило, выполняет различные роли, входя в различные ситуации общения.

Взаимодействие людей, исполняющих различные роли, регулируется ролевыми ожиданиями. Хочет или не хочет человек, но окружающие ожидают от него поведения, соответствующего определенному образцу. То или иное исполнение роли обязательно получает общественную оценку, и сколько-нибудь значительное отклонение от образца осуждается.

Итак, необходимым условием успешности процесса общения является соответствие поведения взаимодействующих людей ожиданиям друг друга.

Нельзя представлять себе процессы общения всегда и при всех обстоятельствах гладко протекающими и лишенными внутренних противоречий. В некоторых ситуациях обнаруживается антагонизм позиций, отражающий наличие взаимоисключающих ценностей, задач и целей, что иногда оборачивается взаимной враждебностью – возникает межличностный конфликт. Социальная значимость конфликта различна и зависит от ценностей, которые лежат в основе межличностных отношений.

Причиной возникновения конфликтов являются также не преодоленные смысловые барьеры в общении, препятствующие налаживанию взаимодействия общающихся. Смысловой барьер в общении это несовпадение смыслов высказанного требования, просьбы, приказа для партнеров, создающее препятствие для их взаимопонимания и взаимодействия.

Помимо общепринятой системы значений, слова, как и другие факты сознания человека, имеют некоторый личностный смысл, некоторую особую значимость, индивидуальную для каждого. Соотношение значений и личностного смысла было исследовано в трудах А.Н. Леонтьева. "В отличие от значений личностные смыслы... не имеют своего "над индивидуального", своего "не психологического" существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания". Личностный смысл, то есть особую значимость для человека, приобретает то, что связывает цели деятельности с мотивами ее осуществления, то, в чем оказываются запечатленными его потребности.

Общение как понимание людьми друг друга

За взаимодействием и коммуникативной стороной общения выступает его перцептивный аспект – осуществляемое в общении взаимное восприятие его участников.

Общение становится возможным только в том случае, если люди, вступающие во взаимодействие, могут оценить уровень взаимопонимания и дать себе отчет в том, что представляет собой партнер по общению. Участники общения стремятся реконструировать в сознании внутренний мир друг друга, понять чувства, мотивы поведения, отношение к значимым объектам. "При общении вы прежде всего ищите в человеке душу, его внутренний мир", – писал К.С. Станиславский.

Однако эта реконструкция внутреннего мира другого человека задача весьма сложная. Субъекту непосредственно дан лишь внешний облик других людей, их поведение и поступки, используемые ими коммуникативные средства, и ему приходится проделать определенную работу для того, чтобы, опираясь на эти данные, понять, что представляют собой люди, с которыми он вступил в общение, сделать заключение об их способностях, мыслях, намерениях и т.д.

Сам по себе отдельный поступок однозначно не связан с внутренним психологическим планом, за ним стоящим, и это обстоятельство превращает межличностное восприятие в решение психологической задачи. Перцептивный аспект общения – это восприятие, понимание и оценка человека человеком. Познавая других людей, индивид получает возможность лучше, более надежно определить перспективы совместной деятельности с ними. От точности "прочтения" их внутреннего мира зависит успешность согласованных действий.

В актах взаимного познания должен быть выделен еще один важнейший механизм межличностного восприятия – рефлексия.

Рефлексия входит в состав восприятия другого человека. Понять другого означает, в частности, осознать его отношение к себе как к субъекту восприятия. Таким образом, восприятие человека человеком можно уподобить удвоенному зеркальному отражению. Человек, отражая другого, отражает и себя в зеркале восприятия этого другого.

В процессах общения идентификация и рефлексия выступают в единстве.

Если бы каждый человек всегда располагал полной, научно обоснованной информацией о людях, с которыми он вступил в общение, то он мог бы строить тактику взаимодействия с ними с безошибочной точностью. Однако в повседневной жизни субъект, как правило, не имеет подобной точной информации, что вынуждает его приписывать другим причины их действий и поступков. Причинное объяснение поступков другого человека путем приписывания ему чувств, намерений, мыслей и мотивов поведения называется каузальной атрибуцией.

Каузальная атрибуция осуществляется чаще всего неосознанно – либо на основе идентификации с другим человеком, то есть при приписывании другому тех мотивов или чувств, которые сам субъект, как он считает, обнаружил бы в аналогичной ситуации, либо путем отнесения партнера по общению к определенной категории лиц, в отношении которой выработаны некоторые стереотипные представления.

Стереотип здесь – сформировавшийся образ человека, которым пользуются как штампом. Стереотипизация может складываться как результат обобщения личного опыта субъекта межличностного восприятия, к которому присоединяются сведения, полученные из книг, кинофильмов и т.п.

Проблемы коммуникативной деятельности межличностного взаимодействия и восприятия человека человеком исследуются главным образом социальной психологией.

"Значимый другой" в системе межличностных отношений

Взаимодействие людей может быть эффективным лишь в том случае, если его участники являются взаимно значимыми. Безразличие и слепота к индивидуальным особенностям и запросам партнера, игнорирование его внутреннего мира, оценок, позиции искажают результат взаимовлияния, тормозят, а порой и парализуют само взаимодействие. Именно поэтому в современной психологии с особой остротой встает проблема "значимого другого".

Если обратиться к истории вопроса, то нетрудно выстроить развернутую во времени цепочку нарастания заинтересованности проблематикой значимых отношений, первые знания о которой на десятилетия предваряют 30-е годы нашего столетия, когда во многом усилиями американского ученого Г. Салливана в психологическом лексиконе прочно утвердилось понятие "значимый другой". С этой точки зрения имена У. Джеймса, Ч. Кули, Г. Салливана, Г. Хаймана как бы символизируют качественные точки в континууме, отражающем поступательное движение научной психологической мысли от момента зарождения проблематики значимых отношений до периода 30-40-х годов, когда она стала одной из ключевых в психологии. Понятно, что условные промежутки между этими ориентирами легко могут быть заполнены работами других, куда более многочисленных исследователей.

Несмотря на интенсивную разработку проблематики значимых отношений, остается открытым вопрос: какие характеристики личности ответственны за преобразования, которые она производит в мотивационно-смысловой и эмоциональной сферах субъекта? Важно понять, что реально значимо для других людей, на которых он так или иначе влияет. Имеются в виду не узкоиндивидуальные характеристики этого "значимого другого" (например, его характер, интересы, темперамент и

т.п.), а его представленность в тех, с кем он имеет дело, то есть собственно личностные проявления. По существу, этот вопрос связан с проблемой научного определения критериев значимости другого, то есть оснований, позволивших бы четко и обоснованно дифференцировать именно тех партнеров по взаимодействию и общению, которые являются действительно значимыми для человека, и тех, кто не может на это претендовать.

В 1988 году А.В.Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель "значимого другого".

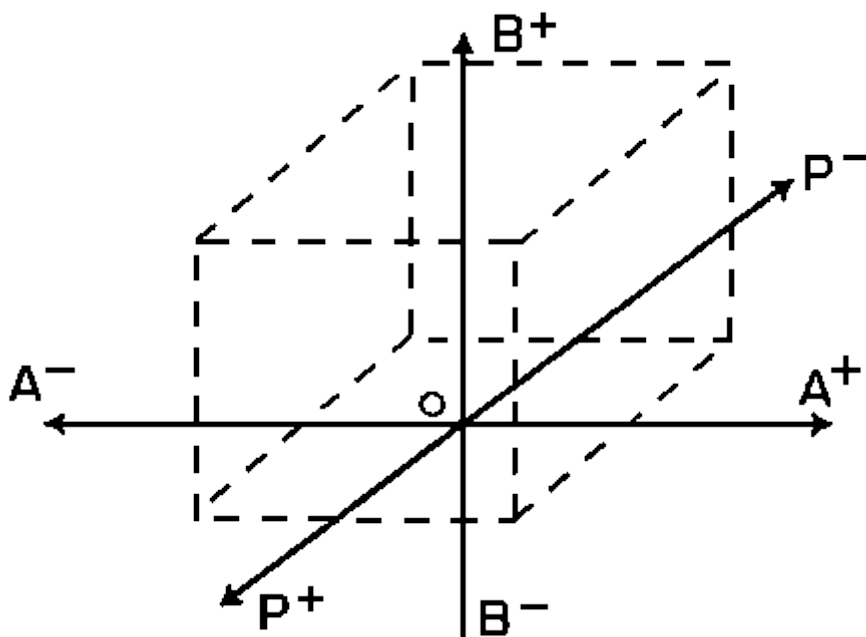

Рис. 2
Трехфакторная модель "значимого другого"
по А.В.Петровскому

Первый фактор – авторитет, который обнаруживается в признании окружающими за "значимым другим" права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. За этой важной характеристикой стоят фундаментальные качества индивидуальности человека, которые позволяют окружающим полагаться на его честность, принципиальность, справедливость, компетентность, практическую целесообразность предлагаемых им решений. Если вести отсчет от исходной точки 0 к Р (рис. 2), то можно было бы, в случае точного измерения, зафиксировать множество состояний нарастаний этой представленной личности, иными словами, градации усиления "власти авторитета". Впрочем, авторитет – лишь высшее проявление этого типа позитивной значимости человека для других людей, и поэтому обозначим этот вектор более осторожно, как референтность Р+. Вместе с тем существует и прямо противоположное позитивной референтности качество, то, что можно было бы условно назвать "антиреферентностью". Если, к примеру, обладающий таким негативным качеством человек порекомендует своему знакомому посмотреть некий кинофильм или прочитать книгу, то именно из-за похвал и оценок этого человека и книга не будет прочитана, и кинокартина не вызовет интереса. Обозначим антиреферентность Р-. Его крайняя точка выражает максималь-

ное и категорическое неприятие всего, что исходит от негативно значимого человека. В некоторых случаях при этом "с порога" могут отвергаться и вполне разумные, доброжелательные его советы и предложения.

Второй фактор – эмоциональный статус "значимого другого" (аттракция), его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызывать симпатию или антипатию. Эта форма репрезентации личности может не совпадать с феноменами референтности или авторитетности, которые в наибольшей степени обусловлены содержанием совместной деятельности. Однако их значение в структуре личности "значимого другого" не следует недооценивать: враг в известном смысле не менее значим для нас, чем друг, эмоциональное отношение к человеку может не способствовать успеху совместной деятельности, деформировать ее. На рис. 2 аттракция А представлена множеством эмоциональных установок, располагающихся по нарастанию от точки О к точке А+, так и в противоположном направлении – к точке А-.

Третий фактор репрезентативности личности – властные полномочия субъекта или статус власти. Как это ни парадоксально, но генерал менее значим для солдата, чем сержант, с которым рядовой взаимодействует непосредственно. Разрушение той или иной организации автоматически включает механизм действия статусных отношений. Выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса "значимого другого" для его сослуживцев. Это происходит, разумеется, если его служебный статус не сочетался с более глубинными личностными характеристиками – референтностью и аттракцией. Примеры подобного "низвержения с Олимпа", а следовательно, утраты значимости конкретного лица может привести каждый. Но пока статус индивида достаточно высок, он не может не быть "значимым другим" для зависимых от него лиц. У него в руках не "власть авторитета", но "авторитет власти". На рис. 2 возрастание статусных рангов получает отражение на векторе, ориентированном условной точкой В+.

В то время как в одном направлении от исходной точки властные полномочия усиливаются, в другом нарастает прямо противоположный процесс все большей дискриминации "значимого другого" (здесь понятие "значимость" приобретает весьма специфический смысл так может быть "значим" раб для господина, поскольку под угрозой жестокого наказания будет выполнять прихоти последнего). Обозначим подобную статусность В-. По сути дела речь идет о том, что в случае "плюсовой" В-значимости с полным основанием можно говорить о субъектной значимости другого (субъект влияния), а в ситуации "минусовой" В-значимости – о его объектной значимости (объект влияния).

Построив модели "значимого другого" в трехмерном пространстве, мы получаем необходимые общие ориентиры для понимания механизмов взаимодействия людей в системе межличностных отношений. Таким образом, открываем для себя возможность более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе. В качестве примера рассмотрим несколько позиций в пространстве позитивных значений выделенных нами критериев значимости. Для обозначения их с целью возможной наглядности приходится прибегать к метафорам.

Позиция 1 – "кумир". Некто наиболее эмоционально привлекательный, обожаемый, непререкаемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом (B=0; P+; A+).

Позиция 2 – "божество". Те же характеристики, которыми наделен окружающими "кумир", но при этом высочайшие возможности влияния на судьбу человека, которые дают ему prerogatives власти (B+; P+; A+).

Позиция 3 – "компетентный судья". Высокостатусный по своей социальной роли и авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и не антипатичный (B+; P+; A=0).

Позиция 4 – "советчик-компьютер". Этот человек не располагает высокой властной позицией, он несимпатичен, хотя и не антипатичен для окружающих, но, тем не менее, последние подчиняются ему или, во всяком случае, считаются с его решениями, понимая, что в данной области он реальный авторитет и, отказываясь от его советов и рекомендаций, можно проиграть (B=0; P+; A=0).

Позиция 5 – "деревенский дурачок". Не располагающий статусом по своей социальной роли, глупый, но при этом симпатичный человек (B=0; P=0; A+).

Позиция 6 – "заботливый начальник". Обладающий властью руководитель, который вызывает у работающих спим сотрудников благодарность за доброжелательное отношение, но профессионально не компетентный и потому не референтный. Авторитет его личности минимален, что легко обнаруживается в случае утраты им служебного положения (B+; P=0; A+).

Позиция 7 – "кондовый начальник". Субъект, наделенный властными полномочиями, но не авторитетный для окружающих; беззлобный, в связи с чем не вызывает ни симпатий, ни антипатий (B+; P=0; A=0).

Понятно, что описанные выше позиции не охватывают возможности, которые могли бы быть включены в полную модель "значимого другого". Рассмотренные несколько случаев – лишь частная иллюстрация эвристичности предлагаемого подхода. Так, например, в его рамках находят место и характеристики, связанные с антипатией, антиреферентностью и даже с "антистатусностью" личности, ее полным бесправием, фактически рабским положением, потерей не только власти, но и элементарной свободы действий. К счастью, в настоящее время в окружающей нас действительности последний случай встречается не слишком часто. Хотя, к примеру, положение "отверженного" ("опущенного") в исправительно-трудовой колонии дает известные основания говорить именно о полной беззащитности и рабской покорности. Заметим, что прошлое открывает широкие возможности для отыскания параметров "значимого другого", являющегося заведомо безвластным, но обладающего высокими значениями по выраженности других и, в частности, позитивных факторов. Так, ученые типа С.П. Королева, являясь заключенными в беринговской "шарашке", при заведомом бесправии могли иметь и имели высочайшую референтность для начальника, поскольку от их творческих решений зависела его карьера и судьба. Это противоречие между статусом власти и авторитетом хорошо показано А.И. Солженицыным в книге "В круге первом".

Важность выделенных параметров определяется двумя обстоятельствами: во-первых, представлением о необходимости и достаточности именно этих характеристик "значимого другого", без учета которых нельзя понять сущность межличностных отношений; во-вторых, тем, что эта гипотеза ориентирована на получение необходимых данных для каждого конкретного случая значимости – и реализуемые властные полномочия, и референтность, и аттракция доступны для измерительных процедур.

Последнее обстоятельство позволило экспериментально подтвердить эвристичность трехфакторной модели "значимого другого", которая первоначально носила гипотетический характер.

Так, например, одной из экспериментальных работ (М.Ю. Кондратьев) трехфакторная модель, будучи использована в качестве теоретического алгоритма исследования статусных различия и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.), позволила выявить ряд важных социально-психологических закономерностей. В результате была получена развернутая картина межличностных отношений воспитанников как в их среде, так и при взаимодействии с воспитателями.

Подросток в этих условиях заведомо признает властные полномочия представителя вышестоящего статусного слоя и безоговорочно ему подчиняется. Но, как правило, этот человек подростку антипатичен (В+; Р+; А-). Для высокостатусного же воспитанника "опущенный" не только не является "значимым другим", но и нередко вообще не воспринимается как личность, наделенная индивидуальными особенностями и способная к самостоятельным поступкам, его мнение не принимается во внимание, а образ негативно окрашен (В-; Р=0; А-).

Таким образом, определяющей для характеристики отверженного члена этой группы является роль невольной и постоянной жертвы, которая ему уготована в этой общности.

Все это дает основания более подробно остановиться на одной из форм репрезентации "значимого другого" – ролевом поведении.

Теория ролевого поведения¹²⁷

В Соединенных Штатах Америки в период зарождения бихевиоризма складывалась теория ролевого поведения, разработанная философом Джорджем Мидом. Основанное Мидом направление не имеет определенного названия. Для его обозначения иногда используют такие термины, как "теория ролей" или "чикагская традиция" (поскольку ее лидеры – Мид, Дьюи и Парк – работали в Чикагском университете). Учитывая своеобразие мидовского подхода, мы называем его теорией ролевого поведения.

¹²⁷ Автор параграфа М.Г.Ярошевский.

Согласно ортодоксальному бихевиоризму, поведение строится из стимулов и реакций, связь которых запечатлевается в индивидуальном организме благодаря полезному для него эффекту. По Миду же, поведение строится из ролей, принимаемых на себя индивидом и "проигрываемых" им в процессе общения с другими участниками группового действия.

Мид начал с положения о том, что значение слова для произносящего его субъекта остается закрытым, пока последний не примет на себя роль того, кому оно адресовано, то есть не установит отношения с другим человеком. Перейдя от вербальных действий к реальным социальным актам, Мид применил тот же принцип, что и в трактовке речевого общения: человек не может произвести значимое, всегда адресованное людям действие, не приняв на себя роли других и не оценивая собственную персону с точки зрения других.

Принятие на себя роли и ее "проигрывание" (имплицитное или эксплицитное) – это и есть отношение, в отличие от тех сторон психической реальности, которые фиксируются в категориях образа действия – мотива. Нераздельность различных сторон этой реальности обуславливает их внутреннюю взаимосвязь.

Отношение выражено в действиях, предписанных "сценарием" роли и мотивированных интересами участников социального процесса, и предполагает понимание ими (представленность в форме образа) значения и смысла этих действий. Иначе говоря, отношение невозможно вне образа, мотива, действия, равно как и они на уровне человеческого бытия немыслимы без отношения. Так обстоит дело в реальности. Но чтобы эта реальность раскрылась перед научной мыслью и стала ее предметом, потребовался длительный поиск. В ходе поиска удалось освоить наиболее крупные "блоки" психического, в частности, отчленив отношение от других психических проявлений и только тогда соотнести его с ними.

Уже в 50-е годы XX века близость к теории ролевого поведения обнаруживает популярная как на Западе, так и в России концепция транзакционного анализа Э. Берна. Отправляясь от идей психоанализа, Э. Берн выделял три "эгосостояния" людей в их отношении друг к другу ("взрослый", "родитель", "ребенок"). Согласно его концепции, в каждый момент жизни каждый человек находится в одном из "эгосостояний", определяющих его отношение к другим людям. Понятие транзакция применялось для характеристики отношения "эгосостояний" вступающей в общение диады. Вступая в отношения и взаимодействие с другим человеком, индивид находится в одном из "эгосостояний". "Взрослый" как "эгосостояние" обнаруживает компетентность, рациональность, независимость; "родитель" – авторитарность, запреты, санкции, догмы, советы, заботы; "эгосостояние" "ребенок" содержит аффективные реакции, непосредственность, импульсивность. В различных обстоятельствах индивид может проявлять различные "эгосостояния", и на этой основе строятся его отношения с другими людьми.

Наряду с "эгосостояниями" Э. Берн ввел понятие "игра", используя его для обозначения различных способов манипулирования людьми. Концепция транзакционного анализа описывает множество игр, с помощью которых вступающие в определенные отношения люди пытаются управлять поведением партнеров.

В транзакционном анализе теория ролевого поведения оказывается существенно продвинутой и операционализированной, найдя применение в психотерапии и детской психологии. Однако социальная природа личности также мало может быть раскрыта исходя из теории ролевого поведения, как и из учения о "коллективных представлениях". Нельзя проникнуть в эту природу, игнорируя общественно-историческую практику. Подобно тому, как Дюркгейм своим апсихологизмом, оказавшимся неприемлемым для научного объяснения человеческого поведения, побудил, тем не менее, искать пути разработки категории отношения (показателен в этом смысле транзакционный анализ), так присущая мидовскому мышлению неразработанность категории личности порождала неудовлетворенность ролевым редукционизмом, игнорированием личностного начала человеческой активности. Назревала потребность расчленить коммуникативное (ролевое) и личностное.

Потребовались усилия огромного числа ученых, работающих в области социальной психологии, чтобы отыскать решения, позволяющие вскрыть сущность социальных межличностных отношений и общения людей в связи с пониманием личности как психологической категории. Однако для этого социальная психология должна была обрести статус экспериментальной дисциплины.

Развитие экспериментальной социальной психологии

Интерес к процессам взаимодействия людей в различных человеческих общностях зародился на ранних этапах общественного развития. Первые наблюдения над социальным поведением – зачатки будущей социально-психологической науки – отмечаются еще в античности в произведениях Платона и Аристотеля, позднее, в период Просвещения, у Ш. Монтескье, П. Гольбаха, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, в России в трудах А.Н. Радищева и других мыслителей XVIII столетия. Не образуя сколько-нибудь законченной системы знаний, эти наблюдения, тем не менее, пробуждали стремление понять закономерности социального развития индивида в обществе себе подобных и тем самым подготавливали почву для первых социально-психологических концепций, создание которых относится к середине и концу XIX века. Философской базой для разработки этих социально-психологических теорий послужил главным образом позитивизм Огюста Конта – философское течение, считавшее задачей исследования в психологии описание и систематизацию сведений, полученных в ощущении.

В Европе и Америке первые попытки создания социально-психологической теории в конце XIX – начале XX века связаны с именами представителей психологической школы в социологии Г. Тарда, Г. Лебона, У. Макдугалла, С. Сигеле, Э. Дюркгейма. По установившемуся мнению, первой публикацией по социальной психологии на Западе считается "Введение в социальную психологию" Макдугалла (английского психолога, работавшего затем в США). Год выхода этой книги – 1908-й – иногда рассматривается как своеобразная точка отсчета в истории социальной психологии.

Пионеры социальной психологии пытались найти всеобщие законы, которые можно было бы применить для объяснения социальных явлений. Например, объяснение истоков солидарности и сплоченности людей Тард искал в категориях имми-

тации и подражания, Лебон в "законе духовного единства", Дюркгейм – в "коллективных представлениях". Таким образом, они подменяли законы истории законами психологии, сводя общественные явления к психическим. Личность растворялась, размывалась в человеческой общности, теряя свои индивидуальные особенности и способность самостоятельно действовать и принимать решения.

Большое влияние на развитие социальной психологии оказали работы Г. Зиммеля и Ч. Кули. Они первые стали рассматривать личность не абстрактно, а в связи с процессами взаимодействия людей с группами и внутри групп, представляя личностные черты как своеобразную проекцию взаимоотношений человека с социальными группами.

Личность нельзя изучать вне социального контекста, вне среды таков был справедливый вывод. Кули ввел в социальную психологию термин "первичная группа" (семья, неформальные объединения по месту жительства или работы и т.д.). Однако само понятие социальной среды было у Зиммеля и Кули чрезвычайно узким и сводилось к "малой группе", а контакты "лицом к лицу" определяли сущность межличностного общения в группах. Обосновывая общественный характер психической жизни личности, Кули вместе с тем трактовал само общество как совокупность психологических связей, игнорируя тот факт, что любая группа – это не нечто замкнутое и автономное, а часть общества. Акцентирование внимания на чисто психологических отношениях, возникающих на основе взаимодействия "лицом к лицу", не давало подлинной картины межличностных отношений.

Психологизирование природы общественных отношений в группах присуще и современным исследователям (Дж. Морено, Р. Бейлс, М. Аргайл, Ч. Осгуд, Л. Беркович и др.).

Начиная с 20-х годов XX века социальная психология становится ведущим направлением в психологической науке США, Англии, Германии, Франции и Японии.

В. Мёде и Ф. Олпорт положили начало исследованиям по выявлению влияния (положительного или отрицательного), которое оказывают первичные группы на своих членов в процессе выполнения ими определенной деятельности. При этом интерес привлекали случаи как позитивного, так и негативного отношения индивида к группе. Выяснилось, что общий эффект деятельности групп находится в прямой зависимости оттого, "рядом" или "вместе" они действовали, выполняя определенные задания. Было даже обнаружено, что присутствие наблюдателей из числа авторитетных для группы лиц создавало атмосферу, которая приводила к повышению производительности всей группы и отдельных ее членов (эффект фасилитации).

Значительный интерес во всем мире вызвали исследования того, в какой мере межличностные отношения влияют на повышение производительности труда, на отношение к труду, трудовую дисциплину. В ходе так называемых хотторнских (Хотторн – город в США) экспериментов Э. Мейо сделал выводы, которые легли в основу последующих исследований роли психологических факторов в современном производстве. Было выявлено, что производительность труда каждого рабочего зависит от его самочувствия в группе и соответствует чаще всего не столько

его возможностям, сколько системе ценностных ориентаций, норм, установок, сложившихся в группе, определяется не только оплатой и условиями труда, но и характером возникших и упрочившихся неформальных отношений. Неформальная структура способна тормозить или, наоборот, обеспечивать процессы управления на уровне малых групп.

Было установлено, что характер неформальных отношений существенно влияет на все производственные показатели, в том числе такие, как производительность труда, текучесть рабочей силы, а также на отношение рабочих к изменению норм, расценок.

Основы социальной психологии закладывались первоначально под влиянием гештальтпсихологии, бихевиоризма и психоанализа. Это влияние ощущалось и в последующей методологической направленности работ психологов.

Вторая мировая война активизировала исследования процессов группового развития. Сплоченность и боеспособность групп, устойчивость их структуры при действии сил, направленных на разрыв и разрушение внутригрупповых связей, эффективность деятельности групп в зависимости от типа или стиля руководства – все это явилось предметом экспериментального изучения. Группы (формальные и неформальные, первичные и вторичные, референтные и др.) стали объектом особого внимания, а изучение межличностных отношений ведущим направлением в зарубежной социальной психологии.

Исследования групповых феноменов вышли за рамки социальной психологии и стали широко использоваться в управлении промышленностью. Эти феномены учитываются при решении сложных вопросов подготовки кадров, научной организации труда, комплектования различных человеческих общностей. В центре исследований и оказалась малая группа, своеобразное промежуточное звено в системе "личность – общество". По отношению к личности малая группа рассматривалась как та социальная среда, которая жестко детерминирует поведение и особенности человека, а по отношению ко всему обществу малая группа выступала, таким образом, аналогом, своеобразной моделью общественных отношений.

Соответствующий раздел социальной психологии получил название "исследование малых групп", или "групповая динамика". Один из крупнейших социальных психологов США Л. Фестингер отмечает, что групповая динамика возникла как ответ на вопрос, почему одни группы имеют влияние на своих членов, а другие – нет. Чтобы объяснить это различие, могущее иметь широкое практическое значение, нужно было найти такие законы группового развития, которые позволили бы не только объяснить, но и предсказывать способность группы влиять на своих членов в области их установок и поведения.

К.Левин, как уже говорилось, видел источники и движущие силы развития взаимоотношений людей в их социальной жизни. Он рассматривал потребности как стержень направленности личности, называя их главным генератором, источником активности человека. Центр внимания переместился на изучение эффективности группового взаимодействия, лидерства, коммуникаций, распространения влияния и создания авторитета. Левин применял понятия "силовое поле", "напряженность",

"вектор", заимствованные у физики, пытаюсь связать ее законы с человеческим поведением.

На общее развитие групповой динамики как особой области социальной психологии оказали в наши дни несомненное влияние не только теория "поля" К.Левина, но и иные социально-психологические концепции, связанные с именами Дж. Морено, Л. Фестингера и др.

Одна из характеристик особенностей развития социальной психологии за рубежом, в первую очередь в США, – огромное количество накопленного эмпирического материала (библиография только по прикладным аспектам социальной психологии достигает в США свыше 10 000 наименований).

Принцип деятельностного опосредствования отношений людей в группе

Начиная с экспериментов С. Аша и М. Шерифа (40-е годы, США), считалось установленным, что под давлением группы по меньшей мере треть индивидов меняет свое мнение и принимает навязанное большинством, обнаруживая нежелание высказывать и отстаивать собственное мнение в условиях, когда оно не совпадает с оценками остальных участников эксперимента, то есть проявляя конформизм. Индивид, находясь в условиях группового давления, может быть либо конформистом, либо нонконформистом. Дальнейшие исследования носили характер уточнения этого вывода. Выяснилось, усиливается ли конформизм при увеличении группы, как сами испытуемые интерпретируют свое конформистское поведение, выявлялись половые и возрастные особенности конформистских реакций и т.д.

Указанная альтернатива оборачивалась педагогической дилеммой: либо видеть смысл воспитания в формировании личности, находящейся в непрерывном противостоянии с социальным окружением, то есть негативиста, либо воспитывать индивидов, склонных всегда соглашаться с остальными, не умеющих и не желающих противостоять влиянию группы, то есть конформистов. Очевидная неудовлетворительность подобной постановки вопроса наводила на мысль об ошибочности исходной альтернативы. Видимо, в самом понимании сущности взаимодействия личности и группы крылась некая серьезная методологическая ошибка, заводящая психолога в тупик. Выход из этой ситуации состоял в том, чтобы переместить сущность концепции групповой динамики и выяснить, насколько правомерно использование предложенной в ней модели группового взаимодействия.

Казалось бы, теория малых групп учитывала общественный фактор. Однако на проверку вышло не так. Что представляет собой группа, которая воздействует на индивида в классических экспериментах С. Аша, Р. Крачфилда, М. Шерифа? Это – случайное объединение людей, то, что может быть названо диффузной группой (от лат. *diffusio* – "рассеивание", "разлитие", антоним "сплоченности"). По условиям эксперимента предусматривалось изучение чисто механического воздействия группы на личность, группы как простой совокупности индивидов, ничем, кроме места и времени пребывания друг с другом, не связанных.

Концепция "группового давления" позволила выяснить особенности некоторых форм взаимодействия личности с группой и возникающих явлений конформизма, но вместе с тем невольно заставляла исследователей возвращаться в замкнутом

кругу представлений о том, что единственной альтернативой конформности является нонконформность, асуггестивность (устойчивость личности к внушению). В группе людей, лишь внешне взаимодействующих друг с другом, притом по поводу объектов, не связанных с их реальной деятельностью и жизненными ценностями, иного результата и не приходилось ожидать: подразделение членов группы на конформистов и нонконформистов делалось неизбежным. Однако давало ли такое исследование возможность сделать вывод, что перед нами была модель отношений в любой группе, деятельность в которой имеет личностно значимое и общественно ценное содержание?

В свете данного вопроса становится понятным, что составляет суть концепции "малой группы", принятой исследователями групповой динамики. Взаимоотношения людей мыслятся ими как непосредственные, взятые безотносительно к реальному содержанию совместной деятельности, оторванные от социальных процессов, частью которых они на самом деле являются. В этой связи была выдвинута гипотеза, что в общностях, объединяющих людей на основе совместной деятельности, взаимоотношения людей опосредствуются ее содержанием и ценностями (А.В.Петровский). Если это так, то подлинной альтернативой конформности должен выступить не нонконформизм (негативизм, независимость), а некоторое особое качество, которое предстояло изучить экспериментально.

Гипотеза определила тактику экспериментальных исследований. Была сделана попытка сопоставить внушающее воздействие наличность неорганизованной группы и сложившегося коллектива. И совершенно неожиданно выяснилось, что внушающее влияние случайно собравшихся людей на индивида проявляется в большей степени, чем влияние организованного коллектива, к которому данный индивид принадлежит.

Состояние индивида в незнакомой, случайной, неорганизованной группе в условиях дефицита информации о лицах, ее образующих, способствует повышению внушаемости (связь между неопределенностью ситуации и внушаемостью отмечалась многими авторами).

Таким образом, если поведение человека в неорганизованной, случайной группе определяется исключительно местом, которое он выбирает для себя (чаще всего непреднамеренно) в градации "автономия – подчиненность группе", то в коллективе существует еще одна специфическая возможность – самоопределение личности. Личность избирательно относится к воздействиям конкретной общности, принимая одно и отвергая другое в зависимости от опосредствующих факторов – оценок, убеждений, идеалов.

Таким образом, было выявлено, что дилемме "автономия – подчиненность группе" противостоит самоопределение личности, а противоположность неосознаваемым установкам внушаемости составляют осознаваемые волевые акты, в которых реализуется самоопределение. Все это позволило сформулировать задачу новой серии исследований.

Если побуждать личность якобы от имени коллектива, к которому она принадлежит (методика "подставной группы"), отказаться от принятых в нем ценностных ориен-

таций, то возникает конфликтная ситуация, которая разделяет индивидов, проявляющих конформность, и индивидов, способных осуществить акты самоопределения, то есть действовать в соответствии со своими внутренними ценностями.

Самоопределение возникает в том случае, когда поведение личности в условиях специально организованного группового давления обусловлено не непосредственным влиянием группы и не индивидуальной склонностью к внушаемости, а главным образом принятыми в группе целями и задачами деятельности, устойчивыми ценностными ориентациями. В высокоразвитой группе, в отличие от диффузной, самоопределение является преобладающим способом реакции личности на групповое давление и потому выступает как формообразующий признак. Обратимся к конкретному эксперименту.

Сначала выявлялись общие позиции согласия или несогласия членов группы с предложенными этическими суждениями. Как правило, выделялась основная масса испытуемых, которые выражали согласие с общепринятыми нормами, отраженными в предложенных экспериментатором суждениях, и небольшая группа лиц, которые занимали негативную позицию. В дальнейшие эксперименты последняя группа не включалась, так как изучение негативизма как психологической проблемы не входило в задачи данного исследования. По отношению ко всем остальным возникал вопрос: что означает психологически их согласие с предложенными этическими суждениями? Является ли оно результатом подчинения групповому давлению, неявно выраженному в самом факте общепринятости моральной нормы? Другими словами, не результат ли это конформизма? Но можно было выдвинуть диаметрально противоположное предположение: быть может, согласие есть не подчинение групповому давлению, не конформизм, а результат совпадения ценностей личности с общепринятыми этическими суждениями, выраженными экспериментатором? И тогда то, что внешне выглядит как конформизм, несет в себе иной психологический смысл и выступает как подлинная альтернатива конформизму.

Последующий эксперимент был построен таким образом, чтобы давление группы (это была, разумеется, "подставная группа") направить вразрез с общепринятыми ценностями и создать конфликтную ситуацию, в которой должно было быть подтверждено или опровергнуто одно из выдвинутых выше предположений. Тем самым производилась экспериментальная дифференциация группы на конформистов и людей, которые обнаруживают самоопределение, беря на себя защиту общегрупповых ценностей даже в тех случаях, когда от них "отказывается" остальная часть группы.

Постановка вопроса о самоопределении связывала проблему внутригруппового взаимодействия с содержанием того, что воздействует на личность через групповые коммуникации. Это позволяло отвергнуть представление о фатальном приоритете коммуникации и коммуникатора перед объективным содержанием информации.

Формула "стимул – реакция" была пригодна для психологической интерпретации искусственно созданной экспериментальной ситуации. Однако при обращении к реальным отношениям эта схема (или конформист, или нонконформист) обнаруживала свою несостоятельность.

Феномен самоопределения оказался той самой искомой "клеточкой", в которой обнаруживаются важнейшие социально-психологические характеристики живого социального организма – группы. Отношения между двумя или несколькими индивидами не могут быть сведены к непосредственной связи между ними. Относительно непосредственные взаимоотношения могут быть зафиксированы в диффузной группе. В группах же, осуществляющих совместную деятельность, отношения неизбежно опосредствуются содержанием, ценностями и целями совместной деятельности. Таким образом, по своим психологическим характеристикам группа высокого уровня развития качественно отличается от других малых групп. Поэтому попытка распространить те выводы, которые были сделаны при их изучении, на группу высокого уровня развития обречены на неудачу.

Многоуровневая структура межличностных отношений

Тот факт, что межличностные отношения опосредствуются содержанием реальной деятельности, позволяет увидеть объемную структуру высокоразвитой группы. Если в традиционно трактуемой группе отношения между индивидами выступают как иерархизированные по отношению к групповой деятельности, ее целям и принципам, то в высокоразвитой группе групповые процессы иерархизируются, образуя многоуровневую структуру. В этой многоуровневой структуре можно выделить несколько страт (слоев), имеющих различные психологические характеристики, применительно к которым обнаруживают действие различные социально-психологические закономерности.

Центральное звено групповой структуры (А) образует сама групповая деятельность, ее содержательная характеристика. По сути своей это хотя и ядерное – по отношению к психологическим стратам, но не собственно психологическое образование. Это предметно-деятельностная характеристика группы. В настоящее время выделен набор эмпирических показателей, которые могли бы быть сведены в блоки оценок предметной деятельности, дающие общую характеристику ядра групповых процессов.

Так, были выделены три критерия оценки группы: 1) оценка выполнения основной общественной функции – участия в общественном разделении труда; 2) оценка ответственности группы социальным нормам; 3) оценка способности группы обеспечить каждому ее члену возможность для развития. Все психологические характеристики группы оказываются зависимыми от этих социально обусловленных образований.

Выделение указанных блоков оценки совместной предметной деятельности позволяет определить социально-психологические параметры групп разного уровня развития.

Следующая за описанным выше слоем страта Б – психологическая по своей сущности – фиксирует отношение каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям, задачам, принципам, на которых она строится, мотивацию деятельности, ее социальный смысл для каждого участника.

В страте В локализируются характеристики межличностных отношений, опосредствованных содержанием совместной деятельности (ее целями и задачами, ходом вы-

полнения), а также принятыми в группе принципами, идеями, ценностными ориентациями. Именно сюда, видимо, следует отнести различные феномены межличностных отношений, например, самоопределение личности и другие, о которых речь пойдет дальше. Деятельностное опосредствование – принцип существования и принцип понимания феноменов этой психологической страты.

Наконец, последний, поверхностный слой межличностных отношений (Г) предполагает наличие связей (главным образом эмоциональных), по отношению к которым ни цели деятельности группы, ни общезначимые для нее ценностные ориентации не выступают в качестве основного фактора. Это не значит, что такие связи в полном смысле слова непосредственные. Вряд ли можно предположить, чтобы отношения любых двух людей не имели опосредствующего звена в виде тех или иных интересов, вкусов, эмпирических тяготений, суггестивных влияний, привычных ожиданий и т.д. Но содержание групповой деятельности на этих связях, по существу, не сказывается или обнаруживается в очень слабой степени.

Подобно тому, как недопустим перенос закономерностей, свойственных диффузной группе, на высокоразвитую группу, было бы неправомерно универсализировать выводы, полученные при изучении феноменов поверхностного слоя межличностных отношений в группе. Точно так же связи в страте В являются необходимыми, хотя и недостаточными для характеристики группы без учета данных о страте Б, то есть без выяснения социального смысла деятельности ее участников, мотивов их деятельности и т.д.

В ряде социально-психологических исследований высокоразвитых групп (производственных, учебных, спортивных), особенно имеющих прикладной характер, результаты экспериментального изучения поверхностного слоя используются для характеристики группы в целом. При этом определяющая роль приписывается шкале приемлемости, коммуникативности и прочим факторам, не связанным с предметной деятельностью группы. Естественно, что психологические оценки, предлагаемые в результате этих обследований, не являются адекватными, а иногда могут оказаться дезориентирующими.

Анализ феномена самоопределения личности позволил предположить, что в развитой группе закономерно должны обнаруживаться и другие социально-психологические феномены, качественно отличающиеся от явлений, характерных для случайного скопления людей.

Традиционная социальная психология абсолютизировала схему взаимоотношений и взаимодействия, которая вводила в условия эксперимента лишь групповые стимулы и групповые реакции, но не принимала во внимание бесчисленное многообразие промежуточных звеньев. "Надсознательный категориальный строй" психологии, замыкая исследователя в круг поведенческих характеристик, заранее отсекал возможность направить эксперимент на изучение содержательной и мотивационной сторон межличностных отношений.

Что же составляет принципиальное отличие высокоразвитой группы от других их видов? В высокоразвитой группе в качестве определяющих выступают взаимодействие и взаимоотношения людей, опосредствованные целями, задачами и ценностями совместной деятельности, то есть ее реальным содержанием. С данной

точки зрения, группа высокого уровня развития – это группа, где межличностные отношения опосредствуются общественно ценными личностно значимым содержанием совместной деятельности. Это качественное отличие, как выяснилось, поддается исследованиям, в которых принципиальное значение приобретает как раз учет указанного опосредствующего звена и возможность экспериментально выделить его существенно важные параметры. К их числу может быть отнесено преобладание проявлений самоопределения личности и снижение конформных реакций в значимых для коллектива ситуациях. Но как далее станет очевидным, этот параметр является лишь первым в ряду других. Сторонники групповой динамики не сумели прийти к соглашению по вопросу о типологии групп, потому что не сумели выделить главные факторы, обеспечивающие формирование группы. В концепциях групповой динамики они либо отсутствуют, либо оказываются рядоположными с второстепенными факторами (размер группы, число групповых коммуникаций и т.д.).

Для создания типологии групп мы используем следующую модель. Компоненты, ее образующие, с одной стороны, показывают степень опосредствованности межличностных отношений, а с другой – содержательную сторону опосредствования, развивающегося в двух противоположных направлениях: в направлении, соответствующем (в самой общей форме) общественно-историческому прогрессу, и в направлении, препятствующем ему. Назовем первое направление просоциальным развитием опосредствующих факторов, а второе – их антисоциальным развитием.

Теперь на основе различного сочетания компонентов можно выделить пять типов групп.

Первая группа несет на себе необходимые признаки группы, отвечающие требованиям общественного прогресса. Высокая социальная значимость факторов в максимальной степени определяет и опосредствует межличностные отношения, делает группу высокосплоченной.

Вторая – представляет общность, где высокий уровень развития социальных ценностей лишь в очень слабой мере опосредствует групповые процессы. Возможно, это только что созданная группа с далеко еще не сложившейся совместной деятельностью. Здесь успех одного человека не определяет успешности других и неудача одного не влияет на результаты другого. Нравственные ценности в такой группе функционируют, но они не отработаны в процессе общения и совместного труда, а привнесены из широкой социальной среды. Их дальнейшая судьба зависит от того, будет ли налажена деятельность, которая их повседневно созидает и укрепляет.

Третья – представляет группу, где налицо высокий уровень опосредствования взаимоотношений индивидов, но факторы, которые их опосредствуют, враждебны социальному прогрессу. Позиция рассматриваемой фигуры может занять любая антиобщественная корпорация, например мафия.

Четвертая – образует общность, где взаимоотношения людей фактически не опосредствуются факторами совместной деятельности, а если такое опосредствование все же имеет место, то антисоциальный характер опосредствующих факторов

лишает деятельность группы какой-либо общественной ценности (например, группа хулиганов).

Наконец, пятая группа представляет типичную диффузную группу, где на нулевой отметке оказываются и социальная ценность опосредствующих факторов, и степень их выраженности в системе межличностного взаимодействия. Пример – собранная из случайных людей экспериментальная группа, которой предлагаются не значимые в социальном отношении задания.

В указанном пространстве может быть размещена любая социальная группа. Каждый тип деятельности обладает своим диапазоном опосредствованности межличностных отношений и ее социальной ценности, а тем самым своей спланирующей силой.

Теория и эмпирия в психологии межличностных отношений

Социально-психологическая концепция, основывающаяся на таких представлениях о многоуровневой структуре групповой активности и типологии групп, в основу которых положена опосредствованность межличностных отношений содержательно-ценностными аспектами деятельности, получила название стратометрической концепции. Если обратиться к различным социально-психологическим системам, составляющим в совокупности американскую социальную психологию (к топологическим идеям или "теории поля" К.Левина, социометрии Дж. Морено, теории "когнитивного диссонанса" Л. Фестингера, теории "согласия и привлекательности" Т. Ньюкома и т.д.), то напрашивается такой вывод. Различия между системами относятся не столько к выбору объектов исследования и, что особенно важно, не к представленному в них пониманию сущности взаимодействия и взаимоотношений людей, сколько к способу интерпретации полученных эмпирических данных. Если сравнивать, например, "теорию поля" у Д.Картрайта и А.Зандера и отправляющуюся от идей Б.Скиннера "теорию подкрепления" у Д. Тибо и Г. Келли, то можно зафиксировать различия в трактовке сил, сталкивающихся в сфере групповых процессов, но не в выборе объекта изучения. Объектом исследования неизменно остается взаимодействие индивидов, определяемое в одном случае "структурой поля", а в другом – типом и размерами вознаграждения. Задачи исследования взаимодействия в малой группе всегда остаются одними и теми же – выявляются психологические параметры групповой динамики в зависимости от размера группы, интенсивности оказываемого ею давления, взаимности в социометрических выборах.

Таким образом, заметно различаясь в теоретической интерпретации конкретных эмпирических исследований, отдельные направления американской психологии используют одни и те же методологические предпосылки, имеют дело с одной и той же моделью межличностных отношений.

Можно сказать, что за фактами и закономерностями, выявленными путем строго экспериментального исследования, лежит область непредумышленного постулирования, которая заменяет для представителей разных направлений американской социальной психологии единую теоретическую и методологическую платформу. Не случайно социальные психологи Франции, Нидерландов, Бельгии, ФРГ,

Англии, объединяющиеся вокруг "European Journal of Social Psychology" уже ряд лет критикуют современную американскую психологию, в частности, за то, что они называют "эмпирической предубежденностью". Последняя выражается в иллюзии, будто теория может возникнуть на основе собирания фактов и измерений, получаемых без предварительных теоретических разработок.

Можно допустить безукоризненность экспериментальных данных, однако нельзя согласиться, когда эти данные, а следовательно, и идея, за ними стоящая, неправомерно обретают статус всеобщности, становятся объяснительным принципом для целого класса явлений.

Так родились и мифы, которые оказались определяющими для понимания сущности межличностных отношений. Когда российские психологи впервые начали экспериментально изучать межличностные отношения и взаимодействия, им пришлось иметь дело с этими постулатами. В этих условиях сложилась психологическая теория деятельного опосредствования межличностных отношений (А.В. Петровский).

Эта теория представляет собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств, она располагает методами объяснения и предсказания различных социально-психологических феноменов, а также эффектов внутригрупповой активности. Выявленная исследователем закономерность предполагает – что и присуще теории – переход от одного утверждения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту. Исходя из этих соображений, можно сопоставить теорию деятельностного опосредствования не с отдельными теоретическими ориентациями, а с традиционной социальной психологией.

Другими словами, объектами сопоставления должны быть, с одной стороны, традиционная, как бы само собой разумеющаяся модель группы (групповых процессов, групповой динамики, группового взаимодействия), а с другой – модель групповых процессов, основу которой составляет теория деятельностного опосредствования. Если в психологии малых групп принято рассматривать межличностные отношения как непосредственное взаимодействие (давление, подчинение, симпатия), то в этой теории межличностные отношения рассматриваются как опосредствованные содержанием совместной групповой деятельности. Это положение, позволяющее в пределах социально-психологического исследования преодолеть постулат "непосредственности", является исходным и определяющим.

Деятельностное опосредствование в качестве объяснительного принципа для понимания сущности межличностных отношений в группах определяет все другие принципиальные отличия принятой в рамках данной теории модели групповых процессов в сравнении с традиционным подходом. При традиционном рассмотрении социально-психологических феноменов группа трактуется в качестве совокупности коммуникативных актов и эмоциональных тяготений, как имеющая характер эмоционально-коммуникативной общности. В данном отношении нет различий у приверженцев теории поля, групповой динамики, интеракционизма и т.д. В свете теории деятельностного опосредствования группа рассматривается как часть общества, которая имеет содержательные характеристики, относящиеся к ее деятельности и ценностям, принимаемым ее членами.

Следует подчеркнуть, что традиционная социальная психология, различая группы по размеру, времени существования, типу лидерства, степени сплоченности, композиции, не знает различия по уровню развития предметно-ценностной деятельности, не выделяет групп высшего уровня, которые качественно отличаются от традиционно изучаемых малых групп. В социально-психологических теориях пропускает идея о том, что закономерности межличностных отношений, экспериментально выявленные в малой группе, могут быть экстраполированы на любые другие группы того же размера, той же продолжительности существования, той же композиции. Данный вывод также может рассматриваться как неправомерный и необоснованный. Если, к примеру, в социально-психологическом эксперименте выявлено, что восприятие руководителя группы зависит от ее размеров (с возрастанием группы ее члены снижают оценку "человеческим факторам" руководителя), то у исследователей не возникает сомнения в том, что усматриваемая закономерность может быть универсализирована и распространена на любую другую группу. Или, положим, если Н. Фландерс и С. Хавумаки показали, что адресованная нескольким избранным членам группы похвала со стороны руководителя действует как принцип "разделяй и властвуй" и порождает различия в статусе членов группы, то это утверждение превращается в общезначимую социально-психологическую закономерность, в равной мере приложимую и к случайной группе, и к группе сплоченной, объединенной общими целями и ценностями, что, конечно, неправомерно.

Каковы же в итоге принципиальные позиции теории деятельностного опосредствования отношений?

Первая ее позиция состоит в том, что установившееся в традиционной психологии представление о принципиальной сводимости социально-психологических закономерностей, свойственных любой группе, к общим закономерностям групповой динамики не может быть принято. И наоборот, социально-психологические феномены, показательные для высокоразвитой группы, не могут быть обнаружены в группах низкого уровня развития. Уже самоопределение личности не может быть выявлено в диффузной группе, где нет общего звена, опосредствующего поведение индивидов, и поэтому неизбежно единственной альтернативой конформизму выступает неконформизм. Также обстоит дело и со всеми другими явлениями в сфере межличностных отношений в коллективе.

Вторая позиция. Вопреки установившемуся мнению, согласно которому открытые социальными психологами закономерности мыслятся как верные для группы "вообще", в высокоразвитых группах межличностные отношения и закономерности, которым они подчиняются, не просто иные по сравнению с диффузными группами, а качественно отличные, часто как бы "перевернутые", с противоположным знаком.

Межличностные отношения (индивид-индивид) могут быть условно представлены двумя линиями связей: деятельностными (по А.С. Макаренко, "ответственная зависимость") и сугубо личными. Взаимовлияние этих двух линий межличностных отношений в группе высокого развития и в случайном объединении будет характеризоваться очевидной асимметрией. В диффузной группе предполагается, что связи, необходимо возникающие в групповой деятельности, еще не способны оказать существенного влияния на личностные отношения членов группы, тогда как личност-

ные отношения (симпатия и антипатия, большая или меньшая податливость влиянию) легко деформируют связи, образующиеся в деятельности. Для высокоразвитой группы надо ожидать обратного: отношения "ответственной зависимости", формирующиеся в совместной деятельности, окажут определяющее влияние на личностные связи, в то время как последние не могут нарушить системы деятельности группы и необходимо возникающих в ней деловых взаимоотношений.

Приведенный выше тезис оказывается исходным для открытия новых и реинтерпретации уже известных социально-психологических явлений. Приведем лишь один пример.

В исследованиях ряда западных психологов (Ф. Олпорта, Н. Триплета, Е. Катрелла) изучалась связь между успешностью деятельности и присутствием других людей. Однозначная зависимость тут отрицалась, но не давалось объяснения, почему в одних случаях присутствие других лиц повышает успешность деятельности, а в других снижает. В лучшем случае указывалось на зависимость успешности деятельности от частных взаимоотношений, складывающихся между субъектом деятельности и каждым из окружающих в отдельности (Б. Коллинс). Можно по-иному оценить неоднозначность указанной связи. Влияние присутствия других, по-видимому, должно оказаться различным в зависимости от того, образуют ли участники деятельности и присутствующие один коллектив или представляют собой диффузную группу. В условиях реальной групповой деятельности есть основания ожидать образования положительной взаимосвязи в высокоразвитой группе и ее отсутствия (или минимальной выраженности) и случайном сообществе.

Противоречивость выводов, полученных исследователями, работающими в рамках традиционного подхода к явлениям групповой динамики, представляется в общем не исключением, а правилом. Пусть исследовательская установка психолога не различает группы по уровню развития отношений деятельности, но сами группы объективно несут на себе эти различия и проявляют их в эксперименте. Последнее обстоятельство и приводит к противоположным выводам, в особенности если экспериментаторы имеют дело не с лабораторной, а с реальной группой.

Итак, беда традиционной социальной психологии состоит не в том, что она не отражает в принятой ею парадигме экспериментального исследования деятельностных параметров групповых процессов, а в том, что, учитывая эти параметры, она не ориентируется на них как на основание для дифференцированного подхода к группам разного уровня развития. Все это дает право осуществить пересмотр фонда экспериментальных фактов, накопленных традиционной социальной психологией, с точки зрения теории деятельностного опосредствования.

Групповая сплоченность и совместимость

Трудно назвать другую психологическую проблему, которая привлекала бы внимание современных социальных психологов атакой степени, как групповая сплоченность и совместимость. Литература, ей посвященная, насчитывает тысячи названий. Экономический кризис на рубеже 20-30-х годов, фашизм в Германии и Италии, вторая мировая война – все эти события явились факторами активизации исследований, направленных на укрепление внутригрупповых и межгрупповых связей.

Проблема сплоченности оказалась в центре внимания десятков специальных психологических учреждений в США, Англии, Японии и ФРГ. Именно в этих странах возникли определяющие теоретические установки, утвердившиеся в понимании природы и характера сплоченности, а также методологические подходы к ее изучению.

Приняв в качестве исходных эмоционально-психологические отношения между индивидами, находящие выражение в коммуникативной практике малой группы, прежде всего в частоте, длительности и порядке взаимодействия, психологи, по существу, не ставили перед собой задачи установить, от чего зависят сами эти отношения. Таким образом, содержательный аспект групповых взаимоотношений, в том числе феномена сплоченности, как правило, устранялся из социально-психологического исследования. Ведущим же способом выявления сплоченности стала регистрация взаимодействий, коммуникативных актов, взаимных выборов и предпочтений, базирующихся на симпатиях и антипатиях, а практические рекомендации психолога относительно повышения сплоченности группы по преимуществу были связаны с возможным изменением ее социометрической структуры. "При изъятии лиц с низким социометрическим статусом из группы и включении в нее лиц с высокой степенью социометрического статуса улучшалась сплоченность группы"¹²⁸, – писал Дж.Морено. Таким образом, достаточно произвести некоторые преобразования в сложившейся структуре группы (к примеру, вывести конфликтных лиц), и разобщенная группа станет собранной и сплоченной. Быть может, в отдельных случаях далеко зашедшего межличностного конфликта прибегнуть к "остракизму" и следует, но это отнюдь не генеральный путь повышения сплоченности.

Такая программа исследований сплоченности не предусматривает изучения норм и ценностных ориентаций, которые складываются в группе на наиболее важной для нее основе – на основе активной совместной деятельности, имеющей предметный характер, определенную направленность, смысл и цель. Не случайно исследования сплоченности были главным образом сугубо лабораторными, где объектами изучения становились искусственно сформированные группы, функционировавшие в условных ситуациях кооперации или конкуренции, авторитарного или демократического стиля лидерства и т.д.

Сплоченность как устойчивость структуры группы, ее способность оказывать сопротивление силам, направленным на ослабление или разрыв межличностных связей, трактуется как "такое состояние группы, к которому она приходит в результате возрастания взаимодействий между членами группы, причем чем больше частота взаимодействия между членами группы, тем больше степень их симпатий друг к другу, выше уровень сплоченности, и наоборот". Такие формулировки весьма типичны для многих руководств по социальной психологии,

В этих руководствах описано множество приемов для получения коэффициентов сплоченности. Сравнивая между собой эти коэффициенты, психологи стремятся извлечь определенную информацию об особенностях протекания процессов внутригруппового развития. В большинстве своем методики опираются на гипотезу о том, что между количеством, частотой и интенсивностью коммуникаций в группе и

¹²⁸ Морено Дж. Социометрия. М., 1958, с. 158.

ее сплоченностью существует прямая связь, а поэтому количество и сила взаимных положительных или отрицательных выборов – свидетельство сплоченности.

Источники групповой и индивидуальной активности, формирование установок, ценностных ориентаций и норм – все это, таким образом, рассматривается как производное от уровня межличностного общения и эмоциональной окраски коммуникаций. Коэффициент групповой сплоченности в связи с этим чаще всего определяется как частное от деления числа взаимных связей на их количество, теоретически возможное для данной группы. Этот коэффициент должен был отразить интенсивность общения членов в группе. Однако оживление межиндивидуальных контактов может говорить не только об укреплении дружеских и деловых взаимоотношений, направленных на общественную пользу. Наблюдения свидетельствуют, что в условиях конфликта число контактов заметно возрастает, и потому, используя в качестве исходных данных только число членов группы и частоту взаимодействий, невозможно судить о "качестве" или "знаке" сплоченности.

Американский психолог Т. Ньюком для анализа групповой сплоченности использует понятие "согласие" (consensus), имея в виду однородность суждений индивидов в отношении объектов ориентации: "Под понятием "согласие" я подразумеваю ни больше ни меньше как существование между двумя или более личностями сходных ориентаций по отношению к чему-нибудь"¹²⁹.

Уровнем согласия Т.Ньюком характеризует сплоченность любой группы. Однако согласие оказывается здесь связанным лишь с частотой взаимодействий, и круг тем самым еще раз замыкается, а сплоченность вновь сводится к эмоционально-психологическим характеристикам. Любая форма коммуникации, считает Ньюком, имеет своим следствием возрастание степени согласия. Согласие рассматривается также как одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, или один из способов трансляции обычаев и нравов от одного поколения к другому. Но и в этих случаях согласие связывается с теорией коммуникации и взаимодействия. Поэтому, пытаясь операционально измерить степень согласия, существующего между членами группы, исследователи постоянно испытывают неудовлетворенность, ибо вынуждены вновь и вновь прибегать к анализу числа коммуникаций, их продолжительности и силы. Причина такой вполне понятной неудовлетворенности заключается в самом подходе к изучению сплоченности, игнорирующем социальную сущность внутригрупповых процессов, их деятельностьную природу и сводящем ее к эмоциональной привлекательности.

Итак, групповая сплоченность рассматривается большинством социальных психологов прежде всего как взаимная привлекательность и согласие в отношении важных объектов ориентации. Казалось бы, с этим нельзя не согласиться. Однако, указав на сходство позиций и установок среди членов группы как важный ее признак, Р. Бейлс, Т. Ньюком, Г. Хомманс и другие психологи тем не менее в методологии исследования по существу игнорируют его, считая, что сходство позиций членов группы в конечном счете определяется частотой их общения. Качественные характеристики групп определены условиями и последствиями коммуникативных актов, пишет Ньюком.

¹²⁹ Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965, с. 304.

Сама по себе констатация того, что согласие есть условие сплоченности индивидов, сомнений не вызывает – "когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет". Вопрос в другом: по отношению к чему необходимо согласие как источник сплоченности группы, что является детерминантой согласия, как его измерять (через коммуникативную практику группы или каким-то иным образом), всели случаи согласия в отношении тех или иных объектов ориентации могут и должны свидетельствовать о групповой сплоченности, наконец, как согласие связано с другими параметрами межличностных отношений.

Концепция групповой сплоченности, принятая в традиционной социальной психологии, оказалась неспособной решить многие важные проблемы групповой динамики, что в той или иной степени вынуждены признать и сами исследователи.

Сплоченность с позиций деятельностного подхода

Частота контактов и наличие взаимных социометрических выборов могут рассматриваться как показатели, специфические для диффузной группы. Однако для понимания явлений, возникающих в группах иного уровня, эти показатели не являются сколько-нибудь информативными, так как количество взаимодействий и выборов здесь не выступает в качестве системообразующего признака. Сплоченность следует рассматривать в качестве меры единения, которое вызвано осознанием общности цели, задач и идеалов, а также межличностными отношениями, имеющими характер товарищества, взаимопомощи. Однако при конкретном определении коэффициентов сплоченности исследователи в качестве исходных данных использовали обычно только два параметра: число членов группы и количество коммуникаций независимо от их эмоциональной окраски.

Верно понимая сплоченность как интегральную социально-психологическую характеристику группы, многие авторы, тем не менее, применяли приемы исследования, не соответствующие сплоченности индивидов в группе высшего уровня развития. Это приводило экспериментальное решение в противоречие с исходными теоретическими позициями.

Информативное содержание коэффициентов сплоченности, получаемых путем подсчета взаимных социометрических выборов и выявления частоты обращений друг к другу, по существу лишало психолога возможности проследить механизм образования сплоченности, не давало возможности строить прогнозы об особенностях социального поведения исследуемых групп.

Представление о сплоченности как эмоционально-коммуникативном объединении индивидов, более или менее правильно отражающее реальный феномен психологии диффузных групп, оказывается непродуктивным, когда становится теоретической основой экспериментального исследования групп, объединенных в первую очередь целями, задачами и принципами совместной деятельности. Очевидно, что для выявления сплоченности и получения индексов ее выраженности необходимо обратиться к содержательной характеристике групповой совместной деятельности. Так возникло представление о сплоченности как ценностно-ориентационном единстве коллектива.

Ценностно-ориентационное единство в качестве показателя групповой сплоченности выступает как интегральная характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций членов группы по отношению к объектам, наиболее значимым для осуществления целей деятельности группы и реализации в этой деятельности ее ценностных ориентаций. На такой основе могла быть построена и собственно экспериментальная программа получения индекса сплоченности, в качестве которого была принята частота совпадений мнений или позиций членов группы по отношению к значимым объектам.

"Расшифровывая" индексы сплоченности как ценностно-ориентационного единства, можно сопоставлять различные группы по уровню развития, вообще получать данные для более глубоких представлений о характере взаимоотношений личностей в группе, чем при использовании социометрических индексов сплоченности, которые, как было уже отмечено, не обладают достаточной информативностью.

Высокая степень ценностно-ориентационного единства не создается в результате коммуникативной практики группы, а является следствием активной совместной групповой деятельности. Именно она составляет основу общения между членами группы и всех феноменов межличностных отношений. Поэтому и характер взаимодействий в группе оказывается следствием единства ценностных ориентаций ее членов.

Ценностно-ориентационное единство группы как показатель ее сплоченности отнюдь не предполагает совпадения оценок во всех отношениях, нивелировку личности в группе. Ценностно-ориентационное единство – прежде всего сближение оценок и нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности.

Достоверный и тонкий психологический анализ сплоченности людей, объединенных общим делом, дает А.И. Герцен в книге "Былое и думы": "...в сущности, я и теперь убежден, что в действительно близких отношениях тождество религии необходимо, – тождество в главных теоретических убеждениях. Разумеется, одного теоретического согласия недостаточно для близкой связи между людьми; я был ближе по симпатии, например, с И.В. Киреевским, чем с многими из наших. Еще больше – можно быть хорошим и верным союзником, сходясь в каком-нибудь определенном деле и расходясь в мнениях; в таком отношении я был с людьми, которых бесконечно уважал, не соглашаясь в многом с ними, например, с Маццини, с Ворцелем. Я не искал их убедить, ни они – меня; у нас довольно было общего, чтоб идти не ссорясь по одной дороге. Но между нами, братьями одной семьи, близнецами, жившими одной жизнью, нельзя было так глубоко расходиться"¹³⁰.

По существу речь здесь идет о противопоставлении сплоченности как эмоциональной близости людей и сплоченности как ценностно-ориентационного единства союзников и, наконец, единомышленников. Для последних необходимо наличие "тождества религии", что, как поясняет А.И. Герцен, означает "тождество в главных теоретических убеждениях".

¹³⁰ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 9. М., 1956, с. 211-212.

В результате конкретных экспериментальных исследований и анализа полученных данных был сделан обоснованный вывод о том, что в группах высокого уровня развития коэффициент ценностно-ориентационного единства по сравнению с диффузными группами весьма высокий. Если в первых коэффициенты сплоченности были близки к единице (от 0,6 до 0,92), то во вторых коэффициенты групповой сплоченности колебались от 0,2 до 0,5. Все это дает основание отнести сплоченность как ценностно-ориентационное единство ко второму слою в стратометрической структуре коллектива, оставив сплоченность как эмоционально-коммуникативную объединенность группы в качестве одной из характеристик поверхностного слоя внутригрупповой активности.

Уровни групповой совместимости

Одним из аспектов, или компонентов, общей сплоченности группы может быть признана совместимость образующих ее людей. Традиционно едва ли не ведущим способом выяснения совместимости индивидов в группе служил гомеостатический подход. Решая задачу на приборе типа "гомеостат", члены группы добиваются или не могут добиться согласованности сенсомоторных действий, что рассматривается как наличие или отсутствие их совместимости. По-видимому, и в самом деле таким способом может быть выявлена совместимость как согласованность людей в группе при осуществлении простейших совместных действий. Но можно ли на этой основе делать вывод о совместимости людей в группе, если иметь в виду более сложные виды деятельности? Люди, которые не могут так вращать ручки гомеостата, чтобы не мешать, а помогать друг другу, в такой элементарной деятельности и впрямь несовместимы. Но дает ли это основания заключить, что они окажутся несовместимы и в конструкторской, военно-тактической, художественно-творческой деятельности? Разве именно наличие сенсомоторной согласованности обеспечивает совместимость членов группы в других видах деятельности? Это уже кажется более чем сомнительным.

Указанные соображения вынуждают искать основу психологической совместимости в согласованности не при выполнении той или иной отдельно взятой операции, а внутри цельной, совместно выполняемой деятельности, которая для субъекта детерминируется общей задачей и в структуру которой оказывается встроенным образ ее участников (их способности, намерения, представления о способах решения задач). В контексте этого теоретического подхода исследуется сплоченность группы как согласованность функционально-ролевых ожиданий, то есть представлений участников совместной деятельности о том, что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый из членов группы при реализации общей для всех цели. Как показало конкретное исследование, отсутствие согласованности функционально-ролевых ожиданий может стать источником конфликтов, эрозии сплоченности и появления признаков психологической несовместимости в группе.

Согласованность функционально-ролевых ожиданий не является, однако, определяющей характеристикой совместимости в группе.

Групповая деятельность – явление динамическое. Далеко не всегда можно во всей полноте расписать все функции всех членов группы и заблаговременно согласовать все функционально-ролевые ожидания, в особенности, если деятельность носит творческий характер. В таком случае сплоченность как согласование функционально-ролевых ожиданий не может обеспечить подлинную интеграцию личности в группе.

Данное обстоятельство заставляет нас вернуться к представлению о ценностно-ориентационном единстве как основном и важнейшем показателе сплоченности высокоразвитой группы, но уже обратившись не столько к предметно-целевым характеристикам групповой деятельности, сколько к ее нравственной основе, находящей выражение в личностной позиции каждого ее члена по отношению к тем, с кем он связан общей целью.

Все формы ценностно-ориентационного единства, которые были до сих пор рассмотрены, характеризовали сплоченность как результат совпадения ориентаций в некотором объекте (цель, задачи, руководитель и т.п.), когда, фигурально выражаясь, "все смотрят в одном направлении". Теперь же надо рассмотреть случаи единства, проявляющегося в том, что все в группе видят друг друга, относятся друг к другу с единой нравственной позиции. Здесь имеется в виду феномен возложения ответственности, то есть устойчивая позиция личности, проявляющаяся в признании правомерности отнесения возможных социальных санкций (одобрения или наказания за успех или неудачи совместной деятельности) к себе лично или к другим лицам в группе.

Феномен возложения ответственности изучался в западной социальной психологии как индивидуально-психологическая характеристика человека, проявляющаяся или не проявляющаяся в зависимости от того, что представляет собой другой индивид, на которого может быть возложена ответственность за неудачу или которому могут быть возданы почести за успех, и что представляет собой ситуация деятельности – кооперативная или конкурентная (Г. Келли, А. Тилл, С. Шерман и др.). Так, канадские психологи показали зависимость возложения ответственности от внешней привлекательности другого лица. Выяснилось, что ответственность за хорошие поступки и успешные дела приписывается хорошеньким женщинам, а женщинам внешне непривлекательным приписывается ответственность за неудачи и плохие поступки. Обычно акты возложения ответственности изучали в игровых условиях, вне связи с конкретной социальной средой, значимой совместной деятельностью в группах. Поэтому интересный сам по себе феномен по существу не был объяснен и использован в целях интерпретации процессов и явлений внутригрупповой активности.

Эксперименты, проведенные с позиций теории деятельностного опосредствования, свидетельствуют, что характер возложения ответственности обнаруживает зависимость от уровня развития группы. Подтвердилась гипотеза, что в группе высокого уровня развития акты возложения ответственности носят в основном объективный характер, а индивидуальный вклад каждого оценивается адекватно практически вне зависимости от конечного успеха или неудачи совместной деятельности. Противоположная картина наблюдалась в низкоразвитой группе, где в случае успеха совместной деятельности субъект оценки отмечает свои заслуги, а в случае

неудачи готов переложить вину на других или, по крайней мере, на "объективные обстоятельства". Можно предположить, что в такой группе акты возложения ответственности обусловлены главным образом индивидуально-психологическими особенностями субъекта оценки, и это как раз та сфера, где обнаруживают действие все те закономерности и зависимости, которые были экспериментально обнаружены западными социальными психологами и неправомерно отнесены к характеристике малых групп вообще.

Неадекватность в приписывании ответственности за успехи или неудачи реально выполняемой и социально оцениваемой деятельности является конфликтогенным фактором в любой группе. Так как сплошь и рядом участники совместной деятельности не в состоянии объективно измерить собственный вклад в общее дело, то их оценки имеют явно субъективный характер. Нравственная сила, блокирующая крайности субъективизма, создает условия для совместимости людей на основе принятых моральных норм – не уклоняться от ответственности, не перекладывать вину "с больной головы на здоровую", не приписывать себе успех, умаляя значения другого в общих достижениях, не ссылаться на "объективные обстоятельства" и т.д. Подводя некоторые итоги, скажем, что сплоченность группы высокого уровня развития и совместимость ее членов образуют своего рода иерархию уровней. На самом нижнем уровне оказывается сплоченность, выражающаяся в интенсивности коммуникативной практики группы, совместимость как взаимность социометрических выборов, психофизиологическая совместимость характеров и темпераментов, согласованность сенсомоторных операций при выполнении действий и т.д. Сплоченность на этом уровне является необходимым условием для интеграции индивида в группу, где межличностные отношения в минимальной степени опосредствованы содержанием и ценностями социальной деятельности. Необходимые и достаточные для характеристики диффузной группы, эти условия недостаточны и не столь уже принципиальны для характеристики высокоразвитой группы.

Опосредствованность межличностных отношений содержанием совместной деятельности, которая ставит перед каждым участником вопрос: "Что надо делать, чтобы в условиях разделения труда соответствовать требованиям и ожиданиям других членов группы?" – поднимает группу на более высокий уровень сплоченности. Эта форма сплоченности оказывается необходимой для определенных, в достаточной степени стабильных этапов становления совместной деятельности и является признаком не диффузности группы. Однако она оставляет в стороне вопрос, во имя чего совершается деятельность и согласуются функционально-ролевые ожидания ее участников.

Высший уровень сплоченности и совместимости людей в совместной деятельности выступает в форме ценностно-ориентационного единства, с одной стороны, и адекватности возложения ответственности – с другой.

Происхождение и психологические характеристики лидерства

То, что люди, входящие в группу, не могут там находиться в одинаковых позициях по отношению к тому, чем занята группа (к целям ее деятельности), и друг к другу, пожалуй, можно рассматривать в качестве постулата социальной психологии. Вопрос о том, как понимать и характеризовать это противостояние людей, которое

закрепляется в понятиях "лидер", "руководитель", "авторитет", "ведомые", "подчиненные" и т.д., и находит отражение в их личностных характеристиках.

Каждый член группы в соответствии со своими деловыми и личностными качествами, своим статусом, то есть закрепленными за ним правами и обязанностями, престижем, который отражает меру его заслуги вклада в общее дело, имеет определенное место в системе групповой организации. С этой точки зрения групповая структура представляет собой своеобразную иерархию престижа и статуса членов группы. Вершину этой иерархической лестницы занимает лидер группы, приобретающий право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие интересы всех членов группы. Обычно подчеркивается, что лидер может быть, а может и не быть официальным руководителем группы и что оптимальным является случай совпадения лидера и руководителя в одном лице. Если же такого совпадения нет, то эффективность деятельности группы зависит от того, как сложатся отношения между официальным руководителем и неофициальным лидером или лидерами.

Классические теории лидерства

Изучение проблемы лидерства за последние пятьдесят лет на Западе накопило большой фонд эмпирических данных, что многократно порождало надежду на ее решение и столь же часто – разочарования. Первую серию этих надежд и разочарований вызвала "теория черт лидера", основывавшаяся на представлении о том, что лидеры являются носителями определенных качеств и умений, присущих им, и только им, имеющих врожденный характер и обнаруживающихся независимо от особенностей ситуации или группы.

Сначала на первый план вышли физические черты (рост, вес и т.д.). Быть выше других, иметь большой вес – такими представлялись признаки лидера не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова. Но основное подкрепление "теория черт" пыталась найти в изучении личностных характеристик лидера (Е. Богардус и др.). Однако в 1948 году американский исследователь Р. Стогдилл сравнил между собой более ста двадцати исследований "черт лидера" и пришел к выводу об отсутствии серьезных научных данных, позволяющих считать, что лидерами становятся люди, обладающие какими-то особыми чертами характера или специфическим набором этих черт.

Поиски детерминант лидерства как психологического явления уже в начале 50-х годов смещаются в область изучения групповых взаимоотношений. Так возникает "теория лидерства как функции группы" (Г. Хомманс и др.), в которой лидер понимается как лицо, в наибольшей степени отвечающее социальным ожиданиям группы и наиболее последовательно придерживающееся ее норм и ценностей. К сожалению, "теория лидерства как функции группы" не имела доказательного характера в связи с тем, что ее логическая структура содержала "круг в определении". Ибо лидер, по определению, есть индивид, обладающий наибольшим статусом и престижем, что, естественно, свидетельствует о том, что он как лидер соответствует нормам и ценностям, которые группа приписывает лидеру.

Наиболее общепринятой в западной социологии является "теория лидерства как функции ситуации" (Р. Бейлс, Т. Ньюком, А. Хейр). Наблюдая, как одни и те же люди в разных группах могут занимать разное положение, играть в них различные роли (ребенок может быть "лидером" среди ребят своего двора и "ведомым" в классе; учитель может быть "лидером" в школе и лишаться этого положения в семье), ее авторы сделали вывод, что лидерство является не столько функцией личности или группы, сколько результатом сложного и многопланового влияния различных факторов при вхождении в различные ситуации.

Данная точка зрения, как правило, не подвергается пересмотру в современной социальной психологии, хотя и получает вместе с тем ряд уточнений. При этом используется подход, найденный еще в 50-х годах Р. Бейлсом и уточненный затем Ф. Фидлером. Согласно вышеназванной теории, в каждой группе наличествуют по меньшей мере два типа лидеров: эмоциональный (обеспечивающий регулирование межличностных отношений) и инструментальный (захватывающий инициативу в специфических видах деятельности и координирующий общие усилия по достижению цели). Понимание лидерства как "функции ситуации" порождает представление о множественности лидеров (или лидерских функций) в группе, принимающих на себе ответственность за организацию тех или иных дел или отдельных сторон общей деятельности. Предполагается, что каждая ситуация общения в группе способна выдвинуть своего "ситуативного" лидера и в принципе лидеров может быть столько, сколько членов в группе. В то же время признается возможность появления универсального, или абсолютного, лидера, единолично обеспечивающего многоплановую групповую деятельность. Соответствующая типология лидерства учитывает прежде всего эту позицию, идет ли речь об объеме деятельности (универсальный или ситуативный лидер) или содержании деятельности (лидер – генератор идей, лидер – исполнитель и т.д.).

Надо сказать еще об одной типологии лидерства, идущей от работ К. Левина, Р. Липпита и др., в которой за основу классификации принимается стиль руководства: авторитарный, директивный или же демократический, либеральный. Как правило, в многочисленных работах западных социальных психологов подчеркиваются нежелательные последствия активности авторитарного лидера и оптимальность действия лидера демократического. Впрочем, в последнее время данная типология лидерства вызывает серьезные возражения своей прямолинейностью. Следует отметить, что многие социальные психологи справедливо критикуют психологические теории лидерства за неправомерные попытки перенести результаты лабораторного эксперимента в область явлений общественной жизни, где действуют многообразные социально-экономические факторы, влияние которых не способно учесть исследование, ориентированное на позитивистские концепции.

В последнее время американские психологи, и прежде всего Ф. Фидлер, сделали попытку построить "операциональную" модель лидерства, в которой были бы преодолены упрощения интерпретации лидерства как функции многообразных проблемных групповых ситуаций. Предложенная Ф. Фидлером "вероятностная модель эффективности лидера" предполагает, что эффективность групповой деятельности зависит от того, насколько стиль лидера соответствует данной ситуации. Эффективность лидера определяется степенью свободы, которую допускает групповая ситуация и которая дает лидеру возможность осуществлять влияние.

Выделенные Ф. Фидлером переменные (стиль лидерства, ситуация его реализации) достаточно убедительно характеризуют состояние лидера в группе, однако, скажем сразу, они являются недостаточными для его понимания. В предложенной модели отсутствует третья важнейшая переменная, которую американский психолог не принял. Такой третьей переменной должен быть уровень развития группы, определяемый степенью деятельности опосредствования межличностных отношений. Один и тот же "стиль руководства" в одной и той же ситуации (фактор, определяемый Ф. Фидлером как task – "задача") будет эффективным или неэффективным в зависимости от того, как и насколько поведение лидера будет опосредствовано ценностным содержанием деятельности.

Модель Ф. Фидлера исходит из представления об имманентности конфликта между лидером и группой. Ориентированный на задачу лидер, стремясь обеспечить успех ее решения группой, постоянно идет, как подчеркивает Ф. Фидлер, на риск ухудшения межличностных отношений с последователями. Это действительно более чем вероятная ситуация для определенного типа групп низкого уровня развития. Но есть ли основание переносить эти выводы на группы, где цель групповой деятельности обладает равной ценностью для всех членов группы – и для лидера, и для ведомых?

"Вероятностная модель эффективности лидера" не может быть использована для исследования высокоразвитой группы уже потому, что ее руководитель не поставлен перед альтернативой: либо группа, либо групповая цель.

Фидлером была предложена идея АСО – assumed similarity of opposite ("предполагаемое сходство противоположностей") – способ оценки стиля руководства. Величина АСО является количественным выражением установки личности по отношению к "значимым другим". Чем выше у индивида АСО, тем больше он склонен замечать недостатки "значимых других", требовать и контролировать, тем больше он ориентирован на выполнение задачи группы, а не на улучшение межличностных отношений. О противоположной установке свидетельствует низкий индекс АСО. Лица с высоким АСО соответствуют психологической характеристике авторитарного стиля руководства: низкий АСО – признак демократического стиля. Генеральная идея, заложенная в методику АСО, если иметь в виду не процедуру, а результат ее применения, – это противопоставление лидера (индивида с высоким АСО) группе. Лидер с высоким АСО стремится к решению групповой задачи, и поэтому он вынужден быть требовательным, даже вступая в конфликт с сотрудниками, которые, как молчаливо предполагается, в такой степени на групповую цель не ориентированы. Лидер с низким АСО выражает эту тенденцию членов группы и поэтому заботится не столько о цели и результатах их деятельности, сколько об "отлаживании" эмоциональных контактов с ними. Но описанная ситуация не показательна для взаимоотношений в группе высокого уровня развития типа коллектива. Совместная деятельность здесь определяется общей, принятой (присвоенной) всеми социально значимой целью, опосредствующей всю систему межличностных отношений и в том числе отношений "руководитель – подчиненные".

В группах высокого уровня развития такое деление, как "деловой", "инструментальный", "авторитарный" и "эмоциональный", "демократический" лидер, во многом те-

ряет смысл, потому что эмоциональная интеграция детерминируется деятельностью характеристиками, деловой интеграцией. Но в таком случае главное средство оптимизации групповых отношений состоит не в их психологически обоснованной "косметике", а атакой организации групповой деятельности, которая обеспечивала бы наилучшие возможности для личностных проявлений и межличностных отношений.

Если необходимо понять, оптимизировать, "отладить" человеческие отношения, нам надо переместить центр внимания с них самих на содержание групповой деятельности, на условия ее превращения из социально значимой в личностно значимую для каждого члена группы. При реализации этой задачи снимаются противопоставление "делового", "авторитарного" лидера остальной группе и бессмысленная контрверза "операциональный" – "эмоциональный" лидеры. Все это дает основания заключить, что поправки, внесенные Ф. Фидлером в "ситуативную теорию лидерства", не меняют ее сути и ее общей оценки.

Противоположные точки зрения представлены в идее "деятельностного опосредствования" групповых взаимоотношений, полагающей, что силой, которая сплачивает группу индивидов в высокоразвитую общность, служит предметная деятельность. Чтобы "поймать" эту силу в понятийную "ловушку", необходим иной аппарат, чем разработанный для описания личности и вне деловых межличностных отношений. Хотя группологи и вынуждены были ввести понятие о задаче как детерминанте групповых взаимодействий, однако, будучи занесено в социально-психологические схемы исследовательской практики, оно выступило в них лишь как аморфный остаток предметной деятельности, внеположный внутренней организации группового процесса. Когда выделяется тип лидера, ориентированного на задачу, то речь идет либо о его качествах, характеризующих отношение к этой задаче (потребность в успехе, чувство ответственности, инициативность, сопротивляемость препятствиям и др.), либо о реакциях последователей и группы в целом на такой стиль лидерства. Но вне зоны социально-психологического видения остается социогенная, группообразующая роль предметного фактора, то есть его роль в сплочении группы, регуляции взаимоотношений внутри нее, и создании коллективной мотивации, в динамике общения, распределении функций между ее членами, изменении социальной перцепции – словом, во всем многообразии процессов, определяющих внутренний облик этой общности как особого субъекта познания и действия.

Лидерство с позиции теории деятельностного опосредствования

Как же дать такую характеристику групповой деятельности, которая могла бы объяснить (феномен лидерства в его многочисленных и глубоко интересующих социальных психологов проявлениях, как показать значение третьей переменной при интерпретации поведения и личностных качеств лидера? Здесь можно опереться на результаты конкретной экспериментальной работы исследователей, которые попытались соорудить такие "понятийные ловушки" (М. Фролова и др.).

Экспериментаторы сопоставили характеристики тренеров команд, отнесенных по специальной методике к группам высокого уровня развития ("эффективные" тренеры), с тренерами спортивных команд низкого уровня развития ("неэффективные"

тренеры). При этом задачи спортивной деятельности и квалификации спортсменов (мастера спорта) были одинаковыми. В качестве переменных выступали индивидуальный стиль деятельности и индивидуально-психологические качества личности тренера, определяемые с помощью популярной методики Т. Лири¹³¹, дополненной социально-психологическими шкалами "Коллективистическая направленность тренера" и "Деловые качества тренера". В качестве переменной выступал, по существу, и уровень развития группы, представленный в характеристике "эффективного" или "неэффективного" тренера¹³².

Первый вывод относился к индивидуально-психологическим особенностям лидера или руководителя (тренера). Как выяснилось, различия между "эффективными" и "неэффективными" тренерами по их индивидуально-психологическим качествам (по методике Т.Лири) оказались статистически незначимыми. Лидеры эффективных и неэффективных команд, по существу, одинаково оценивались подчиненными по таким показателям, как властность, обидчивость, скромность, добродушие, уступчивость и т.д. Таким образом, было получено еще одно доказательство того, что практически любое сочетание личностных качеств не является противопоказанным для лидера в высокоразвитой общности типа коллектива (во всяком случае, в восприятии членов такой группы).

Контраст составили данные по дополнительным социально-психологическим шкалам ("Коллективистическая направленность тренера" и "Деловые качества тренера"). Здесь различия были значимыми.

Индивидуально-психологические черты руководителя, воспринимаемые членами группы, явно относятся к поверхностному слою стратометрической структуры взаимоотношений в группе типа коллектива, тогда как оценка коллективистической и деловой направленности – к ее глубинным слоям.

Второй интересный вывод, относящийся к взаимоотношениям лидера и ведомых, был получен при сопоставлении самооценки группы по трем факторам межличностного восприятия:

- 1) содействие деловой интеграции группы;
- 2) содействие интеграции эмоциональной;
- 3) осуществление личного влияния в группе.

В качестве самооценки группы выступали усредненные взаимооценки членов группы по этим трем факторам. То, насколько восприятие команды тренером оказалось адекватным самовосприятию, является существенно важной характеристикой групповой деятельности и производимых ею межличностных отношений, их конфликтности или гармоничности.

¹³¹ Опросник, предлагаемый группе, оценивающей данную личность.

¹³² "Эффективность – неэффективность" как характеристика группы высокого или невысокого уровня развития определялась по трем критериям: эффективность спортивной деятельности; адекватность поведения спортсмена как общесоциальным, так и профессиональным нормам; создание условий для полноценного развития личности.

В других экспериментальных работах, ориентированных на теорию деятельностного опосредствования, показано, что самооценка группы и ее оценка руководителем фактически никогда не совпадают. Однако расхождение оказалось разнонаправленным, в особенности в отношении фактора деловой интеграции. Руководители высокоразвитых групп имеют тенденцию завышать оценку группы по сравнению с ее самовосприятием. Руководители недостаточно развитых групп обнаруживают склонность к занижению оценки. Таким образом, некоторую неточность в сторону завышения оценок руководителем своей группы следует считать практически целесообразной, так как она выражает веру руководителя в своих подчиненных, признание их значимости, оптимистическую позицию по отношению к группе. Эффект занижения у неэффективных руководителей является показателем их собственной неадекватности и, скорее всего, имеет негативные последствия для группы.

Третий вывод, полученный с помощью методики исследования межличностного восприятия, говорит о том, что в высокоразвитых группах спортсмены видят в тренере человека, вносящего значительный вклад в деловую и эмоциональную интеграцию команды, а также пользующегося большим личным влиянием в ней. Руководитель такой группы также высоко оценивает других членов группы, в особенности по факторам деловой и эмоциональной интеграции.

Иная картина в недостаточно развитых группах, где члены команды усматривают в своем тренере дезорганизатора прежде всего деловых, а затем и эмоциональных отношений, хотя признают его личное влияние в группе. Впрочем, последнее, как отмечается в исследовании, приводит скорее к негативным результатам для команды. Что касается руководителя, то он платит команде той же монетой, рассматривая своих подчиненных как дезорганизаторов и в сфере деловых, и в сфере эмоциональных отношений, а также как лишенных инициативы (по фактору личного влияния).

Вероятно, перечень подобных примеров можно было бы продолжить, но уже приведенных данных достаточно, чтобы необходимость учета третьей переменной, а именно уровня развития группы или характеристики деятельностного опосредствования межличностных отношений в ней при исследовании феномена лидерства и его эффективности, стала очевидной.

Еще раз используем ту схему, которая уже была нами рассмотрена, но теперь применительно к проблеме взаимоотношений между лидером и ведомыми (руководителем и подчиненными).

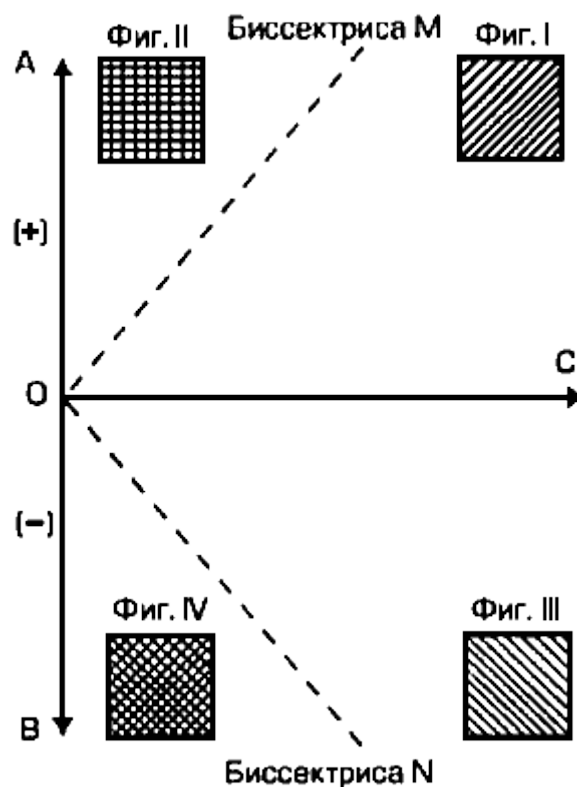

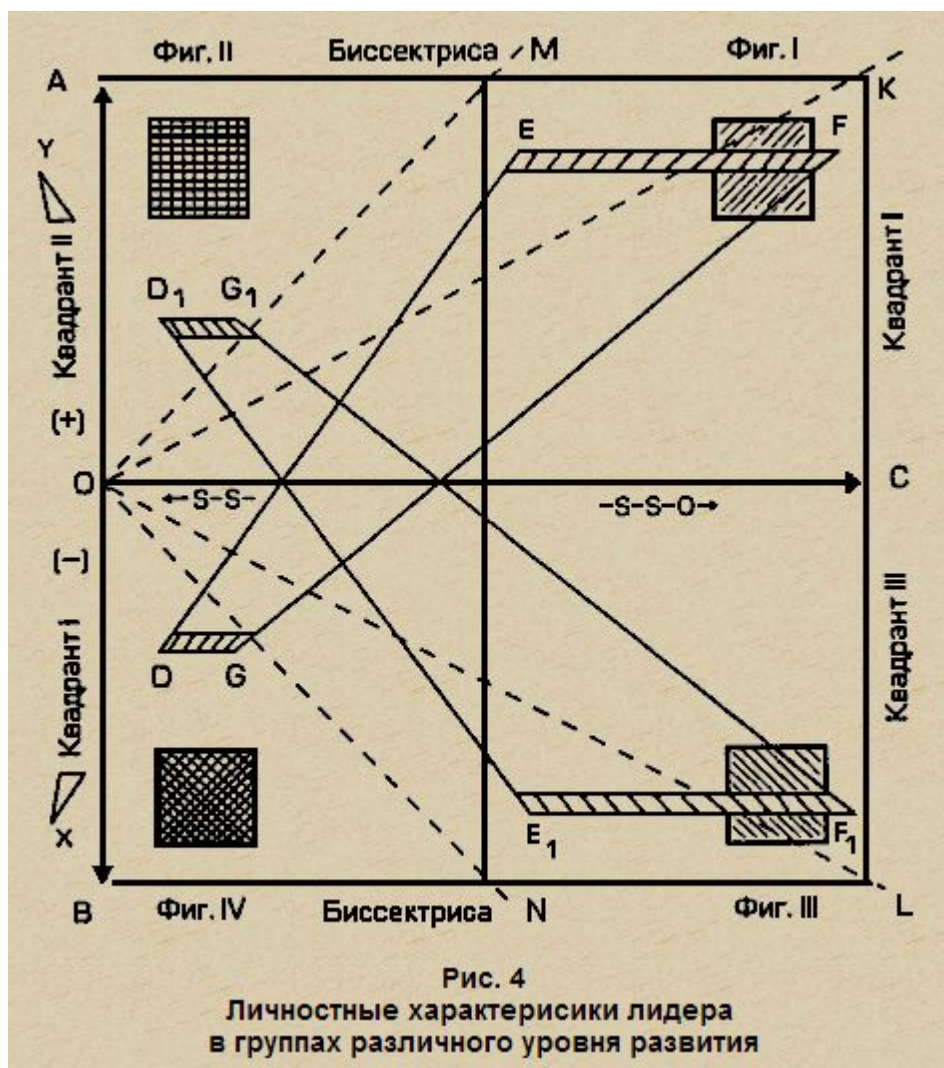
Рис. 3
Взаимоотношения между лидером и ведомыми (руководителем и подчиненными)

Изменения, отражаемые вектором ОА (рис. 3), свидетельствуют о нарастающей опосредствованности межличностных взаимоотношений ценностным содержанием деятельности. Достижение поставленной общей цели предполагает осознаваемую всеми необходимость упорядочения, организации, подчинения, согласования. Социальная система реализует свои требования к данной общности, содействуя максимальной ее организованности, и задает ей ценностные характеристики.

Изменения, отражаемые вектором ОА, говорят об усилении гуманного, нравственного начала в ценностных ориентациях, опосредствующих межличностные отношения, одной из важнейших характеристик которых становится демократизация отношений. Соответственно, вектор ОВ фиксирует антидемократическое развитие, автократизм, реакционность, подавление равноправия, деструкцию и дискриминацию личности в данной общности.

В условном пространстве, образуемом тремя векторами, могут быть локализованы четыре типа отношений между лидером (руководителем) и группой. Фигура 1 символизирует отношения, для которых характерны полновластие и самостоятельность группы, ответственность руководителя перед коллективом и сознательное подчинение руководителю, порядок и сознательная дисциплина, превращение общих интересов в сфере общественно значимой деятельности в личные интересы у каждого члена общности, а также другие составляющие *демократического* стиля руководства.

Фигура 3 символизирует отношения, для которых характерны произвол руководителя, его волюнтаризм, строжайшая регламентированность. Заведомо привилегированный руководитель оторван от подчиненных, пребывает над ними. Типичный

стиль руководства *авторитарный*.

Фигура 2 демонстрирует фактическое отсутствие совместной деятельности, навыков ее осуществления; при высоком уровне гуманных отношений между людьми отсутствуют организация и управление, ответственная зависимость: лидерство имеет временный, ситуативный характер, нет требовательности и контроля за исполнением, неформальные лидеры (если они имеются) конкурируют с официальным руководителем (если его назначают), взаимная терпимость, снисходительность и всепрощение из самых лучших побуждений, но объективно в ущерб делу. Стиль лидерства типа *laisser-faire*, или *попустительский*.

Фигура 4 говорит об анархии в системе взаимоотношений, праве сильного, иерархизации отношений власти, о бездуховности и негуманности внутренних связей, об отсутствии организованности и управления. Стиль руководства может быть охарактеризован как *анархический*.

Теория черт лидера в новом освещении

Различение стилей руководства в соответствии с предложенным способом понимания их происхождения, а также их отношением к важнейшим детерминантам

имеет принципиальное значение и позволяет лучше понять многие психологические особенности лидерства. Свою интерпретацию и рамках предложенной схемы, отражающей деятельностный подход к исследованию межличностных отношений в группе, получает и "теория черт лидера", которая, по общему мнению (как в России, так и на Западе), обнаружила свою несостоятельность еще пятьдесят лет назад. Имея задачу выделить общие (природные) черты подлинного лидера, исследователи изучали конкретные, существенно различающиеся группы, в которых они отделяли лидеров от "нелидеров". Это были группы дошкольников, мальчиков в летнем лагере, студентов, военнотружущих, дискуссионные, психотерапевтические группы и т.д. и т.п. Совершенно очевидно, что деятельность в каждой из таких групп предъявляла свои специфические требования к лидеру, стимулировала проявление соответствующих личностных черт. В число этих групп попадали общности, где межличностные отношения до некоторой степени были опосредствованы содержанием совместной деятельности, и это не могло не отражаться на облике лидера. Так, например, была найдена такая последовательность черт лидеров бойскаутов (по убывающей): интерес к групповой деятельности и знание ее, установка на сотрудничество, навыки приспособления и искренность.

Но в большинстве исследованных выборок совместной деятельности, по существу, не было, и отношения имели относительно непосредственный характер. Соответственно изменялся и набор личностных качеств лидера. Другими словами, смешав всевозможные типы групповой деятельности, представленные к тому же в группах разного (по признаку деятельностного опосредствования) уровня развития, сторонники "теории черт" не смогли выделить какие-либо инвариантные черты "лидера вообще". Иного результата и не следовало ожидать.

Вместе с тем если дифференцировать группы по видам деятельности, а затем и по уровню группового развития, разместив их в некоем условном пространстве (см. рис. 4), то, быть может, удастся для каждого конкретного типа групп выделить некоторый набор личностных характеристик, которые могут выступать как "качества", присущие лидеру подобной группы. Можно далее предположить, что эти качества будут изменяться по всем направлениям, задаваемым этой схемой (степень опосредствования межличностных отношений и социальное или асоциальное значение этих опосредствующих факторов).

Каков же может быть характер этих изменений? Прежде всего, чем ниже группа по своему развитию, тем более вероятно, что характеристика лидера будет включать сравнительно небольшой набор качеств. В некоторых работах они были выделены и неправомерно отнесены к чертам "лидера вообще" (физическая сила, агрессивность, самоуверенность, жестокость, авторитарность). Продолжив линии ED и FG за рамки нашей схемы, другими словами, выводя их за пределы социума, мы символизируем (положение X) систему биологически обусловленных межиндивидуальных отношений в стае, где установлен определенный "порядок клевания", выражающий "табель о рангах" у кур и других животных ("линейная ранжировка" при наличии резко доминирующей над всеми особи: A-B-C-D и т.д.; "треугольная ранжировка", свидетельствующая о наличии не одного, а нескольких факторов лидерования: A-B-C-D). Эти факторы – прежде всего физическая сила и агрессивность. Если вновь вернуться в сферу социальных детерминант, то нельзя не вспомнить, что исследователи констатировали наличие как "линейной", так и "треугольной"

ранжировки, например, в бандах. Это еще одно подтверждение архаичного характера взаимоотношений между лидерами и ведомыми в группах низкого уровня развития.

Чем выше по своему развитию группа, тем более сложный и обширный набор нравственно оправданных личностных характеристик требуется для описания ее лидера (EF). Именно здесь возможно компенсирование одних качеств другими, что объясняет широкую их вариативность, кстати, не раз отмечавшуюся исследователями. Их опосредствованность содержанием конкретной групповой деятельности в свою очередь ведет к их вариативности по признаку специфики этой деятельности. В силу этого группа высшего уровня развития обеспечивает многообразие личностных черт своих лидеров. Сила и гибкость структуры этих групп может выражаться, в частности, и в том, что, к примеру, два индивида, весьма различающиеся по своим личностным качествам, могут оказаться способными осуществлять функции лидера.

Фигура DEFG может быть перевернута относительно оси ОС, и тогда мы с ее помощью отразим проблему "черт лидера" применительно к группе, характеризующейся проявлениями бюрократизма, и к диффузной группе с положительной направленностью. Тогда на полюсе E_1F_1 (корпорация, взаимоотношения в которой интенсивно опосредствованы антисоциальными ценностными характеристиками) можно ожидать у лидера любого набора любых черт, так как качества его личности вообще не имеют значения в связи с тем, что он бюрократически навязан группе и пользуется властью не в силу каких-либо своих личных достоинств, а исключительно за счет извне полученных прерогатив. На другом полюсе может быть выделен (он и в самом деле неоднократно выделялся экспериментально) сравнительно небольшой набор качеств, создающих наиболее благоприятные условия для свободного общения и всеобщего благоденствия в группе, где люди связаны друг с другом только эмоциональным притяжением, а не какой-либо деятельностью (интеллектуальное превосходство, доброта, сострадание, внешняя привлекательность). Если мы продолжим линии E_1D_1 и F_1G_1 за пределы реального социума (положение Y), то, очевидно, окажемся... в "царствии небесном", или в мире идеальных представлений о душевных качествах лучших среди смертных. Набор богоугодных качеств у серафимов, херувимов, архангелов и всех других небесных "лидеров", точнее, "заступников" и "хранителей" в ангельском чине весьма скуден.

Отсюда мы можем сделать вывод, что критики представлений "о чертах лидера" и правы, и не правы. Правы, когда они говорят о бесперспективности усилий выделить черты "лидера вообще", а тем более объяснить их какой-то природной предрасположенностью к лидерству. Не правы же, когда не видят, что в огромном материале по "чертам лидера" представлены группы разного уровня развития, где в одном случае может быть жестко зафиксирован конечный набор качеств лидера, соответствующий узкому содержанию деятельности данной группы, а в другом — широкая вариативность положительных личностных характеристик, которые не могут быть сведены к конечному множеству, к каким бы способам анализа ни прибегал исследователь (группировка, факторизация и т.д.).

Но основной порок "теории черт лидера" лежит в иной плоскости. Черты лидера не являются исходными и тем более единственными детерминантами лидерства, потому что не столько лидер создает ситуацию доминирования в группе, сколько группа порождает, выбирает, приемлет, культивирует и т.п. определенный тип лидера. Лидерство как социально-психологический феномен возникает в результате взаимодействия человека и конкретных общественно обусловленных обстоятельств предметной деятельности, субъектом которой он является как член группы определенного уровня развития. Социально-психологический облик группы первичен, черты в ней лидерства вторичны. Все сказанное не имеет своей целью как-то дискредитировать проблему "черт лидерства", но позволяет выявить ее подлинное место в строе социально-психологического знания.

Лидерство в системе референтных отношений

Едва ли не важнейшая характеристика лидера связана с избирательностью, предпочтительностью, которой его наделяют члены группы, выделяя его среди всех по каким-то признакам, подлежащим психологическому изучению. Что составляет основу такого выбора?

При решении данного вопроса социальная психология фактически апеллирует к социометрическому выбору, в соответствии с которым группа (все или большинство ее членов) выбирает определенного индивида, признанного наиболее пригодным и желаемым для выполнения руководящих функций. В привлекательности личности лидера теоретический анализ легко обнаруживает эмоциональные тяготения как основу межличностного выбора. Однако не случайно исследователи подчеркивают неправомочность отождествления "лидера" и социометрической "звезды". "Звезда", то есть наиболее эмоционально-притягательный член группы, не обязательно выступает в качестве доминирующего в процессе общения. Точно так же лидер не обязательно является социометрической "звездой"... <В то же время не исключено, что лидер может одновременно быть и социометрической "звездой">¹³³.

С этими суждениями нельзя не согласиться. Однако остается непроясненным, какая система межличностного выбора – если не социометрическая – обуславливает избираемость, выделение лидера, какие внутригрупповые связи закрепляют его лидерское положение, в каких случаях лидер и социометрическая "звезда" едины в одном лице, а в каких нет.

Социометрические выборы (субъект-субъектная связь) представляют собой лишь внешнюю, лежащую на поверхности систему связей, обуславливающих выделение лидера. За ней же скрывается другая, более глубинная система межличностных связей, в большей степени выявляющая деятельностный, ценностный характер межличностных отношений. Ею прежде всего является система субъект-субъект-объектных отношений. Напомним: субъект, стремясь как-то воспринять, понять, осмыслить, принять или отвергнуть некоторый объект (им может быть идея, цель и способ деятельности, конкретная ситуация, чьи-либо, в том числе и самого субъекта, личные качества и т.д.), обращается к другому субъекту как к возможному источнику ориентации в этом объекте. Социальное опосредствование выступает

¹³³ См.: Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 1976, с. 133

здесь как опосредствование конкретным человеком. Референтность, авторитетность все это проявление данного типа отношений.

Чем выше группа по уровню развития, чем в большей степени межличностные отношения в ней опосредствованы содержанием и ценностями совместной социально заданной деятельности, тем более вероятно, что появление и стабилизация лидера в группе происходит как реализация именно этих отношений.

В группах диффузного типа преобладают субъект-субъектные отношения. Различие групп по уровню развития объясняет отмеченное, но не получавшее на протяжении долгого времени истолкования, совпадение "звезды" и "лидера", характерное для "диффузной группы", и отсутствие достоверной связи между ними в группах высокого уровня развития.

Сущность лидерства в условиях совместной деятельности составляет выбор группой одного или нескольких членов, к которому или к которым она обращается, чтобы обрести ориентацию в объекте групповой деятельности (в понимании ее цели, в применении средств, необходимых для успешного осуществления, и т.д.). Симпатии или антипатии могут сопутствовать такому выбору, но не детерминируют его. По существу, лидер – это наиболее референтное для группы лицо в отношении совместной деятельности, некий общий для группы средний член межличностных отношений, оказывающих влияние на ее эффективность.

Однако основания для возникновения этой референтности окажутся различными в зависимости от характера ценностей, опосредствующих межличностные отношения.

Если иметь в виду психологическую характеристику личности в группе высокого уровня развития типа коллектива (ось ОК), то ценностные ориентации лидера, к которым обращается общность, характеризуются исторической прогрессивностью в широком смысле этого слова (отвечают интересам общественного развития, направлены на реализацию социально значимых целей и т.д.), проникнуты демократизмом и гуманностью. Независимо от того, облечен ли лидер официальной властью, группа наделяет его атрибутами авторитета, то есть признает за ним право оценивать значимые обстоятельства совместной деятельности (и систематически запрашивает эти оценки), а также принимать решения, которые становятся определяющими для всей группы. Весьма вероятно, что у лидера статус референтометрической "звезды" в сфере задач групповой деятельности может сочетаться со статусом социометрической "звезды". Однако это не необходимое сочетание, так как лежащие в основе социометрического выбора симпатии и антипатии возникают не только в связи с содержанием групповой деятельности, но и в результате многопланового общения членов группы.

Если иметь в виду психологическую характеристику личности в группе, где ведущими являются бюрократические отношения (ось OL), то ценностные ориентации лидера характеризуются здесь качествами, отрицательными по отношению к общественному прогрессу, качествами антигуманными. Лидер оказывается референтным для группы не столько в результате свободного выбора ее членов, сколько в связи с тем, что он является носителем власти, и поэтому к его оценкам и мнению члены группы вынуждены обращаться, чтобы не навлечь на себя те или

иные санкции. Если в высокоразвитой группе типа коллектива можно говорить о подлинной власти авторитета, то в корпоративных группировках речь может идти лишь об авторитете власти и только власти, поддерживаемой извне. Совпадение лидера и социометрической "звезды" в таких группах весьма маловероятно, так как лидер не является избранным по социометрическим критериям. Вместе с тем он как личность не оказывается предпочтительным и по критериям референтности. Референтна здесь не личность, а положение, статус, роль лидера, наделенного властными полномочиями безотносительно к личности, оказавшейся носителем данной роли. В этих условиях при смене лидера путем вмешательства извне смещенный лидер немедленно утрачивает черты "референтности", а новый столь же незамедлительно их обретает.

Если иметь в виду, что по координате ОС в направлении от С к О выраженность субъект-субъект-объектных отношений убывает и нарастает выраженность субъект-субъектных отношений, то при оси ОМ лидерство должно характеризоваться фактическим совпадением лидера и социометрической "звезды". При этом отсутствие совместной групповой деятельности объясняет то обстоятельство, что лидер не является наиболее референтным лицом для всей группы, а если и оказывается наделенным характеристиками референтности, то по случайным причинам, в связи с различными ситуациями общения и прошлым опытом каждого из членов группы.

Иную картину взаимоотношений лидера и группы мы увидим, прослеживая их по оси ОН. Здесь также возможно совпадение лидера и социометрической "звезды". Однако социометрический выбор, как можно предполагать, будет основываться не столько на симпатии, сколько на страхе перед группой и всем, что стоит за группой, на страхе, который блокирует только надежда обрести сильного покровителя. В этой роли и выступает лидер. Не исключено, что социометрические и референтометрические выборы здесь будут совпадать, так как совместная предметная деятельность группы отсутствует. Вместе с тем типичное для группы анархического типа насилие всех над каждым и страх каждого перед всеми могут усиливать референтность лидера именно в отношении оценки, которую он дает каждому члену группы. Как показывают наблюдения, заключенные, находящиеся в следственном изоляторе, весьма чувствительны к оценке, которую мог бы дать им субъект, занимающий лидирующее положение в камере.

Необходимо подчеркнуть вероятностный характер предложенной здесь модели лидерства. Конкретные группы, как правило, не располагаются на концах осей ОМ, ОН, ОК, ОЛ и могут занимать любое положение в рассмотренном условном пространстве.

Во всяком случае, изученные группы, как правило, могли быть отнесены к квадранту I (взаимоотношения в них в большей или меньшей степени опосредствованы социально ценным содержанием совместной деятельности) и сравнительно редко – к квадранту II (недавно сформированные группы, еще не объединенные общей деятельностью). Действия и взаимоотношения в изучаемых группах (спортсменов, рабочих, учащихся, работников сферы правопорядка и т.д.) обнару-

живают зависимость от нравственных ценностей, хотя уровень их развития оказывался различным. Именно в этом смысле надо понимать их разделение на группы высокого уровня развития и группы относительно низкого уровня развития.

Использование здесь понятия "низкий уровень развития" не вполне соответствует сути дела, так как речь идет лишь о сравнительно менее высоком уровне развития группы, а не собственно о группах низкого уровня развития, которые никоим образом не могут рассматриваться как модификации высокоразвитых групп типа коллектива ни по характеру ценностей, которые разделяют их члены, ни по целям совместной деятельности.

Часть четвертая.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ

Глава 12. ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА

Детерминизм – один из главных объяснительных принципов научного познания, требующий истолковывать изучаемые феномены исходя из закономерного взаимодействия доступных эмпирическому контролю факторов.

Детерминизм выступает прежде всего в форме причинности (каузальности) как совокупности обстоятельств, которые предшествуют во времени данному событию и вызывают его.

Наряду с этой формой детерминизма регуляторами работы научной мысли являются и другие: системный детерминизм (зависимость отдельных компонентов системы от свойств целого), детерминизм типа обратной связи (следствие воздействует на вызвавшую его причину), детерминизм статистический (при сходных причинах возникают различные – в известных пределах – эффекты, подчиненные статистической закономерности), целевой детерминизм (предваряющая результат цель определяет процесс ее достижения).

Принцип детерминизма, будучи общенаучным, организует различное построение знания в конкретных науках. Это обусловлено своеобразием их предмета и исторической логикой его разработки. Применительно к психологии в развитии детерминизма, направляющего изучение и объяснение ее явлений, выделяются несколько эпох.

Предмеханический детерминизм

Прежде чем в Новое время в качестве образца безупречно причинного объяснения всех явлений мироздания выступила "царица наук" механика, веками шли поиски различных схем, объясняющих психическую жизнь (она обозначалась термином "душа"). Первой вехой на этом пути стало возникшее в древнегреческой философии учение – гилозоизм. Природа представлялась в виде единого материального целого, наделенного жизнью. Эта древняя картина привлекла и некоторых мыслителей XVIII-XIX веков (Дидро, Геккель). Они обратились к ней в противовес "бездушному", механистическому воззрению на Вселенную (речь идет о естественно-научном, а не поэтическом видении природы, для которого она выступала, говоря словами Ф.И. Тютчева, имеющей "душу, свободу и язык").

Гилозоизм не разделял материю органическую и неорганическую, жизнь и психику. Из этой живой праматерии произрастают все явления без вмешательства каких-либо внешних творческих сил. Душа в отличие от древнего анимизма (от лат. anima

– душа) мыслилась неотделимой от круговорота материальных стихий (воздуха, огня, потока атомов), подчиненной общим для всего космоса законам и причинам.

Вершиной античного детерминизма стало учение Аристотеля. В нем душа была понята как способ организации любых живых тел. Растения также имеют душу (являются одушевленными). Будучи формой тела, душа не может рассматриваться независимо от него. Поэтому отвергались все прежние предположения о том, что причинами деятельности души служат внешние для него факторы, будь то материальные или нематериальные. Аристотель считал бесперспективными попытки воссоздать работу живого тела по образцу работы механического устройства. Такая "бионическая" конструкция была "изобретена" знаменитым Дедалом, который якобы сделал подвижным изваяние Афродиты, влив в него ртуть. Такое механическое подобие поведения организма Аристотель считал столь же неприемлемым для объяснения действий реального живого тела, как и представление Демокрита об атомах души, толкающих в силу своей наибольшей подвижности другие атомы, из которых состоит организм.

Как непригодная оценивается и версия Платона об инертном теле, движимом независимой от него нематериальной душой. Позитивное решение проблемы детерминизма в психологии Аристотель усматривал в том, чтобы, исходя из нераздельности в живом организме материи и формы, признать эту целостность наделенной способностями, которые актуализируются при общении с соответствующими предметами. Активность и предметность отличают одушевленное тело от лишенных этих признаков других материальных тел.

Равным образом, чтобы объяснить способности ощущать и мыслить, следует обратиться к знанию о тех объектах, которые благодаря им ассимилируются организмом. Если растение испытывает воздействие материального вещества только потому, что оно его целесообразно распределяет, то тело, способное ощущать, при воздействии материального предмета принимает его образ.

Опора на новую биологию, которая в отличие от гилозоизма открыла своеобразие живого, отделив неорганическое от органического, позволила Аристотелю переосмыслить понятие о причинности.

Его важнейшим достижением стало открытие неотделимости души от живого тела как системы, имеющей целостную организацию.

В отличие от Демокритовой трактовки причинности (по типу механического воздействия потоков атомов на организм, воспринимающих эти потоки) Аристотель мыслил живое существо иным, чем другие природные тела, считая психическое по своей сущности биологическим (формой жизни). Из этого следовало и новое понимание его детерминации, предполагавшее зависимость психических явлений не только от внешних воздействий, но и от ориентации на цель. Это детерминистское воззрение может быть названо прабиологическим (по отношению к биологии Нового времени).

Поведение живых тел регулируется особой причиной. Аристотель назвал ее "конечной причиной". Под этим имелась в виду целесообразность действий души.

Аристотель распространил этот объяснительный принцип на все сущее, утверждая, что "природа ничего не делает напрасно". Такой взгляд получил имя телеологического (от греч. telos – цель и logos – слово) учения.

Теологию осудили за несовместимость с наукой, увидев в ней антитезу детерминизму. Подобная оценка соединяла детерминизм с версией, которая отождествляла его с принципом механической причинности. Между тем целесообразность живой природы, теоретически осмысленная Аристотелем, ее неотъемлемый признак. Его открытие, как показала впоследствии история науки, потребовало новых интерпретаций детерминизма, чтобы объяснить специфику как биологических, так и психических форм.

Просчет же его, использованный впоследствии противниками детерминизма, считавшими Аристотеля "отцом витализма", заключался в распространении "конечной причины" на все мироздание.

Впоследствии в силу социально-идеологических причин представления Аристотеля были переведены в религиозный контекст. Постулат о нераздельности души и тела был отвергнут. Душа истолковывалась как самостоятельная первосущность, и ей была придана роль регулятора жизнедеятельности. Это означало разрыв с детерминизмом и гегемонию телеологии в ином, чем у Аристотеля, и бесперспективном для науки смысле.

В период краха античного мира возникает ставшее опорой религиозного мировоззрения учение Августина, наделившее душу спонтанной активностью, противопоставленной всему телесному, земному, материальному. Все знание считалось заложенным в душе, которая живет, "движется в Боге". Оно не приобретается, а извлекается из души благодаря направленности воли на реализацию заложенных в душе потенций.

Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт. Под этим имелось в виду, что душа обращается к себе, постигая с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые для внешнего наблюдения продукты (в виде образов, мыслей, ассоциаций).

Психологические задачи Августин развернул в систему аргументов, которая на многие века определила линию интроспекционизма в психологии (единство и самостоятельность души, независимой от тела, но использующей его в качестве орудия, учение об особом внутреннем опыте как непогрешимом средстве познания психики в отличие от внешнего опыта). В теологической психологии Августина индетерминизм как направление, противоположное детерминизму, получил завершенное выражение. Вся последующая история психологии насыщена острой борьбой этих непримиримых направлений. Индетерминизм сочетался с теологией, но в ином смысле, чем у Аристотеля, который, как отмечалось, мыслил целесообразность как свойство, объективно присущее целостному организму в нераздельности его психических и телесных проявлений.

У философов идеалистического направления целесообразность объяснялась как активность души в качестве противостоящего телу высшего начала. Опыт, обра-

щенный к внешней природе, и его логический анализ, давшие первые ростки объективного, основанного на принципе детерминизма знания о структуре и механизмах психики, поглощались религиозной догматикой, формировавшей негативное отношение ко всему внешнему и телесному.

Наивысшая достоверность придавалась особому "внутреннему опыту", лишенному рациональных оснований. Дальнейшее развитие научно-психологического знания, регулируемого принципом детерминизма, стало возможным в новых социально-исторических условиях.

Особо следует выделить в качестве одного из вариантов предмеханического детерминизма попытки вернуться к естественнонаучному объяснению арабскими и западноевропейскими учеными в преддверии эпохи Возрождения.

В противовес принятым теологической схоластикой приемам рассмотрения души как особой сущности, для действий которой нет других оснований, кроме воли божьей, начинает возрождаться созвучный детерминизму подход к отдельным психическим проявлениям. Складывается особая форма детерминизма, условно ее можно назвать "оптическим" детерминизмом. Он возник в связи с исследованием зрительных ощущений и восприятий.

В предшествующие века зрение считалось функцией души. Но сначала арабоязычные, а затем западноевропейские натуралисты придали ему новый смысл благодаря тому, что поставили зрительное восприятие в зависимость от оптики. Она разрабатывалась в классических работах арабского ученого Ибн аль-Хайсама, а затем в XIII веке ею успешно занимались польский физик и оптик Витело, профессора Оксфордского университета Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон.

Для объяснения того, как строится изображение в глазу (то есть психический феномен, возникающий в телесном органе), они использовали законы оптики, связав тем самым психологию с физикой. Сенсорный акт, считавшийся производным от бестелесного агента (души), выступил в виде эффекта, который возникает по объективным, имеющим математическое выражение законам распространения физического по своей природе светового луча. Движение этого луча в физической среде зависит от ее свойств, а не направляется душой, наделенной заданной целью. Зрение ставилось и зависимость от законов оптики, включаясь тем самым в новый причинный ряд, подчинялось физической необходимости, имеющей математическое выражение.

События же в физическом мире доступны наблюдению, измерению, эмпирическому изучению, как непосредственному, так и применяющему дополнительные средства (орудия эксперимента). Оптика и явилась той областью, где соединялись математика и опыт. Тем самым преобразовывалась структура мышления, открывая новые перспективы для детерминизма.

Итак, до XVII века в эволюции психической мысли можно выделить три формы предмеханического детерминизма: гилозоистский, прабиологический и оптический.

Механический детерминизм

Научная революция XVII века создала новую форму детерминизма, а именно механический детерминизм.

В эпоху перехода к мануфактурному производству с изобретением и использованием технических устройств схема их действия стала прообразом причинно-механической интерпретации всего сущего, включая организм и его функции.

Все психологическое наследие античности – учения об ощущениях, движениях, ассоциациях, аффектах – переосмысливается сквозь призму новых предметно-логических конструктов. Их ядром служило объяснение организма как своего рода машины, то есть определенным образом организованной и автоматически действующей системы. Сотворенная человеком машина, опосредствующая связи между ним и природой, выступила в виде модели объяснения и человека, и природы.

Фалес обращался к душе, чтобы понять свойства магнита, Гален работу сердца. После исследований английского физика Гильберта причастность души к магнетизму представлялась столь же нелепой, как к течению воды, а после работ другого англичанина врача и физиолога Гарвея ее причастность к кровообращению – столь же нелепой, как к работе помпы, перекачивающей жидкость. Течение воды – естественный феномен, помпа – конструкция, созданная человеком. "Привязка" к конструкции – неотъемлемая особенность механодетерминизма.

Этот принцип научного познания в свою очередь прошел ряд фаз в своем развитии, в том числе пять главных из них – от середины XVII до середины XIX столетия.

Первая фаза наиболее типично представлена психологическим учением Декарта. Он отделил душу от тела, преобразовав понятие о душе в понятие о сознании, но также отделил тело от души, объяснив его работу по типу механизма, автоматически производящего определенные эффекты: восприятие, движения, ассоциации и простейшие чувства. Восприятием (сенсорным феноменом) противопоставлялись врожденные идеи, телесным движениям (рефлексам) – волевые акты, ассоциациям – операции и продукты абстрактного мышления, простейшим эмоциям – интеллектуальные чувства. Эта дуалистическая картина человека расщепляла его надвое (соответственно в Декартовой философии человек – это средоточие двух субстанций: непротяженной – духовной и протяженной – телесной).

Применительно к протяженным телам, производящим элементарные психические продукты, утверждалась их безостаточная подчиненность принципу детерминизма. Применительно же к сознательно-волевым актам этот принцип отвергался. Здесь царил индетерминизм.

Если за освобождением тела от души и его моделированием по типу машины стояли преобразования в сфере материального производства, то за возведением сознания в независимую сущность – утверждение самооценности индивида, опорой бытия которого служит собственная критическая мысль. Поскольку же для последней никаких определяющих ее работу оснований не усматривалось, человек выступал как средоточие двух начал (субстанций), как существо, в объяснении психики и поведения которого детерминизм пересекается с индетерминизмом.

Попытку преодолеть это дуалистическое воззрение предпринял на философском уровне Спиноза в учении о единой субстанции. Применительно же к психологии человека он объяснял его сущность особым аффектом – влечением, считая, что радость увеличивает способность тела к действию, тогда как печаль ее уменьшает. Отрицая случайность, как и свободу воли, он дал повод считать его детерминистский подход родственным фатализму.

Следующие две фазы механодетерминизма представлены в XVIII веке учениями английских (например, Гартли) и французских (Ламетри, Дидро, Кабанис) материалистов. Их предшественники, утверждая детерминизм применительно к "низшим" психическим функциям, считали высшие функции (разум, волю) имеющими качественно иную сущность. Их формулу можно обозначить как "человек – полумашина". На смену ей приходит формула "человек – машина". Но хотя идея машинообразности сохранялась, представление о "машине" во все большей степени из модели становилось метафорой. Ни "вибраторная" машина Гартли, ни чувствующий и мыслящий "человек-машина" Ламетри не имели никаких аналогов в мире автоматов. Машина органического тела становится носителем любых психических свойств, какими только может быть наделен человек.

Гартли мыслил в категориях Ньютоновой механики. Что же касается французских сторонников детерминизма, то у них он приобретает новые признаки, знаменуя третью фазу в разработке детерминизма.

Она имела переходный характер, соединяя механодетерминистскую ориентацию с идеей развития, навеянной биологией. Телесная машина становилась (взамен Декартовой – гомогенной) иерархически организованной системой, где в ступенчатом ряду выступают психические свойства возрастающей степени сложности, включая самые высшие.

Четвертая фаза механодетерминистской трактовки психики возникла благодаря крупным успехам в области нервно-мышечной физиологии. Здесь в первой половине прошлого века воцарилось "анатомическое начало". Это означало установку на выяснение зависимости жизненных явлений от строения организма, его морфологии.

В учениях о рефлексе, об органах чувств и о работе головного мозга сформировался один и тот же стиль объяснения: за исходное принималась анатомическая обособленность органов.

Эта форма детерминизма породила главные концепции рассматриваемого периода: о рефлекторной "дуге", о специфической энергии органов чувств и о локализации функций в коре головного мозга.

Организм расщеплялся на два уровня: уровень, зависящий от структуры и связи нервов, и уровень бессубстратного сознания.

К картине целостного организма естественнонаучную мысль возвратило открытие закона сохранения и превращения энергии, согласно которому в живом теле не происходит ничего, кроме физико-химических изменений, мыслившихся, однако, не в механических, а в энергетических терминах.

Каково, однако, место психических процессов в этой биоэнергетике?

На этот вопрос последовало два ответа. Поскольку закон сохранения энергии выполняется в органическом мире неукоснительно, сложилась версия, что течение мыслей и других психических процессов подчиняется законам, по которым совершаются физико-химические реакции в нервных клетках. Так появилась пятая фаза детерминизма в трактовке психики – вульгарно-материалистическая.

Тем временем не только успехи научного изучения реакций организма, но и потребности практики (педагогической и медицинской) побуждали искать в ситуации, созданной открытием закона сохранения энергии, иную альтернативу. Ее выразила концепция психофизического параллелизма.

Слабость механодетерминизма побудила научную мысль обратиться к биологии, где в середине прошлого столетия происходили революционные преобразования.

Биологический детерминизм

Понятие об организме существенно изменилось в середине XIX века под влиянием двух великих учений – Ч. Дарвина и К. Бернара.

Жизни присуща целесообразность, неистребимая устремленность отдельных целостных организмов к самосохранению и выживанию, вопреки разрушающим воздействиям среды. Дарвин и Бернар объяснили эту телеологичность (целесообразность) естественными причинами. Первый – отбором и сохранением форм, случайно оказавшихся приспособленными к условиям существования. Второй – особым устройством органических тел, позволяющим заблаговременно включать механизмы, способные удержать основные биологические процессы на стабильном уровне (впоследствии американский физиолог У. Кеннон, соединив бернаровские идеи с дарвиновскими, дал этому явлению специальное имя – гомеостазис). Детерминация будущим, то есть событиями, которые, еще не наступив, определяют происходящее с организмом в данный момент, – такова особенность биологического детерминизма в отличие от механического, не знающего других причин, кроме предшествующих и актуально действующих. При этом, как показал Дарвин, детерминация будущим применительно к поведению индивида обусловлена историей вида.

С этим была связана радикальная инновация в понимании детерминизма, который отныне означал не "жесткую" однозначную зависимость следствия от причины, а вероятностную детерминацию.

Это открывало простор для широкого применения статистических методов. Их внедрение в психологию изменило ее облик. Здесь великим пионером выступил английский психолог и антрополог Фрэнсис Гальтон.

Еще в молодости Гальтон изучил работы одного из создателей современной статистики – бельгийца Адольфа Кетле. В книге "Социальная физика" (1935), произведшей глубокое впечатление на умы современников и вызвавшей острые споры, Кетле, опираясь на теорию вероятностей, показал, что ее формулы позволяют об-

наружить подчиненность поведения людей некоторым закономерностям. Анализируя статистический материал, он получил постоянные величины, дающие количественную характеристику таких человеческих актов, как вступление в брак, самоубийство и др. Эти акты считались произвольными. Теперь же выяснилась известная регулярность их совершения. Противники концепции свободной воли восприняли "социальную физику" Кетле как свидетельство правоты своих взглядов. Сам Кетле исходил в интерпретации полученных результатов из идеи "среднего человека". Он предполагал существование извечной человеческой природы как своего рода идеала, от которого люди отклоняются соответственно нормальной кривой вероятностей. Именно поэтому средняя величина есть наиболее частая.

Если среднее число является постоянным, то за ним должна стоять реальность, сопоставимая с физической, благодаря чему становится возможным предсказывать явления на основе статистических законов. Для познания же этих законов безнадёжно изучать каждого индивида в отдельности. Объектом изучения поведения должны быть большие массы людей, а методом – вариационная статистика. Кетле установил, как распределяются различные отклонения от средней величины: чем отклонение больше, тем оно встречается реже, причем этому можно дать точное математическое выражение.

В 1869 году вышла книга Гальтона "Наследственный гений". В ней давался статистический анализ биографических фактов и излагался ряд остроумных соображений в пользу приложимости закона Кетле к распределению способностей. Подобно тому, как люди среднего роста составляют самую распространенную группу, а высокие встречаются тем реже, чем больше они отклоняются от нормы, точно так же, полагал Гальтон, люди отклоняются от средней величины и в отношении умственных способностей. Но чем детерминированы эти отклонения? Кетле объяснял их "игрой случая". Гальтон же утверждал, что они строго определяются фактором наследственности.

Мы встречаемся здесь с еще одним направлением мысли, возникшим в психологии под влиянием эволюционной теории. Принцип приспособления к среде был одним из аспектов этой теории, но в ней имелся и другой аспект – принцип естественного отбора, в свою очередь предполагающий действие механизма наследственности. Приспособление вида достигается за счет генетических детерминированных вариаций индивидуальных форм, образующих вид.

Под влиянием этого общебиологического подхода Гальтон выдвигает положение о том, что индивидуальные различия психологического порядка, подобно различиям телесным, могут быть объяснены только в категориях учения о наследственности. Выдвигалась новая важная проблема – проблема генетических предпосылок развития психических способностей. Наносился еще один удар по концепциям, противопоставлявшим телесные качества человека душевным.

Приемы вариационной статистики, разработанные Гальтоном, вооружили психологию важным методическим средством. Среди этих приемов наиболее перспективным оказался метод исчисления коэффициента корреляции между переменными. Этот метод, усовершенствованный английским математиком К.Пирсоном и другими последователями Гальтона, внес в психологическую науку ценные математические методики, в частности – факторный анализ. Это дало мощный импульс

детерминистскому объяснению индивидуальных различий между людьми, перспективность которого для будущего психологии, социальной практики преувеличить невозможно. С этим связано также широчайшее распространение метода тестов. Был проложен еще один детерминистский "мост" из биологии в психологию.

Крупные сдвиги в строе биологического мышления изменяли трактовку психических функций. Новая "картина организма" требовала изучить эти функции под новым углом зрения. Вопрос о преобразовании психологии в специальную науку, отличную от философии и физиологии, возник, когда физиологами были открыты с опорой на эксперимент и количественные методы закономерные зависимости между психическими феноменами и вызывающими их внешними раздражителями. Здесь зародилось два главных направления: психофизика и психометрия. Оба направления опирались на свидетельства сознания испытуемых. Сознание, каким оно мыслилось со времени Декарта, и стало считаться истинным предметом психологии. Его отношение к организму в условиях, когда он мыслился как физико-химическая машина, которой правит закон сохранения энергии, неотвратимо представлялось по типу параллелизма. Признать сознание способным взаимодействовать с телом значило бы нарушить этот закон природы.

С параллелизма и ассоцианизма – этих детищ механодетерминизма – психология и начинала свой путь в качестве суверенной науки.

Психический детерминизм

Отстоять свое собственное место среди других наук психология смогла лишь при условии открытия и изучения причинных связей и форм детерминации явлений, этим наукам неведомым и в их понятиях непостижимым. Поскольку предметом психологии инициаторы ее обособления в самостоятельную, независимую от философии и физиологии (частью которых она прежде считалась) дисциплину признали сознание как совокупность процессов во внутреннем мире субъекта, то на первых порах причинное основание для этих процессов усматривалось в пределах сознания, где они будто бы и начинаются, и кончаются. Поэтому Вундт, провозгласивший психологию самостоятельной наукой, выдвинул формулу о "замкнутом причинном ряде", или, иначе говоря, о том, что одни явления сознания вызываются другими.

Между тем этот вариант детерминистской интерпретации явлений (он, напомним, был порожден идеей параллелизма, которая не могла не утвердиться перед лицом успехов естественных наук, где восторжествовал закон сохранения энергии) все явственнее обнаруживал свою несостоятельность в силу несовместимости с успешно развивающейся под звездой нового детерминизма эволюционной биологией.

Учение об естественном отборе, как могучей силе, безжалостно истребляющей все, что не способствует выживанию организма, требовало отказаться от трактовки психики как "праздного" (по отношению к биологическим задачам) продукта нервного вещества.

На смену вундтовской концепции, названной структурализмом, приходит вскормленный новыми биологическими идеями функционализм. Он сохранил прежнюю

версию о сознании, но предпринял попытку придать ему роль деятельного агента в отношениях между интересами организма и возможностью их реализации.

Действие, исходящее от субъекта, рассматривалось как инструмент решения проблемы, а не механический ответ на стимул. Но конечной причиной самого телесного действия оставалось все то же, не имеющее оснований ни в чем внешнем, целеустремленное сознание субъекта, на которое возлагалась роль посредника между организмом и средой.

Функционализм, подобно структурализму, принимал в качестве предмета исследования данные в самонаблюдении феномены, то есть чрезвычайно поздний продукт исторического развития.

Объективная телеология живого, объясненная с позиций детерминизма понятиями об естественном отборе Дарвина и о гомеостазе Бернара, подменялась изначально присущей сознанию субъективной телеологией. Неудовлетворенность функционализмом вела к его распаду.

Истинно психические детерминанты подобны тем, с которыми имеют дело другие науки. Они действуют объективно, то есть независимо от сознания, служа уникальными регуляторами взаимоотношений между организмом и средой – природной и социальной.

Основные категории психологического познания изменяли свои "параметры" в зависимости от смены форм детерминизма, которые складывались исторически, концентрируя достижения научной мысли.

На рубеже XX века было открыто, что реалии, запечатленные в психологических категориях, не только могут быть объяснены действием природных или социальных факторов, но и сами исполнены активного детерминационного влияния на жизнедеятельность организма, а у человека – на его социальные связи.

Содержание категорий психологического мышления обрело смысл особых детерминант. Система этих категорий выступила в методологическом плане как форма детерминизма, отличная от всех других его форм. Это был психический детерминизм. С его утверждением никто не мог оспаривать достоинство психологии как самостоятельной науки.

Первые крупные успехи на пути перехода от биологического детерминизма к психологическому были сопряжены с разработками категорий образа, действия, мотива. Наиболее типично это запечатлело творчество Гельмгольца, Дарвина и Сеченова.

Гельмгольц как физиолог, объясняя ощущения, стоял еще на почве механодетерминизма. Ощущение трактовалось как прямое порождение нервного волокна, которому присуща "специфическая энергия". Однако перейдя от ощущений к сенсорным образам внешних объектов, он внес в понятие о восприятии признаки, соотносившие его с неосознаваемыми действиями организма (глаза), которые строятся по типу логической операции ("бессознательные умозаключения"). Само же ощу-

щение, считал он, соотносится не только с нервным субстратом, но и внешним объектом, находясь с ним в знаковом отношении. (Появилась схема построения образа.)

Дарвин, непосредственно занимаясь проблемами психологии, объяснил генезис инстинктивного поведения, а также адаптивную роль внешнего выражения эмоций. Тем самым категория мотива, которая прежде выступала либо в виде желания или хотения субъекта, либо как заложенная в его психическом механизме интуитивная сила, получала естественнонаучное объяснение.

Сеченов ввел понятие о сигнальной роли чувствований (образов), регулирующих работу мышц. Будучи наделены чувственными "датчиками", мышцы уж сами несут информацию как об эффекте произведенного действия, так и об его пространственно-временных координатах. Тем самым принцип обратной связи объяснял роль чувственного образа и реального телесного действия в жизненных встречах организма со средой. Таким образом, психический детерминизм утверждался как особый вид саморегуляции поведения организма, а не регуляции его актами или функциями сознания, внешними по отношению к нему и имеющими основания только в самом этом сознании.

На обломках функционализма возникают школы, стремившиеся покончить с сознанием как верховным, устремленным к цели агентом. Главные среди них – психоанализ, гештальтизм и бихевиоризм. Все они вышли из функциональной психологии (учителем Фрейда был автор психологии акта Брентано, Вертгеймера – функционалист Кюльпе, Уотсона – функционалист Энджем).

Психоанализ поставил сознание в зависимость от трансформаций психической энергии. Гештальтизм заменил понятие о сознании как особом причинном агенте понятием о преобразованиях "феноменального поля". Бихевиоризм вычеркнул понятие о сознании из психологического лексикона. В поисках причинного объяснения психических феноменов эти школы (к ним можно присоединить школу Пиаже, учителем которого был функционалист Клапаред) явно или неявно обращаются либо к физическим представлениям об энергии и поле, либо к биологическому принципу гомеостазиса.

В бернардовской концепции принцип гомеостазиса относился только к регуляции процессов во внутренней среде организма. Будучи перенесен на взаимоотношения между организмом и внешней средой, он привел к постулату о том, что смысл этих взаимоотношений определяется задачей достижения равновесия (а не на активное преодоление организмом сопротивления среды и ее преобразование).

И в бихевиористских моделях (сравните "закон эффекта" у Торндайка, принцип "редукции потребности" у Халла, "подкрепление" у Скиннера), и во фрейдистских представлениях о стремлении психической энергии к разряду, и в теориях поля, соответственно которым психикой движут неравновесные "системы напряжений", и в учении Пиаже о том, что уравнивание организма со средой (достигаемое посредством ассимиляции и аккомодации) определяет развитие интеллекта, – во всех этих концепциях запечатлен отразивший влияние физики и биологии психический детерминизм. Но если в естествознании понятия об энергии поля, гомеостазе и др. отображают адекватную им реальность, то в контексте психологических

исканий они приобрели характер метафор. Ведь, когда говорилось об энергии мотива, напряжении поля или стремлении системы к равновесию, не предполагалось объяснение психического в категориях физики или физиологии.

Психический детерминизм в силу своеобразия факторов, специфичных для человеческого уровня жизнедеятельности, укреплялся включением в структуру категорий (как обобщенных образов психодетерминант) признаков, почерпнутых в сфере социокультурных процессов. Поэтому развитие психического детерминизма шло по пути разработки таких объяснительных схем, которые формировались в своеобразном "диалоге" между "голосами" естественных и социальных наук.

Макросоциальный детерминизм

Наряду с теориями, стержнем которых служило причинное объяснение психики как творения природы, сложилось направление, ориентированное на изучение ее ускоренности в социальной жизни людей. Эти теории исходили из того, что своеобразие жизни радикально изменило общий строй психической организации людей, утвердив над ними власть совершенно особых детерминант, отличных и от физических раздражителей, и от нервных импульсов. В роли детерминант выступили столь же объективные, как эти раздражители, но порождаемые не природой, а самими взаимодействующими между собой людьми, формы их социального бытия, их культуры.

Философские идеи о социальной сущности человека, его связях с исторически развивающейся жизнью народа получили в XIX веке конкретно-научное воплощение в различных областях знания. Потребность филологии, этнографии, истории и других общественных дисциплин в том, чтобы определить факторы, от которых зависит формирование продуктов культуры, побудила обратиться к области психического. Это внесло новый момент в исследования психической деятельности и открыло перспективу для соотношения этих исследований с исторически развивающимся миром культуры. Начало этого направления связано с попытками немецких ученых приложить схему И.Ф. Гербарта к умственному развитию не отдельного индивида, а целого народа¹³⁴.

Реальный состав знания свидетельствовал о том, что культура каждого народа своеобразна. Это своеобразие было объяснено первичными психическими связями "духа народа", выражающегося в языке, мифах, обычаях, религии, народной поэзии. Возникает план создания специальной науки, объединяющей историко-филологическое исследование с психическими. Она получила наименование "психология народов". Первоначальный замысел был изложен в редакционной статье первого номера "Журнала сравнительного исследования языка" (1852); а через несколько лет гербартианцы Штейнталь и Лазарус начали издавать специальный журнал "Психология народов и языкознание" (первый том вышел в 1860 году, издание продолжалось до 1890 года).

¹³⁴ Параллельно этому направлению В.Вундт также, вслед за своей идеей экспериментальной психологии, выдвинул план разработки "психологии народов", написал на эту тему десять пространных томов.

В научный оборот пошли факты, которые не интересовали физиологическую психологию. Однако опора на гербартианскую концепцию "статики и динамики представлений", уходящую корнями в индивидуалистическую трактовку души, не могла объяснить, каким образом факторы культуры формируют психический склад народа.

Радикально иную позицию занял русский мыслитель А.А. Потебня. В своей книге "Мысль и язык" он, следуя принципу историзма, анализировал эволюцию умственных структур, которыми оперирует отдельный индивид, впитывающий эти структуры благодаря усвоению языка. Творцом языка является народ как "один мыслитель, один философ", распределяющий по разрядам плоды накопленного в ходе истории общенационального опыта. Мыслящие на этом языке индивиды воспринимают действительность сквозь призму запечатленных в нем внутренних форм.

Потебня тем самым стал инициатором построения культурно-исторической психологии, черпающей информацию об интеллектуальном строе личности в объективных данных о прогрессе национального языка как органа, образующего мысль.

Вопрос о "духе народа", о национальном своеобразии его психологического склада рассматривался исходя из запечатленных в языке свидетельств исторической работы этого народа.

В России интерес к психологии народа был связан с особенностями социально-экономического развития страны, где особую остроту приобрела задача ее освобождения от крепостного рабства. В середине прошлого века широко развернулось изучение "народности русской", по словам Н.И. Надеждина, "до сих пор ни о чем подобном не было и помышления". О своей новаторской программе этнопсихологии Н.И. Надеждин писал: "Под именем "этнографии психической" я заключаю обозрение и исследование всех тех особенностей, коими в народах, более или менее, знаменуются проявления "духовной" стороны природы человеческой; то есть: умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и происходящее отсюда стремление к непрерывному самосовершенствованию; одним словом – все, что возвышает "человека" над животностью... Тут, следовательно, найдут себе законное место: народная в собственном смысле "психология", или разбор и оценка удельного достоинства народного ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях... Словом – разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не только как ему можется, но как сам хочет и как умеет". Нужно, чтобы была описана "жизнь и образованность общения, поколику развита народом из самого себя, религия, как народ ее себе придумал или присвоил"¹³⁵.

В Англии философ Г. Спенсер, придерживаясь учения французского социолога О. Конта о том, что общество является коллективным организмом, представил этот организм развивающимся не по законам разума, как полагал О. Конт, а по универсальному закону эволюции. Позитивизм Конта и Спенсера оказал влияние на широко развернувшееся изучение этнопсихологических особенностей так называе-

¹³⁵ Цит. по: Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983, с. 116.

мых нецивилизованных, или "первобытных", народов. В сочинениях самого Спенсера ("Принципы социологии") содержался подробный обзор религиозных представлений, обрядов, нравов, обычаев, семейных отношений и различных общественных учреждений этих народов. Что касается интерпретации фактов, то эволюционно-биологический подход к культуре оказался бесперспективным в плане как социально-историческом, так и психологическом.

Иным путем пошел французский социолог Э. Дюркгейм. В работах "Правила социологического метода" (1894), "Индивидуальные и коллективные представления" (1898) и других Дюркгейм исходил из того, что идеологические ("нравственные") факты – это своего рода "вещи", которые ведут самостоятельную жизнь, независимую от индивидуального ума. Они существуют в общественном сознании в виде "коллективных представлений", принудительно навязываемых индивидуальному уму.

Мысли Конта о первичности социальных феноменов, их несводимости к игре представлений внутри сознания отдельного человека развивались у Дюркгейма в программу социологических исследований, свободных от психологизма, заполонившего общественные науки филологию, этнографию, историю культуры. Ценная сторона программы Дюркгейма состояла в очищении от психологизма, в установке на позитивное изучение идеологических явлений и продуктов в различных общественно-исторических условиях. Под влиянием программы Дюркгейма развернулась работа в новом направлении, принесшая важные конкретно-научные плоды.

Однако эта программа страдала методологическими изъянами, что, естественно, не могло не сказаться и на частных исследованиях. Дюркгеймовские коллективные представления выступали в виде своего рода самостоятельного бытия, тогда как в действительности любые идеологические продукты тесно связаны с материальной жизнью общества. Что касается трактовки отношений социального факта к психологическому, то и здесь позиция Дюркгейма наряду с сильной стороной (отклонение попыток искать корни общественных явлений в индивидуальном сознании) имела и слабую. Это отметил французский исследователь Г.Тард, писавший, что под предлогом очищения социологии лишают ее всего ее психологического, живого содержания.

Дюркгейм, отвечая Тарду, указывал, что он вовсе не возражает против роли психологических механизмов (например, подражания), он считает, что они слишком общи и потому не могут дать ключ к содержательному объяснению коллективных представлений. Тем не менее, противопоставление индивидуальной жизни личности ее социальной детерминации, безусловно, оставалось коренным недостатком дюркгеймовской концепции.

Вместе с тем антипсихологизм Дюркгейма имел положительное значение для психологии. Он способствовал внедрению идеи первичности социального по отношению к индивидуальному, притом утверждаемой не умозрительно, а на почве тщательного описания конкретно-исторических явлений.

На всем историческом пробеге детерминизм полярен телеологии (целесообразность). Каждый его успех ознаменован ее отступлением. Телеологию живого де-

терминистски объяснило учение Дарвина. Телеологию психического образа и действия – учение Гельмгольца, а затем Сеченова. Что же касается телеологии сознания, то здесь она прочно удерживалась в силу самоочевидной способности человека поступать сообразно предваряющей его телесные и умственные акты цели.

Эта способность была объяснена с позиций детерминизма в философии марксизма. Трудовая деятельность, будучи изначально социальной и орудийной, сформировала особую систему общения реализующих ее индивидов. Притом иную систему, чем заданную биологической адаптацией, сообразно которой сложился прежний психический детерминизм. Труд предполагает внутренний план действий, их проектируемый результат в виде знаемой цели и средств ее достижения. Построенный субъектом, этот план становится причиной объективных событий. Идеальное творит материальное.

Задача заключалась в том, чтобы, не принимая сознание с его реальными ипостасями (способностью к целеполаганию, рефлексией, рациональным анализом ситуации, выбором оптимальной реакции на нее, предваряющей телесное действие, и т.п.) за непосредственно данное, которое, все объясняя, само в причинном объяснении не нуждается, вывести эти ипостаси из объективных, внешних по отношению к индивидуальному сознанию детерминант. Иначе говоря, утверждался целевой детерминизм.

С переходом от механической к биологической трактовке взаимодействия живых существ с природой на передний план выступило активное начало их поведения. Однако активность свелась к адаптации, к изменению действий организма в целях выживания в наличной среде, но не создания мира культуры. Этот мир социален, ибо возникает в системе общественных отношений, и сущность человека не что иное, как совокупность этих отношений.

Трудовое действие и познавательная активность представляют, согласно марксизму, единое целое. Обмен информацией между живыми существами – одно из важнейших проявлений активности их поведения.

Лишь анализ труда открывает качественное своеобразие человеческого общения, роль речи как особого орудия, опосредующего создание и использование орудий труда и становление на этой основе принципиально новых психологических структур.

В своей исходной форме общение представлено в непосредственном взаимодействии индивидов. В ходе исторического развития оно принимает все более сложные и опосредованные формы. И за пределами прямого контакта с другими индивидами человек действует как существо изначально социальное, то есть с необходимостью вовлеченное в систему общения.

Разъясняя характер марксистского понимания взаимоотношений человека и природы, Энгельс указывал: "Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как

раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу"¹³⁶. В ходе воздействия человека на вещество природы происходит двойной детерминационный эффект: изменяя природу, человек изменяется сам. Таким образом, перед нами, говоря современным языком, "обратная связь" – результаты действия изменяют состояние производящей его системы.

Эффект человеческого труда не ограничивается упражнением органов, более совершенной координацией движений и т.д. Он выражается в таком изменении внешней природы, которое приводит к появлению "предметного бытия промышленности", продуктов человеческой культуры. Создавая их, человек формирует присущие ему психические качества. Порождая творения, приобретающие объективную ценность, он тем самым порождает и самого себя. Это один процесс, а не два. Не "внешнее через внутреннее", а одновременное порождение и "внешнего" (в котором воплощены сущностные силы человека), и "внутреннего" (как сущностных сил, немислимых без объективации в независимых от индивидуального сознания предметах) таково диалектико-материалистическое понимание детерминации психики.

В российской психологии советского периода возникло направление, ключевую категорию которого обозначил термин "деятельность". Пионером ее разработки выступил М.Я. Басов, трактовавший человека как "деятеля в среде" и понимавший под деятельностью "предмет особого значения, такую область, которая имеет задачи, никакой другой областью знания неразрешимые". Он предложил "морфологию" деятельности, выделив компоненты ее структуры и проанализировав характер ее регуляции как зрелого. Эту теоретическую схему он применил к объяснению огромного эмпирического материала, почерпнутого им преимущественно в практике работ по развитию поведения ребенка.

М.Я. Басов пригласил в руководимый им научный центр философа С.Л. Рубинштейна, труды которого сыграли решающую роль в том, что в советской психологии утвердился в качестве доминирующего принцип "единства сознания и деятельности". Отталкиваясь от представлений Басова по поводу "морфологии" (строения) деятельности, А.Н. Леонтьев разработал новаторский "деятельностный подход", предложив концепцию предметной деятельности, между внешним и внутренним (представленным в сознании) строением которой утверждаются детерминационные отношения. Тем самым заданные общественным характером труда факторы выступали в роли детерминант психической организации личности и ее развития (как в филогенезе, так и в онтогенезе). В ином ключе марксистское объяснение детерминации психики было воспринято и развито Л.С. Выготским. Макросоциальные факторы выступили у него не в форме трудовой деятельности по освоению объектов природы, а в образе общения, опосредствованного знаками, значениями и другими ценностями культуры. Поскольку общение является изначально межличностным, то, отграничив социальное (в виде понятий о производственных отношениях, классовой борьбе и других постулатах аксиоматики марксизма) от духовно-культурных основ человеческого бытия Выготский в своем конкретно-научном изучении психики сомкнул макросоциальный уровень ее детерминации с микросоциальным (см. ниже).

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. 545.

Макросоциальный детерминизм утверждался в острой полемике с концепцией "двух психологий", выдвинутой в конце прошлого века немецким философом В. Дильтеем.

Эта концепция сосредоточилась на проблеме зависимости высших проявлений человеческой психики от ценностей духовной культуры.

Детерминация ценностями культуры, как сказано, не идентична другим "измерениям" микросоциальной детерминации. Конечно, и культура является общественно-историческим феноменом. Однако ее духовные формы (ценности) направляют ход психической жизни личности по особому типу. Это и дало повод Дильтею противопоставить психологию, следующую принципу каузального (причинного) объяснения, другой психологии, которую он назвал описательной.

Описание противопоставлялось объяснению, построению гипотез о механизмах внутренней жизни; расчленение – конструированию схем из ограниченного числа однозначно определяемых элементов.

Взамен психических "атомов" новое направление предлагало изучать нераздельные, внутренние связанные структуры, на место механического движения поставить целесообразное развитие. Так Дильтей подчеркивал специфику душевных проявлений. Как целостность, так и целесообразность вовсе не были нововведением, появившимся впервые благодаря описательной психологии. С обоими признаками мы сталкивались неоднократно в различных системах, стремившихся уловить своеобразие психических процессов сравнительно с физическими. Новой в концепции Дильтея явилась попытка вывести эти признаки не из органической, а из исторической жизни, из той чисто человеческой формы жизнедеятельности, которую отличает воплощение переживаний в творениях культуры.

В центр человеческой истории ставилось переживание. Оно выступало не в виде элемента сознания в его традиционно-индивидуалистической трактовке (сознание как вмещилище непосредственно данных субъекту феноменов), а в виде внутренней связи, неотделимой от ее воплощения в духовном, надындивидуальном продукте. Тем самым индивидуальное сознание соотносилось с миром социально-исторических ценностей. Уникальный характер объекта исследований обуславливает, по Дильтею, уникальность его метода. Им служит не объяснение явлений в принятом натуралистами смысле, а их понимание, постижение. "Природу мы объясняем, душевную жизнь постигаем". Психология поэтому должна стать "понимающей" наукой.

Критикуя "объяснительную психологию", Дильтей объявил понятие о причинной связи вообще неприменимым к области психического (и исторического): здесь в принципе невозможно предсказать, что последует за достигнутым состоянием. Путь, на который он встал, неизбежно повел в сторону от магистральной линии психологического прогресса, в тупик феноменологии и иррационализма. Союз психологии с науками о природе разрывался, а ее союз с науками об обществе не мог быть утвержден, поскольку и эти науки нуждались в причинном, а не в телеологическом объяснении явлений.

Просчет Дильтея, как свидетельствует исторический опыт, был обусловлен тем, что для него детерминистское объяснение не имело другого смысла, кроме вырванного механикой.

Между тем уже успехи биологии, благодаря дарвиновским, бернардовским и гальтоновским идеям и революционным естественнонаучным достижениям, открыли особую форму детерминации, обнажив факторы, придающие не фиктивную целесообразность явлениям жизни, качественно отличным по типу детерминации от причинности в неорганическом мире. Марксистская мысль сделала следующий важный виток. Обратившись к такому могучему фактору взаимодействия человека с миром, каковым является труд, эта мысль обнажила корни целесообразности, изначально присущей существам, которых социальное бытие одарило сознанием.

Переход к еще одной форме детерминационной зависимости определило родство человека со сферой культуры. Оно преобразовало индивида в личность. Ее поведение отныне стало не только целесообразным, но и ценностнообразным. В мироздании родился еще один тип детерминации самых высших способов жизнетворчества человека, созданных его культурной родословной.

Изучение макросоциальной детерминации человеческой психики закрепилось в категориальном аппарате. Оно радикально преобразовало его прежние блоки и ввело новые. Если на первых порах успехи в развитии принципа психического детерминизма определило изучение укорененности психики в процессах биосферы, то устремленность научной мысли к высшему, человеческому уровню психической жизни вывела на путь познания ее вовлеченности в создание ноосферы.

Микросоциальный детерминизм

К этому межличностному уровню детерминационных отношений обращались многие психологические школы. З. Фрейд искал источник психических травм в общении ребенка с родителями. Лидер последнего варианта бихевиоризма Б. Скиннер объяснял вербальное поведение подкреплением речевых реакций со стороны собеседника. К. Левин ставил "локомоции" отдельного лица в зависимости от "социального поля".

Групповое действие и сотрудничество вошли в психологию в качестве новых детерминант. Это привело к новым поворотам в развитии идеологии психического детерминизма. За исходное принимается социальный опыт, общение, объективное взаимодействие индивидов, эффектом которого становится его субъективная проекция. Такой взгляд стал отправным для новой формы психического детерминизма как механизма преобразования социальных отношений и действий во внутриспсихические.

Первый проект такого механизма наметил И.М. Сеченов. Главную преграду на пути объяснения психики с позиций детерминизма он усматривал в противопоставлении произвольных действий произвольным, за источник которых принимался в качестве первопричины волевой импульс. Сеченов рассчитывал преодолеть эту преграду, используя генетический метод.

Силы, движущие ребенком, даны в независимой от его сознания системе отношений.

К этим силам относятся "чужие голоса" – управляющие его действиями команды других лиц. Постепенно эквивалентом "приказывающей матери или няньки" становится образ "Я", обладающий собственным голосом. За индивидуальной волей и индивидуальным сознанием скрыта интериоризированная субъектом полифония чужих голосов и команд, то есть система микросоциальных отношений.

В сходном плане объясняли генезис сознания и воли Жане, Пиаже, Выготский. В поисках детерминант этих высших психических проявлений они обращались к групповому действию и общению.

По аналогии с орудиями труда, направленными на внешние объекты, Выготский вводит понятие о знаках как психологических орудиях. Они опосредуют внимание, память, мышление и другие функции, которые появляются сперва в общении между людьми, а затем становятся внутриспсихическими. С различных сторон в категориальный аппарат психологии внедрялась применительно к детерминистскому объяснению человеческого сознания категория отношений, как бы подтверждая положение Маркса о том, что "мое сознание есть мое отношение к среде", прежде всего к социальной. Наметившийся у Выготского постулат о том, что это отношение опосредовано знаками, придало разработке психического детерминизма новое измерение. Если до него в объяснительных схемах доминировало диадическое отношение: социальное – индивидуально, то при обращении к знаковым системам, в которых воплощены системы смыслов и значений, оперирование ими (сперва во внешнем, затем во внутреннем диалоге) включало сознание в еще один (вслед за общением) объективный, независимый от сознания круг явлений, а именно в мир культуры.

Существуя на собственных основаниях и исторически изменяясь по собственным законам, он с колыбели определяет психический строй человеческой жизни. Специфика ориентации на культурные ценности, перед которой были бессильны прежние формы психического детерминизма, дала основание утверждать, будто эти ориентации в принципе не подвластны причинному объяснению и адекватно постижимы лишь телеологической мыслью с ее методами интуитивного прозрения.

Такова была точка зрения В. Дильтея и его последователей. В полемике с ними Выготский обратился к центральному понятию этого направления – понятию о переживании с тем, чтобы придать ему признаки, открывающие перспективу его анализа с позиций детерминизма. Концепция переживания приобрела у Выготского "гибридный" характер. Подобно тому, как в значении слова нераздельны мышление (оно представляет психический мир) и речь (социальный, реализуемый в знаковых системах процесс), в переживании нераздельны особенности личности и социальная среда, преломленная сквозь эти особенности. При этом сама среда мыслилась как остросюжетная драма, означающая столкновение, противодействие, конфликт характеров.

Не безличностные внешние обстоятельства, а имеющая свой "сценарий" динамическая система взаимоотношений и поступков действующих лиц – такова социальная "среда", в которой формируется личность как один из героев этой драмы. Здесь

в драматизме общения прорисовывается иной уровень психического детерминизма, чем при "обмене" знаками, передаче информации и т.п.

Итак, психический детерминизм представлен в нескольких формах. Образ, действие и мотив служат детерминантами поведения всех живых существ, радикально меняя свой строй с переходом к человеку. Его социальное бытие порождает новый тип организации психической жизни, у которой появляется внутренний план, обозначаемый термином "сознание".

Зарождение и развитие сознания изменило общий характер детерминации жизнедеятельности человека в отличие от других живых существ. Это сопрягалось со способностью к рефлексии, к самоотчету субъекта о непосредственно испытываемых им психических состояниях. При выделении психологии в самостоятельную науку за исходный пункт была принята именно эта способность, придававшая первым пробам построения новой дисциплины уверенность в том, что от всех остальных наук ее отличает интроспекция. С прогрессом познания были открыты новые способы детерминистского объяснения психики. Наряду с ее репрезентацией в индивидуальном сознании обнаружились движущие им могучие несознаваемые силы.

Можно отметить два направления действия этих сил. Соответственно, следует отграничить: бессознательный вектор психической активности, тяготеющий к биосферным факторам (и своеобразно преломляющийся в когнитивно-мотивационных "полях" индивидуального сознания), и ее надсознательный уровень, когда индивидуальное сознание подвижно и преобразуемо устремленностью к еще не укоренившимся в его ткани (и потому "непрозрачным" для рефлексии субъекта) ноосферным ценностям и смыслам.

Выделяя принцип детерминизма в качестве осевого для категориального аппарата, следует иметь в виду, что его обособление от других осей предпринято в аналитических целях. В реальной работе научной мысли детерминизм неотделим от принципов системности и развития.

Часть четвертая.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ

Глава 12. ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА

Детерминизм – один из главных объяснительных принципов научного познания, требующий истолковывать изучаемые феномены исходя из закономерного взаимодействия доступных эмпирическому контролю факторов.

Детерминизм выступает прежде всего в форме причинности (каузальности) как совокупности обстоятельств, которые предшествуют во времени данному событию и вызывают его.

Наряду с этой формой детерминизма регуляторами работы научной мысли являются и другие: системный детерминизм (зависимость отдельных компонентов системы от свойств целого), детерминизм типа обратной связи (следствие воздействует на вызвавшую его причину), детерминизм статистический (при сходных причинах возникают различные – в известных пределах – эффекты, подчиненные статистической закономерности), целевой детерминизм (предваряющая результат цель определяет процесс ее достижения).

Принцип детерминизма, будучи общенаучным, организует различное построение знания в конкретных науках. Это обусловлено своеобразием их предмета и исторической логикой его разработки. Применительно к психологии в развитии детерминизма, направляющего изучение и объяснение ее явлений, выделяются несколько эпох.

Предмеханический детерминизм

Прежде чем в Новое время в качестве образца безупречно причинного объяснения всех явлений мироздания выступила "царица наук" механика, веками шли поиски различных схем, объясняющих психическую жизнь (она обозначалась термином "душа"). Первой вехой на этом пути стало возникшее в древнегреческой философии учение – гилозоизм. Природа представлялась в виде единого материального целого, наделенного жизнью. Эта древняя картина привлекла и некоторых мыслителей XVIII-XIX веков (Дидро, Геккель). Они обратились к ней в противовес "бездушному", механистическому воззрению на Вселенную (речь идет о естественно-научном, а не поэтическом видении природы, для которого она выступала, говоря словами Ф.И. Тютчева, имеющей "душу, свободу и язык").

Гилозоизм не разделял материю органическую и неорганическую, жизнь и психику. Из этой живой праматерии произрастают все явления без вмешательства каких-либо внешних творческих сил. Душа в отличие от древнего анимизма (от лат. *anima* – душа) мыслилась неотделимой от круговорота материальных стихий (воздуха, огня, потока атомов), подчиненной общим для всего космоса законам и причинам.

Вершиной античного детерминизма стало учение Аристотеля. В нем душа была понята как способ организации любых живых тел. Растения также имеют душу (являются одушевленными). Будучи формой тела, душа не может рассматриваться независимо от него. Поэтому отвергались все прежние предположения о том, что причинами деятельности души служат внешние для него факторы, будь то материальные или нематериальные. Аристотель считал бесперспективными попытки воссоздать работу живого тела по образцу работы механического устройства. Такая "бионическая" конструкция была "изобретена" знаменитым Дедалом, который

якобы сделал подвижным изваяние Афродиты, влив в него ртуть. Такое механическое подобие поведения организма Аристотель считал столь же неприемлемым для объяснения действий реального живого тела, как и представление Демокрита об атомах души, толкающих в силу своей наибольшей подвижности другие атомы, из которых состоит организм.

Как непригодная оценивается и версия Платона об инертном теле, движимом независимой от него нематериальной душой. Позитивное решение проблемы детерминизма в психологии Аристотель усматривал в том, чтобы, исходя из нераздельности в живом организме материи и формы, признать эту целостность наделенной способностями, которые актуализируются при общении с соответствующими предметами. Активность и предметность отличают одушевленное тело от лишенных этих признаков других материальных тел.

Равным образом, чтобы объяснить способности ощущать и мыслить, следует обратиться к знанию о тех объектах, которые благодаря им ассимилируются организмом. Если растение испытывает воздействие материального вещества только потому, что оно его целесообразно распределяет, то тело, способное ощущать, при воздействии материального предмета принимает его образ.

Опора на новую биологию, которая в отличие от гилозоизма открыла своеобразие живого, отделив неорганическое от органического, позволила Аристотелю переосмыслить понятие о причинности.

Его важнейшим достижением стало открытие неотделимости души от живого тела как системы, имеющей целостную организацию.

В отличие от Демокритовой трактовки причинности (по типу механического воздействия потоков атомов на организм, воспринимающих эти потоки) Аристотель мыслил живое существо иным, чем другие природные тела, считая психическое по своей сущности биологическим (формой жизни). Из этого следовало и новое понимание его детерминации, предполагавшее зависимость психических явлений не только от внешних воздействий, но и от ориентации на цель. Это детерминистское воззрение может быть названо прабиологическим (по отношению к биологии Нового времени).

Поведение живых тел регулируется особой причиной. Аристотель назвал ее "конечной причиной". Под этим имелась в виду целесообразность действий души. Аристотель распространил этот объяснительный принцип на все сущее, утверждая, что "природа ничего не делает напрасно". Такой взгляд получил имя телеологического (от греч. *telos* – цель и *logos* – слово) учения.

Теологию осудили за несовместимость с наукой, увидев в ней антитезу детерминизму. Подобная оценка соединяла детерминизм с версией, которая отождествляла его с принципом механической причинности. Между тем целесообразность живой природы, теоретически осмысленная Аристотелем, ее неотъемлемый признак. Его открытие, как показала впоследствии история науки, потребовало новых интерпретаций детерминизма, чтобы объяснить специфику как биологических, так и психических форм.

Просчет же его, использованный впоследствии противниками детерминизма, считавшими Аристотеля "отцом витализма", заключался в распространении "конечной причины" на все мироздание.

Впоследствии в силу социально-идеологических причин представления Аристотеля были переведены в религиозный контекст. Постулат о нераздельности души и тела был отвергнут. Душа истолковывалась как самостоятельная первосущность, и ей была придана роль регулятора жизнедеятельности. Это означало разрыв с детерминизмом и гегемонию телеологии в ином, чем у Аристотеля, и бесперспективном для науки смысле.

В период краха античного мира возникает ставшее опорой религиозного мировоззрения учение Августина, наделившее душу спонтанной активностью, противопоставленной всему телесному, земному, материальному. Все знание считалось заложенным в душе, которая живет, "движется в Боге". Оно не приобретается, а извлекается из души благодаря направленности воли на реализацию заложенных в душе потенций.

Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт. Под этим имелось в виду, что душа обращается к себе, постигая с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые для внешнего наблюдения продукты (в виде образов, мыслей, ассоциаций).

Психологические задачи Августин развернул в систему аргументов, которая на многие века определила линию интроспекционизма в психологии (единство и самостоятельность души, независимой от тела, но использующей его в качестве орудия, учение об особом внутреннем опыте как непогрешимом средстве познания психики в отличие от внешнего опыта). В теологической психологии Августина индетерминизм как направление, противоположное детерминизму, получил завершенное выражение. Вся последующая история психологии насыщена острой борьбой этих непримиримых направлений. Индетерминизм сочетался с теологией, но в ином смысле, чем у Аристотеля, который, как отмечалось, мыслил целесообразность как свойство, объективно присущее целостному организму в нераздельности его психических и телесных проявлений.

У философов идеалистического направления целесообразность объяснялась как активность души в качестве противостоящего телу высшего начала. Опыт, обращенный к внешней природе, и его логический анализ, давшие первые ростки объективного, основанного на принципе детерминизма знания о структуре и механизмах психики, поглощались религиозной догматикой, формировавшей негативное отношение ко всему внешнему и телесному.

Наивысшая достоверность придавалась особому "внутреннему опыту", лишенному рациональных оснований. Дальнейшее развитие научно-психологического знания, регулируемого принципом детерминизма, стало возможным в новых социально-исторических условиях.

Особо следует выделить в качестве одного из вариантов предмеханического детерминизма попытки вернуться к естественнонаучному объяснению арабскими и западноевропейскими учеными в преддверии эпохи Возрождения.

В противовес принятым теологической схоластикой приемам рассмотрения души как особой сущности, для действий которой нет других оснований, кроме воли божьей, начинает возрождаться созвучный детерминизму подход к отдельным психическим проявлениям. Складывается особая форма детерминизма, условно ее можно назвать "оптическим" детерминизмом. Он возник в связи с исследованием зрительных ощущений и восприятий.

В предшествующие века зрение считалось функцией души. Но сначала арабоязычные, а затем западноевропейские натуралисты придали ему новый смысл благодаря тому, что поставили зрительное восприятие в зависимость от оптики. Она разрабатывалась в классических работах арабского ученого Ибн аль-Хайсама, а затем в XIII веке ею успешно занимались польский физик и оптик Витело, профессора Оксфордского университета Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон.

Для объяснения того, как строится изображение в глазу (то есть психический феномен, возникающий в телесном органе), они использовали законы оптики, связав тем самым психологию с физикой. Сенсорный акт, считавшийся производным от бестелесного агента (души), выступил в виде эффекта, который возникает по объективным, имеющим математическое выражение законам распространения физического по своей природе светового луча. Движение этого луча в физической среде зависит от ее свойств, а не направляется душой, наделенной заданной целью. Зрение ставилось и зависимость от законов оптики, включаясь тем самым в новый причинный ряд, подчинялось физической необходимости, имеющей математическое выражение.

События же в физическом мире доступны наблюдению, измерению, эмпирическому изучению, как непосредственному, так и применяющему дополнительные средства (орудия эксперимента). Оптика и явилась той областью, где соединялись математика и опыт. Тем самым преобразовывалась структура мышления, открывая новые перспективы для детерминизма.

Итак, до XVII века в эволюции психической мысли можно выделить три формы предмеханического детерминизма: гилозоистский, прабиологический и оптический.

Механический детерминизм

Научная революция XVII века создала новую форму детерминизма, а именно механический детерминизм.

В эпоху перехода к мануфактурному производству с изобретением и использованием технических устройств схема их действия стала прообразом причинно-механической интерпретации всего сущего, включая организм и его функции.

Все психологическое наследие античности – учения об ощущениях, движениях, ассоциациях, аффектах – переосмысливается сквозь призму новых предметно-логических конструкторов. Их ядром служило объяснение организма как своего рода машины, то есть определенным образом организованной и автоматически действующей системы. Сотворенная человеком машина, опосредствующая связи между ним и природой, выступила в виде модели объяснения и человека, и природы.

Фалес обращался к душе, чтобы понять свойства магнита, Гален работу сердца. После исследований английского физика Гильберта причастность души к магнетизму представлялась столь же нелепой, как к течению воды, а после работ другого англичанина врача и физиолога Гарвея ее причастность к кровообращению – столь же нелепой, как к работе помпы, перекачивающей жидкость. Течение воды – естественный феномен, помпа – конструкция, созданная человеком. "Привязка" к конструкции – неотъемлемая особенность механодетерминизма.

Этот принцип научного познания в свою очередь прошел ряд фаз в своем развитии, в том числе пять главных из них – от середины XVII до середины XIX столетия.

Первая фаза наиболее типично представлена психологическим учением Декарта. Он отделил душу от тела, преобразовав понятие о душе в понятие о сознании, но также отделил тело от души, объяснив его работу по типу механизма, автоматически производящего определенные эффекты: восприятие, движения, ассоциации и простейшие чувства. Восприятием (сенсорным феноменам) противопоставлялись врожденные идеи, телесным движениям (рефлексам) – волевые акты, ассоциациям – операции и продукты абстрактного мышления, простейшим эмоциям – интеллектуальные чувства. Эта дуалистическая картина человека расщепляла его надвое (соответственно в Декартовой философии человек – это средоточие двух субстанций: непротяженной – духовной и протяженной – телесной).

Применительно к протяженным телам, производящим элементарные психические продукты, утверждалась их безостаточная подчиненность принципу детерминизма. Применительно же к сознательно-волевым актам этот принцип отвергался. Здесь царил индетерминизм.

Если за освобождением тела от души и его моделированием по типу машины стояли преобразования в сфере материального производства, то за возведением сознания в независимую сущность – утверждение самооценности индивида, опорой бытия которого служит собственная критическая мысль. Поскольку же для последней никаких определяющих ее работу оснований не усматривалось, человек выступал как средоточие двух начал (субстанций), как существо, в объяснении психики и поведения которого детерминизм пересекается с индетерминизмом.

Попытку преодолеть это дуалистическое воззрение предпринял на философском уровне Спиноза в учении о единой субстанции. Применительно же к психологии человека он объяснял его сущность особым аффектом – влечением, считая, что радость увеличивает способность тела к действию, тогда как печаль ее уменьшает. Отрицая случайность, как и свободу воли, он дал повод считать его детерминистский подход родственным фатализму.

Следующие две фазы механодетерминизма представлены в XVIII веке учениями английских (например, Гартли) и французских (Ламетри, Дидро, Кабанис) материалистов. Их предшественники, утверждая детерминизм применительно к "низшим" психическим функциям, считали высшие функции (разум, волю) имеющими качественно иную сущность. Их формулу можно обозначить как "человек – полумашина". На смену ей приходит формула "человек – машина". Но хотя идея машинообразности сохранялась, представление о "машине" во все большей степени из

модели становилось метафорой. Ни "вибраторная" машина Гартли, ни чувствующий и мыслящий "человек-машина" Ламетри не имели никаких аналогов в мире автоматов. Машина органического тела становится носительницей любых психических свойств, какими только может быть наделен человек.

Гартли мыслил в категориях Ньютоновой механики. Что же касается французских сторонников детерминизма, то у них он приобретает новые признаки, знаменуя третью фазу в разработке детерминизма.

Она имела переходный характер, соединяя механодетерминистскую ориентацию с идеей развития, навеянной биологией. Телесная машина становилась (взамен Декартовой – гомогенной) иерархически организованной системой, где в ступенчатом ряду выступают психические свойства возрастающей степени сложности, включая самые высшие.

Четвертая фаза механодетерминистской трактовки психики возникла благодаря крупным успехам в области нервно-мышечной физиологии. Здесь в первой половине прошлого века воцарилось "анатомическое начало". Это означало установку на выяснение зависимости жизненных явлений от строения организма, его морфологии.

В учениях о рефлексе, об органах чувств и о работе головного мозга сформировался один и тот же стиль объяснения: за исходное принималась анатомическая обособленность органов.

Эта форма детерминизма породила главные концепции рассматриваемого периода: о рефлекторной "дуге", о специфической энергии органов чувств и о локализации функций в коре головного мозга.

Организм расщеплялся на два уровня: уровень, зависящий от структуры и связи нервов, и уровень бессубстратного сознания.

К картине целостного организма естественнонаучную мысль возвратило открытие закона сохранения и превращения энергии, согласно которому в живом теле не происходит ничего, кроме физико-химических изменений, мыслившихся, однако, не в механических, а в энергетических терминах.

Каково, однако, место психических процессов в этой биоэнергетике?

На этот вопрос последовало два ответа. Поскольку закон сохранения энергии выполняется в органическом мире неукоснительно, сложилась версия, что течение мыслей и других психических процессов подчиняется законам, по которым совершаются физико-химические реакции в нервных клетках. Так появилась пятая фаза детерминизма в трактовке психики – вульгарно-материалистическая.

Тем временем не только успехи научного изучения реакций организма, но и потребности практики (педагогической и медицинской) побуждали искать в ситуации, созданной открытием закона сохранения энергии, иную альтернативу. Ее выражала концепция психофизического параллелизма.

Слабость механодетерминизма побудила научную мысль обратиться к биологии, где в середине прошлого столетия происходили революционные преобразования.

Биологический детерминизм

Понятие об организме существенно изменилось в середине XIX века под влиянием двух великих учений – Ч. Дарвина и К. Бернара.

Жизни присуща целесообразность, неистребимая устремленность отдельных целостных организмов к самосохранению и выживанию, вопреки разрушающим воздействиям среды. Дарвин и Бернар объяснили эту телеологичность (целесообразность) естественными причинами. Первый – отбором и сохранением форм, случайно оказавшихся приспособленными к условиям существования. Второй – особым устройством органических тел, позволяющим заблаговременно включать механизмы, способные удержать основные биологические процессы на стабильном уровне (впоследствии американский физиолог У. Кеннон, соединив бернаровские идеи с дарвиновскими, дал этому явлению специальное имя – гомеостазис). Детерминация будущим, то есть событиями, которые, еще не наступив, определяют происходящее с организмом в данный момент, – такова особенность биологического детерминизма в отличие от механического, не знающего других причин, кроме предшествующих и актуально действующих. При этом, как показал Дарвин, детерминация будущим применительно к поведению индивида обусловлена историей вида.

С этим была связана радикальная инновация в понимании детерминизма, который отныне означал не "жесткую" однозначную зависимость следствия от причины, а вероятностную детерминацию.

Это открывало простор для широкого применения статистических методов. Их внедрение в психологию изменило ее облик. Здесь великим пионером выступил английский психолог и антрополог Фрэнсис Гальтон.

Еще в молодости Гальтон изучил работы одного из создателей современной статистики – бельгийца Адольфа Кетле. В книге "Социальная физика" (1935), произведшей глубокое впечатление на умы современников и вызвавшей острые споры, Кетле, опираясь на теорию вероятностей, показал, что ее формулы позволяют обнаружить подчиненность поведения людей некоторым закономерностям. Анализируя статический материал, он получил постоянные величины, дающие количественную характеристику таких человеческих актов, как вступление в брак, самоубийство и др. Эти акты считались произвольными. Теперь же выяснилась известная регулярность их совершения. Противники концепции свободной воли восприняли "социальную физику" Кетле как свидетельство правоты своих взглядов. Сам Кетле исходил в интерпретации полученных результатов из идеи "среднего человека". Он предполагал существование извечной человеческой природы как своего рода идеала, от которого люди отклоняются соответственно нормальной кривой вероятностей. Именно поэтому средняя величина есть наиболее частая.

Если среднее число является постоянным, то за ним должна стоять реальность, сопоставимая с физической, благодаря чему становится возможным предска-зы-

вать явления на основе статистических законов. Для познания же этих законов безнадёжно изучать каждого индивида в отдельности. Объектом изучения поведения должны быть большие массы людей, а методом – вариационная статистика. Кетле установил, как распределяются различные отклонения от средней величины: чем отклонение больше, тем оно встречается реже, причем этому можно дать точное математическое выражение.

В 1869 году вышла книга Гальтона "Наследственный гений". В ней давался статистический анализ биографических фактов и излагался ряд остроумных соображений в пользу приложимости закона Кетле к распределению способностей. Подобно тому, как люди среднего роста составляют самую распространенную группу, а высокие встречаются тем реже, чем больше они отклоняются от нормы, точно так же, полагал Гальтон, люди отклоняются от средней величины и в отношении умственных способностей. Но чем детерминированы эти отклонения? Кетле объяснял их "игрой случая". Гальтон же утверждал, что они строго определяются фактором наследственности.

Мы встречаемся здесь с еще одним направлением мысли, возникшим в психологии под влиянием эволюционной теории. Принцип приспособления к среде был одним из аспектов этой теории, но в ней имелся и другой аспект – принцип естественного отбора, в свою очередь предполагающий действие механизма наследственности. Приспособление вида достигается за счет генетических детерминированных вариаций индивидуальных форм, образующих вид.

Под влиянием этого общебиологического подхода Гальтон выдвигает положение о том, что индивидуальные различия психологического порядка, подобно различиям телесным, могут быть объяснены только в категориях учения о наследственности. Выдвигалась новая важная проблема – проблема генетических предпосылок развития психических способностей. Наносился еще один удар по концепциям, противопоставлявшим телесные качества человека душевным.

Приемы вариационной статистики, разработанные Гальтоном, вооружили психологию важным методическим средством. Среди этих приемов наиболее перспективным оказался метод исчисления коэффициента корреляции между переменными. Этот метод, усовершенствованный английским математиком К. Пирсоном и другими последователями Гальтона, внес в психологическую науку ценные математические методики, в частности – факторный анализ. Это дало мощный импульс детерминистскому объяснению индивидуальных различий между людьми, перспективность которого для будущего психологии, социальной практики преувеличить невозможно. С этим связано также широчайшее распространение метода тестов. Был проложен еще один детерминистский "мост" из биологии в психологию.

Крупные сдвиги в строе биологического мышления изменяли трактовку психических функций. Новая "картина организма" требовала изучить эти функции под новым углом зрения. Вопрос о преобразовании психологии в специальную науку, отличную от философии и физиологии, возник, когда физиологами были открыты с опорой на эксперимент и количественные методы закономерные зависимости между психическими феноменами и вызывающими их внешними раздражителями. Здесь зародилось два главных направления: психофизика и психометрия. Оба направления опирались на свидетельства сознания испытуемых. Сознание, каким

оно мыслилось со времени Декарта, и стало считаться истинным предметом психологии. Его отношение к организму в условиях, когда он мыслился как физико-химическая машина, которой правит закон сохранения энергии, неотвратно представлялось по типу параллелизма. Признать сознание способным взаимодействовать с телом значило бы нарушить этот закон природы.

С параллелизма и ассоцианизма – этих детищ механодетерминизма – психология и начинала свой путь в качестве суверенной науки.

Психический детерминизм

Отстоять свое собственное место среди других наук психология смогла лишь при условии открытия и изучения причинных связей и форм детерминации явлений, этим наукам неведомым и в их понятиях непостижимым. Поскольку предметом психологии инициаторы ее обособления в самостоятельную, независимую от философии и физиологии (частью которых она прежде считалась) дисциплину признали сознание как совокупность процессов во внутреннем мире субъекта, то на первых порах причинное основание для этих процессов усматривалось в пределах сознания, где они будто бы и начинаются, и кончаются. Поэтому Вундт, провозгласивший психологию самостоятельной наукой, выдвинул формулу о "замкнутом причинном ряде", или, иначе говоря, о том, что одни явления сознания вызываются другими.

Между тем этот вариант детерминистской интерпретации явлений (он, напомним, был порожден идеей параллелизма, которая не могла не утвердиться перед лицом успехов естественных наук, где восторжествовал закон сохранения энергии) все явственнее обнаруживал свою несостоятельность в силу несовместимости с успешно развивающейся под звездой нового детерминизма эволюционной биологией.

Учение об естественном отборе, как могучей силе, безжалостно истребляющей все, что не способствует выживанию организма, требовало отказаться от трактовки психики как "праздного" (по отношению к биологическим задачам) продукта нервного вещества.

На смену вундтовской концепции, названной структурализмом, приходит вскормленный новыми биологическими идеями функционализм. Он сохранил прежнюю версию о сознании, но предпринял попытку придать ему роль деятельного агента в отношениях между интересами организма и возможностью их реализации.

Действие, исходящее от субъекта, рассматривалось как инструмент решения проблемы, а не механический ответ на стимул. Но конечной причиной самого телесного действия оставалось все то же, не имеющее оснований ни в чем внешнем, целеустремленное сознание субъекта, на которое возлагалась роль посредника между организмом и средой.

Функционализм, подобно структурализму, принимал в качестве предмета исследования данные в самонаблюдении феномены, то есть чрезвычайно поздний продукт исторического развития.

Объективная телеология живого, объясненная с позиций детерминизма понятиями об естественном отборе Дарвина и о гомеостазе Бернара, подменялась изначально присущей сознанию субъективной телеологией. Неудовлетворенность функционализмом вела к его распаду.

Истинно психические детерминанты подобны тем, с которыми имеют дело другие науки. Они действуют объективно, то есть независимо от сознания, служа уникальными регуляторами взаимоотношений между организмом и средой – природной и социальной.

Основные категории психологического познания изменяли свои "параметры" в зависимости от смены форм детерминизма, которые складывались исторически, концентрируя достижения научной мысли.

На рубеже XX века было открыто, что реалии, запечатленные в психологических категориях, не только могут быть объяснены действием природных или социальных факторов, но и сами исполнены активного детерминационного влияния на жизнедеятельность организма, а у человека – на его социальные связи.

Содержание категорий психологического мышления обрело смысл особых детерминант. Система этих категорий выступила в методологическом плане как форма детерминизма, отличная от всех других его форм. Это был психический детерминизм. С его утверждением никто не мог оспаривать достоинство психологии как самостоятельной науки.

Первые крупные успехи на пути перехода от биологического детерминизма к психологическому были сопряжены с разработками категорий образа, действия, мотива. Наиболее типично это запечатлело творчество Гельмгольца, Дарвина и Сеченова.

Гельмгольц как физиолог, объясняя ощущения, стоял еще на почве механодетерминизма. Ощущение трактовалось как прямое порождение нервного волокна, которому присуща "специфическая энергия". Однако перейдя от ощущений к сенсорным образам внешних объектов, он внес в понятие о восприятии признаки, соотносившие его с неосознаваемыми действиями организма (глаза), которые строятся по типу логической операции ("бессознательные умозаключения"). Само же ощущение, считал он, соотносится не только с нервным субстратом, но и внешним объектом, находясь с ним в знаковом отношении. (Появилась схема построения образа.)

Дарвин, непосредственно занимаясь проблемами психологии, объяснил генезис инстинктивного поведения, а также адаптивную роль внешнего выражения эмоций. Тем самым категория мотива, которая прежде выступала либо в виде желания или хотения субъекта, либо как заложенная в его психическом механизме интуитивная сила, получала естественнонаучное объяснение.

Сеченов ввел понятие о сигнальной роли чувствований (образов), регулирующих работу мышц. Будучи наделены чувственными "датчиками", мышцы уж сами несут информацию как об эффекте произведенного действия, так и об его пространственно-временных координатах. Тем самым принцип обратной связи объяснял

роль чувственного образа и реального телесного действия в жизненных встречах организма со средой. Таким образом, психический детерминизм утверждался как особый вид саморегуляции поведения организма, а не регуляции его актами или функциями сознания, внешними по отношению к нему и имеющими основания только в самом этом сознании.

На обломках функционализма возникают школы, стремившиеся покончить с сознанием как верховным, устремленным к цели агентом. Главные среди них – психоанализ, гештальтизм и бихевиоризм. Все они вышли из функциональной психологии (учителем Фрейда был автор психологии акта Брентано, Вертгеймера – функционалист Кюльпе, Уотсона – функционалист Энджем).

Психоанализ поставил сознание в зависимость от трансформаций психической энергии. Гештальтизм заменил понятие о сознании как особом причинном агенте понятием о преобразованиях "феноменального поля". Бихевиоризм вычеркнул понятие о сознании из психологического лексикона. В поисках причинного объяснения психических феноменов эти школы (к ним можно присоединить школу Пиаже, учителем которого был функционалист Клапаред) явно или неявно обращаются либо к физическим представлениям об энергии и поле, либо к биологическому принципу гомеостазиса.

В бернардовской концепции принцип гомеостазиса относился только к регуляции процессов во внутренней среде организма. Будучи перенесен на взаимоотношения между организмом и внешней средой, он привел к постулату о том, что смысл этих взаимоотношений определяется задачей достижения равновесия (а не на активное преодоление организмом сопротивления среды и ее преобразование).

И в бихевиористских моделях (сравните "закон эффекта" у Торндайка, принцип "редукции потребности" у Халла, "подкрепление" у Скиннера), и во фрейдистских представлениях о стремлении психической энергии к разряду, и в теориях поля, соответственно которым психикой движут неравновесные "системы напряжений", и в учении Пиаже о том, что уравнивание организма со средой (достигаемое посредством ассимиляции и аккомодации) определяет развитие интеллекта, – во всех этих концепциях запечатлен отразивший влияние физики и биологии психический детерминизм. Но если в естествознании понятия об энергии поля, гомеостазе и др. отображают адекватную им реальность, то в контексте психологических исканий они приобрели характер метафор. Ведь, когда говорилось об энергии мотива, напряжении поля или стремлении системы к равновесию, не предполагалось объяснение психического в категориях физики или физиологии.

Психический детерминизм в силу своеобразия факторов, специфичных для человеческого уровня жизнедеятельности, укреплялся включением в структуру категорий (как обобщенных образов психодетерминант) признаков, почерпнутых в сфере социокультурных процессов. Поэтому развитие психического детерминизма шло по пути разработки таких объяснительных схем, которые формировались в своеобразном "диалоге" между "голосами" естественных и социальных наук.

Макросоциальный детерминизм

Наряду с теориями, стержнем которых служило причинное объяснение психики как творения природы, сложилось направление, ориентированное на изучение ее ускоренности в социальной жизни людей. Эти теории исходили из того, что своеобразие жизни радикально изменило общий строй психической организации людей, утвердив над ними власть совершенно особых детерминант, отличных и от физических раздражителей, и от нервных импульсов. В роли детерминант выступили столь же объективные, как эти раздражители, но порождаемые не природой, а самими взаимодействующими между собой людьми, формы их социального бытия, их культуры.

Философские идеи о социальной сущности человека, его связях с исторически развивающейся жизнью народа получили в XIX веке конкретно-научное воплощение в различных областях знания. Потребность филологии, этнографии, истории и других общественных дисциплин в том, чтобы определить факторы, от которых зависит формирование продуктов культуры, побудила обратиться к области психического. Это внесло новый момент в исследования психической деятельности и открыло перспективу для соотношения этих исследований с исторически развивающимся миром культуры. Начало этого направления связано с попытками немецких ученых приложить схему И.Ф. Гербарта к умственному развитию не отдельного индивида, а целого народа¹³⁷.

Реальный состав знания свидетельствовал о том, что культура каждого народа своеобразна. Это своеобразие было объяснено первичными психическими связями "духа народа", выражающегося в языке, мифах, обычаях, религии, народной поэзии. Возникает план создания специальной науки, объединяющей историко-филологическое исследование с психическими. Она получила наименование "психология народов". Первоначальный замысел был изложен в редакционной статье первого номера "Журнала сравнительного исследования языка" (1852); а через несколько лет гербартианцы Штейнталь и Лазарус начали издавать специальный журнал "Психология народов и языкознание" (первый том вышел в 1860 году, издание продолжалось до 1890 года).

В научный оборот пошли факты, которые не интересовали физиологическую психологию. Однако опора на гербартианскую концепцию "статики и динамики представлений", уходящую корнями в индивидуалистическую трактовку души, не могла объяснить, каким образом факторы культуры формируют психический склад народа.

Радикально иную позицию занял русский мыслитель А.А. Потебня. В своей книге "Мысль и язык" он, следуя принципу историзма, анализировал эволюцию умственных структур, которыми оперирует отдельный индивид, впитывающий эти структуры благодаря усвоению языка. Творцом языка является народ как "один мыслитель, один философ", распределяющий по разрядам плоды накопленного в ходе

¹³⁷ Параллельно этому направлению В.Вундт также, вслед за своей идеей экспериментальной психологии, выдвинул план разработки "психологии народов", написал на эту тему десять пространных томов.

истории общенационального опыта. Мыслящие на этом языке индивиды воспринимают действительность сквозь призму запечатленных в нем внутренних форм.

Потебня тем самым стал инициатором построения культурно-исторической психологии, черпающей информацию об интеллектуальном строе личности в объективных данных о прогрессе национального языка как органа, образующего мысль.

Вопрос о "духе народа", о национальном своеобразии его психологического склада рассматривался исходя из запечатленных в языке свидетельств исторической работы этого народа.

В России интерес к психологии народа был связан с особенностями социально-экономического развития страны, где особую остроту приобрела задача ее освобождения от крепостного рабства. В середине прошлого века широко развернулось изучение "народности русской", по словам Н.И. Надеждина, "до сих пор ни о чем подобном не было и помышления". О своей новаторской программе этнопсихологии Н.И. Надеждин писал: "Под именем "этнографии психической" я заключаю обозрение и исследование всех тех особенностей, коими в народах, более или менее, знаменуются проявления "духовной" стороны природы человеческой; то есть: умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и происходящее отсюда стремление к непрерывному самосовершенствованию; одним словом – все, что возвышает "человека" над животностью... Тут, следовательно, найдут себе законное место: народная в собственном смысле "психология", или разбор и оценка удельного достоинства народного ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях... Словом – разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не только как ему можется, но как сам хочет и как умеет". Нужно, чтобы была описана "жизнь и образованность общения, поколику развита народом из самого себя, религия, как народ ее себе придумал или присвоил"¹³⁸.

В Англии философ Г. Спенсер, придерживаясь учения французского социолога О. Конта о том, что общество является коллективным организмом, представил этот организм развивающимся не по законам разума, как полагал О. Конт, а по универсальному закону эволюции. Позитивизм Конта и Спенсера оказал влияние на широко развернувшееся изучение этнопсихологических особенностей так называемых нецивилизованных, или "первобытных", народов. В сочинениях самого Спенсера ("Принципы социологии") содержался подробный обзор религиозных представлений, обрядов, нравов, обычаев, семейных отношений и различных общественных учреждений этих народов. Что касается интерпретации фактов, то эволюционно-биологический подход к культуре оказался бесперспективным в плане как социально-историческом, так и психологическом.

Иным путем пошел французский социолог Э. Дюркгейм. В работах "Правила социологического метода" (1894), "Индивидуальные и коллективные представления" (1898) и других Дюркгейм исходил из того, что идеологические ("нравственные") факты – это своего рода "вещи", которые ведут самостоятельную жизнь, независимую от индивидуального ума. Они существуют в общественном сознании в виде

¹³⁸ Цит. по: Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983, с. 116.

"коллективных представлений", принудительно навязываемых индивидуальному уму.

Мысли Конта о первичности социальных феноменов, их несводимости к игре представлений внутри сознания отдельного человека развивались у Дюркгейма в программу социологических исследований, свободных от психологизма, заполонившего общественные науки филологию, этнографию, историю культуры. Ценная сторона программы Дюркгейма состояла в очищении от психологизма, в установке на позитивное изучение идеологических явлений и продуктов в различных общественно-исторических условиях. Под влиянием программы Дюркгейма развернулась работа в новом направлении, принесшая важные конкретно-научные плоды.

Однако эта программа страдала методологическими изъянами, что, естественно, не могло не сказаться и на частных исследованиях. Дюркгеймовские коллективные представления выступали в виде своего рода самостоятельного бытия, тогда как в действительности любые идеологические продукты тесно связаны с материальной жизнью общества. Что касается трактовки отношений социального факта к психологическому, то и здесь позиция Дюркгейма наряду с сильной стороной (отклонение попыток искать корни общественных явлений в индивидуальном сознании) имела и слабую. Это отметил французский исследователь Г. Тард, писавший, что под предлогом очищения социологии лишают ее всего ее психологического, живого содержания.

Дюркгейм, отвечая Тарду, указывал, что он вовсе не возражает против роли психологических механизмов (например, подражания), он считает, что они слишком общи и потому не могут дать ключ к содержательному объяснению коллективных представлений. Тем не менее, противопоставление индивидуальной жизни личности ее социальной детерминации, безусловно, оставалось коренным недостатком дюркгеймовской концепции.

Вместе с тем антипсихологизм Дюркгейма имел положительное значение для социологии. Он способствовал внедрению идеи первичности социального по отношению к индивидуальному, притом утверждаемой не умозрительно, а на почве тщательного описания конкретно-исторических явлений.

На всем историческом пробеге детерминизм полярен телеологии (целесообразность). Каждый его успех ознаменован ее отступлением. Телеологию живого детерминистски объяснило учение Дарвина. Телеологию психического образа и действия – учение Гельмгольца, а затем Сеченова. Что же касается телеологии сознания, то здесь она прочно удерживалась в силу самоочевидной способности человека поступать сообразно предваряющей его телесные и умственные акты цели.

Эта способность была объяснена с позиций детерминизма в философии марксизма. Трудовая деятельность, будучи изначально социальной и орудийной, сформировала особую систему общения реализующих ее индивидов. Притом иную систему, чем заданную биологической адаптацией, сообразно которой сложился прежний психический детерминизм. Труд предполагает внутренний план действий, их проектируемый результат в виде знаемой цели и средств ее достижения. Построенный субъектом, этот план становится причиной объективных событий. Идеальное творит материальное.

Задача заключалась в том, чтобы, не принимая сознание с его реальными ипостасями (способностью к целеполаганию, рефлексией, рациональным анализом ситуации, выбором оптимальной реакции на нее, предваряющей телесное действие, и т.п.) за непосредственно данное, которое, все объясняя, само в причинном объяснении не нуждается, вывести эти ипостаси из объективных, внешних по отношению к индивидуальному сознанию детерминант. Иначе говоря, утверждался целевой детерминизм.

С переходом от механической к биологической трактовке взаимодействия живых существ с природой на передний план выступило активное начало их поведения. Однако активность свелась к адаптации, к изменению действий организма в целях выживания в наличной среде, но не создания мира культуры. Этот мир социален, ибо возникает в системе общественных отношений, и сущность человека не что иное, как совокупность этих отношений.

Трудовое действие и познавательная активность представляют, согласно марксизму, единое целое. Обмен информацией между живыми существами – одно из важнейших проявлений активности их поведения.

Лишь анализ труда открывает качественное своеобразие человеческого общения, роль речи как особого орудия, опосредующего создание и использование орудий труда и становление на этой основе принципиально новых психологических структур.

В своей исходной форме общение представлено в непосредственном взаимодействии индивидов. В ходе исторического развития оно принимает все более сложные и опосредованные формы. И за пределами прямого контакта с другими индивидами человек действует как существо изначально социальное, то есть с необходимостью вовлеченное в систему общения.

Разъясняя характер марксистского понимания взаимоотношений человека и природы, Энгельс указывал: "Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу".¹³⁶ В ходе воздействия человека на вещество природы происходит двойной детерминационный эффект: изменяя природу, человек изменяется сам. Таким образом, перед нами, говоря современным языком, "обратная связь" – результаты действия изменяют состояние производящей его системы.

Эффект человеческого труда не ограничивается упражнением органов, более совершенной координацией движений и т.д. Он выражается в таком изменении внешней природы, которое приводит к появлению "предметного бытия промышленности", продуктов человеческой культуры. Создавая их, человек формирует присущие ему психические качества. Порождая творения, приобретающие объективную ценность, он тем самым порождает и самого себя. Это один процесс, а не два. Не "внешнее через внутреннее", а одновременное порождение и "внешнего" (в котором воплощены сущностные силы человека), и "внутреннего" (как сущностных сил,

немыслимых без объективации в независимых от индивидуального сознания предметах) таково диалектико-материалистическое понимание детерминации психики.

В российской психологии советского периода возникло направление, ключевую категорию которого обозначил термин "деятельность". Пионером ее разработки выступил М.Я. Басов, трактовавший человека как "деятеля в среде" и понимавший под деятельностью "предмет особого значения, такую область, которая имеет задачи, никакой другой областью знания неразрешимые". Он предложил "морфологию" деятельности, выделив компоненты ее структуры и проанализировав характер ее регуляции как зрелого. Эту теоретическую схему он применил к объяснению огромного эмпирического материала, почерпнутого им преимущественно в практике работ по развитию поведения ребенка.

М.Я. Басов пригласил в руководимый им научный центр философа С.Л. Рубинштейна, труды которого сыграли решающую роль в том, что в советской психологии утвердился в качестве доминирующего принцип "единства сознания и деятельности". Отталкиваясь от представлений Басова по поводу "морфологии" (строения) деятельности, А.Н. Леонтьев разработал новаторский "деятельностный подход", предложив концепцию предметной деятельности, между внешним и внутренним (представленным в сознании) строением которой утверждаются детерминационные отношения. Тем самым заданные общественным характером труда факторы выступали в роли детерминант психической организации личности и ее развития (как в филогенезе, так и в онтогенезе). В ином ключе марксистское объяснение детерминации психики было воспринято и развито Л.С. Выготским. Макросоциальные факторы выступили у него не в форме трудовой деятельности по освоению объектов природы, а в образе общения, опосредствованного знаками, значениями и другими ценностями культуры. Поскольку общение является изначально межличностным, то, отграничив социальное (в виде понятий о производственных отношениях, классовой борьбе и других постулатах аксиоматики марксизма) от духовно-культурных основ человеческого бытия Выготский в своем конкретно-научном изучении психики сомкнул макросоциальный уровень ее детерминации с микросоциальным (см. ниже).

Макросоциальный детерминизм утверждался в острой полемике с концепцией "двух психологий", выдвинутой в конце прошлого века немецким философом В. Дильтеем.

Эта концепция сосредоточилась на проблеме зависимости высших проявлений человеческой психики от ценностей духовной культуры.

Детерминация ценностями культуры, как сказано, не идентична другим "измерениям" микросоциальной детерминации. Конечно, и культура является общественно-историческим феноменом. Однако ее духовные формы (ценности) направляют ход психической жизни личности по особому типу. Это и дало повод Дильтею противопоставить психологию, следующую принципу каузального (причинного) объяснения, другой психологии, которую он назвал описательной.

Описание противопоставлялось объяснению, построению гипотез о механизмах внутренней жизни; расчленение – конструированию схем из ограниченного числа однозначно определяемых элементов.

Взамен психических "атомов" новое направление предлагало изучать нераздельные, внутренние связанные структуры, на место механического движения поставить целесообразное развитие. Так Дильтей подчеркивал специфику душевных проявлений. Как целостность, так и целесообразность вовсе не были нововведением, появившимся впервые благодаря описательной психологии. С обоими признаками мы сталкивались неоднократно в различных системах, стремившихся уловить своеобразие психических процессов сравнительно с физическими. Новой в концепции Дильтея явилась попытка вывести эти признаки не из органической, а из исторической жизни, из той чисто человеческой формы жизнедеятельности, которую отличает воплощение переживаний в творениях культуры.

В центр человеческой истории ставилось переживание. Оно выступало не в виде элемента сознания в его традиционно-индивидуалистической трактовке (сознание как вмещилище непосредственно данных субъекту феноменов), а в виде внутренней связи, неотделимой от ее воплощения в духовном, надындивидуальном продукте. Тем самым индивидуальное сознание соотносилось с миром социально-исторических ценностей. Уникальный характер объекта исследований обуславливает, по Дильтею, уникальность его метода. Им служит не объяснение явлений в принятом натуралистами смысле, а их понимание, постижение. "Природу мы объясняем, душевную жизнь постигаем". Психология поэтому должна стать "понимающей" наукой.

Критикуя "объяснительную психологию", Дильтей объявил понятие о причинной связи вообще неприменимым к области психического (и исторического): здесь в принципе невозможно предсказать, что последует за достигнутым состоянием. Путь, на который он встал, неизбежно повел в сторону от магистральной линии психологического прогресса, в тупик феноменологии и иррационализма. Союз психологии с науками о природе разрывался, а ее союз с науками об обществе не мог быть утвержден, поскольку и эти науки нуждались в причинном, а не в телеологическом объяснении явлений.

Просчет Дильтея, как свидетельствует исторический опыт, был обусловлен тем, что для него детерминистское объяснение не имело другого смысла, кроме выработанного механикой.

Между тем уже успехи биологии, благодаря дарвиновским, бернаровским и гальтоновским идеям и революционным естественнонаучным достижениям, открыли особую форму дерминации, обнажив факторы, придающие нефиктивную целесообразность явлениям жизни, качественно отличным по типу детерминации от причинности в неорганическом мире. Марксистская мысль сделала следующий важный виток. Обратившись к такому могучему фактору взаимодействия человека с миром, каковым является труд, эта мысль обнажила корни целесообразности, изначально присущей существам, которых социальное бытие одарило сознанием.

Переход к еще одной форме детерминационной зависимости определило родство человека со сферой культуры. Оно преобразовало индивида в личность. Ее поведение отныне стало не только целесообразным, но и ценностнообразным. В мироздании родился еще один тип детерминации самых высших способов жизнетворчества человека, созданных его культурной родословной.

Изучение макросоциальной детерминации человеческой психики закрепились в категориальном аппарате. Оно радикально преобразовало его прежние блоки и ввело новые. Если на первых порах успехи в развитии принципа психического детерминизма определило изучение укорененности психики в процессах биосферы, то устремленность научной мысли к высшему, человеческому уровню психической жизни вывела на путь познания ее вовлеченности в создание ноосферы.

Микросоциальный детерминизм

К этому межличностному уровню детерминационных отношений обращались многие психологические школы. З. Фрейд искал источник психических травм в общении ребенка с родителями. Лидер последнего варианта бихевиоризма Б. Скиннер объяснял вербальное поведение подкреплением речевых реакций со стороны собеседника. К. Левин ставил "локомоции" отдельного лица в зависимости от "социального поля".

Групповое действие и сотрудничество вошли в психологию в качестве новых детерминант. Это привело к новым поворотам в развитии идеологии психического детерминизма. За исходное принимается социальный опыт, общение, объективное взаимодействие индивидов, эффектом которого становится его субъективная проекция. Такой взгляд стал отправным для новой формы психического детерминизма как механизма преобразования социальных отношений и действий во внутриспсихические.

Первый проект такого механизма наметил И.М. Сеченов. Главную преграду на пути объяснения психики с позиций детерминизма он усматривал в противопоставлении произвольных действий произвольным, за источник которых принимался в качестве первопричины волевой импульс. Сеченов рассчитывал преодолеть эту преграду, используя генетический метод.

Силы, движущие ребенком, даны в независимой от его сознания системе отношений.

К этим силам относятся "чужие голоса" – управляющие его действиями команды других лиц. Постепенно эквивалентом "приказывающей матери или няньки" становится образ "Я", обладающий собственным голосом. За индивидуальной волей и индивидуальным сознанием скрыта интериоризированная субъектом полифония чужих голосов и команд, то есть система микросоциальных отношений.

В сходном плане объясняли генезис сознания и воли Жане, Пиаже, Выготский. В поисках детерминант этих высших психических проявлений они обращались к групповому действию и общению.

По аналогии с орудиями труда, направленными на внешние объекты, Выготский вводит понятие о знаках как психологических орудиях. Они опосредуют внимание, память, мышление и другие функции, которые появляются сперва в общении между людьми, а затем становятся внутриспсихическими. С различных сторон в категориальный аппарат психологии внедрялась применительно к детерминистскому объяснению человеческого сознания категория отношений, как бы подтверждая положение Маркса о том, что "мое сознание есть мое отношение к среде", прежде

всего к социальной. Наметившийся у Выготского постулат о том, что это отношение опосредовано знаками, придало разработке психического детерминизма новое измерение. Если до него в объяснительных схемах доминировало диадическое отношение: социальное – индивидуально, то при обращении к знаковым системам, в которых воплощены системы смыслов и значений, оперирование ими (сперва во внешнем, затем во внутреннем диалоге) включало сознание в еще один (вслед за общением) объективный, независимый от сознания круг явлений, а именно в мир культуры.

Существуя на собственных основаниях и исторически изменяясь по собственным законам, он с колыбели определяет психический строй человеческой жизни. Специфика ориентации на культурные ценности, перед которой были бессильны прежние формы психического детерминизма, дала основание утверждать, будто эти ориентации в принципе не подвластны причинному объяснению и адекватно постижимы лишь телеологической мыслью с ее методами интуитивного прозрения.

Такова была точка зрения В. Дильтея и его последователей. В полемике с ними Выготский обратился к центральному понятию этого направления – понятию о переживании с тем, чтобы придать ему признаки, открывающие перспективу его анализа с позиций детерминизма. Концепция переживания приобрела у Выготского "гибридный" характер. Подобно тому, как в значении слова нераздельны мышление (оно представляет психический мир) и речь (социальный, реализуемый в знаковых системах процесс), в переживании нераздельны особенности личности и социальная среда, преломленная сквозь эти особенности. При этом сама среда мыслилась как остросюжетная драма, означающая столкновение, противодействие, конфликт характеров.

Не безличностные внешние обстоятельства, а имеющая свой "сценарий" динамическая система взаимоотношений и поступков действующих лиц – такова социальная "среда", в которой формируется личность как один из героев этой драмы. Здесь в драматизме общения прорисовывается иной уровень психического детерминизма, чем при "обмене" знаками, передаче информации и т.п.

Итак, психический детерминизм представлен в нескольких формах. Образ, действие и мотив служат детерминантами поведения всех живых существ, радикально меняя свой строй с переходом к человеку. Его социальное бытие порождает новый тип организации психической жизни, у которой появляется внутренний план, обозначаемый термином "сознание".

Зарождение и развитие сознания изменило общий характер детерминации жизнедеятельности человека в отличие от других живых существ. Это сопрягалось со способностью к рефлексии, к самоотчету субъекта о непосредственно испытываемых им психических состояниях. При выделении психологии в самостоятельную науку за исходный пункт была принята именно эта способность, придававшая первым пробам построения новой дисциплины уверенность в том, что от всех остальных наук ее отличает интроспекция. С прогрессом познания были открыты новые способы детерминистского объяснения психики. Наряду с ее репрезентацией в индивидуальном сознании обнаружились движущие им могучие несознаваемые силы.

Можно отметить два направления действия этих сил. Соответственно, следует ограничить: бессознательный вектор психической активности, тяготеющий к биосферным факторам (и своеобразно преломляющийся в когнитивно-мотивационных "полях" индивидуального сознания), и ее надсознательный уровень, когда индивидуальное сознание подвижно и преобразуемо устремленностью к еще не укоренившимся в его ткани (и потому "непрозрачным" для рефлексии субъекта) ноосферным ценностям и смыслам.

Выделяя принцип детерминизма в качестве осевого для категориального аппарата, следует иметь в виду, что его обособление от других осей предпринято в аналитических целях. В реальной работе научной мысли детерминизм неотделим от принципов системности и развития.

Глава 13. ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ

Системность – объяснительный принцип научного познания, требующий исследовать явления в их зависимости от внутренне связанного целого, которое они образуют, приобретая благодаря этому присущие целому новые свойства.

За видимой простотой афоризма, гласящего, что "целое больше своих частей", скрыт широкий спектр вопросов, как философских, так и конкретно-научных. Ответы на них побуждают выяснить, по каким критериям и на каких началах из великого множества явлений обособляется особая категория объектов, приобретающих значение и характер системных.

Внутреннее строение этих объектов описывается в таких понятиях, как элемент, связь, структура, функция, организация, управление, саморегуляция, стабильность, развитие, открытость, активность, среда и др.

Идея системности имеет многовековую историю познания. Словосочетания "Солнечная система" или "нервная система" давно вошли в повседневный язык. От древних представлений о космосе как упорядоченном и гармоничном целом (в отличие от хаоса) до современного триумфа систем типа человек-компьютер и трагедий, порождаемых деградацией экосистем, человеческая мысль следует принципу системности.

Системный подход как методологический регулятив не был "изобретен" философами. Он направлял исследовательскую практику (включая лабораторную, экспериментальную работу) реально, прежде чем был теоретически осмыслен. Сами естествоиспытатели выделяли его в качестве одного из тех рабочих принципов науки, оперируя которыми можно обнаружить новые феномены, прийти к важным открытиям. Так, например, американский физиолог Уолтер Кеннон считал синонимом системности принцип гомеостаза как динамического постоянства состава и свойств системы, ее стремление к сохранению стабильного состояния вопреки действию факторов, которые его нарушают. Рабочий смысл этого принципа в том, что, руководствуясь им, исследователь в любом компоненте и отпавлении системы усматривает одно из приспособлений, решающее главную задачу – удерживать ее в равновесии.

Такой общий взгляд позволяет делать подлинные открытия. Под открытием при этом следует иметь в виду не только частный феномен (например, открытие адреналина как секрета надпочечников или торможения мышечной активности при раздражении определенных нервов или нервных центров). Это скорее предоткрытие, поскольку не выявлена роль установленных фактов в "телесной экономии". Только ответив на вопрос, в чем смысл выброса адреналина или торможения деятельности мышцы, можно говорить о подлинном открытии. Ответ же способен дать общий системный подход. Он, позволяя объяснить факты, обнаруживаемые на чисто эмпирическом уровне, имеет и прогностическую ценность, направляя на поиск еще неизвестных регуляторов, незримо действующих в системе для обеспечения устойчивости.

Из исследований биологического гомеостаза Кеннон вывел "общие принципы организаций", действительные для любых "сложных объединений" (систем в отличие от "не-систем"): дифференциация и интеграция функций "сотрудничающих частей" с целью решения общей для всей системы задачи; согласование внешних и внутренних отношений; саморегуляция, обеспечиваемая своевременным поступлением сигналов об отклонениях от "средней позиции" и принятого курса с последующим включением механизмов, которые восстанавливают стабильность, и др.

Принцип системности в образе гомеостаза оказался весьма продуктивным не только в физиологии, но и в других науках: в учении о биоценозах (совокупности живых организмов, населяющих данный участок суши или водоема), генетике, кибернетике, социологии и психологии. Принцип системности не исчерпывается гомеостазом, хотя и служит одним из его важных, эвристически сильных воплощений. Психическая организация – это системный объект, живущий сам по себе, независимо от его познанности. В многовековой эволюции научной мысли возникали различные теоретические конструкции, объясняющие, как эта организация устроена, из каких частей состоит, как они между собой связаны, как сопряжение работают и т.д.

От научной мысли требуется, чтобы это знание было выстроено по определенной логике и его различные фрагменты складывались в целостную картину, удовлетворяющую принципу системности. Не все концепции выдерживают испытание этим критерием, поэтому для выяснения специфики знаний, адекватных принципу системности, следует сопоставить их с несколькими типами "несистемных" теорий.

Таких типов пять: холизм, элементаризм, эклектизм, редукционизм, внешний методологизм.

Холизм

Холизм (от греч. *holos* – целый, весь) абсолютизирует фактор целостности, принимая ее как первичное, ни из чего не выводимое начало. В психологии подобное начало выступало в представлениях о душе, сознании, личности.

Сознание или личность действительно являются целостностями, но системными, поэтому их изучение предполагает специальный анализ обозначаемой этими терминами области явлений, ее многомерного строения, уровней ее организации, отношений с природной и социальной средой, механизмов сохранения целостности и т.д. Только тогда открывается перспектива построения теории, воспроизводящей свойства и функции сознания и личности как системных объектов.

Таким путем и развивалось научное знание, разрушая версии о глобальных психических первоначалах (душа, "Я" и др.), которые, все объясняя, утверждались в ранге сущностей, в объяснении не нуждавшихся.

Элементаризм

Система строится из элементов, которые, взаимодействуя между собой, приобретают новое качество как части целого и утрачивают его, выпадая из этого целого. Подобно тому, как холизм абсолютизирует целостность, усматривая ее основания и действующие причины в ней самой, элементаризм оставляет без внимания интегральность системы, полагая каждый из ее компонентов самодостаточной величиной. Ее связи с другими такими же величинами мыслятся по типу соединения, входя в которое, они существенных преобразований не испытывают. В психологии подобный стиль мышления, ориентированный на физический, точнее, механический способ объяснения природы, согласно которому она сводится к взаимодействию неделимых частиц, привел к попыткам найти неделимые элементы в запутанной "материи" сознания.

В концепциях, ориентированных на сенсуализм (от лат. *sensus* чувство, ощущение), за первоэлементы психической жизни, из которых складывается все ее многообразие, принимались ощущения и простейшие чувствования.

В период становления психологии как отдельной научной дисциплины ее строители предложили программу выявления с помощью эксперимента сенсорных "атомов", из которых выстраивается структура сознания. Это направление (представленное в работах Вундта, Титченера, Маха и др.) известно под именем структурализма.

В различных ответвлениях элементаризма вычленялись другие психические "атомы" – акты, функции, реакции. Неудовлетворенность этими вариантами породила дискуссии, стимулировавшие разработку концепций, либо вообще отвергавших структурную организацию душевной жизни (образ "потока сознания" у

Джемса), либо предлагавших начинать ее изучение с первичных целостностей (например, гештальтов в гештальтпсихологии).

Эклектизм

Другим антиподом системности является эклектизм (от греч. *eklektikos* – выбирающий) как соединение разнородных, лишенных внутренней связи, порой несовместимых друг с другом идей и положений, подмена одних логических оснований другими. Так, приступив к разработке своей теории физиологической психологии, Вундт исходил из того, что первичным материалом сознания служат сенсорные образы, соединяемые посредством ассоциаций. Но затем, видя ограниченность этой схемы, он ввел в качестве "верховного" организатора процессов сознания особую волевою силу – апперцепцию. Несовместимость этих двух способов объяснения очевидна. Джемс жаловался, что создание Вундта напоминает ему червяка, которого можно разрезать на части и каждая из них будет ползать сама по себе.

Знания об организме, индивиде, личности, обществе собираются на различных участках неравномерно движущегося фронта научных исследований. На каждом участке – свои результаты прорывов в непознанное, свой язык. Вместе с тем возникает реальная потребность в том, чтобы собрать воедино известное о различных параметрах объектов, являющихся целостностями. Очевидно, что такой, например, объект, как человек, является целостностью.

Потребность объяснить эту целостность, при скудости методологических средств, порождает эклектические комбинации. Такова, например, рефлексология В.М. Бехтерева. Ее традиции определили когнитивный стиль его учеников и учеников этих учеников в психологии. Их эклектизм прикрывал prospect комплексного изучения человека как многофакторной и развивающейся системы.

Редукционизм

Еще одной установкой, противостоящей принципу системности в психологии, является редукционизм (от лат. *reductio* – отодвигание назад), который сводил либо целое к частям, либо сложные явления к простым. Сведение, например, сложной организованной деятельности к более простому отношению "стимул – реакция" или к условному рефлексу препятствует системному объяснению этой целостности. Опасность несовместимой с принципом системности редукционистской установки особенно велика в психологии в силу своеобразия ее явлений, "пограничных" по отношению к биологическим и социальным.

Предпринимались попытки свести, например, такую умственную операцию, как обобщение, к генерализации нервного процесса в коре больших полушарий (физиологический редукционизм) или свести личность к совокупности общественных отношений (социологический редукционизм), а познавательную активность описать как прием и переработку информации (кибернетический редукционизм).

Обращение к физиологии, социологии, кибернетике обогатило аппарат собственных психологических понятий благодаря преимуществам междисциплинарных контактов, которые, однако, эффективны лишь тогда, когда они не ведут к "истреблению" этих понятий.

Организм – это биологическая система, общество – социальная. С ними взаимосвязана психологическая система, имеющая свой строй и закономерности преобразования. С целью отграничить ее от других систем Н.Н. Ланге в свое время предложил назвать эту систему психосферой. "Общение" систем продуктивно только в "диалоге", где каждая говорит собственным, а не чужим голосом.

Внешний методологизм

Л.С. Выготский писал, что "есть два типа научных систем по отношению к методологическому хребту, поддерживающему их. Методология всегда подобна костяку, скелету в организме животного. Простейшие животные, как улитка и черепаха, носят свой скелет снаружи и их, как устриц, можно отделить от костяка, они остаются малодифференцированной мякотью; высшие животные носят скелет внутри и делают его внутренней опорой, костью каждого своего движения"¹³⁹. Высшая методология управляет работой каждого элемента "организма" науки, каждым движением мысли по добыванию и объяснению фактов. Вместе с тем имеются методологии, выполняющие не рабочую, а защитную функцию (подобную той, которую в приведенной метафоре играет панцирь черепахи).

Таковой по отношению к российской психологии советского периода служила философия диалектического материализма. Она являлась, притом порой апеллируя к принципу системности, методологическим прикрытием процесса производства знаний, который шел своим ходом без реального конструктивного участия в нем закостенелого, чрезвычайно прочного внешнего прикрытия, неспособного управлять внутри научным поиском. Лишившись этого прикрытия, советская психология оказалась (если следовать избранной метафоре) "малодифференцированной мякотью", массой представлений и фактов, не имеющей истинно системной организации.

Рассмотрев пять типов несистемных теорий, обратимся к концепциям, которые, реализуя принцип системности, обусловили прогресс психологического знания. Они возникали на историческом пути психологии в полемике с "несистемными" представлениями.

Зарождение системного понимания психики

Первым в истории научной мысли, в том числе психологической, принцип системности утвердил Аристотель. Как уже отмечалось, он прошел школу Платона, где душа представлялась внешней по отношению к телу сущностью, распадающейся на части, каждая из которых находится в одном из органов тела (разум – в голове, мужество – в груди, вождение – в печени). В то же время Платон отстаивал по-

¹³⁹ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1982, с. 352.

ложение о том, что в мире царит целесообразность. Вещи природы стремятся подражать нетленным идеям. К этим идеям в тоске тянутся несовершенные человеческие представления.

В учении Платона роль цели была мифологизирована. Но эта роль не является фиктивной. Сознание человека изначально ориентировано на цели. Это свойство Платон придал всей действительности, где, по его убеждению, властвуют не причины, как прежде полагали философы, а цели. Обращение к категории цели подготовило разработку Аристотелем принципа системности.

Вместе с тем Аристотель учился не только по "устным текстам" Платона, но и по книгам ненавистного Платону Демокрита, считавшего, что главное в познании – это поиск причинных объяснений. Но ни телеология Платона, ни причинность Демокрита не позволяли трактовать организм как систему. Оба философа представляли душу внешней по отношению к организму сущностью.

Для Демокрита душа – это легкие и шарообразные атомы огня, одна из разновидностей вещества среди других. Физический закон рассеяния применим и к телу, и к душе, которая ведь также является телесной. Поэтому Демокрит отверг бессмертие души. В мировоззренческом плане эта идея подрывала религиозно-мифологические представления. Но в плане естественнонаучном она служила барьером к объяснению реальных системных особенностей живого организма. Этот барьер перешагнул Аристотель. Он не смог бы выстроить свою теорию, не будь предшествующей "дуэли" между Платоном и Демокритом. Она сделала очевидным, что нельзя объяснить организм как систему, исходя из прежних воззрений на душу и тело, на причину и цель. Учтя опыт этой "дуэли" и обобщив достижения античной науки, Аристотель разработал системную концепцию.

Она предполагала, что живое тело имеет физический состав (содержит те же элементы, из которых состоит неорганическая природа), но в ней действие этих элементов совершается в определенных границах и по особым внутренним принципам, установленным его организацией как целым, от которого зависит взаимодействие частей. Тело прекращает свое существование не из-за исчезновения одного из элементов (атомов огня, как учил Демокрит), но по причине распада его системной организации. Это организованное целое и есть, согласно Аристотелю, душа как "форма естественного тела, потенциально одаренного жизнью".

Следует подчеркнуть, что основанием утвержденного Аристотелем принципа системности применительно к психике служило переосмысление широкой "сетки" всеобщих категорий познания (часть – целое, средство – цель, возможность – действительность, структура – функция, содержание – форма, внутреннее – внешнее). Они являются философскими, методологическими, но от них зависит реализация принципа системности в конкретных науках, в том числе в психологии.

Формула Аристотеля, согласно которой душа – это операция, деятельность, функция тела, но не самостоятельное тело среди других, была в последующие века истолкована его интерпретаторами с акцентом на аристотелевском выводе о том, что "душа не является телом". Между тем единственный смысл этого тезиса за-

ключается в том, что душа, хотя и не может существовать без тела, но не идентична ни отдельным образующим тело вещественным элементам, ни их смешению.

Категория организма складывалась в аристотелевском мышлении под воздействием потребности охватить в целостной схеме как предчеловеческие, так и человеческие формы. Но именно последние представляли собой камень преткновения: поведение человека регулируется качественно иным образом, чем поведение животного. Это побудило Аристотеля ввести такую детерминанту, как "продукты" сверхиндивидуального разума (нуса), исходящие из нематериальной сферы, но оказывающие воздействие на ход телесных процессов.

Эти "продукты" суть нечто "внешнее" по отношению к органическому телу, которому, по Аристотелю, присущ и свой внутренний двигатель. Когда из желудка вырастает дуб, из одной зародышевой клетки – человек, из другой – слон, то объяснить различие в этих процессах развития только усвоением внешнего питательного материала невозможно.

До понятия о генетической программе оставалось два с лишним тысячелетия, но принцип направленной реализации (энергейя) присущего организму потенциала (динамис) четко сформулирован и выражен в понятии об энтелехии как цели, которая "движет изнутри". Именно этот термин стал трактоваться как главный показатель виталистического стиля биологии Аристотеля.

Следует, однако, различать две ипостаси (энтелехии), отражающие общий подход Аристотеля к организму. Уже отмечалось его стремление постичь организм как целое, включающее все живое – растительное, животное, человеческое. Отсюда возникла и опасность редукции "сверху вниз" – распространения на элементарное тех способов поведения, которые присущи высшему и сложному. Так произошло и с энтелехией. В этом термине соединились два значения: "программно-генетическое", указывающее на направленность биологического развития, и "мотивационно-целеобразовательное", характерное только для человека. Примером второго (пример Аристотеля) служит творчество скульптора, преобразующего кусок мрамора соответственно замыслу, который движет телесными действиями этого скульптора. Различий между реализацией генетической программы и программы социальной Аристотель не проводил. Обе объединялись термином "энтелехия". И поскольку целенаправленность человеческого поведения известна каждому из его сознательного опыта, а о генетической "развертке" организма никакого позитивного знания не было, телеология живого представлялась по образу и подобию разумного целеполагания. Это и стало опорой последующего витализма.

Воспроизводя своеобразие биологических объектов, Аристотель трактует организм как систему. Она целостна, устойчива, активна, целеустремленна. В отличие от постоянно подверженных "энтропии" (сравните Демокритово "рассеяние" атомов) физических объектов система организма стремится сохранить свою организацию. Будучи неотделима от внешнего, она активно противостоит ему и "поглощает" его порциями в соответствии с присущим ей устройством. В этом мы видим зачатки концепции гомеостаза, согласно которой организм удерживает свои процессы на стабильном уровне вопреки возмущающим внешним воздействиям.

Вместе с тем устойчивость живого сопряжена с его изменением, развитием, движущую силу которого Аристотель усматривал в самом телесном субстрате, в стремлении организма к "потребному будущему", к переформированной цели, заранее определяющей ход текущих событий. Учение Аристотеля запечатлело первую фазу научного понимания системности, гомеостаза и активности организма, ставшую исходной для последующих исканий и решений.

После Аристотеля достигнутый им синтез был утрачен. Его место на столетия заняли два подхода: либо дуалистический (сопряженный с религиозным мировоззрением), разъявший душу и тело, либо редукционистский, который, возвращая к доаристотелевским взглядам, рассматривал душу (психику) как разновидность материи, вещества.

Машина как образ системности

В XVII веке с появлением новой картины мира, покончившей с прежними аристотелевскими "формами" и "сущностями", представившей все зримое мироздание движущимся по законам механики, зарождается новый тип системного объяснения организма и его психических проявлений – восприятия, памяти, аффекта, движения. Образцом такого объяснения стала модель Декарта, в которой организм был представлен как машинообразно работающее устройство.

Подобно тому как Аристотель развивал системные идеи в противовес "несистемным" атомистическим воззрениям Демокрита, Декарт, разрабатывая свою системную модель, отграничил объяснение ее действий от "несистемного", хотя и строго причинного объяснения хода вещей в неорганическом мире. В отличие от христианского мировоззрения создавалась новая картина природы, любой объект которой, включая человеческое тело, рисовался движущимся по непреложным законам механики.

Если для Аристотеля примером целесообразного действия служила работа скульптора, воплощающего свой замысел в куске мрамора, то для Декарта – работа техника, создающего машину, способную затем действовать независимо от этого техника в автоматическом режиме, соответственно присущей ей "диспозиции органов".

Разные социально-исторические эпохи сформировали различные основания для системного стиля мышления. Этот стиль и определил характер объяснения психических форм жизни. В творчестве Декарта он привел к открытию рефлекторной природы поведения, что стало эпохальным событием как для физиологии, так и для психологии.

Конкретные представления Декарта о механизме рефлекса являлись фантастическими. Но принципиальная схема этого механизма стала на два века основополагающей для нескольких поколений исследователей головного мозга и его функций, в том числе психических.

Согласно Декарту, природа и сознание – это два предельных основания бытия, две субстанции, которые "пересекаются" в человеческом организме в "шишковидной

железе" (имелся в виду эпифиз). Если ограничиться этой версией Декарта (породившей концепцию так называемого психофизического взаимодействия), останутся не выявленными два его важнейших нововведения. Они содержались в теории организма, отделявшей от субстанции материи особый круг явлений, механика которых в виде "трубок и причин" качественно отличалась от механического движения любых других природных объектов. От мыслящей же субстанции эта теория отделяла другой круг явлений, качественно отличных от "чистых" мыслей, поскольку эти явления (Декарт обозначил их словом "страсти", то есть страдательные состояния души) порождаются "машиной тела".

Один круг накладывается на другой. Тем самым системная трактовка организма позволяла системно представить также и элементарные психические функции без обращения к душе как их организатору и регулятору.

Эти глубинные радикальные сдвиги в самом способе изображения отношений между телесным и психическим, реализующие принцип системности, оставались в тени, поскольку в философском манифесте Декарта декларировалась изначальная гетерогенность протяженной материи и непротяженного сознания. На этом манифесте и сосредоточились оценки его антиаристотелевского поворота, приведшего к идее о психофизическом взаимодействии (тогда как согласно Аристотелю между душой и телом не может быть взаимодействия, ибо душа не отдельная сущность, а форма тела, способ его организации).

В противовес традиционной оценке Декарта как родоначальника бескомпромиссно дуалистического направления мысли в психологии нового времени следует подчеркнуть, что именно Декартом в эту эпоху была предпринята попытка сомкнуть психическое и физическое, исходя из принципа системности. Этим не отрицается дуализм Декартовой философии. Но он выступал на другом уровне, а именно когда речь шла о сознании как непосредственном знании субъекта о своих личных мыслях и желаниях.

Душа – согласно Декарту – имеет двойную детерминацию: наряду с активными, деятельными состояниями у нее имеются "страдательные" (страсти или аффекты), которые порождаются воздействием внешних физических причин на телесную (физическую) организацию. "Страстями можно вообще назвать все виды восприятий или знаний, встречающихся у нас, потому что часто не сама душа наша делает их такими, какими они являются, а получает их всегда от вещей, представляемых ими".

Мысля природу как протяженную, бесконечную делимую материю, вихреобразно движущуюся вокруг Солнца по физико-математическим законам, Декарт ориентировался на другой объяснительный принцип, когда речь шла о "живой машине".

В определенном смысле Декарт столкнулся с той же трудностью, что и Аристотель, знакомый с причинным объяснением взаимодействия элементов природы, предложенным Демокритом. Для изучения живых систем с присущими им целостностью, упорядоченностью, организацией, целесообразностью и др. атомистическая гипотеза была непригодна. Столь же непригодной в этом плане являлась и картезианская концепция о вихреобразном движении материальных частиц.

С ее помощью анатомо-физиологическое знание не могло быть продвинуто ни на йоту. Вместе с тем отказаться от указанной концепции значило бы разъять природу на лишённые внутренней связи сферы. Выход, найденный Декартом, состоял в том, чтобы "загнать" движущиеся по собственным законам физические "вихри" (в виде огнеподобных частиц, названных "животными духами") в телесную конструкцию, которая, в свою очередь, работает на собственных, иных, чем в "чистой" физике, началах.

Тем самым разграничились две категории материальных тел и намечалась перспектива объяснения процессов в организме (в том числе и психических), исходя из постулата об их подчиненности объективным (стало быть, независимым от сознания) принципам системной организации.

Указанное разграничение двух категорий тел позволяло объяснять жизненные явления материальными причинами, не впадая в "грех" редукционизма (сводящего эти явления к физико-химическим). Как заметил М. Полани, "это может показаться невероятным, но это факт, что в течение трехсот лет писатели, которые оспаривали возможность объяснить жизнь, исходя из физики и химии, оперировали в качестве аргумента тем, что живые тела не ведут себя машинообразно, вместо того, чтобы указать, что само по себе наличие у живых существ машинообразных функций доказывает, что жизнь не может быть объяснена в терминах физики и химии". Машинообразность в данном контексте – синоним системности. Модель "организма-машины" с новых позиций объясняла ряд свойств живого тела: системность (машина – это устройство, имеющее структуру, которая предполагает согласованное взаимодействие образующих ее компонентов, необходимых и достаточных для успешного функционирования), целостность (ответная реакция на раздражитель производится всей "машиной тела"), целесообразность (в машине она предусмотрена конструктором, в "живой машине" выражена в полезной службе на благо целого). Однако такие решающие признаки поведения организма, как его активность, изменчивость с целью адаптации к новым обстоятельствам, его развитие, чужды миру механических систем (автоматов).

Научная мысль стала изучать эти признаки с разработкой новых воззрений на системность в XIX веке. Первая половина этого века ознаменовалась крупными успехами в изучении строения и функций нервной системы. Важнейшим открытием явилось установление различий между сенсорными (чувствительными) и моторными (двигательными) нервами, переход возбуждения первых (посредством центров спинного мозга) в ответную реакцию вторых. Переход был истолкован как отражение, и потому, соответственно латинскому обозначению этого феномена, назван рефлексом (от лат. *reflexus* – отражение). Он был наглядно представлен в образе рефлекторной дуги, имеющей "два плеча". Казалось, умозрительные прозрения Декарта, касающиеся механизма мышечных действий, вызванных отражением мозгом внешних толчков, воспринимаемых органами чувств, получили надежное подтверждение в опытах физиологов и врачей,

Между тем их скальпелем, рассекающим различные части нервной системы, руководило такое воззрение на изучаемый объект, которое ориентировалось на "анатомическое начало". Оно предполагало, что каждая функция организма имеет от-

личный от других анатомический субстрат. Определенный круг реакций объяснялся тем, что внешний импульс запускает в ход нервный механизм, приводящий в движение мышцу.

Эта теория рефлекса была с энтузиазмом встречена в медицинских кругах. Она открывала новые перспективы в диагностике нервных болезней.

Вскоре обнаружилась ее уязвимость в нескольких отношениях. Рефлекс считался автоматической реакцией, осуществляемой спинным мозгом, тогда как головной мозг наделялся спонтанно действующей "поту сторону" рефлекторного механизма психикой (сознанием и волей).

Дуалистическая картина нервной деятельности получала в этой анатомической схеме предельно четкое выражение. Сама деятельность мыслилась как "пучок" независимых друг от друга рефлекторных дуг, то есть лишалась системного объяснения. Слабость концепции рефлекторной дуги обнажала также ее неспособность объяснить адаптивный характер поведения даже на уровне обезглавленной амфибии с сохраненным спинным мозгом. Так, обезглавленная лягушка изменяла свое поведение в зависимости от внешних условий, в которые ее помещал экспериментатор (ползала, плавала и т.п.), то есть не являлась рефлекторным автоматом. Эта способность организма различать условия и регулировать соответственно им свои ответные действия требовала пересмотреть прежнюю "несистемную" схему рефлекторной дуги. В физиологии намечаются новые подходы к соотношению спинного и головного мозга, рефлекса и психики. В середине прошлого века в биологических науках назревал крутой поворот.

Система "организм – среда"

Коренным образом меняется весь строй представлений об организме, его эволюции, саморегуляции и взаимоотношениях с внешней средой. Складывается новый системный стиль мышления, в утверждении которого выдающуюся роль сыграли четыре естествоиспытателя Ч. Дарвин, К. Бернар, Г. Гельмгольц и И.М. Сеченов.

В физиологии новые учения сложились в противовес двум направлениям: ориентации на "анатомическое начало" и физико-химической школе. Оба направления внесли важный вклад в становление научных знаний об организме. Опора на анатомию позволила выяснить зависимость функций от субстрата. Что касается физико-химической школы, то она возникла в атмосфере энтузиазма, вызванного открытием закона сохранения и превращения энергии. В силу этого закона организм включался в общий круговорот физико-химических веществ и процессов в природе.

Это нанесло сокрушительный удар по витализму, считавшему живое тело управляемым сверхприродными агентами. Но трактовка организма как энергетической машины столь же мало была способна объяснить системную сущность жизни, как и опора на его анатомическое устройство.

Ни одно, ни другое направление не могли объяснить специфики биологического типа поведения организма. Одно из них (ориентированное на "анатомическое начало") отделяло организм от среды, считая, что все условия для жизнедеятель-

ности скрыты в нем самом. Другое – отождествляло организм со средой, доказывая, что их объединяет подчиненность одним и тем же физико-химическим законам.

Новую эпоху в биологии и психологии открыл переход к особой системе, интегрирующей организм и среду, трактующей их взаимоотношение как целостность, но отличную от физико-химической, энергетической и молекулярной целостности.

У Дарвина принцип определяющей роли среды сочетался с идеей борьбы живых существ за выживание в этой среде. Пафос физико-химического направления состоял в том, чтобы отождествить процессы в неорганической и органической природе, подвести их под один закон и сделать организм объектом точного знания. По-новому интерпретируя отношение "организм – среда", дарвиновская концепция акцентировала активность организма, побуждая снять знак равенства между двумя членами отношения.

Обычно главное достижение Дарвина усматривается в том, что он объяснил реальную целесообразность живого, дававшую повод наделять организм изначально заложенной в нем целью, слепым механизмом естественного отбора. Но этим, как и внедрением принципа развития, объяснительный потенциал дарвиновского учения не ограничивался. Идея борьбы организма за выживание в среде стимулировала рождение и развитие концепции о двух средах: внешней, к которой приспосабливается организм, и внутренней, присущей ему самому, отстаиваемой им в борьбе за существование. Сам Дарвин этой концепции не выдвигал, однако подготавливал ее своим учением.

У истоков новой модели организма стоял Бернар, согласно которому организм имеет две среды: внешнюю, физическую среду, и внутреннюю, в которой существуют все живые элементы органического тела.

Внутренняя среда состоит из плазмы и лимфы (в дальнейшем к этому была присоединена тканевая жидкость). Бернар впервые поставил вопрос о постоянстве внутренней среды и механизмах, его удерживающих.

Генеральная идея состояла в том, что именно благодаря постоянству внутренней среды организм приобретает независимость от внешних превратностей. На сохранение констант этой среды (кислород, сахар, соли и т.д.) работает множество чистых механизмов.

О том, каковы эти механизмы, Бернар еще ничего сказать не мог, но общая идея являлась чрезвычайно перспективной, приведя к учению о гомеостазе (равновесном состоянии, обеспечиваемом посредством саморегуляции), ставшим, как было уже сказано, синонимом системности.

И вновь, как и в прежние эпохи (во времена Аристотеля и Декарта), идея системности утверждалась в противовес несистемным представлениям о природе как великом круговороте бесчисленного множества физических частиц. Изъять живое тело из этого круговорота значило бы вырвать его из единой цепи бытия.

Такая версия устраивала витализм, концепция которого об особой "жизненной силе" являлась столь же несовместимой с принципом системности, как и концепция, которая, сводя мироздание к превращениям энергии, оставалась безразличной к организации живых систем.

Бернар считал эти системы построенными из общих для всей природы физико-химических элементов, но образующих в отличие от их взаимодействия вне организма особую внутреннюю среду, удерживаемую в своем постоянстве благодаря факторам, неизвестным неорганической природе.

Зарождение принципа системности в психологии

Утвердив системное отношение "организм – среда", Дарвин и Бернар создали новую проблемную ситуацию в психофизиологии органов чувств. Ведь именно посредством этих органов реализуется указанное отношение на уровне поведения организма. При первых попытках их экспериментального изучения физиологи, как и при анализе рефлексов, следовали "анатомическому началу" с присущим ему элементаризмом.

Шли поиски прямой зависимости ощущений от нервных волокон. На этом пути были достигнуты некоторые успехи. Появилась, в частности, теория цветного зрения Гельмгольца. Однако тот же Гельмгольц, перейдя в своей "Физиологической оптике" от отдельных ощущений к объяснению того, как возникают целостные образы внешних объектов, решительно изменил свой подход к этим психическим феноменам. Он выдвинул получившую экспериментальное подтверждение гипотезу о том, что целостный психический образ строится целостным сенсомоторным механизмом, благодаря операциям, сходным, как уже отмечалось, с логическими ("бессознательным умозаключениям").

Это был выдающийся шаг на пути утверждения принципа системности в психологии.

Следующий шаг принадлежал Сеченову. Он перевел понятие о бессознательных умозаключениях на язык рефлекторной теории. За этим стояло радикальное преобразование понятия о рефлексе. Взамен отдельных рефлекторных дуг вводилась теория нейрорегуляции поведения целостного организма. Эта теория содержала ряд принципиально новых факторов. Мышечное действие, в котором было принято видеть вызванный внешним импульсом завершающий фрагмент отдельной рефлекторной дуги, отныне решительно меняло свой облик, притом по нескольким параметрам.

Прежде всего следует отметить, что исходным моментом всего акта (иначе говоря, его детерминантой) выступал не сам по себе внешний физический раздражитель, но раздражитель, выполняющий функцию сигнала, поэтому имеющий двойную обращенность и к организму, и к внешней среде. В качестве сигнала он служил различению свойств этой среды, ориентации в ней или, говоря современным языком, – информации о ней. Поэтому Сеченов говорил о раздражителе, провоцирующем рефлекс, как своего рода гибриде, сочетающем принадлежность к физическому миру с особой функцией, которую традиция приписала сознанию, а именно – быть носителем чувствования как сигнала событий в среде.

При этом не только известные пять органов чувств, но и мышца, как таковая, являются "чувствующим снарядом" – датчиком сведений о пространственно-временных координатах, в пределах которых выполняется движение. Эти сведения поступают обратно в нервные центры, сигнализируя о выполнении программы поведения. Отсюда одна из кардинальных сеченовских идей: идея кольцевого управления движением, перечеркивающая схему рефлекторной дуги, оборванной на сокращении мышцы.

Наконец, взамен отдельных, разрозненных дуг поведение выступало в виде целостного, координируемого нервными центрами процесса. Особую роль в этом процессе Сеченов придал открытому им центральному торможению.

"Легко понять в самом деле, что без существования тормозов в теле и, с другой стороны, без возможности приходить этим тормозам в деятельность путем возбуждения чувствующих снарядов (единственно возможных регуляторов движения), было бы невозможно выполнение плана той "самоподвижности", которою обладают в столь высокой степени животные".

Самоподвижность (Сеченов берет этот термин в кавычки) и есть не что иное, как активная саморегуляция поведения. Мысль о ее невозможности без включения тормозных устройств в мозг, притом "запускаемых" не из глубин организма, а с сенсорной периферии (то есть под действием импульсов, идущих из внешней среды), решительно изменяла общую картину работы нервной системы.

Прежняя физиология объясняла рефлекторные акты (как компонент этой работы) тем, что в них задействован один нервный процесс – возбуждение. После сеченовского открытия возбуждение оказалось сопряженным с неведомым прежней нейрофизиологии мозга торможением. Только их динамика, интеграция (или, как говорил И.П.Павлов, баланс) позволили понять сложную организацию целостного нервно-мышечного акта, имеющую биологические основания. Прежняя, досеченовская трактовка этого акта представляла его в категориях механики: внешний стимул, играющий роль "спускового крючка", приводит в действие "сцепление" звеньев рефлекторной дуги.

"Самоподвижность" организма, отличающая его от технических устройств, при таком взгляде объяснению не подлежала. (И потому относилась за счет особых витальных сил.)

Задача же, решенная Сеченовым, позволяла, оставаясь в пределах естественно-научной схемы, найти в самой нервной системе субстрат, вынуждающий ее не только производить ответную реакцию, но и задержать ее (вопреки силовому давлению извне). Причем требовалось отнести включение тормозного субстрата в работу управляющих живым телом нервов за счет тех же причин, которые приводят это тело в движение. Никаких других причин, кроме внешних влияний, натуралист, не признающий витализм, принять не мог.

Поэтому Сеченов специально подчеркивал, что единственными регуляторами не только движения, но и его задержки служит "возбуждение чувствующих снарядов". Стало быть, и в этом случае первопричину действия следует искать в контактах организма с внешней средой, в сфере импульсов с периферии. Особо

следует отметить, что речь шла именно о чувствовании. Тем самым в объяснение системной саморегуляции вводилось интегральное понятие, которое являлось столь же физиологическим, сколь и психологическим.

Нервная система наделялась способностью не только проводить возбуждение, но также передавать по центростремительному "приводу" импульсы, несущие (в форме чувствования) сведения о внешнем источнике. Эти сведения вынуждают организм действовать, но они же вынуждают его и задержать действие. Именно это обеспечивало системный подход к нервным явлениям в противовес двум доминировавшим в ту эпоху в их трактовке подходам: анатомическому и молекулярному (физико-химическому).

Главную задачу Сеченов усматривал в том, чтобы "изучать не форму, а деятельность, не топографическую обособленность органов, а сочетание центральных процессов в естественные группы". Такое сочетание не ограничивалось "центральными процессами". Оно являло собой компонент более общей системы, включающей совместно с центрами сенсорные и двигательные "снаряды".

Три учения, каждое из которых разрабатывалось прежде по собственному (не связанному с другими исследовательскими направлениями) плану – об органах чувств, о головном мозге и о рефлексах пересекались в концепции Сеченова в целостную "единицу". Стержнем концепции служил преобразованный рефлекторный принцип. Главное преобразование заключалось в том, что взамен образа "дуги" утверждался образ "кольца".

Кольцевая регуляция работы системы организма

Идею кольцевой регуляции давно (еще до начала XIX века) высказывали исследователи органов чувств (одним из первых – английский психофизиолог Ч.Белл). Изучая процесс построения зрительного (пространственного) образа, он открыл зависимость этого образа от деятельности глазных мышц. Выдвинутая Беллом гипотеза о "нервном круге", соединяющем мозг с приданной глазу мышцей, а саму эту мышцу вновь с мозгом, была замечательной догадкой о саморегуляции чувственного познания. Она впервые содержала идею кольцевой связи между сенсорными и мышечными процессами, имелось в виду влияние двигательной реакции на сенсорную, а последней, посредством мозга, на деятельность глазных мышц.

Близким по смыслу являлось учение Гельмгольца о "бессознательных умозаключениях" – операциях, производимых не умом, а мышцами зрительного аппарата, от деятельности которых зависит, в частности, константность зрительного образа. Здесь также психологический эффект достигался благодаря сенсомоторному "кругу", который, конечно, не мог бы возникнуть без такого посредника, как нервные центры (хотя их роль в построении психического образа для физиологов тех времен выступала только в качестве неперменного звена внутреннего механизма, о деятельности которого еще ничего не было известно).

Совершенно уникальным в сеченовской концепции "кольцевого управления поведением" являлось положение о характере информации, посылаемой мышцами в головной мозг, откуда идут "обратно" команды на периферию организма к этим же

самым мышцам. Вопрос, касающийся оснащённости мышц сенсорными (чувствующими) нервами, уже давно был решен положительно.

Это означало, что мышцы являются органом не только движения, но и ощущения, хотя бы и неосознанного (говоря языком Сеченова, "темного мышечного чувства"). Возникал, однако, другой вопрос: что же именно ощущается благодаря раздражению мышцы? Согласно версии физиологов, ощущается состояние органа, то есть мышцы как таковой. Сеченов же высказал идею (которую, как он писал, "выносил около самого сердца") о том, что посредством мышечного чувства познаются свойства внешней, объективной среды, в которой совершается действие или, точнее, пространственно-временные параметры этой среды.

Тем самым взамен "круга между мозгом и мышцей", то есть модели, ограничивающей самоорганизацию замкнутой системы организма (импульсы поступают из мышц в нервные центры, откуда в свою очередь направляются импульсы к мышцам, последние сообщают о достигнутом эффекте в центры и т.д.), вырисовался иной "круг". Это был большой "круг", реализующий системное отношение "организм – среда", в котором мышцы выполняли функцию посредника органа познания среды, несущего информацию о ней, а не о собственном состоянии.

К этому следует присоединить другое сеченовское положение, возлагавшее на мышцу работу по анализу и синтезу внешних объектов, их сравнению и построению умозаключений ("элементов мысли"), ведущих к появлению расчлененных чувственных образов.

В итоге отношение "организм – среда" оборачивалось в сеченовской интерпретации отношением "организм – выстраиваемый им сенсомоторный образ среды – сама среда как независимая от организма и его действий реальность". Вводя среднее звено, Сеченов переходил от биологии к психологии, видя в ее явлениях непреходящий фактор жизни на уровне системно организованного поведения.

До сих пор речь шла о внешнем поведении. Однако издавна полагалось, что своеобразие психологии предопределено представленностью в изучаемой ею предметной области особых внутренних явлений, незримых никем, кроме субъекта, способного к самоотчету о них.

Ни учение Дарвина об адаптации организма к внешней среде, ни учение Бернара о среде внутренней не содержали идейных ресурсов для реализации принципа системности применительно к психической регуляции поведения.

Психическая регуляция поведения

Первым эту задачу решил Сеченов. Опорой для него стало центральное торможение. Оно оказалось причастным к разряду тех механизмов, которые способны выполнять двойную службу. В физиологии центральное торможение объясняло "самоподвижность", в психологии – процесс преобразования внешнего поведения во внутреннее (этот процесс получил впоследствии имя "интериоризации").

Начиная свой путь в психологии, Сеченов предложил ставшую некогда популярной формулу, согласно которой мысль – не что иное, как рефлекс, оборванный на завершающей двигательной фазе. Иначе говоря, – "две трети рефлекса". Но из факта "обрыва" (торможения) работы мысли вовсе не следовало, что она бесследно гаснет. Эффект этой работы, произведенной в жизненных встречах организма со средой, сохраняется в мозгу (в виде теперь уже неосознаваемого субъектом, добытого благодаря его предшествующим действиям образа этой среды). Это и есть тот сенсомоторный и интеллектуальный опыт, организующий каждую последующую жизненную встречу организма с внешним миром.

Сеченов детально разобрал процесс интериоризации на феномене зрительного мышления, главной операцией которого (как и других актов мышления) является сравнение. Оно возникает благодаря тому, что глаза "бегают" по предметам, непрерывно сопоставляя один с другим. При этом "умственные образы предметов как бы накладываются друг на друга".

Однако в тех случаях, когда глаза воспринимают один предмет, непременно совершается процесс сравнения. Наличный предмет сравнивается с запечатленной в сознании меркой. В какой же форме представлена эта, теперь уже умственная, мерка? В форме движения, которые для Сеченова всегда выступали как сенсомоторные, а не чисто моторные акты? Но на этот раз не внешних, явных, как при реальном сравнении работающим глазом двух предметов, а внутренних, скрытых. Когда же в теле репродуцируется какой-нибудь психический акт, это означает просто-напросто, что акт повторяется целиком, следовательно, для случая зрительного представления воспроизводятся и те движения, которые обыкновенно делает глаз при рассматривании предмета. Эти-то движения, падая теперь на реальный образ, и представляют реальный субстрат того, что мы выражаем словами "соизмерение представлений".

Учитывая сказанное Сеченовым о том, как создается из внешних отношений действующего организма с окружающими предметами система его внутренних, скрытых отношений, можно было бы назвать эту систему своего рода внутренней средой. Поскольку, однако, этот термин закрепился за учением Бернара о саморегуляции внутренней среды организма как чисто физиологической системы, назовем систему внутренних отношений интрапсихическим планом поведения.

В интрапсихической среде воспроизводится и преобразуется экстрапсихическая, то есть система реальных, открытых для объективного наблюдения сенсомоторных действий. К этому следует присоединить и то, что общение организма с предметами внешней, физической среды Сеченов отграничил от присущего человеку социального общения, эффектом которого является индивидуализация субъекта, приобретение им собственного "Я". По образу людей (матери или няньки), регулировавших своими командами ("голосами") его действия в первую пору жизни, ребенок создает представления о самом себе как внутреннем центре, откуда теперь исходят собственные команды, автором которых является он сам.

Естественно, что это требовало перехода от биологии к микросоциологии. И все последующие концепции, использовавшие представление об интериоризации как объяснительный принцип (в частности, концепции Фрейда, Жана и Выготского),

имели в виду именно внутреннюю (преобразованную) проекцию в психике отдельного индивида тех его отношений с другими людьми, которые некогда складывались объективно, на внешней "сцене" их поведения.

У Сеченова этот момент является производным от фундаментальной системы операций, укорененной в специфике биологических отношений организма со средой.

Итак, в середине XIX века сложился третий (после Аристотеля и Декарта) системный способ объяснения психики. Он был создан биологами. Прежде всего Дарвином, для которого, правда, системным объектом являлся не индивид, а вид в его истории адаптации к среде. В то же время, поскольку индивид является для революционной биологии одним из экземпляров, подчиненных закономерностям целого, и на него безоговорочно распространялось требование мыслить каждое из проявлений его жизни сквозь призму системы "организм – среда".

Благодаря Бернару сложилось понятие о внутренней среде как системе, обеспечивающей выживание отдельного организма вопреки возмущающим "ударам" по нему из среды внешней.

Наконец, Сеченов (усвоивший уроки и Дарвина, и Бернара, в лаборатории которого он открыл центральное торможение) создал первую теоретическую схему психологической системы (имеющей два плана: внешний, в виде объективно данной сенсомоторной деятельности организма, и внутренний как интериоризованный, но при этом и преобразованный "дубликат" этой деятельности).

Одной из уникальных особенностей сеченовского представления о психологической системе являлось преодоление ее автором веками царившей над умами расщепленности явлений, относившихся к несовместимым порядкам бытия – телесному и психическому, мозгу и душе. По-существу все новаторские сеченовские понятия являлись "гибридными". Понятие о мышечном фрагменте рефлекса обрело ипостась сенсомоторного действия, способного при обязательном сочетании с другими совершать полноценные интеллектуальные операции.

Понятие о чувствовании (которое было принято относить к сфере сознания) выступило как особое свойство нерва, выполняющее две функции. Оно различает внешние объекты (это считалось исключительным делом психологии) и "настраивает" мышцы на адекватную реакцию. Наконец, "тормозные центры" в головном мозгу выполняют как физиологическую функцию (обеспечивая "самоподвижность" организма), так и функцию интериоризации, благодаря которой экстрапсихический план поведения преобразуется в интрапсихический.

"Гениальный взмах сеченовской мысли" – так назвал И.П. Павлов схему, сопряженную с открытием центрального торможения, добавив к этому, что открытие "произвело сильное впечатление в среде европейских физиологов и было первым вкладом русского ума в важную отрасль естествознания, только что перед этим двинутую вперед успехами немцев и французов".

Открытие действительно явилось физиологическим (было сделано путем раздражения таламуса). Однако теоретическая схема, для которой она стала опорой (при этом единственной опорой, верифицируемой экспериментом), вошла как один из разделов в книгу, названную Сеченовым "Психологические этюды".

Будучи переведена на французский язык, она стала известной как во французских, так и в немецких научных кругах. Одним из тех, кто познакомился с ней на немецком языке, по данным американских исследователей К. Прибрама и М. Джилла, был З. Фрейд. Он начал заниматься психоанализом, уже будучи крупным специалистом в области нейрогистологии и нейрофизиологии. Соответственно принятым в этих дисциплинах взглядам Фрейд мыслил нервную систему в терминах элементов (нейронов), заряженных нервной энергией. Перейдя к психотерапевтической работе, к изучению симптомов у своих пациентов, он объяснял эти симптомы ослаблением контроля высших нервных центров над низшими.

С постановкой этой проблемы зародилась идея системных отношений. Вскоре Фрейд пишет оставшийся незавершенным и неопубликованным "Проект научной психологии" (1893), где он попытался представить нейронный механизм поведения. Среди нескольких категорий нейронов в этой схеме выделялись нейроны, "заряженные" на торможение. Благодаря им ставился барьер "первичным процессам", которые без такого барьера беспрепятственно овладевали бы поведением.

Системность в психоанализе

В дальнейшем в схеме классического психоанализа за первичные психические процессы было принято "либидо", имеющее инстинктивную сексуальную природу, а с версией о торможении родилось понятие о "защитных механизмах", благодаря которым личность с ее слепыми влечениями, затормаживая их, способна выжить в социальном мире.

Идея о динамике нервных процессов возбуждения и торможения как основе саморегуляции поведения (каковой ее утвердил Сеченов) перешла в совершенно иную сферу. Она была переведена на язык извечного конфликта между биологическими (сведенными к неукротимой сексуальности) и социальными (заложенными в семейных отношениях времен детства) силами, разрывающими "бедное "Я"".

Впоследствии эта концепция привела к известной фрейдовской схеме строения психического аппарата человека как составленного из трех "враждующих" блоков: (Оно – Я – Сверх-Я). Так обстояло дело в психологии. Что же касается нейрофизиологии, системное отношение "возбуждение – торможение", появившееся на научной сцене после Сеченова, перешло в эту науку для объяснения интегративной функции центральной нервной системы в классических трудах Ч. Шеррингтона и И.П. Павлова.

Модель неврозов в школе И.П. Павлова

История науки запечатлела ряд попыток использовать это системное отношение для объяснения психологических факторов. Одна из выдающихся попыток привела

к созданию модели экспериментальных неврозов в павловской школе, причем толчком к этому послужил феномен, описанный Фрейдом.

Имелся в виду невроз, вызванный у девушки столкновением противоположных мотивов.¹³⁸ Это побудило Павлова поставить опыты, в которых на собаках применялись раздражители, провоцирующие противоположные по своему мотивационному знаку реакции. Так, опытами М.Н. Ерофеевой было установлено, что подводимый к коже животного электрический ток, причиняющий сильную боль (разрушительный агент), оказался способным (благодаря подкреплению) вместо негативной, оборонительной реакции вызвать позитивную пищевую реакцию. Эти опыты были продемонстрированы посетившему павловскую лабораторию в 1913 году Шеррингтону, воскликнувшему, что "теперь для него стала понятна стойкость христианских мучеников".

Другой опыт провела сотрудница Павлова Н.Р. Шенгер-Крестовникова. Перед животным ставилась задача отдифференцировать круг от эллипса (поскольку только первый подкреплялся, вызывая условную реакцию). Приближая от опыта к опыту изображение эллипса к изображению круга, удавалось добиться от животного их дифференцировки до определенной степени близости. Однако при минимальном различии между этими двумя изображениями собака приходила в возбужденное состояние. Исчезали вообще все дифференцировки. Павлов объяснил этот эффект "сшибкой" раздражительного и тормозного процессов.

Впоследствии этот опыт стал главной моделью для направления, изучавшего экспериментальные неврозы. Известный невролог Р. Джерард вспоминал, как, посетив Павлова в Ленинграде, он узнал от него, что стимулом к физиологическим опытам послужило знакомство с работой Фрейда. Через неделю Джерард приехал в Вену и рассказал Фрейду о беседе с Павловым. "Это бы мне страшно помогло, – заметил Фрейд, – если бы Павлов рассказал об этом несколько десятилетий раньше".

Фрейд, возможно, вспомнив о своем "Проекте научной психологии", где поведение объяснялось различными – раздражительными и тормозными – свойствами нервной ткани, предположил, что данные Павлова служат точным, экспериментально контролируемым доказательством правоты концепции неврозов как "сшибки" возбуждения и торможения. Однако мы видели, что Фрейд соединил с понятием о возбуждении "первичные" (сексуальные) процессы, которые тормозятся "вторичными" (исходящими от "Я" с его психическими аппаратами).

Павлов объяснил конфликт в физиологических категориях, Фрейд в психоаналитических. Оба мыслили системно, оба вводили в объяснение системной регуляции поведения фактор торможения, открытый Сеченовым.

Согласно Фрейду, система "заряжена" энергетически (но это особая психическая энергия) и движима стремлением к разрядке накопившегося потенциала. Именно это переживается субъектом в виде чувства удовольствия. Павлов же ориентировался на принцип "уравновешивания" организма со средой, то есть использовал явление, открытое Бернаром во внутренней среде (гомеостаз), для объяснения приспособления к среде внешней. Свое первое публичное сообщение об условных

рефлексах (сделанное будущим лауреатом Нобелевской премии на Международном медицинском конгрессе в Мадриде) Павлов назвал "Экспериментальная психология и психопатология на животных". К тому времени экспериментальная психология прочно завоевала место под солнцем. Психологический эксперимент обрел законные права среди других методов изучения живых существ. Но то, что Павлов вкладывал в этот, ставший популярным термин, ничего общего не имело с работой психологических лабораторий. Очень скоро Павлов откажется от этого термина.

Тем не менее существенным обстоятельством следует признать отнесенность им своих первых новаторских результатов к области психологии, а не физиологии. Но независимо от членения научных дисциплин ход и стиль его мысли определялись принципом системности, который утвердился к тому времени в новой биологии. Без этого общего принципа не было бы ни павловской исследовательской программы, ни богатства гипотез, которые повседневно проверялись как самим Павловым, так и множеством его учеников, возводивших под его неусыпным контролем "Монблан фактов".

Системность и целесообразность

Свое первое программное сообщение Павлов начал с декларации о приверженности учениям Дарвина и Бернара. Именно это, как он подчеркивал, позволяет противостоять как физико-химическому редукционизму, так и витализму.

"Слова "целесообразность и приспособление" (несмотря на естественнонаучный, дарвиновский анализ их) продолжают в глазах многих носить на себе печать субъективизма, что порождает недоразумения двух противоположных родов. Чистые сторонники физико-химического учения о жизни усматривают в этих словах противонаучную тенденцию – отступление от чистого объективизма в сторону умозрения, телеологии. С другой стороны, биологи с философским настроением всякий факт относительно приспособления и целесообразности выстраивают как доказательство существования особой жизненной силы (витализм, очевидно, переходит в анимизм), ставящей себе цель, выбирающей средства, приспособляющейся и т.д."

Понятия о целесообразности, приспособлении, считал Павлов, должны быть непременно сохранены, но в контексте принципа системности, ибо в факте приспособления нет ничего, "кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой".

Такая саморегуляция служит, согласно Бернару, условием свободной жизни, то есть поведения во внешней среде.

Огромным достижением Сеченова стало обоснование положения, по которому и эта свободная жизнь системно саморегулируется.

Павлов сделал следующий шаг на этом пути. Сохранив ориентацию на принцип рефлекса, механизм которого изначально целесообразен, он выбрал для анализа системной организации совершенно особый объект.

Еще Бернар, подчеркивал Павлов, предугадал "совершеннейшую приспособляемость слюнных желез к внешним раздражителям". Слюнные железы являются органом, соединяющим эндоэкологию с экзоэкологией биосистемы, внутреннюю среду с внешней. Действуя на границе двух сред, они определяются в своей работе как потребностью организма в сохранении гомеостаза, так и влиянием внешних раздражителей. Их особое положение, их "двуликость" позволила Павлову на не-большом, казалось бы, не столь существенном для целостного поведения органе реализовать грандиозный программный замысел: выявить факторы построения и модификации этого поведения. Именно это определило воздействие Павлова на все последующие концепции научения, памяти, приобретения опыта.

И.П. Павлов, с одной стороны, оставался на почве физиологии с ее объективными методами и нейросубстратными представлениями, с другой – разрабатывал учение об особом способе общения организма со средой, отличающемся от внутрителесных регуляций. Особенность такой формы в том, что ее образуют детерминанты, родственные психическим, но не тождественные им. Реальность, за изучение которой принялся Павлов, потребовала ввести язык, позволивший бы отобразить особый уровень организации жизнедеятельности. Этот уровень регулируется физиологическими механизмами.

Вместе с тем он имеет особое измерение, не идентичное ни интрацеребральным процессам и отношениям, ни связям в сфере психики.

Термины павловского языка (сигнал, подкрепление, временная связь и др.) могут выступать как в физиологическом, так и в психологическом ракурсе в зависимости от того, сквозь призму какой категории обозначаемые этими терминами реалии будут рассматриваться. С физиологической стороны, они – нервный импульс, состояние центра, проторение пути и т.д. С психологической стороны, они указывают на чувственный образ, ассоциацию, мотивацию. Их значение определяется языком, на который они переводятся.

Говоря о человеке как системе, Павлов бесстрашно использовал ту же метафору, которая была в ходу во времена триумфа механики. "Человек, – писал он, полемизируя со своими критиками из числа психологов, – есть, конечно, система (грубее говоря – машина)... но система в горизонте нашего современного научного видения единственная по высочайшему саморегулированию".

Исключительность человека как системы усматривалась в том, что саморегуляцию его поведения обеспечивают две сигнальные системы. Причем обе имеют психологические корреляты в виде чувственных и умственных образов той среды, с которой (говоря павловским языком) "уравновешивается" организм. Тем самым укорененная в гомеостазе идея сохранения постоянства внутренней среды переносилась на взаимоотношения организма со средой внешней, поскольку речь шла о человеке, и со средой социальной. Средствами же удержания постоянства системы "организм (человек) – среда" служили особые, неведомые физической природе агенты, а именно сигналы, притом непременно психологически "нагруженные".

Образ машины использовался издавна (по меньшей мере со времен Декарта, а до него испанским врачом XVI века Перейра, считавшим животных простыми машинами) как символ автоматизма работы системы. Однако до Сеченова с этим символом нераздельно сопрягалось представление об особом агенте, извне приводящем машину в действие. Сеченов, говоря о "машинности мозга", перешел к принципу саморегуляции. Этой же линии следовал Павлов.

Слово "машина" означало для них не Декартов автомат, подобный помпе, перекачивающей жидкость, не энергетическую "машину", на которую ориентировался Фрейд, а устройство, оснащенное сигналами. Поскольку же сигналы различают свойства среды, в которой работает это устройство, передают информацию о них, меняющую стратегию поведения системы, то именно здесь созревали идеи, в дальнейшем приведшие к созданию информационных машин.

Однако не новаторский павловский системный стиль мышления оказался в центре внимания не подготовленного к его восприятию научного сообщества, а модельный опыт по выработке условного слюно-отделительного рефлекса у изолированного животного. Это дало повод инкриминировать Павлову элементаризм (отказ от изучения целостного поведения), редукционизм (сведение психики к условному рефлексу), механицизм (забвение специфики биологической организации).

Между тем разработанная Павловым модель позволила надежно верифицировать в эксперименте его теоретические представления о системной организации приобретаемых живыми существами новых, непредуготовленных наличными нервными ресурсами ответов на меняющиеся условия его жизни.

Системность и проблема научения

Проблема научения, модификации поведения организма, стала в конце XIX – начале XX века наиболее актуальной для психологии. Наряду с направлением, созданным Павловым, в Соединенных Штатах возникло другое, у истоков которого стоял Эдвард Торндайк. За ним Павлов признал "честь первого по времени вступления на новый путь".

Между тем этот новый путь имел различные истоки (при общей установке на объективное и экспериментальное изучение механизмов приобретения новых форм поведения). Если Павлов отправлялся от Сеченова и Бернара, восприняв от первого идею сигнальной регуляции, от второго – гомеостаза, то Торндайк исходил из утвержденного Дарвином вероятностного объяснения процесса приспособления жизненных явлений к меняющимся условиям (метод "проб, ошибок и случайного успеха").

И Павлов, и Торндайк преобразовывали сложившиеся в психологии стереотипы благодаря внедрению в нее идей, радикально изменивших весь строй биологического мышления. Оба исследователя изменяли сам предмет психологии, притязания которой на независимость как от философии, так и от физиологии обосновывались декларацией о том, что ее уникальным предметом служит сознание.

Открытия Павлова и Торндайка обозначили иную предметную область, названную вскоре поведением. (Павлов поставил этот термин в скобки, считая его синонимом другого изобретенного им термина "высшая нервная деятельность".)

Действующим лицом поведения выступил (в отличие от бестелесного сознания) целостный организм. В то же время, согласно павловскому пониманию целостности, последняя означала системность. И в отношении системности его позиция была непреклонной. Он был убежден, что нельзя объяснить работу системы, не выяснив, из каких блоков она состоит. Именно поэтому он сконцентрировал свои системные идеи в модели условного рефлекса, варьируя на тысячу ладов опыты, призванные объяснить закономерности ее преобразования. Между тем аналитический характер модели дал повод появившейся на научной сцене группе молодых исследователей, занимавшейся изучением понятия о гештальте (от нем. Gestalt – образ, форма), представить павловскую модель не в виде единицы, а в виде несущей свойства целого элемента, отщепленного от интегрального поведения. Само же поведение в этом случае выглядело в глазах гештальтистов механическим соединением элементов, возникшим по законам ассоциации.

Эта картина (неадекватная системному стилю мышления самого Павлова) оборачивалась дубликатом картины сознания как мозаики психических (сенсорных) элементов, комбинируемых присущими этому сознанию силами притяжения и отталкивания.

Если взглянуть на обе эти картины в исторической перспективе, то нетрудно убедиться, что они сложились в эпоху, которая предшествовала утверждению биологического понимания системности. То была эпоха первых попыток "привязать" психические явления к телесному, нервному субстрату. В физиологии тогда господствовало "анатомическое начало". Оно легло в основу исследований как чувствований, так и движений, приведя к появлению двух, хотя и "несистемных", но детерминистских учений: о специфической энергии органов чувств и о рефлексорной дуге.

Оба учения стали ступенью к открытиям следующей эпохи. Учение об органах чувств перешло в нарождавшуюся экспериментальную психологию, которая на первых порах представляла сознание сотканным из сенсорных элементов. Здесь действительно воцарились "атомизм" и механизм. Однако экспериментальное изучение фактов сознания ставило под сомнение эту конструкцию из "кирпичиков" (ощущений) и скрепляющего их "цемента" (в облике ассоциаций).

Конструкция держалась на стремительно устаревавших представлениях о нервной системе как сцеплении (ассоциации) элементов, возбуждение каждого из которых под воздействием внешнего импульса вызывает эффект, осознаваемый как чувственное качество (ощущение света, звука и др.).

Но ведь эти отдельные ощущения даны реальному сознанию (хотя первые психологи-эксперименталисты требовали от своих испытуемых проводить самонаблюдение до такой степени изолированно, чтобы они смогли открыть благодаря этой процедуре "атомы", из которых построен внутренний мир).

Между тем реальному сознанию даны целостные образы предметов окружающей действительности. Поэтому сначала, стремясь объяснить их появление, исследователи искали выход в том, чтобы разделить процессы сознания на элементарные (типа простейших ощущений) и высшие, творящие из этих ощущений целостные психические продукты.

Гештальтизм

Гештальтистское направление выбрало другой путь. Под впечатлением преобразований в такой математически точной науке, как физика, где наряду с понятием о дискретных частицах (атомах) возникло радикально менявшее весь склад мышления понятие об электромагнитном поле, гештальтисты выдвинули идею первичности психических целых, начиная от наипростейших сенсорных данных. Декларировалось, что даже на этом уровне, исходном для всего развития "ткани" сознания, она состоит не из разрозненных "нитей", а из целостностей. Поэтому нет необходимости делить психические операции на элементарные и высшие, приписывая последним особую комбинаторную силу. На всех уровнях нет ничего, кроме гештальтов.

Представление о двух уровнях было унаследовано психологией от ее физиологических "предков": закона "специфической энергии органов чувств", рожденного методологией механицизма с его "анатомическим началом". Именно это "начало" расщепляло, соответственно раздельности нервных волокон, содержание сознания на элементы. Психологическая "карта" сознания приобретала тем самым "точечный" характер.

Однако вопреки неадекватности этой "карты" реальному, изначально предметному сознанию она имела важное преимущество, заключавшееся в том, что феномен сознания выступал как завершающий эффект причинного ряда. Физический стимул провоцировал возбуждение нерва, освобождая заложенную в нем энергию, которая и является сознанию в образе ощущения. Великий Гельмгольц считал этот закон не уступающим по своей непреложности законам Ньютона.

Здесь детерминизм приносился в жертву принципу системности. Приверженцы этого принципа отстаивали новый взгляд на сознание. Тем не менее, они, как исследователи, претендующие на естественнонаучное объяснение психики, не могли обойти вопрос об ее отношении к внешнему миру и мозгу. И тогда им пришлось принести в жертву системности принцип детерминизма. Придав гештальту универсальный характер, они стали утверждать, что на таких же началах организованы как физическая среда, к которой адаптируется организм, так и сам этот организм. Соотношение же между физическим, физиологическим и психическим является не причинным (внешний раздражитель вызывает физиологический процесс, пробуждающий ощущение), а изоморфным.

Это понятие означало, что элементы одной системы находятся во взаимодозначном соответствии элементам другой. Скажем, топографическая карта и ее элементы изоморфны рельефу той местности, которую она воспроизводит. Одна "система" не является причиной (детерминантой) другой. Но между ними имеется подобие структур.

Отправляясь от понятия об изоморфизме, авторы гештальттеории распространили ее и на физические процессы, и на процессы в мозговом веществе. Они надеялись тем самым выйти за пределы сознания (каким оно дано в интроспекции субъекта), включив объяснение происходящих в нем процессов и преобразований в единый континуум реального бытия. Тем самым психология, по их замыслу, сможет укорениться в семье естественных наук, стать по своей точности подобной физике.

Этот проспект вдохновлял лидеров нового направления, в частности В.Келера. Уже приобретя широкую известность своими экспериментами по изучению интеллекта человекообразных обезьян (где их поведение объяснялось с новых гештальтистских позиций), Келер публикует программный труд "Физические гештальты в покое и стационарном состоянии" (1920), надеясь доказать, что в коллоидной химии действуют всеобщие законы гештальта. Им подчинена, согласно гештальтистской версии, работа больших полушарий, где, скажем, воспринимаемому внешнему движению соответствует структурно-подобное движение нервного процесса или видимой, зрительно воспринимаемой симметричной фигуре соответствует аналогичная симметрия изменений в головном мозгу и т.д.

Иначе говоря, везде, где имеются психические конфигурации, с ними коррелируют физиологические гештальты. Одни параллельны другим. Такой подход, несмотря на новейшую математическую аранжировку, воспроизводит известный со времен XVII века психофизический параллелизм. Реальные причинные отношения физического и психического подменяются математическими. Тем самым отрицалось причинное влияние объективных ситуаций, в которых живет организм, на его психический строй.

В то же время активное воздействие сознания на эти ситуации также остается загадкой. И все же реальная значимость гештальтизма в эволюции научного знания о психике велика. Она связана с глубокой экспериментальной разработкой категории психического образа как системно организованной целостности. Благодаря этому в различных ветвях психологии были разработаны новаторские методики, посредством которых добыты факты, прочно вошедшие в основной фонд научных знаний (главным образом о познавательных процессах – восприятии, памяти, мышлении).

Укреплению системного подхода к мотивации и социально-психологическим проблемам существенно способствовало представление об изначальной включенности сознания в нередуцируемый к его отдельным феноменам контекст (психологическое поле или жизненное пространство). В то же время идеи гештальтшколы, изменив общую атмосферу в психологии, внеся в нее дух системности, впитанный другими школами, побудили к критике ее методологических ориентаций.

Гештальттеория, утвердив в психологии принцип целостности, отъединила его от двух других нераздельно связанных с ним объяснительных принципов – детерминизма (причинности) и развития. Именно это и создало ее оппонентный круг.¹³⁹ Одним из критиков стал Л.С.Выготский, разработавший свой вариант системной интерпретации психики. Принципиально новым в его подходе явилось включение в эту интерпретацию принципа развития как стадийального процесса, в котором доминирующую роль играют социокультурные факторы. Они представлены в виде

знаково-смысловых систем, имеющих собственный, независимый от индивидуального сознания статус.

В этом плане взгляд на системный характер создаваемых культурой знаков казался родственным структурализму в гуманитарных науках (языкознанию, языковедению), который, отрешаясь от реалий душевной жизни и уникальности личности, сосредоточен на независимых от субъекта инвариантных (устойчивых) отношениях между элементами системы (например, языка) и их преобразованиях.

Знаковая система

В отличие от абстрактно-структуралистского подхода, с одной стороны, и от гештальтистской версии о "поле" – с другой, Выготский понимал знаковую систему как смысловую (то есть выстроенную из значений и смыслов), а "поле" в свою очередь как коммуникативно-смысловое, образуемое общением индивидов, оперирующих знаками, преломленными в драме развития этих индивидов.

Именно это позволило ему устранить недостаток, существующий, по его убеждению, в гештальттеории: ее неспособность объяснить развитие психики, происходящие в личности качественные преобразования, порождение новых форм. Одними и теми же законами структурности (группировки, центрирования, создания хорошего гештальта и т.д.) эта теория стремилась объяснить все психические формы – от инстинктов у беспозвоночных до открытий Эйнштейна (по поводу которых один из лидеров гештальтизма Вертгеймер интервьюировал создателя теории относительности).

До Выготского в тех случаях, когда знаковые системы рассматривались по отношению к человеку, их функция исчерпывалась его способностью их понимать и интерпретировать. У Выготского же они приобрели особое предназначение, выступив в роли инструментов построения из "материала" психологической системы высшего уровня, которая – согласно его представлениям – и является реальным эквивалентом сознания.

С первых шагов в психологии Выготский отверг представление о сознании как внутренней "плоскости", лишенной структурных и качественных характеристик, какместилище явлений или процессов, сменяющих друг друга во времени. Направление пересмотра этого традиционного воззрения определялось у Выготского задачей понять сознание, во-первых, как систему, имеющую собственное строение, во-вторых, как систему, которая, возникая из предсознательных психических форм, имеет свои законы преобразования.

Выготский отказался рассматривать сознание в качестве замкнутой в себе изолированной структуры, компоненты которой (психические функции и феномены: память, мышление, эмоции, сновидение и др.) взаимодействуют между собой по ее собственным имманентным законам.

Психологическая система у Выготского выступила в ее системной связи как с объектами внешнего мира, так и с нейрофизиологическими аппаратами.

На первый взгляд он шел здесь по стопам гештальттеории, для которой события в сфере сознания коррелируют с внешними для этой сферы физико-химическими процессами, с одной стороны, процессами в головном мозгу – с другой.

Как уже было отмечено, это позволило гештальтистам обойти вопрос о причинной (детерминационной) зависимости явлений сознания (какими они открываются способному наблюдать за ними субъекту) от имеющей собственный онтологический статус окружающей среды и нейросубстрата поведения.

Для Выготского же решающее значение имели именно поиски этой зависимости. За исходную причину он принимал микросоциальную систему отношений, имеющую историческую природу. Внутри ее разворачивается и преобразуется система психических функций: памяти, внимания, мышления, воли и др. Так, "первоначально всякая высшая функция была разделена между двумя людьми, была взаимным психологическим процессом"¹⁴⁰. (Один человек говорил, другой – понимал, один – приказывал, другой – выполнял и т.п.)

С развитием системы изменялся характер связей между функциями. Так, например, согласно Выготскому (который опирался на данные не только своих экспериментов, но и работ многих западных психологов), для детей младшего возраста мыслить – значит вспоминать конкретные случаи. Но в дальнейшем в динамике функций становится ведущим звеном не память, а мышление. Причем сами понятия, посредством которых работает мышление, трактуются Выготским как системные образования, проходящие ряд эпох в своей истории, изучение которой привело его к важным открытиям. "Мыслить понятиями, – писал он, – значит обладать известной готовой системой, известной формой мышления (еще вовсе не предопределяющей дальнейшего содержания)"¹⁴¹.

Из этого явствовало: системность "формальна" в том смысле, что она есть способ организации, упорядочения психических элементов, конкретное содержательное наполнение которых может быть самым различным. Понятие о форме напоминало о структуре, названной "гештальт". Однако между тем, что подразумевалось под формой Выготским и гештальтистами, имелось существенное различие. По Выготскому, формы мышления творятся в тигле человеческой культуры и осваиваются по психологическим законам в онтогенезе. Согласно же гештальтизму, мышление подчинено тем же конфигурациям, которые структурируют любые объекты. Отсюда аисторизм этой концепции и ее неспособность объяснить стадийность развития.

Трактовка Выготским психологической системы предполагала, как уже отмечалось, ее соотнесенность не только с социокультурной средой (которая в свою очередь представлялась системно в образе сплоченного знаками в особую целостность процесса общения индивидов), но и с деятельностью мозга. Соотнесенность мозга с внешним миром мыслилась И.П. Павловым опосредованной сигнальными системами. Выготский сделал следующий перспективный шаг. У него применительно к человеку павловская вторая сигнальная система оборачивалась знаковой (сигнификативной).

¹⁴⁰ Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1982, с. 115.

¹⁴¹ Там же, с. 122.

Сигнал и знак не идентичны по своей функции. Сигнал служит различению раздражителей. Правда, занятия проблемами психиатрии побудили И.П. Павлова признать, что поведением человека правят "вторые сигналы" (речь человека). Они служат носителями особого интеллектуального содержания, поскольку "представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение"¹⁴². Вся эта работа производится лобными отделами больших полушарий головного мозга.

Иным объективным статусом обладает система знаков. Она существует независимо от мозга, является, так сказать, экстрацеребральной. Соответственно, объективным (хотя и исторически изменчивым) является значение этих знаков.

Оперируя знаками-значениями (сперва в прямом общении с другими людьми, а затем с самим собой), индивид устанавливает связи между различными зонами головного мозга.

Межличностные отношения и действия, образующие благодаря знакам систему психических функций, создают связи (теперь уже не сигнальные, а семиотические) в больших полушариях. Не только мозг управляет человеком, но и человек – мозгом, посредством знаковоорудийных действий, меняющих природу психических функций.

Развитие системы

"Всякая система, о которой я говорю, – отмечал Выготский, – проходит три этапа. Сначала интерпсихологический – я приказываю, вы выполняете; затем экстрапсихологический – я начинаю говорить сам себе; затем интрапсихологический – два пункта мозга, которые извне возбуждаются, имеют тенденцию действовать в единой системе и превращаться в интракортикальный пункт". Таким образом, интрапсихологическое – это и есть интракортикальное. Однако Выготский вовсе не был приверженцем постулата о психофизиологическом тождестве. За психологией он оставлял систему психических функций, несводимую ни к каким другим. Прежнее понятие об этих функциях толковало их по типу актов или процессов, автором которых является индивидуальный субъект. При естественнонаучном подходе считалось неоспоримым, что они являются функцией мозга. У Выготского понятие о функции радикально меняло свой облик. Утверждалось, что у человека она опосредована знаком (как элементом социокультурной системы) и сама внутренне соединена с другими функциями системными отношениями, отражая которые, организуются связи в мозгу. Тем самым ч модель психологической системы вводилась идея активности. Однако эта идея имела иные основания, чем в функционализме, где источником активности выступал субъект, и в гештальтизме, где источник трансформации образа полагался изначально заложенным в его собственной динамичной имманентной организации.

Принцип системности, как можно было убедиться, пришел в новую психологию из механики (образ "машины"), затем радикально изменился благодаря научной революции в биологии (утвердившей формулу "организм – среда") и физике (понятие

¹⁴² Павлов И.П. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, 2-е изд. Т. 3. Ч. 2. М.-Л., 1951, с. 232.

о "поле"), наконец, выступил в интерпретации, предложенной культурологией (понятие о "знаковых системах").

В XX веке углубление системного объяснения жизненных явлений было обусловлено развитием представлений о гомеостазе. Как отмечалось, их ростки "пробивались" в концепции Бернара о саморегуляции процессов обмена веществ во внутренней среде.

При всей продуктивности этой концепции она рассматривала саморегуляцию только под одним углом зрения. Предполагалось, что благодаря ее механизмам живая система автоматически сохраняет свою устойчивость, не тратя на решение этой задачи специальных усилий, которые тем самым могут быть направлены на независимое от процессов в организме произвольное поведение во внешнем мире.

Между тем логика движения научной мысли требовала объяснить закономерный, причинный характер также и этого внешнего поведения.

Наряду с Павловым одним из пионеров этого направления выступил Уолтер Кеннон.

Кеннон первоначально изучал процессы, происходящие внутри тела при реакциях боли, гнева, голода, страха. Опираясь на новаторские эксперименты, он доказывал, что при этих реакциях наряду с внешним выражением включаются внутрителесные механизмы, исполненные биологического смысла, позволяющие организму выполнить главную формулу выживания. Ее можно обозначить как "борьбу и бегство".

Организм перестраивается с тем, чтобы заранее адаптироваться к угрожающим его устойчивости опасностям. Такая перестройка носит характер преднастройки. Изменения во внутренней среде телеологичны в том смысле, что происходят заблаговременно, а не в момент непосредственного действия раздражителей. Эти изменения приводят организм в состояние боевой готовности, повышая его шансы на выживание.

Принцип гомеостаза был распространен Кенноном с биологических объектов на системы иного типа, приобретая тем самым универсальное значение. "Не полезно ли, – спрашивал Кеннон, – изучать другие формы организации – промышленные, домашние и социальные – в свете организации живого тела?" И отвечая на этот вопрос, писал: "Аналогия может быть инструктивной, если взамен сравнения структурных деталей будет соотнесено выполнение функций в физиологической и социальной областях".

Системность в исследованиях Ж. Пиаже

Многие исследователи поддались соблазну применить идею гомеостатических регуляций (в качестве удерживающих процессы внутри системы "организм – среда" на стабильном, равновесном уровне). В психологии наиболее крупные достижения, вдохновленные этой идеей, принадлежали Ж.Пиаже.

Исходным для него служил принцип функционального равновесия, к которому тяготеют отношения между организмом и средой. Чтобы реализовать его применительно к психологии, следует, по мнению ученого, внедрить в эту науку новую биологическую парадигму, согласно которой все процессы в организме имеют адаптивную природу. Адаптация же означает не что иное, как равновесие, достигаемое взаимодействием двух факторов: ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – это усвоение организмом данного материала. Аккомодация – приспособление к ситуации, требующее от организма определенных форм активности. На физиологическом уровне взаимодействие носит материальный, вещественно-энергетический характер, в силу чего изменяется само вовлеченное во взаимодействие живое тело. С переходом на психологический уровень появляется особая форма адаптации. Ее можно было бы назвать поведением, если не соединить с этим термином то значение, которое придали ему бихевиористы, потребовавшие изъять из научного психологического лексикона любые "ментальные" понятия, незримые для внешнего объективного наблюдения.

Но Пиаже сосредоточился в своих многолетних исследованиях именно на этих понятиях, прежде всего на понятии интеллекта как системы интериоризованных операций (действий) человеческого организма.

Сначала организм совершает внешние сенсомоторные действия, затем они интериоризируются, превращаясь в операции. Этому понятию Пиаже придал главную роль в интеллектуальной деятельности, уделив особое внимание доказательству ее системного характера.

Интериоризованные действия становятся операциями ума, только когда они координируются между собой, создавая обратимые, устойчивые и в то же время подвижные целостные структуры.

В ходе развития ребенка совершается переход интеллекта от сенсомоторных структур к структурам более высокого уровня: сначала к стадии конкретных умственных действий, затем к стадии, когда эти действия превращаются в операции и возникает способность к дедуктивным умозаключениям и построению гипотез.

Операции отличаются тем, что они обратимы (для каждой имеется противоположная, или обратная ей, операция, посредством которой восстанавливается исходное положение и достигается равновесие) и скоординированы в системы.

Важное преимущество такого подхода заключалось в том, что принцип системности сочетался с принципом развития.

Другим существенным моментом в концепции Пиаже стала установка на соотнесение психологических структур, выявленных в экспериментах, с логическими структурами. За этим крылось его убеждение в том, что, какой бы абстрактный характер ни носили логические конструкции, они в конечном счете воспроизводят, хотя и в специфической форме, реальные процессы мышления, открытые для экспериментально-психологических исследований. Последние же в трудах Пиаже ориентировались на биологическую категорию гомеостаза, ставшую для психологии в XX веке, как уже отмечалось, наиболее типичной формой воплощения принципа системности.

Преимущества этой формы и причины ее влияния на психологическую мысль заключались в том, что идея саморегуляции взаимоотношений организма со средой избавляла от диктата предшествующей функциональной психологии.

Для этого направления сознание выступало в качестве особого агента, основания деятельности которого заложены в нем самом. Попытки перейти от анализа отдельных функций (актов, процессов) сознания к его объяснению как целостности, имеющей собственную организацию, сводились к внутри психическим корреляциям между этими функциями. Как окружающая среда, так и сам действующий организм оказывались внешними по отношению к сознанию объектами приложения активности сознания.

Созданная логикой развития науки потребность в интеграции психических явлений свелась либо к поискам влияния одних функций на другие, либо к их сцеплению во внутри психическом кругу меж функциональных связей. Начальный период творчества многих психологов, воспринявших идею системности в ее образе, заданном категорией гомеостаза, говорит, что они прошли школу функционализма, разочаровавшись в ней.

В России павловское представление об "уравновешивании" организма со средой красноречиво свидетельствует о его приверженности все тому же принципу гомеостаза. Вместе с тем в эти годы в России позиции, близкие функционализму, занимали ведущие психологи, в частности Н.Н. Ланге и А.Ф. Лазурский. Выдающийся ученик Лазурского М.Я. Басов опубликовал свою первую монографию под названием, открыто декларирующим его приверженность функционализму, – "Воля как предмет функциональной психологии".

Однако в методологической ориентации Басова вскоре происходит коренной перелом. Он был обусловлен новой идейной атмосферой в России, где утвердились два учения, изменившие образ психологии в стране, – учение Маркса и учение Павлова.

Системный подход к деятельности

Учение Маркса побудило отграничить поведение от специфически человеческого способа общения индивида со средой, каковым является деятельность. Басов первым поставил вопрос о деятельности как особом, не сводимом к другим, системном образовании, имеющем спую "морфологию", включающую среди других компонентов условные рефлексy.

Трактовка деятельности как особой системы, в недрах которой формируются психические процессы, была разработана С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. Попытка предпринять структурный анализ деятельности привела А.Н. Леонтьева к выделению в ней различных компонентов (таких, как действие и операция, мотив и цель). Они были названы "единицами", которые образуют ее "макроструктуру". В то же время этот "деятельностный подход" применительно к сфере психических явлений требует выхода за ее пределы. "Системный анализ человеческой деятельности необходимо является также анализом по уровневому. Именно такой анализ позволяет преодолеть противопоставление физиологического, психологического и социального, равно как и сведение одного к другому".

Принцип системности и кибернетика

В середине XX столетия понятия системного анализа приобрели особую актуальность в связи с проблемами организации сверхсложных объектов, необходимостью принимать решения, касающиеся принципиально новых социоэкономических, человекомашинных и т.п. систем.

Проблемы, разрабатываемые некоторыми психологическими направлениями, оказались в ряду главных проблем кибернетики. Бихевиоризм, как мы знаем, претендовал на то, чтобы быть наукой об управлении поведением, понимая его, однако, преимущественно как автоматически совершающийся процесс и видя в категории образа непреодолимую преграду для его строго причинного объяснения. Гештальтпсихология выдвигала на передний план принцип самоорганизации и структурности психической деятельности, понятой как преобразование целостных структур – гештальтов. Речь шла о том, что общая организация целого определяет свойства и поведение его отдельных компонентов.

Системный подход стал определяющим и для кибернетики. Вместе с тем в русле кибернетического движения шли поиски теории, способной соединить трактовку управления как автоматически совершающегося процесса с идеей о роли познавательных (информационных) структур. Попытки сблизить эти подходы предпринимались в свое время приверженцами как бихевиористского, так и гештальтистского направлений. Так, необихевиорист Толмен утверждал, что пробежка белых крыс по лабиринту регулируется не раздражителями, а "знаковыми гештальтами" и "познавательными картами". По мнению же гештальтиста Келера, изменение структуры "зрительного поля" управляет двигательными реакциями обезьяны, соединяющей в результате образования нового сенсорного гештальта (путем инсайта) две палки, чтобы достать приманку. Но и у Келера, и у Толмена между чувственным образом и мышечным действием зияла пропасть. Опыт бихевиоризма и гештальтизма говорил о том, что в пределах их категориальных схем невозможно позитивно решить вопрос об эмпирически очевидной, непосредственной связи образа и действия. Нужно было выйти за пределы этих схем к новым теоретическим обобщениям, с высоты которых удалось бы преодолеть ограниченность бихевиористского и гештальтистского подходов. Притом задача построения новой концепции не ограничивалась уровнем сугубо теоретического исследования. Толмен и Келер могли высказывать различные гипотезы о соотношении между образным гештальтом и структурой двигательных реакций, не связывая себя необходимостью изготовить машину, работающую по их проектам. Кибернетика же, выступая в качестве общей теории управления в живых организмах и машинах, сталкивалась с такой необходимостью. Происходящее в организме (включая процессы психической регуляции деятельности) должно быть в принципе воспроизводимо в машине. В противном случае притязания на общую теорию утрачивают смысл. Это создавало и большие преимущества, и огромные трудности. Ориентация на практику говорила о способности кибернетики реально преобразовывать деятельность, оптимизировать процессы управления, разрабатывать системы, которые усиливают, заменяют и изменяют психические функции. Но, чтобы справиться со столь ответственной задачей, кибернетика с первых же ее шагов была вынуждена соотносить свои теоретические модели с возможностью их технической реализации – хотя бы с принципиальной возможностью.

Высокий уровень формализации и математизации кибернетического знания позволял охватить общие структурные и динамические признаки в качественно разнородных системах управления. Но не в математике самой по себе, а в математическом обобщении того, что свойственно определенному аспекту реальности, коренились успехи кибернетики.

Задолго до кибернетики этот аспект стал объектом научного исследования, в частности психологического. Завоеванное научной мыслью на одном этапе становится предпосылкой ее достижений на последующем. К числу завоеваний относятся не только открытые законы, но и поставленные проблемы. В этом нетрудно убедиться, открыв "Кибернетику" американского математика Норберта Винера, стоявшего во главе того неформального "колледжа" ученых разных специальностей, который создал кибернетическую программу. Обсуждались такие вопросы, как создание вычислительной машины, способной обучаться, и в связи с этим рассматривались факторы выработки условного рефлекса и механизмы поведения крыс в лабиринте. Широко использовались представление о гештальте как целостном образе, который сохраняется постоянным при непрерывном изменении раздражителей, а также идея о том, что "хранимая в уме информация расположена на нескольких уровнях доступности"¹⁴³.

Модель предполагает знание об образце. Каркасом же психологического знания являются его основные категории. Они преломились с различной степенью адекватности и психологических концепциях, к которым и вынуждена была обратиться кибернетика. Без этого она не могла определить, что же именно следует моделировать с тем, чтобы охватить единой системой понятий управление и связь в организме и машине. Конечно, эта система никогда не приобрела бы позитивный смысл, если бы являла собой эклектическое соединение разнородных идей. Созданное в предшествующий период развития физиологических и психологических знаний вошло в кибернетику в преобразованном виде. Фундаментальные кибернетические представления о том, что работа исполнительного аппарата определяется осведомительной информацией, что информация организована в целостные структуры, между которыми существует отношение изоморфизма, что переработка информации происходит на различных уровнях доступности для сознания, – все эти положения имели разветвленную родословную.

В психологических концепциях кибернетика черпала не только проблемы, но также некоторые способы объяснения. Ведь перед ней стояла задача воспроизвести в технической системе такой важнейший признак поведения живых существ, как его целесообразность. Известно, что впервые строго причинная трактовка указанного признака была дана Дарвином. Но Дарвин исходил из эволюции вида: естественный отбор непрерывно сортирует великое множество особей, сохраняя случайно оказавшихся приспособленными. Для кибернетики же важно было понять, на чем базируется целесообразность деятельности отдельной системы – индивида, а не вида.

Над этим вопросом давно бились психологи, начиная от Торндайка, стремившиеся объяснить целесообразное поведение (типа решения проблемы), не прибегая к по-

¹⁴³ Винер Н. Кибернетика. М., 1958, с. 185.

нятию о цели. В исследованиях Торндайка его экспериментальные кошки, пытавшиеся выбраться из "проблемного ящика", уже трактовались, по существу, как своего рода автоматы, поведение которых подчинено статистической детерминации. Реакция становится адаптивной (соответствующей цели) в результате ее отбора (являющегося "игрой случая") из множества других. Основываясь на изучении такого важнейшего аспекта поведения, как его целесообразность, кибернетика разработала ряд концепций, моделирующих именно этот аспект. Примером может служить экспериментальная модель лабиринта, в котором подопытное животное, шаг за шагом устраняя "тупики" (ошибочные ходы), вырабатывает нужную формулу реакции. Модель лабиринта из-за ее формальной простоты и в силу того, что многие разновидности задач (в том числе и задачи, явно относящиеся к творческим, например шахматные) могут быть описаны по ее типу, то есть типу перебора возможных шагов между "входом" и "выходом", стала центральной для кибернетических теорий поведения и мышления.

Столь же необычным было и представление о том, что причинной инстанцией являются наряду с внешними раздражителями уже заложенные в организме схемы или модели того, что должно быть достигнуто. Возможность существования подобных "целевых причин" первоначально не укладывалась в головах физиологов, привыкших представлять нервно-мышечную деятельность в терминах механического детерминизма. Лишь после того как возникла кибернетика, концепции которой позволили создать устройства, автоматически управляющие системами по принципу обратной связи на основе программы, содержащей "модель потребного будущего", стало очевидно, что "целевые причины" могут действовать и машине и что признать их в качестве причинного фактора вовсе не означает возвратиться в объятия телеологии.

Теоретические модели кибернетики работали не только в мышлении исследователей, но и в устройствах из металла и электронных ламп и полупроводников. Это значит, что они обладали способностью совершать реальные операции, изменять на практике мир, в котором живет человек. Способность же эта базировалась на совершенно особом "продукте", имя которому "информация". Во всех предшествующих учениях о животных как автоматах под автоматом понималась конструкция типа часового механизма. Орган, управляющий поведением, – головной мозг – мыслился в виде рефлекторно работающей машины, которая передает импульсы, идущие от органов чувств к мышцам. На место механических толчков или энергетических импульсов кибернетика поставила сигнал, несущий информацию о своем источнике. И это был огромный шаг вперед.

Слово "машина" веками служило образом, интегрировавшим два главных принципа: детерминизм и системность.

Книга Винера "Кибернетика" имела подзаголовок, точно выражавший основную идею: "управление и связь в животном и машине".

Тема объединения животного и машины интересовала ученых давно. Впервые она возникла, как мы знаем, в XVI веке в книге испанского врача Г. Перейры. В следующем веке появилось картезианское учение о животных как автоматах. Прошло еще сто лет, и другой врач, француз Ж. Ламетри, провозгласил, что машиной

можно считать и самого человека, которого в те времена многие представляли как "несовершенное творение бога с бессмертной душой".

Подводя под общий знаменатель живой организм и машину, Винер понимал под машиной технические устройства совершенно иного типа, чем известные предшествующим поколениям. Но в винеровской формуле новым содержанием было наполнено не только понятие о машине. Появление электронных вычислительных машин, ставших материально-технической опорой кибернетики, поражало как реальными достижениями, так и открывшимися воистину фантастическими перспективами. На фоне технических достижений совершенно новыми казались только эти необычные машины, которых не могло представить воображение Декарта, Ламетри, Сеченова. Что же касается живых организмов, с которыми сопоставлялись машины, то они воспринимались неспециалистами в качестве давно знакомого предмета. Но это была иллюзия. Знание об организмах и их поведении претерпело к середине века не меньшие изменения, чем знание о машинах. Именно поэтому и стало возможным охватить и единой системе понятий столь разнородные классы объектов. Без представлений о гомеостазе, о саморегуляции функций, о сигнале и обратной связи в нервной системе, об адаптивном поведении и т.д. кибернетика была бы так же немыслима, как и без ее математических теорий и технических моделей. Системному изучению поведения по программам, заданным новым кибернетическим стилем мышления, были противопоставлены программы изучения личности как уникальной системы, каждая из которых являет собой особый мир.

Картина раздробленности психологии, возникшая в начале XX века под впечатлением конфронтации нескольких крупных школ, превратилась в фантастически пеструю мозаику множества микротеорий, оспаривающих друг у друга право на верность реальности и на способность продуктивно решать практические проблемы человеческой жизни.

Тем не менее не угасало стремление отстоять целостность предмета психологии как науки. Спасительным якорем представилось некоторым авторам обращение к метатеории систем. Гордон Олпорт стал одним из идеологов такого подхода. По видимости хаотичное скопление различных психологических концепций и моделей может быть, как он полагал, разделено на два глобальных течения психологической мысли. В одном течении доминирует установка на физический монизм и детерминизм. Это бихевиоризм, схема "стимул – реакция", ортодоксальный психоанализ, кибернетика, учение о гомеостазе и об условных рефlekсах, теория информации, моделирование поведения по типу работы компьютера.

Другое течение считает, что человек сам участвует в определении своей судьбы. Сюда относятся: эго-психология, персонализм, экзистенциализм, концепция мотивов, укорененных в образе "Я" (таких, как уровень притязаний, жизненный стиль, самоактуализация и др.). Для всех этих теорий типична ориентация на будущее, на стремление к свободе, исполненное надеждой на реализацию личностных планов.

Психология знает многое как об одном, так и о другом. И о "механическом" (детерминистском) характере человеческих действий, описываемых реактивными моделями, и о "проактивной" самоактуализации личности, ее стремлении поддержать свое феноменологическое "Я" на возможно более высоком уровне.

Выход из этой критической для психологии как науки ситуации Олпорт усматривает в системном подходе, позволяющем соотнести понятия, описывающие зависимость человека от прошлого, с понятиями, говорящими об его неизбежной ориентации на будущее.

Такой подход требует трактовать систему поведения как открытую (а незамкнутую), интегрирующую "компьютерообразное" поведение со спонтанной активностью личности.

В разработке в таком духе принципа системности (Олпорт называет его "системным эклектизмом") усматривается перспектива преодоления контраверз и конфликтов, препятствующих воссозданию целостности "картины человека".

Глава 14. ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ

Наряду с принципами детерминизма и системности важнейшее значение для конструирования психологии как науки, ориентированной на изучение объективных закономерностей личности человека и его психики, имеет принцип развития. Уже у Дж. Локка мы находим ясно выраженную генетическую точку зрения, и с этого времени с нею начинают считаться в психологии. Потому безосновательным представляется широко распространенное мнение о том, что только В.Вундт начал применять генетический принцип при изучении психических процессов. Любое явление, рассматриваемое психологом, может получить адекватное объяснение, если оно становится предметом изучения в его развитии. Это относится как к филогенетическим процессам, характеризующим психику животных, так и к онтогенезу животных и человека. Применительно к личности, важнейшим фактором ее развития является историогенез, то есть освоение культуры как важнейшей стороны накопленного человечеством социального опыта. Биологическое в развивающейся личности выступает в превращенной форме как социальное.

При этом следует теоретически различать социализацию как процесс и результат освоения опыта (как культуры, так и антикультуры) и включение человека в систему образования, понимаемого в качестве целенаправленной и планомерно осуществляемой социализации в интересах человека и (или) общества, к которому он принадлежит.

Социализация имеет стихийный характер и отличие от образования, предполагающего специальную педагогическую организацию. Не являются сколько-нибудь обоснованными попытки противопоставить обучение и воспитание как компоненты образовательного процесса. Нет такой формы обучения, которая бы имплицитно

не включала бы в себя воспитательную функцию. В то же время, воспитывая человека, невозможно изъять из этого процесса элементы обучения. Так, формирование навыка становится базой для возникновения привычки, которая не может возникнуть сам по себе, вне того или иного момента обучения.

В теоретическом плане представляет значительный интерес в качестве предмета обсуждения вопрос о соотношении обучения и развития (Ж.Пиаже, Д. Брунер и др.). Наиболее продуктивный подход к решению этой дискуссионной проблемы был предложен Л.С.Выготским, показавшим детерминированность развития процессами обучения, в более широком понимании – образования.

Это не снимает вопроса о выяснении роли наследственного (биологического) фактора в его сопоставлении с культурно-историческими, социально-обусловленными детерминантами, среди которых важнейшее значение имеют процессы обучения. Биологическое и социальное, наследственное и приобретенное, и их определяющее значение на протяжении многих лет так или иначе становится исходным пунктом для построения различных теоретических конструкций, реализующих принцип развития (психоаналитические течения, бихевиоризм, необихевиоризм, концепция рекапитуляции Ст. Холла, теория конвергенции двух факторов В.Штерна и др.).

В российской психологии принцип развития приобрел весьма своеобразный характер. Психология в послеоктябрьский период, "выбрав" особый путь своего становления, оказалась в стороне от мировой психологической науки. Этот "выбор" объяснялся конкретно-историческими причинами, и, в частности, тем, что может быть обозначено как применение учеными тактики выживания. Поскольку наука могла сохранить себя, только двигаясь в русле идей марксизма, ей приходилось в данной идеологической парадигме отыскивать то, что, с одной стороны, могло ей придать импульс для получения реального результата исследования, а с другой стороны, не противостоять официальным установкам властей. Эту возможность открывало, в частности, обращение к принципу развития, философские основы которого содержались в трудах Гегеля и оказались ретранслированными, в дальнейшем, Марксом и Энгельсом.

Именно по этой причине в 20-е годы интенсивно проводились исследования в области сравнительной психологии, обращенной к филогенезу в животном мире (В.А. Вагнер, Н.Н. Ладыгина-Коте, Г.З. Рогинский, В.Н. Боровский и др.), а также и детской (возрастной психологии), интегрированной в комплекс педологических наук (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, М.Я. Басов и др.).

Таким образом, принцип развития, детерминирующий трактовку процессов филогенеза и онтогенеза, а следовательно, дающий возможность продолжить работу в ряде отраслей психологической науки, оказался "освящен грифом" диалектико-материалистической методологии. Обращение к принципу развития позволило психологам в Советской России не допустить полной изоляции науки от процессов, развертывающихся в мировой психологии.

В работах как российских, так и зарубежных ученых принцип развития трактовался как взаимосвязь изменений психологических явлений и порождающих их причин.

При этом принималась во внимание зависимость происходящих преобразований психических явлений от их включенности в целостную систему.

Новообразования в ходе психического развития характеризовались: необратимостью изменений, их направленностью, закономерностью преобразований, их трансформацией от этапа к этапу развития, "надстраиванием" новых преобразований над предшествующими, имеющими не только количественные, но и прежде всего качественные параметры. Как выяснилось, наиболее продуктивен такой подход к построению теорий, обращенных к психическому развитию, в котором находятся в органичном сочетании идеи преемственности и качественного своеобразия ступеней (этапов, периодов, эпох) развития.

Если до начала 70-х годов в психологии доминировала проблема развития психики, то в последующие десятилетия был осуществлен переход к решению вопроса о развитии личности человека, к построению соответствующей периодизации его этапов. Одним из вариантов решения этой проблемы стало обращение к возможностям социальной психологии. В качестве системообразующего начала был принят принцип деятельностного опосредствования, детерминирующий закономерности перехода от одного возрастного периода к другому. На этом основании была построена периодизация развития личности.

Итак, принцип развития может и должен рассматриваться в единстве с двумя другими принципами построения психологической теории – детерминизма и системности.

Развитие психики в филогенезе

Проблема развития психики представляла собой краеугольный камень всей психологии первой трети XX столетия. Для разработки этой проблемы лейтмотивом явилось обращение к эволюционным идеям Ч. Дарвина.

И.М. Сеченов наметил задачу исторически проследить развитие психических процессов в эволюции всего животного мира. Исходя из того, что в процессе познания следует восходить от простого к сложному или, что то же, объяснять сложное более простым, но никак не наоборот, Сеченов считал, что исходным материалом для разработки психических фактов должны служить простейшие психические проявления у животных, а не у человека. Сопоставление конкретных психических явлений у человека и животных есть сравнительная психология, резюмирует Сеченов, подчеркивая большую важность этой ветви психологии; такое изучение было бы особенно важно для классификации психических явлений, потому что свело бы, вероятно, их многие сложные формы к менее многочисленным и простейшим типам, определив, кроме того, переходные ступени от одной формы к другой.

Позднее, в "Элементах мысли" (1878) Сеченов утверждал необходимость разработки эволюционной психологии на основе учения Дарвина, подчеркивая, что великое учение Дарвина о происхождении видов поставило, как известно, вопрос об эволюции, или преемственном развитии животных форм, на столь осязательные основы, что в настоящее время огромное большинство натуралистов придерживаются этого взгляда и поэтому логически должны признать и эволюцию психологических деятельностей.

А.Н. Северцов в книге "Эволюция и психика" (1922) анализирует форму приспособления организма к среде, которую он именует способом приспособления посредством изменения поведения животных без изменения их организации. Это приводит к рассмотрению различных типов психической деятельности животных в широком смысле этого слова. Как показал Северцов, эволюция приспособлений посредством изменения поведения без изменения организации пошла в дивергирующих направлениях по двум главным путям и в двух типах животного царства достигла своего высшего развития.

В типе членистоногих прогрессивно эволюционировали наследственные изменения поведения (инстинкты), у их высших представителей – насекомых – образовались необыкновенно сложные и совершенные, приспособленные ко всем деталям образа жизни инстинктивные действия. Но этот сложный и совершенный аппарат инстинктивной деятельности является вместе с тем крайне косным: к быстрым изменениям животное приспособиться не может.

В типе хордовых эволюция пошла по другому пути: инстинктивная деятельность не достигла очень большой сложности, но приспособление посредством индивидуального изменения поведения стало развиваться прогрессивно и значительно повысило пластичность организма. Над наследственной приспособляемостью появилась надстройка индивидуальной изменчивости поведения,

У человека надстройка достигла максимальных размеров, и благодаря этому он, как подчеркивает Северцов, является существом, приспособляющимся к любым условиям существования, создающим себе искусственную среду – среду культуры и цивилизации. С биологической точки зрения нет существа, обладающего большей способностью к приспособлению, а следовательно, большим количеством шансов на выживание в борьбе за существование, чем человек.

Эволюционный подход получил продолжение в трудах В.А. Вагнера, который приступил к конкретной разработке сравнительной, или эволюционной, психологии на основе объективного изучения психической жизни животных.

Для понимания его принципиальной позиции интерес представляет статья "А.И. Герцен как натуралист" (1914). В ней Вагнер развивает идеи, намеченные в ряде ранних работ, раскрывает сущность критики Герценом как шеллингианства, пренебрегавшего фактами, так и эмпиризма, представителям которого хотелось бы относиться к своему предмету сугубо эмпирически, страдательно, лишь наблюдая его. Эти столкновения субъективизма, собственно для естествоведения ничего не сделавшего, с эмпиризмом и ошибочность обоих направлений увидели в ту эпоху, как считал Вагнер, только два великих писателя – Гёте и молодой Герцен. Вагнер приводит слова Герцена – "без эмпирии нет науки" – и в то же время подчеркивает, что за философской мыслью Герцен признавал не меньшую важность, чем за эмпиризмом.

Вагнер писал о тех "патентованных ученых", которые ценят в науке только факты и не додумались, какую глубокую ошибку они совершают, уверяя, что теории гибнут, а факты остаются. "Факты изменяются в зависимости от теорий и в связи с ними". Факты описывал Линней, те же факты описывали Бюффон и Ламарк, но в

их описании факты оказались иными. "Для понимания их... нужно... уметь пользоваться философским методом наведения. Нужно помнить, что рядом с расчленением науки, необходимым в интересах не познания истины, а приемов и методов изучения, существует высокий научный монизм, о котором писал Герцен"¹⁴⁴.

В своих исследованиях, посвященных проблемам развития психики и построенных на богатейшем фактическом материале, Вагнер никогда не оставался "рабом факта", а нередко поднимался до "высшего научного монизма", как он именовал философский материализм Герцена.

В своем труде "Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология)" (1910-1913) Вагнер противопоставляет и вопросам сравнительной психологии научному мировоззрению теологическое и метафизическое.

Теологическое мировоззрение, окончательно оформившееся, по мнению Вагнера, у Декарта, заключалось в отрицании души у животных и представлении их в виде автоматов, хотя и более совершенных, чем всякая машина, сделанная человеком. Замечая, что это мировоззрение всего ближе соответствовало христианскому учению о бессмертии души, Вагнер заключает, что его современное значение ничтожно. Он не считает обоснованными попытки возродить теологическое мировоззрение на почве антидарвинизма, указывая, что такая точка зрения представляет собой рудимент когда-то могущественной теологической философии, видоизмененной и приспособленной к данным современных биологических исследований.

Остатком прошлого является и метафизическое направление, которое пришло на смену теологическому. Вагнер называл метафизику родной сестрой теологии в ее воззрении на душу как самостоятельную сущность. Для современных метафизиков, писал Вагнер, типичны попытки примирить метафизику с наукой. Они уже не говорят о непогрешимости своих умозрений и пытаются доказать, что никакой противоположности между метафизическим и научным решениями "проблем духа и жизни" нет. Вагнер считает эти соображения бездоказательными, а примирение таким образом понимаемой им метафизики с наукой – делом невозможным и ненужным.

Научный подход в истории проблемы развития психики характеризуется, по Вагнеру, столкновением двух противоположных школ.

Одной из них присуща идея о том, что в человеческой психике нет ничего, чего не было бы в психике животных. Атак как изучение психических явлений вообще началось с человека, то весь животный мир был наделен сознанием, волею и разумом. Это, по его определению, "монизм *ad hominem*" (лат. – применительно к человеку), или "монизм сверху".

Вагнер показывает, как оценка психической деятельности животных по аналогии с человеком приводит к открытию "сознательных способностей" сначала у млекопитающих, птиц и других позвоночных, потом у насекомых и беспозвоночных до од-

¹⁴⁴ Вагнер В.А. Герцен как натуралист // Вестник Европы. 1914, №9, с. 22.

ноклеточных включительно, затем у растений и, наконец, даже в мире неорганической природы. Так, возражая Э. Васману, который считал, что муравьям свойственны взаимопомощь в строительной работе, сотрудничество и разделение труда, Вагнер справедливо характеризует эти мысли как антропоморфизм¹⁴⁵.

Несмотря на ошибочность тех конечных выводов, к которым пришли многие ученые, проводя аналогию между действиями животных и людей, этот субъективный метод имел принципиальных защитников и теоретиков в лице В. Вундта, Э. Васмана и Дж. Романеса. Для Вагнера этот метод неприемлем даже с теми корректировками к нему, с теми рекомендациями "осторожно им пользоваться" и прочими оговорками, которые характерны для последних. "Ни теория Романеса, ни коррективы Васмана, – утверждает Вагнер, – не доказали научности субъективного метода. Я полагаю при этом, что неудача их попытки является следствием не недостатка их аргументации или неполноты их соображений, а исключительно неудовлетворительности самого метода, в защиту которого они, хотя и по разным соображениям, выступают"¹⁴⁶.

Трудно назвать как в России, так и на Западе биолога или психолога, который в этот период с такой убедительностью и последовательностью разрушал бы веру в могущество субъективного метода, критиковал антропоморфизм в естествознании, как это делал Вагнер. Некоторым ученым он даже казался в этом отношении слишком резким и склонным к крайностям.

Биолог Ю. Филиппченко, как будто сочувственно излагавший отрицательную оценку Вагнером "монизма сверху", был, однако, склонен, как и Васман, ограничиваться поверхностной критикой "ходячей психологии животных". Целиком отрицать метод аналогии нельзя, считал Филиппченко, и "без некоторого элемента аналогии с психикой человека" невозможна никакая психология животных. Он безоговорочно подписывался под словами Васмана: "Человек не обладает способностью непосредственного проникновения в психические процессы животных, а может заключать о них только на основании внешних действий... Эти проявления душевной жизни животных человек затем должен сравнивать с собственными проявлениями, внутренние причины которых он знает из своего самосознания"¹⁴⁷. Далее Филиппченко утверждал, что необходимость подобных сравнений не отрицается и самим Вагнером, и приводил слова последнего о том, что объективная биопсихология для решения своих задач также пользуется сравнением психических способностей, но совершенно иначе как по материалу сравнения, так и по способу его обработки. Здесь, как видим, происходила подмена вопроса о возможности аналогии между психикой человека и психикой животных (что относится к проблеме методов сравнительной психологии) вопросом о сравнении психики животных и человека (что

¹⁴⁵ Это место в "Биопсихологии" вызвало в 20-х годах упреки со стороны Ю. Фролова. По поводу критики Вагнером антропоморфического понимания "способности" муравьев к взаимопомощи Ю. Фролов иронически замечает, что "В. Вагнер посвящает много труда, чтобы доказать, что муравьи при совместной работе не помогают друг другу, но лишь мешают!" (Фролов Ю. Физиологическая природа инстинктов. 1925, с. 74). Между тем исследования Вагнера действительно показали, что муравьи тащат предмет, вовсе не сотрудничая друг с другом, а каждый сам по себе и если их работа и производит впечатление согласованных действий, то лишь потому, что каждый в отдельности муравей двигается к одной и той же цели – к муравейнику. Кажущаяся согласованность возникает при движении муравьев по гладкой дороге. Если же встречаются препятствия, муравьи лишь мешают друг другу. Муравьи могут и помогать, и мешать друг другу в зависимости от обстоятельств.

¹⁴⁶ Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). Ч. I и II. СПб.-М., 1910-1913, с. 38.

¹⁴⁷ Филиппченко Ю. Предмет зоопсихологии и ее методы // Новые идеи в философии. Сб. 10.1913, с.37.

составляет предмет сравнительной психологии). Признавая необходимым сравнение психики человека и животных (без этого не было бы сравнительной психологии), Вагнер отрицал необходимость и возможность метода прямых аналогий с психикой человека в биопсихологии.

Другое направление, противоположное "монизму сверху", Вагнер именовал "монизмом снизу". В то время как антропоморфисты, исследуя психику животных, мерили ее масштабами человеческой психики, "монисты снизу" (к их числу он относил Ж. Леба, К. Рабля и др.), решая вопросы психики человека, определяли ее, наравне с психикой животного мира, мерою одноклеточных организмов.

Если "монисты сверху" везде видели разум и сознание, которые в конце концов признали разлитыми по всей вселенной, то "монисты снизу" повсюду (от инфузории до человека) усматривали только автоматизмы. Если для первых психический мир активен, хотя эта активность и характеризуется теологически, то для вторых – животный мир пассивен, а деятельность и судьба живых существ полностью предопределены "физико-химическими свойствами их организации". Если "монисты сверху" в основу своих построений клали суждения по аналогии с человеком, то их оппоненты видели такую основу в данных физико-химических лабораторных исследований.

Таковы сопоставления двух основных направлений в понимании проблемы развития в психологии. Здесь схвачены принципиальные недостатки, которые для одного направления сводятся к антропоморфизму, субъективизму, а для другого – к зооморфизму, фактическому признанию животных, включая высших и даже человека, пассивными автоматами, к непониманию качественных изменений, характерных для высших ступеней эволюции, то есть в конечном счете к метафизическим и механистическим ошибкам в концепции развития.

Вагнер поднимается до понимания того, что крайности в характеристике развития неизбежно сходятся: "Крайности сходятся, и потому нет ничего удивительного в том, что монисты "снизу" в своих крайних заключениях приходят к такому же заблуждению, к какому пришли монисты "сверху", только с другого конца: последние, исходя из положения, что у человека нет таких психических способностей, которых не было бы у животных, подводят весь животный мир под один уровень с вершиной и наделяют этот мир, до простейших включительно, разумом, сознанием и волей. Монисты "снизу", исходя из того же положения, что человек в мире живых существ с точки зрения психологической ничего исключительного из себя не представляет, подводят весь этот мир под один уровень с простейшими животными и приходят к заключению, что деятельность человека атакой же степени автоматична, как и деятельность инфузорий"¹⁴⁸.

В связи с той критикой, которой подверг Вагнер воззрения "монистов снизу", необходимо коротко затронуть сложный вопрос об его отношении к физиологическому учению И.П. Павлова. Вагнер, отдавая Павлову должное (называет его "выдающимся по таланту") и сходясь с ним в критике субъективизма и антропоморфизма, тем не менее, считал, что метод условных рефлексов пригоден для выяснения разумных процессов низшего порядка, но недостаточен для исследования высших

¹⁴⁸ Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). Ч. I и II, с. 223.

процессов. Он стоял на том, что рефлексорная теория, оказываясь недостаточной для объяснения высших процессов, в такой же мере недостаточна и для объяснений основного материала сравнительной психологии – инстинктов. Физиологический механизм инстинкта пока неизвестен и не может быть сведен к безусловному рефлексу – таков его вывод.

При этом Вагнер не утрачивал детерминистической последовательности, трактуя инстинктивные действия в качестве наследственно фиксированной реакции на сумму внешних воздействий, и вместе с тем не отрицал, что в основе всех действий лежат рефлексy. Считая, что между инстинктами и разумными способностями непосредственной связи нет, Вагнер видит их общее рефлексорное происхождение. Действия инстинктивные и разумные восходят к рефлексам – в этом их природа, их генезис. Но он не приемлет механического сведения инстинктов к рефлексу. Здесь Вагнер касается исходного пункта разногласий, характерных для того времени, – вопроса о возможности или невозможности сведения сложных явлений к их составляющим. "В таком утверждении (что все это в сущности явления одного рода. – А.П.)... нет ничего неправдоподобного; но вопрос-то не в том, содействует ли такой способ решения задачи познанию истины или тормозит это познание"¹⁴⁹. "Не ясно ли, – продолжает он, – что лишь идя... путем различения предметов и их анализа, мы можем подойти к выяснению истинной природы этих вещей, что всякие иные пути, стремящиеся под предлогом кажущейся однородности явлений отмахнуться от реального их различия, представляют недопустимую методологическую ошибку... Доказывать, что инстинкты представляют собой только рефлексy, не более основательно, чем доказывать, что крыло бабочки, дракона, птицы и аэроплана суть явления одного и того же рода. Они действительно однородны в качестве приспособления к полету, но совершенно разнородны по существу. То же и рефлексy с инстинктами, явления эти, сточки зрения приспособленности, однородны: и те и другие наследственны, и те и другие нецелепонимательны. Но утверждать на основании частичных признаков сходства, что явления эти однородны по существу, полагать, что, изучив механизм рефлексов, мы можем познать инстинкты, то есть установить законы их развития и отношения к разумным способностям, законы их изменения и образования, – это так демонстративно расходится с фактами, что настаивать на противном едва ли основательно"¹⁵⁰.

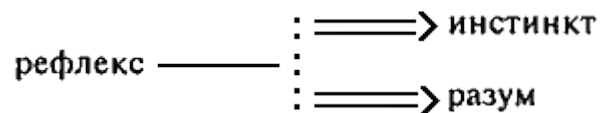
Вагнер поднимается здесь до диалектического понимания отношений между рефлексами и инстинктами (рефлексy и инстинкты и однородны, и неоднородны, однородны в одном и разнородны в другом). Выше мы отмечали, что сточки зрения Вагнера инстинкты (как и "разумные действия") имеют своим источником рефлексy. Он, таким образом, различает вопрос о происхождении инстинктов и разума (здесь он на позициях рефлексорной теории) и о сведении психических способностей к рефлексам (здесь он против механицизма рефлексологов). Эта трудная проблема постоянно возникает в истории психологии, оставляя верным диалектическое решение вопроса. Это единственный проход между Сциллой субъективизма и Харибдой механицизма (отказ от признания рефлексорного происхождения разума и инстинкта – союз с субъективизмом; сведение психики к рефлексам – союз с механицизмом).

¹⁴⁹ Вагнер В.А. Биопсихология и смежные науки. 1923, с. 25.

¹⁵⁰ Вагнер В.А. Там же, с. 25.

В последней, оставшейся неопубликованной работе "Сравнительная психология. Область ее исследования и задачи" Вагнер вновь обращался к проблеме инстинкта, формулируя теорию колебания инстинктов (теорию флуктуации).

Продолжая подчеркивать рефлекторное происхождение инстинктов, он еще раз оговаривает иной подход к их генезису, нежели тот, который был присущ исследователям, линейно располагавшим рефлекс, инстинкты и разумные способности, как у Г. Спенсера, Ч. Дарвина, Дж. Романеса: рефлекс – инстинкт – разум, или как у Д.Г. Льюиса и Ф.А. Пуше: рефлекс – разум – инстинкт (в последнем случае разум подвергается редукции). По Вагнеру, здесь наблюдается расхождение психических признаков:

Для понимания образования и изменения инстинктов он использует понятие видового шаблона. Инстинкты, по словам Вагнера, представляют не стереотипы, которые одинаково повторяются всеми особями вида, а способность, неустойчивую и колеблющуюся в определенных наследственно фиксированных пределах (шаблонах), для каждого вида своих. Понимание инстинкта как видового шаблона, который наследственно образуется на длинном пути филогенетической эволюции и который, однако, не является жестким стереотипом, привело Вагнера к выводу о роли индивидуальности, пластичности и вариабельности инстинктов, о причинах, вызывающих новообразования инстинктов. Он указывает, что, помимо генезиса путем мутаций (путь к образованию типически новых видов признаков), возможен генезис путем флуктуации. Последний лежит на путях приспособления к изменяющимся условиям.

Вагнер далек от представления о том, что особь может, к примеру, вить гнездо по-разному, по своему усмотрению, как полагали представители классической зоопсихологии. Инстинкт особи индивидуален в том смысле, что соответствует данному колебанию, или, лучше сказать, индивидуален в пределах видового шаблона (трафаретен для вида, индивидуален для особи). Совокупность колебаний инстинкта всех особей вида образует наследственно фиксированный шаблон с более или менее значительной амплитудой колебаний. Теория колебания инстинктов является ключом к выяснению генезиса новых признаков. Факты свидетельствуют, считал Вагнер, что в тех случаях, когда отклонение колебания от типа зайдет за пределы его шаблона, то оно становится в условия, при которых может положить начало возникновению новых признаков, если признак этот окажется полезным и даст некоторые преимущества в борьбе за существование (вследствие чего и будет поддержан естественным отбором).

Не могли не вызывать отрицательного отношения у Вагнера попытки отдельных физиологов, к которым относились в этот период некоторые павловские сотрудники (Г.П. Зеленый и др.), соединить метафизику с физиологией. Он писал, что физиологи, очутившись в чуждой им области отвлеченных соображений, нередко забираются в такую гущу метафизики, что можно лишь недоумевать над тем, как могут совмещаться в одном мозгу столь противоположные способы мышления.

Отрицательную реакцию вызвала у Вагнера трактовка зоопсихологии как науки сплошь антропоморфистской и субъективистской, разделявшаяся многими физиологами и самим Павловым. В этот период зоопсихолог для Павлова – тот, кто "хочет проникать в собачью душу", а всякое психологическое мышление есть "адетерминистическое рассуждение". В самом деле, в те годы, когда Павлов разрабатывал основные положения своего учения о физиологии высшей нервной деятельности, а Вагнер – биологические основания сравнительной психологии, И.А. Сикорский писал, как о чем-то само собой разумеющемся, об "эстетических чувствах" рыб, о "понимании музыки" у амфибий, об "интеллектуальных упражнениях" попугаев, о "чувстве благоговения у быков". Подобный антропоморфизм был в равной мере чужд как Павлову, так и Вагнеру.

Субъективные расхождения Павлова и Вагнера исторически объясняются трудностью решения многих философских проблем науки, и прежде всего проблемы детерминизма. В результате один из них (Вагнер) неправомерно связывал другого с чисто механистической физиологической школой, а другой (Павлов) так же неправомерно не делал никаких исключений для зоопсихологов, стоящих на антиантропоморфистских позициях.

Объективную общность позиций Павлова и Вагнера подметил еще Н.Н. Ланге. Критикуя психофизический параллелизм, или "параллелистический автоматизм", физиологов-механицистов, Н.Н. Ланге выдвинул аргументы, заимствованные из эволюционной психологии. Он указывал, что "параллелистический автоматизм" не может объяснить, каким образом и почему развилась психическая жизнь. Если эта жизнь не оказывает никакого влияния на организм и его движения, то теория эволюции оказывается неприменимой к психологии. "Эта психическая жизнь совершенно не нужна организму, он мог бы так же действовать и при полном отсутствии психики. Если же мы придаем психической жизни биологическую ценность, если в развитии ее видим эволюцию, то эта психика уже не может быть бесполезной для самосохранения организма"¹⁵¹.

В своей "Психологии" Ланге отделяет взгляды Павлова от механистической системы "старой физиологии" и показывает, имея в виду школу Павлова, что в "самой физиологии мы встречаем ныне стремление к расширению старых физиологических понятий до их широкого биологического значения. В частности, такой переработке подверглось понятие о рефлексе – этой основе чисто механического толкования движений животного"¹⁵².

Таким образом, Ланге уже тогда увидел, что механистическая концепция рефлекса, восходящая к Декарту, подвергается переработке в павловском учении об условных рефлексах. "Знаменитые исследования проф. Павлова относительно реффлекторного выделения слюны и желудочного сока, – пишет Ланге, – показали, какие разнообразные, в том числе и психические, факторы оказывают свое влияние на эти рефлексy. Прежнее упрощенное понятие о рефлексе как о процессе

¹⁵¹ Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки. Т. VIII. 1914, с. 89.

¹⁵² Там же, с. 90.

совершенно независимом от психики оказывается, в сущности, догматичным и недостаточным"¹⁵³ Ланге справедливо сближает Павлова не с физиологами-механицистами, а с биологами-эволюционистами.

Критикуя антропоморфизм и зооморфизм в сравнительной психологии, Вагнер разработал объективные методы изучения психической деятельности животных. Исходя из генетического родства животных форм, натуралист-психолог, по мнению Вагнера, должен сравнивать психические проявления данного вида с таковыми не у человека, а у ближайших в эволюционном ряду родственных форм, от которых это сравнение можно вести и далее. Основные зоопсихологические труды Вагнера построены на применении этого объективного метода и являются свидетельством его плодотворности.

Сравнительно-генетический подход к проблемам психологии вызвал непреходящий интерес к идеям и трудам В.А. Вагнера у Л.С. Выготского. Знакомство с неопубликованной перепиской этих двух ученых (к сожалению, письма Вагнера к Выготскому не сохранились, и об их содержании можно судить лишь по ответам последнего) свидетельствует об огромном влиянии, которое оказывал Вагнер на своего молодого коллегу.

Задавшись целью проследить происхождение и развитие психических функций, Выготский обращается к трудам Вагнера. Именно у него Выготский находит положение о признании "центральной для выяснения природы высших психических функций, их развития и распада", понятия "эволюции по чистым и смешанным линиям". Появление новой функции "по чистым линиям", то есть возникновение нового инстинкта, который оставляет неизменной всю прежде сложившуюся систему функций, – это основной закон эволюции животного мира. Развитие функций по смешанным линиям характеризуется не столько появлением нового, сколько изменением структуры всей прежде сложившейся психологической системы. В животном мире развитие по смешанным линиям крайне незначительно. Для человеческого же сознания и его развития, как показывают исследования человека и его высших психических функций, подчеркивает Выготский, на первом плане стоит не столько развитие каждой психической функции ("развитие по чистой линии"), сколько изменение межфункциональных связей, изменение господствующей взаимозависимости психической деятельности ребенка на каждой возрастной ступени. "Развитие сознание в целом заключается в изменении соотношения между отдельными частями и видами деятельности, в изменении соотношения между целым и частями"¹⁵⁴.

Роль наследственности и среды в психическом развитии

Проблема развития личности и психики ребенка в 20-х и начале 30-х годов XX века входила в компетенцию педологии – науки о детях. В силу различных причин (политических, идеологических и др.) в середине 30-х годов произошел разгром педологии, начало которому положило постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 года

¹⁵³ Там же, с. 89.

¹⁵⁴ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960, с. 369.

"О педологических извращениях в системе наркомпросов". Педология была объявлена лженаукой, а педологи лжеучеными.

Последствия уничтожения педологии надолго затормозили развитие психологической науки, ее теории и прикладных отраслей¹⁵⁵.

В газете "Правда" от 5 июля 1936 года можно было прочитать: "Контрреволюционные задачи педологии выражались в ее "главном" законе – фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды".

Этот подход получил дальнейшее развитие: "Антимарксистские утверждения педологов полностью совпадали с невежественной антиленинской "теорией отмирания школы", которая также игнорировала роль педагога и выдвигала решающим фактором обучения и воспитания влияние среды и наследственности"¹⁵⁶.

Были ли основания обвинять педологию в признании фатальной роли наследственности и социальной среды для развития психики и личности ребенка и игнорирования роли школы?

Если в 20-е годы в некоторых работах педологов можно найти отдельные высказывания, позволяющие говорить о подобных ошибочных заключениях, то уже с начала 30-х годов нет каких-либо серьезных данных для утверждения такого рода. Более того, до 1936 года ведущие педологи подвергли критике ошибочные оценки роли наследственности и среды и предложили формулировки, которые в основном достаточно точно характеризуют факторы психического развития и не могут вызвать принципиальных возражений и в настоящее время.

С целью подтверждения предложенных нами выводов, мы считаем возможным дословно процитировать соответствующий раздел учебника "Педология", авторами которого были Г.А. Фортунатов и М.В. Соколов, "Роль наследственности и приобретенного в развитии ребенка" (написан Г.А. Фортунатовым в 1934-1935 годах, а книга вышла из печати в 1936 году)¹⁵⁷.

Г.А. Фортунатов пишет:

"Перейдем к вопросу об основных закономерностях возрастного развития ребенка.

Прежде всего необходимо уяснить себе, чем это развитие определяется, какую роль в развитии ребенка играют наследственные задатки, какое влияние на развитие оказывает социальная среда.

На все эти вопросы представители различных научных направлений дают различные ответы; необходимо в них критически разобраться.

Многие западные ученые считают, что развитие ребенка целиком определяется его наследственностью. Согласно этой теории, все наиболее существенные качества человеческой личности заложены уже в за-

¹⁵⁵ См.: Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии в 2-х томах. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1996.

¹⁵⁶ БСЭ. Изд. 1-е. Т. 44, с. 461.

¹⁵⁷ Автор настоящей главы, являясь учеником Г.А. Фортунатова, сохранил в своем архиве краткую запись беседы с его научным руководителем, где содержались разъяснения по вопросу, относящемуся к трактовке значения роли среды в трудах педологов.

родышевых клетках родителей (в генах). Характерные свойства, таким образом, биологически предопределены. Конечно, не предполагается, что сложнейшие психические функции заключены в генах как какие-то готовые качества; имеются в виду только их задатки; но развитие личности понимается как самораскрытие, саморазвертывание этих задатков. Среда может способствовать этому саморазвитию или задерживать его, но внести сколько-нибудь существенные качественные изменения она якобы не может.

По этой теории, потребности, симпатии, интересы ребенка развиваются и формируются по таким же законам, как развивается яйцо.

Развитие цыпленка в яйце есть органический процесс, подчиненный чисто биологическим законам. Развитие личности в этом понимании является также процессом чисто биологического созревания.

Выше мы уже говорили о недопустимости такого отождествления. Ребенок является существом, живущим в созданной людьми среде; он неразрывно связан с этой средой семьей, детским садом, школой. Несомненно, что наследственностью нам даны некоторые задатки, но не может быть и речи об их самостоятельном, независимом от среды саморазвитии в заранее предопределенном направлении. В различных социальных условиях эти задатки могут не только развиваться в большей или меньшей степени; одни и те же наследственные задатки, например у двух однояйцевых близнецов, в разных условиях обучения и воспитания могут развиваться в разных направлениях и дать в конечном итоге разные качества.

Иной подход к этому вопросу мы видим в другом научном лагере. К этому лагерю принадлежит целый ряд буржуазных ученых; особенным распространением эта точка зрения пользовалась в советской педологии на ранних этапах ее развития. Заключается эта точка зрения в следующем.

Борясь против теорий об отрыве личности от социальной среды, против недооценки этой среды, многие советские педологи поставили вопрос диаметрально противоположно: среда в их понимании стала все-сильной, ребенок же при рождении являлся как бы чистой доской. Что будет написано на этой доске – целиком ставилось в зависимость от среды. Все качества личности, за исключением того ничтожного багажа, с которым ребенок появляется на свет, целиком рассматривались как приобретенные, как прямой результат среды и воспитания; наследственные задатки совершенно не учитывались. Сам процесс развития рассматривался как процесс пассивного приспособления к окружающей среде. Ребенок как бы отражал в себе среду, рассматривался как простая копия, слепок со среды. Активность ребенка, его сознание, его меняющееся отношение к среде оставались в полном пренебрежении. Какова среда, таков и ребенок, при одинаковой среде и дети все должны быть одинаковыми – так короче всего можно сформулировать эту точку зрения.

Эта точка зрения казалась авторам оптимистической, так как она открывала широкий простор влияниям среды и воспитания. Очень легко, казалось, "на заказ" создавать желаемый тип ребенка, не встречая препятствий ни со стороны наследственных задатков, ни со стороны возрастных возможностей. Стиралось качественное отличие ребенка от взрослого; казалось, что из ребенка сразу можно сделать хорошего производственного и сознательного коммуниста – стоит только соответствующим образом его воспитать. По существу же такая постановка вопроса приводит к глубоко пессимистическим положениям: ребенок в сущности является покорной жертвой внешних сил и при плохих условиях воспитания неминуемо должен погибнуть; каким образом угнетение могло порождать борцов и революционеров – с этой точки зрения – становится непонятным.

В условиях нашей советской действительности переоценка роли среды и недоучет возрастных возможностей ребенка толкали на то, чтобы ставить себе неосуществимые воспитательные задачи. Пытались включать ребенка-дошкольника в выполнение промфинплана, найти ему место на производстве; возлагали на школьника чрезмерную общественную нагрузку и при этом игнорировали организованный учебный процесс, школу и т.п. Все это являлось практическим отражением неверных теоретических установок, и там и здесь не учитывалась школа.

Мы рассмотрели две противоположные теории, объясняющие значение среды и наследственности, социальных и биологических влияний в развитии ребенка. Обе оказались неприемлемыми. Нужно отметить и попытку создать из этих двух крайних точек зрения одну промежуточную. Попытка эта принадлежит немецкому ученому В.Штерну. "Если из двух противоположных точек зрения каждая может опереться на серьезные основания, то истина должна заключаться в соединении обеих", – говорит Штерн.

Штерн рассматривает наследственное и приобретенное в развитии ребенка как две силы, два фактора, противостоящие друг другу. Душевное развитие Штерн рассматривает "как результат конвергенции, схождения, скрещивания", то есть механического сцепления.

Нас никак не может удовлетворить и эта "промежуточная" точка зрения. Среда и наследственность не должны рассматриваться как две силы, действующие независимо друг от друга; как образно говорит американский педолог Гезелл, развитие не есть "марионетка, управляемая дерганием двух ниточек". Развитие есть процесс, в котором социальное и биологическое диалектически неразрывны. Нельзя представлять себе влияния среды как внешние наслоения, из-под которых можно вышелушить внутреннее, неизменное биологическое ядро.

Наследственно обусловленные задатки человека непрерывно изменяются и преобразуются в процессе социального развития. Но и приобретенные качества строятся на известной биологической основе, без которой немыслимо было бы развитие. Каждая следующая ступень развития включает в себя все предыдущие и строится, таким образом, на непрерывно изменяющейся основе. Биологическое в его первоначальном чистом виде перестает существовать, оно подчинено социальному, изменено им, и выделить его "в чистом виде" не представляется возможным. Точно так же и влияния среды не являются простыми, механическими напластованиями. Среда направляет развитие, но одна и та же среда влияет по-разному, в зависимости от того, как ребенок ее воспринимает, осознает, как он научился действовать в этой среде на предшествующих стадиях своего развития и что он представляет собой в физическом отношении. Решающими во влияниях среды на развитие ребенка являются школа и школьный педагогический процесс".

Явно не требуется дополнительных пояснений для того, чтобы подчеркнуть тенденциозность и лживость обвинений педологии в фатализации наследственности и среды как факторов психического развития. Труды Л.С. Выготского, П.П. Блонского, М.Я. Басова, М.М. Рубинштейна, Г.А. Фортунатова, проходившие в 20-е годы "по разряду педологии", реализовали принцип развития психики и личности в последующие годы. Они образовали фундамент построения психологической теории.

Развитие психики и развитие личности.

Проблема ведущей деятельности

Проблема развития ребенка становится приоритетной для российской психологии начиная с 30-х годов. Однако общие теоретические аспекты возрастной психологии до сих пор остаются дискуссионными.

В традиционном подходе к этой проблеме не различалось развитие личности и развитие психики. Между тем подобно тому, как личность и психика являются не тождественными, хотя и находятся в единстве, так и развитие личности и развитие психики образуют единство, но не тождество (не случайно возможно словопотребление "психика, сознание, самосознание личности", но, разумеется, не "личность психики, сознания, самосознания").

Так, аттракция (привлекательность субъекта для другого человека в условиях межличностного восприятия) трактуется в психологии как характеристика личности субъекта. Однако аттракция не может рассматриваться как характеристика его психики хотя бы потому, что он привлекателен для других и именно там, в психике этих людей, осознанно или неосознанно, складывается специфическое эмоциональное отношение к нему, как к привлекательному человеку, формируется соответствующая социальная установка. Для того чтобы изучить механизм аттракции, психолог должен принять во внимание особенности психики самого субъекта. Но это ничего не даст, если нам неизвестна ситуация, те реальные предметные отношения людей, в которых зарождается, проявляется и оценивается другими его привлекательность. Между тем эти реальные отношения складываются не во внутреннем пространстве его психики, а в межличностных связях, субъектом которых является человек как личность.

Самый изощренный, психологический анализ, обращенный исключительно к интраиндивидуальным, собственно психическим характеристикам человека, например к его мотивационно-потребностной сфере, не откроет для нас, почему он в одних сообществах оказывается привлекательной, а в других – отвратительной личностью. Для этого необходим психологический анализ этих сообществ, и это становится существенным условием понимания личности человека.

Признание того, что понятия "личность" и "психика" не могут при всем их единстве мыслиться как тождественные, не является очевидным. Начало методологическому рассмотрению идеи о тождестве личности и психики (сознания) содержится имплицитно в трудах некоторых психологов. Начало этому положил Э.В. Ильенков, который считал необходимым "искать разгадку "структуры личности" в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, во внутреннем пространстве личности. В этом пространстве сначала возникает человеческое отношение к другому индивиду (именно как реальное, чувственно-предметное, вещественно-осязаемое отношение, "внутри" тела человека никак не заложенное), чтобы затем – вследствие взаимного характера этого отношения – превратиться в то самое "отношение к самому себе", опосредствованное через отношение к "другому", которое и составляет суть личностной – специфически человеческой – природы индивида. Личность поэтому и рождается, возникает (а не проявляется!) в пространстве реального взаимодействия по меньшей мере двух индивидов, связанных между собой через вещи и вещественно-телесные действия с ними... Это именно реальное отношение, отношение двусторонне-активное, а не "отношение", как и каким оно представлено в системе самочувствий и сомнений одного из участников этого диалогического взаимодействия...".

"Личность не внутри "тела особи", а внутри "тела человека", которое к телу данной особи никак не сводится, не ограничивается его рамками..."

Итак, личность заключена не только внутри "тела особи", "внутри органического тела индивида", ее нельзя толковать как естественно-природное образование.

Можно в подробностях описать психические качества, процессы и состояния героя или злодея, но вне деяний, ими совершаемых, никто из них как личность перед нами не предстанет. Деяния же могут быть совершены только в сообществе людей, в реальных социальных отношениях, которые и творят, и сохраняют его как личность.

Теоретически недопустимое неразличение понятий "личность" и "психика" оказалось одной из основных причин деформации некоторых исходных принципов понимания движущих сил развития личности.

Л.С. Выготским (1930) была сформулирована идея социальной ситуации развития, "системы отношений между ребенком данного возраста и социальной действительностью как "исходного момента" для всех динамических изменений, происходящих в развитии течение данного периода и определяющих целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому ребенок приобретает новые и новые свойства личности".

Этот тезис Выготского принят как важнейший теоретический постулат концепции развития личности. В педагогической и возрастной психологии он не только никогда не опровергался, но и постоянно использовался как основополагающий (Л.И. Божович). Однако рядом с ним, а в дальнейшем фактически и вместо него в качестве исходного момента для объяснения динамических изменений в развитии фигурирует принцип "ведущего типа деятельности" (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.).

В.В. Давыдов считает, что "социальная ситуация развития – это прежде всего отношение ребенка к социальной действительности. Но именно такое отношение и реализуется посредством человеческой деятельности. Поэтому вполне правомерно в этом случае использовать термин "ведущая деятельность" как синоним термина "социальная ситуация развития".

Между тем если отношение ребенка к социальной действительности, что, по Л.С. Выготскому, и есть "социальная ситуация развития", реализуется "посредством человеческой деятельности", то без некоторого насилия над логикой само оно, очевидно, не может быть обозначено как "ведущая деятельность".

Тот факт, что социальное отношение реализуется посредством деятельности, представляется бесспорным, но сколько-нибудь очевидной связи понятия "социальная ситуация развития" и понятия "ведущая деятельность", впервые сформулированного в 40-е годы А.Н. Леонтьевым, здесь пока не прослеживается.

Что же такое "ведущая деятельность" и какую роль она играет в развитии личности?

По А.Н. Леонтьеву, "ведущая деятельность – это такая деятельность, развитие которой обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности на данной стадии его развития". "Жизнь или деятельность в целом не складывается, однако, механически из отдельных видов деятельности. Одни виды деятельности являются на данном этапе ведущими и имеют большее значение для дальнейшего развития личности, другие – меньшее. Одни играют главную роль в развитии, другие – подчиненную".

Выдвижение на первый план психологии развития личности проблемы "ведущей деятельности" или "ведущего типа деятельности" имеет свои объективные причины, обусловленные "надсознательным" процессом формирования категориального и понятийного строя психологической науки. В период, когда закладывались основы советской психологической науки, детская психология имела достаточно четко выраженную когнитивную ориентацию, обусловленную освоением марксистских идей (теория отражения). Исключительный по своей значимости вклад в выяснение конкретных механизмов и закономерностей развития перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов внесли работавшие в то время психологи, изучавшие развитие высших психических функций: логическую память, воображение, понятийное мышление (Л.С. Выготский); память и мышление (П.П. Блонский, А.Н. Леонтьев, П.И. Зинченко, Л.В. Занков, А.А. Смирнов); мышление (С.Л. Рубинштейн, Г.С. Костюк, А.А. Люблинская, Н.А. Менчинская, Л.А. Венгер и др.); интеллект и речь (А.Р. Лурия); способности (Б.М. Теплов, Н.С. Лейтес); внимание

(Н.Ф. Добрынин); восприятие (Б.Г. Ананьев, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко); учебную деятельность (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов) и т.д. Совершенно очевидно, что теория развития психики затачивалась на оселке экспериментального исследования именно когнитивных процессов.

Значение воли и аффекта никто не отрицал, но их теоретико-эмпирическое изучение не могло идти ни в какое сравнение с масштабом изучения познавательной деятельности. Тем более, на протяжении многих лет (30-60-е годы) в тени оставались социально-психологические аспекты изучения развития личности.

Предложенное А.Н. Леонтьевым понимание личности как системного социального качества индивида (1975) осваивается психологией лишь в 80-е годы и фактически не резонирует в возрастной психологии, хотя для этого были возможности уже после первой публикации его статей в журнале "Вопросы философии" (1972, 1974), ставших основой для написания соответствующих глав книги "Деятельность. Сознание. Личность". Не была осмыслена для разработки теории возрастного развития личности важнейшая и весьма конструктивная идея А.Н. Леонтьева о том, что "многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархия и образуют тот "таинственный" центр "личности", который мы называем "Я"; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии".

Таковы объективные причины невольной подмены понятий, а по существу, последовательного сведения развития личности к развитию психики, а развития психики – к развитию перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов.

В этом контексте становится понятным выдвижение на первый план в качестве основного фактора развития "ведущего типа деятельности". Действительно, для формирования когнитивных процессов основным фактором ("ведущим типом деятельности"), обуславливающим развитие в дошкольном возрасте, является преимущественно игровая деятельность, в которой формируются воображение и символическая функция, обостряется внимание, а в школьном возрасте (от первого класса до последнего, а не только в начальной школе) учебная деятельность, связанная с усвоением понятий, навыков и умений, оперированием с ними (обучение ведет за собой развитие, по Л.С. Выготскому). Конечно, если свести развитие личности к развитию психики, а последнее – к развитию когнитивных процессов, то в результате этой двойной редукции можно было обозначить, как это и зафиксировано в психолого-педагогической литературе, игру и учение как "ведущие типы деятельности" для развития целостной человеческой личности. Но теоретическая несостоятельность подобного подхода, приобретшего характер истины, не требующей доказательств, слишком очевидна.

Детская психология не располагает никакими экспериментальными доказательствами того, что можно выделить один тип деятельности как ведущий для развития личности на каждом возрастном этапе, например в дошкольном возрасте или в трех школьных возрастах. Для получения убедительных доказательств было необходимо провести ряд специальных экспериментальных процедур и значительное количество исследований внутри каждого возрастного периода, имеющих своим предметом сравнение (по "горизонтали" – возрастного среза и по "вертикали" –

возрастного развития) реальной значимости каждого из многочисленных типов деятельности, в которые вовлечены дети, для развития их личности. Масштабы и методические трудности решения такой задачи превосходят возможности воображения исследователя.

В результате доказательства были заменены утверждениями, субъективный характер которых легко обнаруживается при простом их сопоставлении. Так, например, в качестве ведущей деятельности для дошкольного возраста была названа игровая деятельность (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов), общение (М.И. Лисина), детское художественное творчество (М.С. Каган), для подросткового возраста – интимно-личное общение (Д.Б. Эльконин), учебная деятельность (Д.Б. Эльконин, А. Коссаковски), познание, переходящее в ценностно-ориентационную деятельность (М.С. Каган).

В теоретическом плане необходимо вернуться к исходному для психологии понятию Л.С. Выготского "социальная ситуация развития", не подменяя его понятием "ведущий тип деятельности". Определяющим развитие личности является деятельностно-опосредствованный тип взаимоотношений, складывающийся у нее с референтными, находящимися на различных уровнях развития в этот период группами и лицами, и взаимосвязями деятельностей, которые задают эти референтные группы, общением в них, а не монополия "ведущего типа деятельности" (предметно-манипулятивной или игровой, или учебной и т.д.). (См. главу 11 "Категория общения".)

Это конкретизирует и на экспериментальном материале подтверждает с позиций деятельностного подхода к личности положение Л.С. Выготского о "социальной ситуации развития как отношении между ребенком и социальной средой". Отношения у одних, к примеру, подростков могут опосредствоваться учебной деятельностью в классе, спортивной – в волейбольной команде, у других, напротив, противоправной деятельностью в криминальной "группировке". А.Г. Асмолов считает, что "деятельность определяет личность, но личность выбирает ту деятельность, которая ее определяет". И далее: "...ведущие деятельности не даны ему (подростку. – А.П.), а заданы конкретной социальной ситуацией развития, в которой совершается его жизнь".

Итак, следует различать два подхода к развитию личности. Первый, собственно психологический – что уже есть у развивающейся личности и что может быть в ней сформировано в данной конкретной социальной ситуации развития. В рамках этого подхода понятно, что в пределах одного и того же возраста различные по типу деятельности не даны изначально личности в тот или иной период, а активно выбраны ею в группах, различающихся между собой по уровню развития. Второй, собственно педагогический подход – что и как должно быть сформировано в личности, чтобы она отвечала социальным требованиям. В рамках этого подхода некоторая социально-одобряемая деятельность всегда выступает как: ведущая для развития личности, опосредствуя ее отношения с социальной средой, общение с окружающими, конституируя "социальную ситуацию развития". Однако это не будет один "ведущий тип деятельности" для каждого возраста.

Развитие личности не может и не должно на каждом возрастном этапе определяться всего лишь одним "ведущим типом деятельности". В подростковом и раннем юношеском возрасте развитие интеллекта обеспечивается учебной деятельностью, и для этой цели она является ведущей; социальная активность задается деятельностью, обеспечивающей адаптацию в различающихся группах; физическое совершенство – спортивной деятельностью; нравственное развитие – взаимодействием с референтными лицами, дающими возможность подростку осваивать образцы поведения. Очевидно, что чем больше расширяются социальные связи, тем более они перекрещиваются между собой.

Задача развития личности не предполагает необходимости для того или иного возрастного периода и соответственно для каждого ребенка данной возрастной группы выделить одну-единственную ведущую деятельность как личностнообразующую, оставив за другими роль ее сателлитов. В противном случае нельзя не опасаться, что будет происходить однобокое формирование личности, что возникнет некая гипертрофия одной из ее сторон, тормозящая развитие и противоречащая ее гармонизации.

В качестве личностнообразующей ведущей деятельности на каждом возрастном этапе необходимо сформировать комплексную многоплановую деятельность или, точнее, динамическую систему деятельностей, каждая из которых решает свою специальную задачу, отвечающую социальным ожиданиям, и в которой нет оснований выделять ведущие или же ведомые компоненты.

Все сказанное уже имплицитно содержит отрицание предложенной Д.Б. Элькониным возрастной периодизации, основанной на поочередной смене "ведущих деятельностей", якобы в одном возрастном периоде обеспечивающих преимущественное развитие мотивационно-потребностной сферы, а на сменяющем его этапе – операционно-технический.

Эта гипотеза еще в 1979 году была подвергнута критике Г.Д. Шмидтом, писавшим: "...обе эти сферы нельзя описать однозначно ни количественно, ни качественно, если трактовать их как гетерогенные. Кривая в публикации Эльконина ложно представляет подобную возможность, которой не существует. Упомянутая выше смена доминирований, положенная в основу модели, объективно не прослеживается". В самом деле, каковы основания для того, чтобы считать, что целостность личности может быть настолько фундаментально расчленена, чтобы одна ее сторона на три-четыре года доминировала и тянула за собой другую? Никаких экспериментальных подтверждений для этого не нашлось, да и не могло быть найдено. Тем не менее, на протяжении ряда лет концепция возрастной периодизации Д.Б. Эльконина была, по существу, единственной и развернутой критики не встречала, более того, приобрела характер аксиомы возрастной психологии.

А.Н. Леонтьев в свою очередь подчеркивал, что развитие не является независимым от конкретно-исторических условий, в которых оно протекает, от "реального места, которое ребенок занимает в системе общественных отношений". Им был поставлен вопрос о связи между изменениями этого места и изменениями ведущей деятельности ребенка. Он отмечал, что в ходе развития прежнее место, занимаемое ребенком в окружающем его мире человеческих отношений, начинает сознаваться им как не соответствующее его возможностям и он старается изменить его.

При этом якобы возникает открытое противоречие между образом жизни ребенка и его возможностями, уже опередившими этот образ жизни. В соответствии с этим его деятельность перестраивается. Тем самым совершается переход к новой стадии развития его психической жизни. В качестве примера приводилось явление "перерастания" ребенком своего дошкольного детства. Указывалось, таким образом, что переход из стадии дошкольного возраста в школьную определяется внутренними закономерностями развития. Следовательно, предполагалось, что возможности, которые предоставляла игра как ведущая деятельность для развития ребенка, будто бы исчерпываются и спонтанно происходит переход к следующему виду деятельности – учению. Ребенок занимает новое место в системе общественных отношений – уже в школе, – тем самым входя в новую возрастную стадию. "...Проходит некоторое время, знания ребенка расширяются, увеличиваются его умения, растут его силы, и в результате деятельность в детском саду теряет для него прежний смысл и он все больше "выпадает" из жизни детского сада". Все это порождает, отмечает А.Н. Леонтьев, так называемый кризис семи лет. "Если ребенок останется еще на целый год вне школы, а в семье на него по-прежнему будут смотреть как на малыша, то этот кризис может обостриться чрезвычайно".

Подобное понимание детерминации переходов ребенка от одной возрастной стадии к другой и от предшествующей "ведущей деятельности" к последующим можно было бы понять, если придерживаться трактовки процесса развития личности как заведомо независимого от конкретно-исторических условий его протекания и разыгрывающегося лишь во внутреннем пространстве мира индивида. Однако нельзя не принимать во внимание факт объективно обусловленного изменения места ребенка в окружающем мире, которое происходит безотносительно к тому, исчерпала или нет свои возможности ведущая деятельность на предыдущем этапе развития.

Следует напомнить, что, к примеру, в 30-е годы обучение в школе начиналось не с шести-семи лет, как сейчас, а с восьми лет. Дети, таким образом, задерживались в детском саду по сравнению с их нынешними сверстниками. Порождало ли именно это обстоятельство "кризис семи лет", да и был ли он? Более чем сомнительно.

Переход на следующую возрастную стадию не является спонтанным. Он детерминирован задачами и требованиями, вытекающими из особенностей социально-экономического развития страны. Это стимулирует активность педагогической подготовки ребенка к выполнению обязательных для него задач и требований, и прежде всего к формированию целенаправленной мотивации. Ее сущность может быть обозначена словами: "Хочу быть школьником!"

Не исключено (хотя подтверждение этому потребовало бы специального психологического исследования), что дети и после семи лет играли бы в детском саду, не помышляя о школе и не испытывая состояния душевного кризиса, если бы общество посредством системы педагогических воздействий не формировало у них соответствующую мотивацию, не готовило бы их к вхождению в новую возрастную стадию и не настаивало бы на необходимости такого перехода.

Именно многоплановая, а не одна, провозглашенная в качестве доминирующей, деятельность оказывается ведущей на каждом возрастном этапе и готовит разви-

вающуюся личность к новым этапам (интеграция на предыдущем этапе обеспечивает быстрое и успешное прохождение адаптации на последующем витке развития). Переход в каждый новый возрастной период обусловлен объективными общественно-историческими условиями, общей "социальной ситуацией развития" детства, а не истощением возможностей, которыми обладала деятельность на предыдущем этапе, и не фактом "перерастания" ее ребенком. Только после перехода на новую возрастную стадию вновь запускается самодвижение развития, происходит переход количественных накоплений в качественные изменения структуры развивающейся личности. В этом и выступают специфические для развития "перерывы непрерывности".

Рассматривая вопрос о соотношении развития психики и развития личности, мы исходим не только из того, что при единстве этих процессов они не являются тождественными. Хотя процесс развития психики является важнейшим компонентом, стороной, аспектом развития личности человека, им развитие последней не исчерпывается. Изменение статуса личности, обретение престижа и авторитета, вхождение в новые социальные роли, возникновение или исчезновение ее привлекательности не могут быть описаны как стороны развития психики и не могут быть сведены к ним.

Поэтому периодизация развития в онтогенезе – это прежде всего периодизация развития личности как метапсихологической категории. Развитие психики, а следовательно, и его периодизация являются стороной, хотя и важнейшей, развития личности. Существует противоположный подход к теоретическому решению этой проблемы.

В.В. Давыдов в отличие от А.В. Петровского, чьи взгляды на процесс развития личности были изложены выше, считает, что "развитие личности – это не какой-либо самостоятельный процесс. Оно включено в общее психическое развитие ребенка, поэтому развитие личности и не имеет какой-либо самостоятельной периодизации".

Историзм в анализе проблемы ведущей деятельности

Решение сегодняшних теоретических споров тесно связано с обращением к истории психологии. (См. главу 2 "Историзм теоретико-психологического анализа".) Следует различать устойчивую и плодотворную традицию психологической мысли (применительно к рассматриваемой проблеме: идею "социальной ситуации развития", "зоны ближайшего развития", "сензитивных периодов" Л.С. Выготского, "деятельностного подхода к развитию психики" А.Н. Леонтьева, "формирования способностей в деятельности" Б.М. Теплова и др.) и стереотипы, некритически усвоенные психологическим сообществом и сложившиеся под влиянием недостаточно обоснованных подходов, отражавших ситуативные высказывания отдельных, в том числе и видных, ученых. Теоретический анализ обязан расставить все по местам, как бы ни было трудно расставаться с привычными представлениями и формулами и какие бы имена при этом ни были бы упомянуты.

Необходимо с вниманием отнестись к высказанным в разное время критическим соображениям по поводу предмета сегодняшних дискуссий, особенно если вопрос не "закрыт", а критические замечания не привели к научной саморефлексии.

Так случилось и с критикой по поводу понятия "ведущий тип деятельности", сформулированного А.Н. Леонтьевым. Уже в 1946 году во втором издании "Основ общей психологии" С.Л. Рубинштейн выражает сомнение по поводу тезиса об игре как ведущей форме деятельности в развитии ребенка-дошкольника: "...является ли игровая деятельность, входящая несомненно как существенный компонент в образ жизни ребенка-дошкольника, самой основой его образа жизни и определяет ли она в конечном счете самый стержень личности ребенка как общественного существа? Вопреки общепринятой точке зрения мы склонны, не отрицая, конечно, значения игры, искать определяющие для формирования личности как общественного существа компоненты его образа жизни и в неигровой повседневной бытовой деятельности ребенка, направленной на овладение правилами поведения и включения в жизнь коллектива".

Д.Б. Эльконин в своей книге "Психология игры" приводит эту цитату С.Л.Рубинштейна, но не обсуждает и не опровергает ее. В 1978 году Н.С. Лейтес писал: "Подход к проблемам возрастного развития с точки зрения "ведущей деятельности" применяется еще в слишком общем виде, происходит, например, отождествление ее с каким-нибудь из таких глобальных подразделений видов деятельности, как игра, учение, труд (в последнее время к ним добавляют и общение как вид деятельности).

В результате недостаточно внимания уделяется тем внутренним предпосылкам своеобразия деятельности, которые отличают каждый возрастной период... Вероятно, главное состоит не столько в вопросе о том, в игре ли, учении, общении или труде развивается по преимуществу личность в данном возрасте (да и всегда ли можно разграничивать и тем более противопоставлять значение таких видов деятельности?), сколько в выяснении более конкретных психологических характеристик деятельности и самих свойств личности ребенка на разных возрастных этапах".

Эти (и им подобные) справедливые замечания долго не принимались во внимание и не были использованы в целях преодоления стереотипов нашего мышления.

Автор настоящей главы подчеркивает, что он не в меньшей мере, чем другие психологи, был ориентирован на концепцию ведущего типа деятельности и только в 1984 году дал ее критический анализ. Отношение к этой концепции, насколько можно судить, постепенно менялось.

Нарушением принципа историзма в теоретико-психологическом анализе было бы игнорирование трансформации взглядов ученых, реально происходящей на протяжении многих лет их активной работы. Это в полной мере относится к воззрениям А.Н. Леонтьева, идеи которого оказались исходным пунктом для постановки проблемы "ведущего типа деятельности". После 1945 года сам А.Н. Леонтьев в новых трудах, посвященных проблеме развития психики и личности, больше не возвращается к представлениям о "ведущем типе деятельности", хотя и не отказывается

от воспроизведения этих ранних статей в своих книгах, суммирующих работы разных лет. Возникающий в этой связи вопрос о том, является ли гипотеза о "ведущей деятельности" его принципиальной позицией, которой он придерживался до конца жизни, или же реликтом его творческой биографии, может быть решен историком психологии только в условиях глубокого изучения его научного творчества и обстоятельств жизненного пути. Во всяком случае, в его последней и, по существу, итоговой фундаментальной работе "Деятельность. Сознание. Личность" эта идея не только не прослеживается, но и вообще не фигурирует. В ней упомянута лишь идея Д.Б. Эльконина о чередовании фаз развития.

Между тем замысел и содержание книги многократно открывали для автора возможность обращения к ней (это в особенности относится к одному и важнейших разделов книги – "Формирование личности"). "Изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования", – пишет А.Н. Леонтьев, намечая пути исследования развития личности.

Очевидно, что необходима серьезная теоретическая работа специалистов в области возрастной, педагогической и социальной психологии, нацеленная на содержательный пересмотр многих укоренившихся, но недостаточно, а иногда и вовсе не обоснованных положений, на которых на протяжении длительного времени базировались психологические концепции развития личности. При этом следует избегать излишней категоричности суждений, впрочем, не в меньшей мере, чем это следовало делать, когда эти положения вводились в научный оборот. Специальной и при этом важнейшей задачей остается разработка и внедрение новых концепций развития личности и в их составе концепций развития психики. Последние должны быть ориентированы на формирование не только перцептивных, мнемических и интеллектуальных, но и эмоциональных процессов, а также воли, что хотя и не исчерпывает проблематику развития личности, но составляет ее важную часть.

В разных по уровню развития группах ведущими временно или постоянно оказываются весьма различающиеся по содержанию, интенсивности и социальной ценности типы деятельности. Это полностью размывает представление о "ведущем типе деятельности" как основании периодизации развития личности.

Личностно-образующим началом на каждом возрастном этапе становится комплекс взаимозависимых деятельностей, а недоминирование одного типа деятельности, преимущественно ответственного за успешное достижение целей развития. Между тем у каждого индивида в результате психологического анализа может быть выделен присущий именно ему ведущий тип деятельности, позволяющий отличать его от многих других.

Общий вывод, который может быть сделан в результате рассмотрения вопроса, обозначенного в названии раздела, состоит в том, что нельзя указать один, раз навсегда данный, фиксированный для каждого возрастного периода "ведущий тип деятельности".

Социально-психологическая концепция развития личности

А.В. Петровским в 1984 году была предложена психологическая концепция развития личности и возрастной периодизации, рассматривающая процесс развития личности как подчиненный закономерности единства непрерывности и прерывности. Непрерывность в развитии личности как системы выражает относительную устойчивость ее переходов от одной фазы к другой в данной для нее референтной общности. Прерывность характеризует качественные изменения, порождаемые особенностями включения личности в новые конкретно-исторические условия. Последние связаны с действием факторов, относящихся к ее взаимодействию с "соседними" системами, в данном случае с принятой в обществе системой образования. Это определяет конкретную форму протекания процесса развития личности. Единство непрерывности и прерывности обеспечивает целостность процесса развития личности.

Таким образом, возникает возможность выделения двух типов закономерностей возрастного развития личности. Первый тип психологических закономерностей развития личности. Источником здесь выступает противоречие между потребностью индивида в персонализации (потребность быть личностью) и объективной заинтересованностью референтных для него общностей принимать лишь те проявления индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам, ценностям. Это обуславливает становление личности как в результате вхождения в новые для человека группы, выступающие в качестве институтов его социализации (например, семья, детский сад, школа, воинское подразделение), так и вследствие изменения его социальной позиции внутри относительно стабильной группы. Переходы личности на новые этапы развития в этих условиях не определяются теми психологическими закономерностями, которые выражали бы моменты самодвижения развивающейся личности.

Второй тип закономерностей развития личности. В этом случае личностное развитие детерминировано извне включением индивида в тот или иной институт социализации или же обусловлено объективными изменениями внутри этого института. Так, школьный возраст как стадия развития личности возникает в связи с тем, что общество конструирует соответствующую систему образования, где школа является одной из "ступеней" образовательной лестницы.

Признание того, что существует два типа закономерностей, определяющих развитие личности, разрушает традиционные представления об одном, якобы единственном, основании детерминации перехода ребенка на новую стадию развития, к примеру, утверждение, что переход из дошкольного детства в школьный возраст, носит спонтанный характер, является дискуссионным и более чем сомнительным.

Отсутствие общепринятой психологической концепции личности не могло не сказаться на разработке теории развития личности – богатство эмпирических исследований в возрастной психологии само по себе не могло обеспечить интегрирование представлений о личности как некотором едином целом.

Очевидное несовпадение, не тождественность понятий "индивид" и "личность", как и понятий "психическое развитие" и "развитие личности", при всем их единстве под-сказывает необходимость выделения особого процесса формирования личности. Личность выступает как предпосылка и результат изменений, которые производит субъект своей деятельностью в мотивационно-смысловых образованиях взаимодействующих с ним людей и в себе самом "как другом".

К примеру, такая весомая характеристика личности, как ее "авторитетность", складывается в системе межиндивидуальных отношений и в зависимости от уровня развития группы проявляется в одних общностях как жесткий авторитаризм, реализация прав сильного, как "авторитет власти", а в других, высокоразвитых группах, – как демократическая "власть авторитета". Здесь личностное выступает как групповое, групповое как личностное (интериндивидуальная атрибуция личности). В рамках метаиндивидуальной характеристики личности авторитетность – это признание за индивидом права принимать значимые для других решения в значимых обстоятельствах, результат того "вклада", который он внес своей деятельностью в их личностные смыслы. В низкоразвитых группах – это следствие конформности ее членов, в группах типа коллектива – это результат самоопределения личности. Таким образом, в коллективе авторитетность – это идеальная представленность субъекта прежде всего в других (он может иной раз не знать о степени своей авторитетности) и только в связи с этим в самом субъекте. Наконец, во внутреннем пространстве личности субъекта – это симптомокомплекс психических качеств. В одном случае – своеволие, жестокость, завышенная самооценка, нетерпимость к критике, в другом – принципиальность, высокий интеллект, доброжелательность, разумная требовательность и т.д. (интраиндивидуальная атрибуция личности). Если принимать этот принцип рассмотрения, то очевидна несводимость развития личности индивида к развитию его психики.

Процесс развития личности, таким образом, не может быть сведен к сумме развития познавательных, эмоциональных и волевых компонентов, характеризующих индивидуальность человека, хотя и неотделим от них. Еще меньше у нас оснований выдвигать один из этих компонентов, а именно познавательную сферу, в качестве совокупности эмпирических референтов развития личности (когнитивная ориентация в понимании сущности и характера развития личности явно преобладала).

Наиболее фундаментальная и развернутая концепция психического развития, ориентированная на становление как когнитивных, так мотивационных образующих психики, принадлежит Д.Б. Эльконину, который, как уже было показано выше, разделяет психическое развитие на эпохи, состоящие из закономерно связанных между собой двух периодов. Внутри каждой первый период характеризуется усвоением задач и развитием мотивационно-потребностной стороны деятельности, а второй – усвоением способов деятельности. При этом каждому периоду соответствует ведущая деятельность¹⁵⁸: непосредственно-эмоциональное общение (от рождения до 1 года), предметно-манипулятивная деятельность (от 1 года до 3 лет), сюжетно-ролевая игра (от 3 до 7 лет), учеба (от 7 до 12 лет) интимно-личное общение (от 12 до 15 лет), учебно-профессиональная деятельность (от 15 до 17 лет). Концепция возрастной периодизации Д.Б. Эльконина достаточно полно освещена и позитивно оценена в психологической литературе последних лет.

Однако целый ряд вопросов, относящихся к возможности понять в свете этой концепции проблему развития человеческой личности, требует серьезных пояснений. В качестве примера возьмем одну эпоху – детство – и два периода – дошкольное и школьное детство.

Нет особых сомнений в том, что сюжетно-ролевая игра имеет большое значение для дошкольников и что в ней моделируются отношения между людьми, отрабатываются навыки, развиваются и обостряются внимание, память и воображение. Одним словом, важность игры дошкольника для развития его психики, подчеркнутая еще Л.С. Выготским, не требует новых доказательств. Однако трудно предположить, что в дошкольном возрасте возникает уникальная и маловероятная ситуация (никогда не имевшая места и никогда более не повторяющаяся в биографии человека), когда не его реальные поступки обозначают его личность, а изображение чужих поступков. Для формирования личности необходимо усвоение образцов поведения (действий, ценностей, норм и т.п.), носителем и передатчиком которых, особенно на ранних стадиях онтогенеза, может быть только взрослый. А с ним ребенок вступает чаще всего отнюдь не в игровые, а во вполне реальные жизненные связи и отношения. Исходя из предположения, согласно которому главным образом игра в дошкольном возрасте обладает личностно-образующим потенциалом, трудно понять воспитательную роль семьи, общественных групп, отношений, складывающихся между взрослыми и детьми, и в большинстве случаев также являющихся вполне реальными, опосредствованными содержанием той деятельности, вокруг которой они формируются. Самым референтным для ребенка лицам (родителям, воспитательницам детского сада) личность ребенка открывается именно через его деяния, а не через исполнение ролей в игре. На это существенное обстоятельство обратил внимание В.А. Петровский.

Играя в доктора, дошкольник моделирует поведение врача (щупает пульс, просит показать язык и т.д.), но важнейшие личностные качества, связанные с гуманностью и действенной идентификацией с другими, формируются и проявляются, когда он заботливо ухаживает за больной бабушкой, то есть в реальной жизненной ситуации, где индивид выступает как субъект системы межличностных отношений, опосредствованных реальной деятельностью, в данном случае помощью больному.

Л.С. Выготский сформулировал фундаментальную идею, указав, что обучение "забегает вперед" развитию, опережает и ведет его. В этом отношении обучение, взятое в самом широком смысле этого слова, всегда остается "ведущим"; осуществляется ли развитие человека в игре, учебе или труде, имеем ли дело с дошкольником, школьником или взрослым человеком. И нельзя представить себе, что на каком-то возрастном этапе эта закономерность действует, а на каком-то утрачивает свою силу. Разумеется, учебная деятельность является главенствующей для младшего школьника – именно она детерминирует развитие мышления, памяти, внимания и т.д. Однако, будучи обусловлена требованиями общества, она остается (скажем сразу, в комплексе со многими другими) ведущей для него, по меньшей мере вплоть до окончания школы. Между тем, если верить общепринятой в недавнем прошлом схеме периодизации, для двенадцатилетнего возраста она утрачивает свою ведущую роль и уступает место интимно-личному общению. Впрочем, это можно понять так: сохраняя свое объективное значение, она именно

в двенадцать лет лишается для школьника личностного смысла. Так ли это? Где этому доказательства? Всегда ли это происходит? Ответа на это нет.

Резюмируя, позволим себе сделать некоторые выводы:

1. Исходя из представления о детерминации развития личности деятельностью, которая осуществляется в конкретной социальной ситуации развития, принятая периодизация пытается неправомерно закрепить за каждым возрастным периодом одну раз и навсегда данную ведущую деятельность, хотя и признавая при этом наличие других деятельностей.
2. Л.С. Выготский выдвинул, безусловно, справедливое положение о ведущем значении обучения для умственного развития детей школьного возраста. Речь здесь шла главным образом о развитии когнитивных процессов, история формирования которых постоянно находилась в центре его внимания. Однако из этого не следует, что именно учебная деятельность служит детерминантой (единственной или, во всяком случае, "ведущей") для развития личности в младшем школьном возрасте, и отсюда тем более не вытекает, что она перестает быть таковой на грани подросткового возраста. В ходе усвоения школьных предметов у учащегося продолжает развиваться мировоззрение, образующее фундамент развития личности, именно в старшем школьном возрасте этот процесс протекает с наибольшей полнотой и эффективностью, а следовательно, интенсифицируется развитие личности.
3. Если допустить, что предметно-манипулятивная деятельность (в раннем возрасте), сюжетно-ролевая игра (у дошкольников), учебная деятельность (у младшего школьника) являются ведущими факторами развития психики, то, как это было показано выше, у нас нет оснований согласиться с тем, что они являются ведущими для развития личности. Напротив, интимно-личностное общение (не говоря об общественно полезной деятельности), являясь на пороге зрелости факторами развития личности, вряд ли играют фактически более важную роль для развития, к примеру, когнитивных процессов, чем та же учебная деятельность, и в этом аспекте не могут быть интерпретированы как ведущие. Таким образом, в принятой и ставшей хрестоматийной концепции возрастной периодизации объективно происходит смешение этапов развития психики и этапов развития личности, объясняющееся реальной трудностью теоретического расчленения проблемы развития психики индивида и развития его личности.

Примечательно, что уже в написанной Д.Б. Элькониным совместно с А. Коссаковски главе в книге "Педагогика" для всех трех, а не для одного младшего периода школьного возраста в качестве "ведущей" указывается "учебная деятельность", стоящая ближе к исходной позиции Л.С. Выготского. Однако если иметь в виду периодизацию развития личности и характеристику, которую получают в этой работе "основные новообразования в структуре личности и в формировании отдельных психических процессов", то нельзя не согласиться с соображениями В.Ф. Моргуна и Н.Ю. Ткачевой: "Что касается ведущих деятельностей, то все три периода школьного детства характеризуются одной и той же деятельностью – учебной, то есть этот критерий остается неизменным в трех периодах, в то время как личность несомненно раз-

вивается. Выделенные Д.Б. Элькониным и А. Коссаковски основные новообразования (по 5-7 в каждом периоде) действительно реально существуют, но, во-первых, большинство из них относится к личностным, и лишь одно из новообразований каждого периода можно отнести к развитию психических процессов. Во-вторых, принцип выделения новообразований явно не указывается. В-третьих, они должны быть как-то иерархизированы, например, по степени важности".

К сожалению, Д.Б. Эльконин не дал объяснений причин, по которым он отказался от признания "интимно-личностного общения" ведущей деятельностью подросткового периода. Между тем этот фактически имеющий место отказ, если принять во внимание его гипотезу о "периодичности процессов психического развития", должен означать признание того, что на протяжении всего школьного возраста происходит преимущественное развитие детей в "операционно-технической деятельности" (в системе "ребенок – общественный предмет", а не в деятельности, рассматриваемой в системе "ребенок – общественный взрослый", то есть "ребенок-родители", "ребенок-учитель"). Трудно представить себе, что развитие у детей "мотивационно-потребностной сферы" в деятельности, относящейся к системе "ребенок – взрослый", имеет второстепенное, не ведущее значение во все годы обучения в школе, идет ли речь о психическом развитии ребенка или, тем более, о его развитии как личности.

4. Следует различать собственно психологический подход к развитию личности и строящуюся на его основе периодизацию возрастных этапов и собственно педагогический подход к последовательному вычленению социально обусловленных задач формирования личности на этапах онтогенеза.

Первый из них ориентирован на то, что реально обнаруживает психологическое исследование на ступенях возрастного развития в соответствующих конкретно-исторических условиях, что есть ("здесь и теперь") и что может быть в развивающейся личности в условиях целенаправленных воспитательных воздействий. Второй – на то, что и как должно быть сформировано в личности, чтобы она отвечала всем требованиям, предъявленным к ней обществом на данной возрастной стадии. Именно второй, собственно педагогический, подход позволяет построить иерархию деятельностей, которые на последовательно сменяющихся этапах онтогенеза должны выступать как ведущие для успешного решения задач обучения и воспитания. Значение такого подхода трудно переоценить. Вместе с тем существует опасность смешения обоих подходов, что в отдельных случаях может вести к подмене действительного желаемым. Складывается впечатление, что определенную роль здесь играют чисто терминологические недоразумения. Термин "формирование личности" имеет двоякое значение: 1) "формирование личности" как ее развитие, его процесс и результат; 2) "формирование личности" как ее целенаправленное воспитание (если можно так сказать, "формирование", "формовка", "проектирование", "лепка" и т.д.). Само собой разумеется, если утверждается, к примеру, что для формирования личности подростка ведущей является "общественно полезная деятельность", то это отвечает второму (собственно педагогическому) значению термина "формирование".

В так называемом формирующем психолого-педагогическом эксперименте позиции педагога и психолога совмещаются. Однако при этом не следует стирать разницу между тем, что и как следует сформировать (проектирование личности) психологу как педагогу (цели воспитания задаются, как известно, не психологией, а обществом) и что должен исследовать педагог как психолог, выясняя, что было и что стало в структуре развивающейся личности результатом педагогического воздействия.

Общий вывод, который как минимум мог бы быть сделан на основе изложенного, – необходимость различать образующие единство, но не совпадающие процессы развития психики и личности индивида в онтогенезе. Реальное, а не желаемое и не экспериментально сформированное развитие личности обуславливается, как можно думать, не одной ведущей деятельностью, а по меньшей мере комплексом актуальных форм деятельности и общения, интегрированных типом активных взаимоотношений развивающейся личности и ее социального окружения. В многочисленных экспериментальных работах отечественных психологов они выступают и раскрываются именно в этом контексте.

Придерживаясь деятельностного подхода к рассматриваемой проблеме, мы высказываем предположение, что в аспекте формирования личности для каждого возрастного периода ведущим является не монополия конкретной (ведущей) деятельности (предметно-манипулятивной, или игровой, или учебной и др.), а деятельностно-опосредствованный тип взаимоотношений, складывающийся у ребенка с наиболее референтной для него в этот период группой (или лицом). Эти взаимоотношения опосредствуются содержанием и характером деятельностей, которые задает эта референтная группа, и общения, которое в ней складывается. Другими словами, здесь намечается попытка осуществить социально-психологический подход к пониманию развития личности и построению соответствующей возрастной периодизации.

Чем располагает социальная психология для построения концепции развития личности в онтогенезе?

Во-первых, следует обратиться к стратометрической концепции групп и коллективов, которая, вводя принцип опосредствования межличностных отношений содержанием, ценностями и организацией совместной деятельности, позволяет дифференцировать группы по уровню их развития, принимая во внимание прежде всего степень опосредствования и его просоциальный или асоциальный характер (диффузная группа, просоциальная ассоциация, коллектив, асоциальная ассоциация, корпорация). Экспериментально показано, что закономерности, выявленные на одном уровне развития группы, не действуют или имеют обратное действие на другом уровне развития.

Развитие группы выступает в свете этих теоретических представлений как фактор развития личности в группе (см. главу 11 "Категория общения").

Во-вторых, источником наших дальнейших теоретических предпосылок служит концепция персонализации индивида. В соответствии с ней индивид характеризуется потребностью быть личностью, то есть оказаться и оставаться в максималь-

ной степени представленным значимыми для него качествами в жизнедеятельности других людей и способностью быть личностью, то есть совокупностью индивидуальных особенностей и средств, позволяющих совершать деяния, обеспечивающие удовлетворение потребности быть личностью (см. главу 9 "Категория личности").

Первый опыт использования концепции персонализации для построения модели развития личности был осуществлен В.А. Петровским. Это была фактически попытка описания закономерностей и этапности вхождения человека в новую, относительно стабильную социальную общность, принятие человеком новых социальных ролей, профессионализации и творческого роста личности, шире – определения личностью своего места в системе общественных отношений.

Сохраняя и уточняя общую трехчленную схему этой модели, разопьем ее главным образом в направлении поиска источника смены намеченных этапов развития личности (у В.А.Петровского в начальном варианте модели: "социализация", "индивидуализация" и "интеграция").

Источником развития и утверждения личности, с точки зрения автора главы, выступает возникающее в системе межиндивидуальных отношений (в группах того или иного уровня развития) постулируемое противоречие между потребностью личности в персонализации и объективной заинтересованностью данной группы, референтной для индивида, принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют задачам, нормам и условиям функционирования и развития этой группы.

В самом общем виде развитие личности человека можно представить как процесс ее вхождения в новую социальную среду и интеграции в ней. Идет ли речь о переходе ребенка из детского сада в школу, подростка в новую компанию, абитуриента – в производственную бригаду, призывника – в армейское подразделение, или же говорится о личностном развитии в глобальных масштабах – в его долговременности и целостности – от младенчества до гражданской зрелости, нельзя мыслить этот процесс иначе, как вхождение и общественно-историческое бытие, представленное в жизни человека его участием в деятельности различных групп, в которых он осваивается и которые он активно осваивает.

Мера стабильности этой среды различна. Только условно можно принять ее как постоянную, не изменяющуюся. В действительности она претерпевает закономерные изменения, обусловленные социально и вместе с тем зависящие от активности осваивающих ее людей. Поэтому есть основания строить первоначально не одну, а две модели развития личности и только затем перейти к их обобщению в единой модели.

Модель развития личности в относительно стабильной среде

Первая модель рассчитана на относительно стабильную социальную среду, и тогда развитие личности в ней подчинено внутренним психологическим закономерностям, воспроизводимым в связи со специфическими характеристиками той общности, в которой оно совершается. Этапы развития личности в относительно ста-

бильной общности назовем фазами развития личности. Вторая модель предполагает становление личности и изменяющейся среде, например, сравнительно плавно протекающее развитие личности и условиях старших классов средней школы претерпевает изменение при переходе на производство или в воинское подразделение.

Этапы развития личности в изменяющейся социальной среде назовем периодами развития личности.

В том случае, если индивид входит в относительно стабильную социальную общность, он закономерно проходит три фазы своего становления в ней как личности.

Первая фаза становления личности предполагает усвоение действующих в общности норм и овладение соответствующими формами и средствами деятельности. Принеся с собой в новую группу все, что составляет его индивидуальность, субъект не может полноценно осуществить потребность персонализации раньше, чем освоит действующие в группе нормы (учебные, производственные и др.) и овладеет теми приемами и средствами деятельности и общения, которыми владеют другие члены группы. У него возникает объективная необходимость "быть таким, как все", максимально адаптироваться в общности. Это достигается (одними более, другими менее успешно) за счет субъективно переживаемых утрат некоторых своих индивидуальных отличий при возможной иллюзии растворения в "общей массе". Субъективно – потому что фактически индивид зачастую продолжает себя в других людях своими деяниями, изменениями мотивационно-смысловой сферы других людей, имеющих значения именно для них, а не для него самого. Объективно он уже на этом этапе может при известных обстоятельствах выступить как личность для других, хотя в должной мере и не осознавая этот существенный для себя факт. При этом в групповой деятельности могут возникать благоприятные условия для появления новообразований личности, которые уже имеются или складываются у других членов группы, соответствующих уровню группового развития и поддерживающих этот уровень. Обозначим эту первую фазу как фазу адаптации.

Вторая фаза порождается обостряющимся противоречием между достигнутым результатом адаптации – тем, что он стал таким, как все в группе, – и не удовлетворенной на первом этапе потребностью индивида в максимальной персонализации. Это характеризуется поиском средств и способов для обозначения своей индивидуальности. Так, например, подросток, попавший в новую для него компанию старших ребят, первоначально старавшийся ничем не выделяться, усваивает принятые в ней нормы общения, лексику, стиль одежды общепринятые интересы и вкусы. Справившись, наконец, с трудностями адаптационного этапа, он начинает смутно, а иногда и остро осознавать, что, придерживаясь этой тактики, он как личность утрачивает себя, потому что другие в нем не могут ее разглядеть в силу ее стертости в их жизни и сознании. В максимальной степени реализуя в связи с этим способность быть идеально представленным в своих приятелях, подросток мобилизует все свои внутренние ресурсы для деятельностной трансляции своей индивидуальности. Обозначим эту вторую фазу как фазу индивидуализации.

Третья фаза детерминируется противоречиями между сложившимися на предыдущей фазе стремлением субъекта быть идеально представленным своими особенностями и потребностью общности принять, одобрить, культивировать лишь те демонстрируемые им индивидуальные особенности, которые ей импонируют, соответствуют ее ценностям, способствуют успеху совместной деятельности и т.д.

В результате эти выявившиеся отличия принимаются и поддерживаются группой – происходит интеграция личности в общности. Интеграция наблюдается и тогда, когда не столько индивид приводит в соответствие свою потребность в персонализации с потребностями общности, сколько общность трансформирует свои потребности в соответствии с потребностями индивида, занимающего в этом случае позицию лидера. Впрочем, взаимная трансформация личности и группы всегда так или иначе происходит. Если противоречие между индивидом и группой оказывается не устраненным, возникает дезинтеграция, имеющая следствием либо вытеснение личности из данной общности, либо ее фактическую изоляцию в ней, что ведет к закреплению характеристик эгоцентрической индивидуализации, либо ее возврат на еще более раннюю фазу развития.

Третью фазу назовем фазой интеграции. В рамках этой фазы в групповой деятельности у индивида складываются новообразования личности, которых не было у него и, быть может, нет и у других членов группы, но которые отвечают необходимости и потребностям группового развития и собственной потребности индивида осуществить значимый "вклад" в жизнь группы.

Каждая из перечисленных фаз выступает как момент становления личности в ее важнейших проявлениях и качествах – здесь протекают микроциклы ее развития. Если человеку не удастся преодолеть трудности адаптационного периода в устойчиво значимой для него социальной среде и вступить во вторую фазу развития, у него, скорее всего, будут формироваться качества конформности, зависимости, безынициативности, появится робость, неуверенность в себе и в своих возможностях. Он в продолжение всего пребывания в данной общности как бы "пробуксовывает" на первой фазе становления и утверждения себя как личности, что приводит к серьезной личностной деформации. Если находясь уже в фазе индивидуализации и пытаясь обеспечить свое "инобытие" в членах значимой для него общности, он предъявляет им свои индивидуальные отличия, которые те не приемлют и отвергают как не соответствующие потребностям общности, то это способствует развитию у него таких личностных новообразований, как негативизм, агрессивность, подозрительность, неадекватная завышенность самооценки. Если он успешно проходит фазу интеграции в высокоразвитой просоциальной общности, у него формируется ряд качеств личности, свидетельствующих о его самоутверждении в ней.

Человек на протяжении своей жизни входит не в одну относительно стабильную и референтную для него общность, и ситуации успешной или неуспешной адаптации, индивидуализации и интеграции и социальной среде многократно воспроизводятся, при этом соответствующие новообразования могут закрепляться. Складывается достаточно устойчивая структура личности, в которой интериндивидуальные характеристики как результат внутригруппового взаимодействия обуславливают ее метаиндивидуальные и интраиндивидуальные проявления. Индивидуально-типическое существует в личности как социально-психологическое.

Достаточно сложный процесс развития личности в относительно стабильной среде еще более усложняется в связи с тем, что социальная среда в действительности не является однородной и индивид на своем жизненном пути оказывается последовательно и параллельно включен в общности, далеко не идентичные по своим социально-психологическим характеристикам. Принятый в одной референтной группе, он оказывается неинтегрированным, отвергнутым в другой, в которую включается после или одновременно с первой. Ему снова и снова приходится утверждаться в своей личностной позиции. Таким образом, завязываются узлы новых противоречий, отягощающих процесс становления личности, в крайних своих проявлениях приводящие к невротическим срывам. Помимо этого, сами референтные для него группы находятся в процессе развития, образуя динамическую систему. Он может быть интегрирован в них только при условии активного участия в воспроизводстве существенно важных для группы изменений. Поэтому наряду с внутренней динамикой развития личности в пределах относительно стабильной социальной общности надо учитывать объективную динамику развития тех групп, в которые включается личность, и их специфические особенности, их нетождественность друг другу. Все это привело к необходимости дальнейшей теоретической проработки проблемы возрастного развития личности.

В этой связи была выдвинута следующая гипотеза: личность формируется в группах, иерархически расположенных на ступенях онтогенеза. Характер развития личности задается уровнем развития группы, в которую она включена и в которой она интегрирована. Общепризнанная в педагогике и психологии мысль А.С. Макаренко о том, что личность развивается в коллективе и через коллектив, может быть в этой связи переформулирована следующим образом: личность ребенка, подростка, юноши формируется в результате последовательного включения в различающиеся по уровню развития общности, доминирующие на разных возрастных ступенях, и развитие личности детерминировано процессом развития группы, в которой она интегрирована. На основе этого предположения была сконструирована вторая (возрастная) модель развития личности.

Вторая модель развития личности. Возрастная периодизация

Выделены собственно возрастные этапы формирования личности: ранний детский (преддошкольный) возраст (0-3); детсадовское детство (3-7), младший школьный возраст (7-11), средний школьный возраст (11-15), старший школьный возраст (15-17).

В раннем детском возрасте развитие личности осуществляется преимущественно в семье, которая в зависимости от принятой в ней тактики воспитания выступает либо как просоциальная ассоциация или коллектив (при превалировании тактики "семейного сотрудничества"), либо оборачивается для ребенка зачастую совершенно не осознаваемыми родителями отрицательными сторонами, которые скорее присущи более низко развитым группам (если в семье взрослые придерживаются, например, тактики "слепой опеки" или же диктата). В зависимости от характера семейных отношений личность ребенка изначально складывается или как нежного, заботливого, не боящегося признать свои ошибки и оплошности, открытого, не уклоняющегося от ответственности маленького человека, или как трусливого, ленивого, жадного, капризного маленького себялюбца. Важность периода ран

него детства для формирования личности, которое было отмечено многими психологами и роль которого нередко мистифицировалась, в действительности заключается в том, что ребенок с первого года своей сознательной жизни находится в достаточно развитой группе. В меру присущей ему активности, что связано с особенностями его нервно-психической организации, он усваивает сложившийся в ней тип отношений, претворяя их в черты своей формирующейся личности.

Фазы развития в преддошкольном возрасте фиксируют следующие результаты: первая – адаптацию на уровне освоения простейших навыков, овладение языком как средством приобщения к социуму, при первоначальном неумении выделить свое "Я" из окружающих явлений; вторая – индивидуализация, противопоставление себя окружающим: "моя мама", "я мамина", "мои игрушки" и т.д., демонстрация в поведении своих отличий от окружающих; третья – интеграцию, позволяющую управлять своим поведением, считаться с окружающими, подчиняться требованиям взрослых и т.д. В конкретных условиях воспитания ребенка, начинаясь и продолжаясь в семье, с 3-4 лет, как правило, протекает одновременно в детском саду, в группе сверстников под руководством воспитателя, где и возникает новая ситуация развития личности. Важно подчеркнуть, что переход на этот новый этап развития личности не определяется внутренними психологическими закономерностями (они только обеспечивают его готовность к этому переходу), а детерминирован извне социальными причинами, к которым относится развитость системы дошкольных учреждений, их престиж, занятость родителей на производстве и т.д. Если переход к новому периоду не подготовлен в предыдущем возрастном периоде успешным протеканием фазы интеграции, то здесь (как и на рубеже между любыми другими возрастными периодами) складываются условия для кризиса развития личности – адаптация в новой группе оказывается затрудненной.

Дошкольный возраст характеризуется включением ребенка в группу ровесников в детском саду, управляемую воспитательницей, которая, как правило, становится для него наравне с родителями наиболее референтным лицом. Эффективно работающий воспитатель, опираясь на помощь семьи, стремится, используя в качестве опосредствующего фактора различные виды и формы деятельности (игровую, учебную, трудовую и т.д.), сплотить детей вокруг себя, формируя гуманность, трудолюбие и другие социально ценные качества. Три фазы развития личности внутри этого периода предполагают: адаптацию – усвоение норм и способов одобряемого родителями и воспитателями поведения в условиях взаимодействия с другими детьми; индивидуализацию – стремление ребенка найти в себе нечто, выделяющее его среди других детей, либо позитивно в различных видах самостоятельности, либо в шалостях и капризах – и в том, и в другом случаях при ориентировке на оценку не столько других детей, сколько родителей и воспитательниц; интеграцию – гармонизацию неосознаваемого дошкольником стремления обозначить своими действиями собственную неповторимость и готовность взрослых принять только то в нем, что соответствует общественно обусловленной и важнейшей для них задаче обеспечения ребенку успешного перехода на новый этап общественного воспитания – в школу, и, следовательно, в третий период развития личности.

В младшем школьном возрасте ситуация становления личности во многом напоминает предшествующую. Три образующие ее фазы дают школьнику возможность

войти в совершенно новую для него группу одноклассников, которая в связи с отсутствием совместно распределенной учебной деятельности имеет первоначально диффузный характер. Управляющая этой группой учительница оказывается, по сравнению с воспитательницей детского сада, еще более референтной для детей в связи с тем, что она, используя аппарат ежедневно выставляемых отметок, регулирует взаимоотношения ребенка с другими взрослыми, прежде всего с родителями, формирует их отношение к нему и его отношение к себе "как другому". Примечательно, что не столько сама по себе учебная деятельность выступает фактором развития личности младшего школьника, сколько отношение взрослых к его учебной деятельности, успеваемости, дисциплине и прилежанию. Максимальное значение сама учебная деятельность как личностно-образующий фактор, по-видимому, приобретает лишь в старшем школьном возрасте, которому присуще сознательное отношение к учебе.

Третья фаза периода младшего школьного возраста означает, по всей вероятности, не столько интеграцию школьника в системе "ученики – ученики", сколько в системе "ученики – учительница", "ученики – родители".

Специфическая особенность подросткового периода, по сравнению с предыдущими, состоит в том, что вступление в него не означает вхождение в новую группу (если не возникла референтная группа вне школы, что очень часто случается), а представляет собой дальнейшее развитие личности в развивающейся группе. В изменившихся условиях (существенная перестройка организма, бурно протекающее половое созревание) группа становится другой, качественно изменяется. Дифференциация задач в различных видах деятельности порождает заметную дифференциацию школьников, которая ведет в одном случае к формированию просоциальных по своему характеру ассоциаций, а в другом – к возникновению ассоциаций, тормозящих, а иногда и искривляющих развитие личности.

В этой связи представляется малопродуктивным обсуждение вопроса о том, какая деятельность является ведущей в этом возрасте: "интимно-личное общение" или "общественно полезная деятельность", – не столько ввиду уже отмеченной нами нецелесообразности поисков какой-то одной фатальной для возраста ведущей деятельности, но и потому, что значение этих факторов развития личности будет отличаться в различных по типу и уровню развития группах. Это тем более нецелесообразно для характеристики подростков, активно включающихся в поиск "значимых других" в разных референтных группах, иногда далеко за пределами школы.

На примере подросткового возраста можно было бы показать, что микроциклы развития личности протекают для одного и того же школьника параллельно в различных референтных группах, конкурирующих для него по своей значимости. Успешная интеграция в одной из них (например, в школьном драматическом кружке или в гетерогенной по признаку пола диаде на стадии первой влюбленности) может сочетаться с дезинтеграцией в уличной компании, в которой он до этого без трудностей прошел фазу адаптации. Индивидуальные качества, ценимые в одной группе, отвергаются в другой, где доминируют иная деятельность и иные ценностные ориентации, и это блокирует возможности успешного интегрирования в ней.

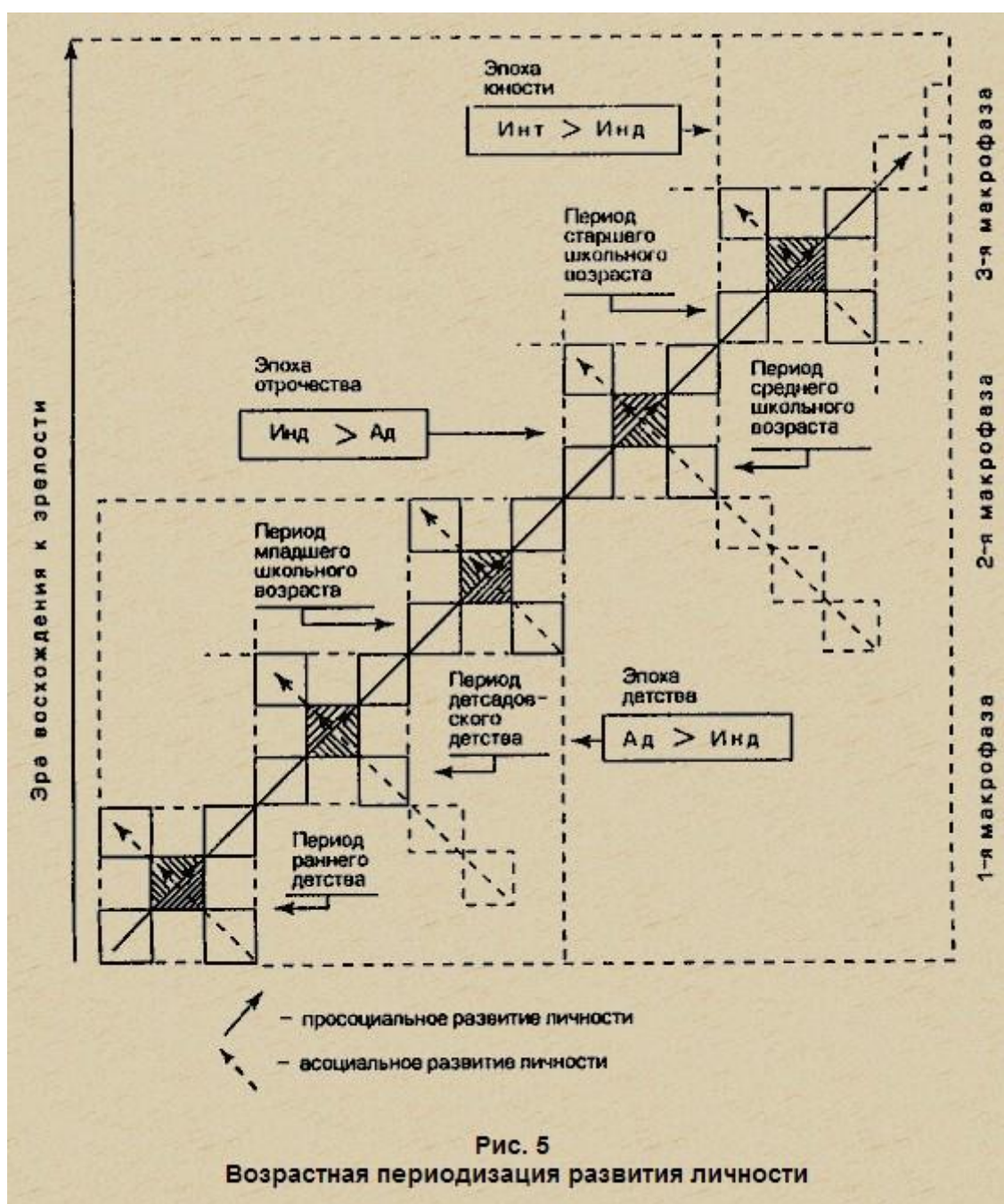
Следует подчеркнуть, что потребность быть личностью в этом возрасте приобретает отчетливую форму самоутверждения, объясняемую относительно затяжным

характером индивидуализации, поскольку личностно значимые качества подростка, позволяющие ему вписываться, например, в круг дружеской компании сверстников, зачастую не соответствуют требованиям учителей, родителей и вообще взрослых, которые отодвигают его на стадию первичной адаптации. Множественность, легкая сменяемость и содержательные различия референтных групп, тормозя прохождение фазы интеграции, создают вместе с тем специфические черты психологии подростка, участвуют в формировании психологических новообразований. Устойчивую позитивную интеграцию личности обеспечивает вхождение ее в группу высшего уровня развития.

Процесс развития личности в коллективах – специфическая особенность юности, по своим временным параметрам выходящая за границы старшего школьного возраста, который может быть обозначен как период ранней юности. Адаптация, индивидуализация и интеграция личности в коллективе обеспечивает становление зрелой личности человека и является условием формирования самого коллектива. Органическая интеграция личности в высокоразвитой группе, таким образом, означает, что характеристики коллектива выступают как характеристики личности (групповое как личностное, личностное как групповое). Впрочем, все то, что сказано об адаптации, индивидуализации и интеграции юноши, развивающегося в коллективе, может быть воспроизведено применительно к его вхождению в криминальную группу. В такого рода группе опосредствующим фактором выступают принципиально иные ценности и цели. Это ведет к формированию многих негативных личностных черт.

Теперь можно построить третью обобщенную модель развития личности и его периодизации в онтогенезе, имея в виду самую общую картину ее становления как социально зрелого человека. В этом случае мы конструируем многоступенчатую схему периодизации, выделяя эры, эпохи, периоды и фазы формирования личности (рис. 5).

Весь дошкольный и школьный возраст входит в одну "эру восхождения к социальной зрелости". Эта эра не завершается периодом ранней юности и получением школьником аттестата зрелости, а продолжается на последующих этапах онтогенеза, где и осуществляется органическое вхождение вчерашнего школьника в права и экономически, и юридически, и политически, и нравственно зрелого человека. Если представить социальную среду в ее глобальных характеристиках как относительно стабильную и помнить о том, что целью общественного воспитания постоянно остается развитие личности, то весь путь до осуществления этой цели можно интерпретировать как единый и целостный этап. В таком случае он в соот-

ветствии с выдвинутыми и обоснованными выше положениями предполагает три

фазы развития, формирования, становления личности, ее вхождения в социальное целое – адаптацию, индивидуализацию и интеграцию.

Протяженные во времени, они выступают как макрофазы развития личности в пределах одной эры, обозначаемые нами как три эпохи: детство (адаптация), отрочество (индивидуализация), юность (интеграция). Именно таким образом ребенок в конце концов превращается в зрелую самостоятельную личность, дееспособную (ту, что демографы обозначают как единицу "самодетальной" части населения страны), готовую к воспроизводству и воспитанию нового человека, к продолжению себя в своих детях. Третья макрофаза (эпоха), начинаясь в школе, выходит за ее хронологические пределы, отрочество выступает как эпоха перелома, обострения противоречий.

Эпохи подразделяются на периоды развития личности в конкретной среде, в характерных для каждого возрастного этапа типах групп. Периоды в свою очередь подразделяются на фазы (здесь уже микрофазы) развития личности. Эпоха детства – наиболее длительная макрофаза развития личности – охватывает три возрастных периода (преддошкольный, дошкольный, младший школьный), эпоха отрочества и период подросткового возраста совпадают. Эпоха юности и период ранней юности в свою очередь частично совпадают (ранняя юность ограничивается рамками пребывания в школе). Для первой макрофазы (эпохи детства) характерно относительное преобладание адаптации над индивидуализацией, для второй (эпоха отрочества) индивидуализации над адаптацией, для третьей (эпоха юности) – превалирование интеграции над индивидуализацией.

Предложенная А.В. Петровским концепция развития личности в онтогенезе и его периодизация опирается на богатый опыт конкретных исследований и не противоречит полученным на их основе выводам. Вместе с тем она выдвигает новые задачи для изучения, к примеру, специфических особенностей критических (но не обязательно кризисных) фаз индивидуализации внутри каждого возрастного периода. Эта концепция позволяет понять действие социально-психологических закономерностей, соответствующих типу и уровню развития группы, доминирующих на разных ступенях онтогенеза. Она открывает возможности эффективного педагогического воздействия на референтных лиц, "значимых других".

Данная концепция открывает пути осмысления и соотношения детерминант развития личности, складывающихся в общностях, в которые оказывается не только последовательно, но и параллельно включен ребенок, задержек и застоя развития личности на фазе адаптации или индивидуализации, принимающих в отдельных случаях патологический характер, и многих других.

Теоретическую основу социально-психологической гипотезы развития личности составляет принцип деятельностного опосредствования межличностных отношений, последовательно примененный при разработке теории личности и межличностных отношений.

Наиболее существенным в изложенном выше теоретическом подходе к развитию личности и построению его возрастной периодизации является обращение к социальной психологии, оказавшееся эвристичным для решения проблем психологии развития. Здесь, как и во многом другом, интеграция научных отраслей, которые

до некоторых пор не находили возможностей для успешной "стыковки" и не всегда осознавали ее необходимость, открывает новые перспективы развития каждой из них в отдельности и психологической науки как единого целого.

Часть пятая. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Глава 15. ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Монизм, дуализм и плюрализм

В бесчисленных попытках определить природу психических явлений всегда – в явной или неявной форме – предполагалось понимание их взаимоотношений с другими явлениями бытия.

Вопрос о месте психического в материальном мире различно решался приверженцами философии монизма (единства мироустройства), дуализма (исходящего из двух различных по своей сущности начал) и плюрализма (считающего, что имеется множество таких первоначал).

Соответственно, мы уже знакомы с первыми естественнонаучными воззрениями на душу (психику) как одну из частных трансформаций единой природной стихии. Таковы были первые воззрения древнегреческих философов, представляющих эту стихию в образе воздуха, огня, потока атомов.

Также возникли попытки считать единицами мира не вещественные, чувственно зримые элементы, а числа, отношения которых образуют гармонию космоса. Таким являлось учение Пифагора (VI век до н.э.). При этом следует учесть, что единое вещество, служащее основой всего сущего (в том числе души), мыслилось как живое, одушевленное (см. выше – гилозоизм), а для Пифагора и его школы число вовсе не было внечувственной абстракцией. Космос, им образованный, виделся как геометро-акустическое единство. Гармония сфер для пифагорейцев означала их звучание.

Все это свидетельствует, что монизм древних имел чувственную окраску и чувственную тональность. Именно в чувственном, а не абстрактном образе утверждалась идея нераздельности психического и физического.

Что касается дуализма, то наиболее резкое, классическое выражение он получил у Платона. В своих полемических диалогах он раздвоил все, что только возможно: идеальное и материальное, ощущаемое и мыслимое, тело и душу. Но не в противопоставлении чувственного мира зримому, чувств разуму состоит исторический смысл платоновского учения, его влияния на философско-психологическую науку Запада, вплоть до современной эпохи. Платоном была открыта проблема идеального. Доказывалось, что у разума имеются совершенно особые, специфические объекты. В приобщении к ним и заключается умственная деятельность.

В силу этого психическое, обретя признак идеальности, оказалось резко обособленным от материального. Возникли предпосылки для противопоставления идеальных образов вещей самим вещам, духа материи. Платон преувеличил одну из особенностей человеческого сознания. Но только тогда она стала заметной. Наконец, следует сказать о плюрализме.

Так же как уже в древности сложились монистические и дуалистические способы понимания отношений психики к внешнему материальному миру, зародилась идея плюрализма. Сам же термин появился значительно позже. Его предложил в XVIII веке философ Х. Вольф (учитель М.В. Ломоносова), чтобы противопоставить монизму. Но уже древние греки искали взамен одного "корня" бытия несколько. В частности, выделялись четыре стихии: земля, воздух, огонь, вода.

В Новое время в учениях персонализма, принимающего каждую личность за единственную во Вселенной (В. Джемс и др.), доминирующими стали идеи плюрализма. Они раскалывают бытие на множества миров и, по существу, снимают с повестки дня вопрос о взаимосвязи психических и внепсихических (материальных) явлений. Сознание тем самым превращается в изолированный "остров духа".

Реальная ценность психики в единой цепи бытия – это не только предмет философских дискуссий. Отношение между тем, что дано сознанию в форме образов (или переживаний), и тем, что происходит во внешнем физическом мире, неотвратимо представлено в практике научных исследований.

Душа как способ усвоения внешнего

Первый опыт монистического понимания отношений душевных явлений к внешнему миру принадлежит Аристотелю. Для предшествующих учений психофизической проблемы вообще не существовало (поскольку душа представлялась либо состоящей из тех же физических компонентов, что и окружающий мир, либо она, как это было в школе Платона, противопоставлялась ему в качестве гетерогенного начала).

Аристотель, утверждая нераздельность души и тела, понимал под последним биологическое тело, от которого качественно отличны все остальные природные тела. Тем не менее, оно зависит от них и взаимодействует с ними как на онтологическом уровне (поскольку жизнедеятельность невозможна без усвоения вещества), так и на гносеологическом (поскольку душа несет знание об окружающих ее внешних объектах).

Выход, найденный Аристотелем в его стремлении покончить с дуализмом Платона, был воистину новаторским. Его подоплекой служил биологический подход. Напомним, что душа мыслилась Аристотелем не как единое, а как образуемое иерархией функций: растительной, животной (говоря нынешним языком – сенсомоторной) и разумной. Основанием для объяснения более высоких функций служила самая элементарная, а именно растительная. Ее он рассматривал в достаточно очевидном контексте взаимодействия организма со средой.

Без физической среды и ее веществ работа "растительной души" невозможна. Она поглощает внешние элементы в процессе питания (обмена веществ). Однако внешний физический процесс сам по себе причиной деятельности этой растительной (вегетативной) души быть не может, если бы к этому не было расположено устройство организма, воспринимающее физическое воздействие. Прежние исследователи считали причиной жизнедеятельности огонь. Но ведь он способен возрасти и разрастаться. Что же касается организованных тел, то для их величины и роста "имеются граница и закон". Питание происходит за счет внешнего вещества, однако оно поглощается живым телом иначе, чем неорганическим, а именно благодаря "механике" целесообразного распределения.

Иначе говоря, душа есть специфический для живой организации способ усвоения внешнего, приобщения к нему.

Эту же модель решения вопроса о соотношении физической среды и обладающего душой организма Аристотель применил к объяснению способности ощущать. Здесь также внешний физический предмет ассимилируется организмом соответственно организации живого тела. Физический предмет находится вне его, но благодаря деятельности души он входит в организм, особым образом запечатлевая не свое вещество, а свою форму. Каковой и является ощущение.

Главные трудности, с которыми столкнулся, следуя этой стратегии, Аристотель, возникли при переходе от сенсомоторной (животной) души к разумной. Ее работа должна была быть объяснена теми же факторами, которые позволили бы применить приемы, новаторски справиться с загадками питания и ощущения.

Подразумевалось два фактора – внешний по отношению к душе объект и адекватная ему телесная организация. Однако объектам, "ассимилируемым" разумной частью души, свойственна особая природа. В отличие от предметов, действующих на органы чувств, они лишены вещественности. Это – общие понятия, категории, умственные конструкторы. Если телесность органа чувств самоочевидна, то о телесном органе познания внечувственных идей ничего неведомо.

Аристотель стремился понять активность разумной души не как уникальное, ни с чем не сопоставимое явление, а как родственное общей активности живого, ее частный случай. Он полагал, что принцип перехода возможности в действительность, то есть активации внутренних потенций души, имеет одинаковую силу как для разума, постигающего общие формы вещей, так и для обмена веществ в растениях или ощущения физических свойств предмета органом чувств.

Но отсутствие вещественных предметов, адекватных деятельности ума, побудило его допустить существование идей (общих понятий), подобных тем, о которых говорил его учитель Платон. Тем самым он, переходя вслед за Платоном на позицию дуализма, обрывал детерминистское решение психофизической проблемы на уровне животной души с ее способностью обладать чувственными образами.

Трансформация учения Аристотеля в томизм

За пределами этой способности внутренние связи психической функции с физическим миром обрывались. Учение Аристотеля о душе решало биологические, естественнонаучные задачи. В эпоху средневековья оно было переписано на другой, отвечающий интересам католичества язык, созвучный этой религии.

Самым популярным переписчиком стал Фома Аквинский, книги которого под именем томизма были канонизированы церковью. Типичной особенностью средневековой идеологии, отражавшей социальное устройство феодального общества, являлся иерархизм: младший существует ради блага старшего, низшие – ради высших, и только в этом смысле мир целесообразен. Иерархический шаблон Фома распространил на описание душевной жизни, различные формы которой размещались в ступенчатом ряду – от низшего к высшему. Каждое явление имеет свое место.

В ступенчатом ряду расположены души – растительная, животная, разумная (человеческая). Внутри самой души иерархически располагаются способности и их продукты (ощущение, представление, понятие).

Идея "ступенчатости" форм означала у Аристотеля принцип развития и своеобразия структуры живых тел, которые отличаются уровнями организации. В томизме части души выступали как ее имманентные силы, порядок расположения которых определяется не естественными законами, а степенью близости к Всевышнему. Низшая часть души обращена к бренному миру и дает несовершенное познание, высшая обеспечивает общение с Господом и по его милости позволяет постигать порядок явлений.

У Аристотеля, как мы отмечали, актуализация способности (деятельность) предполагает соответствующий ей объект. В случае растительной души этим объектом является усваиваемое вещество, в случае животной души – ощущение (как форма объекта, воздействующего на орган чувств), разумной – понятие (как интеллектуальная форма).

Это аристотелевское положение и преобразуется Фомой и учение об интенциональных актах души. В интенции как внутреннем, умственном действии всегда "существует" содержание – предмет, на который она направлена. (Под предметом понимался чувственный или умственный образ.)

В понятии об интенции имелся рациональный момент. Сознание – не "сцена" или "пространство", наполняемое "элементами". Оно активно и изначально предметно. Поэтому понятие об интенции не исчезло вместе с томизмом, но перешло в новую эмпирическую психологию, как функциональное направление выступило против школы Вундта.

Важную роль в укреплении понятия об интенции сыграл австрийский философ Ф. Brentano, выступивший в конце XIX века со своим, отличным от вундтовского, планом преобразования психологии в самостоятельную науку, предмет которой никакой другой наукой не изучается (см. выше).

Будучи католическим священником, Brentano изучил психологические сочинения Аристотеля и Фомы. Однако Аристотель считал душу формой тела – и применительно к ее растительным и сенсорным функциям – сопряженной с физическим миром (телами внешней природы). Интенция сознания и предмет, который с ней сосуществует, обрели характер духовных сущностей. Тем самым психофизическая проблема была "закрыта".

Обращение к оптике

Новое содержание психофизическая проблема приобрела в контексте успехов естественнонаучной мысли в области оптики, соединившей эксперимент с математикой. Этот раздел физики успешно разрабатывался в эпоху средневековья как арабоязычными, так и латиноязычными исследователями. В границах религиозного мировоззрения они, поставив душевное явление (зрительный образ) в зависимость от законов, объективно действующих во внешнем мире, возвращались к психофизической проблеме, снятой с повестки дня томизмом. Наряду с трудами

Ибн аль-Хайсама важную роль в укреплении этого направления сыграло учение о "перспективе" Роджера Бэкона (ок. 1214-1294).

Оптика переключала мысль с биологической ориентации на физико-математическую. Использование схем и понятий оптики для объяснения того, как строится изображение в глазу (то есть психический феномен, возникающий в телесном органе), ставило физиологические и психические факты в зависимость от общих законов физического мира. Эти законы – в отличие от неоплатонической спекуляции по поводу небесного света, излучением (эманацией) которого считалась человеческая душа, – проходили эмпирическую проверку (в частности, путем использования различных линз) и получали математическое выражение.

Трактовка живого тела (по крайней мере, одного из его органов) как среды, где действуют физико-математические законы, была принципиально новым ходом мысли, которого не знала античная наука. Независимо от степени и характера осознания его новизны и важности самими средневековыми естествоиспытателями в структуре научно-психологического мышления произошло необратимое изменение, исходной точкой которого являлось понимание сенсорного акта (зрительного ощущения) как физического эффекта, строящегося по законам оптики. Хотя имелся в виду лишь определенный круг феноменов, связанных с функцией одного из органов, объективно начиналась интеллектуальная революция, захватившая в дальнейшем всю сферу психической деятельности, до самых высших ее проявлений включительно.

Конечно, выяснить пути движения световых лучей в глазу, особенности бинокулярного зрения и т.д. очень важно, чтобы объяснить механизм возникновения визуального образа. Но какие основания видеть в этом нечто большее, чем выяснение физических предпосылок одной из разновидностей рецепции?

Независимо оттого, претендовали ли Ибн аль-Хайсам, Роджер Бэкон и другие на это большее, входила ли в их замыслы общая реконструкция исходных принципов для объяснения психических процессов, они положили начало такой реконструкции. Опираясь на оптику, они преодолевали телеологический способ объяснения. Движение светового луча в физической среде зависит от свойств этой среды, а не направляется заранее данной целью, как это предполагалось в отношении движений, совершающихся в организме.

Работа глаза считалась образцом целесообразности. Вспомним, что Аристотель видел в этой работе типичное выражение сущности живого тела как материи, организуемой и управляемой душой: "Если бы глаз был живым существом, душой его было бы зрение". Зрение, которое ставилось в зависимость от законов оптики, переставало быть "душой глаза" (в аристотелевской трактовке). Оно включалось в новый причинный ряд, подчинялось физической, а не имманентно-биологической необходимости.

В качестве выражения принципа необходимости издавна выступали математические структуры и алгоритмы¹⁵⁸.

Но сами по себе они недостаточны для детерминистского объяснения природы, о чем свидетельствует история пифагорейцев и неопифагорейцев, платоников и неоплатоников, школы, в которых обожествление числа и геометрической формы уживалось с откровенной мистикой. Картина радикально изменялась, когда математическая необходимость становилась выражением закономерного хода вещей в физическом мире, доступном наблюдению, измерению, эмпирическому изучению, как непосредственному, так и использующему дополнительные средства (которые приобретали смысл орудий эксперимента, например оптические стекла).

Оптика и явилась той областью, где соединились математика и опыт. Сочетание математики с экспериментом, ведя к крупным достижениям в познании физического мира, вместе с тем преобразовывало и структуру мышления. Новый способ мышления в естествознании изменял характер трактовки психических явлений. Он утверждался первоначально на небольшом "пятачке", каковым являлась область зрительных ощущений.

Но однажды утвердившись, этот способ, как более совершенный, более адекватный природе явлений, уже не мог исчезнуть.

Механика и изменение понятий о душе и теле

Возникший в эпоху научной революции XVII века образ природы как грандиозного механизма и преобразование понятия о душе (которая считалась движущим началом жизнедеятельности) в понятие о сознании как прямом знании субъекта о своих мыслях, желаниях и т.д. решительно изменили общую трактовку психофизической проблемы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что мыслителями этого периода проблема, о которой идет речь, действительно рассматривалась как отношение между психическими и физическими процессами с тем, чтобы объяснить место психического (сознания, мышления) в мироздании, в природе в целом. Лишь один мыслитель, а именно Декарт, не ограничился анализом соотношений между сознанием и физической природой, но попытался сочетать психофизическую проблему с психофизиологической, с объяснением тех изменений, которые претерпевают в организме физические процессы, подчиненные законам механики, порождая "страсти души".

Впрочем, для этого Декарту пришлось покинуть область чисто физических явлений и спроектировать образ машины (то есть устройства, где законы механики действуют соответственно конструкции, созданной человеком).

Гипотеза психофизического взаимодействия

Другие крупные мыслители эпохи представляли соотношение телесного и духовного (психического) в "космических масштабах", не предлагая продуктивных идей

¹⁵⁸ Наши термины "алгебра" и "алгоритм" (как и ряд других), пришедшие из арабоязычной науки, сохраняют память о непреходящем вкладе последней.

о своеобразных характеристиках живого тела (как продуцирующего психику устройства) в отличие от неорганического. Поэтому в их учениях психофизическая проблема не ограничивалась от психофизиологической.

Отнеся душу и тело к принципиально различным областям бытия, Декарт попытался объяснить их эмпирически очевидную связь посредством гипотезы взаимодействия. Чтобы объяснить возможность взаимодействия этих двух субстанций, Декарт предположил, что в организме имеется орган, обеспечивающий это взаимодействие, а именно так называемая шишковидная железа (эпифиз), которая служит посредником между телом и сознанием (см. выше). Эта железа, по Декарту, воспринимая движение "животных духов", в свою очередь способна благодаря колебанию (вызванному акцией души) воздействовать на их чисто механическое течение. Декарт допускал, что, не создавая новых движений, душа может изменять их направление, подобно тому как всадник способен изменить поведение коня, которым он управляет. После того как Лейбниц установил, что во всех находящихся в динамическом взаимодействии телах остается неизменным не только количество (сила), но и направление движения, аргумент Декарта о способности души спонтанно изменять направление движения оказался несовместимым с физическим знанием.

Реальность взаимодействия между душой и телом была отвергнута воспитанными на картезианском учении Спинозой, окказионалистами, Лейбницем. Спиноза приходит к материалистическому монизму, Лейбниц – к идеалистическому плюрализму.

Новаторская версия Спинозы

Признав атрибутивное (а не субстанциональное) различие между мышлением и протяжением и вместе с тем их нераздельность, Спиноза постулировал: "Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому (если только есть что-нибудь другое?)"¹⁵⁹.

Убеждение в том, что тело движется или покоится под воздействием души, сложилось, согласно Спинозе, из-за незнания, к чему оно способно так таковое, в силу одних только законов природы, рассматриваемой исключительно в качестве телесной. Тем самым вскрывался один из гносеологических истоков веры в способность души произвольно управлять поведением тела, а именно незнание истинных возможностей телесного устройства самого по себе.

"Когда люди говорят, – продолжает Спиноза, – что то или другое действие тела берет свое начало от души, имеющей власть над телом, они не знают, что говорят, и лишь в красивых словах сознаются, что истинная причина этого действия им неизвестна и они нисколько этому не удивляются"¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1. М., 1957, с. 457.

¹⁶⁰ Там же, с. 458-459.

Эта атака на "красивые слова", подменяющие исследование реальных причин, имела историческое значение. Она направляла на поиск действительных детерминант человеческого поведения, место которых в традиционных объяснениях занимала душа (сознание, мысль) как первоисточник.

Акцентируя роль причинных факторов, присущих деятельности тела самого по себе, Спиноза вместе с тем отвергал тот взгляд на детерминацию психических процессов, который в дальнейшем получил имя эпифеноменализма, учения о том, что психические явления – это призрачные отблески телесных. Ведь психическое в качестве мышления является, согласно Спинозе, таким же атрибутом материальной субстанции, как и протяженность. Потому, считая, что душа не определяет тело к мышлению, Спиноза утверждал также, что и тело не может определять душу к мышлению.

Чем был мотивирован этот вывод? Согласно Спинозе, он вытекал из теоремы: "Всякий атрибут одной субстанции должен быть представлен сам через себя"¹⁶¹.

А то, что справедливо в отношении атрибутов, то справедливо и в отношении модусов, то есть всего многообразия единичного, которое соответствует тому или иному атрибуту: модусы одного не заключают в себе модусов другого.

Душа как вещь мыслящая и тело как та же самая вещь, но рассматриваемая в атрибуте протяженности, не могут определять друг друга (взаимодействовать) не в силу своего отдельного бытия, а в силу включенности в один и тот же порядок природы.

И душа и тело определяются одними и теми же причинами. Как же они могут оказывать причинное влияние друг на друга?

Вопрос о спинозистской трактовке психофизической проблемы нуждается в специальном анализе. Ошибочным, по нашему мнению, является взгляд тех ученых, которые, справедливо отклоняя версию о Спинозе как стороннике (и даже родоначальнике) психофизического параллелизма, представляют его в качестве сторонника психофизического взаимодействия.

В действительности Спиноза выдвинул чрезвычайно глубокую, оставшуюся во многом непонятой не только его, но и нашими современниками идею о том, что имеется лишь одна "причинная цепь", одна закономерность и необходимость, один и тот же "порядок" и для вещей (включая такую вещь, как тело), и для идей. Затруднения возникают тогда, когда спинозистская трактовка психофизической проблемы (вопроса о соотношении психического с природой, физическим миром в целом) переводится на язык психофизиологической проблемы (вопроса о соотношении психических процессов с физиологическими, нервными). Тогда-то и начинаются поиски корреляций между индивидуальной душой и индивидуальным телом вне всеобщей, универсальной закономерности, которой неотвратимо подчинены и одно и другое, включенные в одну и ту же причинную цепь.

¹⁶¹ Там же, с. 367.

Знаменитая 7-я теорема 2-й части "Этики" "Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей" означала, что связи в мышлении и пространстве по своему объективному причинному основанию тождественны. Соответственно в схолии к этой теореме Спиноза указывает: "Будем ли мы представлять природу под атрибутом пространства, или под атрибутом мышления, или под каким-либо иным атрибутом, мы во всех случаях найдем один и тот же порядок, иными словами, одну и ту же связь причин, т.е. что те же самые вещи следуют друг за другом"¹⁶².

Психофизический параллелизм

Философской ориентации, противоположной спинозистской, придерживался последователь Декарта окказионалист Мельбранш (1638-1715). Он учил, что удостоверяемое опытом соответствие физического и психического создается божественной силой. Душа и тело – абсолютно независимые друг от друга сущности, поэтому их взаимодействие невозможно. Когда возникает известное состояние в одной из них, божество производит соответствующее состояние в другой.

Окказионализм (а не Спиноза) и был истинным родоначальником психофизического параллелизма. Именно эту концепцию принимает и далее развивает Лейбниц, отклонивший, однако, предположение о непрерывном участии божества в каждом психофизическом акте. Мудрость божественная проявилась, по его мнению, в предустановленной гармонии. Обе сущности – душа и тело – совершают свои операции независимо и автоматически в силу своего внутреннего устройства, но так как они запущены входе величайшей точностью, то складывается впечатление зависимости одного от другого. Учение о предустановленной гармонии делало бессмысленным изучение телесной детерминации психического. Оно ее просто отрицало. "Нет никакой пропорциональности, – категорически заявлял Лейбниц, – между бестелесной субстанцией и той или иной модификацией материи"¹⁶³.

Единое начало физического, физиологического и психического

Психофизическая проблема стала психофизиологической в XVIII веке у Гартли (в материалистическом варианте) и у Х. Вольфа (в идеалистическом варианте). На место зависимости психики от всеобщих сил и законов природы была поставлена ее зависимость от процессов в организме, в нервном субстрате.

Оба философа утвердили так называемый психофизиологический параллелизм. Но различие в их подходах касалось не только общей философской ориентации.

Гартли при всей фантастичности его воззрений на субстрат психических явлений (нервные процессы он описывал в терминах вибраций) пытался подвести физическое, физиологическое и психическое под общий знаменатель. Он подчеркивал, что пришел к своему пониманию человека под воздействием трудов Ньютона "Оптика" и "Математические начала натуральной философии".

Уже отмечалась важная роль изучения световых лучей в неоднократных попытках объяснить физическими законами их распространения и преломления различные

¹⁶² Там же, с. 407.

¹⁶³ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.-Л., 1936, с. 106

субъективные феномены. Преимущество Гартли по сравнению с его предшественниками в том, что он избрал единое начало, почерпнутое в точной науке для объяснения процессов в физическом мире (колебания эфира), как источник процессов в нервной системе, параллельно которым идут изменения в психической сфере (в виде ассоциаций по смежности).

Если физика Ньютона оставалась незыблемой до конца XIX столетия, то "вибрационная физиология" Гартли, на которую он опирался в своем учении об ассоциациях, являлась фантастической, не имевшей никаких оснований в реальных знаниях о нервной системе. Поэтому один из его верных последователей – Д. Пристли предложил принять и дальше разрабатывать учение Гартли об ассоциациях, отбросив гипотезу о нервных вибрациях. Тем самым это учение лишалось телесных корреляций, как физиологических, так и психических.

Сторонники ассоциативной психологии (Дж. Милль и др.) стали трактовать сознание как "машину", работающую по своим собственным автономным законам.

Успехи физики и доктрина параллелизма

Первая половина XIX века ознаменовалась крупными успехами физики, среди которых выделяется открытие закона сохранения энергии и ее превращения из одной формы в другую. Новая, "энергетическая" картина мира позволила нанести сокрушительный удар по витализму, который наделял живое тело особой витальной силой.

В физиологии возникает физико-химическая школа, обусловившая быстрый прогресс этой науки. Организм (в том числе человеческий) трактовался как физико-химическая, энергетическая машина. Он естественно вписывался в новую картину мироздания. Однако вопрос о месте в этой картине психики, сознания оставался открытым.

Для большинства исследователей психических явлений приемлемой версией выглядел психофизический параллелизм.

Круговорот различных форм энергий в природе и организме оставался "поту сторону" сознания, явления которого рассматривались как несводимые к физико-химическим молекулярным процессам и невыводимые из них. Имеется два ряда, между которыми существует отношение параллельности. Признать, что психические процессы способны влиять на физические, – значит отступить от одного из фундаментальных законов природы.

В этой научно-идейной атмосфере появились сторонники подведения психических процессов под законы движения молекул, химических реакций и т.д. Такой подход (его сторонников называли вульгарными материалистами) лишал исследования психики притязаний на изучение реальности, имеющей значение для жизнедеятельности. Его стали называть эпифеноменализмом – концепцией, согласно которой психика – это "избыточный продукт" работы "машины" головного мозга.

Между тем в естествознании происходили события, которые доказывали бессмысленность такого взгляда (несовместимого и с обыденным сознанием, свидетельствующим о реальном воздействии психических явлений на поведение человека).

Биология восприняла дарвиновское учение о происхождении видов, из которого явствовало, что естественный отбор безжалостно истребляет "избыточные продукты". Вместе с тем это же учение побуждало трактовать окружающую организм среду (природу) в совершенно новых терминах – не физико-химических, а биологических, согласно которым среда выступает не в образе молекул, а как сила, которая регулирует ход жизненных процессов, в том числе и психических.

Вопрос о психофизических корреляциях оборачивался вопросом о психобиологических.

Психофизика

В то же время в физиологических лабораториях, где объектом служили функции органов чувств, логика самих исследований побуждала признать за этими функциями самостоятельное значение, увидеть в них действие особых закономерностей, не совпадающих с физико-химическими или биологическими.

Переход к экспериментальному изучению органов чувств был обусловлен открытием различий между сенсорными и двигательными нервами. Это открытие придало естественнаучную прочность представлению о том, что субъективный чувственный образ возникает как продукт раздражения определенного нервного субстрата. Сам субстрат мыслился – соответственно достигнутому уровню сведений о нервной системе – в морфологических терминах, и это, как мы видели, способствовало зарождению физиологического идеализма, отрицавшего возможность какого-либо иного реального, материального основания для ощущений, кроме свойств нервной ткани. Зависимость же ощущения от внешних раздражителей и их соотношений утратила в этой концепции определяющее значение. Поскольку, однако, эта зависимость существует реально, она неизбежно должна была вместе с прогрессом опытного исследования выступить на передний план.

Ее закономерный характер одним из первых обнаружил немецкий физиолог и анатом Вебер (см. выше), установивший, что и в этой области явлений достижимо точное значение – не только выводимое из опыта и проверяемое им, но и допускающее математическое выражение.

Как уже говорилось, в свое время потерпела неудачу попытка Гербарта подвести под математические формулы закономерный ход психической жизни. Эта попытка не удалась из-за фиктивности самого материала вычислений, а не из-за слабости математического аппарата. Веберу же, экспериментально изучавшему кожную и мышечную чувствительность, удалось обнаружить определенное, математически формулируемое соотношение между физическими стимулами и сенсорными реакциями.

Заметим, что принцип "специфической энергии" лишал смысла любое высказывание о закономерных отношениях ощущений к внешним раздражителям (поскольку,

согласно указанному принципу, эти раздражители не выполняют никакой функции, кроме актуализации заложенного в нерве сенсорного качества).

Вебер – в отличие от И. Мюллера и других физиологов, придававших главное значение зависимости ощущений от нейроанатомических элементов и их структурных отношений, – сделал объектом исследований зависимость тактильных и мышечных ощущений от внешних раздражителей.

Проверяя, как варьируют ощущения давления при изменении интенсивности раздражителей, он установил капитальный факт: дифференцировка зависит не от абсолютной разницы между величинами, а от отношения данного веса к первоначальному.

Сходную методику Вебер применил к ощущениям других модальностей – мышечным (при взвешивании предметов рукой), зрительным (при определении длины линий) и др. И всюду получался сходный результат, приведший к понятию об "едва заметном различии" (между предыдущим и последующим сенсорным эффектом) как величине, постоянной для каждой модальности. "Едва заметное различие" при возрастании (или уменьшении) каждого рода ощущений является чем-то постоянным. Но для того чтобы это различие ощущалось, прирост раздражения должен, в свою очередь, достигнуть известной величины, тем большей, чем сильнее наличное раздражение, к которому оно прибавляется.

Значение установленного правила, которое в дальнейшем Фехнер назвал законом Вебера (добавочный раздражитель должен находиться в постоянном для каждой модальности отношении к данному, чтобы возникло едва заметное различие в ощущениях), было огромно. Оно не только показало упорядоченный характер зависимости ощущений от внешних воздействий, но и содержало (имплицитно) методологически важный для будущего психологии вывод о подчиненности числу и мере всей области психических явлений в их обусловленности физическими.

Первая работа Вебера о закономерном соотношении между интенсивностью раздражений и динамикой ощущений увидела свет в 1834 году. Но тогда она не привлекла внимания. И конечно, не потому, что была написана на латинском языке. Ведь и последующие публикации Вебера, в частности его прекрасная (уже на немецком языке) обзорная статья для четырехтомного "Физиологического словаря" Руд. Вагнера, где воспроизводились прежние опыты по определению порогов чувствительности, также не привлекли внимания к идее математической зависимости между ощущениями и раздражителями.

В то время эксперименты Вебера ставились физиологами высоко не из-за открытия указанной зависимости, а в силу утверждения опытного подхода к кожной чувствительности, в частности, изучения ее порогов, варьирующих по величине на различных участках поверхности тела. Это различие Вебер объяснял степенью насыщенности соответствующего участка иннервируемыми волокнами.

Веберова гипотеза о "кругах ощущений" (поверхность тела представлялась разбитой на участки-круги, каждый из которых снабжен одним нервным волокном; при-

чем предполагалось, что системе периферических кругов соответствует их мозговая проекция)¹⁶⁴ приобрела в те годы исключительную популярность. Не потому ли, что она была созвучна доминировавшему тогда "анатомическому подходу"?

Между тем намеченная Вебером новая линия в исследовании психического: исчисление количественной зависимости между сенсорными и физическими явлениями – оставалась неприметной, пока ее не выделил и не превратил в исходный пункт психофизики Фехнер.

Мотивы, которые привели Фехнера в новую область, были существенно иными, чем у естественнонаучного материалиста Вебера. Фехнер вспоминал, что сентябрьским утром 1850 года, размышляя о том, как опровергнуть господствовавшее среди физиологов материалистическое мировоззрение, он пришел к выводу, что если у Вселенной – от планет до молекул – есть две стороны – "светлая", или духовная, и "теневая", или материальная, то должно существовать функциональное отношение между ними, выражимое в математических уравнениях. Если бы Фехнер был только религиозным человеком и мечтателем-метафизиком, его замысел остался бы в коллекции философских курьезов. Но он в свое время занимал кафедру физики и изучал психофизиологию зрения. Для обоснования же своей мистико-философской конструкции он избрал экспериментальные и количественные методы. Формулы Фехнера не могли не произвести на современников глубокого впечатления.

Фехнера вдохновляли философские мотивы: доказать в противовес материалистам, что душевные явления реальны и их реальные величины могут быть определены с такой же точностью, как и величины физических явлений.

Разработанные Фехнером методы едва заметных различий, средних ошибок, постоянных раздражений вошли в экспериментальную психологию и определили на первых порах одно из главных ее направлений. "Элементы психофизики" Фехнера, вышедшие в 1860 году, оказали глубокое воздействие на все последующие труды в области измерения и вычисления психических явлений – вплоть до наших дней. После Фехнера стали очевидными правомерность и плодотворность использования в психологии математических приемов обработки опытных данных. Психология заговорила математическим языком – сперва об ощущениях, затем о времени реакции, об ассоциациях и о других факторах душевной деятельности.

Выведенная Фехнером всеобщая формула, согласно которой интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражителя, стала образцом введения в психологию строгих математических мер. В дальнейшем обнаружилось, что указанная формула не может претендовать на универсальность. Опыт показал границы ее приложимости. Выяснилось, в частности, что ее применение ограничено раздражителями средней интенсивности и к тому же она действительна не для всех модальностей ощущений.

¹⁶⁴ Из этого следует ошибочность мнения, будто физиология органов чувств, от которой ответвилась экспериментальная психология, являлась "рецепторной" в силу того, что признавала лишь зависимость ощущений от деятельности рецептора, и стала "рефлекторной" после того, как была признана также роль мозга. Считать мозг непререкаемым звеном сенсорного механизма недостаточно, чтобы перейти к рефлекторному пониманию ощущений и восприятий. Такое понимание предполагает обращение к двигательной (мышечной) активности как детерминанте чувственного образа.

Разгорелись дискуссии о смысле этой формулы, об ее реальных основаниях. Вундт придал ей чисто психологическое, а Эббингауз чисто физиологическое значение. Но безотносительно к возможным интерпретациям Фехнера формула (и предполагаемый ею опытно-математический подход к явлениям душевной жизни) стала одним из краеугольных камней новой психологии.

Направление, зачинателем которого являлся Вебер, а теоретиком и прославленным лидером – Фехнер, развивалось вне общего русла физиологии органов чувств, хотя на первый взгляд оно как будто относилось именно к этому ответвлению физиологической науки. Объясняется это тем, что закономерности, открытые Вебером и Фехнером, реально охватывали соотношение психических и физических (а не физиологических) явлений. Хотя и предпринималась попытка вывести эти закономерности из свойств нервно-мозгового аппарата, но она носила сугубо гипотетический, умозрительный характер и свидетельствовала не столько о действительном, содержательном знании, сколько о потребности в нем.

Сам Фехнер делил психофизику на внешнюю и внутреннюю, понимая под первой закономерные соответствия между физическим и психическим, под второй – между психическим и физиологическим. Однако зависимость второго плана (внутренняя психофизика) осталась в контексте трактовки установленного им закона за пределами опытного и математического обоснования.

Мы видим, таким образом, что своеобразное направление в изучении деятельности органов чувств, известное под именем психофизики и ставшее одной из основ и составных частей нарождавшейся в качестве самостоятельной науки психологии, представляло область, отличную от физиологии. Объектом изучения психофизики являлась система отношений между психологическими фактами и доступными экспериментальному контролю, варьированию, измерению и вычислению внешними раздражителями. Этим психофизика принципиально отличалась от психофизиологии органов чувств, хотя исходную психофизическую формулу Вебер и получил, экспериментируя над кожной и мышечной рецепцией. В психофизике деятельность нервной системы подразумевалась, но не изучалась. Знание об этой деятельности не входило в состав исходных понятий. Корреляция психических явлений с внешними, физическими, а не с внутренними, физиологическими агентами оказалась при существовавшем тогда уровне знаний о телесном субстрате наиболее доступной сферой экспериментальной разработки фактов и их математического обобщения.

Психофизический монизм

Трудности в осмыслении отношений между физической природой и сознанием, реально назревшая потребность в преодолении дуализма в трактовке этих отношений привели на рубеже XIX XX веков к концепциям, девизом которых стал психофизический монизм.

Основная идея заключалась в том, чтобы представить вещи природы и явления сознания "сотканными" из одного и того же материала. Эту идею в различных вариантах излагали Э. Мах, Р. Авенариус, В. Джемс.

"Нейтральным" к различению физического и психического материалом является, согласно Маху, сенсорный опыт, то есть ощущения. Рассматривая их под одним углом зрения, мы создаем понятие о физическом мире (природе, веществе), под другим же углом зрения они "оборачиваются" явлениями сознания. Все зависит от контекста, в который включают одни и те же компоненты опыта.

Согласно Авенариусу, в едином опыте имеются различные ряды. Один ряд мы принимаем за независимый (например, явления природы), другой считаем зависимым от первого (явления сознания). Приписывая мозгу психику, мы совершаем недопустимую "интроекцию", а именно вкладываем в нервные клетки то, чего там нет. Образы и мысли нелепо искать в черепной коробке. Они находятся вне ее.

Предпосылкой такого взгляда являлось отождествление образа вещи с нею самою. Если их не различать, то, действительно, становится загадочным, каким образом все богатство познаваемого мира может разместиться в полутора килограммах мозговой массы.

В этой концепции психическое было отъединено от двух важнейших реалий, без соотнесенности с которыми оно становится миражом, — и от внешнего мира, и от своего телесного субстрата. Бесперспективность такого решения психофизической (и психофизиологической) проблемы доказана последующим развитием научной мысли.

Физический раздражитель как сигнал

Переход от физической трактовки отношений между организмом и средой к биологической породил новую картину не только организма, жизнь которого (включая ее психические формы) отныне мыслилась в ее нераздельных и избирательных связях со средой, но и самой среды. Воздействие среды на живое тело мыслилось не по типу механических толчков и не по типу перехода одного вида энергии в другой. Внешний раздражитель приобретал новые сущностные характеристики, обусловленные потребностью организма в адаптации к нему.

Наиболее типичное выражение это получило в появлении понятия о раздражителе-сигнале. Тем самым место прежних физических и энергетических детерминант заняли сигнальные. Пионером включения в общую схему поведения категории сигнала как его регулятора был И.М. Сеченов (см. выше).

Физический раздражитель, воздействуя на организм, сохраняет свои внешние физические характеристики, но при его рецепции специальным телесным органом приобретает особую форму. Говоря сеченовским языком — форму чувствования. Это позволяло интерпретировать сигнал в роли посредника между средой и ориентирующимся в ней организмом.

Трактовка внешнего раздражителя как сигнала получила дальнейшее развитие в работах И.П. Павлова по высшей нервной деятельности. Он ввел понятие о сигнальной системе, которая позволяет организму различать раздражители внешней среды и, реагируя на них, приобретать новые формы поведения.

Сигнальная система не является чисто физической (энергетической) величиной, но она не может быть отнесена и к чисто психической сфере, если понимать под ней явления сознания. Вместе с тем сигнальная система имеет психический коррелят в виде ощущений и восприятий.

Ноосфера как особая оболочка планеты

Новое направление в понимании отношений между психикой и внешним миром наметил В.И. Вернадский.

Важнейшим вкладом Вернадского в мировую науку явилось его учение о биосфере как особой оболочке Земли, в которой активность включенного в эту оболочку живого вещества является геохимическим фактором планетарного масштаба. Отметим, что Вернадский, отказавшись от термина "жизнь", говорил именно о живом веществе. Под веществом было принято понимать атомы, молекулы и то, что из них построено. Но вещество мыслилось до Вернадского как абиотическое или, если принять его излюбленный термин, как косное, лишенное признаков, отличающих живые существа.

Отвергая прежние воззрения на отношения между организмом и средой, Вернадский писал: "Нет той инертной безразличной, с ним не связанной среды для живого вещества, которое логически принималось во внимание при всех наших представлениях об организме и среде: организм – среда; и нет того противопоставления: организм – природа, при котором то, что происходит в природе, может не отражаться в организме, есть неразрывное целое: живое вещество = биосфера"¹⁶⁵.

Этот знак равенства имел принципиальное значение. В свое время И.М. Сеченов, восприняв кредо передовой биологии середины XIX века, отверг ложную концепцию организма, обособляющую его от среды, тогда как в понятие об организме должна входить и среда, его составляющая. Отстаивая в 1860 году принцип единства живого тела и среды, Сеченов следовал программе физико-химической школы, которая, сокрушив витализм, учила, что в живом теле действуют силы, которых нет в неорганической природе.

"Мы все – дети Солнца", – сказал Гельмгольц, подчеркивая зависимость любых форм жизнедеятельности от Солнца как источника ее энергии. Иной смысл придавал принципу единства организма и среды Вернадский, учение которого представляло новый виток развития научной мысли. Вернадский говорил не о сложном понимании организма (как Гельмгольц, Сеченов и др.), а о ложном понимании среды, доказывая тем самым, что в понятие среды (биосферы) должны входить и организмы, ее составляющие. Он писал: "В биогенном токе атомов и связанной с ним энергии проявляется резко планетное, космическое значение живого вещества, ибо биосфера является той единственной земной оболочкой, в которую непрерывно проникают космическая энергия, космические излучения и прежде всего лучеиспускание Солнца"¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1977, с. 147.

¹⁶⁶ Там же, с. 15.

Биогенный ток атомов в значительной степени и создает биосферу, в которой происходит непрерывный материальный и энергетический обмен между образующими ее косными природными телами и заселяющим ее живым веществом. Порождаемая мозгом как трансформированным живым веществом деятельность человека резко увеличивает геологическую силу биосферы. Так как эта деятельность регулируется мыслью, то личностную мысль Вернадский рассматривал не только в ее отношении к нервному субстрату или окружающей организм ближайшей внешней среде (как натуралисты всех предшествующих веков), но и как планетное явление. Палеонтологически с появлением человека начинается новая геологическая эра. Вернадский согласен (вслед за некоторыми учеными) называть ее психозойской.

Это был принципиально новый, глобальный подход к человеческой психике, включающий ее в качестве особой силы в историю земного шара, придающий истории нашей планеты совершенно новую, особую направленность и стремительные темпы. В развитии психики усматривался фактор, ограничивающий чуждую живому веществу косную среду, оказывающий давление на нее, изменяющий распределение в ней химических элементов и т.д. Как размножение организмов проявляется в давлении живого вещества в биосфере, так и ход геологического проявления научной мысли давит создаваемыми им орудиями на косную, сдерживающую его среду биосферы, создавая ноосферу, царство разума. Очевидно, что для Вернадского воздействие мысли, сознания на природную среду (вне которой сама эта мысль не существует, ибо она в качестве функции нервной ткани является компонентом биосферы) не может быть иным, как опосредованным орудиями, созданными культурой, включая средства коммуникаций.

Термин "ноосфера" (от греч. "нус" – разум и "сфера" – шар) был введен в научный язык французским математиком и философом Э.Леруа, который совместно с другим мыслителем Тейяром де Шарденом различал три ступени эволюции: литосферу, биосферу и ноосферу. Вернадский (называвший себя реалистом) придал этому понятию материалистический смысл. Не ограничившись высказанным задолго до него и Тейяра де Шардена положением об особой геологической "эре человека", он наполнил понятие "ноосфера" новым содержанием, которое черпал из двух источников: естественных наук (геология, палеонтология и т.д.) и истории научной мысли.

Сопоставляя последовательность геологических наслоений археозоя и морфологических структур отвечающих им форм жизни, Вернадский указывает на процесс усовершенствования нервной ткани, в частности мозга. "Без образования мозга человека не было бы его научной мысли в биосфере, а без научной мысли не было бы геологического эффекта – перестройки биосферы человечеством"¹⁶⁷.

Размышляя по поводу выводов анатомов об отсутствии существенной разницы между мозгом человека и обезьяны, Вернадский замечал: "Едва ли это можно иначе толковать, как нечувствительностью и неполнотой методики. Ибо не может быть никакого сомнения в существовании резкого различия в тесно связанных с геологическим эффектом и структурой мозга проявлениях в биосфере ума человека и ума обезьян. По-видимому, в развитии ума человека мы видим проявления

¹⁶⁷ Там же, с. 43.

не грубо анатомического, выявляющегося в геологической длительности изменения черепа, а более тонкого изменения мозга... которое связано с социальной жизнью в ее исторической длительности"¹⁶⁸.

Переход биосферы в ноосферу, оставаясь природным процессом, приобретал вместе с тем, согласно Вернадскому, особый исторический характер, отличный от геологической истории планеты.

К началу XX века стало очевидно, что научная работа способна изменить лик Земли в масштабах, подобных великим тектоническим сдвигам. Пережив небывалый взрыв творчества, научная мысль проявила себя как сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет истории жизни в биосфере. Приобретая форму, говоря словами Вернадского, "вселенскости", охватывая всю биосферу, научная мысль создает новую стадию организованности биосферы.

Научная мысль изначально исторична. И ее история, согласно Вернадскому, – не внешнее и рядоположенное по отношению к истории планеты. Это меняющая ее в самом строгом смысле геологическая сила. Как писал Вернадский, созданная в течение геологического времени, установившаяся в своих равновесиях биосфера начинает все сильнее и глубже меняться под влиянием научной мысли человечества. Вновь создавшийся геологический фактор – научная мысль – меняет явления жизни, геологические процессы, энергетику планеты.

В истории же научного познания особый интерес вызывал у Вернадского вопрос о субъекте как движущей силе научного творчества, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о самих способах открытия научных истин (особенно любопытно, считал он, изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания наукой). "Мне кажется, – писал Вернадский, – изучая открытия в области науки, делаемые независимо разными людьми, при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире"¹⁶⁹. Понятие о личности и ее сознании осмысливалось ученым сквозь призму его общего подхода к мирозданию и месту, которое занимает в нем человек. Размышляя о развитии сознания в мире, в космосе, во Вселенной, Вернадский относил это понятие к категории тех же естественных сил, как жизнь и все другие силы, действующие на планете. Он рассчитывал, что путем обращения к историческим реликтам в виде тех научных открытий, которые были сделаны независимо разными людьми в различных исторических условиях, удастся проверить, действительно ли интимная и личная работа мысли конкретных индивидов совершается по независимым от этой индивидуальной мысли объективным законам, которые, как и любые законы науки, отличают повторяемость, регулярность.

Движение научной мысли, по Вернадскому, подчинено столь же строгим естественноисторическим законам, как смена геологических эпох и эволюция животного мира. Законы развития мысли не определяют автоматически работу мозга как живого вещества биосферы.

¹⁶⁸ Там же, с. 44.

¹⁶⁹ Вернадский В.И. Избр. труды по истории науки. М., 1981, с. 9.

Недостаточно и организованной корпорации ученых. Необходима специальная активность личности в процессах преобразования биосферы в ноосферу. Именно эту активность, энергию личности Вернадский считал важнейшим фактором происходящей в мироздании преобразовательной работы. Он различал бессознательные формы этой работы в деятельности сменявших друг друга поколений и формы сознательные, когда из векового бессознательного, коллективного и безличного труда поколений, приноровленного к среднему уровню и пониманию, выделяются "способы открытия новых научных истин".

С энергией и активностью личностей, владеющих этими способами, Вернадский связывал ускорение прогресса. При его "космическом" способе понимания мироздания под прогрессом подразумевалось не развитие знание само по себе, но развитие ноосферы как изменений биосферы и тем самым всей планеты как системного целого. Психология личности оказывалась своего рода энергетическим началом, благодаря которому происходит эволюция Земли как космического целого.

Термин "ноосфера" означал такое состояние биосферы – одной из оболочек нашей планеты, – при котором она приобретает новое качество благодаря научной работе и организуемому посредством нее труду. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что эта сфера, по представлениям Вернадского, изначально пронизана личностно-мотивационной активностью человека.

Глава 16. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Отношение психики (души) к организму, к своему телесному субстрату с древних времен являлось объектом обсуждения при объяснении природы человека. При этом на уровне не только теоретических представлений, но и практики, прежде всего – медицинской. Главным фактором жизни, как телесной, так и психической, было признано кровообращение. Это учение разрабатывалось в Вавилоне, Египте, Китае, Индии.

Понятие о пневме

Очень древним является также понятие о пневме – особом, подобном разогретому воздуху тончайшем веществе, проносящемся по кровеносным сосудам, но отличном от крови и выполняющем функции носителя психических актов.

Вспомним, что понятие о пневме играло огромную роль в воззрениях людей не только древнего мира, но и средневекового общества. На нем зиждились философские системы. Оно широко использовалось как древневосточными религиями, так и христианским богословием. Сугубо гипотетический характер понятия о пневме, его непроверяемость эмпирическими средствами создавали предпосылки для фантастических взглядов и суеверий. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что в античном обществе научный опыт коснулся (притом весьма поверхностно) лишь морфологического субстрата нервно-психических явлений. Понятие о пневме удовлетворяло в течение многих веков потребность естественнонаучной мысли в том, чтобы уяснить природу материального носителя душевных процессов. В медицинских кругах пневма мыслилась как факт, а не как теория.

Представление о пневме у древних было чем-то напоминающим современные представления о паре в локомотиве: законами ее расширения и сжатия объяснялась жизнь как механическая система работы. При этом, однако, необходима существенная оговорка: пневма мыслилась как носитель души в различных ее разновидностях, как органических (если пользоваться современным термином), так и психических. Поэтому термин "механизм" применительно к древнему способу объяснения нельзя употреблять без оговорки, без учета того, что истинно механическое объяснение стало возможно лишь в эпоху, когда развитие производства обусловило принципиально новое, строго механическое понимание причинности, до которого мысль древних подняться не смогла.

Тем не менее понятие о пневме, для которого "моделью" служило движение теплого воздуха, вносило "физическую" струю (в соответствии с особенностями античной физики) – в отличие от "организменного" подхода, более телеологического, чем физический (над которым, однако, также довлел телеологизм). Мнение о том, что психическое есть пневма, поддерживалось безотносительно к философским соображениям о функциях, выполняемых ею в мироздании. Как только были открыты нервы (это произошло в эллинистический период), их немедленно начали считать каналами для пневмы. Представления о пневме стали прообразом будущего нервного процесса.

Учение о темпераментах

В медицинских кругах зародилось также учение о темпераментах. Различными пропорциями в смеси основных жидкостей объяснялись индивидуально-психологические различия между людьми. Область индивидуальных различий изучалась в связи с потребностями медицины, в схемах которой большую роль играло определение зависимости заболеваний от строения тела,

Люди разделялись, исходя из идеи о преобладании одной из жидкостей в общей их смеси, на несколько типов. Китайские медики выделяли три главных типа, греческие – четыре.

По дошедшим до нас сведениям, первым из греческих философов, развивших учение о четырех темпераментах, был Эмпедокл (предложивший схему построения мира из четырех элементов, или "корней"). Равномерностью смеси четырех элементов или преобладанием в ней одних элементов над другими, величиной, связью и подвижностью этих элементов он объяснял уровень умственных способностей и характерологические особенности личности. Так, считалось, что люди, элементы которых слишком малы и слишком тесно примыкают друг к другу, обладают порывистостью и берутся за многое, но вследствие быстроты движений крови делают мало. Сообразительность или тупость сходным образом ставились в зависимость от смешения и движения основных частиц.

Эмпедокл был непосредственно связан с одной из греческих медицинских школ. Формулы, касающиеся всего космоса, врачам приходилось переводить на свой язык, чтобы использовать их соответственно тому, что говорило эмпирическое наблюдение.

Школа Гиппократов (ок. 460-377 гг. до н.э.), известная нам по так называемому "Гиппократову сборнику", рассматривала жизнь как изменяющийся процесс. Среди ее объяснительных принципов мы встречаем воздух в роли силы, которая поддерживает неразрывную связь организма с миром, приносит извне разум, а в мозгу выполняет психические функции. Но единое материальное начало в качестве основы органической жизни отвергалось. Если бы человек был единое, то он никогда не болел бы. А если даже и будет болеть, то необходимо, чтобы и исцеляющее средство было единым.

Учение о единой стихии, лежащей в основе многообразия вещей, заменялось учением о четырех жидкостях (кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная).

С именем Гиппократов соединяют учение о четырех темпераментах, которое, однако, в "Гиппократовом сборнике" не изложено. Лишь в книге "О священной болезни" различаются в зависимости от "порчи" мозга желчные люди и флегматики. И все же традиция относить понятие о темпераменте к Гиппократу имеет основания, ибо сам принцип объяснения соответствовал Гиппократову учению.

То, что школа Гиппократов сделала объектом естественнонаучного анализа проблему индивидуальных различий, было обусловлено не чисто медицинскими, но более глубокими причинами, от которых сами медицинские интересы являлись производными.

Поворот греческой мысли ко всему, что касается человека, отразил глубокие изменения в общественной жизни греков периода расцвета рабовладельческой демократии, когда повысилась ценность человеческой личности, ее жизни и свободы (конечно, речь идет о свободных гражданах полисов). На проблеме индивидуальности сосредоточивается и врачебное мышление, выработавшее новые нормы и принципы подхода к больному.

Реальная активизация личности побуждала исследовать характер ее связей с природным и социальным мирами. Соотношение этих двух миров становится одним из главных теоретических "сюжетов" эпохи. Он встречается и у Гиппократов. Приводя в качестве примера образ жизни некоторых азиатских народов в книге "О воздухах, водах и местностях", он доказывал, что обычай может изменить природу организма. Это были первые попытки обсудить вопрос о соотношении социального и биологического в человеке.

Мозг или сердце – орган души?

Гуморальная направленность мышления древнегреческих медиков вовсе не означала, что они игнорировали строение органов, специально предназначенных для выполнения психических функций. Издавна как на Востоке, так и в Греции конкурировали между собой две теории – "сердцецентрическая" и "мозгоцентрическая".

Мысль о том, что мозг есть орган души, принадлежит древнегреческому врачу Алкмеону из Кротоны (VI век до н.э.), который пришел к этому выводу в результате наблюдений и хирургических операций. В частности, он установил, что из мозговых полушарий "идут к глазным впадинам две узкие дорожки". Полагая, что ощущение возникает благодаря особому строению периферических чувствующих аппаратов, Алкмеон вместе с тем утверждал, что имеется прямая связь между органами чувств и мозгом.

Таким образом, учение о психике как продукте мозга зародилось благодаря тому, что была открыта зависимость ощущений от строения мозга, а это в свою очередь стало возможным благодаря накоплению эмпирических фактов. Но ощущения, по Алкмеону, – исходный пункт всей познавательной работы. "Мозг доставляет (нам) ощущение слуха, зрения и обоняния, из последних же возникают память и представление (мнение), а из памяти и представления, достигших непоколебимой прочности, рождается знание, являющееся таковым в силу этой (прочности)"¹⁷⁰.

Тем самым и другие психические процессы, возникающие из ощущений, связывались с мозгом, хотя знание об этих процессах в отличие от знания об ощущениях не могло опереться на анатоμο-физиологический опыт.

Вслед за Алкмеоном Гиппократ также трактовал мозг как орган психики, полагая, что он является большой железой.

Из медицины эти представления перешли в философию. Нужно, однако, иметь в виду, что, как в те времена, так и впоследствии, решение вопроса о телесной локализации психики непосредственно зависело не только от анатомических знаний, но и от философско-психологических представлений. Платон, разделивший душу на три части, соответственно искал для каждой из них свой орган. Идеальноумственную часть (разум) он помещал в голове (руководствуясь соображением о том, что она ближе всего к небесам, где пребывает царство идей), "гневливую" (мужество) – в груди, а чувственную (вожделение) – в брюшной полости.

¹⁷⁰ Маковельский. Досократики, Ч. 1-3. Казань, 1914-1919, с. 207.

Открытие Алкмеоном мозга как органа психики в течение нескольких столетий рассматривалось только как гипотеза. Аристотель, который сам прошел превосходную медицинскую школу в Северной Греции, возвращается к "сердцецентрической" схеме. Мозг, по его мнению, не орган психики, а аппарат, охлаждающий, регулирующий жар крови. Будучи фантастическими со стороны физиологической, представления Аристотеля вместе с тем вносили совершенно новый момент в трактовку центрального органа психической деятельности.

"Общее чувствилище"

Аристотелю принадлежит понятие об "общем чувствилище", воспринятое последующей физиологией и медициной и всерьез обсуждавшееся вплоть до XIX века. Согласно Аристотелю, для актуализации чувственных образов вещей (а с этого начинается, как он полагал, сенсомоторная деятельность организма) необходимо, чтобы тело обладало двумя специальными устройствами: органами чувств и центральным органом. Благодаря деятельности центра познаются общие качества, которые косвенно воспринимаются нами при каждом ощущении, таковы движение, покой, фигура, величина, число, единство. Важнейшей операцией центра является, далее, различение ощущений: "Невозможно различить посредством отдельных чувств, что сладкое есть нечто отличное от белого, но и то и другое должно быть ясным чему-нибудь единому" (Аристотель). Какова же природа этого центра, где лежат жизненные корни "общего чувствилища"? Они уходят, по Аристотелю, в область прямых связей организма со свойствами среды (сухим и влажным), ибо центральный орган является одновременно и органом осязания. Тело представляет собой среду, приросшую к осязающему органу, через нее возникают ощущения по всем их разнообразию.

Аристотелевская гипотеза об "общем чувствилище" направляла в дальнейшем работу физиологов, искавших в центральной нервной системе отделы, в которых оно могло бы быть локализовано.

Механизм ассоциаций

С Аристотелем связана также первая попытка определить физиологический механизм ассоциаций. Он полагал, что душа обладает способностью посредством центрального ощущающего органа – "общего чувствилища" – восстанавливать в органах чувств в уменьшенном виде следы прежних движений, а стало быть, и прежних впечатлений в том порядке, в каком они производились внешними объектами.

Запечатление образа предмета он объяснял тем, что движение, возникшее в органе, не исчезает сразу же, но сохраняется (застаивается). Иногда ему противодействует другое движение, способное устранить сохранившийся след. Движения могут быть сходными, противоположными и следующими одно за другим, что и служит основанием для разграничения видов ассоциаций: по сходству, контрасту и временной последовательности. При большой прозорливости этих догадок они носили совершенно умозрительный характер и поэтому, конечно, не смогли продвинуть позитивное знание о физиологическом субстрате психического.

Существенных успехов в опытном изучении этого субстрата добились два врача, работавшие в Александрии в III веке до н.э., – Герофил и Эразистрат, которым принадлежит ряд крупных анатомических открытий, и прежде всего открытие нервов. До них нервы не отличали от связок и сухожилий. Александрийские врачи производили вскрытие человеческих тел (что в дальнейшем категорически запрещалось). Это позволило им детально описать устройство мозга и других органов.

В вопросе об органе "животной души" оба александрийца разошлись с Аристотелем и вернулись к Алкмеону. Но у Алкмеона еще не было дифференцированного подхода, тогда как александрийцы считали, что "животная душа" локализуется в определенных частях мозга. Герофил главное значение придал мозговым желудочкам. И это мнение удерживалось много веков. Эразистрат же обратил внимание на кору, связав богатства извилин мозговых полушарий человека с его умственным превосходством над другими животными. Эразистрату принадлежит также открытие различия между чувствительными и двигательными нервами. Это различие, вскоре забытое, было вновь открыто в XIX веке.

Успехи врачей-александрийцев были обусловлены сопоставлением анатомических данных о строении нервной системы с экспериментальным изучением зависимости функций от раздражений и разрезов различных частей мозга.

Филопон (VI век н.э.) сообщает об опытах, в которых путем раздражения оболочек мозга вызывались двигательные параличи и потеря чувствительности. Имеются сведения, что опыты ставились и над живыми людьми (приговоренными к казни преступниками).

Используя опыт александрийских врачей и последующей медицины, древнеримский врач Гален (II век н.э.) синтезировал достижения античной философии, биологии и медицины в детально разработанную систему.

Органами души он признал мозг, сердце и печень. Каждому из органов приписывалась одна из "психических" функций соответственно разделению частей души, предложенному Платоном: печень – носитель вожделений, сердце – гнева и мужества, мозг – разума. В мозгу главная роль отводилась желудочкам, в особенности заднему. Здесь, по Галену, производится и хранится высший сорт пневмы, соответствующий разуму, который является существенным признаком человека, подобно тому, как локомоция (имеющая свою "душу", или пневму) типична для животных, а рост (опять-таки предполагающий особую пневму) – для растений.

Нервная система представляет ветвистый ствол, каждая из ветвей которого живет самостоятельной жизнью. Нервы построены из того же вещества, что и мозг. Они служат ощущению и движению. Гален различал: а) чувствительные, "мягкие" нервы, идущие к органам ощущений, и б) связанные с мышцами, "твердые" нервы, посредством которых выполняются произвольные движения.

Кроме автоматизмов сердца, сосудов и других внутренних систем, все остальные движения Гален считал произвольными. Мышца приводится в движение нервом посредством проносящейся по нему психической (душевной) пневмы. Зависимость

любого мышечного движения, связанного с моторным нервом, от участия психического фактора души казалась безусловной не только Галену, но и всем поколениям после него, пока не был открыт механизм рефлекса.

Развитие психофизиологических представлений в античном мире приостановилось на уровне, запечатленном системой представлений Галена. От этого уровня, с использованием достижений арабоязычной культуры, научному знанию об организме предстояло продолжить свое дальнейшее развитие лишь через полтора тысячелетия.

Значение проблем, открытых в период античности

Завершая обзор представлений древних о материальном субстрате деятельности души (то есть представлений, внутренне связанных с психофизиологической проблемой), обратим внимание на следующее обстоятельство. Если иметь в виду только фактические позитивные знания в этой области, то есть эмпирические открытия, вошедшие в общий комплекс современных научных истин, то они крайне скудны и касаются исключительно анатомии организма.

Физиологические объяснения опирались на фиктивные понятия, каковым, например, являлось понятие о пневме – вещественном носителе жизненных и психических явлений. Но при всей его фантастичности этот термин отражал реальную потребность мысли в том, чтобы постичь динамику совершающихся в материальном субстрате изменений. От пневмы ведет свое происхождение учение о "животных духах" как потоках пронесшихся по телу с огромной быстротой частиц, подобных потокам разогретого воздуха. В Новое время эти частицы были подведены под законы механики и до конца XVIII века выполняли в умах естествоиспытателей и врачей ту функцию, которую взяло на себя в дальнейшем понятие о нервном процессе. И то, что для взгляда, чужающегося исторического подхода, может показаться мифологическим конструктом, являлось результатом напряженной работы естественнонаучной мысли и неременной предпосылкой ее дальнейших успехов.

Психологические поиски древних шли впереди анатомо-физиологических находок. Более того, сами физиологические схемы порождались запросами психологической мысли, исходившей из общего принципа зависимости души от организма. Учение о локализации души в различных частях организма возникло после того, как в составе самой души были вычленены различные "части".

Чтобы физиологически объяснить психологию, нужно сперва иметь психологию. И это остается верным применительно не только к древней эпохе, когда и физиологии-то, по существу, не было, но и ко всем последующим фазам научного прогресса.

Аристотель не пришел бы к своим умозрительным (фантастическим) рассуждениям о "пневматическом" механизме ассоциаций, если бы сначала не выделил сами ассоциации как особые формы запоминания и воспроизведения. Это же относится и к аристотелевскому понятию об "общем чувствилище" как главном психическом "центре".

В течение многих веков анатомы и физиологи подыскивали для этого центра место в организме исходя из психологических соображений о том, что деятельность отдельных органов чувств сама по себе недостаточна для познания общих качеств вещей, для сопоставления ощущений различных модальностей и т.д.

Учение о физиологической основе темпераментов опять-таки отправлялось от психологической типологии, связанной с интересами медицинской практики. Ведь все построения относительно элементов ("соков"), образующих тип, были насквозь умозрительными, ибо являлись не обобщением фактов, а производной учения о четырех "корнях" всего существующего (в греческой философии).

Тонкий психологический анализ привел Демокрита к различению четырех вкусовых качеств – сладкого, соленого, кислого и горького. Через две с лишним тысячи лет экспериментальная психология в поисках основных чувственных элементов пришла к такому же выводу. Но Демокрит не ограничился феноменологией ощущений. Он искал их материальный субстрат в различии структуры атомов (сладкий вкус он считал порождением относительно больших круглых атомов, соленый – атомов с острыми углами и т.д.). Описание различий в атомах было совершенно спекулятивным, тогда как описание различных вкусовых ощущений соответствовало реальности.

Вправе ли мы, однако, прийти к выводу о том, что испытание временем выдержали лишь те мнения, которые касались психологических фактов (ощущений, ассоциаций), тогда как выработанные древними греками физиологические представления не имеют никакого значения для современного научного мышления?

Такой вывод нетрудно сделать, если рассматривать указанные физиологические представления сами по себе, безотносительно к категориальной функции, которую они выполняли в общем движении научных идей. Если же учесть эту функцию, то окажется, что принципиальные подходы древних не так уж далеки от современных проблем, дискуссий и поисков. Установка древних на выяснение физиологической (органической) основы психики в принципе являлась правильной. Наивно выглядят их ответы. Но вопросы, поставленные ими, сохраняют свою актуальность. И, кто знает, быть может, наши ответы покажутся в не столь отдаленном времени еще более наивными тем, кто выработает новые решения, отвечая на все те же вопросы, которые впервые осмыслил и над которыми столетиями бился древнегреческий ум.

Проблема отношений психических процессов к нейрогуморальным остается по-прежнему одной из самых острых.

Учение о локализации психических функций, несмотря на успехи нейрофизиологии, нейрогистологии, нейропсихологии и других дисциплин, вооруженных электронными микроскопами, телеметрическими и биохимическими методами, электронно-вычислительными машинами и другой новейшей экспериментальной аппаратурой, содержит в настоящее время еще больше белых пятен, чем в античные времена.

Конечно, представления о физиологическом механизме ассоциаций существенно преобразовались по сравнению с аристотелевским движением потоков пневмы. Но

и сегодня о динамике нервных (или нейрогуморальных) процессов в мозгу при актах запоминания и воспроизведения по ассоциации (не говоря о более сложной – смысловой памяти) известно очень мало. Проблема же, поставленная Аристотелем, находится в центре интересов многих самых современных лабораторий, изучающих нейрофизиологию и биохимию памяти.

Демокритовский подход к ощущениям состоял не только в "атомизации" сенсорной сферы. Поисками исходных ингредиентов "материи" или "ткани" сознания занялась в XIX веке структуралистская психология Вундта-Титченера, которая оказалась в тупике именно потому, что представляла ощущения не по-демокритовски, не как эффекты физических воздействий на воспринимающий орган, а по Беркли и Юму – как первичные феномены сознания. От этой чисто психологической линии отличалось психофизиологическое направление, искавшее не элементы сознания в их мнимой первозданности, а нервные элементы, от функционирования которых зависит возникновение ощущений. На этом втором пути были экспериментально установлены многие факты. Выяснилось, например, что не вся поверхность языка одинаково чувствительна к веществам, вызывающим разграниченные Демокритом вкусовые качества, что некоторые ощущения, считавшиеся вкусовыми, в действительности следует отнести за счет обоняния.

Демокрит искал ответ на вопрос, который до него ни перед кем не возникал и который и сегодня – в век тончайших физико-химических и кибернетических методов – остается столь же актуальным, как и тогда, когда основным орудием натуралиста было наблюдение.

Вопрос этот звучит так: каковы отношения между качеством ощущений и структурными особенностями вызывающего их внешнего материального источника? Вряд ли кто-либо отважится утверждать, что психология располагает сегодня конкретным научным решением этого вопроса, тем более применительно к таким ощущениям, как вкусовые. Однако сформулирован он был в общем виде именно так, как и сегодня его понимает научная психология, – в отличие от тех доктрин, для которых (начиная от "физиологического идеализма" Иоганна Мюллера) у ощущаемых качеств не существует иного объективного коррелята, кроме структуры самого органа чувств.

Что касается еще одного важнейшего приобретения древней психологии – учения о темпераментах, то порожденные им понятия "холерик", "флегматик", "меланхолик" и "сангвиник" продолжают жить и в современном языке, что, конечно, было бы невозможно, если бы они не подкреплялись реально наблюдаемыми различиями человеческих типов.

В период античности зародилась идея о том, что несколько исходных телесных признаков образуют – при различных сочетаниях – основные типы (или комплексы) индивидуальных различий между людьми. Эта идея остается руководящей для современных концепций в области дифференциальной психологии. Можно подставлять различные значения под термин "исходные признаки" и использовать для их диагностики любые экспериментальные и математические методики, но общий смысл этих операций будет состоять в следовании той же категориальной схеме,

которую выработали Гиппократ и другие древние медики. Напомним, что И.П. Павлов соотносил свое учение о типах высшей нервной деятельности с учением Гиппократа.

Древнюю теорию темпераментов отличала еще одна особенность. Как мы помним, за основные элементы организма принимались жидкости ("соки"). Этой точке зрения созвучна устанавливаемая современной наукой зависимость темперамента от желез внутренней секреции, от "химизма" тела (а не только от его устройства или свойств нервной системы).

Категориальный подход ориентирует на то, чтобы отчленить инвариантное в научной деятельности от тех теоретических построений, в которых оно выступает в конкретную эпоху, в неповторимых исторически преходящих обстоятельствах. Мы имели возможность убедиться, что, хотя основные категории научно-психологического мышления в античный период еще не сложились, именно тогда были открыты проблемы, остающиеся центральными для современной психологии.

Механицизм и новое объяснение отношений души и тела

Научная революция XVII века, как мы уже знаем, утвердила принципиально новое объяснение живого тела. Оно было освобождено от влияния души как организующего его деятельность принципа и стало мыслиться как своего рода машина, работающая по общим законам механики.

Что касается психики, то она выступала в двух вариантах: либо как тождественная сознанию (то есть знанию субъекта о своих мыслях, волевых актах и т.д.), либо как представленная в неосознаваемых формах. Попытки объяснить ее отношение к "машине тела" породили три воззрения на психофизиологическую проблему, к которым в различных вариантах склонялись мыслители последующих веков. Мы уже упоминали об этих вариантах – порождениях эпохи торжества механистического воззрения на природу. Это психофизиологическое взаимодействие (Декарт), психофизиологический параллелизм (Лейбниц) и психофизиологическое тождество (Гоббс).

Начнем с анализа воззрений Декарта. Как уже отмечалось, ему принадлежало открытие рефлекторной природы поведения. Перед глазами Декарта был опыт объяснения работы сердца в категориях механики. Это привело к открытию Гарвеем кровообращения как деятельности, которая совершается автоматически, а не регулируется душой.

По идейно-научной значимости, однако, психофизиологическая теория Декарта не только не уступала учению Гарвея, но и в известном отношении еще в большей степени укрепляла принцип детерминизма. Труды Гарвея утверждали этот принцип применительно к одной из внутриорганических функциональных систем, тогда как Декарт распространил его на взаимоотношение живых существ с внешним миром, на процесс поведения, открыв тем самым эру внедрения новой методологии в самую сложную сферу жизнедеятельности. Отсутствие сколько-нибудь достоверных данных о природе нервного процесса вынудило Декарта представить его по образцу процесса кровообращения, знание о котором приобрело надежные опорные точки в опытном исследовании. Декарт полагал, что по движению сердца и

крови как по первому и самому общему, что наблюдают в животных, можно легко судить и обо всем остальном.

Нервный импульс мыслился как нечто родственное – по составу и способу действия – процессу перемещения крови по сосудам: предполагалось, что наиболее легкие и подвижные частицы крови, отфильтровываясь от остальных, поднимаются согласно общим правилам механики к мозгу. Потоки этих частиц Декарт обозначил старинным термином "животные духи", вложив в него содержание, вполне соответствовавшее механической трактовке функций организма. "То, что называю "духами", есть не что иное, как тела, не имеющие никакого другого свойства, кроме того, что они очень малы и движутся очень быстро"¹⁷¹.

Хотя термин "рефлекс" у Декарта отсутствует, основные контуры этого понятия намечены достаточно отчетливо. Считая деятельность животных, в противоположность человеческой, машинообразной, отмечал И.П. Павлов, Декарт установил понятие рефлекса как основного акта нервной системы.

Рефлекс означает отражение. Под ним у Декарта разумелось отражение "животных духов" от мозга к мышцам по типу отражения светового луча.

В этой связи напомним, что понимание нервного процесса как родственного тепловым и световым явлениям имеет древнюю и разветвленную генеалогию (сравните представления о пневме). Пока физические законы тепла и света, проверяемые опытом и имеющие математическое выражение, оставались неизвестными, учение об органическом субстрате психических проявлений находилось в зависимости от учений о душе как целесообразно действующей силе. Картина начала изменяться с успехами физики, прежде всего оптики. Достижения Ибн аль-Хайсама и Р. Бэкона уже в период средневековья подготавливали вывод о том, что сфера ощущений (имеются в виду зрительные ощущения) находится в зависимости не только от потенций души, но и от физических законов движения и преломления световых лучей.

Понятие о способностях души шло от еще полной наивного телеологизма биологии, понятие же о движении света – от нарождавшейся неаристотелевской физики, где взамен телеологии (с ее представлением о стремлении к цели) вырабатывались каузальные способы объяснения. Но чтобы законы оптики приобрели истинно детерминистскую интерпретацию, потребовалась новая механика.

В ее категориях движение огненно-светового вещества внутри организма ("животных духов", ведущих свою родословную от пневмы) смогло быть представлено как строго механическое. Правда, уже подход с позиций оптики лишал смысла обращение к душе как объяснительному началу. Ведь отражение материальных частиц – носителей психики – от мозга так же не нуждается для своей реализации в душе, как не нуждается в этом отражаемый от поверхности световой луч. Но механика позволила привязать отражение к конструкции, стать на почву реального взаимодействия компонентов телесной машины.

¹⁷¹ Декарт Р. Избр. произв., с. 600.

Понятия о рефлексе – результат внедрения в психофизиологию моделей, сложившихся под влиянием принципов оптики и механики. Распространение физических категорий на активность организма позволило понять ее детерминистически, вывести из-под причинного воздействия души как особой сущности.

Согласно Декартовой схеме внешние предметы действуют на периферические окончания нервных "нитей", расположенных внутри нервных "трубок". Нервные "нити", натягиваясь, открывают клапаны отверстий, ведущих из мозга в нервы, по каналам которых "животные духи" устремляются в соответствующие мышцы, и те в результате "надуваются". Тем самым утверждалось, что первая причина двигательного акта лежит вне его: то, что происходит "на выходе" этого акта, детерминировано материальными изменениями на входе.

Декартовская трактовка мышечной активности была непосредственно связана с общими коренными сдвигами во всем строе категорий новой физики. Прежнее понятие о силе несло на себе печать непосредственно переживаемого мышечного напряжения, отражающегося в самосознании субъекта как нечто первичное, далее неразложимое. Это впитавшее элементы субъективизма понятие применялось к объяснению физических процессов во внешнем мире. Теперь же работа мышцы определялась исходя из закономерностей механики, открытых на внешних материальных объектах.

Движение "животных духов" заполняло в концепции Декарта недостающее звено между внешними толчками и изменениями в поведении органических тел. Благодаря включению этого звена не оставалось пробелов в цепи причин и следствий, образующих механизм природы. Доказывалось, что общее количество движения в мире сохраняется неизменным и жизнедеятельность органов не может нарушить этот закон.

Основой многообразных картин поведения Декарт считал "диспозицию органов". Он понимал под этим не только анатомически фиксированную нервно-мышечную конструкцию, но и ее изменение. Последнее происходит, по Декарту, в силу того, что поры мозга, меняя под действием центростремительных нервных "нитей" свою конфигурацию, не возвращаются (из-за недостаточной эластичности) в прежнее положение, а делаются более растяжимыми и, сохраняя следы прежде испытанных воздействий, придают току "животных духов" новое направление.

Автомат не способен изменять свое поведение, свою конструкцию под влиянием внешних стимулов. Декарт же строил проекты "машин", рефлексы которой перестраиваются благодаря опыту. Эти проекты являлись чисто умозрительными, но они важны как выражение общих тенденций научной мысли XVII века. Идея машинообразности поведения уже тогда приобрела важный эвристический смысл. Она расценивалась как ключ к научному объяснению не только тех действий, которые производятся автоматически благодаря самой конструкции "нервной машины", но и действий вариативных, изменчивых, приобретаемых в опыте.

Древнее разделение движений на произвольные и непроизвольные приобрело после Декарта новый смысл. Большая часть мышечных актов, считавшихся прежде произвольными и объяснявшихся участием целесообразно действующей души, перемещается теперь в группу психических (чисто механических), рефлекторных;

произвольные же движения отделяются от них по критерию воздействия на телесное поведение осознаваемого (стало быть, представленного в самосознании, в рефлексии субъекта) волевого стремления (ведения, хотения) и тем самым признаются только за человеком.

Вся нервно-мышечная физиология последующих веков находилась под определяющим воздействием Декартовой схемы. В течение длительного исторического периода представление о машинообразном характере всех органических отправлений, включая и те, посредством которых мышцы живых существ реагируют на внешние влияния, служило компасом для исследования строения и функций нервной системы. После Декарта стало очевидно, что объяснять нервную деятельность силами души равносильно обращению к этим силам для объяснения работы какого-либо автомата, например часов. И сегодня можно присоединиться к словам известного английского физиолога Фостера, который писал, что если мы будем читать между его (Декарта) строчек, если мы на место субтильных флюидов поставим молекулярные изменения, которые мы называем нервным импульсом, если мы на место трубок с их клапанным устройством поставим современную систему нейронов, связь которых детерминирует прохождение и эффект нервных импульсов, Декартово объяснение окажется не совсем отличным от того, которое мы даем сегодня.

Но нервная система производит не только двигательные акты. И, представляя ее по образцу автомата, Декарт имел в виду не только детерминистическое истолкование мышечных реакций, до того считавшихся произвольными. Он стремился поставить в возможно более прочную причинную зависимость от телесного механизма то, что относилось к области душевных явлений, найти для этих явлений материальные эквиваленты, первичные по отношению к феноменам сознания.

В системе Декарта как таковой не расчленены объяснения, относящиеся к мышечной сфере, с одной стороны, к определенному кругу явлений психической сферы – с другой. Но с целью адекватной исторической оценки такое разграничение необходимо провести, учитывая последующую эволюцию понятия о рефлексе, в ходе которой в определенный исторический период оно стало считаться чисто физиологическим, относящимся только к переходу нервного импульса – через центры – с афферентного пути на эфферентный.

Между тем у Декарта понятие о рефлексе с самого начала строилось как психофизиологическое. Предполагалось, что между "входными" и "выходными" путями действуют те механизмы, которые осознаются душой в виде ощущений, представлений и чувств. Ощущения и представления не являются у Декарта рефлексами, но возникают и существуют только как определенные телесные состояния машинообразно реагирующего на внешние толчки организма.

Вопрос о том, какова миссия Декарта в истории научных представлений о психике и ее нейромеханизмах, служил предметом непрекращающихся дискуссий до тех пор, как Гексли в 1874 году указал, что ряд положений, составляющих основу и сущность современной физиологии нервной системы, был полностью выражен и проиллюстрирован в трудах Декарта.

В список этих положений Гексли включил следующие: органом ощущений, эмоций и мыслей является мозг; мышечная реакция порождается процессами в примыкающем к мышце нерве; ощущение обусловлено изменениями в нерве, связывающем орган чувства с мозгом; движения в сенсорных нервах отражаются на моторных, и это возможно без участия воли (рефлекторный акт); вызванные посредством сенсорного нерва движения создают в веществе мозга готовность вновь производить такое же движение.

После выступления Гексли приоритет Декарта в разработке кардинальных психофизиологических проблем становится общепризнанным.

Принцип "животного автоматизма" оказывается для естествоиспытателей путеводной нитью. Вместе с тем указанный принцип из-за недостатка конкретно-научных знаний был выражен атакой морфофизиологической схеме, которая содержала немало умозрительного, а то и просто фантастического. Девизом нового естествознания было опытное изучение реальных причин явлений. Вполне понятно поэтому, что и Декартова схема принималась постольку, поскольку она служила руководством к экспериментальному исследованию нервномышечных функций. В ходе этого исследования обнаружился произвольный характер некоторых допущений. В результате отдельные детали конструкции отпали, но остов ее, выдержав опытную проверку, сохранился и укрепился.

К произвольным элементам, в частности, относилась гипотеза о "животных духах". Нельзя было доказать, опираясь на наблюдение и эксперимент, существование в организме особого вещества, которое объединяло бы деятельность нервной и мышечной систем, а также служило физиологическим носителем ощущений, восприятий и других психических актов. И все же гипотеза о "животных духах" упорно держалась в естествознании до конца XVIII века в различных вариантах и под различными именами, удовлетворяя до поры до времени потребность в понятии, которое указывало бы на материальный характер нервного процесса.

Напротив, мнение Декарта о шишковидной железе как центре, с помощью которого сознание непосредственно воздействует на тело, не встретив сочувствия, было отвергнуто и заменено другими, более близкими к опыту представлениями о районах центральной нервной системы, в границах которых осуществляется психическая деятельность.

Понятие о раздражимости

Особое значение для последующего развития физиологии имела экспериментальная проверка поначалу кажущегося второстепенным утверждения Декарта о том, что объем мышцы при ее сокращении увеличивается. Опытное доказательство ошибочности этого взгляда принципиально трансформировало понимание природы нервно-мышечной реакции, что, в свою очередь, повлекло за собой далеко идущие изменения категориального строя биологического мышления. Опроверг мнение Декарта об увеличении объема мышцы английский врач и натуралист Глиссон (1597-1677). Притом опроверг экспериментально. Тем самым ставилась под сомнение вся концепция о "животных духах", трактовавшая сокращение мышцы как приток некоторого количества вещества.

Способность мышцы производить в ответ на стимуляцию "внутреннее жизненное движение" Глиссон обозначил термином "раздражимость". В отличие от Декарта, который разработал понятие о рефлексе, но еще не ввел соответствующего термина, Глиссон не только сформулировал понятие о раздражимости, но и обозначил его новым термином.

Глиссоном была высказана в первом приближении чрезвычайно плодотворная гипотеза о специфическом характере детерминации жизненных явлений. Вслед за сторонниками Декартовой линии он исходил из причинной обусловленности деятельности органа внешними раздражениями. Но если механицисты не придавали значения своеобразию этой деятельности по отношению к материальным условиям, ее вызывающим, то Глиссон выдвинул на первый план в детерминации процесса жизни те новые свойства, которые возникают на уровне органической природы.

Считая мышечное волокно обладающим способностью раздражаться, Глиссон полагал, что эта способность, данная живой ткани имманентно и потенциально, актуализируется только в результате раздражения, то есть под действием внешних физических факторов.

Глиссона воодушевлял в его обширных экспериментальных работах философский замысел, отличный от замысла Декарта и его продолжателей, а именно – чуждая механистическому естествознанию идея развития, возникновения новых качеств в жизни природы. Глиссон упрекал натуралистов в том, что они не проследили, как природа развивается от неорганической к растительной и животной. Его собственное открытие раздражимости подтверждало возможность естественнонаучного объяснения фактов органической жизни, несводимых к механическому перемещению частиц.

Уровень развития естествознания в XVII веке еще не позволил открыть вслед за раздражимостью другие свойства органической материи и продолжить начатое Глиссоном заполнение пропасти между двумя намеченными Декартом полюсами: механизмом природы и самосознающей мыслью.

Учение о нервных вибрациях и бессознательная психика

Новая веха в учении о психике как продукте работы "нервной машины" связана с попыткой Гартли представить эту машину в качестве действующей на принципах, открытых Ньютоном. Здесь перед нами еще один прецедент воздействия физических идей на объяснение динамики психических процессов.

Такое воздействие мыслилось опосредованным физиологическим устройством организма. Почерпнув в физике гипотезу о вибрациях, Гартли изобрел модель, которая объясняла поведение в целом, в его причинных связях с внешней средой. Это позволило включить психику в единый ряд, который охватывал общий цикл жизнедеятельности организма – от восприятия вибраций во внешней среде через вибрации мозгового вещества к вибрациям мышц.

Перед нами весь спектр коренных и для современной науки вопросов о нейродинамике психической деятельности. Они сформулированы на языке XVIII века. Но

от этого не стали менее значимыми. При отсутствии каких бы то ни было позитивных знаний о природе нервных процессов Гартли сумел выдвинуть ряд физико-физиологических гипотез, родственных по своему смыслу современным исканиям. Ведь все гартлианское учение о вибрациях ставит целью определить нейродинамические, а не чисто морфологические эквиваленты психических процессов, выявить функциональные, телесные факторы, ответственные за различия в модальностях, силе, качестве сенсорных процессов и их преобразованных копий – идей.

Равно ошибочными были бы два предположения: а) считать, что система Гартли – это прямой перенос в психологию одной из естественнонаучных гипотез с целью выведения психологических закономерностей из физических; б) считать, что гипотеза вибраций заимствована из физики с целью проиллюстрировать закономерность, установленную и помимо нее, придать этой закономерности видимость строго естественнонаучного обоснования.

Гартли действительно находился под влиянием ньютоновского строя идей. Он подчеркивал, что ставит целью применить к изучению сознания метод, которому следовал Ньютон, – метод дедукции принципов из явлений. Гартли действительно опирался на соображения, высказанные Ньютоном в связи с критикой традиционной концепции "животных духов". Но решал Гартли задачи, выдвинутые логикой развития категориального строя психологии, а не оптики или механики. Важнейшей среди этих задач являлось преобразование взгляда на психическое как тождественное совокупности осознаваемых субъектом феноменов, то есть декарто-локовской концепции сознания.

Сточки зрения этой концепции все, что совершается за пределами сознания, относится к области физиологии. Напомним, что Лейбниц первым выступил против этого воззрения, противопоставив ему учение о бессознательной душе. Гартли называет имя Лейбница вслед за именем Декарта как автора, образ мыслей которого ему близок. Но Лейбниц, разрабатывая понятие о бессознательном, выводил его из природы души, тогда как для Гартли такое решение было неприемлемо. Он искал материалистическое объяснение процессов, которые не представлены в сознании, но вместе с тем детерминируют его работу. Лейбниц называл эти процессы малыми перцепциями, образующими тот айсберг, незначительная вершина которого открывается уму при наблюдении за собственной деятельностью. Гартли назвал эти процессы чувствованиями. Они складываются, по Гартли, в объективной системе отношений, то есть независимо от рефлексии, и сама деятельность рефлексии, с его точки зрения, является их производной.

Либо душа, либо нервная система – третьего не дано. Схема Гартли была не "настоящей", а воображаемой физиологией мозга. Но в условиях XVIII века она объясняла объективную динамику психических процессов, не обращаясь вслед за Лейбницем к душе как объяснительному понятию.

Все нервные вибрации Гартли разделял на два вида: большие и малые. Последние возникают в белом веществе головного мозга как миниатюрные копии (или следы) больших вибраций в черепно-мозговых и спинномозговых нервах. Учение о малых вибрациях объясняло возникновение идей в отличие от ощущений, а тем самым от всего "внутреннего мира", единственным строительным материалом которого, со-

гласно Гартли, служат идеи. Поскольку же первичными считались большие вибрации в нервной системе, возникающие под воздействием на нее "пульсаций" внешнего эфира, "внутренний мир" идей выступал как миниатюрная копия реального взаимодействия организма с миром внешним.

Однажды возникнув, малые вибрации сохраняются и накапливаются, образуя "орган", который опосредствует последующие реакции на новые внешние влияния. Благодаря этому организм в отличие от других физических объектов становится обучающейся системой, имеющей собственную историю.

Основа обучаемости – память – способна запечатлевать и воспроизводить следы прежних воздействий. Она для Гартли – общее фундаментальное свойство нервной организации, а не один из психических познавательных процессов (каковой оказалась память в некоторых современных классификациях).

В схеме Гартли запечатлелась назревшая объективная потребность (продиктованная логикой развития научного познания) преодолеть дуализм Декарта, разъявший материальную субстанцию организма и спиритуальную субстанцию души. Успехи естественнонаучного исследования телесного субстрата жизни (начиная от открытия Глиссоном раздражимости) говорили о присущих живому телу свойствах, несводимых ни к разряду автоматических движений (подобных работе сердечной мышцы), ни к сознанию и воле.

Постепенно в структуре научного мышления возникли три разряда явлений: а) физические, б) психические, но лишенные признаков сознательности и произвольности и в) чисто сознательные и произвольные.

Первым отобразило эти изменения учение Лейбница о "малых перцепциях" как форме неосознаваемой психики. Гартли (по собственному признанию) следовал за Лейбницем с тем существенным отличием, что объяснял неосознанные и произвольные реакции работой нервной системы, а не активностью духовных монад.

Объясняя вслед за Декартом поведение целостного организма, реакции которого, будучи вызваны колебаниями внешнего эфира, переходят в вибрации чувствительных нервов и посредством вибраций больших полушарий завершаются вибрациями мышц, Гартли стал автором второй, после Декарта, схемы рефлекса. В отличие же от Декарта Гартли охватил своей схемой поведение в целом, не оставляя за ее пределами сознание и волю. Они также рисовались имеющими свой особый нервно-мышечный эквивалент.

И декартовская, и гартлианская схемы носили умозрительный характер. Конечно, они не были игрой ума, лишенной опоры в научном опыте. Но это был создававший новый строй мышления опыт физики Декарта и Ньютона. Успехи же эмпирического изучения живых субстратов вносили существенные коррективы. Об этом уже говорилось в связи с открытием раздражимости.

Ряд других открытий, которыми славен XVIII век, углублял естественнонаучное объяснение жизненных функций, которые во все прежние века относились за счет действий неземного, восходящего к Всевышнему, бестелесного агента-души. Открывались естественнонаучными методами особые свойства нервной ткани.

Самый крупный физиолог XVIII века – Галлер – вводит такие понятия, как мышечная сила, нервная сила, "темные (неосознанные) восприятия". Они указывали на свойства организма, столь же доступные объективному изучению, как и другие атрибуты материи. Правда, за пределы сенсомоторного уровня, к высшим проявлениям работы организма богобоязненный швейцарец Галлер выйти не отважился.

Это стало делом французских философов. Первым выступил Ламетри, ставший на путь самоотверженной борьбы с верой в бессубстратное сознание.

Разделение рефлекса и принципа материальной обусловленности поведения

Ламетри считал себя преемником Декарта, полагая, будто разграничение последним двух субстанций представляло всего лишь "стилистическую хитрость", придуманную для обмана теологов. Вдохновленная идеями Декарта-физика работа по изучению органических основ поведения не прошла для философского материализма даром.

Распространив (и своем посвященном Галлеру трактате "Человек – машина", само название которого звучало как боевой лозунг) принцип машинообразности на человеческое поведение, Ламетри свел картезианское "мышление" к телесной субстанции, понятой не столько по-декартовски, сколько по-галлеровски.

Галлер в объяснении свойств организма не решился идти далее признания за материальным телом способности ощущать и реагировать. Мышление и волю он по-прежнему относил к бессмертной душе. Но французские материалисты, исходя из сенсуалистических посылок ("Нет ничего в мышлении, чего бы не было в чувствах", – учил Локк), отстаивали иной взгляд. Они доказывали, что нет таких умственных процессов, которые живое тело не могло бы произвести в силу своей материальной организации.

Этот вывод, для современной психологии аксиоматический, в XVIII веке означал бесстрашное разрушение тысячелетних догм, полемика вокруг которых приобрела в накаленной атмосфере предреволюционной Франции политический характер.

И хотя естественнонаучный опыт еще не проник за пределы раздражимости и чувствительности организма, идеи французских материалистов побуждали к строго причинному объяснению всех психических функций безостаточно.

Естествознание XVI II века еще не могло решить эту задачу. Но она была поставлена. Здесь, однако, назревала коллизия, У Декарта поведение телесной машины характеризовалось как сплошь рефлекторное (за исключением тех человеческих действий, иррегулярность которых ставилась в зависимость от непротяженной субстанции сознания). Полностью подчинялось рефлекторному принципу и вибрационное устройство Гартли.

У Ламетри, Кабаниса и других последователей Декарта-физика сознание трактовалось как свойство материальной организации. По Ламетри, человек – это машина, которая чувствует, думает, сознает, а не только перемещается в пространстве. Но является ли детерминация ее психически регулируемого поведения по своему типу рефлекторной?

В решении этого вопроса наметилась тенденция, однозначно выраженная Кабанисом: считать рефлекторными только те действия, в которых сознание не участвует. Кабанис различал три уровня активности организма: рефлекторный, полусознательный, сознательный (волевой). На высшем уровне включается головной мозг, рефлекторные же акты – продукт нижележащих отделов нервной системы. Тем самым разделялись два понятия: о материальной обусловленности поведения и об его рефлекторной природе, то есть понятия, которые для Декарта совпадали.

Принципу рефлекса – неотвратимого перехода внешнего воздействия в мышечное движение – считался теперь подчиненным только элементарный предсознательный уровень поведения. В представлении о поуровневой организации нервной деятельности отразились как неврологический опыт, так и новые эволюционные идеи, изменявшие направленность биологического мышления. Организм трактовался как система органов, представляющих в индивидуе весь эволюционный ряд. Преемственность между органами нервной системы выражена, согласно Кабанису, в том, что низшие центры при отпадении высших способны реагировать самостоятельно. Такой самостоятельной бессознательной реакцией нервных центров и является рефлекс.

Возвращение к рефлексу как акту целостного поведения

С переориентацией на биологию трактовка рефлекса претерпевала категориальные изменения. В наиболее определенной форме их отразило учение чешского врача, анатома и психофизиолога И.Прохазки (1749-1820). Если у Декарта и Гартли модель рефлекса строилась на принципах физики, то у Прохазки она получила биологическое основание.

Прохазке принадлежит третья – после Декарта и Гартли – попытка представить работу целостного организма как основанную на рефлекторном принципе. К новому синтезу Прохазка пришел не сразу. Ему приходилось преодолевать аналитические установки школы Галлера, которая, выдвинув понятия о мышечной силе, нервной силе, темных восприятиях, расчленила мышечные, нервные и психические явления, но не смогла выработать объединяющую их концепцию. Потребность же в синтезе неотвратимо назревала.

Понятие о нервной силе выражает у Прохазки единый принцип объяснения всех явлений, производимых нервной системой, – как Мышечных, так и психических. Нервная сила, подобно ньютоновской силе тяготения, носит всеобщий характер. Она "энергетическое" начало, заменившее представление о "животных духах", "флюидах", "анимальных и витальных частицах", вибрациях и других гипотетических процессах. Нервная сила лежит и в основе поведения организма. Однако, указывая на энергетику этого поведения, она не может объяснить его механизм. Для решения этой задачи Прохазка обращается к понятию о рефлексе, которое им преобразуется,

Самое важное заключалось не в новом представлении о локализации, а в положении о том, что все нервно-психические функции подчинены общей закономерности.

Обе части "сенсоциума" – психическая и телесная – действуют по закону самосохранения, обеспечивают переход внешнего впечатления в целесообразное движение.

Рефлекс, по Прохазке, вызывается не любым внешним раздражителем, но только таким, который превращается в чувство. Чувствование же повсеместно, независимо от того, становится оно актом сознания или нет, имеет одно и то же общее значение "компаса жизни".

Идея неразрывной связи организма с внешней природой выводилась первоначально из принципов механистического мировоззрения. Так, Декарт исходил из принципа сохранения количества движения. Этот закон не мог бы претендовать на универсальность, если бы живое тело творило из себя силы. Оно, согласно Декарту, и не творит их, но безостаточно зависит в своем поведении от внешних тел.

Прохазка также исходил из идеи тотальной зависимости организма от природы, его неразрывной связи с ней. Однако в качестве основания этой связи и зависимости у него выступает не закон сохранения количества движения, а закон самосохранения живого тела, который выполняется только при условии осуществления избирательных реакций на воздействия внешней среды. Такого рода реакции в свою очередь предполагают способность различать свойства внешнего мира и оценивать их по отношению к потребностям организма. Эта способность и есть психическое.

Тем самым учение о рефлексорной природе поведения было обогащено рядом новых идей: понятиями о биологическом назначении этой структуры (биология, а не механика), о пригодности ее для анализа всех уровней психической деятельности (монизм, а не дуализм), о детерминирующем влиянии чувствования (утверждение активного участия психики в регуляции поведения, а не эпифеноменализм).

Важным нововведением Прохазки являлась его трактовка чувствования как "компаса жизни". Во всех случаях, когда предпринимались попытки вывести психические процессы из деятельности рефлексорного устройства (Декарт выводил из этой деятельности страсти – эмоции, ощущения, представления, а Гартли – также абстрактное мышление и волю), психическое соотносилось с возможностями этого устройства самого по себе, но не с особенностями внешней среды, в которой оно действует. В результате психическое оказывалось только следствием телесного автоматизма, но никогда – причиной.

Свой главный труд Прохазка назвал "Физиология, или Учение о человеке". Но этот труд не сводился к тому, что в дальнейшем стали называть физиологией человека. Перед нами антропологическое учение, в содержании которого представлен естественнонаучный анализ психической деятельности, базирующийся на рефлексорном принципе.

Признание за этой деятельностью причинного значения с точки зрения естественнонаучного опыта (а не свидетельств самосознания) говорило о новых тенденциях, которые привели через полвека к превращению психологии в самостоятельную науку, имеющую собственную категориальную "сетку", отличную от физиологической.

"Анатомическое начало"

Фигура Прохазки возвышается на рубеже XVIII и XIX веков. Его синтетическая концепция охватывала жизнедеятельность целостного организма. Однако естественнонаучная опора этой теоретической концепции была узка. Конкретных методик исследования рефлекторных актов еще не существовало. Реальный прогресс наметился в направлении экспериментального изучения анатомической структуры этих актов. В физиологии нервной системы воцарилось "анатомическое начало". Детерминирующей становится аналитическая установка, только на этот раз связанная с поисками не различных сил, а различных структур. Любопытно, что Прохазка, будучи сам выдающимся анатомом, считал, что анатомия бессильна раскрыть механизм рефлекса.

Между тем именно анатомическое изучение нервной системы создало предпосылки для дальнейшего развития и укрепления рефлекторной концепции. Одним из пионеров такого изучения был английский невролог Чарльз Белл (1774-1842). В 1811 году он опубликовал частным образом и распространил в кругу своих друзей трактат, формулировавший идею о новой анатомии мозга.

Новая анатомия мозга строилась на гипотезе о том, что раздельности нервных элементов соответствует раздельность функций. Белл открыл различие функций задних и передних корешков спинномозговых нервов. Только при раздражении передних наблюдалось мышечное сокращение. Это открытие превратило понятие о рефлексе в естественнонаучный факт. Догадку о различной функции корешков задолго до Белла высказывали многие. Белл экспериментально установил это различие. Пройдет некоторое время, и в учебниках физиологии появится "рефлекторная дуга".

Так как Белл описал свое открытие в трактате, предназначенном для узкого круга лиц, оно некоторое время оставалось малоизвестным и стало общенаучным достоянием лишь после того, как независимо от Белла к аналогичным выводам пришел французский физиолог Ф.Мажанди. Закономерный переход нервного импульса по афферентным нервам через спинной мозг на эфферентные нервы получил имя закона Белла-Мажанди. Его сравнивают по значению для физиологии с открытием кровообращения Гарвеем. Постепенно складывается представление о локализации рефлекторных путей, на основе которого созревает классическое учение о рефлексе как принципе работы спинномозговых центров – в отличие от вышних отделов головного мозга.

Наиболее последовательно это учение было развито английским врачом М.Холлом и немецким физиологом И.Мюллером и 30-40-х годах XIX века.

Холл выразил дуалистическое представление о нервной деятельности в четкой анатомической схеме. Организм рассекался на части, одна из которых считалась работающей только под воздействием внешней стимуляции и детерминированной в своей работе закономерным сцеплением звеньев нервного механизма, другая ставилась в зависимость от спонтанных психических сил. Одна локализовалась в спинном мозге, другая – в головном.

Люди с естественнонаучным складом ума восторженно приняли понятие о рефлексе именно потому, что оно позволяло отказаться от далее неразложимого психического принципа (души, чувства, сознания, воли) как источника двигательной активности организма. Теперь же оказывалось, что, изгнав этот принцип из сферы элементарных рефлексов спинного мозга, авторы новой физиологической схемы переместили его в головной мозг. В результате организм рассекался на две половины, управляемые различными законами.

Между тем мысль о том, что по законам рефлекса работают центры не только спинного, но и головного мозга, все прочнее входила в научное сознание. В 1844 году последователь Прохазки английский врач Лейкок сделал в Британском обществе сообщение о необходимости распространить принцип рефлекса вслед за спинным мозгом на деятельность головного. Нервные узлы внутри черепа, указывал он, реакции на внешние впечатления должны управляться законами, тождественными тем, которые управляют действиями спинного мозга и тех узлов, которые у низших животных аналогичны им.

Однако знание о том, каков механизм работы высших нервных центров при переходе чувственных впечатлений в движения мышц, не имело под собой никаких экспериментальных оснований. Оно могло только гипотетически постулироваться (тогда как подобный переход на уровне спинного мозга опирался на проверенную опытом модель рефлекторной дуги). Если объяснение рефлекса связью нервов вовсе не нуждалось в обращении к психике (сознанию, душе), то иначе обстояло дело с изучением органов чувств. Это направление исследований также определялось "анатомическим началом". Продукты работы органов чувств – ощущения – трактовались как эффект возбуждения нервной ткани, которая тем самым оказывалась их последней детерминантой.

Именно таковыми рисовались эти продукты физиологам, лидером которых стал И. Мюллер, предложивший теорию специфической энергии органов чувств.

Внешний стимул пробуждает скрытую в нервном волокне энергию. В силу этого возникает феномен, который осознается как ощущение. Под влиянием "анатомического начала" эта теория оставляла без внимания два важнейших аспекта работы органов чувств: их связь с органами движений и их зависимость от свойств внешнего объекта. Важность обоих этих аспектов отмечали, критикуя Мюллера, другие физиологи (Белл, Пуркинье, Вебер, Штейнбух).

Но в состав научного знания эти аспекты прочно вошли лишь позже, когда на основе эксперимента Гельмгольц перешел к объяснению построения пространственного образа среды зрительной системой (включающей как сенсорные, так и глазодвигательные компоненты). Традиционные воззрения на телесный субстрат психических явлений радикально изменялись. Однако сколько-нибудь надежного знания о главном органе психики – головном мозге – все еще приобрести не удалось.

Один из выдающихся физиологов эпохи Карл Людвиг считал, что экспериментально изучать головной мозг равносильно тому, как пытаться раскрыть механизм часов, стреляя в них из ружья. Заняться такой "стрельбой" отважился, как мы уже отмечали, искавший ответ на вопросы, касающиеся сознания и воли, русский ученый И.М. Сеченов. Работая в Париже, в лаборатории Клода Бернара, он, проверяя

в эксперименте свою гипотезу о способности центров головного мозга задерживать движения мышц, открыл так называемое центральное торможение.

Переход к нейродинамике

Благодаря открытиям И.М. Сеченова наметился переход от психоморфологического понимания отношений между мозгом и психикой (согласно которому существуют корреляции между одним из участков мозга и одной из психических функций) к картине динамики нервных процессов: возбуждения и торможения.

Изучение нейродинамики коренным образом изменило представления о физиологической подоплеке психических процессов. Однако оно не могло преодолеть господствовавший веками дуалистический образ мысли, которому не было другой альтернативы, кроме редукционизма (сведения психических процессов к физиологическим), неизбежно влекшего к эпифеноменализму (для которого психическое не более чем праздный эффект активности нервной ткани).

Как дуализм, так и редукционизм могли быть преодолены лишь при условии преобразования не только системы представления о нейросубстрате психики, но и о самой психике как деятельности, которая опосредована этим субстратом (и превращается без него в витающую над организмом бестелесную сущность). Важнейшим достижением русской научной мысли стал переход к новой стратегии объяснения психофизиологических корреляций. Смысл перехода определил отказ от установки на локализацию "нематериального" сознания в материальном веществе мозга и перевод анализа психофизиологической проблемы в принципиально новый план, а именно в план исследования поведения целостного организма в природной и социальной "применительно к человеку" среде. Пионером такой переориентации и стал Сеченов.

Сигнальная функция

Дело Сеченова продолжил И.П. Павлов. В его пробах опоры на физиологическое учение о нейросубстрате с целью естественнонаучного и строго объективного объяснения психики имелось несколько направлений. Отметим по крайней мере четыре: а) обращение к нейродинамике процессов возбуждения и торможения; б) трактовка временной связи, которая образуется в головном мозге при выработке условного рефлекса как субстрата ассоциации, – понятие, которое являлось основой самого мощного направления в психологии, успешно развивавшегося, как мы знаем, и до приобретения ею статуса самостоятельной науки; в) обращение к связи коры больших полушарий с подкорковыми структурами при анализе сложнейших мотиваций, где невозможно отделить соматическое от психического; г) учение о сигнальных системах.

Во всех случаях Павлов искал способы приблизить научную мысль к решению сверхзадачи, в которой ему виделась высшая цель грандиозной программы выработки условных рефлексов у собаки. Эту цель он в своей программной речи, озаглавленной "Экспериментальная психология и психопатология на животных", сформулировал следующим образом: "Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или

поздно и на наш субъективный мир тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснить механизм и жизненный смысл того, что занимает человека более всего, – его сознание, муки его сознания"¹⁷².

Павловское учение революционизировало нейронауку. Однако в трактовку природы сознания оно первоначально никаких инноваций не вносило.

Сознание понималось им тогда как "субъективный мир", как непосредственная данность, иначе говоря, по-декартовски. Поэтому, решительно критикуя дуализм, разъявший сознание и мозг, он позитивного, конкретно-научного объяснения их нераздельности долгое время предложить не мог. Между тем предпосылки такого объяснения содержало обращение Павлова (вслед за Сеченовым) к сигналу как детерминанте поведения.

Сигнальная функция присуща как нервному, так и психическим уровням организации поведения, являясь, тем самым, основанием надежного "брака" физиологии с психологией, о котором страстно мечтал И.П. Павлов.

Уникальность сигнала в том, что он интегрирует физическое (будучи внешним раздражителем, выступающим в особой, превращенной форме), биологическое (являясь сигналом для нервной системы организма) и психическое (выполняя присущую психике функцию различения условий действия и управления им). Именно в этом плане понятие о сигнальных системах, введенное Павловым, открывало новые подходы к психофизиологической проблеме.

Так, уже первая сигнальная система "двулика". В физиологическом плане "действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно переходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма"¹⁷³.

В психологическом же плане – "это то, что мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды"¹⁷⁴. При переходе к человеку формируется вторая сигнальная система в виде речевых сигналов (слов). С ней психофизиологическая активность организма приобретает три "лика". Источником вторых сигналов служит не физическая среда, а знаковая система языка, заданная человеческому организму объективно, социальной средой его бытия.

Вместе с тем в самом этом организме вторая сигнальная система оборачивается, говоря павловскими словами, работой все той же нервной ткани. Наконец, речевые знаки вводят в материю больших полушарий свою "душу" в виде неотчленимых от них значений – сгустков народной мысли. Таково было последнее слово Павлова.

Но им вовсе не исчерпываются те принципиальные инновации, которые безотнositельно к тому, как это самим Павловым осознавалось, радикально меняли потенциальный вектор поисков продуктивных решений древнейшей проблемы, касающейся связи души и тела.

¹⁷² Павлов И.П. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 2, с. 39.

¹⁷³ Там же, с. 335.

¹⁷⁴ Там же.

С одной стороны, зависимость сознания и воли от мозга, с другой – воздействия психических состояний (посредством мозга) на организм веками служили важнейшей темой философско-психологических раздумий и объяснений. Очевидно, что подпочву этих раздумий создала соотнесенность двух понятийных схем: схемы мозга как материального объекта и представлений о бестелесном сознании (о котором думалось на совершенно другом языке). Прогресс в научном познании нейросубстрата неизмеримо превосходил по своим темпам и масштабам научное знание о психических функциях этого субстрата.

Уже первые шаги в открытии роли коры головного мозга как носителя психических функций вызвали широкий резонанс, притом за пределами узкого круга анатомов. Огромную популярность приобрела френология (ее изобретателем стал Ф.А. Галль). Предполагалось, что в различных участках головного мозга локализованы отдельные психические способности (даже такие, как совесть, сострадание и др.). Дело дошло до того, что, знакомясь, люди ощупывали друг у друга "шишки" черепа, надеясь тем самым получить своего рода психологический портрет собеседника. (Кстати, говорят, что этим одно время увлекался Маркс.) Если применительно к анатомии работы Галля стали важным событием (прежде считалось, что психика происходит из мозговых желудочков), то применительно к психике человека Галль и его последователи придерживались весьма наивных, житейских представлений о сложнейших личностных и социальных феноменах, ища для них локальные "зоны" на карте мозга.

Через несколько десятилетий бурное развитие морфологии мозга, а также патологии позволило описать тонкое клеточное строение различных участков коры. Опять же соблазнительным представилось замкнуть на этих участках психическую функцию (для каждого из них свою). Но если прежде речь шла о таких сложнейших феноменах, как, например, сострадание или совесть, то теперь заговорили о более конкретных "центрах письма" (Экстер), "идеации" (Шарко) и др. Во всем этом направлении схема психики по-прежнему соотносилась с данными морфологии.

Дальнейший путь разработки этого психоморфологического направления пошел в сторону изучения роли ствола мозга – ретикулярной формации (Магун, Джаспер, Моруцци) и уровня отдельных первичных клеток (нейронов) и их синаптических связей (Лоренте де Нотто, Экклз и др.). Причем если прежде главный интерес был сосредоточен на изучении зависимости психики от ее телесных механизмов, то теперь становятся популярными поиски "пунктов", где дух влияет на тело (Экклз и др.).

Какими бы блестящими благодаря использованию современной техники ни были достижения, касающиеся устройства и функций нервных центров, нейронов, синапсов, в объяснении проблемы отношений между духовным и телесным существованием выхода на новый исследовательский уровень не просматривалось. Попытки такого выхода с учетом новых веяний в понимании состава и структуры психологического познания предпринимались в России под влиянием представлений Выготского. Его ближайший сподвижник А.Р. Лурия, занявшись нейропсихологией, отстаивал созвучные идеям Павлова и Ухтомского представления о сложных формах динамической локализации функций, о том, что материальным субстратом

психической деятельности человека служат социально заданные, знаково опосредованные функциональные органы центральной нервной системы¹⁷⁵.

Речь шла о том, что под мозговым субстратом психики следует понимать не "точки" или "зоны", а динамические структуры или рабочие констелляции различных зон. "Накладывать" же на этот субстрат (в детали его анализа, выявленные школой А.Р. Лурия при изучении патологических изменений в работе головного мозга, мы не вдаемся) и размещать по его – этого субстрата – системам связей следует, согласно данной версии, высшие психические функции (термин Выготского).

Следуя за Выготским, школа Лурия изменила многие традиционные воззрения на высшие и элементарные формы психической деятельности, на их развитие на различных возрастных этапах, но по сути своей она не вышла за пределы освященного традицией воззрения на соотношение между двумя рядами жизненных явлений: физиологических и психических – и, тем самым, на рассматриваемую здесь психофизиологическую проблему.

Проблема, которую мы обсуждаем, изначально и неизменно мыслилась, условно говоря, диадически. Иначе говоря, любые подступы к ней предваряла казавшаяся незыблемой пера и принципиальную раздельность двух "миров": внешнего (объективного, телесного) и внутреннего (субъективного, духовного, психического). Каждый из них постигался в собственной категориальной сетке.

Различие сеток и создавало проблему отношений между этими мирами. Немало мыслительной энергии ученых было вложено и различные попытки справиться с ней. Неудачи на этом пути дали некоторым философам повод отнести саму задачу объяснения взаимозависимости мозга и психики к разряду псевдопроблем. Тем не менее конкретно-научное изучение каждого из членов "диады" успешно продолжалось.

Существенно обогатилась за десятилетия после Павлова картина строения и работы головного мозга¹⁷⁶. Многие выводы самого Павлова, которые он считал чуть ли не аподиктическими, справедливо пришлось вычеркнуть из списка его достижений. Некогда, отправляясь в новый поиск, он подчеркивал незыблемость созданной задолго до него концепции рефлেকторной дуги как "единственно научной в этой области"¹⁷⁷. И тут же добавлял, что "этому представлению уже пора из первобытной формы перейти в другую, несколько более сложную вариацию понятий и представлений"¹⁷⁸.

Эта более сложная форма (условный рефлекс), как нам известно, вызвала мощный категориальный взрыв, хотя фактический материал павловской школы устарел. Но новые категории (сигнала, подкрепления потребности, торможения и др.) стали основополагающими для науки о поведении. Тем самым в научный оборот вводилась новая когнитивная структура, отличная от двух других: а) от "картины" нейросуб-

¹⁷⁵ См.: Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. М., 1962.

¹⁷⁶ Обзор достижений в этой области не входит в нашу задачу.

¹⁷⁷ Павлов И.П. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 1, с. 108.

¹⁷⁸ Там же.

страта психики, б) от того, как вписывается в эту "картину" сама психика. Эта особая структура выступила в качестве нередуцируемой ни к физиологии, ни к психологии, но внутренне связанной с обоими научными предметами.

Таким образом, вырисовывалась необычная перспектива осмысления психофизиологической проблемы. Взамен диады на арене истории познания появлялась триада: организм – поведение – психика. Специально следует подчеркнуть, что первым звеном выступал именно организм как целостное образование и единой системе его неразлучных взаимосвязей со средой, а не сам по себе головной мозг как орган восприятия, переработки и передачи информации. На это в данном контексте следует обратить особое внимание, поскольку во множестве проб решения психофизиологической проблемы с позиции рефлексорной теории (да и не только с этой позиции) отношение психики к мозгу трактовалось таким образом, чтобы придать психике (сознанию) роль центрального звена между "входом" (воздействие раздражителя) и "выходом" (ответная мышечная реакция) телесного механизма. Отсюда и регулярно применяемый оборот: "рефлексорная деятельность мозга", тогда как в действительности сила и пафос рефлексорной схемы в том, что утверждается акт поведения, в котором представлена в нераздельности целостная система "организм – среда".

Любая попытка видеть психическое в образе центрального компонента рефлексорной дуги ведет к его отрыву от непосредственной включенности в контакт со средой, как со стороны "входа", так и со стороны "выхода". Но тогда оно – это психическое – неизбежно оказывается замкнутым в черепной коробке. И любая попытка объяснить его отношение к телесному субстрату оборачивается хорошо известными из истории мысли доктринами дуализма, редукционизма, взаимодействия, параллелизма и проч.

Переход от "диадической" схемы к "триадической" предполагает не прямое включение психологической системы в нейрофизиологическую, а опосредованное поведением. Уже отмечалось, что поведение постигаемо как особая реальность (онтологически) благодаря созданному руками физиологов, но имеющему собственную структуру категориальному аппарату. Наряду с языком физиологов и языком психологов сложился язык, термины которого передают информацию о том слое жизнедеятельности, который получил благодаря И.П. Павлову имя "поведение". Это открыло путь к тому, чтобы "переводить" психологические понятия (образ, мотив, действие и др.) не на язык физиологов (нейродинамика, функциональная система и др.), а на язык поведения (сигнал, потребность, условный рефлекс и др.)¹⁷⁹. И только благодаря этому "поведенческому" языку, служащему посредником между процессами в сознании и в нейросубстрате, забрезжила перспектива решения одной из коренных, быть может, и самой загадочной проблемы нашей науки – психофизиологической.

Система "организм – среда" является истинным субстратом психики. Формула "рефлексорная деятельность мозга" изначально ведет в ложном направлении, она побуждает, например, в различных павловских схемах корковой нейродинамики,

¹⁷⁹ В сетке категориальной системы психологического познания эти понятия выступают в качестве представляющих "протопсихологический уровень" (см. ниже). Подробнее об этом см.: Ярошевский М.Г. "Наука о поведении: русский путь". М., 1996.

давно занесенных в архив (например, об аналитико-синтетической деятельности коры), "лицезреть" материальный коррелят умственных операций (например, анализа и синтеза).

Психосфера – это преобразованная биосфера, а не идентичная ей сущность. На уровне человека она приобретает признаки ноосферы как оболочки планеты, неидентичной по составу и строю оболочкам мозга, с которыми имеет дело нейрофизиология.

Глава 17. ПСИХОГНОСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

От природы психического неотъемлем такой его признак, как познавательное отношение к миру. От уровня элементарных чувствований до высших форм психической активности, от непосредственно воспринимаемых явлений до самых фантастических ее порождений, казалось бы, отрешенных от всего земного, в ней представлено знание о внеположных этой активности предметах – реальных либо вымышленных. Изучением различных ипостасей знания заняты многие науки (философия, социология, культурология и др.). Для психологии оно явлено в категории образа (см. выше) как одного из блоков целостной категориальной структуры этой науки, неотделимого от других ее составляющих (действия, мотива, отношения, личности).

Контурсы проблемы

Тем самым вырисовываются контурсы психогностической проблемы. (Ее обозначение произведено от греч. "гнозис" – познание.) Поле ее исследований это познавательные процессы (ощущение, восприятие, воображение, мышление) и их продукты (чувственные и умственные образы) как феномены, которые рассматриваются исходя из основных объяснительных принципов психологии: детерминизма,

системности и развития с целью выяснить, во-первых, причинные факторы, которые их порождают и регулируют, во-вторых, историю стадийального преобразования этих феноменов и, в-третьих, их (функцию в общей системе жизни субъекта. Исторический опыт свидетельствует, что их аналитическое изучение неизбежно вело к расширению проблемного поля психогнозиса. Эпицентром этого поля служила категория образа. Его разработка неизбежно вводила в круг представлений об ее содержании данные, относимые к другим категориям. Так, например, была открыта зависимость образа от действия как формирующей его детерминанты. Это выявилось уже на уровне сенсорики. Движения руки строят осязательный образ, движения глаз – зрительный и т.д. Мотив в свою очередь весьма избирательно – в зависимости от того, что человеку нужно, – влияет (осознанно или неосознанно, но это уже другой вопрос) на оценку самой "ткани" образа. Это же относится к характеру представленности предметного содержания образа в межличностном контексте, в сетке социальных отношений. И конечно же, тогда, когда это содержание приобретает личностный смысл, оно для данного субъекта, при всей объективной независимости от него, впитывает особые, заданные своеобразием жизни этого субъекта краски. Сказанное проливает свет на появление в составе психологического знания концепций и гипотез, сосредоточенных не только на образе как таковом, но и на широком спектре его взаимоотношений с другими фрагментами психической организации, представленными в различных компонентах категориального аппарата психологии.

Философский подтекст данной проблемы, указывающий не на место психики среди других явлений бытия (психофизическая проблема), не на ее отношение к телесному субстрату (психофизиологическая проблема), а на характер представленности объектов психической активности в ее собственном строе и составе, пронизан остро конфликтными отношениями между различными составляющими этого подтекста, прежде всего – идеалистической и материалистической ориентациями. Для первой – объект существует не иначе как в формах деятельности познающего его субъекта. Согласно второй чувственный опыт, его преобразование в рациональные "сценарии" гнозиса возможны только потому, что независимая от этого опыта и этих форм действительность (природная и социальная) служит основой ее воссоздания (согласно диалектическому материализму – активного отражения) в том, что конституирует психику.

В течение столетий на проблеме психогнозиса были сосредоточены усилия философских умов. Ее в первую очередь обсуждали под углом зрения ценности знания, поиска в нем того, что открывает человеку "истинный мир" в отличие от знания недостоверного ("мнения"). В ряде концепций на данные чувственного опыта стали возлагать вину за иллюзорное знание. Кроме того, от рационального знания наряду с тем, что считалось "мнением", отграничивалась также и вера. Конечно, все эти порожденные философской мыслью разграничения имели психологическую подоплеку. Выделение ступеней и форм познания, переходов от одних к другим, изучение иллюзий, источников веры и другие темы, открытые философской наукой, в дальнейшем определили исследовательские искания и находки психологов. Удельный вес этих тем в общем ансамбле идей психологии как науки, имеющей собственное лицо, достаточно велик. Более того, нетрудно убедиться, что этот вес существенно превосходит научные сведения о других темах. Для этого доста-

точно открыть любой учебник психологии. Информация о различных познавательных проявлениях жизнедеятельности субъекта полнее и надежнее, чем о других ее проявлениях, в особенности когда речь идет о сознании.

Знание о психическом

Обратим внимание на то, что сама этимология термина "сознание" предполагает сосредоточенность на знании, на гнозисе. Из сказанного следует неотвратимая изначальная включенность психогностической проблемы в любую теоретическую систему психологии. Однако здесь перед нами только один аспект этой проблемы, у которой имеются два других. Говоря о психогнозисе, следует иметь в виду принципиально важный вопрос о способах приобретения знаний, о том психическом, которое непременно включает когнитивный компонент (то есть знание). К уникальным характеристикам психики (в тех случаях, когда мы переходим на уровень человека) относится известное каждому из собственного опыта различие между внутренними и внешними ее проявлениями. Первые – неотчуждаемы от переживающего их субъекта. Они открыты ему благодаря особой способности к самонаблюдению и самоотчету. Своеобразие этой способности стало предметом изучения древних философов (Плотин, Августин), заговоривших о поворачиваемости души от внешних объектов к себе самой. В дальнейшем сложилось понятие о рефлексии (от лат. "рефлексия" – обращение назад), которая выступила в качестве особой разновидности гнозиса. Она отлична от других его разновидностей направленностью на обзор и анализ субъектом своего духовного мира, его зримого "внутренним оком" (интроспекцией) наличного состава.

Субъективное и объективное

В истории учений о рефлексии автором поворотной (после Августина) ее трактовки выступил Декарт. К нему восходит прочно утвердившееся в последующей психологии представление о рефлексии как наидостоверном способе постижения фактов и природы сознания. И первые теоретические системы, от которых ведется летопись психологии в качестве самостоятельной науки, строясь на интроспекции, разработали специальные методики ее культивирования с тем, чтобы жестко отграничить собственное содержание сознания (в его чистой культуре) от тех его содержаний, которые включают знание о внешних объектах. Приверженцы подобного варианта психогнозиса претендовали на то, что именно им удастся получить подлинно научные сведения о "материи", из которой соткан уникальный предмет психологии. Однако в противовес их методу, названному субъективным, научно-психологическое знание обогащалось за счет объективного метода. Ведь, по существу, наблюдение извне определяло житейский психогнозис, поскольку вопреки мудрости, гласящей, что "чужая душа – потемки", человек выживает в своей среде только благодаря тому, что способен познать поведение других людей, интерпретируя по внешне наблюдаемому внутренне мотивы и цели этого поведения.

Дискуссии по поводу объективного метода побудили к детальному анализу его своеобразия применительно к психологии. Задачи научного психогнозиса столкнулись с необходимостью отвергнуть точку зрения философии позитивизма, согласно которой объективное – это непосредственно наблюдаемое в виде "чув-

ственных данных", без "примеси" различных теоретических "метафизических" соображений. Ведь объективное противоположно субъективному, а все теоретические конструкции исходят именно от субъекта. Между тем развитие точного знания во всех науках показало, что истины, которые открывают человеческому уму объективную (независимую от него) природу вещей, их закономерный ход и механизмы, добываются не иначе как благодаря работе этого ума. Отправляясь от непосредственно наблюдаемых явлений, он способен проникнуть в их скрытые от поверхностного взгляда существенные связи только косвенным, опосредствованным путем. Как говорил один автор, психологу здесь приходится действовать подобно сыщику, идущему по следам, позволяющим ему раскрыть преступление, которого он не видел. Все дело, однако, в том, что наряду со "следами", оставленными изучаемым субъектом в виде продуктов его деятельности, психолог-исследователь сам организует эти "следы" с помощью специальных научных методов. (Это делает его позицию более выигрышной, чем, например, позиция историка.) Он использует специально созданные методы: наблюдения, эксперимента, опроса, тестирования и др. Они позволяют выстраивать знание, наделенное признаками научности, отличное от житейских понятий о душевных явлениях, хотя, как сказано, и эти понятия имеют своим источником приобретаемое в общении с другими, стало быть, включающее преимущественно то, что почерпнуто в объективном познании реакций и поступков этих других. Поэтому порой хорошими психологами называют людей, которые наделены житейской мудростью. Этот житейский психогнозис не следует смешивать с научным. Последний имеет свои особые признаки, которые и позволяют поставить психологию в разряд научных дисциплин.

Как мы видели в предшествующем изложении, эти признаки "записывались" в свод представлений, адекватных кодексу науки, в результате усилий многих поколений не только философов, но и естествоиспытателей, врачей, других специалистов, прежде чем в конце концов появились профессиональные психологи.

Рефлексия о научном знании

Здесь мы переходим к рассмотрению третьего аспекта психогнозиса, а именно к познанию того процесса, в ходе которого добывается и используется научное знание о психике (непрерывно включающей, как мы отметили, когнитивный компонент). С переходом на этот уровень мы сталкиваемся с совершенно новой формой рефлексии. Это рефлексия "второго порядка", объектом которой служит не реконструкция психического мира личности в определенных научных представлениях, а сами эти представления как один из продуктов интеллектуального творчества ученых. Тут мы переместимся на другую орбиту, для движения по которой мысль нуждается в особых, непривычных для исследователя психики понятиях. Научно-психологическая мысль оборачивается на самое себя с целью справиться с совершенно особой задачей – объяснить свои источники, возможности и судьбу. В этом плане ее самопознание как рефлексия действительно совпадает с привычным смыслом этого термина, означающим "оборачивание назад". Только оборачиваясь на свое прошлое, на опыт прежних прорывов в непознанное, научное познание выясняет, на что оно способно, в чем истоки прежних успехов и просчетов, в каких условиях оно успешнее справлялось со своими исследовательскими задачами, включая ее методы познания когнитивных процессов. Последние же безотноси-

тельно к характеру их "уловленности" в имеющие свою логику сетки научного познания предполагают познавательное отношение к действительности. Игнорирование специфики этого отношения, в частности в отвергнувшем категорию образа классическом бихевиоризме, вело в западню, из которой пытался выбраться небихевиоризм в варианте, разработанном Толменом и названном когнитивным бихевиоризмом (см. выше). На следующий виток психологическую мысль вывела потребность соотнести решение психологических задач с успехами кибернетики и ее информационным подходом. Уже понятие о сигнале, зародившееся, как известно, в лоне русской науки, выступило (в отличие от понятия о раздражителе) в качестве предтечи нового объяснения детерминации взаимодействия организма со средой, включающего в качестве неопременного познавательный компонент. Ведь сигнал несет информацию о каком-либо событии или явлении и в этом смысле родственен их познанию.

Изучение преобразований информации в вычислительных устройствах в сопоставлении с познавательными феноменами у человека привело к появлению еще одного направления, названного когнитивной психологией. И в этом случае предполагалось изучение психогнозиса в первом значении этого термина как способа представленности внешних реалий в различных процессах, испытываемых субъектом (запоминание, мышление и др.), а также в его поведении. При решении этой поставленной научно-техническим прогрессом задачи произошли сдвиги в характере психогнозиса во втором значении указанного термина (имеются в виду новые познавательные средства, которые были бы пригодны для изучения психических процессов в качестве информационных решений и т.п., а не исследовательские процедуры, посредством которых удавалось изменить прежний состав научных знаний об образе или действии). Теперь научная мысль сталкивалась с иной проблемной ситуацией. Ее создал сдвиг в эволюции знаний о психике, приведший к появлению когнитивного направления как отличного от других теоретических систем. Здесь перед нами уже знакомая форма рефлексии о научном знании. Как отмечалось, она неотвратимо поворачивает вектор анализа к событиям прошлого, которые привели к нынешнему состоянию дел.

Иначе говоря, главным жизненным нервом механизма самопознания науки выступает принцип историзма. Неверно было бы думать, что здесь, в этом третьем аспекте психогностическая проблема может интересовать только историка. За любым исследователем – сознает он это или нет – стоит прошлое его науки. Разработка различных моделей, соотносящих искусственный интеллект с естественным, изучение механизма распознавания образов, их запечатления в кратковременной (в миллисекундном диапазоне времени) и долговременной семантической памяти, выделение различных блоков и регистров в познавательных и исполнительных процессах – все это предполагало сдвиги в психогнозисе, в способах его организации. Но то, что происходило в лабораториях, где зародились и быстро развивались (в противовес прежним воззрениям) концепции и методы, выступившие под именем когнитивной психологии, в свою очередь создало особый объект для психогнозиса в его третьей ипостаси. Объектом являлись не знания, приобретаемые испытуемыми в процессах распознавания образов, принятия решений и т.п. Исследователь воспитан этим прошлым и отталкивается от него, когда вступает с ним в спор.

За его актуальным поиском стоит неписаная или писаная "история вопроса". Объектом этой истории служит сложная, порой трагическая, работа коллективного научного разума.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА – ЯДРО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (вместо заключения)¹⁸⁰

Основы теоретической психологии предполагают дальнейшее развитие категориального анализа. Отчасти, начало этому было положено описанием категориальной сетки, которая была приведена в вводной главе и получила развитие в последующих разделах книги, где были обозначены основные характеристики базисных психологических категорий и категорий метапсихологических. Так, категория мотива в контексте развития психологического познания приобретает сущностный характер по отношению к категории ценности, в которой она проявляется, или метапсихологическая категория сознания выступает на уровне явления, сущность кото-

¹⁸⁰ Эта заключительная глава написана авторами книги совместно с В.А.Петровским.

рого заложена в первую очередь в базисной категории "образ". В этом, как и в других, случае категория "образ" выступает как системообразующее начало. Однако было бы ошибкой зафиксировать лишь эту двучленную категориальную сетку как законченную и конечную. Базисными и метапсихологическими категориями не исчерпывается категориальный анализ психологического познания и его необходимо достроить, показав, что в каждой психологической категории представлено единство явления и сущности. В этом – принципиальная характеристика категориальной системы психологии.

В свое время в поисках отграничения специфической предметной области психологии Н.Н. Ланге ввел понятие "психосфера", призванное охватить богатство и многоплановость феноменов этой науки. При соотнесении представления Н.Н. Ланге о психосфере с фундаментальными идеями В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере возникает перспектива понять и описать подлинное место психосферы в едином пространстве, образуемом природой и социумом. По В.И. Вернадскому, биосфера представляет собой активную оболочку земли, в которой совокупная деятельность живых организмов (в том числе человека) проявляется как фактор планетарного масштаба и значения. В.И. Вернадским вслед за Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом ноосфера понимается как новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. Для ноосферы характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления и общества. Отсюда очевидно, что психосфера (сохраняя собственную уникальную предметность) интегрирует в превращенном виде процессы, совершающиеся в биосфере и ноосфере, тяготея в одних случаях к первой, в других ко второй. Сказанное позволяет, исследуя базисные и метапсихологические категории, обратиться и в пространство биосферы, в недрах которой сложились протопсихологические категории, сущностно проявляющиеся в базисном категориальном строе психологии. Вместе с тем уровень метапсихологических категорий содержит сущностные характеристики по отношению к экстрапсихологической категориальной развертке, детерминированной специфическими характеристиками ноосферы. Отсюда следует, что, к примеру, потребность (протопсихологическая категория) выступает как сущность, а мотив (базисная категория) как явление, в котором эта сущность обнаруживается. В свою очередь ценность (метапсихологическая категория) проявляется в идеале – категории экстрапсихологической. Итак, мы можем представить себе категориальную систему психологического познания как своего рода сетку, образующую четыре уровня категорий: протопсихологические, базисные психологические, метапсихологические и экстрапсихологические, охватывающие в целом всю психосферу и порождающие весь понятийный аппарат психологической науки. Например, условная вертикаль "потребность – мотив – ценность – идеал" включает величайшее множество психологических понятий (влечения, желания, интерес, склонность, ценностные ориентации и т.д.).

Ниже приведена категориальная таблица, характеризующая систему построения психологического познания.

Основные блоки категориального каркаса психологического познания

Н О О С Ф Е Р А	
-----------------	--

Экстрапсихологические категории:					
Личность	Идеал	Активность	Логос	Соучаствова- ние	Смысл
Метапсихологические категории:					
Я	Ценность	Деятельность	Сознание	Общение	Чувство
Базисные психологические категории:					
Индивид	Мотив	Действие	Образ	Отношение	Переживание
Протопсихологические категории:					
Организм	Потребность	Реакция	Сигнал	Различение	Аффектив- ность
Б И О С Ф Е Р А					

П
С
И
Х
О
С
Ф
Е
Р
А

[На рисунке от каждой из 6 категорий ряда – стрелка к категории того же порядкового номера в более "высоком" ряду.]

Для работы с этой таблицей необходимо дать несколько предварительных пояснений собственно терминологического порядка. Трудность заключалась в том, что до сих пор психология имела дело с достаточно разрозненным набором психологических понятий, а не с собранностью их в категориальную систему. Поэтому приходилось либо создавать особый язык для обозначения, по крайней мере, некоторых из двадцати четырех категорий, что не давало бы возможность установления прямых ассоциаций с устоявшимися терминами, в которых зафиксированы эти понятия, либо использовать уже имеющиеся в психологии термины.

В рамках категориальной системы "смысл" понимается как чувство ценности чего-либо для "Я", определяемое деятельностью и осознаваемое в диалоге с собой и другими. Другая категория, требующая пояснения, – "соучастование". "Соучастование" – термин, обозначающий одно из важнейших понятий, характеризующих психологические воззрения А.Н. Радищева. По А.Н. Радищеву, "соучастование" есть условие и результат сплоченности людей; и, таким образом, категория "соучастование" определяется прежде всего общением и в то же время несет на себе отпечаток других психологических категорий, таких, как "деятельность", "Я", "ценность", "чувство" ("человек сопечалится человеку, равно он ему совеселится") и др.¹⁸¹.

Требуется пояснить также использование категории "активность" в верхнем ряду категорий. Разумеется, активность – сквозная характеристика "нижележащих" явлений, охватываемых категориями "реакция", "действие". Но то же можно сказать о соотношениях между любой категорией "выше" и "ниже" в каждом столбце таблицы (зачаточны первые представлены во вторых). Говоря "активность", мы имеем в виду такие ее проявления, в которых непосредственно обозначается ее сущность: быть выходом за границы предустановленного. Она выступает перед нами

¹⁸¹ О понимании "соучастования" в системе воззрений А.Н. Радищева см.: Петровский А.В. Радищев А.Н. как психолог // Очерки по истории русской психологии. М., 1950.

в феноменах творчества, игры, риска, персонализации и др. Категория "активность" берется, таким образом, в высшем ее воплощении: как "надситуативная" деятельность, интегрирующая в себе ценности "Я", определяемая "внутренними задачами" самополагания (а они в свою очередь предполагают различение и диалог "эго" и "альтер-эго"), движимая чувствами и ведущая к их осознанию.

Что касается имеющего великий шлейф восходящих ко временам античности интерпретаций термина "логос", то он применяется здесь в близком прозвучании В.С. Соловьева смысле как осуществление объективного духовно-рационального порядка человеческого бытия.

Отметим в этой связи, что некоторые термины, соответствующие элементам-категориям разрабатываемой таблицы, являются условными и в дальнейшем могут быть заменены более удачными.

В приведенной выше таблице получают фактическое воплощение все три объяснительных принципа построения психологического познания, описанные ранее: принципы детерминизма, развития, системности.

Принцип детерминизма. Категории каждой из вертикалей таблицы, в своей эмпирической реализации, детерминированы как "снизу", так и "сверху". Так, категория "Я" (метапсихологическая) включает в себя (в снятом виде) биологическое начало, поскольку сохраняет типологические и индивидуальные особенности нервной деятельности организма. Но в то же время приоритетной для этой категории детерминантой (если иметь в виду эмпирическое ее наполнение) выступает ноосфера, порождая бесчисленное множество вариантов человеческой индивидуальности. Таким образом, обусловленность со стороны биосферы не теряет своей силы, хотя приоритет здесь бесспорно принадлежит культурно-исторической детерминации.

Принцип развития. Переход между категориями мыслится согласно схеме восхождения от абстрактного к конкретному. Протопсихологический ряд отвечает в известной степени идее преформизма, в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне. При этом определяющую роль играет та категория, которая находится непосредственно ниже по вертикали: она образует примат по отношению к категории "выше", имеющей, соответственно, характер деривата. "Оформляющие" категории выступают в качестве условий "проращивания" возможностей, присущих категориальному ядру. Так, например, категория "ценность" является прямым развитием категории "мотив", получая свое "оформление" через категории "переживание", "отношение", "действие" и др.

В логике развертки категорий представлена реальная история развития человеческого рода и конкретного индивида, как социогенеза, так и онтогенеза. Категории, выстроенные по вертикали и расположенные на четырех горизонталях таблицы, образуют узловые пункты развития психосферы. Так, категория "личность" появляется лишь на высшей ступени социо- и онтогенеза и т.п.

Принцип системности. В приведенной выше категориальной сетке в полной мере представлен принцип системности, столь важный для теоретической психологии. К сожалению, многократно и на протяжении последних двух-трех десятилетий

принцип системности хотя и декларировался как приоритетный для психологической науки, но так и не получил конкретных воплощений и теоретического обоснования. Не были выделены общепсихологические системообразующие признаки и принципы. Приметом системности настоящей категориальной сетки является уже сам факт реализации в ней идеи восхождения от абстрактного к конкретному (представленной положением о преформизме¹⁸² переходов между категориями разных уровней, выделением категорий, имеющих характер примата и деривата, "ядерных" и "оформляющих" категорий, участвующих в категориальном синтезе), идеи восходящего и нисходящего детерминизма (представленной положением об эмпирическом наполнении каждой из категорий содержаниями вышележащих и нижележащих уровней, – в конечном счете граничащих с ноосферой и биосферой), идеи единства социогенеза и онтогенеза в выделении категорий и их взаимопереходов.

Осталось лишь прямо указать общие механизмы системообразования. В этой связи предлагается различать механизмы и соответствующие эффекты горизонтального и вертикального (синхронического и диахронического) сопряжения категорий в процессе их синтеза.

Действие механизма горизонтального сопряжения категорий основано на существовании так называемых "системных качеств", объективно присущих одноуровневым элементам категориальной сетки. Подразумевается, что наряду с явным содержанием, отличающим каждую категорию "на горизонтали", в ней присутствуют, хотя и скрыто, некие содержания, обусловленные другими категориями той же "горизонтали". Возникает аналогия с принципом полного взаимодействия субстанций, сформулированного И. Кантом (все сущее в данный момент времени включает в себе определения, присущие всему остальному, существующему в тот же момент времени). Каждая из одноуровневых категорий несет на себе "отпечаток" других категорий того же уровня.

В качестве примера рассмотрим протопсихический (от греч. "протос" – первый) уровень. Он представлен организмом, который выступает как субъект функций, служащих компонентами своего рода "генетической программы" всего "идущего вверх" психологического ряда. Внутренним побудителем активности организма служит потребность, вынуждающая его к работе, регулируемой сигналами о различаемых им внешних условиях и объектах удовлетворения этой потребности. Испытываемые организмом при этом состояния приобретают (прежде всего в конфликтных ситуациях) особую внутреннюю напряженность (аффективность), влияющую на ход жизнедеятельности.

Все компоненты категориального среза протопсихологического уровня внутренне взаимосвязаны. Они позволяют воссоздать целостную картину этого уровня, обозначенную И.П. Павловым термином "поведение". Теоретическая психология обнажает категориальную ткань этого термина. Здесь мысль движется на самой высокой и абстрактной (какая только возможна) теоретической орбите. Но каждая категория – это предельно насыщенный сгусток мощных пластов бесчисленного множества эмпирических данных, зримых глазами экспериментаторов в сотнях лабораторий. Они могли употреблять другие слова (так, в павловской школе говорили,

¹⁸² Используя биологическую метафору, можно сказать, что в категориальном развитии реализуется единство преформизма и эпигенеза.

например, не о потребности, а о подкреплении, не о различении, а о дифференцировке, не об аффективности, а о "сшибке" и т.п.). Но их категориальный смысл, будучи расшифрован средствами теоретической психологии, позволяет диагностировать роль созданного в России учения о поведении в развитии категориального ствола мировой психологической мысли. В свете сказанного следует обратить внимание на два обстоятельства. Сложившаяся на почве русской науки трактовка поведения, оказав влияние на американскую психологию, приобрела в ней особую направленность, обернувшись бихевиористской версией, которая воцарилась в этой психологии на все XX столетие. Второе же обстоятельство связано с необходимостью разграничить поведение, представляющее фундаментальный протопсихический уровень жизни, и его нейромеханизмы, реконструируемые в иных, а именно физиологических, категориях¹⁸³.

Рассмотрение любого категориального уровня выявляет его патогенетический аспект. Если выпадает или нарушается функционирование одной из расположенных на "горизонтальной" линии категорий, системное качество категориального уровня оказывается деформированным, что сказывается на всех других его компонентах. Так, личность с нарушением ее нормальной активности, либо с утратой разума, либо неспособная к соучаствованию оказывается смещенной в область патологии.

Все это позволяет видеть в категориальной системе возможности обращения не только к фило- и социогенезу, но и к патогенезу личности.

При этом каждая категория, лежащая "выше" по вертикали, может рассматриваться как выявленное (посредством оформляющих категорий) системное свойство нижележащей категории, выступающей в качестве ядерной. Обращаясь к идее существования и выявления (извлечения) подобных латентных качеств, удастся осмыслить такой признак системы, как ее целостность. Действие механизма вертикального сопряжения категорий определяется тем, что каждая "промежуточная" категория, как это уже неоднократно было показано, на вертикали представляет собой явление по отношению к категории предшествующей и сущность по отношению к категории последующей. Бытие категории в качестве явления и в то же время сущности соответствует такой характеристике системы, как иерархичность ее организации.

Все сказанное не может не поставить под сомнение длившиеся десятилетиями поиски некоей "клеточки", которая, как предполагалось, должна была заключать в себе (а в своем развитии – порождать) все психические свойства, качества, процессы. Первым на бесперспективность такого подхода обратил внимание М.Г. Ярошевский в начале 70-х годов. В роли таких "клеточек" выступали: "рефлекс", "реакция", "знак", "значение", "смысл", "гештальт", "стимул-реакция", "установка", "действие", "отношение" и т.п. В ходе последующего критического рассмотрения каждая из этих "клеточек" так и не выступила единственным создателем психического в глазах психологического сообщества, что привело к утрате этим сообществом целостной картины психического мира, к распаду научных школ и деградации их исследовательских программ. Неудивительно это упорство в поисках неуловимой

¹⁸³ Этот вопрос детально освещен в монографии М.Г. Ярошевского "Наука о поведении: русский путь" (Москва-Воронеж, 1996).

"клеточки". Для психологов советского периода эти попытки были более чем естественны. Примером служил К.Маркс с его идеей "товара" как клеточки функционирования и развития капиталистического производства. Сегодня мы видим, что эти попытки, по крайней мере, применительно к психологии, при всей их честности и добросовестности, были обречены. Основа содержательной интерпретации психосферы – это не отдельно взятая "клеточка" в ее развитии, а сложная, многоступенчатая, внутренне связанная, но качественно своеобразная система категорий, находящая источники своего развития и внутренней организации в природе и обществе.

Еще раз подчеркиваем: не клеточка, даже в своем вершинном развитии, а динамическая система несводимых друг к другу категорий способна охватить и отразить в себе психический мир человека. Итак, таблицу следует рассматривать, исходя из принципов историзма и детерминизма. В предшествующем изложении была показана регулирующая роль этих принципов применительно к изучению и объяснению фактов и законов психической жизни, отображаемых в соответствующих теоретических конструкциях. Но сами эти конструкции, благодаря категориальному анализу, стали объектом специальной рефлексии, позволяющей объяснить их рождение и смену.

Именно здесь перед нами выступила особая отрасль психологии, отличная от других ее отраслей и вместе с тем служащая тем стволу, ответвлениями которого они являются. Оставаясь застывшим, это дерево неизбежно утратило бы свои жизненные соки. Но оно развивается как постепенно, так и радикально, преобразуя в периоды, названные Вернадским "взрывами творчества", свою структуру. Это развитие обусловлено органической связью ствола этого дерева как с биосферой, так и ноосферой (и – соответственно – с науками о природе и науками о культуре и обществе). Вместе с тем научный прогресс выражен и в таком изменении его познавательных структур, которое совершается по присущей психологии собственной логике развития. Она отражает то обстоятельство, что процессы в психосфере сами приобретают детерминационное влияние на изменение живого вещества (биосферы), с одной стороны, и на развитие ноосферы – с другой.

Здесь нет необходимости раскрывать понятийно каждую из двадцати четырех "ячеек" приведенной категориальной сетки. Значительная их часть получила отражение и обоснование в настоящей книге (к примеру, категории "образ", "мотив", "личность", "общение" и др.), остальные нуждаются в развернутом научном обосновании, что не входит в задачи данной книги.

На путях дальнейшей разработки теоретической психологии ("теории теорий") все эти категории могут получить дальнейшее раскрытие и обнаружить органическую связь с объяснительными принципами, классическими проблемами, методологией психологии. В конечном счете, теоретическая психология является определяющим началом для рассмотрения отраслей и понятийного аппарата психологической науки.

Категориальный аппарат – это сложно организованный инструмент исследовательского труда. Он существует только тогда, когда работает, добывая новое знание о психической реальности. Но знание рождается не иначе как в ответ на обращенные к этой реальности вопросы. Поэтому за представляемой на социальное

обозрение и зримой в качестве ориентировочной основы для практики теоретической картиной психической жизни бьется мысль, поглощенная проблемами, уровень освоения которых определяет категориальную прочерченность этой картины.

Наряду с глобальными проблемами, о которых шла речь, поскольку от них зависит объяснение взаимосвязей психики с физическим миром и с организмом (психофизическая проблема, психофизиологическая проблема), категориальный каркас психологического познания складывается и развивается на пересечении проблемных полей, дающих научную жатву, от которой зависит степень обогащенности различных ветвей категориального древа. В ряду этих проблем: психогенетическая, ведущая от индивида к личности; психоэнергетическая с ее вектором перехода от первичных потребностей к движущим человеком ценностям и идеалам; психопрактическая, сталкивающая с необходимостью проследить спектр преобразований реактивного поведения в высшие формы активности; психогностическая, уходящая истоками в сигналы информации и восходящая к вершинам Логоса; психосоциальная, без продвижения в которой необъяснимо, почему простое различие свойств служит предпосылкой межличностных отношений, а затем – общения, переходящего в соучастование; психоэмоциональная, в контексте которой требуется проанализировать, каким образом аффективная напряженность переливается в переживание, исполненное личностного смысла.

Было бы нежелательно видеть во всем, что изложено в этой заключительной главе, лишь собственно теоретический смысл для психологии и для тех, кто ее разрабатывает и изучает. Позволительно выделить дидактическую сторону предложенной системы. Если обратиться к построению доступных нам психологических учебников и учебных пособий, то мы, как правило, имеем здесь дело с отсутствием связи между последовательно осваиваемыми психологическими дисциплинами. Так, нередко понятийный аппарат получает совершенно различную интерпретацию на разных уровнях построения учебных курсов. С целью преодоления этого очевидного порока традиционных учебных планов и учебников для высших учебных заведений А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским была предложена разработка четырехуровневой системы психологической подготовки студентов (включающая пропедевтический, базовый, практико-ориентированный, теоретический уровни). Таким образом, настоящая работа выступает в качестве ключевой для построения всей системы сквозной психологической подготовки в вузе.

Вместе с тем, обращаясь к широко распространенным учебникам и учебным пособиям, мы находим в них, в сущности, несистематизированный набор глав, посвященных психологическим понятиям. Так, из текстов учебников легко исчезают, к примеру, главы: "Внимание", "Умения и навыки" и др., а появляются "Общение", "Группы" и т.п., которые до этого в учебной литературе не фигурировали. Все это является результатом отсутствия категориального подхода к построению учебных пособий и, соответственно, курсов лекций. Не исключено, что может быть создан пропедевтический учебник психологии, базирующийся на развиваемой здесь идее четырех категориальных уровней. Таким образом, студенты будут иметь возможность познакомиться с категориальным аппаратом, организующим весь строй основных психологических понятий.

Данная глава имеет подзаголовок "Вместо заключения". Между тем, возможно, было бы точнее его назвать "Вместо введения", поскольку в ней, в свернутом виде, определено содержание еще не написанной – и трудно сказать, когда она будет написана, – книги "Теоретическая психология". Тогда, когда это случится, главы, составляющие содержание настоящего издания, намеренно названного "Основами теоретической психологии", будут развернуты и с необходимой полнотой представят теоретическую психологию как сложившуюся, полноценную область научного знания.

Литература

- Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. Москва-Воронеж, 1996.
- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
- Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва-Воронеж, 1996.
- Басов М.Я. Избр. психологич. произв. М., 1975.
- Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. Москва-Воронеж, 1997.
- Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
- Блонский П.П. Избр. психологич. произв. М., 1964.
- Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
- Брушлинский А.В. О субъекте психологии. М., 1995.
- Вагнер В.А. Возникновение и развитие психических способностей. Л., 1924-1929.
- Введение в психологию / Под ред. А.В. Петровского. М., 1996.
- Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1982; Т. 2. М., 1982.
- Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 1988.
- Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., 1971.
- Кольцова В.А. Идеологические и научные дискуссии в истории советской психологии. М., 1995.
- Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. Л., 1925.
- Ланге Н.Н. Психический мир. Москва-Воронеж, 1996.
- Леонтьев А.Н. Избр. психологич. произв. Т. 1, 2. М., 1983.
- Ломов Б.Ф. Системность в психологии. Москва-Воронеж, 1996.

- Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы. Т. 1. М., 1963; Т. 2. М., 1970.
- Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва-Воронеж, 1995.
- Павлов И.П. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 1, 2. М.-Л., 1951.
- Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М., 1984.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. В 2-х томах. Ростов-на-Дону, 1996.
- Петровский В.А. Личность в психологии. Парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996.
- Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1, 2. М., 1989.
- Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. Москва-Воронеж, 1996.
- Сеченов И.М. Психология поведения. Москва-Воронеж, 1995.
- Смирнов А.Д. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
- Соловьев В.С. Соч. в 2-х томах. М., 1989.
- Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
- Узнадзе Д.Н. Теория установки. Москва-Воронеж, 1997.
- Ухтомский А.А. Доминанта. Л., 1966.
- Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Т. 1, 2. СПб., 1868.
- Фельдштейн Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. М., 1995.
- Франк С.Л. Душа человека. М., 1917.
- Челпанов Г.И. Мозг и душа. М., 1912.
- Шлет Г.Г. Психология социального бытия. Москва-Воронеж, 1996.
- Эльконин Д.Б. Психологическое развитие в детских возрастах. Москва-Воронеж, 1995.
- Ярошевский М.Г. История психологии, 3-е изд. М., 1974.
- Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии, 2-е изд. М., 1974.
- Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. Москва-Воронеж, 1996.
- Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М., 1930.
- Баллон А. От действия к мысли. М., 1956.
- Джемс У. Психология. Пг., 1922.
- Дильтей В. Описательная психология. М., 1920.
- Коффка К. Основы психического развития. М.-Л., 1934.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.-Л., 1936.
- Лешли К. Мозг и интеллект. М.-Л., 1933.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.-Л., 1932.
- Титченер Э. Учебник психологии, 2-е изд. СПб., 1914.
- Торндайк Э. Процесс учения у человека. М., 1935.
- Уотсон Д. Психология как наука о поведении. Одесса, 1925.
- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1989.